

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА

Журнал рецензий № 3(16)/2018

Редакционная коллегия

Научный руководитель — ЭРЛИХ Сергей Ефроимович, д.и.н., генеральный директор издательства «Нестор-История» (Москва)

Ответственный редактор — СТЫКАЛИН Александр Сергеевич, к.и.н., ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН (Москва)

Зам. ответственного редактора — ВЕДЕРНИКОВ Владимир Викторович, к.и.н., доцент кафедры Истории отечества, науки и культуры Санкт-Петербургского технологического института (Технический университет) (Санкт-Петербург)

Ответственный секретарь — КАЧАНОВА Елена Федоровна, издательство «Нестор-История» (Санкт-Петербург)

Члены редакционной коллегии

АКСЕНОВ Владислав Бэнович, к.и.н., доцент, старший научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва)

КОЧЕГАРОВ Кирилл Александрович, к.и.н., старший научный сотрудник Института славяноведения РАН (Москва)

ЛЕОНТЬЕВА Ольга Борисовна, д.и.н., профессор кафедры международных отношений Самарского государственного университета (Самара)

ПРОЗУМЕНЩИКОВ Михаил Юрьевич, к.и.н., заместитель директора Федерального казенного учреждения «Российский государственный архив новейшей истории» (РГАНИ) (Москва)

ТАХНАЕВА Патимат Ибрагимовна, к.и.н., старший научный сотрудник Института востоковедения РАН (Москва)

ТЕСЛЯ Андрей Александрович, к.филос.н., старший научный сотрудник Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета (БФУ) им. Иммануила Канта (Калининград)

ТИХОНОВ Виталий Витальевич, к.и.н., ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва)

ТРОИЦКИЙ Юрий Львович, к.и.н., доцент кафедры теории и истории гуманитарного знания ИФИ РГГУ, заместитель директора ИФИ РГГУ по методической работе и историческому образованию (Москва)

УЛУНЯН Арутюн Акопович, д.и.н., главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва)

ШОКАРЕВ Сергей Юрьевич, к.и.н., доцент кафедры источниковедения Историко-архивного института РГГУ (Москва)

Редакционный совет

ГЛУШКОВСКИЙ Пётр, к.и.н., зам. директора Института русистики Варшавского университета (Польша)

ГОЛУБЕВ Алексей Валерьевич, к.и.н., преподаватель (assistant professor), Хьюстонский университет (США)

КАСЬЯНОВ Георгий Владимирович, д.и.н., проф., зав. отделом Института истории НАНУ (Украина)

КАРАВАШКИН Андрей Витальевич, д.ф.н., проф. кафедры истории и теории культуры факультета истории искусства РГГУ (Москва)

КИЯНСКАЯ Оксана Ивановна, д.и.н., проф. кафедры литературной критики Института Массмедиа РГГУ (Москва)

НЕМЦЕВ Михаил Юрьевич, к.филос.н., доцент Новосибирского государственного университета экономики и управления (НГУЭУ-«НИНХ»), сотрудник Российской академии народного хозяйства и государственной службы (РАНХиГС) (Новосибирск, Москва)

ПАНАРИН Сергей Алексеевич, к.и.н., руководитель Центра исследований общих проблем современного Востока Института востоковедения РАН (Москва)

ПОЛЯН Павел Маркович, д.г.н., профессор, почетный профессор СКГУ/СКФУ, директор Мандельштамовского центра ЕИУ ВШЭ (Москва)

СМИТ Кэтрин Е., PhD, проф., Школа дипломатической службы им. Э. Уолша, Джорджтаунский университет (США)

УСПЕНСКИЙ Федор Борисович, член-корр. РАН, зам.директора Института славяноведения РАН (Москва)

УШАКИН Сергей Александрович, PhD, проф. антропологии и славистики Принстонского университета (США)

ФЕЛЬДМАН Давид Маркович, д.и.н., проф. кафедры литературной критики Института Массмедиа РГГУ (Москва)

ХАВАНОВА Ольга Владимировна, д.и.н., зам. директора Института славяноведения РАН (Москва)

ШНИРЕЛЬМАН Виктор Александрович, д.и.н., главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН (Москва)

ШУБИН Александр Владленович, д.и.н., главный научный сотрудник ИВИ РАН, профессор РГГУ (Москва)

Перепечатка материалов допускается только с письменного разрешения редакции журнала

Издается с 2014 г. Выходит 4 раза в год
ISSN 2409-6105

Издатель

ООО «Нестор-История»
197110, Санкт-Петербург, Петрозаводская ул., д. 7
Тел. (812)235-15-86, e-mail: nestor_historia@list.ru, www.istorex.ru

Отпечатано в АО «Первая Образцовая Типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
тел. (499) 270 73 00
Заказ № 1573

Дата подписания в печать 28.09.2018

КОЛЛЕКТИВНАЯ ПАМЯТЬ

Постпамять

- 11 *«Я действительно считаю, что личный опыт может служить лабораторией для исследований и теоретических рассуждений». Интервью с М. Хирш*
- 20 **М. ХИРШ, Л. СПИТЦЕР** *Скромные шаги по возмещению: из неволевого наследия Холокоста в Румынии*
- 45 **Е. МОРТАРА** *Между памятью и постпамятью: Лицо моей матери в молодости и другие истории (Доклад, представленный на конференции «Past (Im)Perfect Continuous. Trans-Cultural Articulations of the Postmemory of WWII». June 26-28, 2018, University of Rome, La Sapienza)*

Глобальная память

- 56 **Е. Н. ПИСАРЕВ** *Французский квадрат. Солдаты поневоле из Эльзаса и Лотарингии в военном плену на Тамбовщине*

Национальная память

- 83 **Г. Ф. МАТВЕЕВ** *Вторая мировая война в восприятии русских и поляков*

Размножение делением: Исторические парки «Россия — моя история»

- 92 **В. А. ШНИРЕЛЬМАН** *Манеж 2013–2016: публичная история России для народа? Выставки в Манеже как инструментальный подход к истории*
- 117 **М. Ю. АНДРЕЙЧЕВА** *Точка еще не поставлена*
- 120 **А. А. ТЕСЛЯ** *«Моя история»: путевые заметки*

Память травмы

- 125 *Об отце, о жизни в ссылке, о себе: уроки истории. Интервью с Г. Г. Тартыковой-Сокольниковой*

200 лет со дня рождения К. Маркса

- 138 **К. Г. ФРУМКИН** *Карл Маркс в истории экономической мысли*
- 157 **А. В. ШУБИН** *Карл Маркс: взгляд историка из XXI века*

- 178 **Е. Н. СТРУКОВА** *На пороге перемен: круглый стол к 200-летию Карла Маркса*
- 181 **А. С. СТЫКАЛИН** *Кому опасен Дьердь Лукач?*

Хроника исторической политики

- 194 **А. С. СТЫКАЛИН** *Насколько этично для профессионального историка делать вид, будто бы архивных источников не существует?*
- 198 **Г. Ф. МАТВЕЕВ** *«Странная получается логика...». Отклик на статью А. Э. Гурьянова «О попытке российских ведомств оправдать Катынь» («Историческая экспертиза». 2017. №3)*
- 204 **Л. ЛЮКС** *Краткие заметки к дискуссии о «неоевразийстве» Александра Дугина и о «классическом» евразийстве на сайте Gester.ru*

Эксцессы исторической политики. О нападении на картину И. Е. Репина

- 209 **С. Ю. ШОКАРЕВ** *О новом нападении на картину И. Е. Репина «Иван Грозный и его сын Иван 16 ноября 1581 года»*
- 212 **К. Ю. ЕРУСАЛИМСКИЙ** *Дело о картине Репина*

КАК ЭТО БЫЛО НА САМОМ ДЕЛЕ

- 214 **А. А. РЫБАЛКА** *«Мы, Раменские»: такой добрый хороший миф*
- 232 **В. Б. АКСЕНОВ** *«Патриотизм-1914»: от историографических противоречий к поиску психологической структуры*

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Обобщающие исследования

- 253 **В. А. КИТАЕВ** *Одиссея Георгия Вернадского. Рец.: Дворниченко А. Ю. Русский историк Георгий Вернадский. Путешествия в мире людей, идей и событий. СПб.: Евразия, 2017. 724 с.*
- 262 **К. А. ПАХАЛЮК** *(Не)совместимые геноциды? Рец.: Аурун Я. Государство Израиль и память о геноциде армян: от равнодушного отрицания – к запоздалому признанию / под ред. А. Д. Эпштейна. М.: ИД «Долуханов», 2017. 312 с.*
- 272 **М. БОТНАРЬ** *Рец.: De-Stalinising Eastern Europe. The Rehabilitation of Stalin's Victims after 1953, Editors: McDermott, Kevin; Stibbe, Matthew. London: Palgrave Macmillan, 2015*

Российская империя

- 283 **Г.Н. УЛЬЯНОВА**
Рец.: Благотворительность в Санкт-Петербурге. 1703–1918. Историческая энциклопедия / науч. ред. и сост.: А. П. Керзум, О. Л. Лейкинд, Д. Я. Севе-рюхин. СПб.: Лики России, 2016. 752 с.: ил.
- 292 **М.В. МЕДОВАРОВ**
Между поэзией и бюрократией: новое исследование об Иване Аксакове. Рец.: Мотин С. В. Российский славянофил на правоохранительной службе. И. С. Аксаков – сотрудник министерства юстиции и министерства внутренних дел Российской империи. Уфа: Уфимский ЮИ МВД России, 2017. 169 с.
- 300 **М.В. БАТШЕВ**
«Русский патриот с мышлением западного скептика» (опыт современной апологетики). Рец.: Портной Л. М. Граф Ростопчин. История незаурядного генерал-губернатора Москвы. М.: Бослен, 2017. 452 с.
- 305 **Н.П. ТАНЬШИНА**
В вихре гражданских войн: размышления о книге А. В. Ганина. Рец.: Ганин А. В. Повседневная жизнь генштабистов при Ленине и Троцком. М.: Кучково поле, 2016. 680 с.: ил.; 2-е изд., исп.: М.: Кучково поле, 2017. 680 с.: ил.
- 320 **С.И. МУРТУЗАЛИЕВ**
Память о русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Рец.: Русско-турецкая война: русский и болгарский взгляд. 1877–1878. Сборник воспоминаний. М.: Яуза-пресс, 2017. 512 с. (Военно-исторические книги издательства «Яуза»)
- 325 **А.А. ТЕСЛЯ**
Странная актуальность. Рец.: Кобрин К. Р. Разговор в комнатах. Карамзин, Чаадаев, Герцен и начало современной России. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 224 с.

СССР

- 329 **В.В. ТИХОНОВ**
Посттоталитарные историографии в поисках себя. Рец.: Каптев О. «Воинственная» наука: Проработка прошлого диктатур в германской и российской историографиях второй половины XX века. М.: АИРО-XXI, 2015. 352 с.

ОСТОРОЖНО: ХАЛТУРА

- 336 **Н.С. ГУСЕВ**
По ком жужжит шредер: современные научные (псевдо)исследования по истории Болгарии и Сербии конца XIX – начала XX в.

ИСТОРИЯ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

- 349 *«Мне очень важно видеть ответную реакцию студентов». Интервью с Н. П. Таньшиной*
-

ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЯ

- 357 *«Через частную историю проще увидеть разнообразие человеческой жизни». Интервью с Д. Б. Споровым*
- 366 *«Общественная значимость того, чем мы занимаемся, для меня даже важнее, чем научная». Интервью с М. А. Мельниченко*
- 376 *«Мы попробовали взять прошлое и перетащить его в настоящее». Интервью с А. В. Борзенко*
-

ИСТОРИЯ С ГЕОГРАФИЕЙ

- 385 *«Географическая экспертиза – прежде всего экспертиза самих пространственных представлений и понятий». Интервью с В. Л. Каганским*
-

ВРЕМЯ ИСТОРИКА

- 397 *«Я русский человек, но не русский националист». Интервью с С. С. Беляковым*
- 403 *«Нужно писать серьезную историю 90-х». Интервью с Г. А. Сатаровым*

- 412 **ТРЕБОВАНИЯ К ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ**

IN THE ISSUE:

COLLECTIVE MEMORY

Postmemory

- 11 *«I really believe that personal experience can serve as a laboratory for research and theoretical reasoning».*
Interview with M. Hirsch
- 20 **M. HIRSCH, L. SPITZER** *Small Acts of Repair: The Unclaimed Legacy of the Romanian Holocaust*
- 45 **E. MORTARA** *Between Memory and Postmemory: Of My Mother's Face as a Young Girl, and Other Stories*

Global Memory

- 56 **E. N. PISAREV** *French square. Soldiers captive from Alsace and Lorraine in the military captivity in the Tambov region*

National memory

- 83 **G. F. MATVEEV** *The Second World War in the perception of Russians and Poles*

«Russia is my history»: the network of historical parks

- 92 **V. A. SHNIRELMAN** *Manege 2013–2016: public history of Russia for the people?*
- 117 **M. Yu. ANDREYCHEVA** *The end has not been set yet*
- 120 **A. A. TESLYA** *«Моя история»: путевые заметки*

Memory of trauma

- 125 *About the father, about the life in exile, about myself: the lessons of history. Interview with G. G. Tartykova-Sokolnikova*

Karl Marx's bicentennial anniversary

- 138 **K. G. FRUMKIN** *Karl Marx in the history of economic thought*
- 157 **A. V. SHUBIN** *Karl Marx: a historian's view from the XXIst century*
- 178 **E. N. STRUKOVA** *On the threshold of change: round table on Karl Marx's bicentennial anniversary*
- 181 **A. S. STYKALIN** *For whom is György Lukács dangerous?*

Chronicle of historical policy

- 194 **A. S. STYKALIN** *How ethical is it for a professional historian to pretend that archival sources do not exist?*
- 198 **G. F. MATVEEV** *It is a strange kind of logic... Response to the article of A. E. Guryanov «About the attempt of Russian authorities to justify Katyn» («Historical expertise», 2017. No. 3)*
- 204 **L. LUKS** *Brief notes to the discussion about «neo-Eurasianism» by Alexander Dugin and «classical» Eurasianism on the website Gefter.ru*

Excesses of historical policy. About the attack on the painting of I. E. Repin

- 209 **S. Yu. SHOKAREV** *About the new attack on the painting of I. E. Repin «Ivan the Terrible and his son Ivan on 16th November 1581»*
- 212 **K. Yu. ERUSALIMSKY** *The case of the painting by Repin*
-

AS IT ACTUALLY WAS

- 214 **A. A. RYBALKA** *«We are Ramenskie»: such a good myth*
- 232 **V. B. AKSENOV** *«Patriotism - 1914»: from the historiographical controversy to the search for a psychological structure*
-

REVIEWS

Generalizing studies

- 253 **V. A. KITAEV** *The Odyssey of George Vernadsky. Rev.: Dvornichenko A. Yu. Russkii istorik Georgii Vernadskii. Puteshestviya v mire lyudei, idei i sobytii. SPb.: Evraziya, 2017. 724 s.*
- 262 **K. A. PAKHALYUK** *(In)compatible genocides? Rev.: Auron Ya. Gosudarstvo Izrail' i pamyat' o genocide arman: ot ravnodushnogo otricaniya — k zapozdalomu priznaniyu / pod red. A. D. Epshteina. M.: ID «Doluhanov», 2017. 312 s.*
- 272 **M. BOTNARI** *Rev.: De-Stalinising Eastern Europe. The Rehabilitation of Stalin's Victims after 1953, Editors: McDermott, Kevin; Stibbe, Matthew. London, Palgrave Macmillan, 2015*

The Russian Empire

- 283 **G.N. ULIANOVA** *Rev.: Blagotvoritel'nost' v Sankt-Peterburge. 1703–1918. Istoricheskaya enciklopediya / Nauch. red. i sost.: Kerzum A. P., Leikind O. L., Severyuhin D. Ya. – SPb.: Liki Rossii, 2016. – 752 c.: il.*
- 292 **M.V. MEDOVAROV** *Between Poetry and Bureaucracy: A New Study on Ivan Aksakov. Rev: Motin S. V. Rossiiskii slavyanofil na pravooohranitel'noi sluzhbe. I. S. Aksakov – sotrudnik ministerstva justicii i ministerstva vnutrennih del Rossiiskoi imperii. Ufa: Ufimskii YuI MVD Rossii, 2017. 169 s.*
- 300 **M.V. BATSHEV** *«Russian patriot with the thinking of a Western skeptic» (experience of modern apologetics). Rev.: Portnoi L. M. Graf Rostopchin. Istoriya nezauryadnogo general-gubernatora Moskvy. M., Boslen 2017. 452 c.*
- 305 **N.P. TANSHINA** *In the whirlwind of the civil wars: meditations on the book by A. V. Ganin. Rev.: Ganin A. V. «Pousednevnaya zhizn' genshtabistov pri Lenine i Trotskom». M.: Kuchkovo pole, 2016. 680 s.: il.; 2-e izd., isp.: M.: Kuchkovo pole, 2017. 680 s.: il.*
- 320 **S.I. MURTUZALIEV** *Memory of the Russian-Turkish war of 1877–1878. Rev.: Russko-tureckaya voina: russkii i bolgarskii vzglyad. 1877–1878. Sbornik vospominanii. M.: Yauza-press, 2017. 512 s.*
- 325 **A.A. TESLYA** *Strange current relevance. Rev.: Kobrin K. R. Razgovor v komnatah. Karamzin, Chaadaev, Gercen i nachalo sovremennoi Rossii. – M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2018. 224 s.*

USSR

- 329 **V.V. TIKHONOV** *Post-totalitarian historiographies in search of themselves. Rev.: Kappes O. «Voinstvennaya» nauka: Prorabotka proshlogo diktatur v germanskoi i rossiiskoi istoriografiiyah vtoroi poloviny XX veka. M.: AIRO-XXI, 2015. 352 s.*

ATTENTION: TRASH!

- 336 **N.S. GUSEV** *For whom the shredder buzzes: contemporary scientific (pseudo)research on the history of Bulgaria and Serbia late XIX – early XX centuries*

HISTORY AT UNIVERSITIES

- 349 *«It is very important for me to see the response reaction of students». Interview with N. P. Tanshina*

PUBLIC HISTORY

- 357 *«It is easier to see the diversity of the human life through private history». Interview with D. B. Sporov*
- 366 *«The public importance of what we do is even more important to me than the scientific one». Interview with M. A. Melnichenko*
- 376 *«We tried to take the past and drag it into the present». Interview with A. V. Borzenko*
-

HISTORY AND GEOGRAPHY

- 385 *«Geographical expertise is, first of all, an examination of spatial representations and concepts as such». Interview with V. L. Kagansky*
-

HISTORIAN'S TIME

- 397 *«I am a Russian, but not a Russian nationalist». Interview with S. S. Belyakov*
- 403 *«There is a need to write a serious history of the 90's». Interview with G. A. Satarov*

- 412 **REQUIREMENTS FOR PUBLICATION
OF ARTICLES AND DOCUMENTS**

«Я ДЕЙСТВИТЕЛЬНО СЧИТАЮ, ЧТО ЛИЧНЫЙ ОПЫТ МОЖЕТ СЛУЖИТЬ ЛАБОРАТОРИЕЙ ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЙ И ТЕОРЕТИЧЕСКИХ РАССУЖДЕНИЙ».

Интервью с М. Хирш

Ключевые слова: Марианн Хирш, постпамять, личный опыт, семейный опыт, Черновицы/Черновцы (Czernowitz, Cernăuți, Чернівці), румынский Холокост, сталинские репрессии.

Аннотация. Существует «теоретическая» установка, что автор должен эмоционально дистанцироваться от объекта своих исследований. Может, это справедливо для физики, химии и биологии, но не для гуманитарной сферы. Мы всегда эмоционально вовлечены, но не всегда отдаем себе отчет в этом. Вы — автор концепции постпамяти, которая играет ключевую роль в современных исследованиях памяти. Я только что прочел книгу «Ghosts of Home: The Afterlife of Czernowitz in Jewish Memory» («Призраки родного дома. Посмертная память о жизни еврейской общины Черновиц»), которую вы написали в сотрудничестве с вашим супругом Лео Спитцером. В центре книги — ваша личная постпамять. Это замечательная «лаборатория», которая убедительно демонстрирует, что личный опыт исследователя не является препятствием, а напротив, представляет мощный источник для исторических исследований и создания теоретических концепций. Было бы интересно обсудить, как ваш семейный опыт повлиял на ваши исследования памяти. «Призраки родного дома» еще не переведены на русский язык, поэтому я также задам несколько биографических вопросов.
DOI 10.31754/2409-6105-2018-3-11-19

Марианн Хирш — профессор английской и сравнительной литературы Колумбийского университета,

профессор Института исследований женщин, гендера и сексуальности, директор Центра исследований социальных различий Колумбийского университета. Автор книг: «The Mother / Daughter Plot: Narrative,

Psychoanalysis, Feminism» (Indiana University Press, 1989); «Family Frames: Photography, Narrative, and Postmemory» (Harvard University Press, 1997); «Ghosts of Home: The Afterlife of Czernowitz in Jewish Memory, co-written with Leo Spitzer» (Uni-

versity of California Press, 2010); «The Generation of Postmemory: Writing and Visual Culture After the Holocaust» (Columbia University Press, 2012); «School Photos in Liquid Time, co-written with Leo Spitzer» (University of Washington Press, 2019).

Беседовал С. Е. Эрлих

С. Э. Ваши родители — родом из Черновиц, города, где они испытали на себе трагические повороты истории до, во время и после Второй мировой войны: крайне правый и антисемитский румынский режим (1938–1940), сталинские репрессии (1940–1941), вторжение германских нацистов и румынский Холокост (1941–1944), новую волну сталинских репрессий (после 1944). Как им удалось выжить в таких смертельных обстоятельствах?

М. Х. Мои родители в самом деле пережили эти бурные исторические события. Еще до 1940 г. в Румынии были приняты антисемитские законы, от которых мои родители лично пострадали в то время. Мой отец не имел возможности изучать инженерное дело в Черновицком университете и должен был учиться в чехословацком городе Брно. Моя мать, которая хотела изучать медицину, не смогла поступить на медицинский факультет в Черновцах (Cernauti), т.к. там была введена квота для еврейских студентов. Она была вынуждена выбрать факультет иностранных языков. То есть румынский антисемитизм действительно сказался на их судьбах. Первое советское вторжение

в 1940–1941 гг. также было для них сложным временем. Они были тогда погружены в заботы об обеспечении своих семей и родителей. Оба быстро выучили русский язык, чтобы иметь возможность найти работу. Мой отец, который в то время был сторонником еврейского социалистического движения, надеялся, что советский режим будет обходиться с евреями лучше, чем другие европейские режимы того времени. Когда румыны вместе с нацистами вернулись в город летом 1941 г., для евреев действительно настали страшные времена. В июне 1941 г. мои родители рассматривали возможность эвакуации в глубь СССР, которой воспользовались некоторые черновицкие евреи, но были вынуждены отказаться от этой идеи, т.к. должны были заботиться о своих семьях. Черновицкое гетто было образовано в октябре 1941 г. Моим родителям удалось получить специальное разрешение за подписью румынского мэра Черновцов Траяна Поповича. Он реально старался спасти еврейское население города и избежать массовых депортаций в Транснистрию, которые затронули третью часть местных евреев. Гетто было распущено через шесть недель после основания. Мои родители смогли вернуться домой

и пережить там годы войны. Они были обязаны носить желтую звезду, были обеспокоены возможностью последующих депортаций, старались прокормить свои семьи, т.к. их родители находились в уже достаточно преклонном возрасте. Так что это было сложное время. Моим родителям было очень тяжело, но их трудности не идут ни в какое сравнение с тем, что пережили евреи, депортированные в Транснистрию, из которых половина не выжила.

С.Э. Уровень сталинских репрессий в Бессарабии и Северной Буковине был в несколько раз ниже смертного итога румынского Холокоста. Тем не менее ваши родители предпочли эмигрировать из Советского Союза в Румынию в 1945 г. Каковы были причины столь непростого решения? Как удалось получить разрешение на эмиграцию в ситуации, когда любые перемещения через границу были жестко ограничены?

М.Х. Мои родители пережили румынский антисемитизм, нацистские и сталинские репрессии. Черновцы вновь были аннексированы Советами в 1944 г., и местные евреи реально были освобождены от нацистов. При этом они столкнулись с новыми проблемами. Часть из них была в принудительном порядке отправлена на работу на шахтах Донбасса. Других призвали в Красную армию. Люди наблюдали коррупцию и репрессии советского режима и поэтому стремились на Запад. Мои родители изначально с энтузиазмом относились к возможностям социализма, но вскоре были в нем разочарованы. Вместе с тысячами

других евреев они эмигрировали в Румынию, т.к. Буковина, регион, где они жили, была поделена на северную советскую и южную румынскую части. Люди из румынской Южной Буковины получили возможность объединиться со своими семьями. Я предполагаю, что это была одна из антисемитских акций советского режима. Таким образом советские власти хотели избавиться от евреев, поскольку были обеспокоены вероятной необходимостью проведения референдума по вопросу присоединения Северной Буковины к СССР, и евреи могли бы проголосовать «против». В 1945–1946 гг. многим евреям были выданы разрешения на переезд в Румынию. Моим родителям удалось покинуть СССР, купив фальшивые документы, оставшиеся от евреев из Южной Буковины, которые погибли после депортации в Транснистрию. Мои родители эмигрировали в 1945 г., а их семья последовала за ними в 1946 г. Вскоре после этого к власти в Румынии пришли коммунисты и пути для дальнейшей эмиграции закрылись.

С.Э. Почему ваши родители не последовали совету еврей-офицера НКВД немедленно покинуть Румынию и прожили там пятнадцать лет? После 1947 г. многие еврей-коммунисты занимали руководящие позиции в румынских правительственных структурах. Влияло ли это на отношение этнических румын к еврейскому меньшинству?

М.Х. В Румынии действительно был высокий уровень сразу двух видов антисемитизма. Наряду с традиционным религиозно

мотивированным антисемитизмом присутствовал и модерный антисемитизм, обоснованный соображениями экономического и политического характера. После 1947 г. местные евреи оказались в ловушке между двумя лагерями политических оппонентов. Националисты обвиняли евреев в принадлежности к коммунизму, а коммунисты считали их агентами «капиталистического Запада». Мои родители долго не могли покинуть Румынию, потому что на их попечении оказались престарелые родители и ряд больных родственников. Возможно, у них были и другие соображения, эмиграция всегда связана с большими сложностями, особенно для людей, только переживших войну и другие лишения. Я думаю, что в итоге мои родители сожалели, что не уехали раньше. К 1961 г. все мои бабушки и дедушки умерли и ничто больше не удерживало моих родителей в Румынии.

С. Э. Многие советские евреи, получавшие разрешение на выезд в Израиль, предпочитали остаться в Австрии в поисках возможностей оказаться в США. Ваша семья сделала то же самое. Почему ваши родители решили не ехать в Израиль? Испытывали ли вы проблемы, пребывая в Австрии, и как долго вы там жили?

М. Х. Когда мы покинули Румынию, то имели только въездную визу в Израиль и австрийскую транзитную визу. Мы были лица без паспортов и гражданства. Въезжая в Австрию, мы думали, что пробуем там один день перед отправлением в Израиль. Но мои родители

по различным соображениям решили остаться в Австрии на более длительный срок. Хотя мой отец в юности входил в «Ха-шомер ха-цаир», молодежную сионистскую социалистическую организацию, ко времени нашей эмиграции он уже настороженно относился к тому, что называется «еврейским экспериментом в Израиле» и был обеспокоен тамошними политическими проблемами. Для моей матери препятствиями являлись новый язык и тяжелый климат. Поэтому они решили задержаться в Австрии и обдумать, где им следует строить новую жизнь. Профессиональные навыки были единственным «активом», который мои родители вывезли из Румынии. Отцу тогда было пятьдесят, матери — сорок четыре. Естественно, им хотелось забыть о прошлых лишениях и провести остаток жизни в условиях относительного комфорта и свободы. В Австрии мы оказались в очень сложной ситуации. Мой отец был инженером и сразу нашел работу, но поскольку он не имел визы, то не мог получить постоянную позицию. Отец решил, что американская демократия более всего соответствует его идеалам, и через год мы получили разрешение на въезд в США на основании австрийской системы квот.

С. Э. Насколько сложно было адаптироваться в американском обществе? Получали ли вы поддержку от еврейской общины? Встречались ли вы с антисемитскими настроениями своих школьных ровесников или других лиц?

М. Х. Мы приехали в США в 1961 г., в период экономического подъема.

Это была эра «Спутника», и наука развивалась быстрыми темпами. Мои родители очень быстро нашли работу по специальности. Отец работал инженером, мать — преподавала иностранные языки. В Европе она преподавала английский, в Америке — французский. С материальной точки зрения у нас не было особых проблем. Еврейская община Провиденса (Род-Айленд) тепло приняла нас и помогла обустроиться. Они сняли нам квартиру и снабдили ее всем необходимым усилиями волонтеров местной еврейской общины. Они были щедры к нам, и мы крайне благодарны им за это. У матери были проблемы с интеграцией, поскольку американская культура чрезвычайно далека от привычного ей центрально-европейского контекста. Отец с огромным энтузиазмом воспринял свое превращение в американца. Мы действительно встречались с проявлениями антисемитизма в США, но в тех местах, где мы жили, еврейские общины были весьма влиятельны. Американский антисемитизм далеко не достигал европейского уровня.

С. Э. Ваша семья пережила четыре репрессивных режима и три эмиграции. Вы размышляли о том, как ваш персональный и семейный опыт повлиял на выбор памяти в качестве сферы ваших исследовательских интересов?

М. Х. После четырех с лишним десятков лет академической деятельности я склонна считать, что значительная часть нашей работы имеет личную мотивацию, даже если мы заставляем себя хранить «объективность» в отношении предмета на-

ших исследований. Разумеется, что моя работа подвержена влиянию моих персональных обстоятельств, и я принимаю это и не пытаюсь с этим бороться. Моя вовлеченность в феминизм была обусловлена личными и политическими мотивами, но, разумеется, также и профессиональными соображениями. Феминизм давал простор для политической работы, которая вместе с тем имела теоретический характер, т. к. требовала переосмысления общепринятых категорий и парадигм. Я действительно считаю, что личный опыт может служить лабораторией для исследований и теоретических рассуждений. Когда в середине восьмидесятых я участвовала в формировании исследований памяти, для многих из нас, трудившихся над созданием этого направления, личные обстоятельства служили платформой для совместных размышлений. Разработанное мной понятие постпамяти возникло из личного смысла, в котором военный опыт моих родителей образовал ткань моих собственных воспоминаний, несмотря на то, что я не испытала ничего подобного в своей жизни и, строго говоря, не могла этого помнить. Я чувствовала, что некоторые события их личной истории стали частью моей памяти, и это порождало необходимость найти понятие, позволяющее описать данный феномен. Разумеется, он не сводится исключительно к моему опыту. Я читала работы многих еврейских писателей и художников второго поколения, а также потомков как американских рабов, так и других социальных групп, переживших исторические катастрофы. Я чувствовала, что их памяти вос-

крешают определенные стороны моего личного опыта. В этом смысле личное связывает нас с теми, кто обладает сходным опытом, и превращается в межличностное. В середине восьмидесятых память о Второй мировой войне выдвинулась на ведущее место в гуманитарной среде. Прежде всего, после падения Берлинской стены и развала Советского Союза стали открываться архивы и ученые получили возможность вести исторические исследования на новом документальном уровне. Во-вторых, люди моего поколения оказались в тот момент готовы слушать рассказы жертв нацистского Холокоста, советского режима и т. д. Потребовалось немало времени для того, чтобы мы были готовы слушать истории такого рода. Кроме того, тогда возникло беспокойство, что выжившие жертвы Второй мировой войны скоро умрут и никто больше не поведаст нам их историй. Многие коллеги, входившие в середине восьмидесятых в сообщество исследований памяти, испытывали влияние семейных обстоятельств, но это был не единственный мотив их деятельности.

С. Э. При каких обстоятельствах вы получали сведения о трагическом опыте ваших родителей? Существовали какие-либо семейные традиции воспоминаний (еврейские религиозные праздники, встречи с родственниками и друзьями, семейные праздники и т. д.), или это происходило случайным образом?

М. Х. Многие дети выживших в Холокосте и других катастрофах сообщают, что их родители ничего

не рассказывали им о пережитом, и поэтому детям приходилось самостоятельно воображать, что именно пережили или не пережили их семьи. Моей семье и моему сообществу подобное молчание было не свойственно. Я выросла в Бухаресте в окружении людей из Черновиц. Некоторые, например мои бабушки и дедушки, хотя и жили в Румынии с 1918 г., так и не выучили румынский, говорили между собой на немецком и готовили блюда по черновицким рецептам. Румынская культура была для них чужой. Они непрерывно говорили о «Войне», слово «Холокост» ими не использовалось. Практически каждый день рассказывались истории о войне и о том, что им было известно о Транснистрии. Эти воспоминания не приурочивались к религиозным праздникам, т. к. наша семья не соблюдала обрядов. Не было и многолюдных семейных встреч, т. к. судьба разбросала наших родственников по свету. Многие остались в СССР, и длительное время у нас не было возможности встречаться с ними. Многие эмигрировали в Австралию, Израиль, Канаду, США и в различные части Европы. Поэтому оставались семейные истории, которые были до поры неизвестны моим родителям. Помню, что в 1958 г. мои черновицкие кузены приехали в Бухарест и мы обменивались историями о депортациях в Транснистрию и о судьбах других родственников. То есть для нас это всегда были живые истории. Разумеется, тогда я не связывала эти истории с тем, о чем узнала позднее, о нацистских лагерях вроде Аушвица и об опыте евреев в других частях Европы. При этом мои родители

всегда считали, что выпавшие на их долю трудности не идут ни в какое сравнение с испытаниями западноевропейских евреев, отправленных в нацистские лагеря. Когда в 1980-е термин «переживший Холокост» (Holocaust survivor) стал использоваться в США и я говорила родителям, что они подпадают под это определение, принятое Американским мемориальным музеем Холокоста, они отказывались применять этот термин к себе. Мои родители действительно жили в гетто и носили желтую звезду, но они считали, что термин «переживший Холокост» должен ограничиваться только выжившими в нацистских концентрационных лагерях.

С.Э. Ваши родители, так же как и многие черновицкие евреи, были воспитаны в духе почтения к высокой немецкой культуре. Личной трагедией знаменитого уроженца Черновиц Паула Целана стал факт, что носители этой культуры сотворили Холокост. У ваших родителей были подобные чувства?

М.Х. Черновицкие евреи были сильно ассимилированы. Уже поколение моих дедушек и бабушек перешло с идиша на немецкий и считало родными немецкий язык и немецкую культуру. Еще поколение, предшествующее Целану, создало в Черновицах значительную еврейскую литературу на немецком языке. Несмотря на то, что до 1940-х Черновицы входили в состав Румынии, местные еврейские авторы продолжали писать на немецком. Целан и мои родители воспитывались в Румынии, ходили в румынскую

школу, при этом они овладевали немецким литературным языком. Разумеется, они были разочарованы. Для Целана, как вы упомянули, это была личная трагедия. Но мои родители не отказались от немецкого, он продолжал оставаться их языком, они не отождествляли нацистский режим с культурой, которой восхищались, и писателями, которых читали, они смогли отделить нацистов от немецкой культуры, которую считали своей. Как известно, Целан писал, что немцы должны отмыть и вычистить свой язык, загрязненный и обезображенный нацистской риторикой. Для моих родителей немецкая культура и язык сохраняли важное значение, в том числе и потому, что многие из их любимых писателей, Стефан Цвейг, Лион Фейхтвангер и другие, воспринимались ими как еврейские писатели.

С.Э. Повлияли ли посещения Черновцов и работа над книгой «Призраки родного дома» на вашу личную постпамять? Каков был в вашем случае эффект «мест памяти»?

М.Х. Это серьезный вопрос. Я думаю, что слушание в детском возрасте историй, в которых убедительно и живо описывались различные места Черновиц, привело к созданию особой ментальной картины. Работы писателей и художников второго поколения часто состоят из теней и следов, в которых часто нет ничего специфического, позволяющего связать постпамять с конкретным материалом времени и места. Эти образы приобретают конкретный характер, когда вы оказываетесь

в том самом месте, которое на самом деле уже не совсем то место, поскольку прошло много лет и с местом произошли культурные изменения. Это своего рода сверхъестественный опыт. Я до сих пор помню, как я воображала особое место, о котором рассказывали родители, место возле железнодорожного вокзала, откуда их были должны депортировать, и где они решили повернуть назад в гетто и пытаться получить разрешение остаться в городе. Они всегда описывали это место определенным образом, но когда я пришла туда вместе с ними, то увидела нечто значительно отличающееся от того, что я воображала. Сейчас у меня в сознании сосуществуют две картинки: та, которую я всегда носила с собой, и та, которая возникла после посещения этого места. В первом случае это угол, во втором — перекресток четырех дорог. Это весьма символично — остановиться на перекрестке и пойти другим путем вместо заранее предназначенного. Для меня это приобрело важное символическое значение. Следовательно, моя личная постпамять была существенно затронута посещением места, но посещение не искоренило тот образ, который существовал у меня ранее. Это показывает, что память состоит из ряда наслоений. На личную память наслаивается память других людей, культурная память, литературные образы и т.д. Поэтому я считаю, что персональная и семейная памяти всегда формируются публичными дискурсами и образами, которые циркулируют в медиа. Я считаю, что личное — это всегда не только узко индивидуальное. Вот как бы я описала, что произошло

во время путешествия назад в Черновцы вместе с моими родителями.

С.Э. Над какими проектами вы работаете сейчас? Каковы ваши творческие планы?

М.Х. Я продолжаю работать в сфере исследований памяти, где сейчас осуществляю два различных проекта. Один из них — в сотрудничестве с моим мужем историком Лео Спитцером. Мы работаем над книгой о школьных фотографиях, которая будет называться «Посмертная жизнь школьных фотографий» (The school photos and their afterlives). Этот проект был вдохновлен нашим исследованием о Черновицах, поскольку тогда мы заинтересовались жанром школьных фотографий. Эти фото свидетельствуют, как школьное обучение ассимилирует детей в сообщество, в коллектив. И каким образом эти коллективы формировались режимами, где существовали преследования, где была дискриминация и где практиковалась сегрегация. Черновицкие сюжеты — интересная часть этой книги, поскольку местные евреи чувствовали себя комфортно, и на школьных фотографиях вы видите интеграцию евреев с неевреями, обучающимися совместно в общественных школах. Несмотря на это, евреи были отделены от большинства и депортированы в Транснистрию. Эта книга не только об испытаниях, выпавших евреям, но и о других режимах, которые ассимилировали культурные меньшинства: афроамериканцев, коренных американцев, другие меньшинства в различных частях Европы. Другой проект — моя обзор

щающая книга о памяти для будущего. Я увлечена культурной памятью, которая затрагивает трагические и насильственные события в истории евреев и других народов. Я хочу рассмотреть, как трагические события в истории различных наций осмысливались в ходе их взаимных

отношений, как они переосмысливались в двадцать первом веке и как при этом изменялось само понятие культурной памяти. Таковы мои ближайшие планы.

С.Э. Огромное спасибо за интервью.

"I REALLY BELIEVE THAT PERSONAL EXPERIENCE CAN SERVE AS A LABORATORY FOR RESEARCH AND THEORETICAL REASONING".

Interview with M. Hirsch

Marianne Hirsch – professor, Columbia University (USA)

Key words: Marianne Hirsh, post-memory, personal experience, family experience, Czernowitz (Cernauti, Chernovtsy, Chernivtsy), Rumanian Holocaust, Stalin's repressions.

Abstract. There is a "theoretical" assumption that a researcher should be emotionally distanced from the object of his or her research. Maybe it is relevant for physics, chemistry and biology but not for humanistic studies. We are always emotionally involved but do not always reflect on that. You are the author of the concept of postmemory, which plays a crucial role in current memory studies. I have just finished reading your and your husband Leo Spitzer's book "Ghosts of Home: The Afterlife of Czernowitz in Jewish Memory". The core of it is based on your personal postmemory. It is an excellent "laboratory", which impressively demonstrates that personal background of a researcher is not an obstacle but, on the contrary, is a powerful source for creation of historical research and theoretical concepts. It would be very interesting to have a discussion about how your family experience influenced your work in memory studies. "Ghosts of Home" is not translated into Russian; therefore I have to ask some biographical questions.

М. Хирш, Л. Спитцер

СКРОМНЫЕ ШАГИ ПО ВОЗМЕЩЕНИЮ: ИЗ НЕВОСТРЕБОВАННОГО НАСЛЕДИЯ ХОЛОКОСТА В РУМЫНИИ

Ключевые слова: Холокост в Румынии, Транснистрия, детская поэзия в концлагере, постпамять, возмещение, восстановление, восстанавливающее чтение.

Аннотация. Что значить пережить или унаследовать травматические события, которые остаются не проработанными в течение многих десятилетий? Наше эссе посвящено историческим катастрофам, которые были забыты или отрицались и не рассматриваются национальными и международными органами с точки зрения ответственности и юридического признания. В центре внимания находится поэтическое наследие очень юного автора, которое рассматривается в контексте других деятелей искусства, депортированных в Транснистрию. Этот регион был аннексирован Румынией в годы Второй мировой войны и стал «забытым кладбищем», где погибли сотни тысяч евреев, цыган и политических заключенных. Подобно тому как Транснистрия до сих пор не включена в общепринятые концепции преследований и истребления в ходе Холокоста, интеллектуальное и художественное творчество, осуществлявшееся в лагерях и гетто данного региона, до сих пор находится за пределами парадигмы литературы и искусства Холокоста. Художники и писатели, заключенные в лагеря и гетто Транснистрии, все еще малоизвестны. Наше исследование стремится пролить свет на эту малоизвестную главу истории Холокоста. Вместе с тем ставятся более широкие вопросы о возможности последующего возмещения и нуждах тех представителей поколений постпамяти, кто наследует эти болезненные истории.
DOI 10.31754/2409-6105-2018-3-20-44

1. НЕВОСТРЕБОВАННОЕ НАСЛЕДИЕ

Несколько лет назад в Венской библиотеке в Лондоне у нас была запланирована беседа о Черновицах — заметном восточноевропей-

ском городе, который был провинциальным центром Габсбургской империи и в котором проживало

Спитцер Лео — профессор Дартмутского колледжа (США); poldispitzer@gmail.com

Первая публикация: Marianne Hirsch & Leo Spitzer. Small Acts of Repair: The Unclaimed Legacy of the Romanian Holocaust // Journal of Literature and Trauma Studies (The special issue “Figurations of Postmemory”). Vol. 4. No. 1–2, Spring/Fall 2015. P. 13–42.

© Хирш М., Спитцер Л., 2018

Хирш Марианна — профессор Колумбийского университета (США); mh2349@columbia.edu

значительное число немецкоязычных сильно ассимилированных евреев. К тому времени только вышла написанная нами книга о том, как этот город продолжает жить в еврейской памяти (*Hirsch, Spitzer* 2010). За несколько недель до беседы мы получили пакет от д-ра Гарри Джарвиса из английского Борнмута, который собирался принять в ней участие. В пакете содержалась небольшая подборка статей о Черновцах, которые он написал для еврейского генеалогического журнала.

Несмотря на то, что д-ру Джарвису тогда было уже далеко за восемьдесят, он настойчиво стремился поговорить с нами. Он писал, что прочел нашу книгу и хочет показать нам несколько важных для него вещей.

После того как мы встретились с д-ром Джарвисом и узнали, с какими разочарованиями он столкнулся, пытаясь поведать различным частным лицам и представителям организаций, что пережила его семья в годы войны, мы поняли, почему он с таким нетерпением ищет внимательных слушателей. Д-р Джарвис (чьё настоящее имя было Яслович) родился и вырос в Черновцах (*Sernăuți*, таким образом Черновицы были переименованы в годы румынского правления), но покинул город в 1930-х, в период нараставшей антисемитской кампании в Румынии, и уехал изучать медицину в Англию. Его родители и десятилетняя сестра Соня остались в Черновцах. В ходе массовой кампании «этнических чисток», проводимых фашистскими властями Румынии, отец, мать и сестра

были депортированы на восток в регион, получивший наименование Транснистрия. Им довелось выжить в жутких условиях гетто и концентрационных лагерей Транснистрии. В начале 1944 они сумели покинуть Тираспольское гетто и перебраться в Бухарест. Там отец Гарри вскоре умер от туберкулеза, которым заразился в концлагере, а Соня по иронии судьбы стала «побочной жертвой» авиации союзников, бомбившей нефтехранилища неподалеку от румынской столицы. Ей едва исполнилось семнадцать.

После войны безутешная мать Джарвиса переехала к сыну в Лондон. Она привезла с собой семейные документы, которые удалось сохранить, в том числе папку стихотворений дочери, написанных в Транснистрии. Часть из них была иллюстрирована рисунками, которые она нарисовала незадолго до гибели. Понимая важность этих свидетельств, а также их возможные литературные и художественные достоинства, Гарри Джарвис в начале 50-х отправился в Израиль и передал их в только что учрежденный музей Холокоста Яд Вашем. Он надеялся, что музей сделает эти материалы достоянием публики и таким образом наследие Сони Яслович будет сохранено. Кроме того, он надеялся, что его дар поможет пополнить фактами скудное в то время знание о Транснистрии и геноциде евреев в Румынии.

Из этого ничего не вышло. Хотя записи Сони Яслович были приняты на хранение, но они не привлекли внимания сотрудников Яд Вашем,

Рис. 1. Соня Яслович с родителями (Черновцы, 1938)

и даже сегодня их не удалось обнаружить в списках материалов музея, опубликованных на его веб-сайте. Расстроенный таким отношением Гарри Джарвис тем не менее не сдался и вплоть до своих последних дней передавал документы, статьи и книги, имеющие отношение к Черновицам, Транснистрии и испытаниям, выпавшим тамошним евреям, которые он собирал годами, различным архивам, чаще всего не ведавшим об этой необычной истории геноцида и выживания. Джарвис встретился с нами, пребывая в тревожном состоянии по поводу того, что случится с доставшимся ему тяжким наследием, которое он будет способен хранить лишь недолгое оставшееся ему время. Его выросшие в Британии дети не проявляли интереса к прошлому черновицкой семьи. Поэтому он видел в нас представителей *постпоколения*, которые могут быть

заинтересованы в восприятии, понимании и передаче истории, которая, он беспокоился, умрет вместе с ним. Он был особенно озабочен тем, чтобы стихи Сони попали к кому-то, обладающему литературной подготовкой, чтобы он «сделал с ними, что хочет». Чтобы они, даже если никогда не будут опубликованы, были прочитаны должным образом.

Стихи Сони Яслович, подаренные нам Гарри Джарвисом с указанием делать с ними «что хотите» — это поручение, которое указывает, что он хотел, чтобы мы с ними что-то сделали, тронуло нас и одновременно поставило в нелегкое положение. Представители наших поколений, являющиеся наследниками травматических историй геноцида, часто получают наряду с ними подобные завещанные объекты — небольшие или объемные,

рядовые или примечательные, — и мы должны решать, что с ними делать (Hirsch 2012). Толстая папка, которую Гарри Джарвис передал нам, содержала лишь малую часть произведений очень юной девушки. Но они весьма примечательны. Написанные на немецком, румынском и французском языках во время пребывания в гетто и концлагерях Транснистрии (и, несомненно, перепечатанные и снабженные иллюстрациями в Бухаресте после освобождения), они в деталях воскрешают повседневную жизнь и рабский труд депортированных евреев. Они часто отмечены юмором и иронией, отражают глубокую тоску по дому и надежду на будущее.

Разумеется, поэтическая форма попавших к нам свидетельств породила у нас некоторые фантазии, связанные как с «открытием» неизвестного талантливого поэта, так и с невероятными обстоятельствами творческого сопротивления, проявленного личностью, чья краткая жизнь была оборвана насильственной смертью. Мы полагали, что Соня может стать второй Зельмой Меербаум-Айзингер. Эта выдающаяся юная поэтесса, отдаленная родственница Паула Целана, умерла от тифа в восемнадцатилетнем возрасте в Михайловке, нацистском концлагере на восточном берегу Южного Буга, куда она была отправлена из Транснистрии. Томик из пятидесяти семи стихотворений, написанных Меербаум-Айзингер до ее депортации из Черновцов, был опубликован одновременно на ее родном немецком языке и в английском переводе. В последние годы ее поэтическое творчество не раз

включалось в различные антологии, ее рассматривают как «вторую Анну Франк» (Meerbaum-Eisinger 2008; 2005). После десятилетий забвения Зельма Меербаум-Айзингер стала международной иконой. На ее бывшем доме установлена мемориальная доска, ее стихи положены на музыку и записаны «The World Quintet», ее биографии посвящены три пьесы, поставленные в Германии, ее именем названа молодежная немецкая премия, немецкие школьники посвятили ей множество стихотворений в рамках продолжающегося «Проекта Зельма», и, разумеется, очевидным примером «трансмедийной динамики» ее образа стала страница в Фейсбуке со множеством «друзей».

Мы задавались вопросом, желаем ли мы для Сони Яслович чего-либо подобного? Преувеличенное внимание к Зельме Меербаум-Айзингер и ее поэзии со стороны постпоколений нельзя считать уникальным явлением, но будет подобное внимание приемлемой реакцией на стихи Сони Яслович в контексте ее трагически оборвавшейся жизни и неизвестности, в которой она пребывала столь долгое время? Будет ли справедлив такой ответ *postпамяти* в отношении жизни и творчества юных художников, которые, подобно Соне и Зельме, испытали столь же травматический опыт? Озабоченность, которую Гарри Джарвис передал нам вместе с папкой стихов его сестры, была, без сомнения, связана с огромными геополитическими переменами, случившимися много лет спустя Второй мировой войны. Каким образом история и поэзия

Сони Яслович могут быть понятны в контексте, когда передача памяти оборвана изменением государственных границ и политических ориентаций, оспариванием, стиранием и забыванием историй вроде Транснистрии? Каким образом постпоколения, даже задумавшиеся о необходимости поддержать усилия людей, подобных Джарвису, стремящихся увековечить память о невосполнимой потере любимых людей посреди смертоносных полей Холокоста, могут противостоять чрезвычайно ограниченным возможностям возмещения ущерба, которые сохранились спустя десятилетия отрицания и забвения?

2. ВОЗМЕЩАЮЩИЕ ПОДХОДЫ

В наиболее общем смысле возмещение ущерба (reparation) является этико-политическим и юридическим термином и состоит из официального признания несправедливости, а также из соглашения о компенсации, которое часто, но не всегда подразумевает денежное вознаграждение (Torpey 2006; 2003). Но возмещение (repair) — это также ключевой термин психоанализа, особенно важный для теории объектных отношений. Эта теория возникла в результате пересмотра наследия Фрейда, который осуществила Мелани Кляйн в своих пионерских исследованиях по детской психологии. В ранних работах 1920-х годов Кляйн использовала это понятие применительно к масштабному ущербу и экономическим бедствиям, порожденным Первой мировой войной. Но к середине 1930-х годов она, опираясь на свои

исследования детской психологии, употребляла термин «возмещение» прежде всего при описании внутренних психических процессов восстановления, обеспечивающего как интеллектуальное и психологическое развитие здорового ребенка (и впоследствии взрослого), так и способность к адекватному восприятию реальности (Klein 1975a). Возмещение возникает в результате двойственного отношения ребенка к матери как к кормящему объекту любви и как к не-всегда-присутствующему или доступному враждебному объекту, изводящему ребенка голодом и лишениями, которые порождают приступы недоверия и негодования, а также фантазии агрессии и травмы. Возмещение, позволяющее преодолеть последствия этих деструктивных и исполненных ненавистью импульсов фантазии, предоставляет ребенку возможность восстановить представление о матери как любящем, благотворном и кормящем объекте. Кляйн говорит об этом следующими словами: «Глубинное побуждение принести жертву, чтобы помочь исправить любимых людей, которые, согласно фантазиям, вредят и разрушают» (Ibid: 311).

Кляйн доказывает, что сценарий возмещения тесно связан со вторым внутренним психическим процессом — скорбью, которая позволяет ребенку «перерабатывать в своем сознании чувство утраты, порожденное реальными несовершенствами матери» (Likierman 2001: 107). Скорбь сама по себе является средством возмещения, пытающимся воссоздать свой объект (wiederherstellen) и снова сделать

его хорошим (*wiedergutmachen*). Этот процесс, утверждает Кляйн, должен быть предпринят даже в тех случаях, когда он не способен адекватно преодолеть последствия травмы или утраты. Фантазия восстановления утраченного или поврежденного объекта осложняется беспорядочными, запутанными, неконтролируемыми и противоречивыми чувствами: вины, несоответствия и разочарования, а также, что особенно тревожно, двойственностью и неспособностью вынести эти переживания. Согласно понятиям психоанализа, скорбь и возмещение — это не только вопросы внутренней проработки, они неминуемо приводят к внешним действиям (*Klein 1975b*).

Продуктивные формулировки Кляйн по поводу травмы и психологических потребностей в возмещении и скорби существенно повлияли на политические и юридические требования компенсации. Со времен Второй мировой войны, как, например, доказывает историк Линн Хант, в дискурсе прав человека присутствуют подобные требования, основанные на «эмоциональных побуждениях», которые проистекают из психологической потребности в возмещении. Они используются столь же часто, как и доводы, которые поддерживаются доводами «разума». Такова ее сжатая характеристика общепринятых в данных случаях формулировок (*Hunt 2007: 26*). Кляйнианская психология также позволяет оценить психические сложности того, что значит пережить самому или унаследовать, пусть непрямо, травматические события, которые не признаны и не

проработаны на протяжении десятилетий, другими словами, оценить психические сложности того, что значит жить с непогребенным покойником. Что делать, если нет официального органа — ни государственного, ни иного национального или международного института, для того чтобы признать или учесть политические или юридические претензии? Что делать, если отрицание и забвение продолжаются? Как постпоколения могут скорбеть? И как без возможности скорбеть они вообще могут начинать поиски возмещения?

Исследователь права Марта Миноу предлагает обнадеживающий ответ. В ее книге «Между мстостью и прощением» доказывается, что прямые жертвы и лица, пережившие массовое насилие и исторические травмы, могут начать заявлять о своих личных потребностях в возмещении ущерба, во-первых, с того, что им будет предоставлена возможность «рассказывать [свои] истории и быть выслушанными без скептицизма», во-вторых, с «обязательства создать связный, пусть сложный, нарратив о травме всей нации и умножить источники и способы высказывания о связанных с ней насилиях» (*Minow 1999: 58*). Их сочетание взаимно усиливает друг друга: каждая индивидуальная история снабжает общую историю новыми деталями, придает ей глубину и нюансы. В свою очередь включение в широкий контекст общей исторической матрицы усиливает и придает расширительное значение индивидуальным историям. Призраки все еще непроработанных историй преследуют

постпоколения, которые уверены, что в качестве исторического возмещения их, прежде всего, должны внимательно выслушать.

Ради подобного скромного акта восстановления исторической и, в данном случае, литературной справедливости, частная история Сони Яслович и малоизвестная история лагерей и гетто Транснистрии должны рассказываться вместе и сопровождаться чтением, переводом и публикацией стихов Сони, а также осмыслением обстоятельств, которые привели к их написанию. Разумеется, знание исторических условий, в которых эти стихи были созданы, может повлиять и, возможно, даже усилить впечатление от прочтения: ценность свидетельства в данном случае важнее литературных изъянов. Не следует забывать, что стихи Сони Яслович принадлежат чрезвычайно юной девушке, чье школьное образование окончилось в возрасте двенадцати или тринадцати лет. Это подростковое творчество подобно литературным текстам и рисункам других детей и подростков, безжалостно лишенных свободы в условиях гетто и лагерей. Если бы Соня не погибла и продолжала писать стихи, она, вероятно, была бы смущена тем, что ее отождествляют с ее юношескими произведениями.

Сложная психическая работа по возмещению, предложенная Мелани Кляйн, требует от нас — представителей постпоколения проанализировать наши собственные мотивы и цели, потребности и желания, прежде чем мы попытаемся рассказать эту историю и заявить

права на это невостребованное наследство. Необходимо остерегаться проекции на детские высказывания того времени наших нынешних страхов и фантазий по поводу собственной уязвимости, наших потребностей в искренности и аутентичности. Особенно следует остерегаться ловушек, которые подстерегают любую попытку политического и литературного возмещения в ситуации, когда политическое и юридическое признание и возмещение ущерба практически отсутствуют в общественном сознании. Данный подход к возмещению через скромные поступки, созвучные скромным требованиям, предлагает целый набор открытий в сфере исследований памяти. Он также выступает ответом на уязвимость личных и семейных архивов, которые выходят на свет благодаря встречам, подобным нашему короткому знакомству с Гарри Джарвисом. Таким способом можно мобилизовать подобные архивы на воскрешение и наделение личными чертами таких забытых историй, как Транснистрия. Это требует от нас выхода за пределы национальных и даже транснациональных рамок, в которых культурная память исследовалась до сих пор, и сосредоточиться на локальных историях, их динамике и смысле, а также их пространственно-временных связях с другими частными историями.

3. ЗАБЫТОЕ КЛАДБИЩЕ

Запоздалое открытие творчества Зельмы Меербаум-Айзингер, а также тщетность попыток Гарри Джарвиса добиться признания стихов его

сестры Сони могут если не прямо, то частично объясняться особенностями депортации и геноцида евреев, осуществленными румынской администрацией (Carp 1946). Значительная часть этой истории не была включена в ту парадигму депортации, геттоизации и истребления, которая сформировалась в ходе исследований Холокоста. Одной из причин отсутствия Румынии в транснациональном мастер-нарративе Холокоста стала концентрация внимания на преступлениях германского нацизма, на гетто, концентрационных лагерях и лагерях уничтожения, созданных нацистами в Центральной Европе и особенно в оккупированной Польше. Аушвиц, Трешлинка, Лодзинское и Варшавское гетто были и до сих пор остаются главными символами злодеяний геноцида. Это представление влияло даже на сотрудников и руководителей мемориалов Холокоста и исследовательских институтов, занимающихся этой проблемой. Например, перед тем как Американский мемориальный музей Холокоста с опозданием согласился в 1998 году поместить Транснистрию в качестве одного из мест убийства на стене Зала поминовения, директор музея Уолтер Райх следующим образом объяснял предыдущие отказы музея сделать это: «Мы не можем указать название каждого местечка» (Gold 2015). Ошибочное отнесение Транснистрии к местечку (shtetl) отражает неведение, широко распространенное в обществе и в академической среде в отношении обширного региона, управлявшегося румынской администрацией, где за три года погибли около трехсот тысяч евреев и цыган.

События, происходившие в Румынии в последние месяцы Второй мировой войны и в годы коммунистического правления во время холодной войны, также объясняют отсутствие этой страны в общей истории Холокоста. Фашистская Румыния была верным союзником нацистской Германии накануне и в первые три года после вторжения Германии в Советский Союз. Сотни тысяч румынских солдат сражались бок о бок с немецкими войсками. Это больше, чем общая численность войск всех остальных союзников Германии, принимавших участие в боевых действиях на Восточном фронте. Результатом этого союза стали огромные военные и экономические потери. Примерно 370 тысяч румынских солдат погибли в боях либо пропали без вести, десятки тысяч были ранены. Многие были разочарованы в своих лидерах, что придало смелости оппонентам фашистского режима. В конце августа 1944, за восемь месяцев до окончания войны в Европе, произошел государственный переворот, возглавленный королем Михаем и поддержанный коммунистами и офицерами, нелояльными режиму маршала Иона Антонеску. Румыния разорвала союз со странами оси и перешла на сторону союзников (Axworthy, Scafes, Craciunoiu 1995).

После войны власть в Румынии перешла к левым. Было организовано два Народных трибунала (в Бухаресте и в Клуже) над подозреваемыми в военных преступлениях и в жестоком обращении с населением. В ходе Бухарестского трибунала прокуратура предоставила документы о депортации евреев

в Транснистрию, также были собраны показания обвиняемых, но не их жертв. Но в отличие от Нюрнбергского процесса и процессов над членами СС, которые последовали после поражения нацистской Германии, материалы румынских процессов не были опубликованы и доступ к ним был затруднен. В «Финальном докладе Международной комиссии по расследованию Холокоста в Румынии» указывается, что решения Народных трибуналов отражают жесткую борьбу, развернувшуюся в послевоенной Румынии, «между так называемым национальным лагерем и коммунистами, поддерживаемыми советской армией. Многие румыны «рассматривали эти судебные процессы как антинациональное действие, как попытку чужеземцев и их местных подручных взять реванш». Обращая внимание на «чужаков» и «чувство мести», повлиявшие на судебные процедуры, румынские националисты лишали легитимности решения трибуналов. Поэтому природа, размах и глубина преступлений фашистской эпохи в Румынии не были усвоены румынским коллективным сознанием (ICHR 2005: 314–315, 319).

Большинству осужденных трибуналами сроки наказания были уменьшены, и почти все они были освобождены в результате амнистий 1950-х и начала 1960-х годов. Гораздо важнее, что после войны Транснистрия перестала быть румынской провинцией и регион был опять включен в состав украинской части Советского Союза. В связи с этим вопрос об ответственности за то, что здесь происходило в начале 1940-х, исчез из сознания тех ру-

мын, которые не были подвергнуты судебному преследованию. В то же время для многих выживших еврейских и нееврейских жертв депортации и ужасного насилия, а также для их родственников и потомков страдания времен войны оставались незаживающей раной. Нежелание румын придать полной гласности историю Транснистрии в сочетании с уменьшением сроков наказания для осужденных преступников являлись для евреев горьким сигналом того, что ни историческое, ни юридическое расследование этих преступлений невозможно.

В 2003 г. румынский президент Ион Илиеску был вынужден, в связи с международным возмущением по поводу заявления его правительства, что «в пределах румынских границ в период 1940–1945 не было никакого Холокоста», согласиться на созыв международной комиссии под председательством нобелевского лауреата писателя Эли Визеля для исследования истории страны в годы войны. Международная комиссия по расследованию Холокоста в Румынии выпустила свой доклад в ноябре 2004 г. (опубликован в 2005 г.), в котором приводятся неоспоримые свидетельства виновности румын. Президент Илиеску стремился к приему своей страны в состав Евросоюза. Поэтому он отказался от своего прежнего отрицания и положительно оценил результаты работы комиссии. Он заявил, что «молодые поколения обязаны знать и понимать всю правду» о «темных страницах истории нашей страны». При этом он мало что сделал, чтобы внести изменения в учебные планы для изучения того,

как Румыния участвовала в преступлениях Холокоста (Iliescu 2004). Более того, накануне истечения срока своих президентских полномочий Илиеску в ноябре 2004 г. вручил Государственную премию за верную службу стране отрицателю Холокоста Георге Бузату и наградил высшим государственным орденом лидера ультраправой партии Великая Румыния, убежденного антисемита Корнелиу Вадима Тудора. Позже при президентах Траяне Бэеску и Клаусе Йоханнисе в Бухаресте был построен Мемориал Холокоста и учрежден государственный Институт исследований Холокоста. В ряде румынских университетов в курсах еврейской истории и Холокоста действительно рассматривается участие Румынии в преследованиях, депортациях и массовых убийствах евреев, цыган и других в годы войны. Но начальная и средняя школа в этом отношении сильно отстает от университетов. В стране широко распространены отрицание Холокоста и нежелание признавать участие Румынии в этих преступлениях (Weinbaum).

Кроме того, лагеря и гетто, располагавшиеся на территории бывшей Транснистрии, большей частью пребывают в неизвестности. За исключением таких заметных городов, как Могилев-Подольский и Бершадь, еврейские кладбища заброшены, места массовых захоронений не отмечены, количество памятных знаков невелико. В результате большинство местных жителей не имеют представления о происшедших здесь насилиях и убийствах. Приезжая сюда, выжившие жертвы и их потомки далеко не всегда могут

найти места лагерей, гетто и массовых погребений. Такое забвение усугубляет скорбь, а истекшие десятилетия оставляют мало надежды на возможность политической и юридической компенсации.

Необходимо отметить, что сведения о румынском Холокосте появились вскоре после войны благодаря неофициальным свидетельствам очевидцев и выживших жертв. Например, Ханна Арендт в своей книге «Эйхман в Иерусалиме» (1963) на основании этих свидетельств определила специфику Холокоста в Румынии как «бойню в прямом смысле слова» (Arendt 1992: 191–192). Но основная часть архивных документов об этом стала доступна только после румынской революции в декабре 1989 г., а также последующего открытия архивов в Восточной Европе в результате краха Советского Союза. Доступ к этим архивам позволил изменить долговременные представления о германо-польском ядре Холокоста, его границах и масштабах. Новая многотомная энциклопедия, опубликованная Американским мемориальным музеем Холокоста, включила материалы из прежде закрытых советских и восточногерманских архивов, которые позволили расширить число нацистских и фашистских лагерей и гетто военного периода до 42 500, включая сотни на территории Великой Румынии. Это значительное расширение карты преступлений неминуемо приведет к серьезным переменам в общественном сознании. Но даже в рамках этой расширенной истории Холокоста роль Транснистрии выяснена еще далеко не полностью.

4. ТРАНСНИСТРИЯ: МЕСТО СВАЛКИ

В конце августа 1941 г. Адольф Гитлер подписал соглашение с румынским «кондукэтором» маршалом Ионом Антонеску, согласно которому Румыния в качестве вознаграждения за союз с нацистской Германией в войне против СССР получила контроль над территорией площадью примерно 65 тыс. кв. км между Днестром и Бугом, между побережьем Черного моря и рекой Лядова. Название Транснистрия возникло благодаря расположению этой территории «за Днестром [trans Nistru]» (AnceI 2003: 17–20). По соглашению, заключенному в Тигине (Бендерах), Германия имела право размещать на этой территории морские и воздушные военные базы, а также осуществлять «специальные операции», в результате которых примерно третья часть из 300 000 местных евреев были уни-

чтожены в первые месяцы германского вторжения в Советский Союз силами Айнзацгруппы «Д», мобильных отрядов смерти СС, 11-й германской, 3-й и 4-й румынских армий (AnceI 1988: 19–20). В соглашении специально не оговаривалось, что часть «спецопераций» германских войск будет осуществляться в сотрудничестве с частными строительными компаниями Тодт и Август Дорман. С этой целью из-за Буга, с территории Украины, оккупированной Германией, будут осуществляться периодические рейды для «рекрутирования» евреев на принудительные работы по строительству стратегических дорог и мостов. Но румынские власти не были обеспокоены германскими вторжениями в Транснистрию, более того, приветствовали их, поскольку они соответствовали плану маршала Антонеску: удержать и включить новую провинцию

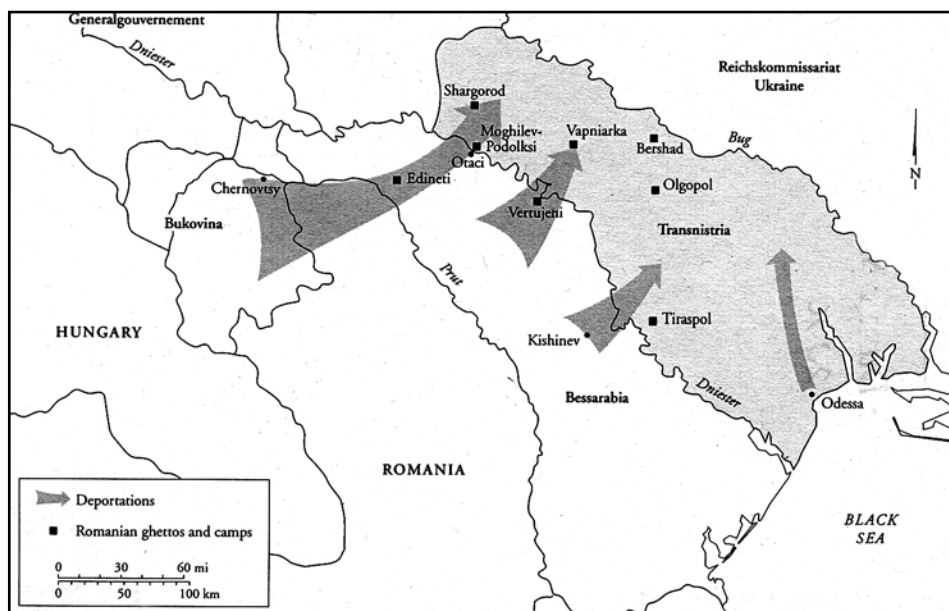

Рис. 2. Румыния с Транснистрией, 1941–1942 (на основе карт из Американского мемориального музея Холокоста)

в состав Великой Румынской империи, после победы держав оси над Советским Союзом переселить в нее этнических румын и выселить всех евреев и цыган. На практике германские военные рейды, хотя и были чрезвычайно эффективны в осуществлении убийств, не приобрели достаточного размаха, чтобы уничтожить все еврейское население провинции, особенно после решения румынских властей выслать сюда сотни тысяч евреев из отвоеванных Бессарабии и Северной Буковины (AnceI 1988; 2003: 17–19). Изначально подразумевалось, что евреи, выжившие в результате жестоких депортаций, будут отправлены за Буг на территорию контролируемой Германией Украины для «спецобработки», таким эвфемизмом нацисты обозначали уничтожение (Yad Vashem 2015). В этом плане Транснистрия рассматривалась в качестве не более чем временного «места содержания» депортированных евреев — «места свалки».

В ожидании отправки евреев за Буг, которая согласно соглашениям, заключенным в Тигине, могла быть осуществлена только «после окончания военных действий», румынские власти создали в Транснистрии десятки временных гетто и множество небольших концентрационных лагерей. Лагеря, обычно обнесенные колючей проволокой и охраняемые румынскими жандармами и украинскими вспомогательными подразделениями, располагались в заброшенных домах, амбарах, конюшнях и свинарниках на окраинах сел, в то время как для гетто отводились специальные улицы в городах и предместьях. Помещенные

туда люди страдали от скученности, антисанитарии, недостатка пищи и питьевой воды, жестоких морозов (зимой 1941–1942 в Восточной Европе были зарегистрированы рекордно низкие температуры). Вызванные этим болезни и эпидемии привели к массовой смертности.

В отличие от нацистских лагерей в Германии, Австрии, Латвии, Литве, в оккупированной Польше и на восточном берегу Буга в оккупированной Украине, которые были организованы и управлялись как часть централизованной плановой системы, румынские лагеря были устроены в порядке импровизации. Румынские лагеря, чье назначение соответствовало терминологии, использовавшейся в нацистской сети (различались лагеря «содержания», «интернирования», «политические», «трудовые» и даже «смерти»), создавались и управлялись без стратегического плана. Поэтому различия между отдельными лагерями были большими, чем различия между лагерями и такими наиболее суровыми гетто, как Шпиков и Тульчин (Golbert 2004: 218–221).

Методы убийства также сильно отличались от практики уничтожения в нацистских лагерях на территории Польши. Даже в самых страшных лагерях Транснистрии отсутствовали газовые фургоны и камеры, а также печи. Но децентрализованные, «неформальные» способы убийства были чрезвычайно жестокими. Они включали: массовый голод, лишение воды, насильственные переходы и перемещения, отравление вредной для здоровья пищей, лишение крыши над головой, морозы

и эпидемические болезни, а также расстрелы и сожжения (*Carmelby* 1997; *Shachan* 1996; USC 2015).

Карьера де Пятрэ (Каменный карьер — рум.), маленький концентрационный (трудовой) лагерь, куда Соня Яслович и ее родители были заключены до их перемещения в Тираспольское гетто и эвакуации в конце войны в Бухарест, располагался в пятнадцати километрах от Ладжинского гетто на плато, возвышающемся над берегом Буга. Ранее там был гранитный карьер, который советские власти перед войной превратили в лагерь для преступников. Вначале румыны использовали Карьера де Пятрэ в качестве в буквальном смысле свалки для сотен евреев, депортированных из Черновицкой психиатрической больницы летом 1942 г. Часть несчастных пациентов сумели выжить, укрываясь в развалинах складов и помещений охраны, выпрашивая и воруя съестные припасы. К ним присоединились около 4 000 тысяч евреев, депортированных из Бессарабии и Буковины, включая семью Яслович, мать и отца поэта Пауля Целана, Зельму Меербаум-Айзингер с ее родителями и будущего психоаналитика и сооснователя «Видеоархива свидетельств о Холокосте Алана Фортунова» Дори Лауба с матерью. Им было сказано, что это пересыльный лагерь, из которого они будут отправлены на работу в различные места (*Klara and Dori L.* 1986; *Schultz, Timms* 2009: 188, 194; *Weissglas* 1995: 31–39).

Хотя многие из евреев, отправленных в Карьера де Пятрэ, погибли здесь или поблизости — остатки пациентов психиатрической ле-

чебницы были расстреляны в конце августа 1942 г. украинскими охранниками, работавшими на румын, — лагерь действительно был пересыльным пунктом, из которого депортированных отправляли большей частью в такие места, как Михайловка на восточном берегу Буга, где нацисты создали трудовой лагерь для обеспечения трудовой силой частных компаний, которые строили дороги и мосты для германской армии. Мы располагаем лишь разрозненной информацией о Соне Яслович и ее семье в этот период заключения. У нас нет свидетельств об их повседневной жизни, о том, как они выживали, где находили пищу и кров. Мы знаем только, что большинство заключенных регулярно отправлялись на принудительные сельскохозяйственные работы в окрестностях Карьера де Пятрэ. В отличие от многих товарищей по несчастью, Соне и ее семье посчастливилось избежать отправки на принудительные работы на территории, контролируемые Германией. Сонино стихотворение «Heimweh» («Тоска по отчужденному дому») передает ее стремление вернуться домой, мрачный взгляд на мир и, в завершающих строках, попытку развеять свой пессимизм.

Heimweh

In dieser steinern Natur
wird mein Herz zu Stein
Ich bin eine Verbannte nur
verurteilt zu Qual und Pein

In meinem Herzen ist eine Bucht
so tief und breit
Es ist eine grosse Sehnsucht
Und die Heimat ist so weit

Wenn ich an meine Heimat denke
fühle ich heisse Tränen fliessen
In mir tobt und zehrt das Heimweh
Und mein Herzblut will vergiessen

Verjagt von seiner Heimatsstätte
Von seinen Lieben, Hab und Gut
Mich drückt die schwere
Verbannungskette
Geknechtet ist mein Lebensmut

Wenn mein Blick die Ferne streift
dann sehe ich alles
Grau und schwer und ach – wie mich
die Angst ergreift
Mein Herz erstirbt – wird tot und lehr

Doch weit in dieser grauen Ferne –
uns die Erlösung flammend winkt –
es leuchtet auf ein Hoffnungsfeuer!
Das zu neuer Kraft uns zwingt;

Und dieses spricht mit starker Stimme:
Ertraget euer schweres Sein,
denn nach jedem Sturmgewitter –
kommt doch wieder Sonnenschein.

Тоска по отчужденному дому

В этом каменистом краю
Мое сердце каменеет,
Я изгнанница,
Приговоренная к страданиям
и боли,

В моем сердце
Глубокий и широкий залив,
Наполненный тоской,
И отчий дом так далеко.

Когда я думаю о доме,
Чувствую, что текут горячие слезы,
Во мне бушует тоска по дому
И моя кровь хочет выплеснуться
вовне,

Оторванная от дома,
От его любви и добра
И прикованная к изгнанию
Моя жизнь порабощена.

Когда мои глаза смотрят вдаль,
Я вижу все серым и тяжелым,
И меня охватывает страх,
Мое сердце погибает – мертвеет
и пустеет,

Но в этой серой дали
Плывет спасение,
С новой силой
Зажигает надежду,

И она говорит громким голосом:
Вытерпите все тяготы жизни,
Потому что после каждой бури
Появляется солнце.

Тот факт, что, несмотря на жуткие страдания, заметное меньшинство евреев, включая семью Яслович, сумели выжить в гетто и лагерях Транснистрии, указывает на лазейки, которые существовали в режиме заключения. Те самые качества, которые позволяли характеризовать румын в сравнении с немцами как неорганизованных, непредусмотрительных, хаотичных и продажных, предоставляли депортированным и заключенным в лагеря и гетто евреям некоторые возможности выменивать продукты питания, покупать расположение тюремщиков, общаться и даже организовываться для сопротивления и выживания. Это особенно справедливо для периода после февраля 1943 г., когда, в результате поражения Германии под Сталинградом и огромных потерь Румынии на Восточном фронте, была утрачена вера в непобедимость

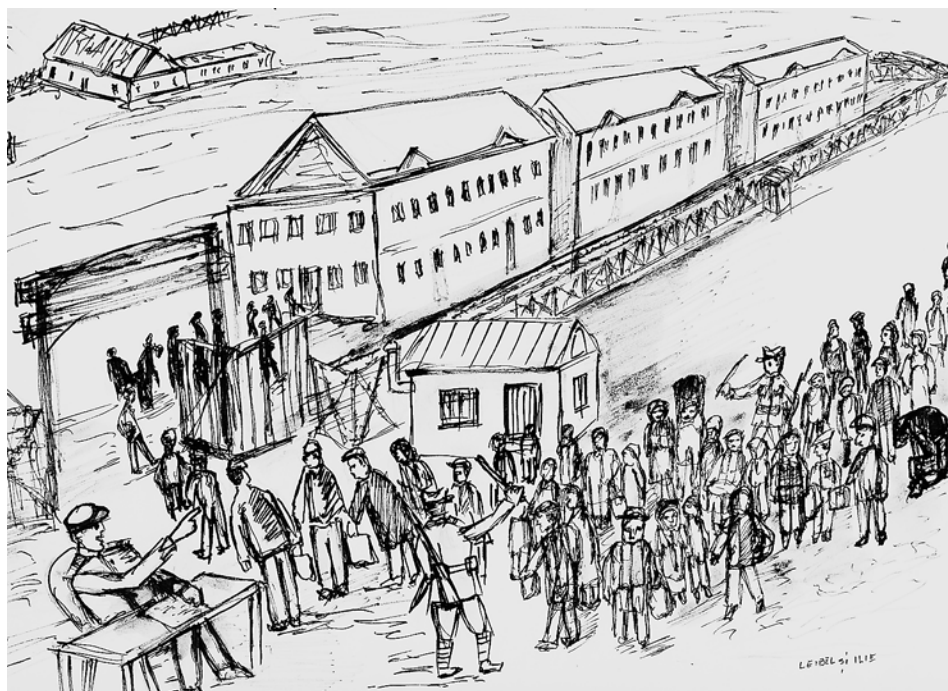
Рис. 3. Арнольд Дагани. Смерть Зельмы Меербаум-Айзингер в концлагере Михайловка (перо, бумага, 1942. Коллекция художественного музея Яд Вашем, Иерусалим, © Arnold Daghani Trust)

Германии. Некоторые румынские чиновники, стремясь не попасть под суд после победы союзников, начали в какой-то мере улучшать обращение с узниками. К весне 1943 г. евреям Транснистрии стало легче выменивать пищу, приобретать благорасположение, общаться и организовываться. Для некоторых даже стало возможным писать в дневниках о событиях и чувствах, сочинять лагерные песни, рисовать и гравировать. Это искусство очевидцев, хотя и значительно различающееся качеством, сохранилось, чтобы засвидетельствовать их опыт (Gall 1999). Эти замечательные работы образуют широкий контекст для размышлений о Соне Яслович и ее поэтических произведениях.

Самым знаменитым представителем изобразительного искусства в Транснистрии был Арнольд Дага-

ни, который впоследствии оказался в Англии и создал там значительное число выдающихся произведений. Дагани пережил двухлетнее заключение в смертоносном лагере Михайловка, выполняя художественные работы для нацистских офицеров. При этом он сумел запечатлеть в рисунках и акварелях свидетельства пребывания в Михайловке и в Бершадском гетто, куда сумел бежать с женой незадолго до того, как немцы уничтожили всех евреев, обреченных на рабский труд, на «своей» стороне Буга. Его рисунки свидетельствуют, в каких условиях пребывали евреи в лагерях и гетто.

В концентрационном лагере Вапнярка, куда румыны отправляли лиц, «нежелательных» по якобы политическим мотивам (большинство из них были евреи), заключенные активно занимались разнообразной культурной деятельностью. Значительное число рисунков и акварелей свидетельствуют о болезнях, которые убивали многих узников. Румынские власти кормили заключенных «цпыльчым горохом» (чина посевная, *Lathyrus sativus*), который атакует нервную систему, ведет к параличу, почечной недостаточности и даже смертельной агонии (Hirsch, Spitzer 2010: 198–231). Художники — узники Вапнярки оставили неоценимые изобразительные свидетельства стадий развития этой болезни, вызванных ею потерь и стремления к выживанию, которое двигало заключенными (рис. 6). Как и Соня Яслович, они сочетали ужас с приметами надежды.

№3 2018

Рис. 4 и 4а. Моше Лейбел и Илие. «Вапнярка, 1942–1943 (любезно предоставлены Давидом Кесслером)

Рис. 5. «Маленькая художественная книга из лагеря Вапнярки», посвященная д-ру Артуру Кесслеру, который установил опасные последствия, вызванные питанием заключенных *Lathyrus sativus* (любезно предоставлен Давидом Кесслером. Фото Лео Спитцера)

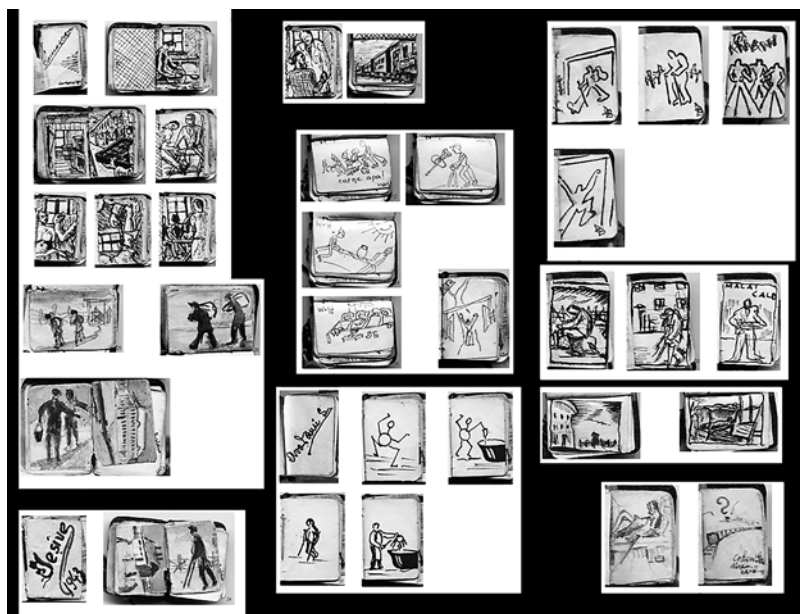

Рис. 6. Иллюстрации «Маленькой художественной книги из лагеря Вапнярки»

5. СКРОМНЫЕ ШАГИ

Художественные произведения, созданные в Транснистрии, — большинство из них до сих пор не включены в канон искусства и литературы о Холокосте — приводят к размышлениям о том, каким образом исторические нарративы, преломленные свидетельствами искусства, могут стать средствами возмещения. Произведения изобразительного искусства, сохранившиеся бегло записанные на месте фрагменты мемуаров, стихи, созданные Соней Яслович и другими авторами в лагерях и гетто, все это требует особых практик чтения, смотрения и слушания. Их детальное толкование должно сопротивляться героизации и искуплению, оно должно осуществляться в минорном ключе и в духе солидарности. Такие настройки устанавливают и расширяют концепт ответственности — не в виде обязательства, но просто способности отзываться (*Minow* 1999: 118–147; 1992: 1442–1445).

Как мы, удаленные во времени и пространстве, можем привнести этот дух в стихи Сони Яслович? Мы можем увидеть и прочесть их, стараясь связать неприметные индивидуальные истории с более широкой групповой и национальной историей. Мы пытаемся оживить истории молодых художников, подобных Соне Яслович, и тем самым противостоять отнесению их к числу неприметных деталей исторического фона. Мы пытаемся сохранить ткань ее жизни, тембр ее голоса, остроту ее юмора на основании того, что от нее осталось — нескольких фотографий и рисунков, немногих поэтических строчек. Но что еще

мы способны сделать? Должны ли мы заполнить пробелы, вообразить то, что не в состоянии знать, или мы должны привлечь внимание к лагунам, подчеркивая неисполнимость желания их устранить? Предложенное Ив Кософски-Сэджвик понятие «восстановительного чтения» может быть полезным в попытке «востребовать» наследие, подобное оставшемуся от Сони Яслович. В противоположность параноидальному чтению, которое ориентируется на уже predetermined финал, восстановительное чтение открыто сюрпризам, случайностям, альтернативным точкам зрения. В такой перспективе можно, в терминах Сэджвик, допустить возможность того, что «прошлое <...> не обязательно должно было идти тем путем, каким оно пошло на самом деле» (*Sedgwick* 2003: 146). Какие возможности открывает перед нами восстановительное чтение стихов Сони Яслович?

Все сохранившиеся стихи Сони Яслович были написаны в период пребывания в Транснистрии, вначале в Карьера де Пятрэ, затем в Тираспольском гетто. Возможно, что она писала стихи и до депортации, но они не были обнаружены. Использование, хотя с неравным мастерством, различных языков — немецкого, румынского и французского (точнее «румыно-французского») — свидетельствует о богатой мультикультурности черновицких евреев, среди которых она воспитывалась. Эти стихи показывают, что Соня пыталась сохранить свою среду, несмотря на то, что она и ее обитатели были уничтожены. Мультикультурность и многоязычие ее стихов не позволяют вписать их в определенную национальную

литературную традицию, что затрудняет их публикацию и признание. В связи с этим необходимо отметить, что нам удалось разместить часть ее произведений в переводе на французский в посвященном Транснистрии специальном выпуске «Le Nogueur oubliée» (Забывтый ужас) журнала «Revue de l'histoire de la Shoah» (Журнал истории Шоа). Ряд ее стихотворений на немецком и перевод на немецкий нескольких стихотворений, написанных на румынском, недавно появился в австрийском издании, носящем говорящее название «Zwischenwelt» (Потусторонний мир) (Ausleitner; Windsperger 2013). Из-за нежелания Румынии принять на деле ответственность за убийства, совершенные в Транснистрии, мы пока не нашли возможности для публикации и прочтения стихов Сони на румынском в этой стране, хотя мы не оставляем надежды, что это произойдет в будущем.

Стихи Яслович, большей частью рифмованные, воспроизводят типичные поэтические образцы, популярные в Черновцах в межвоенный период, образцы той поэзии, которую она слышала дома и учила в школе. Но лингвистические различия в них значительны. Те, что обнаруживают ностальгию, страстное желание вернуться домой, а также стихи, наиболее наполненные аллюзиями, с наименьшим числом прямых отсылок к реальности, написаны на немецком, как мы уже видели на примере ее стихотворения «Heimweh» («Тоска по отчужденному дому»). Большинство стихотворений Яслович, в которых «документируются» свидетельства жизни в лагере и гетто, написаны на румынском. Ру-

мынский был официальным языком лагерей и гетто Транснистрии, и для Сони Яслович он был наиболее подходящим как для поэтических свидетельств, так и для общения с другими узниками. В то время как стихотворения на немецком изображают природные ландшафты, которые видятся сквозь слезы, вызванные бесчеловечным обращением, румынские стихи содержат портреты союзников и охранников, жалобы на наказания и тонко подмеченные детали состояний оптимизма и отчаяния. Чтение, которое сохраняет особенности этого многоязычия, также препятствует их публикации на одном языке.

Cântecul plecării

Termină cu visarea da da da
Scoateți din cap plecarea
Degeaba ai sperat, te-ai zbuciumat
te-ai frământat
Și totul ai împachetat

Să-ți iei haine groase da da da
Să-ți dregi pe cele roase
Și să întorci pe dos tot ce-ai mai gros
Că-i timp ploios și veșnic nu va fi frumos

Și să te rogi ca de crăciun
Să fie Chestorul mai bun
Să-ți dea concediua în ajun
Vreo două zile
De altfel nici să te gândești
Tiraspol c'ai să părăsești
Căci plecările's povești
Pentru copile

Песня отъезда

Прекрати мечтать, да да да,
Вькинь из головы отъезд,
Напрасно ты надеялась,
тревожилась, волновалась

Наших братьев.
Великие страдания,
Через которые мы прошли,
Сделают нас
Еще более гордыми и сильными.

Мы победим,
Солнце справедливости
Снова засияет,
Дорогая свобода
Вновь нам улыбнется,
И так мы перейдем
Границу Транснистрии.

Некоторые стихотворения, вроде «Песни отправления», отмечены едким сарказмом и иронией. Тем не менее даже в них описываются маленькие радости, которые существуют и в условиях ужасного насилия. И как свойственно детям и подросткам, в заключительной части большинство стихотворений исполнены надеждой, устремлением к будущей свободе и к жизни. Посреди разочарований, вызванных повторяющимися слухами о предстоящем освобождении, которые Соня описывает в жестоких подробностях, продолжать надеяться становится все трудней. Мы, разумеется, пытаемся восхищаться этим оптимизмом, но поступая таким образом, не повторяем ли мы затертые клише о свидетельствах детей и подростков, об их безыскусной искренности и жизнерадостности? Может, нам стоит задаться вопросом цены надежды в Транснистрии? Была ли Соня преданной дочерью, которая своими стихами хотела порадовать родителей? Или ее повторяющиеся заявления о надежде были проявлением конформизма в ситуации

заклучения и должны читаться с подозрением? Были ли они симптомами ироничной «сдачи», или мы должны читать их как отказ девушки-подростка погружаться в отчаяние, отказ, который, возможно, разделяли другие узники? Была ли она оптимистичной от природы, устремленной в будущее, и делает ли это ее абсурдную смерть еще более трагической?

В конце 1943 г. Соня написала «Новогоднюю песню» (Cântecul Revelionului).

Cântecul Revelionului

Revelionul noi îl serbăm
Și cu toți ne bucurăm
C-am trait
Am izbutit
Viața grea am biruit

Să fim veseli, căci de acum
Anul ne va aduce ceva mai bun
Încurajare, eliberare
Și plecare acasă

Paharul âsta s-îl ridicăm
Și într'un glas noi sâ ne urăm
Fraternitate, sănătate
Și veșnica libertate

Новогодняя песня

Мы празднуем Новый год
И со всеми радуемся,
Что выжили и сумели
Одолеть жизненные тяготы.

Будем веселы, как сейчас,
Этот год принесет нам что-то
лучшее,

Мужество и свободу
И отправление домой.

Поднимаем этот стакан
И единогласно всем желаем
Братства, здоровья
И вечной свободы.

«Revelion» означает на румынском пробуждение, рассвет. В связи с абсурдной смертью Сони Ясло-вич, нам сложно вернуться в конец 1943 г. и вообразить, какое будущее она пыталась предвидеть с помощью этой песни. Возможно, лучшее, что мы можем для нее сделать, это попытаться вообразить состояние духа, в котором она писала свои стихотворения, а не читать их с точки зрения финала ее жизни.

В отсутствие национальной или транснациональной компенсации за преступления, в результате которых Соня претерпела жуткие страдания, все, что мы можем сделать — это читать ее стихи не критикуя, не анализируя, не оправдывая, не воздавая, но, в буквальном смысле, восстанавливая. Таким образом мы можем рассматривать ее веру в будущее как скромный жест, сшивающий остатки доверия и ожиданий для себя и для других. Для нашего поколения востребовать ее наследие означает привлечь внимание к ее творческим усилиям: не как к великой литературе и не как к героическому поступку, а как намек на будущее в потенциальном или, можно еще сказать, сослагательном наклонении. «Что возможно будет», с ее точки зрения, и «что могло бы быть», если смотреть с нашей стороны. Прошлое будущее, перенесенное в настоящее, расширяет это настоящее, укрупняет его с помощью надежды, которая прорывается сквозь пласты мрака.

В этом смысле стихи помещают Соню не на край катастрофы, которая ее ожидала, но на грань тех возможностей, которые она закланала при помощи стихов. В попытке восстанавливающего чтения лучше оставить ее там, в ее стихах и их анахронической темпоральности, чем в той катастрофической телеологии, которая выпала на ее участь.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Ancel 1988 — *Ancel J.* “The Romanian Way of Solving the ‘Jewish Problem’ in Bessarabia and Bukovina, June-July 1941”. *Yad Vashem Studies* 19. 1988. P. 187–232.

Ancel 2003 — *Ancel J.* *Transnistria, 1941–1942: The Romanian Mass Murder Campaigns*. 3 vols. Trans. R. Garfinkel and Karen Gold. Tel Aviv: Goldstein-Goren Diaspora Research Center, 2003.

Arendt 1992 — *Arendt H.* *Eichmann in Jerusalem: A Report on the Banality of Evil*. New York: Penguin, 1992.

Ausleitner, Windsperger 2013 — *Ausleitner J., Windsperger M.* “Weiterleben in den Gedichten: Die Poesie der Sonja Jaslowitz”. *Zwischenwelt: Zeitschrift für Kultur des Exils und des Widerstands* 30. 3–4. 2013. P. 13–17.

Axworthy, Scafes, Craciunoiu 1995 — *Axworthy M., Scafes C., Craciunoiu C.*, eds. *Third Axis, Fourth Ally: Romanian Armed Forces in the European War, 1941–1945*. London: Arms & Armour Press, 1995.

Carmelby 1997 — *Carmelby F.S.*, ed. *Shattered! 50 Years of Silence: History and Voices of the Tragedy in Romania and Transnistria*. Scarborough, Ontario: Abbeyfield Publishers, 1997.

Carþ 1946 — *Carþ M.* *Cartea Neagră: Fapte și documente. Suferințele evereilor din România 1940–1944*. Bucharest: Teliere Grafice SOCE & Co, 1946.

Gall 1999 — *Gall M.* *Finsternis: Durch Gefängnisse, KZ Wapniarka, Massaker, und*

Kommunismus. Ein Lebenslauf in Rumänien, 1920–1990. Konstanz: Hartung-Gorre Verlag, 1999.

Golbert 2004 – *Golbert R.L.* “Holocaust Sites in Ukraine: Pechora and the Politics of Memorialization”. *Holocaust and Genocide Studies* 18.2. 2004. P. 205–233.

Gold 2015 – *Gold R.G.* “How Transnistria Was Added to the Map of Concentration Camps at the U.S. Holocaust Museum in Washington, D.C.” *Czernowitz.ephes.com*. 2011. Web. 27 Mar. 2015.

Hirsch 2012 – *Hirsch M.* “Testimonial Objects”. *The Generation of Postmemory: Writing and Visual Culture After the Holocaust*. New York: Columbia University Press, 2012. P. 177–199.

Hirsch, Spitzer 2010 – *Hirsch M., Spitzer L.* *Ghosts of Home: The Afterlife of Czernowitz in Jewish Memory*. Berkeley: University of California Press, 2010.

Hunt 2007 – *Hunt L.* *Inventing Human Rights: A History*. New York: Norton, 2007.

ICHR 2005 – ICHR. “Trial of the War Criminals.” International Commission on the Holocaust in Romania: Final Report. Iași: Polirom, 2005. P. 313–331.

Iliescu 2004 – *Iliescu I.* “Speech given by Ion Iliescu, President of Romania, at the meeting dedicated to the Holocaust Remembrance Day in Romania, Oct. 12, 2004”. URL: www.yadvashem.org/yv/en/about/events/pdf/report/english/003_Speech_given_by_Ion_Iliescu_October_12_2004.pdf.

Klara and Dori L. 1986 – “Klara and Dori L. Holocaust Testimony”. Videorecording HVT 777. Fortunoff Video Archive for Holocaust Testimonies. Yale University, 1986.

Klein 1975a – *Klein M.* “Love, Guilt, and Reparation”. *Love, Guilt, and Reparation and Other Works, 1921–1945*. New York: Delacorte Press, 1975. P. 306–343.

Klein 1975b – *Klein M.* “Mourning and its Relation to Manic-Depressive States”. *Love, Guilt and Reparation and Other*

Works, 1921–1945. New York: Delacorte Press, 1975. P. 344–369.

Likierman 2001 – *Likierman M.* *Melanie Klein: Her Work in Context*. London: Continuum, 2001.

Meerbaum-Eisinger 2008 – *Meerbaum-Eisinger S.* *Harvest of Blossoms: Poems from a Life Cut Short*. Trans. Jerry Glenn and Florian Birkmayer. Evanston: Northwestern University Press, 2008.

Meerbaum-Eisinger 2005 – *Meerbaum-Eisinger S.* *Ich bin in Sehnsucht eingehüllt: Gedichte*. Ed. Jürgen Selle. Hamburg: Hoffmann & Campe, 2005.

Minow 1999 – *Minow M.* *Between Vengeance and Forgiveness: Facing History after Genocide and Mass Violence*. Boston: Beacon, 1999.

Minow 1992 – *Minow M.* “Surviving Victim Talk”. *UCLA Law Review* 40. 1992. P. 1442–1445.

Schultz, Timms 2009 – *Schultz D., Timms E.*, eds. *Arnold Daghani’s Memories of Mikhailowka: The Illustrated Diary of a Slave Labour Camp Survivor*. London: Valentine Mitchell, 2009.

Sedgwick 2003 – *Sedgwick E.K.* *Touching Feeling: Affect, Pedagogy, Performativity*. Durham: Duke University Press, 2003.

Shachan 1996 – *Shachan A.* *Burning Ice: The Ghettos of Transnistria*. Boulder: Eastern European Monographs, 1996.

Torpey 2006 – *Torpey J.* *Making Whole What has Been Smashed: On Reparations Politics*. Cambridge: Harvard University Press, 2006.

Torpey 2003 – *Torpey J.* (ed.) *Politics and the Past: On Repairing Historical Injustices*. New York: Rowman and Littlefield, 2003.

USC 2015 – USC Shoah Foundation. *Visual History Archive*. The Institute for Visual History and Education. n.d. Web. 27 Mar. 2015.

Weissglas 1995 – *Weissglas I.* *Steinbruch am Bug: Bericht einer Deportation nach Transnistrien*. Berlin: Literaturhaus, 1995.

Weinbaum – Weinbaum L. “The Banality of History and Memory: Romanian Society and the Holocaust”. Jewish Virtual Library. URL: www.jewishvirtuallibrary.org/jsource/Holocaust/Romania_Holo.html.

Yad Vashem 2015 – Yad Vashem. “Romanian-German Relations Before and During the Holocaust”. Yadvashem.org. n.d. Web. 27 Mar. 2015.

SMALL ACTS OF REPAIR: THE UNCLAIMED LEGACY OF THE ROMANIAN HOLOCAUST

Hirsch Marianne – professor, Columbia University (USA)

Spitzer Leo – professor, Dartmouth college (USA)

Key words: Romanian Holocaust, Transnistria, children’s concentration camp poetry, postmemory, repair, redress, reparative reading.

Abstract. What does it mean to survive or to inherit traumatic events that have failed to be worked through a Longue durée of many decades? Our essay focuses on historical catastrophes that have been forgotten or denied and eluded the assumption of responsibility, judicial recognition, or acknowledgment by both national and transnational bodies. We look specifically at the work and the reception of one unknown very young writer and her poetic testimony, in the context of other artists who were deported to Transnistria, an area that was annexed by Romania during the Second World War and became a “forgotten cemetery” in which hundreds of thousands of Jews, Roma, and political prisoners perished. Yet, just as Transnistria’s history fails to fit common conceptions of Holocaust persecution and murder, much of the vibrant intellectual and artistic activity that took place in its ghettos and camps also largely fails to fit the paradigms of Holocaust art or literature. Transnistria’s artists from the wartime era, both visual and literary, remain little known. Our research into their work aims to illuminate this little-known chapter of Holocaust history, while also asking larger questions about possibilities of repair and redress in the aftermath, and the needs of those of us in the postmemorial generation who inherit these painful histories.

REFERENCES

Ancel J. “The Romanian Way of Solving the ‘Jewish Problem’ in Bessarabia and Bukovina, June-July 1941”. *Yad Vashem Studies* 19. 1988. P. 187–232.

Ancel J. *Transnistria, 1941–1942: The Romanian Mass Murder Campaigns*. 3 vols. Trans. R. Garfinkel and Karen Gold. Tel Aviv: Goldstein-Goren Diaspora Research Center, 2003.

Arendt H. *Eichmann in Jerusalem: A Report on the Banality of Evil*. New York: Penguin, 1992.

Ausleitner J., Windsperger M. “Weiterleben in den Gedichten: Die Poesie der Sonja Jaslowitz”. *Zwischenwelt: Zeitschrift für Kultur des Exils und des Widerstands* 30. 3–4. 2013. P. 13–17.

Axworthy M., Scafes C., Craciunoiu C., eds. *Third Axis, Fourth Ally: Romanian Armed Forces in the European War, 1941–1945*. London: Arms & Armour Press, 1995.

Carmelly F.S., ed. *Shattered! 50 Years of Silence: History and Voices of the Tragedy in Romania and Transnistria*. Scarborough, Ontario: Abbeyfield Publishers, 1997.

- Carp M. *Cartea Neagră: Fapte și documente. Suferințele evreilor din România 1940–1944*. Bucharest: Teliere Grafice SOCE & Co, 1946.
- Gall M. *Finsternis: Durch Gefängnisse, KZ Wapniarka, Massaker, und Kommunismus. Ein Lebenslauf in Rumänien, 1920–1990*. Konstanz: Hartung-Gorre Verlag, 1999.
- Golbert R. L. “Holocaust Sites in Ukraine: Pechora and the Politics of Memorialization”. *Holocaust and Genocide Studies* 18.2.2004. P. 205–233.
- Gold R. G. “How Transnistria Was Added to the Map of Concentration Camps at the U. S. Holocaust Museum in Washington, D. C.” *Czernowitz.ephes.com*. 2011. Web. 27 Mar. 2015.
- Hirsch M. “Testimonial Objects”. *The Generation of Postmemory: Writing and Visual Culture After the Holocaust*. New York: Columbia University Press, 2012. P. 177–199.
- Hirsch M., Spitzer L. *Ghosts of Home: The Afterlife of Czernowitz in Jewish Memory*. Berkeley: University of California Press, 2010.
- Hunt L. *Inventing Human Rights: A History*. New York: Norton, 2007.
- ICHR. “Trial of the War Criminals.” *International Commission on the Holocaust in Romania: Final Report*. Iași: Polirom, 2005. P. 313–331.
- Iliescu I. “Speech given by Ion Iliescu, President of Romania, at the meeting dedicated to the Holocaust Remembrance Day in Romania, Oct. 12, 2004”. URL: www.yadvashem.org/yv/en/about/events/pdf/report/english/003_Speech_given_by_Ion_Iliescu_October_12_2004.pdf.
- “Klara and Dori L. Holocaust Testimony”. Videorecording HVT 777. *Fortunoff Video Archive for Holocaust Testimonies*. Yale University, 1986.
- Klein M. “Love, Guilt, and Reparation”. *Love, Guilt, and Reparation and Other Works, 1921–1945*. New York: Delacorte Press, 1975. P. 306–343.
- Klein M. “Mourning and its Relation to Manic-Depressive States”. *Love, Guilt and Reparation and Other Works, 1921–1945*. New York: Delacorte Press, 1975. P. 344–369.
- Likierman M. *Melanie Klein: Her Work in Context*. London: Continuum, 2001.
- Meerbaum-Eisinger S. *Harvest of Blossoms: Poems from a Life Cut Short*. Trans. Jerry Glenn and Florian Birkmayer. Evanston: Northwestern University Press, 2008.
- Meerbaum-Eisinger S. *Ich bin in Sehnsucht eingehüllt: Gedichte*. Ed. Jürgen Selle. Hamburg: Hoffmann & Campe, 2005.
- Minow M. *Between Vengeance and Forgiveness: Facing History after Genocide and Mass Violence*. Boston: Beacon, 1999.
- Minow M. “Surviving Victim Talk”. *UCLA Law Review* 40. 1992. P. 1442–1445.
- Schultz D., Timms E., eds. *Arnold Daghani’s Memories of Mikhailowka: The Illustrated Diary of a Slave Labour Camp Survivor*. London: Vallentine Mitchell, 2009.
- Sedgwick E. K. *Touching Feeling: Affect, Pedagogy, Performativity*. Durham: Duke University Press, 2003.
- Shachan A. *Burning Ice: The Ghettos of Transnistria*. Boulder: Eastern European Monographs, 1996.
- Torpey J. *Making Whole What has Been Smashed: On Reparations Politics*. Cambridge: Harvard University Press, 2006.
- Torpey J. (ed.) *Politics and the Past: On Repairing Historical Injustices*. New York: Rowman and Littlefield, 2003.
- USC Shoah Foundation. Visual History Archive. The Institute for Visual History and Education. n.d. Web. 27 Mar. 2015.
- Weissglas I. *Steinbruch am Bug: Bericht einer Deportation nach Transnistrien*. Berlin: Literaturhaus, 1995.
- Weinbaum L. “The Banality of History and Memory: Romanian Society and the Holocaust”. *Jewish Virtual Library*. URL: www.jewishvirtuallibrary.org/jsource/Holocaust/Romania_Holo.html.
- Yad Vashem. “Romanian-German Relations Before and During the Holocaust”. *Yadvashem.org*. n.d. Web. 27 Mar. 2015.

Е. Мортара

МЕЖДУ ПАМЯТЬЮ И ПОСТПАМЯТЬЮ: ЛИЦО МОЕЙ МАТЕРИ В МОЛОДОСТИ И ДРУГИЕ ИСТОРИИ

(Доклад, представленный на конференции «Past (Im)Perfect Continuous. Trans-Cultural Articulations of the Postmemory of WWII». June 26-28, 2018, University of Rome, La Sapienza)

Е. Мортара — автор следующих работ:

Letteratura ebraico-americana dalle origini alla shoà. Roma: Litos, 2006;

Writing for Justice: Victor Séjour, the Kidnapping of Edgardo Mortara, and

the Age of Transatlantic Emancipations. Hanover, NH: Dartmouth College Press, 2015;

Philip Roth, Romanzi 1959-1986, Milano: Meridiani Mondadori, 2017 (A cura e con un saggio introduttivo di Elèna Mortara).

Ключевые слова: Еврейская Вена, Алиса (Лиза) Фельдштейн-Мортара, Еврейская средняя школа Хайеса, Аншлюс, Остров Мацы, классная фотография, Кристиан Болтански, Алтарь школы Хайеса, Шоа, Холокост, память и постпамять, выживший младенец.

Аннотация. Доклад посвящен использованию устных и визуальных источников для реконструкции истории семьи, испытывавшей травму Шоа, а также особому, между памятью и постпамятью, опыту выжившего ребенка, в котором навсегда отпечаталось такое начало жизни и чья личная память была в значительной мере опосредована рассказами родителей о тех трагических годах. Пытаясь передать опыт Шоа и Второй мировой войны, сохранившийся как в семейной памяти, так и в ее памяти выжившего младенца, автор — итальянский исследователь американской литературы еврейского происхождения, рассказывает о своем отце Альберто — еврее, активном участнике антифашистского движения «Справедливость и свобода» (Giustizia e Libertà) и, прежде всего, необычной истории своей матери Алисы (Лизы) Фельдштейн, которая выросла в еврейской общине Вены 1920–1930-х гг. и чье лицо на фотографии 1931 г., запечатлевшей учеников Еврейской реальной гимназии Хайеса, вдохновило стремление

современного художника Кристиана Болтански визуально увековечить память о Холокосте.

В докладе прослеживается, каким образом история жизни венской школьницы передавалась ее итальянским детям, вначале через впечатляющие устные рассказы, потом, десятилетия спустя посредством школьной фотографии, удивительным образом обнаруженной на обложке книги о предвоенной еврейской Вене. Далее говорится о серии инсталляций Кристиана Болтански «Алтари школы Хайеса» (1986–1987), вдохновленных этой фотографией и показывающих, как на многозначительном «пересечении частной и публичной истории» (Марианн Хирш) частная семейная история преследований и выживания юных евреев может быть творчески преобразована в публичный визуальный документ для передачи всеобъемлющей памяти о Шоа. Заключительные размышления посвящены проблеме приобретений и потерь, связанных с подобным преобразованием. Каким образом полезные чувства, вызванные символически всеобъемлющим, но «пустым» образом, сочетаются со знанием о реальной жизни личности, избранной художником в качестве символа Шоа? Какими путями травматические истории и события недавнего прошлого активно запечатлеваются в процессе воспитания будущих граждан?

DOI 10.31754/2409-6105-2018-3-45-55

Делая первую попытку публично поведать об опыте Шоа и Второй мировой войны, который я, будучи младенцем, пережила вместе с моей семьей, я расскажу об использовании устных и видеоисточников для реконструкции истории семьи, испытавшей травму Шоа. Я постараюсь порассуждать об особом, между памятью и постпамятью, опыте выжившего ребенка, в котором навсегда отпечатались такое начало жизни и чья личная память была в значительной мере опосредована рассказами родителей о тех трагических годах.

Я всегда была озадачена, когда читала, что до процесса Эйхмана 1961 г. воспоминания о войне и о жестокости нацистов приглушались и неосознанно подавлялись даже среди выживших евреев. Опыт моей семьи был принципиально другим и был схож с тем, что описала Марианн Хирш, которая сообщает, что ее родители постоянно делились своими воспоминаниями (*Hirsch*

2012: 4). В моей семье — опыт преследований евреев, необходимость скрываться, принятые в связи с этим решения, драматическое бегство через границу, дружеские связи, помогавшие преодолеть испытания, знание об антифашистской деятельности моего отца, который был членом движения «Партия действия» (*Partito d'Azione*), где он был известен как кузен братьев Россели¹ под «прямой» кличкой Пепе (пепец). Все это было частью нашей семейной истории, которую я и мои младшие брат и сестра впитали в годы нашего послевоенного детства.

Я являюсь выжившим младенцем, т.к. родилась во Флоренции в середине сентября 1943 г. Я «помню»

¹ Братья Карло и Нелло Россели, видные итальянские антифашисты и интеллектуалы, были убиты профашистами во Франции в 1937 г. Карло Россели находился в политический эмиграции во Франции. Он был основателем антифашистского движения «Справедливость и свобода» (*Giustizia e Libertà*).

события, которые вошли в мою память через рассказы родителей, словно испытала их лично и на самом деле присутствовала, когда они происходили. На самом деле я была слишком мала, чтобы сохранить личные воспоминания. Но власть этих многократно повторявшихся историй привела к тому, что начальные моменты моей биографии представляются мне чрезвычайно живо. Такова специфика поколения, рожденного в годы войны. Оно живет на пересечении памяти и постпамяти, одновременно выступая как свидетелем, так и «передатчиком» сообщенных ему историй. Я действительно считаю, что мой младший брат, который родился в финальной «беженской» части нашей семейной истории, и даже младшая сестра, которая родилась уже после войны, в той же мере разделяют со мной «чувство живой связи» (см.: *Hoffman* 2004: 1) с этими историческими временами. Это произошло благодаря воздействию рассказов наших родителей, которые создали в нашей семье атмосферу, наполненную антифашистскими и еврейскими воспоминаниями и чувствами.

Я упомянула о моем отце Альберто Мортара и его политической деятельности². Но сейчас я буду говорить не о нем, а преимущественно о тех моих воспоминаниях, которые касаются весьма необычной истории моей матери.

Моя мать Алиса (Лиззи) Фельдштейн была австрийской еврей-

кой. Она родилась в 1914 г. в Вене. Во времена ее детства и юности в этом городе проживало примерно 200 тыс. евреев (около 10% жителей города). В венском районе Леопольдштадт евреи составляли почти половину населения. Поэтому его часто называли Остров мацы (*Mazzesinsel*). Здесь протекала еврейская жизнь Вены того времени.

Мать с детства входила в еврейскую общину Вены. Ее водили в еврейский детский сад. Она закончила еврейскую реальную гимназию, носившую имя бывшего главного раввина Вены Цви Переса Хайеса (1876–1927). Она была одаренной и усердной ученицей и после школы поступила на биологический факультет Венского университета. Идеино она была сторонницей социализма и сионизма. Поэтому в годы нараставшего антисемитизма она планировала после завершения университета эмигрировать в Палестину. Сионистская молодежь того времени ставила задачу получить образование, чтобы иметь возможность принести наибольшую пользу своей новой родине.

Мы подходим к поворотному моменту этой истории. Готовясь к будущей жизни в Палестине, мать, после сдачи всех университетских экзаменов, выбрала в качестве объекта исследования средиземноморскую растительность. Для подготовки диссертации она в начале 1937–1938 учебного года приехала в Миланский университет. Поэтому во время Аншлюсса Австрии 12 марта 1938 г. двадцатитрехлетняя Лиззи Фельдштейн оказалась не в родной стране, а в Италии. Это поменяло

² Я не буду углубляться в историю отцовской семьи, о которой тоже можно рассказать много интересного. Частично я сделала это в книге (*Mortara* 2015).

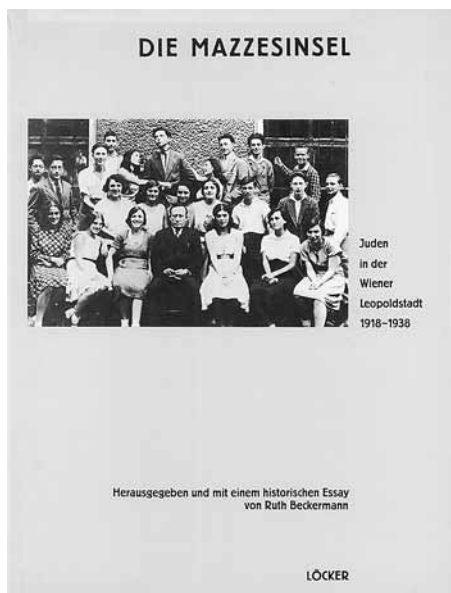

Рис. 1. Обложка книги «Остров мацы» (Вена, 1984)

всю ее жизнь. Она больше не вернулась в Вену, не закончила университет и не поехала в Палестину. Она осталась в Италии и смогла помочь своей семье эмигрировать в это опасное время из Австрии. В Милане она встретила моего отца. После этого началась наша семейная история.

Моя мать была прекрасной рассказчицей. Эпизоды войны, о которых она периодически вспоминала, запечатлелись в нашем сознании. Она помнила множество шуток венских евреев (Jewish Witze), которые до сих живы в нашем семейном лексиконе. Достаточно вспомнить одно ключевое слово из этих историй, чтобы знать, о чем идет речь. Мать не испытывала ностальгии и никогда не говорила о Вене «у нас» (bei uns). Ее Вены с семьей и друзьями больше не существовало, ей не о чем было ностальгировать. Но она

часто рассказывала нам о своей школе и ее талантливых соучениках, рассказывала о своих учителях и о событиях школьной жизни. Школьная жизнь была чрезвычайно важна для нее, и эти воспоминания вместе с памятью о событиях войны и преследований передавались нам живыми словами без каких-либо визуальных образов. Мать покидала Вену, не зная, что это навсегда, и не взяла с собой фотографий. Поэтому в нашем доме их не было, но мы никак не чувствовали их отсутствия.

Сейчас я расскажу, что произошло с Лиззи Фельдштейн более чем пятьдесят лет спустя после окончания реальной гимназии Хайеса. Это было в конце 1986 г. Моей матери, которая к тому времени давно была Лиза Мортара, было уже почти семьдесят. В Милане на улице она встретила художника — приятеля нашей семьи. Он сказал ей: «Госпожа Мортара, я был в Вене и на обложке книги о старом городе узнал Вас на школьной фотографии». — «Вряд ли это возможно, — ответила мать, — так как я училась не в обычной венской школе, а в специальной еврейской гимназии». Он возразил: «Эта книга как раз посвящена еврейской Вене и называется “Остров Мацы” (*Die Mazzesinsel*)! Приходите посмотреть на эту книгу, которая находится у меня дома».

Можете представить ее удивление когда она увидела обложку книги (рис. 1) (Beckermann 1984). Это действительно был ее класс. Те самые соученики, с которыми она провела столько лет вместе и о которых рассказывала нам множество историй. И пятьдесят пять лет спустя наш

Рис. 2. Класс Еврейской реальной гимназии Хайеса (Вена, 1931)

знакомый взглядом художника признал ее в шестнадцатилетней девочке на фотографии 1931 г.

Моя мать тогда заказала несколько экземпляров этой книги. В начале 1987 г. она приехала в Рим и подарила мне экземпляр с посвящением на итальянском языке: «Рим, 17 февраля 1987. Годы нежного детства, годы увлеченной юности. С огромной привязанностью от мамы». Такими словами она суммировала свою жизнь в Вене. И таким образом мы впервые увидели, как выглядели в юности она и ее обожаемый школьный мир, который был хорошо знаком нам, благодаря силе ее слова.

Давайте взглянем на эту школьную фотографию более пристально. В «Острове Мацы» она воспроизведена не только на обложке, но и в увеличенном виде на двухстра-

ничной вклейке в сопровождении информации об этой школе и этом классе (Ibid.: 116–117). На этом фото моя мать сидит вторая справа в первом ряду (рис. 2). В верхнем ряду можно наблюдать импровизированную юмористическую сцену, в которой две девушки демонстрируют откровенное обожание одного юноши: это пример иронического настроения и театральности, которые были присущи соученикам моей матери.

Можно подумать, что находка этого фото является концом моего рассказа. Но это не так. Напротив, здесь и начинается его наиболее важная и неожиданная часть. Здесь семейная история выходит за рамки семьи и превращается в нечто, имеющее более широкое значение.

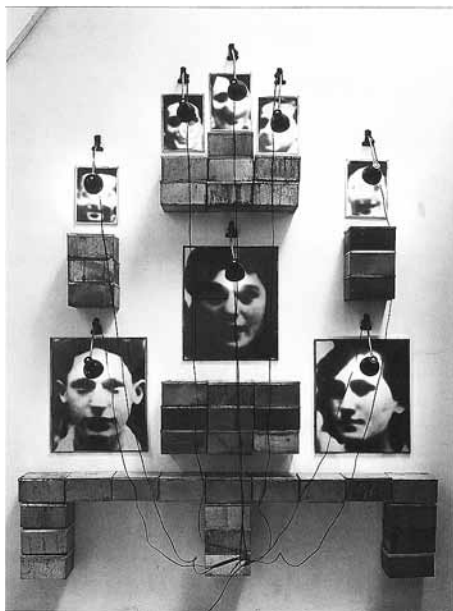

Рис. 3. Кристиан Болтански «Алтарь школы Хайеса» (1986–1987)

«Остров мацы» вышел в Вене в 1984 г. Тогда наступило чрезвычайно креативное время для художников «поколения постпамяти» (Марианн Хирш). Примерно в то же время, в 1986 г. Арт Шпигельман начал издавать основанный на воспоминаниях его отца о Холокосте роман-комикс «Маус: рассказ выжившего», с подзаголовком: «Кровоточащая история моего отца». Тогда же в 1986–1987 гг. другой представитель «поколения постпамяти», уже знаменитый к тому времени французский художник Кристиан Болтански, родившийся в 1944 г. от иудея-отца и матери-католички, начал создавать свою большую инсталляцию в виде алтаря, состоящую из металлических коробок и ярко освещенных лампами фотографий лиц еврейских школьников, напоминая таким образом о гибели невинных людей, массово уничтоженных нацистами.

В качестве визуального документа для серии своих мемориальных художественных работ Болтански использовал... все ту же фотографию 1931 г., которую он нашел в «Острове мацы». В этой серии инсталляций, обычно именуемой «Алтарь средней школы Хайеса» (*Autel de Lycée Chases*, 1986–1987), Болтански часто включал серьезное лицо моей матери в различные варианты своего «алтаря», чтобы продемонстрировать, что утраченный и уничтоженный мир столкнулся с преждевременной смертью и трагедией Шоа.

О том, что лицо моей матери превратилось в универсальный символ утраты и гибели, я узнала только много лет спустя. В 2004 г. творчество Болтанского было представлено работой «Алтарь средней школы Хайеса» в одной итальянской публикации о современном искусстве (рис. 3) (*Boltanski* 2005: 34), и тогда я впервые увидела увеличенное молодое лицо моей матери на правой опоре «алтаря».

Марианн Хирш рассматривает творчество Болтанского в своей книге «Семейные рамки», где на смежных страницах воспроизводит оригинальную фотографию 1931 г., запечатлевшую учеников реальной гимназии Хайеса, а также один из «алтарей» французского художника, где среди других молодых лиц присутствует лицо моей матери (*Hirsch* 1997: 260–261). Комментируя эту работу, родившийся в Румынии американский исследователь отмечает, что металлические коробки из-под печенья, окружающие фотографии, представляют собой «пустые

контейнеры истории жизни и индивидуальной памяти, избавленные от своего содержимого, так же как и лица на инсталляции лишены своей индивидуальности». «Изображения, — добавляет Хирш, — чрезмерно увеличены и тем самым обезличены, они становятся образами безвременной смерти, образами горя, поскольку лишены своих связей с оставленным и разрушенным сообществом, лишены нарратива, который сообщает нам школьная фотография» (Ibid.: 260).

Серия инсталляций Болтански «Алтарь средней школы Хайеса» представлена под разными названиями и в разной «комплектности» во многих каталогах, на различных выставках, в музеях и в публикациях, посвященных Шоа и сейчас легко доступна онлайн. Эти изображения широко используются для иллюстрации текстов, посвященных преследованиям евреев. Например, в публикации «Коррьере делла сера» от 4 июля 2015 г., где рассказывается об антисемитизме Хайдеггера, подпись под фотографиями гласит, что на них изображены «юные жертвы Холокоста» (Boltanski 2015: 42).

То же самое изображение, где лицо моей матери возникает слева, лучше всего можно рассмотреть на цветной фотографии из Художественного музея Принстона, на которой тревожный эффект порождается светом, падающим на юные лица. Этой работе дано название «Реликварий», которое открыто отсылает к смерти. На другой фотографии можно увидеть слегка измененную инсталляцию «Средней школы Хайеса» из Художествен-

ного музея Принстона. Там лицо моей матери присутствует справа (Boltanski 1987–1988). Не так давно, в июне – ноябре 2017 в Музее современного искусства Болоньи проходила выставка работ Болтанского. Она называлась «Души: от места к месту» (Anime. Di luogo in luogo) (Anime 2017). Первое, что видели посетители выставки, была одна из вариаций «Алтаря средней школы Хайеса», размещенная в эффектно затемненном помещении.

Сейчас я оставлю «Алтарь средней школы Хайеса», где юные лица были преобразованы в образы смерти, утраты и истребления, и вернусь к реальной жизни, которая когда-то пульсировала в этих лицах и движения которой были запечатлены на школьной фотографии. Надеюсь, что, рассказав историю одного из этих лиц, реальную историю скитаний, позволивших моей матери выжить, я частично наполнила содержанием по меньшей мере один из этих раздутых пустотой художественных образов, что позволяет перейти от замораживающей анонимности обратно к чудесной полноте индивидуальной жизни.

Поэтому я предлагаю следовать за мной в обратном направлении через отобранные мной визуальные документы, включив ваше воображение. Давайте перейдем от «алтарей» Болтански к отнюдь не анонимному и хорошо контекстуализированному источнику — фотографии 1931 г., запечатлевшей молодых жителей Вены. Двинемся еще дальше назад и пересмотрим первую

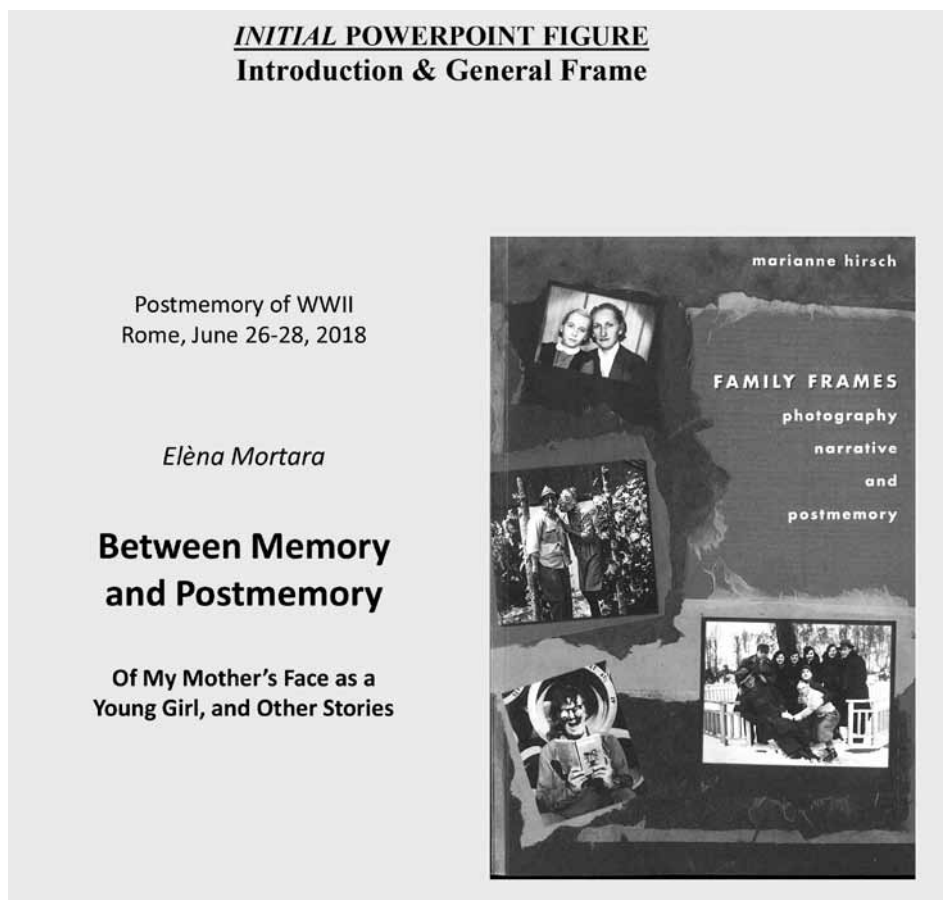

Рис. 4

иллюстрацию, которую я использовала для объявления темы моего доклада (рис. 4). На ней название «Между памятью и постпамятью: Лицо моей матери в молодости и другие истории» соседствует с обложкой «Семейных рамок» — первой книги Марианн Хирш, посвященной постпамяти. Таким способом я обозначила концептуальные рамки и общую тему моего доклада. В ходе мнимого возвращения к моей исходной точке я заменю мою начальную иллюстрацию (рис. 5). Рядом с названием моего доклада я помещаю вдохновляющую и говорящую за се-

бя обложку «Острова мацы». Таким образом я по-дружески заместила обложку полезной книги Хирш, которая на начальном этапе помогла мне обозначить общий сюжет, но в то же время скрыла часть моей истории.

Вот и все повествование, которым я старалась с вами поделиться, надеясь, что опыт, который я получила из первых рук «на пересечении частной и публичной истории» (Hirsch 1997: 13), т.е. там, где семейное пространство сталкивается с гигантскими историческими

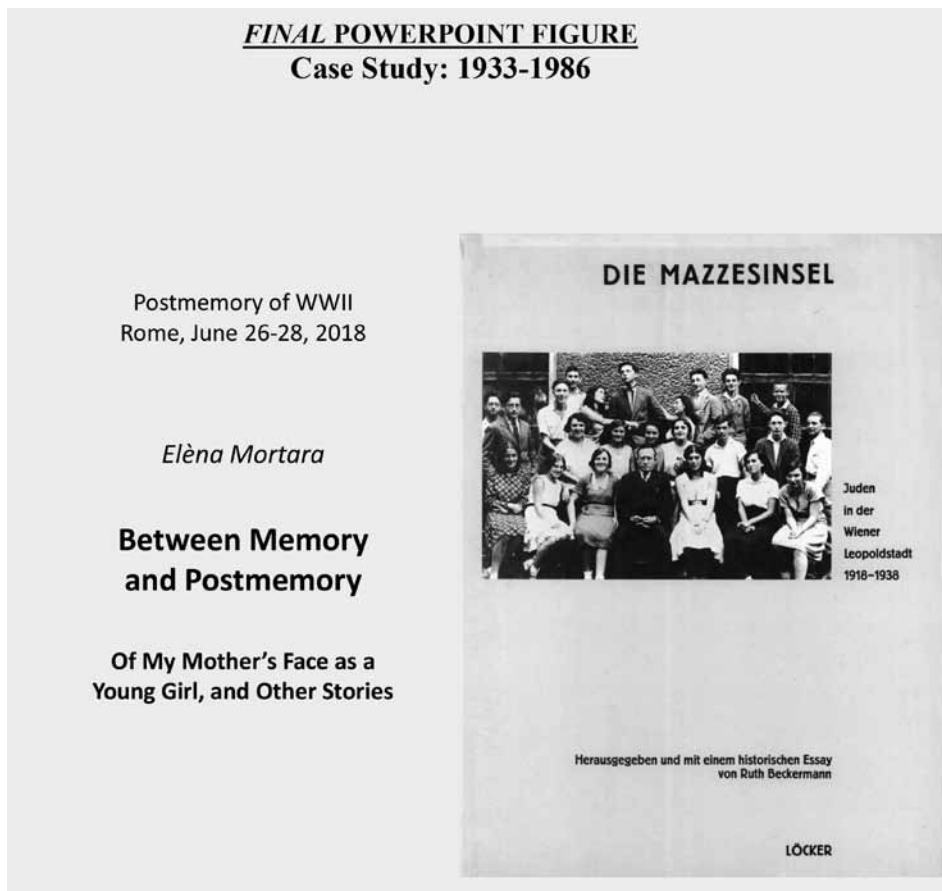

Рис. 5

событиями, может быть не полностью утрачен и даже передан будущим поколениям.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Anime 2017 – Anime. Di luogo in luogo. Christian Boltanski, project ed. by Danilo Eccher; exhibition at MAMbo, Bologna, June 26-November 12, 2017.

Beckermann 1984 – Beckermann R. Di Mazzesinsel: Juden in der Wiener Leopoldstadt 1918-1938, Wien-München: Löcker, 1984.

Boltanski 1987-1988 – Boltanski Ch. Autel de Lyce Chases (Altar to the Chases High School), 1987-1988. Princeton University

Art Museum, URL: artmuseum.princeton.edu/collections/objects/42505. See also <http://40.114.5.22/artworks/autel-de-lycee-chases-furnace-bridge-of-chases-high-school>.

Boltanski 2005 – Boltanski Ch. Altare Chases, 1988 // Gabriele Crepaldi, Grandi arti contemporanee. Arte. Dagli anni Settanta a oggi, vol. 2, Milano: Mondadori Electa, 2005.

Boltanski 2015 – Boltanski Ch. Furnace Bridge of Chases High School, 1986-1987 // Corriere della sera, July 4, 2015.

Hirsch 1997 – Hirsch M. Family Frames: Photography, Narrative and Postmemory, Cambridge MA: Harvard University Press (1997), 2012.

Hirsch 2012 — *Hirsch M.* The Generation of Postmemory: Writing and Visual Culture after the Holocaust, New York: Columbia University Press, 2012.

Hoffman 2004 — *Hoffman E.* After such Knowledge: Memory, History, and the

Legacy of the Holocaust, New York: Public Affairs, 2004, p. xiv. Quoted by Hirsch.

Mortara 2015 — *Mortara E.* Writing for Justice: Victor Séjour, the Kidnapping of Edgardo Mortara, and the Age of Transatlantic Emancipations, Hanover NH: Dartmouth College Press, 2015.

BETWEEN MEMORY AND POSTMEMORY: OF MY MOTHER'S FACE AS A YOUNG GIRL,
AND OTHER STORIES

Mortara Elèna — professor of American literature, Tor Vergata University (Rome)

Key words: Jewish Vienna, Alice (Lisa) Feldstein Mortara, Chajes Jewish high school, Anschluss, Mazzesinsel, class photograph, Christian Boltanski, Chajes Altar, Shoah, Holocaust, memory and postmemory, baby survivors.

Abstract. This essay is about the use of oral and visual sources for the reconstruction of a family history disrupted by the trauma of the Shoah and about the peculiar condition, in between memory and postmemory, of baby survivors, whose life was imprinted by that incipit, and whose personal memory was partially mediated by their parents' telling about those tragic years. In this first attempt at dealing directly in a public oral exposition and written text with the experience of the Shoah and World War II lived by her family and herself as a baby child, the author, an Italian scholar of American literature and a Jewess, focuses on the experience of her father Alberto, an Italian Jew who was active in the antifascist movement of "Giustizia e Libertà" (Justice and Liberty), and especially on the peculiar story of her mother, Alice (Lisa) Feldstein, who grew up in Jewish Vienna in the 1920s-1930s, and whose face as a high school student, appearing in a 1931 class photograph from the Jewish high school of the city, the "Chajes Jüdisches Realgymnasium," later inspired a contemporary painter artist, Christian Boltanski, in his endeavor to create a visual memory of the Holocaust. The essay traces the various steps through which that life-story passed on from the former Viennese student to her Italian children, first simply by passionate oral telling, and then, only many decades later, through the surprising discovery of that class photograph published on the cover of a book on pre-World-War-II Jewish Vienna. It then tells the story of the artistic installations by Christian Boltanski, his "Chajes Altars" (1986-87), inspired by that school picture in the mid-1980s, showing how—in a meaningful "intersection of private and public history" (Marianne Hirsch, Family Frames)—the private family story of a Jewish youngster's commitment, persecution, and survival could be used and creatively transformed into a public visual document for the transmission of a universal memory about the Shoah. One finally reflects on the various issues—the gains and the losses—involved in this transaction, on the usefulness of filling in that symbolically universal, but blank image with some knowledge about a represented person's real life story, and on how those traumatic stories and events of a recent past can be actively engraved in the civic formation of future citizens.

REFERENCES

Anime. Di luogo in luogo. Christian Boltanski, project ed. by Danilo Eccher; exhibition at MAMbo, Bologna, June 26-November 12, 2017.

Beckermann R. *Di Mazzesinsel: Juden in der Wiener Leopoldstadt 1918–1938*, Wien-München: Löcker, 1984.

Boltanski Ch. *Altare Chases*, 1988. Gabriele Crepaldi, *Grandi arti contemporanee. Arte. Dagli anni Settanta a oggi*, vol. 2, Milano: Mondadori Electa, 2005.

Boltanski Ch. *Autel de Lycée Chases (Altar to the Chases High School)*, 1987–1988. Princeton University Art Museum, URL: artmuseum.princeton.edu/collections/objects/42505. See also <http://40.114.5.22/artworks/autel-de-lycee-chases-furnace-bridge-of-chases-high-school>.

Boltanski Ch. *Furnace Bridge of Chases High School*, 1986–1987. *Corriere della sera*, July 4, 2015.

Hirsch M. *Family Frames: Photography, Narrative and Postmemory*, Cambridge MA: Harvard University Press (1997), 2012.

Hirsch M. *The Generation of Postmemory: Writing and Visual Culture after the Holocaust*, New York: Columbia University Press, 2012.

Hoffman E. *After such Knowledge: Memory, History, and the Legacy of the Holocaust*, New York: Public Affairs, 2004, p. xiv. Quoted by Hirsch.

Mortara E. *Writing for Justice: Victor Séjour, the Kidnapping of Edgardo Mortara, and the Age of Transatlantic Emancipations*, Hanover NH: Dartmouth College Press, 2015.

Е. Н. Писарев

ФРАНЦУЗСКИЙ КВАДРАТ. Солдаты поневоле из Эльзаса и Лотарингии в военном плену на Тамбовщине

Ключевые слова: Вторая мировая война, Эльзас и Лотарингия, malgré-nous, лагерь для военнопленных № 188, социальная история, примирение над могилами.

Аннотация. В августе 1942 г. Гитлер из-за больших потерь на Восточном фронте объявил о призыве под знамена вермахта более 130 тысяч молодых людей из аннексированных территорий Эльзаса и Лотарингии и 10 тысяч юношей из Люксембурга. Большинство из них не испытывали желания служить рейху, называли себя «malgré-nous» — солдатами поневоле и сдавались в плен в надежде попасть в армию генерала де Голля. Но попали на станцию Рада в лагерь для военнопленных № 188 под Тамбовом, о чем свидетельствуют документы, хранящиеся в Государственном архиве Тамбовской области, и воспоминания бывших военнопленных. И несколько тысяч malgré-nous остались на многочисленных лагерных погостах.
DOI 10.31754/2409-6105-2018-3-56-82

В 1998 г. под Тамбовом на местах массовых захоронений военнопленных, умерших в лагере № 188, был открыт мемориальный комплекс. Представители Франции обозначили место предполагаемых захоронений уроженцев Эльзаса и Лотарингии как «французский квадрат».

© Писарев Е. Н., 2018
Писарев Евгений Николаевич — журналист, краевед (Тамбов); pens.pisarev@yandex.ru

1

В конце 80-х гг. в Тамбов приехал корреспондент немецкого журнала «Шпигель», который интересовался лагерем № 188 НКВД СССР для военнопленных и интернированных. Где именно располагался лагерь, он не знал, но слышал, что «где-то под Тамбовом». В те предзакатные для СССР времена власти публично не признавались

в существовании лагеря, чем ставили себя в неловкое положение. На Западе на этот счет имелась довольно точная информация. Там издавались книги о судьбе военнопленных лагеря № 188, публиковались воспоминания бывших заключенных, исторические исследования.

Несколько позже в Тамбов из Франции впервые приехал представитель ассоциации «Узники Тамбова» Жан Тюэ, чтобы на месте узнать подробности о судьбе своих соотечественников (уроженцев Эльзаса и Лотарингии), умерших в плену, посетить места, где и он отбывал плен. Побывать на станции Рада, к которой был «привязан» лагерь, ему не удалось, а о доступе к лагерным архивам говорить и вовсе не приходилось.

В 1990 г. агентство Франс Пресс распространило совместное коммюнике ассоциации помощи французам, пропавшим без вести в СССР, и ассоциации «Узники Тамбова», в котором говорилось, что в 1943–1945 гг. в общих могилах в лесу у станции Рада захоронено более 10 тысяч эльзасцев и лотарингцев, умерших в лагере № 188. На это сообщение откликнулась газета «Известия», сдержанно подтвердившая информацию французской стороны. Вскоре у автора этих строк появилась возможность познакомиться с документами лагеря № 188, которые хранились в Государственном архиве Тамбовской области (ГАТО), и опубликовать в местной газете «Послесловие» очерк «Рада, Путьма, тьма ГУЛАГа» (Послесловие 1990).

В 30-е гг. под Тамбовом неподалеку от станции Рада были развернуты летние военные лагеря для сборов резервистов, учений и формирования воинских соединений. В декабре 1941 г., после разгрома немцев под Москвой в лагерь стали поступать бойцы РККА «в целях выявления среди бывших военнослужащих Красной армии, находившихся в плену и в окружении противника, изменников родине, шпионов и диверсантов». С конца января до начала декабря 1942 г. лагерный фильтр, по различным источникам, здесь прошли от 17 до 22 тысяч бойцов и командиров Красной армии. Согласно современным исследованиям, основывающимся на архивных документах, большинство после проверки органами НКВД было направлено в распоряжение тамбовского горвоенкомата для прохождения дальнейшей службы в войсках. Известно, однако, что 5 647 военнослужащих были направлены на работы в Подмосковский угольный бассейн или в Камышинский и Тульский спецлагеря (ГАТО 1: Д. 3. Л. 28, 29).

К концу 1942 г. специализация лагеря изменилась, и в декабре сюда поступили первые военнопленные. А после Сталинградской битвы, когда в плен попали многие десятки тысяч солдат вермахта и союзных Германии армий, их поток возрос. В основном это были итальянцы и румыны — доля немцев, поступивших в лагерь, была невелика. Итальянцев пленили после успешного наступления под Воронежем, а большое количество румын объясняется

Рада

тем, что в Сталинграде основной удар советские войска нанесли по румынским частям. Пленные поступали в лагерь обмороженными, больными, истощенными, поэтому

зима 1942–1943 гг. для многих стала последней. Особенно велика была смертность среди итальянцев — она доходила до 68% (ГАТО 1: Д. 7. Л. 136).

Рада

По данным, которые приводит со ссылкой на архивные документы заведующий кафедрой российской и всеобщей истории Тамбовского государственного университета имени Г. Державина профессор Юрий Мизис, за весь 1943 г. через Радинский лагерь прошло 24 780 человек, из которых умерло 9 385 человек (Война и люди 2016: 125). Но вот «Доклад о состоянии лагеря № 188», в котором приведены данные о смертности среди военнопленных в 1943 г. Январь — умерло 1 464 человека. Февраль — 2 581. Март — 2 770. Апрель — 1 811 человек. Ближе к лету смертность пошла на убыль. Всего с января по ноябрь 1943 г. в лагере умерло, как указано в документе, 14 433 человека (ГАТО 2).

№ 3 2018

Разнобой в численности погибших объясняет другой документ. 1 февраля 1943 г. начальник управления НКВД по делам военнопленных и интернированных генерал-майор госбезопасности Сопроненко отдает распоряжение начальнику лагеря № 188 старшему лейтенанту госбезопасности Евдокимову: «В записках по поводу движения военнопленных впредь выражение “умерло” военнопленных заменяйте выражением “отгружено”» (ГАТО 3). И этот документ ставит под сомнение информацию, содержащуюся во всех последующих документах «о движении военнопленных».

Значительное количество умерших вообще не попадало в лагерную

Рада

Андреа Йемма

статистику — они погибли на этапе. Железнодорожные составы с военнопленными шли до лагеря неделями. Вагоны не отапливались, пленным практически не кормили. Перед прибытием на Раду состав делал остановку на станции Цна, где трупы умерших в пути сгружали на платформу и закапывали неподалеку, на краю Петропавловского кладбища. Ни прибывшими в лагерь, ни «отгруженными» они в отчеты не попадали, поэтому количество не вернувшихся из плена и не совпадает с количеством умерших.

Итальянец, командир транспортного взвода лейтенант Андреа Йемма попал в плен под Воронежем в январе 1943 г. «Уже в конце декабря мы поняли, что дела наши плохи, что надо готовиться к отступлению. Но русские нас опередили — они перешли в наступление раньше, чем мы предполагали. В моем распоряжении было несколько автомобилей с запасом горючего. Я предложил своим товарищам грузиться, подбадривал их словами, что бензина хватит аж до Испании...» (здесь и далее цитируется по рукописи А. Йеммы из личного архива автора).

Но сам Андреа отступить не успел — автоматной очередью его ранило в обе ноги. От смерти его спасла русская женщина, втащившая раненого с мороза в теплую избу, а затем его забрали представители Красной армии.

«Месяц мы провели на полу какого-то склада, а потом нас повезли в тыл. В нашем вагоне было человек 60 — обмороженных, раненых и здоровых. Каждое утро часовой

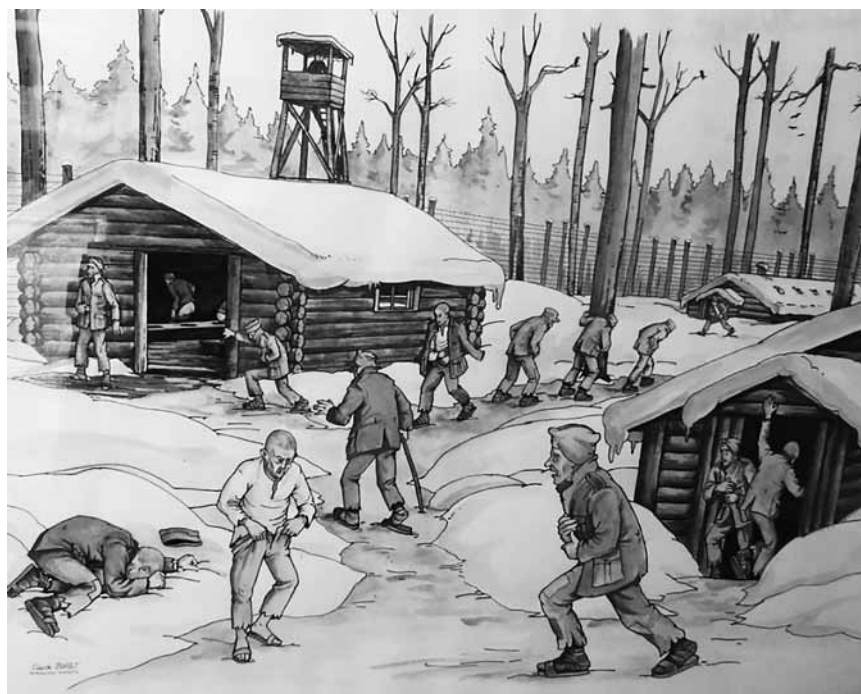
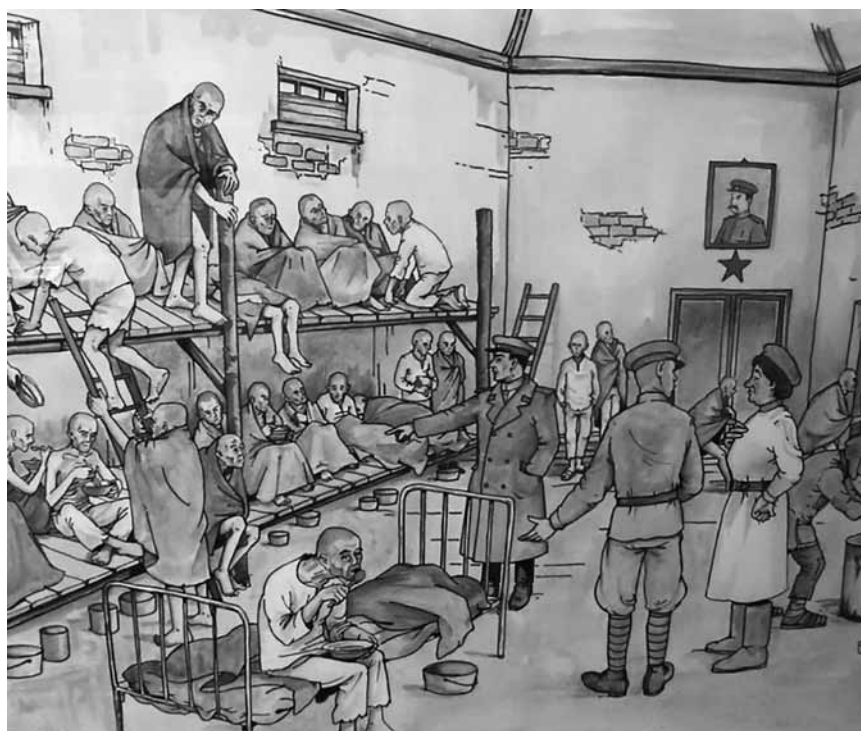

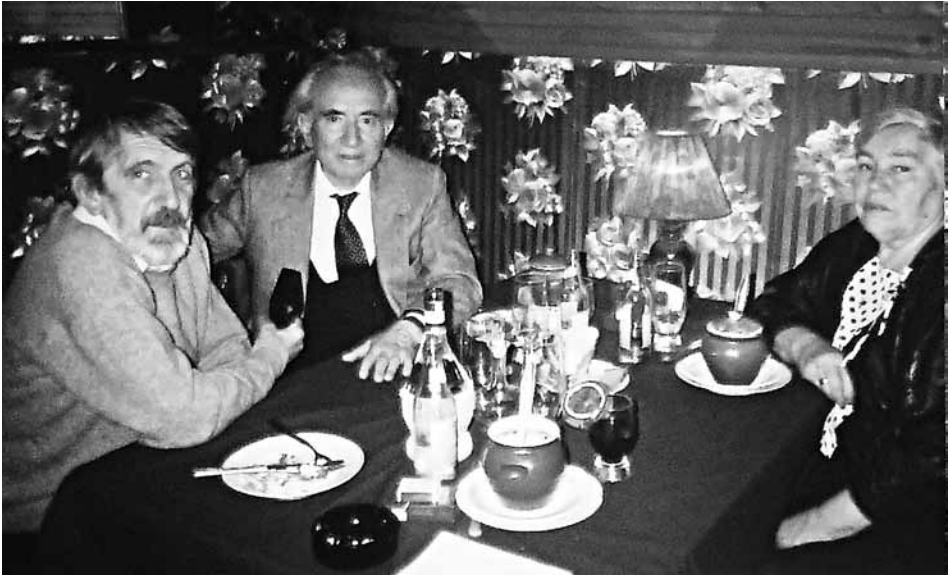
Рисунок военнопленного

открывал двери и мы сгружали покойников, а он их пересчитывал, чтобы знать, на сколько меньше сухарей нам полагается. Поездка длилась не меньше двух недель. В Тамбов мы прибыли только весной...»

Итальянскому лейтенанту повезло. В Тамбове он сразу же попал в госпиталь, а вскоре его перевели в лагерь № 188. «Путь от станции Рада до лагеря для многих стал дорогой смерти, — вспоминает он. — Военнопленные были настолько ослаблены, что иные не могли передвигаться самостоятельно. Мы с еще одним итальянцем буквально тащили на себе лейтенанта Коллеса. В какой-то момент он окончательно повис на нас. Я говорю ему, что нам тяжело, просил его, чтобы он как-то сам помогал себе передвигаться. Но лейтенант

молчал, и тут мы поняли, что он умер. Конвоир деловито спихнул его тело на обочину дороги...»

В августе 1998 г. профессор, президент Европейского института юридической и экономической кооперации Андреа Йемма приехал в Тамбов, где мы с ним и познакомились. Он свободно говорил и писал по-русски, сам перевел на русский свои воспоминания и уже несколько лет жил в Москве, где консультировал российское правительство по вопросам нотариата. В архиве ему даже удалось познакомиться со своим учетным делом, на котором стоял гриф «Сов. секретно». Из дела узнал, что в Тамбове он попал в госпиталь № 2599, и попросил меня выяснить, где госпиталь располагался, и в тот же день отбыл в Москву.

Андреа Йемма в центре. Сейчас запоют

Наведя справки, я без особого труда выяснил, что госпиталь и ныне располагается на территории известной мне воинской части, о чем и сообщил ему по телефону. «Сегодня же выезжаю в Тамбов, — сказал он, — встречай».

Ситуация складывалась деликатная. Попастъ на территорию воинской части, минуя КПП, было невозможно, а на получение официального разрешения, во-первых, ушло бы время, а во-вторых, иностранцу проще было отказать, чем разрешить. И тогда я рискнул. На КПП, предъявив дежурному офицеру удостоверение корреспондента «Российской газеты», где я тогда работал, сказал, что мой спутник, ветеран войны (о том, что он ветеран итальянской армии, разумеется, умолчал), хотел бы посмотреть на госпиталь, где врачи спасли ему жизнь. Дежурный недоверчиво посмотрел на элегантного невысокого господина — и разрешил.

Добротное кирпичное здание госпиталя за полвека не изменилось. Йемма сразу же узнал пристройку, где располагалась кухня, рассказал, как он с голодухи наелся там сырого картофеля и как ему было плохо после этого. И расплакался...

В тот же день гостя из Италии ждал еще один сюрприз — я познакомил его с Любовью Ивановной Лариной, которая пятнадцатилетней девчонкой работала в госпитале санитаркой, когда там лечился Йемма. Итальянского лейтенанта она, конечно же, не помнила, но они вместе вспомнили имена врачей, условия жизни в госпитале. А вечером Йемма пригласил нас в ресторан. Они вспоминали прошлое, пели дуэтом русские песни, которых Йемма знал множество.

Слушал их и пытался примерить к Йемме судьбу солдата из знаменитого стихотворения Михаила

Светлова «Итальянец» про справедливую пулю. Пытался, но не получалось. И слава богу, что пуля оказалась не роковой.

3

В конце 1943 г. в лагерь начали поступать первые французы — уроженцы Эльзаса и Лотарингии, а также люксембуржцы и бельгийцы. А в январе 1944 г. начальник лагеря № 188 получил от заместителя начальника Управления НКВД СССР комиссара госбезопасности Сопроненко распоряжение, в котором, в частности, говорилось: «Единственная национальность, которая сосредотачивается только в Вашем лагере, это французы, бельгийцы и люксембуржцы. По мере возможности в зимних условиях они из всех лагерей будут стягиваться в Ваш лагерь» (ГАТО 2).

Для понимания того, как граждане союзного государства оказались в советских лагерях, есть смысл обратиться к истории Франции.

В 1815 г. в ходе подготовки Венского конгресса обсуждался вопрос и о возможном присоединении части Эльзаса и Лотарингии к Пруссии. Но этому категорически воспрепятствовал российский император Александр I, и спорные территории остались за Францией. И когда в 1870 г. Франция объявила войну Пруссии, эльзасцы и лотарингцы встали под ружье вместе с остальными французами, но были разбиты менее чем за два месяца. По Франкфуртскому договору, подписанному в мае 1871 г., большая часть Эльзаса

и Лотарингия отошли Пруссии. Несколько тысяч жителей аннексированных территорий перебрались вглубь Франции, а оставшиеся за несколько десятилетий сильно онемечились.

Из Первой мировой войны Европа вышла основательно потрепанной, а победа Франции и союзников имела горький привкус иприта и фосгена. Жители Эльзаса и Лотарингии встретили французские войска как освободителей, положивших конец кровопролитной войне. Но к поверженной Германии победители не были великодушны, и за унижение 1871 г. Франция, как известно, вынудила Германию подписать в 1918 г. еще более унижительный Версальский договор. По этому случаю в Париже был воздвигнут монумент, надпись на котором гласила: «Здесь 11 ноября 1918 года была сломлена преступная гордыня германской империи, побежденной свободными народами, которые она пыталась поработить».

После Первой мировой войны французы мечтали о мире, а Германия о реванше. И он случился в 1940 г. Оккупировав Францию, немцы сочли Эльзас и Лотарингию своим «французским трофеем», а монумент о «преступной гордыне» по приказу Гитлера взорвали.

В августе 1942 г. Гитлер из-за больших потерь на Восточном фронте и по настоянию гауляйтеров Бюркели и Вагнера объявил о призыве под знамена вермахта более 130 тысяч эльзасцев и мозельцев и 10 тысяч молодых людей из Люксембурга. Большинство их них не испытыва-

ли желания служить рейху и называли себя «мальгрёну» — солдатами поневоле. С января 1943 г. на Восточном фронте стали появляться первые «мальгрёну». Летом 1943 г. Комитет национального освобождения Франции, который возглавлял генерал Шарль де Голль, обратился к своим соотечественникам с призывом переходить линию фронта и сдаваться в плен Красной армии. На призыв генерала откликнулись тысячи эльзасцев и мозельцев, и в результате оказались в советских лагерях для военнопленных, главным образом в лагере № 188. Рассчитан он был на 10 тысяч человек, но бывало, что в нем располагалось до 15 тысяч. Особенно мощным был приток в начале 1943 г. На этот период приходится и пик смертности среди военнопленных.

Профессор современной истории университета Лотарингии Жан-Ноэль Грандом в докладе на международной конференции (Люксембург, 7 мая 2015 г.), посвященной истории военнопленных, излагает свой взгляд на трагедию «мальгрёну». «Учитывая тоталитарную природу сталинского режима, сложно было ожидать от народа, столько испытавшего во время войны,нисходительного отношения к людям, которые носили форму их врага. Страна находилась в разоренном, бедствующем положении... Конечно, это не оправдывает поведения русских, но позволяет нам лучше представить ситуацию. Нужно принимать во внимание и комплекс превосходства народа, который считает себя — и не без причин — основным победителем в той войне» (Война и люди 2016: 29).

Зарубежным исследователям «загадочной русской души» следует также учитывать, что «тоталитарной природой» была пропитана вся страна, а правители смотрели на народ как на биомассу, предназначенную для выполнения определенных функций. После сокрушительного поражения Красной армии в 1941 г., в первые месяцы войны идея мировой революции, которую СССР собирался принести в Европу на штыках, заметно потускнела. Не до жиру, быть бы живу. Но уже в конце 1943 г. в советских солдатах вновь ожило чувство превосходства над остальным миром, которое подерживалось пропагандой.

Неоднозначным было отношение и самих французов к жителям аннексированных восточных областей оккупированной страны, надевших, пусть не по своей воле, форму солдат вермахта. Особенно когда стало известно об участии 14 эльзасцев в массовом уничтожении 642 мужчин, женщин и детей в Орадуре. В январе 1953 г. в Бордо состоялся судебный процесс над ветеранами дивизии СС Дас Райх, которые участвовали в массовом убийстве жителей Орадура. Предстали перед судом и эльзасцы, что легло несмываемым пятном на весь регион, так что жители Эльзаса-Мозеля еще долго носили на себе пятно «ненадежных граждан» Франции.

Вряд ли советское руководство вдавалось в эти национальные тонкости, но портить отношения с союзниками оно не хотело, поэтому пошло на уступки. 24 мая 1944 г. начальник Управления НКВД СССР по делам военнопленных

и интернированных генерал-майор И. А. Петров сообщил начальнику управления лагеря № 188 НКВД СССР И. И. Евдокимову: «По ходатайству французского Комитета национального освобождения Совет Народных Комиссаров Союза ССР принял решение о том, что находящиеся в СССР военнопленные французы передаются в распоряжение французских военных властей для направления в Северную Африку для включения в армию де Голля» (ГАТО 1: Д. 23. Л. 9, 9 об.). Этим же документом предписывалось «организовать тщательную и всестороннюю проверку военнопленных французов и всех, не соответствующих по своим политическим качествам передаче французским военным властям, направить в Темниковский лагерь № 58 (ст. Потьма Казанской жел. дор.) пассажирскими поездами в сопровождении сотрудников». Далее генерал-майор Петров предлагал провести среди военнопленных французов массовую политическую работу, объяснить им, что военнопленные французы должны «в предстоящих боях с немецко-фашистскими захватчиками геройски сражаться за освобождение своего отечества от фашистского ига». Также предлагалось «наиболее выдающиеся интересные моменты из жизни военнопленных французов, работы с ними, подготовки к отправке и т. д. сфотографировать».

Лагерное начальство незамедлительно составило «План мероприятий к отправке военнопленных французов». В нем есть такой пункт: «Максимально улучшить бытовые условия всем военнопленным фран-

цузам и в особенности первой партии военнопленных 1 500 чел., подлежащих отправке». Видимо, в этот период и появился красочный альбом с отзывами французских военнопленных, где они излагали свои впечатления о лагере. Положительным отзывом отчасти заслуживалось право попасть в число тех, кого передавали французским властям.

Несколько лет назад автор этих строк обнаружил и фотографии, на которых запечатлены «наиболее выдающиеся интересные моменты».

Как-то заговорил со своим одноклассником Юрием Шейхоном о Радинском лагере. И вдруг он сообщает, что у него дома где-то валяются несколько фотографий, сделанных его дедом, фотокорреспондентом «Тамбовской правды» Николаем Мамаевым в лагере № 188. «Ищи, Юра, ищи», — сказал я дрогнувшим голосом. Через несколько дней звонит: «Нашел!» Двенадцать пожелтевших отпечатков с широкой пленки размером 66 см с «интересными моментами». Оригиналы передал в музей Тамбовского государственного университета имени Г. Р. Державина.

4

Но что значит «не соответствующих по политическим качествам передаче французским военным властям»? В архивных документах то и дело натыкаешься на справки, планы, связанные с политико-воспитательной работой с военнопленными.

Пьер Ригуло (справа) и автор

Французский историк, сотрудник Института социальной истории Пьер Ригуло, автор книг «Французы в ГУЛАГе» и «Солдаты поневоле», считает, что оставшихся в лагерях готовили к разведывательной работе в пользу СССР. Возможно, кого-то действительно отбирали для этих целей. Но, на мой взгляд, в лагерях для военнопленных прежде всего ковали административные кадры для еще не существовавшей тогда ГДР, для Венгрии, Румынии и других стран будущего «лагеря социализма». Делалась определенная ставка и на Францию, где позиции коммунистов были довольно сильны. Идеологическая обработка военнопленных велась постоянно. В лагерной библиотеке обязательно присутствовал «Краткий курс истории ВКП(б)», изданный в СССР на всех основных европейских языках. Но военнопленные видели,

как убого живет население страны победившего социализма, поэтому лагерная пропаганда на них едва ли действовала. Велась она, скорее всего, формально, для отчета. В этом смысле любопытна справка об антифашистской и политической работе среди военнопленных и их политико-моральном состоянии.

«По состоянию на 1 октября 1944 г. антифашистов было — 4 522, в том числе: немцев — 420, венгров — 170, румын — 103, франц. — 1705, поляков — 370, итал. — 1 700, остальные — 54. Из них активы: немцев — 260, венгров — 40, рум. — 35, франц. — 280, поляк. — 57, итал. — 42, остальные — 30. Среди антифашистов имеются в/п окончившие антифашистскую школу и курсы: немцы — 12, рум. — 1, австр. — 1. Подано 31 заявление о вступлении в добровольческие формирования для борьбы с немецко-фашистскими войсками».

захватчиками. Эти заявления подписаны 4 404 немцами, 1 200 венгр., 544 рум., 2 177 франц., 540 пол. и 1 940 итал. Среди подписавших заявление 4 итальянских офицера. Организовано 17 кружков худ. самодеятельности и 8 спортивных кружков. Вечеров худ. сам. проведено — 72, продемонстрировано 48 кинофильмов. В течение 9 месяцев разоблачено 226 профашистски настроенных военнопленных, в том числе: немцев — 53, венгров — 29, рум. — 31, французов — 53, итальян. — 20, остальных — 40» (ГАТО 2).

Реальными цифры, характеризующие не количество, а настроения военнопленных, назвать трудно. Бралась она, скорее всего, с потолка, а также из сообщений внутрилагерных агентов, фигурирующих в документах под псевдонимами «Лион», «Лина», «Ганди», «Артур», «Вервье» (ГАТО 1: Д. 3. Л. 35, 36).

Хотя агитационная работа, разумеется, велась. Наиболее политически перспективных военнопленных направляли в подмосковный город Красногорск в антифашистскую школу, где они подвергались более тщательной идеологической обработке.

В июле 1944 г. 1 500 французов все-таки были освобождены и отправлены в Северную Африку, где они влились в армию генерала де Голля. Пьер Ригуло во время приезда в Тамбов в ноябре 1990 г. в личной беседе сообщил мне, что на конец 1945 г., по его данным, на родину вернулось чуть больше 80 тысяч уроженцев аннексированных французских провинций. От 5 до 10

тысяч французов умерли в лагере № 188, примерно 25 тысяч погибли в немецкой армии. Ничего не было известно о 18 тысячах французов.

Советская сторона в том же 1990 г. настаивала на полутора тысячах французов, умерших в лагере, и утверждала, что содержались они в нормальных условиях, о чем свидетельствуют отзывы, оставленные ими перед отправкой в армию генерала де Голля. И в доказательство приводились все те же красочные альбомы с доброжелательными отзывами, которыми военнопленные оплачивали свою возможную свободу. Но вот рапорт на имя тогдашнего начальника лагеря № 188 майора госбезопасности И. Юсичева:

«Доношу, что 11/1-1945 было выведено под конвоем роты 29 человек в/п французов за дровами. Отойдя 100 метров от зоны, начальник конвоя спросил, французы они или нет. Получив утвердительный ответ, стал их избивать...» (ГАТО 2).

Далее в рапорте сообщается, что пленные регулярно избивались палками, главным образом за то, что не попевали за конвоем. Делать какие-то обобщения на основании этого документа опрометчиво. Тем более что, как видно из рапорта, такое поведение конвоя администрацией лагеря осуждалось. Но вместе с тем действия конвоиров вряд ли контролировались, среди них было немало людей с уголовным прошлым. И в декабре 1945 г. майор И. Юсичев направляет в Москву в соответствующее ведомство служебную записку: «Прошу о немедленной замене гарнизона конвой-

ных войск НКВД лагеря № 188, так как имеют место случаи со стороны боевого состава пьянства во время конвоирования контингента, утери оружия в пьяном виде, оставление военнопленных вовсе без охраны, военнопленные доставляют в лагерь пьяный конвой...» (ГАТО 2).

Количество военнопленных в лагере, их национальный состав постоянно менялись. Одни умирали, на их место прибывали новые, иных действительно отправляли в другие лагеря. Конвейер работал непрерывно. Вот одна из справок о количестве военнопленных по состоянию на 25 июня 1944 г.

«Всего 6 623 чел. (с французами) из них:

а) конвоируются на работу в Донбасс ст. Алмазная 24.06.44 конвоем 252 полка — 2 000 чел.

б) нетрудоспособных и не могущих быть использованными на работах — 980 чел.

в) использующихся на раб. подсобн. хоз-ва лагеря без затраты конвоя — 150 чел.

г) использующихся на раб. внутри лагеря без вывода из зоны конвоя — 830 чел.

д) подлежат отконвоированию из лагеря чехи и сербы — 220 чел.

ИТОГО: 4 200.

Остается в лагере трудоспособного контингента в/п, подлежащих выводу на работы — 2 423 чел.» (ГАТО 2).

5

Скитания французов по островам ГУЛАГа продолжались, как считают некоторые зарубежные исследователи, до конца 50-х гг. Военнопленный, который «по своим политическим качествам» не подлежал отправке на родину и оказывался в Темниковском лагере № 58 на станции Потьма, освобождался под именем, которое ему присваивало лагерное начальство. Этим лицам выдавали справки об освобождении, из которых следовало, что свобода дарована, скажем, Ивану Петровичу Сидорову. Попав на свободу, они терялись в пространстве и времени. И эта версия очень популярна среди родственников тех, кто считается без вести пропавшим.

В 1991 г. режиссер французского телевидения Жорж Дрион и сценарист Франсуаза Эрб снимали на Раде фильм о судьбе эльзасцев и лотарингцев, прошедших через лагерь № 188, и о тех, кто остался в тамбовской земле навечно. Со съемочной группой приехали трое ветеранов: мэр одного из небольших городков Эльзаса Шарль Кляйн, винодел Эмиль Шнейдер и судья из Лотарингии Люсьен Анрион. Они смогли посетить места, где много лет назад с нетерпением ждали возвращения на родину, побывали на местах захоронений друзей по несчастью. Когда съемки закончились, Жорж Дрион выступил по местному радио. Рассказал о своем фильме, а в конце выступления обратился к тамбовским слушателям с просьбой сообщить какие-либо сведения о судьбе своих соотечественников, оставшихся в России. Потом,

выдержав паузу, сказал несколько слов на эльзасском наречии. Вдруг кто-нибудь откликнется? Вдруг кто-нибудь узнает родной язык? Но ответа не последовало...

С точки зрения руководителей управления лагерей, военнопленные армий противника не должны были содержаться в лучших условиях, чем советские военнопленные в немецких лагерях и свои узники ГУЛАГа. Да и режим в немецких лагерях мало чем отличался от режима в советских лагерях. Но было и существенное отличие. Хотя в советских лагерях смертность была тоже высокой, целенаправленно военнопленных не уничтожали.

«Весной 1944 года человек двадцать пленных, в числе которых был и я, — вспоминает эльзасец Люсьен Даннер, — вышли из лагеря и пошли в направлении станции Рада. Надо было разгрузить вагоны с картошкой. За взвешивание отвечал один русский солдат. Он выпил водки и был несколько пьян. Он сказал нам: “Споете Марсельезу — получите картошку”. Мы спели, но, увы, картошки он нам так и не дал. Чтобы заглушить голод, я украл и съел прямо там три сырые картофелины вместе с кожурой» (Солдаты поневоле 2018: 150–151).

Любой нормальный человек, очутившийся в плену, мечтает о побеге. Находились такие и среди обитателей Радинского лагеря. Но куда мог бежать эльзасский крестьянин? Да и далеко ли убежишь в стране, в которой советскому человеку предписывалось в каждом говорящем с акцентом видеть диверсанта и шпиона.

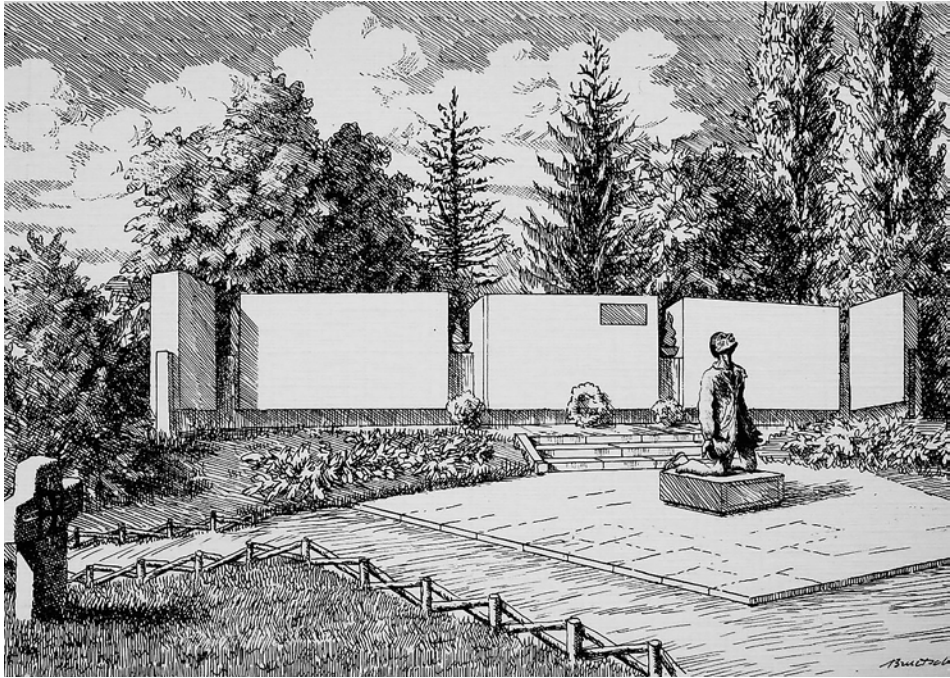
Но отчаянные головы находились. Вот рапорт начальника управления лагеря НКВД № 188 майора госбезопасности Евдокимова:

«Срочно... В 4 часа утра 28 февраля 1944 г. с работы мельзавода № 17 г. Тамбова бежал военнопленный солдат немецкой армии, француз Фаертаг Йозеф Якоб 1923 г. рождения... Выездом на место в село Столовое установлено, что военнопленный Фаертаг Йозеф Якоб в день побега с мельзавода № 17 г. Тамбова зашел в сельский Совет села Столовое и с разрешения сторожа сельсовета Букатина Михаила Андреевича переночевал там. На другой день... председатель сельского Совета Бельков оказал помощь военнопленному в питании и разрешил переночевать в сельсовете и вторую ночь...» (ГАТО 2).

Французская душа, наверное, не менее загадочна, чем русская. Йозеф бросился за помощью — наивная душа — к представителю советской власти, а тот — добрая душа — приютил, накормил его. А потом, скорее всего, обратился в органы.

Но в марте Йозеф Фаертаг снова бежал! И вновь был водворен в лагерь.

Следы «дважды беглеца» в 1999 г. обнаружил в Тамбовском областном государственном архиве преподаватель Страсбургского университета Режиc Бати. Имя Йозефа Фаертага он нашел в списках военнопленных, умерших по пути следования в город Кирсанов. Если это одно и то же лицо, то Фаертаг-беглец умер в марте 1945 г. Ему было 22 года.

Памятник узникам Тамбова в Эльзасе

Помимо этого, работая в архиве, Р. Бати сделал и свое маленькое открытие. «В Радинском лагере, — сказал он в личной беседе, — содержались не только “мальгрены”, но и партизаны, участники французского Сопrotивления, воевавшие против немцев».

Об этом же свидетельствует и подробная докладная записка начальника лагеря №188 И. Юсичева от 8 апреля 1945 г. «Оперативной проверкой состава партизан установлено, что из числа 72 партизан имеется: французов — 40 чел., бельгийцев — 10 чел., голландцев — 21 чел. и люксембуржцев — 1 чел. Все партизаны ранее служили в немецкой армии, большинство в организации ТОДТ (Военно-строительная организация, действовавшая в Германии во времена Третьего рейха. Названа

по имени возглавившего ее Фрица Тодта. — Е. П.). На восточном фронте перешли на сторону партизан и в составе партизанских отрядов принимали участие в операциях против немецких войск» (ГАТО 1: Д. 29. Л. 8, 8 об.). И уже 24 апреля в предписании о репатриации интернированных и партизан, в частности, было сказано: «На 72 чел., участвовавших в боях против немцев на стороне партизан, в графе “примечание” покажите, с какого времени был в партизанском отряде и в каком именно» (ГАТО 4: Д. 25. Л. 206).

6

Осенью 1998 г. в город Мюлуз, где стоит памятник погибшим в Радинском лагере эльзасцам, со своей выставкой приезжала тамбовская

художница Ирина Бирюкова. «А двумя годами раньше, — рассказывает она, — я познакомилась в Тамбове с бывшим военнопленным Альфонсом Юбером, и у меня сложилось впечатление, что Тамбов — почти постоянная тема газет в Эльзасе. Война, плен — это юность и печальные воспоминания Юбера и его друзей, прошедших через лагерь № 188. Вся его нынешняя деятельность посвящена миру, согласию и пониманию между народами. И мне захотелось перевести на русский его воспоминания о лагере, которые публиковались во французских газетах в разные годы...»

«Заключенные работали в разных группах, — вспоминает Альфонс Юбер, — кто в городе, кто в его окрестностях. «Гараж командо в Тамбове» был самым известным местом работы военнопленных, популярность ему придавало то, что работали там в основном специалисты. К тому же, как говорили, там лучше кормили. Я хотел работать там хотя бы для того, чтобы выйти из лагеря. И тут прошел слух, что для «гаража» требуется механик. В лагерь приехала комиссия, собралась она в бухгалтерии. Я назвался механиком, но мне сказали, что я слишком молод, чтобы быть хорошим специалистом. Тогда я объяснил, что я студент-технолог, умею сваривать металл, могу точить, сверлить, а также рисовать... Говорил решительно, вид у меня был, наверное, умоляющий. И тогда женщина-врач нашла в списке мое имя и подчеркнула его красным карандашом... На следующий день нас в группе из 25 человек в грузовике повезли в Тамбов — в «гараж командо».

Мастерская находилась в центре Тамбова в глубине двора, окруженного жилыми домами и глухой стеной. Но оставался узкий проем, через который была видна центральная улица города с большими фонарями. По этой улице маршировали военные, на ней проводились официальные мероприятия. Все пространство перед стеной занимали кусты крапивы и заросли одуванчиков. Втихаря мы их рвали и делали из них салат...

С нами работали и русские, которые командовали «инженер» со скверным характером и молодая русская женщина. Она была хороша собой и даже красилась, но ее интонации при разговоре были такими же, как у наших «политруков» в лагере. Оценивая жизнь во Франции, мы должны были по ее указке осуждать капитализм, что было делом трудным, и мы поневоле становились скрытными и подозрительными».

«Гараж командо» действительно располагался в центре Тамбова, и торцом мастерские выходили на улицу Интернациональную, по которой на 1 мая и 7 ноября шли демонстранты. Но в свой приезд в Тамбов летом 1998 г. Альфонс Юбер свою мастерскую так и не нашел по той простой причине, что на фундаменте бывшего гаража вырос Концертный зал областной филармонии. В начале 60-х гг. на этом месте еще высились развалины, которые традиционно называли «гаражами».

7

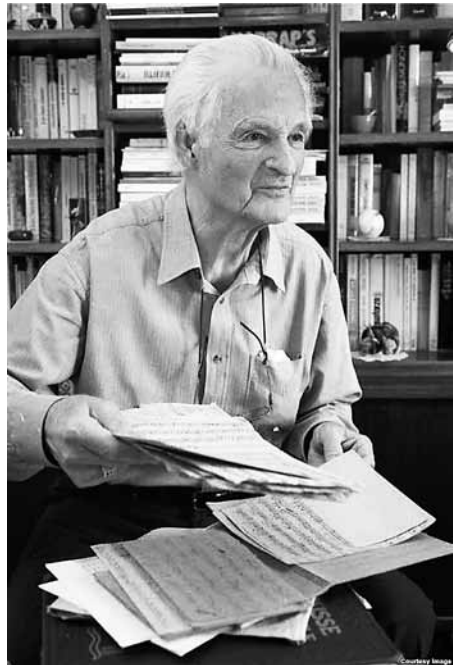
В Эльзасе Тамбов — самый известный российский город. Почти в каждом доме можно увидеть что-

либо, связанное с этим городом, со станцией Рада, с лагерем № 188. В «Последних эльзасских новостях» регулярно печатаются воспоминания «узников Тамбова», отчего жителям цветущего Эльзаса город, расположенный в центре России, начинает казаться исчадием ада. Подробные воспоминания о пребывании в лагере на станции Рада оставил школьный учитель из Эльзаса Шарль Митчи (1917–2008).

«В Радинском лагере я попал в барак № 45, где располагался французский “клуб”. Здесь была библиотека и место наших встреч. За “культуру” отвечал Эжен Сент-Эв, а я руководил хором, поэтому встречался с ним часто. Вскоре мы стали большими друзьями...

Однажды Эжен вошел в барак в сопровождении нескольких прелестных девушек в элегантной военной форме. Как потом выяснилось, это были мобилизованные русские студентки из московского института иностранных языков. Они были посланы к нам, чтобы совершенствовать свои знания во французском языке. Эжен, изучавший литературу, был назначен ответственным за организацию занятий, которые длились месяца полтора.

Для нас, не видевших годами женского лица, это был подарок! Девушки были любезны — они раздавали нам сигареты, носили газеты. Политика их не интересовала, они расспрашивали нас о жизни во Франции, о работе, об отдыхе, интересовались французским искусством. Одна из девушек, ее звали Зоя, очень хорошо разобралась

Шарль Митчи

в искусстве, и в Эжене она нашла идеального собеседника. Они говорили о Верлене, Бодлере, Рембо, Мюссе, о Равеле, Дебюсси, о русских композиторах и французских художниках-импрессионистах. Их литературные и музыкальные симпатии вскоре переросли в сердечную дружбу, и хотя отношения Зои и Эжена носили платонический характер, они могли быть опасными для обоих.

Потом наступил день прощания, и мы больше не видели этих милых девушек.

Первый транспорт с военнопленными ушел во Францию в начале августа 1945 г. В свой родной город Мец мой друг Эжен попал только в конце октября. Все эти годы мы помнили друг о друге, но почему-то

не делали попыток встретиться. Однако через 50 лет история нашей дружбы получила неожиданное продолжение...

...В один из вечеров я смотрел по телевизору новости, и вдруг увидел на экране человека, очень похожего на Эжена. Потом на экране появился текст с именем этого человека, и сомнения мои развеялись. Это был он — Эжен Сент-Эв, Президент национального общества хирургов-дантистов. Думая о том, какую карьеру сделал мой друг, я не надеялся, что он помнит меня. Поэтому, когда мой сын нашел его адрес, я и тогда не решился написать ему.

Перед моей поездкой в Тамбов в августе 1998 г. я приготовил конверты с адресами тех, кто был насильно мобилизован немцами и попал потом в Радинский лагерь. Всем им я собирался послать открытки из Тамбова. После некоторых раздумий подписал открытку и для Эжена...

Через шесть недель у меня дома раздался телефонный звонок. Взволнованный Эжен сообщил мне, что пять минут назад он получил мою открытку, посланную из Тамбова. А через три дня от него пришло подробное письмо, в котором он рассказывал о своей судьбе...

Все эти годы он старался забыть о лагере и никому не рассказывал об этом периоде своей жизни. Но два года назад Эжену позвонили из французского посольства в Москве и спросили, действительно ли он в годы войны находился в лагере № 188. А через некоторое время

к нему приехал Ив Аман — генеральный директор Центра изучения славянской культуры при Парижском университете. Он прекрасно говорил по-русски и был хорошо знаком с Зоей Масленниковой. Той самой Зоей, которая совершенствовала французский язык в общении с нами в “гараж командо”! С ее слов я и узнал продолжение истории, завязавшейся в Тамбове в конце 44-го.

В апреле 96-го в Переделкино, в Доме писателей, ее сосед по столу обмолвился, что собирается написать сценарий для фильма о лагере № 188, и высказал сожаление, что не может найти в России свидетелей тех событий. Зоя сказала, что она бывала в этом лагере и рассказала несколько эпизодов. Позже она написала свои воспоминания о том времени и отдала их в журнал “Континент”, где они и были опубликованы.

Осенью 96-го я встретился с Ивом Аманом и передал ему текст своих лагерных воспоминаний, которые назвал “Маленький французский оазис”. В них он встретил имя Эжена. Ив без труда нашел его адрес и 28 января 1997 г. приехал в Мец, откуда позвонил мне. В тот день мы впервые говорили с Эженом о лагере после расставания в январе 44-го.

Потом Зоя приезжала в Мец, а Эжен — в Москву. По предложению редактора “Континента” Игоря Виноградова Эжен написал свои воспоминания, которые были переведены на русский язык. А в декабре 98-го он послал Зое копию моего фильма, снятого в Тамбове в августе, в дни открытия мемориала

на станции Рада. А вскоре я получил от Зои факс: “Торячо Вас благодарю за Ваш прекрасный фильм. Я плакала, когда смотрела его...”»

Повесть-воспоминание Зои Масленниковой «Маленький французский оазис» была опубликована в № 1 журнала «Континент» за 1997 г. Посвящалась она «светлой памяти Эжена Сент-Эва, живого или мертвого». А через год в том же журнале «Континент» появились воспоминания самого Эжена «Закрутила нас война». Жизнь, как оказалось, не только завязывает узлы. Она же их иногда и распутывает...

В плен Сент-Эв сдался под Витебском, когда город был окружен советскими войсками. Вот как он описывает этот эпизод и дальнейшие события, связанные с пленом:

«Со всех сторон свистели пули. И мы решили сдаться. Поскольку я был из числа эльзасцев-лотарингцев, наше отделение поручило мне возглавить эту операцию. Задача была опасная, но я взялся ее выполнить. Побросав оружие, построились в затылок друг к другу, я встал впереди, и мы зашагали к русским. Момент был критический. Солдаты обыскали нас. Офицер грубо толкнул к группе других пленных. На мне не было никаких знаков отличия. Спас меня, наверное, мой несчастный вид побежденного солдата, которого силой заставили воевать наперекор его воле...

Гражданское население, освобожденное наступлением русских, пыталось при нашем прохождении распознать полевых жандармов,

чтобы расправиться с ними за совершенные злодеяния. Если их узнавали, то убивали тут же на месте.

На третий вечер, очутившись далеко от боевых действий, мы, наконец, почувствовали себя в безопасности. Колонна, насчитывающая уже несколько тысяч человек, шла к Москве, но на этот раз как армия побежденных...

Было организовано огромное шествие военнопленных по Москве, по образцу римских триумфов, когда из прохождения пленных устраивалось зрелище на радость победителям и их семьям.

Затерянный в бесконечных рядах пленных, многие из которых болели дизентерией и не могли удержаться от испражнений, я не имел ни времени, ни возможности рассматривать лица людей, стоявших на тротуарах...

Шествие побежденных закончилось. Нас распределили по разным московским вокзалам. В числе прочих меня направили в большой лагерь где-то на Урале...

Вскоре пришел приказ переправить нас в другой лагерь, и я впервые услышал слово “Тамбов”. Когда нас всех собрали, я удивился, увидев так много эльзасцев и лотарингцев. Путешествие по железной дороге длилось долго. Высадившись на перроне вокзала, я прочел название станции: Тамбов...

На больших воротах значился номер лагеря: 188. У входа русские офицеры не без тени улыбки

поздравили нас с прибытием. За их спинами стояли французы в форме цвета хаки. Нас направили в столовую и в честь приезда накормили довольно сытным супом.

Все перезнакомились. Кое-кто нашел друзей, земляков. Встречи вызывали бурную радость. Жизнь началась с карантина, неизбежной санитарной меры. Нас разместили по баракам, устроенным довольно необычно. Соломенные или тростниковые крыши доходили до земли. С двух торцов они были открыты. Чтобы войти, приходилось спускаться по ступенькам под землю. Воздух там был довольно прохладный, но нездоровый, зимой и летом помещение обогревалось теплом человеческих тел.

По обеим сторонам центрального прохода располагались дощатые нары. Одежд не было, вместо подушек мы подкладывали под голову консервные банки, они же служили нам манерками. Там царил сумрак, свет проникал лишь из входов по обеим сторонам барака.

Двое умельцев соорудили весы на манер монетных, чтобы как можно точнее взвешивать наш скудный хлебный паек. Мы все помнили размеры нашего армейского рациона, когда триста граммов были довольно большим куском. Пленным выдавали хлеб с примесью картофеля и древесных опилок, очень тяжелый на вес. Триста граммов превращались в маленький плотный ломтик, пожирившийся мгновенно.

Дважды в день давали суп, неописуемую жидкость, которую разлива-

ли из котла, где плавало несколько капустных листьев.

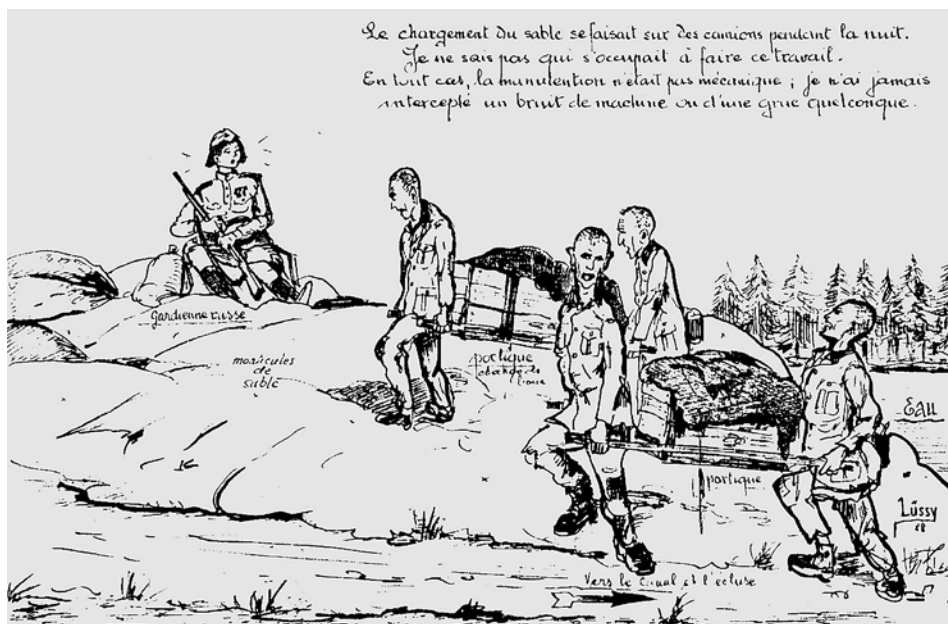
Пока пленный сопротивлялся, он прозябал в бараке. Стоило ему не выйти на проверку, его отправляли в лазарет, где санитарные условия были едва ли лучше, а ухода практически не существовало никакого. Мало кто оттуда возвращался живым. Сколько их было? Две тысячи? Три тысячи?

У каждого из нас имелся друг, знакомый, земляк, канувший в Лету...» (см. также: *Писарев* 1999)

В 2015 г. в Санкт-Петербурге в издательстве «Лимбус-Пресс» вышла 400-страничная книга воспоминаний Шарля Митчи «Тамбов. Хроника плена» в добротном переводе с французского Любови Шендерович-Фок. В обращении «К читателю» Клодина и Жан Митчи пишут: написав эти воспоминания, наш отец позволил нам понять «всю глубину этой “обыкновенной драмы”, порожденной насильственным призывом эльзасцев и лотарингцев, и лучше объяснить это нашим собственным детям».

8

В августе 2014 г. в администрации Тамбова при участии главного советника департамента по гуманитарному сотрудничеству и правам человека МИД России Андрея Волкова состоялась деловая встреча руководителей города с французской делегацией. Стороны обсуждали развитие сотрудничества Тамбова с департаментом Мозель в области

Горельский гидроузел

Горельский гидроузел сегодня

культуры, образования, спорта и туризма. В составе делегации Тамбов посетил и Лоран Кляйненц – автор нескольких книг о судьбе своих соотечественников в советском плену, мэр небольшого города Фаренбершвиллер департамента Мозель. Через два года Лоран Кляйненц вновь посетил Тамбов и выразил желание побывать в селе Горелое, увидеть гидроузел, который строили его соотечественники.

В официальных документах сообщается, что гидроузел сооружался методом народной стройки, но это не совсем так. Труд военнопленных применялся на многих объектах и промышленных предприятиях Тамбовской области, в том числе и на строительстве Горельского гидроузла. В решении Тамбовского облисполкома «О мероприятиях по организации судоходства на реке Цне» от 14 апреля 1943 г. есть пункт: «Просить начальника УНКВД по Тамбовской области тов. Итряшова выделить для работ на р. Цне 2 000 военнопленных» (см. документы архива государственного федерального учреждения «Цнинская шлюзованная система»).

Но фактически на строительстве гидроузла, который в документах именуется тамбовским участком Цнинстроя, работало порядка 800 военнопленных. Условия жизни там были особенно тяжелыми. Серафим Константинович Андреев в середине 40-х гг. работал на этом участке водителем полуторки и рассказывал, что военнопленные жили в неотапливаемых землянках, спали на соломе. «Я возил туда продукты для военнопленных, в основном это

были мука, рыбный фарш, капуста. А обратным рейсом вывозил на Радутрупы умерших, где их хоронили в общих могилах».

В селе Горелое удалось найти местного жителя, Ивана Алексеича Колмакова, который в 40-е гг. жил в непосредственной близости от стройки:

— Тогда мне было лет десять, но военнопленных помню. Жили они в бараке, который до наших дней не сохранился. Зимой заготавливали лес, на санях возили доски, другие материалы, а с приходом тепла рыли каналы. Были среди пленных не только немцы, но и венгры, французы. Кормили их, как я понимаю, плохо, иногда им приходилось побираться. Местные их жалели, подкармливали, чем могли, хотя конвой гонял и тех, и других. Конвоирами же были пацаны — на пять-шесть лет старше нас, но с винтовками. Раз в неделю им показывали кино, и мы норовили приобщиться к близости.

Лоран Кляйненц собрал более тысячи свидетельств «мальгрёну», в том числе и тех, кто содержался в лагере № 188. Часть из них вошла в его 600-страничную книгу «В котлах СССР». В интервью нам он рассказал:

— Мне важно было сохранить воспоминания бывших военнопленных, которых становится все меньше. Судьба французов в лагере была особенно трагична. Ведь многие из них добровольно сдались в плен, не желая воевать за интересы нацистской Германии, но в лагере они содержались в тех же условиях, что

И.А.Колмаков и автор

Л. Кляйненц и его книга «В когтях СССР»

Роже Пфанер

и остальные военнопленные. Обращаю внимание, что в названии книги присутствует игра слов. Французское слово ours, «медведь» созвучно аббревиатуре oURSS — СССР, поэтому название книги «В когтях СССР» можно перевести и как «В когтях медведя». На Западе медведя по-прежнему считают символом России, поэтому издатели решили, что такое название будет звучать оригинально. Это уже не первая книга на эту тему. До этого вышли книги «Тамбов — скрытая страна», «Красная колючая проволока». В Первую мировую войну на фронте погибли три брата моего деда. В нашем семейном архиве хранится последнее письмо одного из погибших, где он прямо пишет с фронта: «Мама, я не вернусь». Никто из них не хотел воевать, они были солдатами поневоле. И я решил, что если не соберу вос-

поминания, документы о тех моих соотечественниках, кто погиб в советском плену во Вторую мировую войну, то и о них забудут. Мне важно было восстановить достоинство солдат, которые оказались между двух огней. Когда немцы оккупировали, а затем и присоединили к Германии Эльзас и Лотарингию, никто из мобилизованных жителей этих провинций не хотел воевать на стороне фашистской Германии. Моего отца за отказ служить в немецкой армии арестовали, а семью депортировали. И это было обычной практикой, поэтому многие мозельцы вынуждены были надеть немецкую форму, чтобы спасти семью от гибели. Ни один департамент Франции не потерял такого количества своих жителей, как Мозель. Одни погибли на фронте, другие в лагерях. Летом 1944 г. полто-

ры тысячи французских военнопленных были освобождены из Радинского лагеря и влились в армию генерала де Голля. В их числе был и Роже Пфайнер, который сегодня тоже приехал в Тамбов. Сейчас ему 94 года. После освобождения из лагеря он в составе французской армии воевал с фашистами в Северной Африке.

В современной Франции уроженцев Эльзаса и Лотарингии считают не вполне французами, и это тоже тяжелое наследие прошлого. Моя последняя книга вышла тиражом в 2 500 экземпляров и быстро разошлась. Но работу над этой темой не прекращаю. Наметившееся сотрудничество между нашими регионами развивается, и оно должно стать для нас общим мостом дружбы. Надо, как ластиком, стереть то, что нас разделяет, но при этом помнить о трагических страницах нашей общей истории.

Фото и рисунки из личного архива автора.

FRENCH SQUARE. SOLDIERS CAPTIVE FROM ALSACE AND LORRAINE IN THE MILITARY CAPTIVITY IN THE TAMBOV REGION

Pisarev Eugeny N. — journalist, local historian (Tambov)

Key words: Second world war, Alsace and Lorraine, malgré-nous, pow camp No. 188, social history, the reconciliation over the graves.

Abstract. In August 1942, Hitler, because of the large losses on the Eastern front announced the call under the banner of the Wehrmacht more than 130 thousand young people from the annexed territories of Alsace and Lorraine, and 10 of thousands of young men from Luxembourg. Most of them have not experienced the desire to serve the Reich, called himself "malgré-nous" soldiers captive and surrendered in the hope to get into the army of General de Gaulle. But they got to the station Happy in the pow camp No. 188 near Tambov, as evidenced by the documents stored in State archive of

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

ГАТО 1 – ГАТО. Ф. Р-3444. Оп.1

ГАТО 2. – ГАТО 2 Ф. Р-3444. Документы управления лагеря № 188 НКВД СССР

ГАТО 3 – ГАТО. Ф. Р-4148. Документы управления лагерей Тамбовской области, отдел по делам военнопленных и интернированных при УНКВД по Тамбовской области

ГАТО 4 – ГАТО. Ф. Р-4148. Оп. 1.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Война и люди 2016 – Война и люди: «мы» и «они» на изломе Второй мировой. Сборник научных статей. Тамбов, 2016.

Писарев 1999 – *Писарев Е.* Рада, Потьма, тьма ГУЛАГа... Тамбов, 1999.

Послесловие 1990 – Газета «Послесловие». 1990. № 4.

Солдаты поневоле 2018 – Солдаты поневоле. Эльзасцы и Вторая мировая война / перевод с французского Любовь Шендерова-Фок. СПб.: Лимбус-Пресс, 2018.

the Tambov region, and memoirs of former prisoners of war. Several thousand malgré-nous stayed on many camp graveyards.

REFERENCES

Gazeta "Posleslovie", 1990, no. 4.

Pisarev E. *Rada, Pot'ma, t'ma GULAGa...*
Tambov, 1999.

*Soldaty ponevole. El'zasty i Vtoraia mirovaia
voina /* perevod s frantsuzskogo Liubov'
Shenderova-Fok. St. Petersburg: Limbus-
Press, 2018.

*Voina i liudi: "my' i "oni' na izlome Vtoroi miro-
voi.* Sbornik nauchnykh statei. Tambov,
2016.

Г. Ф. Матвеев

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА В ВОСПРИЯТИИ РУССКИХ И ПОЛЯКОВ

Ключевые слова: СССР/Россия, Польша, Вторая мировая война, Великая Отечественная война, историческая память.

Аннотация. В статье рассматриваются различия в восприятии Второй мировой войны в польском и российском обществе, обусловленные своеобразием культивируемого в них массового исторического сознания.
DOI 10.31754/2409-6105-2018-3-83-91

Школьный курс «Всеобщая история» относится к числу тех предметов, которые «проходят» почти в буквальном смысле этого слова, т.е. учат урок, отвечают и прочно забывают, что нетрудно сделать, принимая во внимание, что такого выпускного экзамена нет. Поэтому полученные молодыми людьми знания особой глубиной и прочностью не отличаются. В результате взрослое население России в своем подавляющем большинстве о Второй мировой войне (там, где дело не касается Красной Армии) имеет весьма смутное представление. Познания неисториков ограничиваются главным образом такими собы-

тиями, как падение Парижа, битва за Англию, Перл-Харбор, высадка в Нормандии, атомные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки, а их источником служат прежде всего художественные фильмы и телевизионные программы. Некоторые, более продвинутые, что-то слышали и о других событиях, например войне в Северной Африке, но знание того, что англичане воевали там не только с немцами и итальянцами, но и с французами, относится к разряду эзотерического. Когда-то Вторую мировую войну, ее события в Западной Европе, в СССР пытались приблизить через участие наших бежавших военнопленных в итальянском и французском движениях Сопротивления, но каких-то серьезных результатов эти попытки не дали. Для России Вторая мировая (вне нашего участия)

© Матвеев Г. Ф., 2018

Матвеев Геннадий Филиппович – доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой МГУ имени М.В. Ломоносова (Москва); gfmateevev@yandex.ru

так и осталась чужой, далекой войной, сыгравшей всего лишь вспомогательную роль в победе Советского Союза над Германией. Мы согласны только на роль главного действующего лица в разгроме Германии и ее союзников, и не меньше, и убеждены, что все остальные государства и народы, боровшиеся с германским нацизмом, итальянским фашизмом и их приспешниками, нам в этом только помогали. В числе этих помощников, конечно же, выделяют прежде всего великие державы того времени: США, Великобританию с доминионами и, как это ни странно, Францию, а также движение Сопротивления. Это мнение прочно укоренилось в сознании россиян, и переубедить их в этом не сможет никто и никогда.

С другой стороны, самым значимым для российского общества событием XX в. является, несомненно, Великая Отечественная война 1941–1945 гг. с Германией и ее европейскими союзниками. Почему именно она столь прочно утвердилась в качестве важнейшего события в истории России и всего мира в XX в. в памяти россиян? Причин тому великое множество, и пропаганда далеко не самая главная среди них. Во-первых, эта война коснулась практически каждой семьи в нашей стране, и многие из них опалила своим смертоносным дыханием. Есть такое образное выражение: «Война вошла в каждый наш дом». А я могу с полным основанием добавить, что она так отсюда окончательно и не ушла. До сих пор трудно представить, например, что у нас может быть снят и пользоваться *подлинным* успехом фильм *a*

la «Бабетта идет на войну». Но зато чуть не спонтанно родился и набирает небывалый размах такой феномен человеческой памяти, как «Бесмертный полк».

Во-вторых, Великая Отечественная война протекала в полном соответствии со сценарием, учитывающим свойственные людям, независимо от их национальной принадлежности, представления о борьбе добра и зла как двух взаимоисключающих, абсолютно непримиримых начал, испокон веков существующих в мире. Эти представления в том или ином виде присутствуют в религиозных учениях и народных сказках, произведениях социалистического реализма и американских блокбастерах. Их суть выглядит следующим образом. В мире есть плохие и хорошие (бог и сатана, люди, группы людей, страны). Плохие вынашивают коварные планы в отношении хороших, а те, ничего не подозревая, живут и радуются мирной жизни. Нападение плохих на хороших неожиданно, застает врасплох. Поэтому в первое время плохим сопутствует успех, они близки к полной победе. Но согласно человеческим представлениям о добре и зле, в мире всегда должно побеждать добро, в противном случае жизнь не имеет смысла. И вот хорошие расстаются со своим благодушием, собирают в кулак все свои силы, мужество, решимость, одним словом, в них «ярость благородная вскипает как волна», они вступают в бескомпромиссную борьбу с плохими и в конечном итоге побеждают. При этом они несут добро, т. е. свободу другим хорошим, которым не хватило сил выстоять в борьбе со злом.

В этом отношении абсолютно идентичными выглядят сценарии Куликовской битвы, Отечественной войны 1812 г. и Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., память о которых живет, соответственно, более шести с четвертью веков, более 200 и более 70 лет. Это соответствие сценариев перечисленных выше войн психологическим особенностям людей сделало память о них интегральной частью повседневного сознания людей в СССР, которая остается реальным феноменом и на постсоветском пространстве.

А ведь в истории России было множество других войн, в том числе и судьбоносных для нее, однако их лишь «проходят» в школьном курсе, но не переживают эмоционально. Это и все русско-турецкие войны XVII–XIX вв., может, кроме (в какой-то мере) последней из них, 1877–1878 гг., и Крымская война, и даже империалистическая, т.е. Первая мировая. Не оставил особого следа в российском общественном сознании «Освободительный поход Красной Армии» в сентябре 1939 г. в восточные земли II Речи Посполитой. Нечто, воспринятое многими как радостное событие, поскольку наконец-то почти все восточные славяне будут жить вместе, как во времена Киевской Руси. Но не более того. Вскоре началась финская война, более настоящая, чем предыдущая, с тяжелыми боями и большими жертвами. Но велась она где-то на окраинах великой страны, а общество продолжало жить своей невоенной жизнью. Сходной была судьба и кампаний, являвшихся прямым продолжением Отечественных войн. Иногда

помнят зарубежный поход русской армии после изгнания Наполеона из России, но чаще всего в связи со смертью М.И. Кутузова, или когда вспоминаются казаки в Париже, оставившие о себе память в названии заведений французского общества «бистро». Даже советско-японская война 1945 г., пожалуй, самая скоротечная и успешная за всю российскую военную историю, шедевр стратегического искусства XX в., победа в которой была достигнута с минимальными людскими и материальными потерями, не оставила в памяти россиян сколько-нибудь серьезного следа.

В-третьих, в СССР/России просто невозможно представить себе власть или какие-то общественные силы, способные вычеркнуть страницу, связанную с Великой Отечественной войной, из народной памяти. Это со всей очевидностью показали смутные времена позднего Горбачева и раннего Ельцина. Тогда в некоторых «интеллектуальных» кругах модно было порассуждать о том, что зря мы эту войну выиграли, лучше бы немцы нас победили и сейчас мы были бы сытым, благополучным государством. Народ, который не единожды без возражений поддерживал разный бред, рождавшийся в той же среде, к этим рассуждениям отнесся враждебно.

Время, прошедшее после майской победы 1945 г., показало, что Великая Отечественная война — это своего рода пробный камень для проверки степени патриотизма, столь важного для русского сердца. Мне могут возразить, что Сталин не сделал 9 мая праздничным днем.

Но генералиссимус в этом дне как празднике и не нуждался. Пропаганда и так каждый день напоминала всем и каждому об этой победе как о величайшем свидетельстве его гения. Да и страну нужно было восстанавливать, и атомную бомбу делать, чтобы защитить себя и друзей от нового плохого, на этот раз с ядерной дубиной в руках. Как показал август 1945 г., приверженность нового плохого христианской морали не помешала ему применить свое сверхоружие против гражданского населения Японии. Поэтому советские люди должны были много и напряженно работать.

Что же касается всех последующих кремлевских сидельцев, то они этой харизмы отца майского триумфа добра над злом не имели. Но понимали ее важность для своего имиджа лидеров великого народа. Ведь не только старческим маразмом можно объяснить потуги Н. С. Хрущева и Л. И. Брежнева примерить на себя мундир демиурга той Победы. Для меня совершенно очевидно, что в России признание властью величия победы в Великой Отечественной войне есть обязательное и необходимое условие ее общественной поддержки и признания.

Этот причинный ряд можно продолжать еще достаточно долго, но суть дела от этого не изменится. Великая Отечественная война — это высшее проявление духа, самоотверженности, таланта и величия русского народа. Ведь не случайно же Сталин поднял именно за этот народ отдельный тост на торжественном приеме в Кремле по случаю парада Победы.

А теперь посмотрим, как выглядит Вторая мировая война для поляков. Вряд ли может служить поводом для гордости тот факт, что политики и историки избрали 1 сентября 1939 г. в качестве условной даты начала Второй мировой войны. Ведь на тот момент война в Европе была реальностью, причем уже полтора года, а в Азии и Африке она началась еще раньше. С политической карты мира исчезли к тому времени независимые Абиссиния и Австрия, в состав рейха была включена Чехия, Китай стал полуколонией Японии. Сентябрьская кампания 1939 г. развивалась по-иному сценарию, нежели Великая Отечественная война. Несмотря на отдельные очаги сопротивления и индивидуальный героизм, она была быстро и безнадежно проиграна немцам, которых Варшава еще за несколько лет до этого шантажировала угрозой превентивной войны. Все потуги многих польских санационных и современных политиков, а также части современных польских историков и публицистов объяснить быстрый разгром Польши, еще недавно упивавшейся своей «великодержавностью», советским «предательским ударом в спину» 17 сентября 1939 г.¹ — это не более чем стремление хоть как-то оправдать трагические для польского народа просчеты тех, кто много лет руководил и отвечал за обороноспособность страны: от маршала Пилсудского до его эпигонов. Конечно, польские руководители желали своей стране блага, но ведь история и историки судят прошлое не по намерениям политиков, а по результатам их деятельности.

¹ См. напр.: (*Wieczorkiewicz* 2001).

Затем последовали долгие годы оккупации, когда поляки Генеральной губернии были низведены до состояния объекта охоты. Их хватали на улицах во время облав и забирали из-под родных крыш, брали в заложники, заставляли работать на врага за алкоголь и т. д. Тем же, кому оккупантами была «оказана честь» стать гражданами Третьего рейха, пришлось, помимо всего названного выше, еще и служить в немецкой армии, в том числе и в боевых частях, а не только в строительной организации Тодта, как нам показывали в первом советском телевизионном сериале «Вызываю огонь на себя». Не хотелось бы именно здесь (поскольку это требует отдельного разговора) подробно останавливаться на польском движении Сопротивления, связанном с правительством в изгнании, — этой наиболее героической странице в жизни поляков в Генерал-губернаторстве и на бывших восточных «кресах» II Речи Посполитой². Прежде всего вожди создавали его с мыслью

² Надо сказать, что даже в Польше нет единства взглядов относительно размаха этого явления. Так, весной 2018 г. Я. Жаковский написал в популярном польском еженедельнике «Политика»: «Лживый культ II Речи Посполитой нашел свое продолжение в таком же лживом культе польского сопротивления во время Второй мировой войны. Вопреки создаваемой политиками легенде, оно не было ни всеобщим, ни несгибаемым. В подпольном движении участвовало несколько процентов поляков. Польская полиция работала на оккупационные гитлеровские власти. Речь Посполитая оказалась страной без коллаборационистского правительства не потому, что в Польше не нашлось претендентов на эту роль, а потому, что предложения, которые сделал Германии «санационный» премьер, министр, сенатор и депутат проф. Леон Козловский, не были приняты» (ahowski 2018).

о том, чтобы возродить послевоенную Польшу в границах 1923 г. и желательно с прежними политическими элитами во главе, а не для беспощадной повседневной войны с врагом. Жизнь опрокинула эти расчеты, ни одно из польских восстаний 1944 г. (я имею в виду здесь полесские местечки Украины, Вильнюс, Львов) не привело к вожделеным результатам. Среди поляков Генерал-губернаторства не возник благоприятный психологический климат для гордости за себя и своих руководителей в стране и за рубежом. И уж тем более не мог он возникнуть в тех областях довоенной Польши, которые были включены в состав Германии.

Правда, оставались еще поляки за рубежом, в СССР и на Западе. Несомненно, если бы поляки прославили себя в сражениях на территории СССР, то это обязательно осталось бы в памяти россиян³. Но 75-тысячная армия Андерса, у которой был шанс оказать сильную помощь Красной Армии в тяжелейшем 1942 г. и войти в историю как соавтор Сталинградской победы, была выведена на безопасный Ближний Восток. В 1943 г. ее использовали в Италии. Существует огромная научная, публицистическая и художественная литература о беспредельном героизме, проявленном поляками при штурме немецких позиций в окрестностях

³ Несомненно, остались в памяти россиян имена прославившегося именно на фронтах Великой Отечественной войны маршала К.К. Рокоссовского и некоторых красноармейских генералов польского происхождения, не понятно почему не упомянутых именно в данном контексте (прим. отв. редактора).

итальянского монастыря Монте Кассино. В последнее время этот эпизод, особенно в Интернете, даже пытаются сравнивать по значению со Сталинградской битвой. 2-й польский корпус во второй половине мая 1943 г. выполнил поставленную перед ним боевую задачу⁴, но ведь после этого на итальянском фронте наступательных действий не было до второй половины июля. А Рим союзники освободили еще в апреле 1943 г. Польские летчики и моряки оказывали посильную помощь англичанам при защите туманного Альбиона, отдельные польские части участвовали в составе англо-американских армий в освобождении Западной Европы в 1944–1945 гг. Но каждый раз они использовались для решения тактических задач силами отдельных соединений, до дивизии или бригады. Я оставляю открытым вопрос, достаточно ли всего этого для того, чтобы сформировать в польском обществе то самое чувство гордости за свой беспримерный подвиг.

Из оставшихся в СССР польских, а также советских поляков и неполяков коммунистами в 1943 г. была сформирована дивизия имени Тадеуша Костюшко численностью в 12 тыс. человек. Но на территории Советского Союза ей довелось участвовать только в двухдневном бою

⁴ Не очень хотелось бы измерять значимость того или иного сражения количеством убитых и раненых, но иногда это наиболее объективный критерий для характеристики масштаба и жесточечности боев. По разным данным, за все время штурма монастыря польские потери составили от 860 до 930 чел. погибшими и около 3 тыс. ранеными. URL: sciaga.pl/tekst/17557-18; www.sww.w.szu.pl/index.php?id.

армейского значения на Могилевщине в Белоруссии 12–13 октября 1943 г. Да, поляки сражались там отважно, понесли большие потери, заслужили боевые награды. Но ни для кого не было секретом, что перед ними была поставлена всего лишь тактическая задача, потому что советское наступление на этом участке фронта уже выдохлось, главные события разворачивались южнее, на Украине. Это была главным образом политическая демонстрация Западу и польскому правительству на чужбине, что Советскому Союзу есть с кем сотрудничать в Польше. Не случайно в качестве главного итога боя под Ленино и польские, и советские историки называли «рождение польско-советского братства по оружию» (Dzieje Polski 1978: 810; Самсонов 1985: 351–352).

После этого дивизию отвели в тыл для пополнения, а затем последовательно переформировали в корпус и армию. И только во второй половине 1944 г. использовали уже в Польше, но вновь не на стратегическом направлении, которым в тот момент стала Румыния, единственный источник нефти для Германии и ее союзников. Использование армии Берлинга для помощи угасающему Варшавскому восстанию⁵ в сентябре 1944 г. было событием локального значения, к тому же безуспешным. Куда более масштабным выглядел в тех конкретных условиях переход в августе – сентябре 1944 г.

⁵ К сожалению, оценка самого этого, очень важного в истории Польши времен Второй мировой войны события как в военно-стратегическом, так и в политическом, а также этическом плане осталась за пределами настоящего сообщения (прим. отв. редактора).

на сторону антигитлеровской коалиции вооруженных сил Румынии, Словакии и Болгарии. Румынские и болгарские войска уже в 1944 г. приняли участие в боевых действиях против Германии и ее союзников отдельными армиями в составе советских фронтов. 1-я польская армия была использована в попытке освобождения Варшавы в сентябре 1944 г., но полноценно участвовала в боевых действиях после начала Красной Армией Висло-Одерской наступательной операции в январе 1945 г. 2-я польская армия, сформированная в Люблинской Польше, так и не успела показать себя в боевых действиях. Противники коммунистов сделали все, чтобы минимизировать в общественном восприятии роль, которую сыграла 1-я польская армия в войне. И все попытки властей ПНР сделать ее историю предметом гордости всех поляков до 1989 г. так успехом и не увенчались. В России же память о нашем боевом взаимодействии сложилась во многом благодаря кинофильмам «Четыре танкиста и собака» и «Ставка больше, чем жизнь» с польским Джеймсом Бондом майором Клоссом в исполнении Станислава Микульского, которые в современной Польше подвергнуты самой беспощадной критике.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что на памятнике в парке Победы в Москве, установленном в честь 60-й годовщины разгрома Германии, нет фигуры польского солдата. Ведь нет же там солдата чехословацкого (напомню, что на стороне СССР сражался Чехословацкий корпус), болгарского, румынского (не стоит забывать, что

только король Михай, единственный из всех лидеров региона, получил Орден Победы⁶), югославского (Югославская народно-освободительная армия И. Броз Тито сумела в 1944–1945 гг. самостоятельно освободить немалую часть своей страны), китайского, албанского и др.

Итак, Вторая мировая война для Польши — это ряд неудач, поражений, кризис системы ценностей, насаждавшихся в обществе на протяжении 13 предвоенных лет, после захвата власти Ю. Пилсудским в 1926 г. (прежде всего мифа о великодержавности). Есть отдельные героические эпизоды на уровне боев местного значения, но нет сражений стратегического масштаба, круто менявших ход истории.

Поэтому польская историография Второй мировой войны — это бесконечная мартирология и поиск виновников в польских несчастьях. Вначале в своих рядах, затем среди великих держав, которые в годы войны решали вопрос, как не допустить в Европе новой войны хотя бы в ближайшие полвека. И надо сказать, что найденное тогда решение оказалось более эффективным, чем Версальский порядок. Правда, платой за это стало включение Польши по взаимному (!) согласию Большой Тройки в советскую зону безопасности со всеми вытекающими для нее из этого последствиями.

⁶ Среди кавалеров Ордена Победы были также И. Броз Тито и маршал Польши М. Роля-Жимерский, министр обороны в подконтрольном СССР польском правительстве — Польском комитете национального освобождения (так называемом Люблинском комитете) (прим. отв. редактора).

По мере того, как Польша выходила из советской тени, ущемленное национальное достоинство с неизбежностью толкало поляков к возложению на СССР (и Россию как его правопреемницу) большей части ответственности за все их несчастья периода войны и к постепенному забвению многими из них того, что в день, который считается днем начала Второй мировой войны, 1 сентября 1939 г. на Польшу напала все же Германия, а не Советский Союз.

Преодоление перечисленных различий в восприятии Второй мировой войны в России и Польше в настоящее время и в достаточно отдаленном будущем я считаю делом более чем сомнительным. В России никогда не согласятся с тезисом о каком-то исключительном вкладе Польши в победу над фашизмом, поскольку в реальности он ничуть не больше, чем многих других государств и народов мира, но никак не может быть сравним с вкладом русского народа.

Польская интеллектуальная элита будет и впредь говорить об особом вкладе Польши в Победу, потому что это нужно ей для поддержания собственного хорошего психологического тона и психического здоровья нации. Ведь война 1920 г., при всех усилиях англичан лорда

Д'Обернона и Норманна Девиса, слишком скоротечное событие, чтобы построить на нем здание национальной гордости.

Заставить польских историков и публицистов написать другую, более взвешенную историю развития событий в СССР и Польше в период Второй мировой войны в условиях свободы слова и мнений, на мой взгляд, едва ли возможно. Но я не пессимист, хотя представленная мной картина и не может вызывать воодушевления. Я считаю, что политикам пора абстрагироваться от исторических споров и обвинений, оставив эту область историкам. А публицистика, не будучи востребованной властями, сама переключится на более важные и конструктивные сюжеты нашего общежития. Ведь Европа такая маленькая, а Центрально-Восточная Европа — еще меньше.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Самсонов* 1985 — *Самсонов А.М.* Вторая мировая война 1939–1945. Очерк важнейших событий. М., 1985.
- Dzieje Polski* 1978 — *Dzieje Polski* / pod red. J.Topolskiego. Warszawa, 1978.
- Wieczorkiewicz* 2001 — *Wieczorkiewicz P.* Kampania 1939 roku. Warszawa, 2001.
- Żakowski* 2018 — *Żakowski J.* Zemsta trzech kłamstw // *Polityka*. 28.III.2018. №13 (3154).

THE SECOND WORLD WAR IN THE PERCEPTION OF RUSSIANS AND POLES

Matveev Gennady F. — doctor of historical sciences, professor, Head of the Department of Lomonosov Moscow State University (Moscow)

Key words: USSR / Russia, Poland, the Second World War, the Great Patriotic War, historical memory.

Abstract. The article discusses differences in the perception of the Second World War in Polish and Russian society, due to the peculiarity of the mass historical consciousness cultivated in them.

REFERENCES

Dzieje Polski, pod red. J. Topolskiego. Warszawa, 1978.

Samsonov A. M. *Вторая мировая война 1939–1945. Очерк важнейших событий*. Moscow, 1985.

Wieczorkiewicz P. *Kampania 1939 roku*. Warszawa, 2001.

Żakowski J. Zemsta trzech kłamstw. *Polityka*, 28.III.2018., no. 13 (3154).

Размещая заметки известного историка Г. Ф. Матвеева, в основе которых лежит его доклад на одной из совместных российско-польских исторических конференций, ИЭ приглашает к дискуссии других, в том числе польских историков.

Ключевые слова: история России, выставки, церковь, историческая политика.

Аннотация. В 2013–2016 гг. в московском Манеже проходили четыре выставки, посвященные истории России начиная с раннего средневековья и заканчивая эрой президента Путина. Их главным организатором была Московская патриархия, ставящая своей целью, во-первых, доказать ключевую роль православия в российской истории, а во-вторых, реабилитировать монархию. В статье анализируются две выставки, посвященные княжескому и имперскому периодам истории России. Показаны тенденциозность и редуционизм экспозиции, идеализирующие дореволюционную Россию и самодержавную власть, объясняющие все недостатки и неудачи заговорами внутренних и внешних врагов, и навязывающие посетителю представление об особом пути России, который оказывается ультраконсервативным, связанным с сырьевой экономикой и агрессивным милитаризмом. Кроме того, выставкам были свойственны модернизация истории и стремление к ее инструментальному использованию для проведения текущей политики.

К публикуемой статье В. А. Шнирельмана прилагается также отклик высококвалифицированного наблюдателя об одном из российских исторических парков, а также реплика одного из организаторов проекта «Россия — моя история», рассказавшей о начатой работе по реэкспозиции московского исторического парка на ВВЦ.

В. А. Шнирельман

МАНЕЖ 2013–2016: ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ ДЛЯ НАРОДА?

Выставки в Манеже как инструментальный подход к истории

DOI 10.31754/2409-6105-2018-3-92-116

Вот уже много лет в новой России обсуждается вопрос о государствен-

© Шнирельман В. А., 2018

Шнирельман Виктор Александрович — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва); shnirv@mail.ru

ной идеологии. Несмотря на запрет, содержащийся в Конституции РФ (гл. 1, ст. 13,2), этот вопрос постоянно находится в поле зрения «патриотического» сегмента нашего общества, причем в последние годы давление с его стороны усиливается. Если до начала 2010-х гг.

все это оставалось на уровне благих пожеланий, то второе десятилетие XXI в. ознаменовалось практическими шагами в этом направлении. Инициатором такого поворота стала Московская патриархия в лице несостоявшегося киносценариста, архимандрита Тихона (Шевкунова)¹, ответственного секретаря Патриаршего совета по культуре и наместника Московского Сретенского монастыря, расположенного на Большой Лубянке.

Стремясь закрепить за собой место главы «духовно-идеологического центра» российской политики (Солдатов 2004: 22), впервые отец Тихон показал себя на этом поприще созданием скандального фильма «Гибель империи. Византийский урок» (Шнирельман 2017: 339–342). Одиозность фильма, проникнутого откровенным пропагандистским духом и инструментальным подходом к истории, была настолько очевидна, что от него дистанцировался даже патриарх Алексей II (Солодовник 2013: 12). Однако Тихона это несколько не смутило, и он продолжал отстаивать свои монархические взгляды, имея сильную поддержку в Кремле и опираясь на православных бизнесменов и представителей силовых ведомств, заслужив славу «лубянского батюшки» (Кловер 2013; Макаркин 2017). Либеральному священнику Якову Кротову взгляды Тихона видятся «ленинизмом в православной упаковке» (Кротов 2017), а журналист Зоя Светова прямо называет того «главным идеологом российской реакции» (Светова 2017).

Тихон и стал инициатором исторических выставок в московском Манеже, регулярно проходивших в ноябре 2013–2016 гг. вначале под названием «Православная Русь. Моя история», затем сменившимся более нейтральным «Россия — моя история». Выставки были привязаны ко «Дню народного единства» и празднику Казанской иконы Божией Матери 4 ноября. Поводом к первой из них был 400-летний юбилей династии Романовых, и она стала XII церковно-общественной выставкой-форумом «Православная Русь. Моя история. Романовы». Она была подготовлена Патриаршим советом по культуре, и ее открыл и благословил патриарх Кирилл. Организаторами и спонсорами выставки значились Московская патриархия, Правительство Москвы, Министерство культуры, Роснефть (возглавляемая И. Сечиным), Российское военно-историческое общество и Благотворительный фонд святителя Василия Великого (во главе с известным бизнесменом К. Малофеевым). А куратором выставки выступал архимандрит Тихон. Примечательно, что возглавлявший тогда Министерство культуры и Российское военно-историческое общество профессиональный пропагандист В.Р. Мединский назвал выставку «политической» (Выставку 2013). Выставка в самых ярких тонах освещалась главными каналами ТВ и основными новостными агентствами (Ермолаева 2013; Выставку 2013; Кочетков 2013).

Успех выставки превзошел все ожидания. Хотя она была открыта ежедневно с 10:00 до 24:00, поток желающих был так велик, что запланированная

¹ Ученик архимандрита Иоанна (Крестьянкина), епископ Егорьевский с 2015 г. и глава Псковской митрополии с мая 2018 г.

первоначально дата ее закрытия 12 ноября была перенесена на 24 ноября. В итоге за три недели ее посетили около 300 тыс. чел.

Поэтому начинание было решено продолжить, и год спустя XIII церковно-общественная выставка-форум «Православная Русь. Моя история. Рюриковичи» была посвящена происхождению русской государственности и ее княжескому периоду. Она демонстрировалась 4–20 ноября 2014 г., и на этот раз при наличии прежних организаторов в лице РПЦ МП поддержку проекту оказывали Администрация президента Российской Федерации, Министерство культуры Российской Федерации, Правительство Москвы, ОАО «Роснефть» и Фонд Святителя Василия Великого. Выставка снова имела успех, и ее посетили около 250 тыс. чел.

За этим последовали еще две выставки — «Православная Русь. От великих потрясений к Великой Победе» в ноябре 2015 г. и «Россия — моя история, 1945–2016» в ноябре 2016 г. Вход на выставки был бесплатным; реклама о них распространялась по всей Москве, включая метро, а также по основным ТВ-каналам. Очевидно, после политических выступлений 2012 г. власть опасалась беспорядков, и на подступах к выставкам были выставлены кордоны полиции и санитарные машины, а центр Манежной площади был на это время закрыт для посетителей. Для желающих посетить выставки был оставлен длинный узкий проход от входа в торговый комплекс у гостиницы «Москва» до самого Манежа. Огромная очередь

тянулась от Исторического музея или даже Александровского сада. В ней можно было встретить много пожилых людей, т. е. тех, кто в свое время в школе учился по советским учебникам и знал советскую версию истории. Накануне некоторые из них стояли в такой же очереди, чтобы прикоснуться к «Поясу богородицы». Другую заметную часть посетителей составляли школьники и студенты, приходившие на экскурсию вместе со своими учителями и наставниками.

Научным консультантом, а по сути одним из главных создателей двух первых выставок был не чуждый конспирологии Александр Мясников, выпускник филологического факультета Петербургского университета, никогда не работавший по профессии. Зато он был автором нескольких популярных книг по истории России, а также создателем сценариев для телевидения, что, видимо, и свело его с отцом Тихоном. Склонность к мифологизации императорского периода, свойственная Мясникову (*Кривошеина* 2016), нашла отражение в тех образах России и ее государственных деятелей, которые были представлены на двух первых выставках.

Открытие выставок сопровождалось торжественными церемониями при участии президента Путина и патриарха Кирилла в сопровождении высокопоставленных чиновников и священников. Кирилл открывал экспозицию, но в первый день экскурсию для них проводил архимандрит Тихон.

У входа на выставки посетителей встречала чудотворная икона, и был

Александр Мясников и протоиерей Димитрий Смирнов. Экскурсия для школьников на выставке «Романовы»

Поклонение иконе

организован ритуал поклонения, привлекая на выставки массу верующих. Это лишний раз подчеркивало заинтересованность церкви в проведении выставок. Действительно, она придавала им большое значение, т.к. охранительная и реставрационная идеология экспозиции полностью соответствовала ее представлению как об истории Российской империи, так и о советском периоде. Так, по словам председателя Синодального информационного отдела В.Р. Легойды, выставка должна была «способствовать ликвидации культурного пробела в знаниях о нашей истории» (Легойда 2014). Видимо, для этого у выхода с первой из выставок посетителю предлагались изданные Московской патриархией книги в богатых переплетах, принадлежавшие перу А.Л. Мясникова.

Выставки были устроены по последнему слову музейной техники и были представлены сотнями мультимедийных экранов, плазменных панелей, интерактивных полотен и проекторов. Посетителей встречали огромные цветные интерактивные панно, а также экраны с краткой информацией об исторических событиях и исторических личностях. Демонстрировались и фильмы об основных событиях соответствующих эпох. Задачей двух первых выставок было вызвать у зрителей чувства благодарности к членам правящей династии. И действительно, посмотрев экспозицию, многие признавались, что были в шоке от того, что ранее от них «скрывали правду».

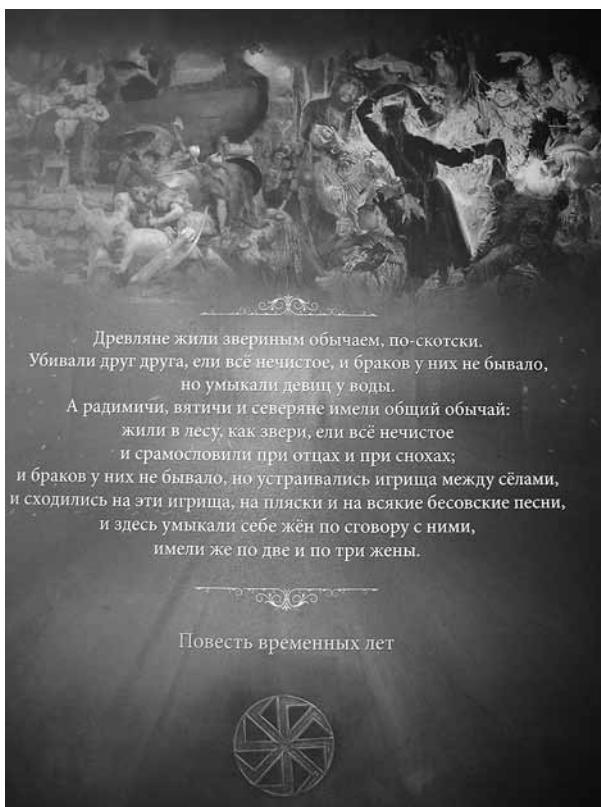
Побывав на всех этих выставках, здесь я поделюсь своим впечатлением от увиденного. Мне это пред-

ставляется важным, т.к. впоследствии создатели выставок продолжали их дорабатывать, исправляя прежние ошибки и недочеты. Здесь же речь пойдет о том, как выглядела экспозиция изначально. Я буду следовать истинной хронологии исторического процесса, несколько отличной от того порядка, в котором показывались выставки, т.е. начну с княжеского периода.

ЗАНИМАТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ РЮРИКОВИЧЕЙ

Выставка «Православная Русь. Моя история. Рюриковичи» была организована А. Мясниковым (автором проекта), а его помощниками были Андрей Попов, Иван Есин (руководитель оргкомитета выставки) и историк П.В. Кузенков. Менеджером проекта выступал Александр Тарасов.

У входа посетителей встречала икона преподобного Сергия Радонежского с частицей его мощей, ибо, хотя официально выставка посвящалась Рюриковичам, едва ли не главным героем был показан преподобный Сергий Радонежский — ведь год проходил под знаком празднования его 700-летия. Именно он стоял в центре панно, изображавшего всех князей Рюриковичей, и именно его деяниям и чудесам был посвящен центральный Сергиевский зал выставки, состоявшей из восемнадцати мультимедийных зон. Ибо, прежде всего, через него, по словам священников, раскрывалось благотворное влияние православия на развитие страны. И фактически выставка говорила не столько о князьях Рюриковичах,

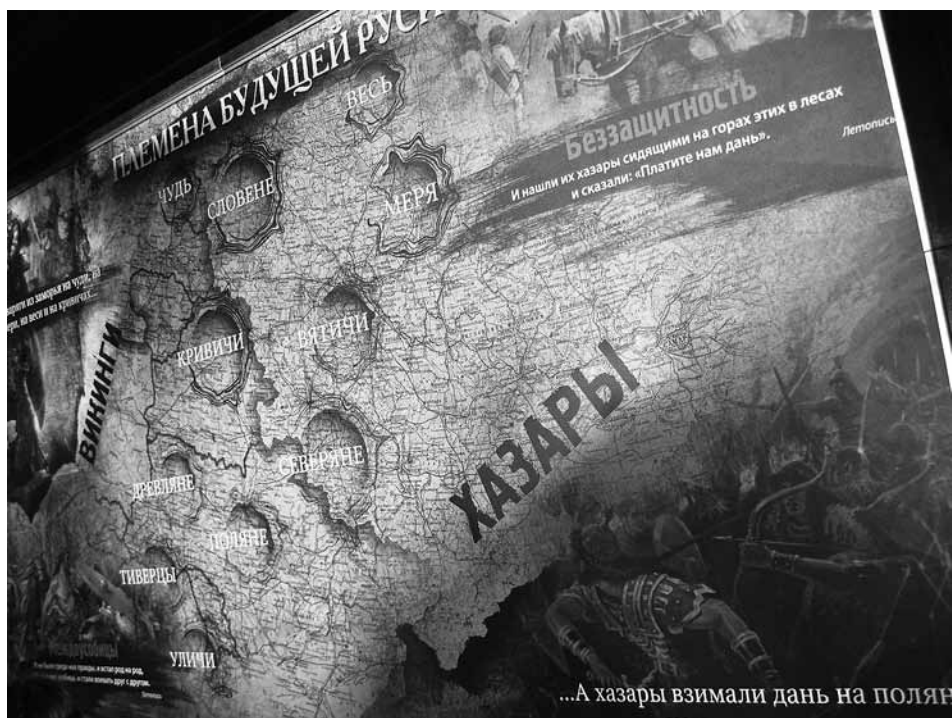
Языческая Русь и коловрат

сколько о важности и ценности православия.

Поэтому большое внимание было уделено критике язычества и борьбе с Хазарией. Приводились слова историка С.М. Соловьева о том, что русское язычество отличалось бедностью и бесцветностью. Ведь, по летописи, «древляне жили звериным образом», и «радимичи, вятичи, северяне жили как звери». Беды изначальной Руси объяснялись пороками язычества, хотя это не позволяло понять победу князя-язычника Святослава над Хазарией, не говоря уже о нападениях языческих ватаг на Царьград, иногда успешных. В частности, вопреки общему настрою экспозиции, вы-

ражалась гордость за победу русов-язычников над христианской Византией. С этой точки зрения, сама фигура князя Святослава выглядела неоднозначной: с одной стороны, со ссылкой на Н. М. Карамзина он прославлялся, но, с другой – его изображение сопровождалось летописным утверждением о том, что Божиим судом язычники были обречены на гибель.

Иными словами, демонизация язычников внешними христианскими источниками принималась как должное, хотя ранние летописи составлялись по меньшей мере через двести лет после исчезновения племенного быта, и летописцы мало что о нем знали. Зато критика иностранцами

Хазария и Русь. Панно

порядков на Руси называлась «искажением» и «информационной войной». В то же время со ссылкой на Льва Гумилева ошибочно отрицались человеческие жертвоприношения, вовсе не чуждые славянскому язычеству². Примечательно, что символом язычества создатели экспозиции изобразили колдоват, т. е. новодел, введенный в оборот чуть более 25 лет назад неоязычником А. Добровольским-Доброславом³.

Особое внимание уделялось Хазарии, которая, в соответствии с ксенофобским «хазарским мифом»⁴,

² Это отражает мифологические представления и расходится с живой реальностью. См.: (Шнирельман 2015а: 148–149).

³ О нем см.: (Шнирельман 2012а: 117–119).

⁴ О нем см.: (Шнирельман 2012б).

демонизировалась, причем ее образ неотступно сопровождал посетителя в нескольких первых залах. И вовсе не случайно одним из авторитетов создателя экспозиции служил главный творец этого мифа Л. Гумилев, чьи портреты и цитаты посетитель неоднократно встречал в разных залах. Причем во взаимоотношениях с Хазарией славяне были показаны «миролюбивыми и беззащитными земледельцами», а во взаимоотношениях с Византией — храбрыми и даже кровожадными воинами. Никаких противоречий создатели экспозиции в этом не видели.

Обращаясь в первом зале к предистории Руси, авторы на большом панно показывали ее обитателями

Население эпохи средневековья

«славян, угро-финнов и скифов» (правда, на плазменном экране объяснялось, что скифы были ираноязычными, а славяне начали расселяться в V–VII вв., но кроме них в Верхнем Поднепровье жили балты). А единственным показанным там археологическим памятником было поселение среднего бронзового века Аркаим, представленное компьютерной графикой. Вопреки действительности, оно изображалось «высокоразвитой протоцивилизацией», причем было искусственно удревнено на тысячу лет, и экскурсоводы говорили, что там уже имелась письменность⁵. Мало того, сегодня Аркаим превратился

в важнейший в России центр новой религиозности, далекой от христианства, но связанной с арийским мифом⁶. Поэтому прославление этого памятника церковью кажется странным, тем более что и священники не испытывают восторга по поводу того, что происходит на Аркаиме сегодня⁷.

При этом речь идет о зрительных образах. Почти никаких реальных аутентичных артефактов посетитель на выставке не встречал, как не видел и других многочисленных археологических памятников, гораздо больше соответствовавших тематике экспозиции. Поэтому один из критиков

⁵ Об анализе ситуации с Аркаимом см.: (Шнирельман 2011: 133–167; 2014: 19–40; 2015б: 53–65).

⁶ Детально об этом см.: (Шнирельман 2015а).

⁷ См., напр.: (Гупало 2008: 6–20).

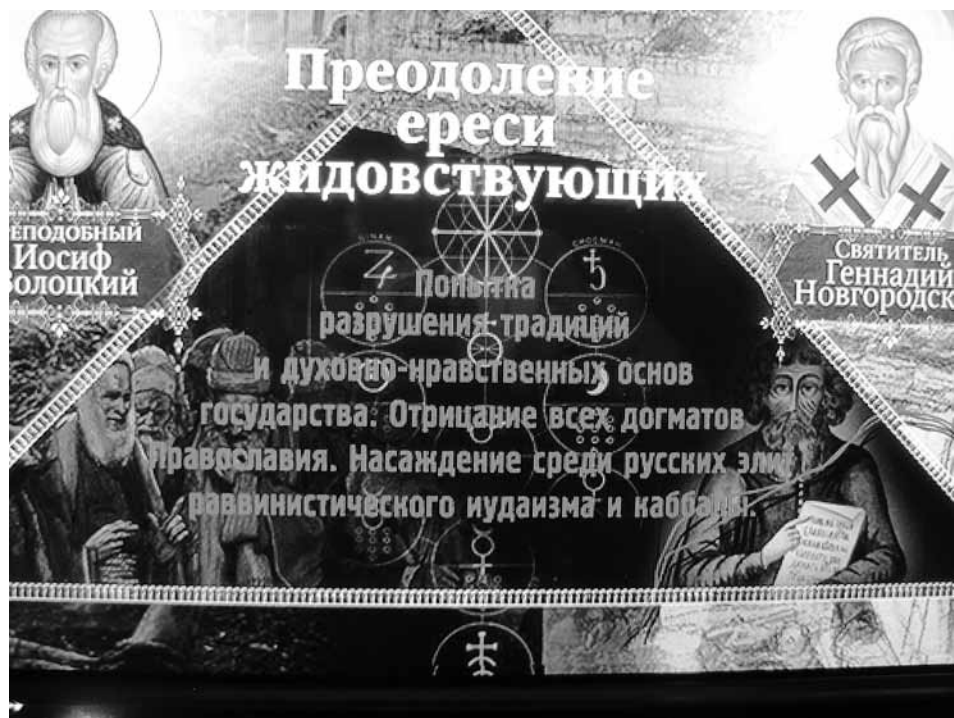
Галицкая Русь

справедливо назвал выставку «презентацией» (Пчелов 2014: 8).

Главными достижениями средневековой Руси изображались битвы — с хазарами, с монголами, со шведами на Неве и Ливонским орденом на Чудском озере, Куликовская битва, а также Молодинская битва 1572 г. (где разбили крымское войско). Но устроители выставки скромно обошли осаду и взятие Казани — лишь мельком говорилось о завоевании Казанского ханства.

Виртуальные сюжеты о врагах, о князьях-неудачниках, о предосудительных поступках князей (месть Ольги древлянам) были окрашены

на панно в кроваво-красный цвет, тогда как позитивные факты (крещение Ольги, крещение Руси и пр.) были даны в зеленых тонах. Безусловно осуждались хазары, князь Игорь (за глупость и алчность), языческие поступки и нравы князя Владимира, Святополк Окаянный (за убийство Бориса и Глеба), раздробленность из-за соперничества князей, хотя авторы оставили за скобками безнравственные поступки князей-христиан. Даниила Галицкого создатели экспозиции назвали «ставленником иностранцев» и связали с олигархическим переворотом и несостоявшейся державой, а галичане были со ссылкой на Карамзина изображены безбожниками. Все это звучало недву-

Ересь жидовствующих

смысленным намеком на события, происходившие на Украине в 2014 г.⁸

Замолчать наличие у монголов непобедимой армии оказалось невозможно, но поскольку они были язычниками, это подрывало стройную концепцию авторов о безусловных преимуществах христианства. С этих позиций трудно было, например, объяснить беспомощность христианства в битве при Калке. Действительно, как узнает посетитель, «общая вера и принадлежность всех князей к одной династии не смогли пересилить отсутствие централизации и поли-

тическую разобщенность» перед лицом «отлично организованной армии Батыея». Пришлось ограничиться замечанием, что монголы покровительствовали всем религиям, а Русская церковь имела в их государстве привилегии и льготы. Но это оставлялось без объяснения, как и тот факт, что со временем монголы приняли ислам, а отнюдь не христианство.

Выставка включала сюжет о борьбе Владимира Мономаха с ростовщиками в 1113 г. и принятие им Устава, ограничивавшего ростовщический процент. Но не говорилось, кем именно были ростовщики.

Совсем иначе на большом панно освещалась борьба с ересью

⁸ Актуальность выставки в связи с украинскими событиями подчеркивалась и некоторыми священниками. См., напр.: (Протоиерей Геннадий Беловолов 2014).

жидовствующих. Подчеркивалось, что это было «попыткой разрушения традиций и духовно-нравственных основ государства. Отрицание всех догматов православия. Насаждение среди русских элит раввинистического иудаизма и Каббалы». На плазменном экране объяснялось, что «еврейские религиозные элиты не приняли Богочеловека за обещанного <...> Спасителя. Его распяли на кресте». «Среди еврейских старейшин и учителей, не признавших Христа, зародилась новая религия – раввинистический иудаизм». Во второй половине XV в. его тайные последователи появились в Новгороде. Они отрицали божественность Христа, троичность божества, церковную иерархию. В 1480 г. ересь проникла в Москву, где возник кружок еретиков, но в 1487 г. это открылось, и начались гонения, к которым призывал страстный обличитель ереси Иосиф Волоцкий. В итоге смутьяны были прокляты и приговорены к заточению. Иными словами, муссировалась идея ужасного заговора иудеев против христианства, что должно было быть пресечено самыми суровыми мерами. Зато Иосиф Волоцкий и Нил Сорский рисовались «друзьями и единомышленниками», и имевшиеся между ними глубокие разногласия (спор «иосифлян» с «нестяжателями»), затрагивавшие само устройство церкви, всячески затушевывались.

Среди фактов, заслуживавших внимания, отмечалось расселение цыган из Византии в 1417 г., что и привело их на Русь. Но на выставке Романовых в экспозиции о разделе Польши в конце XVIII в. ни слова не говорилось о евреях, хотя именно тогда

огромная еврейская община вошла в состав Российской империи и было положено начало черте оседлости.

Создатели экспозиции придерживались достаточно спорного цивилизационного подхода⁹ и, в соответствии со взглядами патриарха Кирилла, заявляли, что с крещением Русь вошла в «православную цивилизацию» (*Патриарх Кирилл* 2015). Экспозиция содержала также немало рассуждений И. Ильина, Ф. М. Достоевского, Вл. Соловьева, П. Флоренского и других мыслителей о том, что значит быть «русским», однако зритель оставался в неведении о том, как «православная цивилизация» соотносилась с русскостью, нацией и государством. В то же время эти рассуждения почти всегда преувеличивали и эссенциализировали различия между русскими и «западным человеком» вплоть до их несовместимости.

Зрителя также знакомили с текстом о «Москве Третьем Риме». Официально эту формулу объявил на Московском соборе Константинопольский патриарх Иеремия II в 1589 г. Но идея появилась раньше, когда к началу XVI в. другие православные народы находились под властью мусульман, а Русь была единственной независимой православной страной. Тогда в своем обращении к великому князю Московскому Василию III псковский старец Филофей заявил: «Два Рима пали, третий стоит, четвертому не быть». Это означало, что Московской Руси «предстоит нести эсхатологическое “бремя Рима” – оберегать мир от духовной по-

⁹ О его критике см.: (Шнирельман 2009: 55–74).

«Информационные войны» эпохи Ивана Грозного. Панно

гибели и рабства антихристу», что выглядело «осознанием величайшей ответственности, голгофского креста Русской Церкви и неотторжимого от нее Русского государства — ответственности за судьбы Церкви Христовой и всего христианского мира». Так, по мысли устроителей экспозиции, это это и воспринимали русские государи и патриархи (на выставке о Романовых приводились слова патриарха Никона, желавшего сделать Россию «удерживающим») ¹⁰. Иными словами, эта формула давала Русскому государству индульгенцию на завоевания и карательные

походы, выглядевшие теперь не империализмом, а исполнением «божественной миссии». Так «мировая миссия» России находила оправдание в эсхатологии ¹¹, что и подчеркивалось в экспозиции.

Это лежало, в частности, в основе противопоставления русского человека западному, что сопровождалось ворохом всевозможных цитат из консервативных русских мыслителей (Ильин, Киреевский и пр.). Все это было призвано доказать превосходство русского народа, якобы постоянно подвергавшегося необоснованным нападениям

¹⁰ Между тем, московские цари долго были равнодушны к этой идее. См.: (Иванов 2009; Hagemeister 2016: 22–43).

¹¹ Детально см.: (Шницфельман 2017).

со стороны западных наблюдателей. Модернизируя эпоху средневековья, создатели экспозиции обнаруживали первые «информационные войны» Запада против России в царствование Ивана Грозного¹². Например, подчеркивалось, что иностранцы преувеличили жестокость карательного похода на Новгород и Псков, проведенного в январе-феврале 1570 г. в наказание «за измену». При этом сами создатели экспозиции соглашались, что действия московского войска отличались крайней жестокостью. В то же время они стремились доказать, что размах злодеяний, учиненных опричниками, был преувеличен иностранцами. Мало того, утверждалось, что при Иване Грозном иностранцы ввели экономические санкции против России, а когда тот ответил созданием пиратской флотилии на Балтике, стали жаловаться на недопустимость таких ответных шагов (не напоминает ли это недавние истории с ЧВК Вагнера?).

По сути, изложенная концепция продолжала линию митрополита Петербургского и Ладожского Иоанна (Снычева), выпустившего трактат «Самодержавие духа» с апологетикой царя Ивана IV как якобы святого и оклеветанного героя, что, как неопровержимо доказано, является продуктом монархической мифологии¹³. Кроме того, такая трактовка событий времен Ивана Грозного сознательно напоминала зрителю

¹² К этой идее приложил руку Мясников. См.: (Ерахтина 2014). Не лишне отметить, что еще раньше все это содержалось в скандальной докторской диссертации В. Мединского. См.: (Мединский 2011).

¹³ Детально см.: (Фирсов 2011: 185–236).

о введении западными странами санкций против России в ответ на аннексию Крыма. А слова Александра Невского «Крепить оборону на западе, а друзей искать на востоке» и «Восток — выбор для сохранения Руси», а также отказ от подчинения римскому папе звучали призывом к власти РФ и сегодня действовать подобным же образом. Иными словами, исторические данные использовались инструментально, как и ранее в фильме о Византии. За этим, безусловно, просматривалась направляющая рука архимандрита Тихона¹⁴, который, по словам хорошо знающих его людей, отличается крайним антизападничеством и склонен к конспирологии (Светова 2017).

Помимо тенденциозной и предвзятой концепции, экспозиция грешила явными ошибками или неточностями. Так, утверждалось, что ледник начал отступать с Русской равнины только 8 тыс. лет назад и что земледелие и скотоводство пришли с юга на территорию Восточной Европы только в IV тыс. до н.э., хотя все это происходило несколько ранее. Была пропущена эпоха энеолита, и каменный век сразу сменялся бронзовым. Помещенные рядом цитата из византийца Льва Дьякона (X в.) и стихотворение В. Брюсова лишь вводили посетителя в заблуждение, т.к. «тавроскифы» у первого были анахронизмом, тогда как хорошо знавший античную историю Брюсов писал о реальных

¹⁴ Один из организаторов выставки тоже откровенно признавался, что «в древней истории Руси есть очень много проекций на день сегодняшний». И, по его словам, знакомство с ними позволит людям понять современные процессы. См.: (Ерахтина 2014).

скифах, соседях античных греков. Говоря о русах, авторы следовали Л. Гумилеву и ибн Фадлану, но не объясняли, что речь шла о скандинавах. На карте IX–X вв. ее создатели уверенно указывали местоположение столицы Хазарии Итиля, хотя этот вопрос до сих пор открыт. Утверждалось, что шарнирные ножницы пришли из Византии, хотя известно, что они были изобретены арабами. Ни слова не говорилось о палимпсесте, древнейшем письменном тексте, найденном в Новгороде в 2000 г. Не освещались взаимоотношения Руси с Волжской Булгарией в XII–XIII вв. Ошибочное утверждение о том, что «при Орде русские окончательно монополизировали Волжский путь», расходилось с приводимыми в дальнейшем данными о том, что это произошло только после падения Казанского ханства. На стенде «Интересные факты» говорилось о «русском шелке», но зритель оставался в неведении о китайском происхождении шелка.

В разделе о XVI в. приводилась цитата из Р. Г. Скрынникова: «Разгром Казанского и Астраханского ханств положил конец трехвековому господству татар в Поволжье». Этим и ограничивались данные о сложной истории взаимоотношений Руси с Казанским ханством и о его завоевании. Все сводилось к донельзя краткой справке: «В 1552 году после успешного похода русских войск Казанское царство стало частью державы Ивана IV. Позже к нему добавились еще два осколка Золотой Орды – царства Астраханское и Сибирское. Россия получила контроль над Волгой и вышла напрямую к рынкам богатого Востока».

Вся информация о Казанском походе сводилась к нескольким скучным фразам, объяснявшим его наказанием татар за бесконечные разбои: «Казанские татары тревожили набегами Московское княжество; в 1505–1507 гг. произошла одна из кровопролитнейших русско-казанских войн. В 1545–1552 гг. Иван Грозный предпринял три похода на Казань. Последний из них увенчался взятием города... Итогом Казанского похода 1552 г. стала ликвидация самостоятельного Казанского ханства и присоединение к Москве Среднего Поволжья. Русское государство получило свободный доступ к Волжскому пути, набеги казанских татар на Москву прекратились». Иными словами, не говорилось ни о резне в Казани, ни о выселении всех татар из города, ни об экспроприации их земель в пользу русских бояр и, прежде всего, церкви. Разумеется, замалчивалась долгая борьба между Московским княжеством и Крымским ханством за влияние в Казани.

А поход Ермака объяснялся якобы справедливой борьбой с Сибирским ханством, тревожившим набегами владения купцов Строгановых. Иными словами, авторы руководствовались имперской историографией, всеми силами оправдывавшей территориальные приобретения и скрывавшей агрессивные устремления московских владык. При этом создателей экспозиции отличало неумение работать с летописными источниками¹⁵.

Россия была показана на выставке гомогенной моноконфессиональной

¹⁵ Об этом см.: (Пчелов 2014: 8).

страной. Если речь шла о других народах (не русских), то лишь как о врагах, от которых следовало обороняться или которых надо было завоевывать. В частности, давалось пространное описание враждебных отношений с Крымским ханством и говорилось о Молодинской битве 1572 г. Но об иных (нехристианских) религиях вовсе не было речи. Говорилось о достижениях Ивана Федорова, но умалчивалось о его бегстве из Москвы, тем более о причинах этого.

Экспозицию отличал и разнообразие терминологии, оставленный без объяснения. Так, в цитатах из летописи и из трудов историка С. Ф. Платонова, а также при описании похода Едигея в 1408 г. был сохранен термин «татары». Но наряду с ним использовались термины «монголо-татарское нашествие» и «ордынские ханы» и говорилось о «свержении татаро-монгольского ига». Фактически здесь происходило механическое смешение подходов дореволюционного, советского и постсоветского времени¹⁶.

В четырех залах демонстрировались фильмы, лишней раз подчеркивавшие ценностные ориентации, лежавшие в основе экспозиции («Путь из варяг в греки», «Христианство», «Чудо в русской истории» и «Великие сражения»). По сути, они говорили о важности византийского наследия, о тесной связи русской истории с христианством и о непрерывной борьбе с врагами, проходившей красной нитью через всю историю Руси.

¹⁶ Об этих подходах см.: (Шнирельман 2016: 111–132).

Таким образом, выставка получилась лобительской и крайне тенденциозной. Экскурсоводами на ней работали студенты Сретенской духовной семинарии, обученные транслировать очень примитивные пропагандистские тексты. Им особенно нравилось разоблачать «информационные войны Запада» и доказывать, что Иван Грозный не убивал своего сына.

ТРИУМФ «ОКЛЕВЕТАННОЙ» ДИНАСТИИ РОМАНОВЫХ

Первая из рассматриваемых выставок была посвящена Романовым, что в 2013 г. было приурочено к 400-летию начала их правления. К тому времени в Александровском саду был установлен памятник патриарху Гермогену, а накануне открытия выставки был восстановлен обелиск дому Романовых, впервые возведенный в 1913 г., но затем замененный большевиками стелой предшественникам и основателям научного социализма.

Представленные на выставке 350 мультимедийных устройств и интерактивных панно, а также фильмы об основных событиях эпохи Романовых были призваны оправдать царственную династию в глазах зрителей. У входа на выставку была помещена чудотворная Федоровская икона Божией Матери, покровительница дома Романовых, вызывавшая благоговейные чувства у верующих, специально приходивших ей поклониться. Кроме того, перед входом всячески рекламировалось строительство храмов в Москве и посетителям предлагалось это поддержать. Здесь же на стендах говорилось о ве-

личии романовской России, и каждому следовало дорожить этим образом.

Так создавался новый миф, полностью реабилитирующий династию Романовых и самодержавие в целом. Он говорил не о развитии, а о реставрации, и представленная в церковном духе апологетика готовила зрителей к восстановлению монархии. Выставка начиналась сюжетом о Смуте, 1612 г. и восшествии на престол Михаила, а заканчивалась президентом Путиным и патриархом Кириллом, что было призвано подчеркнуть полную «симфонию», установившуюся между властью и церковью. Портрет Путина был льстиво помещен между портретами Вл. Соловьева и А. Лосева, создавая образ «философской Троицы».

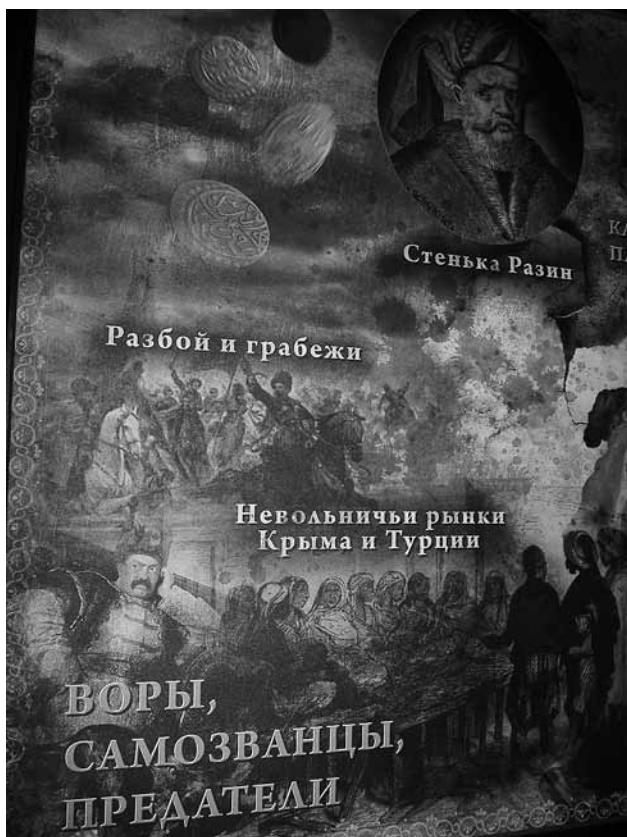
В экспозиции бывшие герои (главари крестьянских бунтов, просветители, революционеры) превращались в «воров и изменников», а бывшие реакционеры – в светочей и радетелей за Отечество. Подавление Алексеем Михайловичем народных бунтов и антиреформаторского выступления монахов Соловецкого монастыря подавалось как благо и ставилось ему в заслугу. Степану Разину вменялось в вину участие в крымской работорговле, а его выступление в защиту народа было прочно забыто. Зато окончательное прикрепление крестьян к земле во второй половине XVII в., обречшее их на рабское существование, хотя и упоминалось, но никак не комментировалось.

В разделе о расколе зритель узнавал, что реформы были нужны, но проводились слишком жестко и непродуманно, без учета мнения народа.

Отмечалось, что из-за разногласий между царем и патриархом Никоном последний был смещен. Но хотя Собор 1666 г. и низложил патриарха, он одобрил его реформы. А Федору Алексеевичу даже ставится в заслугу казнь протопопа Аввакума и его сподвижников и защита церковных реформ. Было показано, что раскол привел к глубокому кризису, что старообрядцев преследовали в течение ста лет, и только Петр III положил этому конец, а полные права они получили лишь при Николае II. Иными словами, вопрос о расколе и его последствиях освещался весьма противоречиво.

Разделы Польши в конце XVIII в. были представлены долгожданным воссоединением с бывшими землями Киевской Руси и защитой православных от католиков, но о вхождении в состав России огромного еврейского массива не говорилось. Термин «разделы Польши» блистательно отсутствовал – его заменяло «Присоединение Западного края». Аналогичным образом в разделе о царствовании Александра II вместо «завоевания Средней Азии» фигурировало ее «присоединение». Очень уж не хотелось организаторам признавать, что многие новые территории входили в состав России в ходе жестоких карательных операций и кровавых военных кампаний.

В целом территориально-политическая экспансия России трактовалась как безусловное благо. Это было показано на стендах едва ли не главным достижением царизма, состоявшим в расширении территориальных границ и росте народонаселения. И внимательный зритель убеждался

Степан Разин

в том, что с другими достижениями (в промышленности, науке и пр.) дело обстояло много хуже. Иными словами, экспозиция давала понять, что экстенсивное развитие и стало особым путем России, которому та была обречена вечно следовать. А такое развитие оказывалось неразрывно связано с милитаризмом.

При этом все военные победы приписывались чуду, Божественному заступничеству и крепости православной веры, а поражения — ее упадку. А главными героями истории России выступали семнадцать царей из династии Романовых. Им и было посвящено центральное панно экспозиции.

Ряд острых и неоднозначных вопросов истории России сознательно замалчивались. Так, фигура умолчания сопровождала первые академические экспедиции в Сибирь и на Дальний Восток: хотя они были упомянуты, их организаторы и руководители (Г.Ф. Миллер, И.Г. Гмелин), среди которых были преимущественно выходцы из Германии, названы не были. А последующие экспедиции П. Палласа, И. Лепехина, С. Гмелина, И. Гюльденштедта, И.Г. Георги, давшие очень много для познания России, вовсе остались за кадром. Не была упомянута и вышедшая в 1776–1780 гг. книга Георги, впервые познакомившая общественность с народами России. Сведения

о разведении фиалок, гвоздик и пионов показали создателям экспозиции много важнее. А все заслуги Георги свелись к тому, что в честь него были названы георгины.

Остался за скобками и вопрос о массовом насильственном крещении среди народов Поволжья и разрушении там мечетей в 1741 г. Вопрос о Финляндии и Аляске присутствовал только на карте – в текстах это никак или почти никак не освещалось. Зато говорилось о почти «мирном» присоединении Казахстана и Средней Азии, ставящем целью покончить с грабежами и работоторговлей. Но зритель ничего не узнавал ни о войне с чукчами, ни о кровавом завоевании Камчатки атаманом Атласовым (последнее было отнесено к эпохе Алексея Михайловича, хотя происходило в ранние годы правления Петра I). Особенно красноречивым выглядело полное молчание о Кавказской войне. Генерал А. П. Ермолов был представлен лишь одним из героев 1812 г., но о его жестокостях на Кавказе не говорилось.

Для каждого царствования были показаны и нововведения – появление очков, подзорной трубы и утюга, начало изготовления пряников, распространение кофе, бумаги и балалайки, интродукция клубники из Франции и разнообразных декоративных цветов по большей части также из зарубежья, возведение каких-либо монументальных построек, введение театра и т. д. Правда, далеко не всегда указывался источник этих заимствований. Как бы то ни было, ничего принципиально важного для экономического и индустриального развития

среди них не было, если не считать изобретения техники получения сахара из свеклы при Павле I. Лишь при Николае I, который, как отмечалось, имел инженерное образование, началось строительство железной дороги, названное авторами экспозиции «индустриализацией».

Было упомянуто и «изобретение велосипеда русским крепостным (Ефимом Артамоновым) из Нижнего Тагила» при Александре I, хотя речь идет о давно разоблаченном мифе (*Виргинский и др.* 1989: 150–157) (иными словами, занимающийся «разоблачением исторических мифов» г-н Мединский сегодня активно поддерживает создание новой мифологии, если она идет на пользу России)¹⁷. Среди сподвижников Александра I были показаны только генералы, но отсутствовали реформаторы, включая Сперанского. Аналогичным образом среди сподвижников Александра II блистательно отсутствовал реформатор М. Т. Лорис-Меликов, разработавший проект первых конституционных преобразований в России.

Утверждалось, что при Николае I успешно развивалась «русская промышленность, передовая и конкурентоспособная», но скромно умалчивалось о том, что Крымская война была проиграна из-за технической отсталости. А достижениями Николая II провозглашались разведение кур и первый отрезвитель (правда, тут же говорилось об изобретении «русского шампанского»).

¹⁷ Следование создателей экспозиции заветам Мединского уже отмечалось историком. См., напр.: (*Мосин* 2018).

Экспозиция поражала почти полным отсутствием аутентичных экспонатов (за исключением нескольких церковных вещей)¹⁸, которых с лихвой заменяли компьютерная графика и многочисленные цитаты из царей, священников и церковных деятелей (включая Победоносцева), политических функционеров (Витте, Столыпин), писателей (Пушкин, Гоголь, Достоевский, даже Фазиль Искандер), историков (Соловьев, Ключевский), русских мыслителей (от Ивана Ильина до Льва Гумилева) и военных (Деникин). Среди них видное место занимали эсхатологические пророчества ряда священников (Серафим Саровский, Иоанн Кронштадтский, Феофан Затворник, Анатолий (Потапов), Аристоклий Афонский, Алексей Мечев, Нектарий Оптинский и др.): говорилось о том, что Россия пройдет сквозь страшные испытания, но будет спасена и возродится¹⁹.

Экспозиция была призвана доказать, что у России была прекрасная история, все шло замечательно, в особенности в конце XIX – начале XX в., когда бурно развивалась промышленность и Россия грозила превратиться в одну из ведущих мировых держав. Посетителям внушалась мысль о том, что народ в России накануне революции жил лучше, чем в развитых капиталистических странах. В том числе речь шла о рабочих, чисто которых возросло с 2 до 5 млн. Но, судя по иллюстрации на стенде, речь шла в основном о добывающей промышленности (нефть, уголь) да

¹⁸ Это замечали даже апологеты выставки. См., напр., (Касмынин 2014).

¹⁹ О политическом и социальном значении этих пророчеств и об их актуализации в современной России см.: (Шнирельман 2017).

о производстве зерна. Иными словами, Россия начала XX в. оставалась крестьянской страной, а ее промышленность имела ярко выраженный сырьевой уклон. Тем не менее создатели экспозиции настаивали на том, что Россия тогда переживала необычайный экономический подъем.

Так бы все и шло, если бы не изменники и внутренние враги, которым помогали внешние силы (Англия, США, Германия и пр.), мечтавшие о развале России и втянувшие ее в войну. Среди врагов, разумеется, фигурировали масоны. С ними зритель знакомился дважды и в обоих случаях в связи с «самозванцами и бунтовщиками» — сперва на стенде вместе с Емельяном Пугачевым, затем в связи с восстанием декабристов, где зритель к своему удивлению узнавал, что с декабристами была связана некая еврейская организация «Херут»²⁰, мечтавшая об освобождении евреев в Европе и России и их поселении где-либо в Крыму или на Востоке в качестве отдельного народа. Но зрителю не объясняли, что при Екатерине II, Павле I и Александре I быть масоном было не только модно, но и бесполезно для карьеры. Ведь даже Карамзин и Кутузов, изображенные верными сподвижниками Александра I, были членами ложи.

Среди внутренних врагов Николая II значились Троцкий, Азеф, Парвус и Ленин²¹. А среди внешних врагов,

²⁰ Об этих аллюзиях в контексте «конспирологической ревизии исторической памяти» уже писали внимательные наблюдатели. См.: (Эрлих 2013; 2014; Esch 2013).

²¹ Все это уже отмечалось вдумчивыми критиками, справедливо указавшими на многочисленные искажения исторической

Масоны

финансировавших революционеров, были названы американское общество «Друзья русской свободы» и Яков Шифф — последний выглядел яростным врагом России²². Иными словами, идея «жидо-масонского заговора»²³, хоть и неявно, присутствовала. Примечательна также подмена терминов — ведь революционная борьба объявлялась «анти-русской», т. е. в качестве главной цели революционерам приписывался «развал России», а вовсе не свер-

реальности. См., напр.: (Напреенко 2013; Ведерников 2014: 11–24; Мосин 2018; Селин 2018).

²² О его деятельности по защите евреев России от дискриминации, что и определяло его отношение к царизму, см.: (Perry, Schweitzer 2005: 151–152).

²³ Об оживлении этой идеи в современной России см.: (Шницфельман 2018 : 64–94).

жение самодержавия и освобождение народа путем политических и социальных преобразований. Все это создавало у зрителей конспирологический настрой и побуждало их искать тайных внешних врагов, веками плетущих нити заговора, чтобы навсегда покончить с Россией.

Есть основания полагать, что такие радикальные идеи попали в экспозицию под влиянием архимандрита Тихона, т.к. в книге Мясникова о правителях России их не было²⁴. Примечательно, что в экспозиции лишь вскользь упоминалось об убийстве Павла I, причем это сопровождалось красноречивым замечанием Наполеона о том, что «без смерти царя

²⁴ См.: (Мясников 2014).

Павла Англия бы пропала». И зритель понимал, что без коварной руки Запада дело не обошлось. А о смерти Петра III говорилось, что тот погиб то ли от болезни, то ли от убийства. Иными словами, набрасываясь на «изменников» и «врагов России» в связи с революционно-освободительным движением, создатели экспозиции пытались всеми силами обойти вопрос о дворцовых переворотах, которых было немало в истории России. Уместно напомнить, что никакого гнева по поводу истребления русской аристократии опричниками Ивана Грозного организаторы экспозиции о Рюриковичах, похоже, тоже не испытывали.

Правда, не все так однозначно. В зале, прославляющем Николая I, зритель внезапно узнавал, что тот был «донкихотом самодержавия, страшным и зловредным, потому что обладал всемогуществом, позволявшим ему подчинять все своей фанатической и устарелой теории и попирает ногами самые законные стремления и права своего века» (фрейлина и мемуаристка А. Ф. Аксакова-Тютчева). Но такие признания на выставке не поощрялись, и даже Пушкин выглядел у ее создателей обожателем самодержавной власти.

Выставка завершалась утверждением о том, что дела на Первой мировой войне шли плохо, пока сам царь в 1916 г. не взял руководство в свои руки. Тогда-то якобы и начались победы (это относится к Брусилловскому прорыву). Но, по словам экскурсоводов и самого Мясникова, царя предали генералы. В доказательство приводились обращенные к Николаю слова генерала А. Бруси-

лова о необходимости отречения. Это дополнялось цитатами из американского конспиролога Э. Саттона²⁵, а также У. Черчилля о том, что со смутой 1917 г. никто бы не мог справиться, что якобы оправдывало Николая. Напрашивался вывод, что царя предали все – генералы, политики, депутаты Думы, аристократия, Священный Синод, а также рабочие, крестьяне и солдаты. Все завершалось сентенцией о том, что Россия была нужна одному лишь царю, и только он ее защищал, тогда как все остальные большой нужды в ней не испытывали. Но при этом без ответа оставался вопрос – им была не нужна Россия или не нужна именно царская Россия? Думаю, организаторы выставки такого вывода не ожидали, но он напрашивался.

Экспозиция грешила многочисленными пропусками и умолчаниями – о расколе говорилось невнятно, не сообщалось о характере масонства в начале XIX в. и о присоединении Финляндии, скороговоркой говорилось о разделе Польши, о польских восстаниях и их подавлении, отсутствовал анализ крепостного права и причин поражения в Крымской войне, замалчивалась история Русской Америки, не упоминалось о церковных гонениях на Льва Толстого (хотя перед входом на выставку он прославлялся), не было обсуждения полиэтничности и национального вопроса, скрывалось, что промышленность начала XX в. развивалась руками староверов, иностранцев и отчасти евреев. Совсем отсутствовала информация о Кавказской войне. Фактически оправдывалась террито-

²⁵ О популярности американских конспирологов в России см.: (Шнирельман 2015в: 110–136).

риальная экспансия. Не было ни слова о погромах и антисемитизме, мало сообщалось о революции 1905 г. и политических реформах, о Распутине и его убийстве, отсутствовала детальная информация о Черной сотне. Не обсуждались причины революции 1917 г. На удивление оправдывалась отмена патриаршества Петром и замена его Священным Синодом, что ставило церковь в зависимость от государства.

Зато подчеркивалась идея циклического времени, в пользу которой якобы говорили возрождение России после смуты и три века ее славного поступательного развития. Затем снова наступала смута, но сегодня опять происходит возрождение. Якобы все это в своих пророчествах предвидели некоторые русские священники и духовные наставники. В итоге, вслед за Тютчевым, посетителям предлагалось верить в Россию, и такая вера оказывалась много ценнее научного знания, к которому устроители экспозиции большого уважения не испытывали. Реальная история кромсалась вкривь и вкось в угоду политическому заказу на образ «великой державы», шедшей своим самобытным путем, но временами оказывавшейся жертвой иноземных интриг.

Остается сказать, что после показа в Москве, Петербурге, Краснодаре и Тюмени выставка о Романовых в августе 2014 г. приехала в Крым, где ее торжественно открыл С. Аксенов. Главным действующим лицом был Тихон Шевкунов, который сетовал на то, что за последние 23 года на Украине не так преподавали историю. Означает ли это, что, по его мнению, ее правильно преподавали

в советское время? Ведь, по сравнению с советской презентацией истории, выставка радикально меняет ее образ. По плану выставка должна была поехать по многим городам России, но затем было сообщено, что она была подарена Крыму и осталась в Ливадийском дворце под Ялтой.

В конечном итоге с 2015 г. все выставки цикла «Россия – моя история» были размещены в Москве в 57-м павильоне ВДНХ. А весной 2018 г. по Калужско-Рижской линии Московского метро пустили рекламный поезд «Исторические парки», призванный привлечь внимание москвичей к этим выставкам.

При этом независимое расследование показало, что финансирование проекта осуществлялось с нарушением финансовой дисциплины и закона о конкуренции (Конкурсы 2014).

Весной 2018 г. по Калужско-Рижской линии Московского метро пустили рекламный поезд «Исторические парки», призванный привлечь внимание москвичей к выставкам.

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

Выставку 2013 – Выставку о 400-лети дома Романовых посещают 13 тыс. человек в день // РИА Новости. 11 ноября 2013. URL: ria.ru/culture/20131110/975830645.html.

Ерахтина 2014 – *Ерахтина А.* «Никакой средневековой жути на Руси не было». Беседа с создателями выставки «Моя история. Рюриковичи» // Православие. ru. 5 ноября 2014. URL: www.pravoslavie.ru/jurnal/74859.htm.

Ермолаева 2013 – *Ермолаева П.* Выставка «Романовы»: погружение в глубь

веков // Вести. 10 ноября 2013. URL: www.vesti.ru/doc.html?id=1152446.

Касмынин 2014 — *Касмынин А.* Из варяг в греки // Завтра. 13 ноября 2014. URL: zavtra.ru/content/view/iz-varyag-v-greki/.

Иванов 2009 — *Иванов С.* Второй Рим глазами Третьего: эволюция образа Византии в российском общественном сознании // Полит.ру. 14 апреля 2009. URL: polit.ru/article/2009/04/14/vizant/.

Кловер 2013 — *Кловер Ч.* FT: Кто такой архимандрит Тихон (Шевкунов) // Ведомости. 29 января 2013. URL: www.vedomosti.ru/politics/news/8513151/putin_i_arhimandrit?full#cut.

Конкурсы 2014 — Конкурсы — не царское дело // Общая газета. 6 ноября 2014. URL: www.og.ru/articles/2014/11/06/35622.shtml.

Кочетков 2013 — *Кочетков Д.* В Москве проходит выставка «Православная Русь. Романовы» // ТВ 1-й канал. 10 ноября 2013. URL: www.ltv.ru/news/culture/245796.

Кривошеина 2016 — *Кривошеина М.* Антисемитизм, боязнь террора и любовь к сушкам. Что можно узнать из новой биографии Александра III в серии ЖЗЛ // Горький Медиа. 5 октября 2016. URL: gorky.media/reviews/antisemitizm-boyazn-terrora-i-lyubov-k-sushkam/.

Кротов 2017 — *Кротов Я.* Тихон Шевкунов: Лысенко от Православия. Апофеоз «православного» большевизма // portal-credo.ru. 18 ноября 2017. URL: www.portal-credo.ru/site/?act=news&id=128655.

Легойда 2014 — *Легойда В.Р.* Выставки «Православная Русь. Моя история» — ключ к пониманию отечественной истории // Синаодальный информационный отдел РПЦ. 30 октября 2014. URL: www.sinfo-mp.ru/lvr-pravgus2014.html.

Макаркин 2017 — *Макаркин А.* Епископ Тихон (Шевкунов): секреты влияния // Политком. 27 ноября 2017. URL: politcom.ru/22863.html.

Напреенко 2013 — *Напреенко Г.* А царь-то голый // Открытая лавка. 25 ноября 2013. URL: openleft.ru/?p=158.

Протоиерей Геннадий Беловолов 2014 — *Протоиерей Геннадий Беловолов.* Русь Рюриковская // Русь Державная. Ноябрь 2014. URL: www.rusderjavnaya.info/article.php?art_id=1057.

Пчелов 2014 — *Пчелов Е.* Рюриковичи на Манеже // Троицкий вариант. 23 декабря 2014.

Светова 2017 — *Светова З.* «Сечин в рясе». Как Тихон Шевкунов стал главным идеологом российской реакции // МБХ Медиа. 29 декабря 2017. URL: mbk.media/sences/sechin-v-ryase-kak-tixon-shevkunov-stal-glavnym-ideologom-rossijskoj-reakcii/.

Солдатов 2004 — *Солдатов А.* В тени первого лица // Московские новости. 23–29 января 2004.

Солодовник 2013 — *Солодовник С.* Россия: официальная церковь выбирает власть // Pro et contra. 2013. № 3–4.

Эрлих 2014 — *Эрлих С.Е.* Вид на Сенатскую из Кремля // Полит.ру. 2 февраля 2014. URL: polit.ru/article/2014/02/02/dec/

Esch 2013 — *Esch Chr.* Ausstellung zu den Romanows. Die Auslöschung der Geschichte // berliner-zeitung. 12 December 2013. URL: www.berliner-zeitung.de/kultur/ausstellung-zu-den-romanows-die-ausloeschung-der-geschichte-3288292.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Ведерников 2014 — *Ведерников В.В.* Сумерки просвещения, или Этюд в багровых тонах // Историческая экспертиза. 2014. № 1. С. 11–24.

Виргинский и др. 1989 — *Виргинский В.С., Клат С.А., Комшилова Т.В., Лист Г.Н.* Как творятся мифы в истории техники (к истории вопроса о «велосипеде Артамонова») // Вопросы истории естествознания и техники. 1989. № 1. С. 150–157.

Гупало 2008 – Гупало А.Г. Традиционные конфессии и археология // Петров Ф.Н. (ред.). Археология в современной культуре России (региональные аспекты). Круглый стол, п. Аркаим, 22–23 августа 2007: материалы заседаний. Челябинск: Крокос, 2008. С. 6–20.

Мединский 2011 – Мединский В.Р. Проблемы объективности в освещении российской истории второй половины XV – XVII в. М., 2011.

Мосин 2018 – Мосин А.Г. «Моя история» или «Моя мифология»? // Историческая экспертиза. 2018. URL: istorex.ru/page/mosin_ag_moya_istoriya_ili_moya_mifologiya.

Мясников 2014 – Мясников А.Л. Властители Отечества. М.: Вече, 2014.

Патриарх Кирилл 2015 – Патриарх Кирилл. Святой князь Владимир: цивилизационный выбор Руси. М.: Изд-во Моск. Патриархии РПЦ, 2015.

Селин 2018 – Селин А.А. О выставках в историческом парке «Россия – моя история» в Санкт-Петербурге // Историческая экспертиза. 2018. URL: istorex.ru/page/selin_aa.

Фирсов 2011 – Фирсов С. На весах веры: От коммунистической религии к «святым» посткоммунистической России. СПб.: Вита Нова, 2011.

Шнифельман 2009 – Шнифельман В.А. Слово о «голом (или не вполне голом) короле» // Историческая психология и социология истории. 2009. №2. С. 55–74.

Шнифельман 2011 – Шнифельман В.А. Аркаим: археология, эзотерический туризм и национальная идея // Антропологический Форум. 2011. №14. С. 133–167.

Шнифельман 2012а – Шнифельман В.А. Русское родноверие: неоязычество и национализм в современной России. М.: ББИ, 2012.

Шнифельман 2012б – Шнифельман В.А. Хазарский миф: идеология политического радикализма в России и ее истоки. М.: Мосты культуры-Гешарим, 2012.

Шнифельман 2014 – Шнифельман В.А. Аркаим и Стоунхендж между прошлым и будущим // Этнографическое обозрение. 2014. №5. С. 19–40.

Шнифельман 2015а – Шнифельман В.А. Арийский миф в современном мире. М.: НЛО, 2015. Т. 1.

Шнифельман 2015б – Шнифельман В.А. Конструирование исторического наследия – случай Аркаима // Сибирские исторические исследования. 2015. №2. С. 53–65.

Шнифельман 2015в – Шнифельман В.А. Иностранцы агенты: западные источники современной русской конспирологии // Историческая экспертиза. 2015. №4. С. 110–136.

Шнифельман 2016 – Шнифельман В.А. «Общее прошлое»: федеральные и татарстанские школьные учебники истории // Историческая экспертиза. 2016. №4. С. 111–132.

Шнифельман 2017 – Шнифельман В.А. Колено Даново: эсхатология и антисемитизм в современной России. М.: ББИ, 2017.

Шнифельман 2018 – Шнифельман В.А. Революция 1917 г. – заговор иноверцев и инородцев? Эсхатологический взгляд на русскую революцию // Scando-Slavica. 2018. Vol. 64. no. 1, pp. 64–94.

Эрлих 2013 – Эрлих С.Е. Уроки конспирологии // Искусство кино. 2013. №5.

Hagemeister 2016 – Hagemeister M. “Bereit für die Endzeit”: Neobyzantinismus im postsowjetischen Russland // Osteuropa. 2016. Bd. 66. № 11–12. S. 22–43.

Perry, Schweitzer 2005 – Perry M., Schweitzer F.M. Anti-Semitism: Myth and Hate from Antiquity to the Present. New York: Palgrave MacMillan, 2005.

Shnirelman Victor A. — doctor of sciences (History), chief researcher of the Institute of Ethnology and anthropology N.N. Miklukho-Maklai, RAS (Moscow)

REFERENCES

- Erlikh S.E. Uroki konspirologii. *Iskusstvo kino*, 2013, no. 5.
- Firsov S. *Na vesakh very: Ot kommunisticheskoi religii k "sviatym" postkommunisticheskoi Rossii*. St. Petersburg: Vita Nova, 2011.
- Gupalo A.G. Traditsionnye konfessii i arkheologiya. Petrov F.N. (red.). *Arkheologiya v sovremennoi kul'ture Rossii (regional'nye aspekty)*. Kruglyi stol, p. Arkaim, 22–23 avgusta 2007: materialy zasedanii. Cheliabinsk: Krokus, 2008, pp. 6–20.
- Hagemester M. "Bereit für die Endzeit": Neobyzantinismus im postsowjetischen Russland. Osteuropa, 2016, Bd. 66, no. 11–12, p. 22–43.
- Medinskii V.R. *Problemy ob"ektivnosti v osveshchenii rossiiskoi istorii vtoroi poloviny XV – XVII v.* Moscow, 2011.
- Miasnikov A.L. *Vlastiteli Otechestva*. Moscow: Veche, 2014.
- Mosin A.G. "Moia istoriia" ili "Moia mifologiya"? *Istoricheskaia ekspertiza*. 2018. URL: istorex.ru/page/mosin_ag_moya_istoriya_ili_moya_mifologiya.
- Patriarkh Kirill. *Sviatoi kniaz' Vladimir: tsivilizatsionnyi vybor Rusi*. Moscow: Izd-vo Mosk. Patriarkhii RPTs, 2015.
- Perry M., Schweitzer F.M. *Anti-Semitism: Myth and Hate from Antiquity to the Present*. New York: Palgrave MacMillan, 2005.
- Selin A.A. O vystavkakh v istoricheskom parke "Rossiia – moia istoriia" v Sankt-Peterburge. *Istoricheskaia ekspertiza*. 2018. URL: istorex.ru/page/selin_aa.
- Shnirel'man V.A. *Ariiskii mif v sovremennom mire*. Moscow: NLO, 2015. Vol. 1.
- Shnirel'man V.A. Arkaim: arkheologiya, ezotericheskii turizm i natsional'naia ideia. *Antropologicheskii Forum*, 2011, no. 14, pp. 133–167.
- Shnirel'man V.A. Arkaim i Stounkhendzh mezhdu proshlym i budushchim. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2014, no. 5, pp. 19–40.
- Shnirel'man V.A. Inostrannye agenty: zapadnye istochniki sovremennoi russkoi konspirologii. *Istoricheskaia ekspertiza*, 2015, no. 4, pp. 110–136.
- Shnirel'man V.A. *Khazarskii mif: ideologiya politicheskogo radikalizma v Rossii i ee istoki*. Moscow: Mosty kul'tury-Gesharim, 2012.
- Shnirel'man V.A. *Koleno Danovo: eskhatologiya i antisemitizm v sovremennoi Rossii*. Moscow: BBI, 2017.
- Shnirel'man V.A. Konstruirovaniye istoricheskogo naslediya – sluchai Arkaima. *Sibirskie istoricheskie issledovaniia*, 2015, no. 2, pp. 53–65.
- Shnirel'man V.A. "Obschchee proshloe": federal'nye i tatarstanskii shkoly uchebniki istorii. *Istoricheskaia ekspertiza*, 2016, no. 4, pp. 111–132.
- Shnirel'man V.A. Revoliutsiia 1917 g. – zagovor inovertsev i inorodtsev? Eskhatologicheskii vzgliad na russkuiu revoliutsiiu. *Scando-Slavica*, 2018, no. 1. Pp. 64–94.
- Shnirel'man V.A. *Russkoe rodoverie: neoiazychestvo i natsionalizm v sovremennoi Rossii*. Moscow: BBI, 2012.
- Shnirel'man V.A. Slovo o "golom (ili ne vpolne golom) korole". *Istoricheskaia psikhologiya i sotsiologiya istorii*, 2009, no. 2, pp. 55–74.
- Vedernikov V.V. Sumerki prosveshcheniia, ili Etiud v bagrovykh tonakh. *Istoricheskaia ekspertiza*, 2014, № 1, pp. 11–24.
- Virginskii B.C., Klat S.A., Komshilova T.V., List G.N. Kak tvoriatsia mify v istorii tekhniki (k istorii voprosa o "velosipede Artamonova"). *Voprosy istorii estestvoznaniia i tekhniki*, 1989, no. 1, pp. 150–157.

ТОЧКА ЕЩЕ НЕ ПОСТАВЛЕНА

DOI 10.31754/2409-6105-2018-3-117-119

Проекту «Россия — моя история» в 2018 г. исполнится 5 лет. За этот относительно небольшой срок он пережил несколько этапов становления. Вначале это были временные выставки в Манеже. Сделанные в максимально сжатые сроки, они различались по уровню содержания, концептуальным подходам и дизайнерским решениям. Их общей характерной чертой являлся особый акцент не на текстовый контент, а на визуально-мультимедийный. Понятно, что множество людей, посещавших манежные выставки, не имели возможности детально познакомиться с их текстовым содержанием, но в первую очередь воспринимали предлагаемые визуальные образы.

В контексте создания выставок такая расстановка приоритетов была вполне объяснимой: выставки действовали всего три недели и их авторы не ставили перед собой масштабные просветительские и образовательные задачи. В эти несколько лет выставочной жизни проекта создававшая его команда находи-

лась в постоянном творческом процессе, нащупывая собственный формат, экспериментируя, набираясь опыта.

Новый этап жизни проекта, когда он обрел постоянный дом, поставил перед «Россия — моя история» совсем другие, по-настоящему серьезные задачи: вывести контент на качественный образовательный уровень. Я пришла в Исторический парк именно на этом переломном этапе и включилась в работу, когда мы, ставя перед собой иные высокие планки (например, оригинальные тексты, хороший научно-популярный стиль, расширение круга тем), могли переделывать большие фрагменты экспозиции, устанавливать новые «красные линии» нашего рассказа, пересматривать сценарные планы залов. Этот мощный процесс требовал времени, но практически параллельно началась работа над региональными историческими парками, в которых мы должны были, помимо общероссийской истории, показать историю края. Работа над региональным проектом, который реализовывался в фактически нереальные, немислимые сроки (15 парков за полгода), отвлек наши силы от процесса внутреннего обновления, замедлив его. Но, как оказалось, это было к лучшему,

© Андрейчева М. Ю., 2018

Андрейчева Марианна Юрьевна — кандидат исторических наук, руководитель по научно-методической работе Исторического парка «Россия — моя история» (Москва); anuta.andr@gmail.com

поскольку выход проекта на федеральный уровень увеличил аудиторию наших критиков и цензоров. Мы стали получать массу откликов, которые, не дав расслабиться после открытия парков, сразу погрузили нас в масштабную работу по доработке и расширению контента, посвященного общероссийской истории. Мощным толчком для ускорения на этом пути стала критика Вольного исторического общества. Его начальные выпады в наш адрес содержали голословные обвинения, которые, грубо говоря, били по воздуху, поскольку касались того манежного «балласта», от которого мы к тому времени уже освободились. Тем не менее выступления ВИО заставили нас вновь и вновь всматриваться в контент, выявлять его слабые места, пропускать его через сито экспертиз с участием профессионалов из ИРИ РАН, МГУ, РГГУ.

Работа над этим продолжает идти, однако не так быстро, как нам бы хотелось. Главная ошибка наших оппонентов в том, что они воспринимают наш контент как уже готовую написанную книгу. Тем не менее создание этой книги еще не завершено, хотя горизонты уже определены и видны. Таким горизонтом, я думаю, для нас должна стать реэкспозиция 2018 г. в Историческом парке на ВДНХ. Дело в том, что нынешняя экспозиция в Москве уже значительно отстает и по содержанию, и по дизайнерско-мультимедийной составляющей от региональных парков. В парке ВДНХ отсутствует часть экспозиции, посвященная второй половине XX — началу XXI в. Руководство Фонда

гуманитарных проектов запланировало обновление экспозиции, которое призвано сделать ее более содержательной, разносторонней и аттрактивной. Из того, что запланировано, могу лишь сказать, что в расширенном варианте нашей книги-контента будет разнообразно и интересно показана история культуры и быта, более широко будет представлена жизнь общества, для лучшего усвоения исторического материала появятся мультимедийные родословные древа Рюриковичей и Романовых, более глубокими и обстоятельными станут залы, посвященные Великой российской революции, Великой Отечественной войне, Новомученикам, ГУЛАГу и эпохе Ельцина и пр. Запланированы особые зоны с историческими инсталляциями.

Фактически работа по реэкспозиции, ее подготовке уже началась, и отголоски этой работы уже ощущают в регионах, в которых, по мере работы над ошибками в контенте, идет и перезаливка тех его частей, которые уже прошли обновление. К примеру, у нас в последние месяцы был полностью качественно переделан раздел «Раздробленность», который мы уже перезалили в регионы. В целом естественно, что обновление парка на ВДНХ неизбежно скажется и на уровне нынешнего контента, посвященного общероссийской истории, в парках. Это процессы взаимозависимые.

Бесспорно, схожие изменения могут коснуться и регионального контента прочих исторических парков. Однако любые изменения в этой части экспозиции могут происходить

только по инициативе региона. Региональная история — это жемчужина парков, которая должна подчеркнуть индивидуальность каждого из них. Она целиком была отдана на откуп региональным операторам проекта и в определенном смысле была призвана помочь адаптации его в регионе, чтобы проект воспринимался не как чуждый, навязанный извне федеральными властями, а стал своим, поскольку в него были вложены интеллектуальные силы региона и даже, не побоюсь этого слова, душа. Как показало время, данный подход себя, безусловно, оправдал. И региональный контент сейчас является одним из главных смыслообразующих стержней исторических парков в городах России.

Когда меня попросили отреагировать на критические статьи, ранее

опубликованные в «Исторической экспертизе», я вначале думала, что необходимо ответить по пунктам обвинения. Однако поняла, что такой подход непродуктивен. Часть наших огрехов (ошибки в датах, опечатки, однобокость или тенденциозность некоторых оценок) видна нам изнутри, и конкретные шаги по исправлению ситуации уже предпринимаются. С другой стороны, очевидно, что наши критики не всегда внимательно читают наши коллажи. И тут бессмысленно объяснять, что у нас есть в зале, посвященном Великой Отечественной войне, информация о пакте Молотова — Риббентропа. Гораздо важнее мне показалось обрисовать нашу работу изнутри, очертить ее задачи и дать понять, что наш контент — это живая книга, точка в которой еще не поставлена.

THE END HAS NOT BEEN SET YET

Andreycheva Marianna — candidate of historical sciences, head of scientific and methodical work of the Historical Park “Russia — my history” (Moscow)

«МОЯ ИСТОРИЯ»: ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ

DOI 10.31754/2409-6105-2018-3-120-124

Прежде всего следует признать — когда я в июне этого года, оказавшись в Казани, решил наконец взглянуть, пользуясь свободным временем, на местный вариант выставки «Россия — моя история», то, мимоходом читая ранее разнообразные критические отзывы, был уверен, что они сильно преувеличены. Шел я с мыслью, что на практике все окажется куда более корректным и умеренным, что вызвавшие критику детали — одни из многих, да, неудачные, но в масштабах целого явно не выделяющиеся, — и, в конце концов, следует ли предъявлять слишком суровые требования к развлекательно-образовательному аттракциону? Ведь по определению его цель — одновременно увлекать, развлекать, рассказывать «истории», причем срастающиеся в некое единое повествование и доступные усвоению независимо от исходного уровня образования. А это значит, что рассказ должен быть прост и ясен, а раз так — то требования исторической точности оказываются весьма ограниченными,

ведь точность — это не только и даже не столько корректное указание конкретных событий и цитат, сколько контекст, а простота — и есть его спрямление. И в этом плане не важно, с каких идеологических и/или идейных позиций устраивать публичную историческую экспозицию — если она должна быть проста и эмоционально воздействовать, значит, по крайней мере в качестве первого шага, для наивного восприятия, она должна быть спрямлена — иные уровни, слои, подтексты могут наличествовать, однако это уже следующие шаги: хорошая выставка, конечно, должна предполагать подобное возрастание сложности и неоднозначности, но это уже для немногих. Причем не столько для зрителей, для которых в любом случае посещение выставки — лишь короткий эпизод, час — два посреди других дел или развлечений, а скорее для «своих», для тех, кто специально заинтересован в возможности построить экскурсию и, акцентируя различные детали, выстроить на одном материале разные «истории».

© Тесля А. А., 2018

Тесля Андрей Александрович — кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета (БФУ) им. Иммануила Канта (Калининград); mestr81@gmail.com

Увиденное заставило меня убедиться, что читанные ранее отзывы были тактичны и очень сдержанны. Сама выставка разделена на две практически равные части, водо-

разделом выступает 1917 г. В силу предмета своих занятий — остановлюсь на первой. Вся дореволюционная часть — от древности до революции — выстроена как династическая, персонализированная история, причем характеристики периодов заменяются оценками правителей. Так, о князе Игоре сообщают: (1) «Бесславный правитель» и (2) «Глупость и алчность — причина гибели», что подкрепляется русской поговоркой: «Тяжело нагребешь — домой не донесешь». О княгине Ольге информируют: «Предотвращение развала страны» (попутно ей же приписывают «открытие торгового пути “из немцев в хазары”», видимо, понимая под этим нечто вроде открытия газопровода). Последующие царствования ничуть не принесят облегчения — в числе «вызовов» екатерининского времени, к примеру, числятся в качестве однопорядковых: (1) «восстание Емельяна Пугачева», (2) «возникновение масонства в России» и (3) «чумной бунт в Москве 1771 года». О специфической подаче восстания декабристов на выставке уже много писалось, но соответствующая панель впечатляет и сугубо визуально: в центр помещена масонская пирамида, по двум сторонам от которой перечисление «тайных обществ» и «масонских лож», а в рассказе о декабристах выделены три раздела: (1) «восстание на Сенатской площади», (2) «суд на декабристами» и (3) «раскаивание декабристов».

История выступает в трактовке организаторов выставки не только предельно персонализированной, но одновременно государи и последующие правители — за малочислен-

ными исключениями — оказываются носителями добродетелей, тогда как их оппоненты — источником зла, крамолы и т. д.

Можно было бы отмахнуться от всего подобного, если бы не иные специфические особенности выставки. Прежде всего, речь идет о некоей неизменной «государственности», причем в каждом зале стенды фиксируют изменение территории и численности населения за соответствующий период — экспансионистский подтекст здесь нетрудно разглядеть. Однако при этом изложение разворачивается начиная с Древней Руси, чтобы затем «счетчик» внезапно перескочил на Московское княжество, которое оказывается в этой логике «носителем» все той же государственности — и так вплоть до наших дней.

Подчеркну, что критиковать этот проект с собственно исторической точки зрения мне представляется бессмысленным — дело не в отдельных недочетах, ошибках и т. п. Равно как странно его и хвалить. Собственно к истории как к науке он не имеет ни малейшего отношения — или имеет то же, что и фильм о Коловрате. И вновь, все это не имеет само по себе ни положительного, ни отрицательного значения — в экранизации «Принца и нищего» можно порадоваться точности воспроизведения костюмов, но это лишь случайная деталь, решение художника-постановщика, она значима в данном случае как работающая на надлежащий эстетический эффект или препятствующая ему, она совершенно не самоценна

в рамках фильма (хотя может быть таковой для самого художника — но тогда, если это становится заметным, то становится уже проблемой художественного целого).

Обсуждению подлежит, на мой взгляд, собственно то идейное видение — вполне автономное от исторической конкретики, которое предлагает выставка. И здесь мне видится целый ряд проблем (отвлекаясь от идеологических симпатий и антипатий):

— во-первых, конфликтный характер трактовки прошлого, нарастающий уже применительно к XVIII в., противопоставление власти и крамола. Последняя может быть сознательной или оказываться следствием невежества — как, например, в чумном бунте. С невежеством надлежит справляться как со стихией, но истинным противником оказывается крамола: заговоры, масоны, террористы и пр. Особенность этой трактовки в том, что между двумя позициями не оказывается иных позиций — власть и ее противники предлагают радикальный выбор. Не случайно в результате «великие русские писатели XIX века» оказываются слабо дифференцированной толпой — т. е. они призваны символизировать достижения великой русской культуры и в этом плане, по аналогии с XVIII в., обеспечивать блеск государству и престолу. Их взгляды и суждения, политические позиции и общественные настроения оказываются «вне фокуса»;

— во-вторых, сама крамола никак не проясняется с точки зрения ее

природы — откуда берутся террористы, почему юноши и девушки вдруг оказываются бомбистами, почему посреди великолетия екатерининского царствования восстанием оказывается охвачена значительная часть империи и т. д. Все это остается либо без ответа, либо, как в случае с декабристами, увязывается с «масонским» сюжетом, причем к числу крамольников, видимо, следует отнести и самого государя Александра Павловича, также некогда бывшего, как, впрочем, и его брат Константин Павлович, членом ложи. Трактовка «потрясающий», не напрямую, но целым рядом сопоставлений и упоминаний, отсылающих к «заговорам» и «тайным обществам», в результате подталкивает к конспирологическому прочтению;

— в-третьих, история России оказывается (а) историей государства и (б) историей власти, всему прочему отведено подчиненное место, как в привычных учебниках — разделе «культура 2-й половины XVIII века». Правда, после завершения основной части теперь туда же, в «подвальную» часть, отправлены и «социально-экономические» разделы истории. В свою очередь, история государства выступает преимущественно как история военных побед и территориальной экспансии. Проблемой здесь является трактовка современности — ведь подобный нарратив предполагает «продвижение к наивысшей точке», триумфально совпадающей с современностью, тогда как реальность не дает возможности для такого заключения — и тем самым вынуждает трактовать наличное в лучшем слу-

чае как успешную реакцию, сохранение и восстановление того, что удалось сохранить.

Особенно заметны издержки схемы, лежащей в основании выставки, как раз на фоне «региональной компоненты»: стенды, повествующие о местной истории в Казани, никак не срастаются с основной экспозицией. Возникают два параллельных рассказа — большая история, история государства («с древнейших времен»), и второй рассказ, который можно было бы озаглавить «а в это время...», при этом обнажающий в определенном смысле пустотный характер первого рассказа, высоко пролетающего даже не над повседневной человеческой жизнью, а над жизнью целых регионов. Ведь это история «из высшего мира», где даже писатели — вроде бы люди, печатающиеся в журналах, которые читают в той же провинции, — оказываются встроенными исключительно в «высокую культуру», т. е. изъятую из повседневности, а полки маршируют в духе Ораса Верне,

чтобы затем обернуться «безымянными», «простыми лицами» с документальных снимков: в результате получается обобщенное изображение «личного», из которого изъято все конкретное, частное.

Впрочем, выставка вполне укоренена в традиции — современными средствами повторяя «массовые» гравюры и литографии 2-й половины XIX — начала XX в., например, большие листы к 25-летию юбилею царствования Александра II с обозначением главнейших событий. Правда, на тех листках ключевыми понятиями выступали «освобождение» и «свобода», составители рифмовали «освобождение крестьян» с «освобождением Болгарии», соединяя первые и последние годы правления царя. Если же пытаться установить сквозную рифмовку выставки, то она — в государственности, в государстве как высшей ценности, которая оправдывает любые жертвы и одновременно тяготеет слиться до неразличимости с лицом любой наличной власти.

«МОЯ ИСТОРИЯ»: ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ

Teslya Andrei A. — candidate of philosophical sciences, senior researcher of Institute for the Humanities of Immanuel Kant Baltic Federal University (IKFBU) (Kaliningrad)

Key words: history of Russia, exhibitions, Church, historical politics.

Abstract. The article analyzes exhibitions covering the history of Russia from the early medieval period through up to the epoch of president Putin that were arranged in the Moscow Manezh hall in 2013 to 2016. They were organized mostly by the Moscow Patriarchy, with a desire, first, to emphasize the key role of the Russian Orthodoxy in the history of Russia and also to rehabilitate monarchy. The article focuses on two periods, which covered prince-

doms and the Russian empire. These exhibitions were highly tendentious and reductionist. They romanticized pre-revolutionary Russia and autocratic rule, explained all the downsides and failures with a reference to internal and external enemies' plots, and used to indoctrinate the visitors with an idea of a special historical track of Russia, which appeared to be ultra-conservative one, based on a resource-based economy and an aggressive militarism. In addition, exhibitions were characterized with a modernization of history and an aspiration to use it instrumentally in favor of the current policy.

The article of V.A. Shnirelman is accompanied by the response of a highly qualified observer about one of the Russian historical parks, as well as a replica of one of the organizers of the project "Russia is my story", who told us about the work started on re-exposure of the Moscow historical park at the All-Russian Exhibition Center.

ОБ ОТЦЕ, О ЖИЗНИ В ССЫЛКЕ, О СЕБЕ: УРОКИ ИСТОРИИ.

Интервью с Г. Г. Тартыковой-Сокольниковой

Ключевые слова: Г. Я. Сокольников, сталинские репрессии, большие процессы 1930-х гг., политическая ссылка в СССР, Г. И. Серебрякова, Казахстан 1930–1950-х гг.

Аннотация. О своей судьбе рассказывает дочь видного деятеля большевистской партии, экономиста и дипломата Григория Сокольникова, ставшего жертвой сталинских репрессий.
DOI 10.31754/2409-6105-2018-3-125-137

Беседовал К. Ю. Морев

Гелиана Тартыкова-Сокольниковая (р. 1934) — дочь Григория Сокольникова.

Григорий Яковлевич Сокольников (Бриллиант, 1888–1939) — один из участников Октябрьской революции, руководитель советской делегации во время подписания Брестского мира (1918), народный комиссар финансов (1922–1926), инициатор финансовой реформы, связанной с появлением золотого червонца. Арестован в 1936 г. по делу «параллельного антисоветского троцкистского центра». Убит

в Верхнеуральском политизоляторе по указанию Берии и Сталина в мае 1939 г.

К. М. Вы не помните своего отца?

Г. Т.-С. Не помню. Сокольникова арестовали, когда мне было без недели два года.

К. М. Что после этого было с Вашей матерью и вами?

Г. Т.-С. Мама [Галина Серебрякова (1905–1980) — писательница, автор биографических книг о Марксе и Энгельсе. — *Прим. ред.*] сначала чуть не сошла с ума. Ее отправили в ссылку, но предложили выбрать место из нескольких вариантов. Она

© Историческая Экспертиза, 2018
Тартыкова-Сокольниковая Гелиана Григорьевна (р. 1934) — дочь Г. Я. Сокольникова (Г. Я. Бриллиант) (1888–1939)

выбрала Семипалатинск, потому что там когда-то отбывал ссылку Достоевский. Мы приехали туда в 1937 г. Мне уже было три года. Сначала бабушка, мама и я. Потом присоединилась старшая сестра — дочь мамы от первого брака, Зоря Леонидовна Серебрякова. Ей было 14 лет. Таких детей отдавали в детприемник, ее отдали в тот, который был на территории Даниловского монастыря. Но ей как-то удалось оттуда удрать. Квартиру отобрали, хотя квартира была куплена на мамины деньги за ее книгу «Юность Маркса». У Сокольникова квартиры не было.

К. М. Но в фильме о Сокольникове («По следу золотого червонца») упоминается некая дача, т. е. все-таки дачу ему дали?

Г. Т.-С. Это была мышеловка! Еще задолго до этого Сокольников выступил против должности генсека. Сталин ночью ему перед заседанием звонил: «Григорий, пожалеешь!» «Григорий» все равно выступил, сказал, что должность генсека нам не нужна, что Ленин не был генсеком и все равно все хорошо управлялось. Это было уже началом опалы. Отца почти сразу сняли с поста наркома финансов [это случилось в 1926 г. — *Прим. ред.*], потом отправили послом в Англию [в 1929–1932 гг. — *Прим. ред.*]. И уже после возвращения Сталин его вызвал и сказал: «Говорят, ты так понравился англичанам... Так, может, надо было там остаться?!» Это было ужасное предупреждение, потому что когда ты остаешься за рубежом, ты предатель. Потом ему некоторое время не давали работы, потом он был какое-то время замом Литвинова, нар-

кома иностранных дел. Но Сокольникову там было скучно, он написал три письма Сталину, просил живой работы. Его сделали замминистра лесной промышленности.

К. М. По-моему, это была последняя его должность...

Г. Т.-С. Да, это последняя должность. И тут Сталин с ним стал играть, как кошка с мышкой. Он вызвал своего помощника и сказал: «Вот, человек отдал всю жизнь партии, а у него нету дачи!» И в Баковке стали строить дачу. Мы жили на ней полтора месяца. Была еще одна история: «вождь» любил посиделки с вином, и в какой-то момент он пригласил Сокольникова и поднял тост «за моего старого друга Григория Сокольникова». Это было в июле 1936 г. А через несколько дней его забрали ночью — девять человек... И навсегда Сокольников уехал. В 1939 г. он был убит в камере.

К. М. А известно, при каких обстоятельствах?

Г. Т.-С. В книге Никиты Петрова «Первый председатель КГБ Иван Серов» подробно описаны обстоятельства убийства отца, названы фамилии участников этой операции. Из Москвы прибыли два работника НКВД (которые позже получили повышение по службе), а также заключенный Лобов, осужденный в связи с убийством Кирова. В камере вместе с ними зашел начальник тюрьмы, и Сокольникова убили ударом по голове.

К. М. Известно ли, что было с Сокольниковым в 1936–1939 гг.?

Г.Т.-С. Он сидел в Верхнеуральском политизоляторе. Мне в 1991 г. отдали три вещи — фотографию, на которой бабушка, мама, старшая сестра Зоря и я; портмоне очень скромное, которым Сокольников пользовался в Лондоне, и восемь тетрадей. Он вел записи в Верхнеуральском политизоляторе. Причем кагэбэшники, которые мне их отдавали, сказали: «Мы могли бы эти тетради за доллары продать за границу, но Крючков сказал вам их отдать». Многие страницы написаны на английском, французском, итальянском языках. Есть конспекты трудов Маркса и Энгельса. Я думаю, что он таким образом держал себя в тонусе, а то можно было сойти с ума.

К.М. Но это не были личные записи?

Г.Т.-С. Боже упаси! Кто бы это разрешил? А там на всех тетрадях штамп «Разрешено администрацией тюрьмы».

К.М. Ваш отец выступил против должности генсека еще в 1925 г. А потом он присоединялся к «объединенной оппозиции»?

Г.Т.-С. Присоединялся, но именно к правым: Бухарину, Каменеву, Зиновьеву. Никогда не был с Троцким.

К.М. Но Каменев и Зиновьев тоже в какой-то момент объединились с Троцким...

Г.Т.-С. Шли дискуссии, была оппозиция. Когда власть в одних руках — и ЦК, и правительство — это опасно, и именно против этого они

выступали. Они сделали все, что могли, для страны. Причем у отца не было ни машины, ни квартиры. Он даже после командировок приезжал и деньги командировочные сдавал в банк.

К.М. И так, после 1925 г. стало все идти по нисходящей... Но потом его все-таки в Англию отправили. А действительно, там не получилось бы остаться?

Г.Т.-С. Думаю, нет. Был Раскольников, который не вернулся в СССР, и его все равно убили — при невыясненных обстоятельствах, в поезде [имеется в виду полномочный представитель СССР в Болгарии Федор Раскольников, который в апреле 1938 г. отказался возвращаться в СССР. В августе 1939 г. Раскольников умер в психиатрической клинике, как предполагается, в результате самоубийства; версия его убийства агентами НКВД существует, но не считается вероятной. — *Прим. ред.*].

К.М. После того, как Сокольников забрали, вашей маме предъявили какие-то обвинения? Какое было основание для ее ссылки?

Г.Т.-С. Основание — «жена врага народа». Арестовали ее уже в ссылке, в Семипалатинске в 1937 г. Ей дали восемь лет, но вместо восьми она отсидела одиннадцать.

К.М. Ссылка, получается, была для отвода глаз, чтобы потом уже арестовать...

Г.Т.-С. Я думаю, да. Сначала быстренько из Москвы убрали, изъяли квартиру, мебель... И в Семипалатинске

мы остались втроем, я жутко заболела, была опасность, что я вообще не выживу. Бабушка стала ходить по всем врачам в Семипалатинске. Врачи узнавали, что мы ссыльные, и отказывались приходить. Но один согласился, старичок, еще дореволюционной школы. Посмотрел на меня и сказал: «Будете брать грудное молоко в консультациях, где женщины сдают лишнее молоко из груди». Как только начали меня поить молоком, я ожила. Я что-то рисовала, естественно, какие-то каракули, и ему дарила свои «картины». Но подарили ему и настоящую картину — вывезенный из Москвы подлинник картины Тропинина.

К. М. То есть вашим родным удалось вывезти что-то из Москвы?

Г. Т.-С. Да, кое-что удалось.

К. М. А как вы жили в Семипалатинске, ведь жилья сначала никакого не было?

Г. Т.-С. Мама за деньги, которые остались от гонорара за книги, купила маленький дом. Бабушка всегда говорила по-польски: «Счастлив тот, у кого есть свой уголок».

К. М. Мама была уже довольно известным писателем?

Г. Т.-С. Да. В 1927 г. — ей было 22 года — она была собственным корреспондентом «Комсомольской правды» в Китае, причем она была рекомендована Горьким. Так вот, был куплен одноэтажный домик, две половинки: в одной — две комнаты и сени. Никаких удобств, все во дворе. А там 40 градусы зимой. Вторая по-

ловина всегда сдавалась. На первой поставили рояль, тоже вывезенный из Москвы. Бабушка, Бронислава Сигизмундовна Красуцкая, сразу села и стала давать уроки, она была дочкой фабриканта, пианисткой — окончила Варшавскую консерваторию. Она стала учить всех окрестных детей. Каждый приносил, что мог — кто хлеб, кто деньги... Таким образом она нас и содержала.

К. М. Удивительно, что не изъяли этот рояль...

Г. Т.-С. А куда еще и рояль, кому он там нужен!

К. М. Я представлял так, что все конфисковывалось...

Г. Т.-С. У отца — да, конфисковали все в его кабинете. Я потом, после его реабилитации получила 4000, огромные деньги по меркам 1988 г. В том числе 2000 за его Орден Красного Знамени, который он никогда не носил, он получил его в Гражданскую войну. Отец говорил: «Носить орден за Гражданскую войну несправедно». Он до сих пор в Гохране, видимо.

К. М. Расскажите еще о вашей жизни в Семипалатинске.

Г. Т.-С. Маленький ребенок, пожилая бабушка... Утром меня высаживали в палисадничек, который около дома был, я целый день там тихо сидела. В то время была очень популярна фотография Сталина с девочкой на руках. Девочку звали Мамлакат. Я была вылитая Мамлакат, черная челочка... Однажды меня «украли». Был Новый год. Подошла женщина,

сказала: «Девочка, хочешь на елку?» Я говорю: «Хочу». Она меня увела на елку, я там резвилась, а бабушка сходила с ума, подняла милицию, меня нашли. Я вообще не помню, чтобы у меня был какой-то обед. Просто кусок хлеба давали — и побежала. Бабушка знала, что далеко от дома я не уйду. Так вот, там ходил какой-то мужчина, он меня называл «цыганочка». Он пришел однажды к бабушке и сказал: «Разрешите вашей внучке ходить к нам». Все жили на одной улице. У них не было детей, и они стали меня к себе брать. И оказалось, что это был следователь моей мамы. Оказывается, мама умудрилась в него бросить чернильницу, когда он ей что-то сказал.

К. М. То есть злого умысла там не было?

Г. Т.-С. Нет, наоборот, он меня жалел, знал, что я сирота. Потом бабушка решила, что мне нужно лечить зубы. Мне было пять лет. Врач: «А где мама? Где папа?» Бабушка сказала, что она воспитывает. Врач, женщина сердобольная, говорит: «Вам, наверно, тяжело все время с ней сидеть, не хотите отдать ее в танцевальный кружок?» Меня привели, и я стала там заниматься.

А мама, еще когда была спецкором в Китае, в 1920-е, привезла оттуда маленький очень красивый костюм. Он как-то пережил все обыски, он никому не был нужен. И мне поставили танец китайский, я была в этом костюме. Тут началась война. Руководитель кружка уехал на фронт, госпиталь наполнился ранеными. Администрация госпиталя говорит: «Оставьте нам эту девочку, она бу-

дет для раненых танцевать». Ведь кружок был как раз при госпитале. Меня оставили. Сшили мне костюм Матрешки. Говорили: «А сейчас выступит самая большая актриса...» Я выходила и танцевала русский народный танец. Раненые — кто рыдал, кто детей вспоминал.

Во время войны я пошла в школу, в восемь лет. Первое, что я увидела — портрет Сталина в парадном мундире, от пола до верха. А вскоре произошел первый «урок истории». Я пришла к своей соседке, которая у бабушки брала уроки фортепиано. Ко мне подошел ее отец, подозвал вот так пальцем — очень некрасиво — и спросил: «Как твоя фамилия?» Я: «Сокольников». Он мне в ответ: «Так это про твоего отца в “Истории партии” написано, что он японский и английский шпион, отравлял колодцы, пускал под откосы поезда?!» Я в ужасе прибежала к бабушке. Говорю: «У меня ужасный папа, оказывается!» Бабушка, как партизан, молчала.

К. М. Вообще никаких разговоров об этом не было?

Г. Т.-С. Нет, что вы. Единственное, что, когда я пошла в первый класс, как-то раз учительница сказала: «Завтра у нас родительское собрание, папы или мамы должны прийти». Я подняла руку: «У меня нет ни папы, ни мамы, у меня есть только бабушка». Вот тогда я поняла, что со мной, видимо, что-то не так. А национальный вопрос вообще не стоял: я не знала, кто я по национальности, кто мой отец, кто моя мама.

К. М. Интересно, что у вас была фамилия Сокольников, но это

никак не мешало в детстве выступать, и кроме этого человека, который вас подозвал в доме соседки, никто на это не обращал внимания...

Г. Т.-С. А может, и не знал даже. Все-таки такая глухомань.

К. М. Вы учились в самой обычной школе?

Г. Т.-С. Да, причем была отличницей. К нам в школу приходили на практику студенты и друг другу говорили: «Вон сидит девочка, вызывай ее, она так рассказывает, ой-ой-ой как! Получишь “пять” за практику!»

К. М. Какой контингент был в школе?

Г. Т.-С. Про контингент точно не могу сказать, но там в какой-то момент появились эвакуированные. И украинцы, и евреи...

Я была главный завхоз нашей семьи. Я получала хлеб, к пяти часам утра я приходила к магазину, где продавали хлеб, чтобы быть в десятке первых, чтобы получить белую булочку.

К. М. Их было очень мало, хватало всего на десять человек?

Г. Т.-С. Да. Остальные получали просто черный хлеб. Все было по карточкам. Как они распределялись, исходя из чего — не могу сказать. Но получали на всю семью. Дело в том, что Зоря вышла замуж за человека, который влюбился в мамин голос, когда она в тюрьме пела, и нашел Зорю... Влюбился в нее. Он потом ушел на фронт и вскоре погиб.

Поэтому мы получали карточки как семья человека, который воевал.

К. М. Я не очень понял, когда мама пела...

Г. Т.-С. Когда маму арестовали, она какое-то время сидела в семипалатинской тюрьме. Пока она там была, бабушка меня водила к этой тюрьме, мы стояли там с ней... И раздавался голос, шикарный женский голос. И бабушка говорила: «Это поет твоя мама». Все были влюблены в этот голос, хотя никто не знал, что это моя мама. Появился Илья Иванович Переверзнецов, инженер — он тоже сидел, но его быстро отпустили — он влюбился в мамин голос... Он нашел нас, пожалел, очень нам помогал, привозил картошку, еще что-то — ненадолго появился мужчина в доме. Но очень быстро его взяли на фронт, и вскоре он погиб. А чуть раньше из Польши, из Кракова через Львов, бежали в Россию три польских еврея. У них была большая семья: шесть братьев и одна сестра. Маму с девочкой в Освенциме сожгли. Отца и одного брата отправили в Бухенвальд, его прятали в чемодане, есть фильм «Голоый среди волков», он о нем. А три брата удрали. Младший был Генрих, будущий муж Зори.

К. М. Как они попали в Семипалатинск?

Г. Т.-С. Они бежали в Советский Союз, а их отправили в Сибирь на лесозаготовки.

К. М. Именно в ссылку?

Г. Т.-С. Да. Они без гражданства были. И Генрих отморозил в Сибири

кисть левой руки и сам себе отрезал все пальцы, кроме одного. Потом они как-то перебрались в Семипалатинск. С ними подвизался еще один парень — пианист. И вот они идут по улице и слышат, что играет музыка — это играла бабушка. Пианист вздыхает: «Ой, как давно я не играл на пианино, давайте попросим войти в дом». Они вошли в дом, бабушка заговорила с ними на чистейшем польском языке, потом они не раз приходили к нам. Зоря влюбилась в самого младшего брата, Генриха. Он был красавцем, языки знал. Все русские девушки, Зорины подруги, попдали тоже от этого Генриха. А Зоря уже успела побывать замужем за Ильей Ивановичем, причем Генрих даже был на этой свадьбе, они уже были знакомы. Илью убили на фронте. Генрих зачистил к Зоре. Бабушка говорила: «Что ты делаешь: ты угробишь себя и семью! Ты дочь врагов народа, а он — пораженный в правах, без гражданства!» Потом это аукнулось, в 1949 г.

Мама в 1947 г. была выпущена, но оставалась ссыльной и жила в Сыктывкаре. Еще в 1943 г. вышел указ, что женщины, которые рождают за колючей проволокой, должны быть освобождены. Серебрякова родила девочку — мою младшую сестру. Но маму не освободили. Отца девочки сразу же отправили на фронт — за связь с Серебряковой. Мама осталась с девочкой, до трех лет девочка была в лагере.

К. М. Где это было?

Г. Т.-С. Это было в Вельске, в Архангельской области. А в 1947 г. ее выпустили в Сыктывкар на поселение.

Младшую сестру надо было забирать из лагеря. Забирать ее поехала Зоря. Она была уже замужем за Генрихом, училась в пединституте, на третьем курсе. Генрих же преподавал в школе немецкий язык. Короче говоря, Зоря привезла эту девочку к нам. Ей было три года, она почти не говорила, но была до невозможности красивой. Мама же, которая поселилась в Сыктывкаре, стала чем-то там заниматься, у нее же медицинское образование. Она была еще молода и нравилась мужчинам, они знали, что это Серебрякова.

К. М. Все знали, что это жена «врага народа»?

Г. Т.-С. Знали, но там многие такие были, высланные. И вот они гурьбой за ней. Она говорит: кто усыновит мою девочку и посадит десять картошек (мерзлота же, цинга) — я за того выйду замуж. И нашелся такой Иван Иванович Булгаков, моя сестра носит эту фамилию (а родного ее отца звали Анисим). Короче говоря, Зоря сестру привезла к нам, и когда везла, то остановилась в Москве и пошла к жене Молотова.

К. М. А вы с мамой не виделись на тот момент?

Г. Т.-С. Нет, я увижусь, когда ей дадут разрешение приехать в Семипалатинск. Девочку же Зоря забрала, еще когда мама была в лагере. Позже появился Иван Иванович, взял девочку в Сыктывкар, где жил с моей мамой. А еще позже они приехали к нам все вместе. Так вот, когда Зоря проезжала через Москву, она зашла к жене Молотова, Полине Жемчужиной. Все же были знакомы, это

же старая коммунистическая гвардия. Зоря позвонила, та говорит: «Заходи». Жемчужина была сама при должностях, это был 1946 г.

К. М. И ей так легко удалось добиться посещения Жемчужиной?

Г. Т.-С. Не знаю, как ей удалось встретиться. Но встреча была. Жемчужина сказала, мол, оставь девочку, я буду ее покровителем. Зоря ответила: «Нет, мы детей в детдом не отдаем». Тогда Жемчужина спросила: «А ты, Зоря, что хочешь?» Зоря ответила: «У меня муж без гражданства, он не может никуда выезжать из Семипалатинска. А я учусь на третьем курсе пединститута и мечтаю поступить в МГУ, на исторический факультет». Полина Семеновна снимает трубку и звонит в МГУ. Говорит: «Исторический факультет? Сейчас к вам придет Серебрякова Зоря Леонидовна, запишите ее на четвертый курс». Там, наверное, упали. И Зоря начала учиться в МГУ.

К. М. Как так получилось, что Жемчужина стала покровителем? Просто бескорыстно?

Г. Т.-С. Абсолютно. Она же понимала, что процессы высосаны из пальца [в 1949 г. Полина Жемчужина, которая помогала своей приятельнице Галине Серебряковой и Зоре, сама была арестована и сослана. В этом же году Зорю Серебрякову тоже арестовали, обвиняя в том, что она выполняла какие-то поручения Жемчужиной. — *Прим. ред.*].

Мама приехала в 1947 г. Встречать ее поехала я, мне было 13 лет, такой гадкий утенок, колючий подросток.

Зоря была беременна от Генриха, бабушке было под 70. Ссылка не закончилась, просто ей разрешили поменять место на Семипалатинск после ее писем. Я еду ее встречать на вокзал в бабушкиной шубке, перешитой из чего-то. Жили очень бедно, все, что когда-то было привезено из Москвы, уже истратилось. Сіжу на вокзале сутки — поезд не приходит. Я сейчас думаю: как я выжила? Маленькая девочка сидит на вокзале...

К. М. Может, были какие-то милиционеры? Никто не удивился?

Г. Т.-С. Нет. Послевоенное время, ничего не было. Не было автобусов, только лошадиные упряжки. Семипалатинск. Дыра. Я знаю, что я сидела на скамейке двое суток. Поезда не приходили. Через двое суток появился поезд. Я стою на платформе. Вижу, женщина. Черненькая такая... Откуда я могла ее узнать? Я помнила только одно: я сижу на полу, ее забирают, она стоит у стены, красивая черная женщина в коричневом платье с белым воротником и белыми манжетами. Вот все, что я помнила...

К. М. Учитывая, что она, наверно, сильно изменилась за это время...

Г. Т.-С. ...И вот я вижу, стоит женщина, и что-то мне в сердце кольнуло: это твоя мама. Я стою, никто не выходит. А в пятнадцатом вагоне идет выгрузка, стоит пар, вытаскивают какие-то тюки. Я подбежала туда. Никакой женщины нет, похожей на мою маму. Оборачиваюсь, а у второго вагона стоит женщина, в ногах у нее маленькая девочка (сестра, Таня), и мужчина выносит вещи. И вот от пятнадцатого вагона до второго

я кричала: «Мама!» Все остановилось. Я оттуда бежала, как сумасшедшая. Подбежала к своей маме... И слезы полились. И мама меня отстраняет: «А что это ты плачешь, ты не рада, что я приехала? А почему ты такая некрасивая? А почему ты так плохо одета? А почему ты приехала встречать, где Зоря, где все?» Мы поехали на лошади домой. Я прибежала сразу к бабушке: «Мама меня не любит».

Первое, что она сделала, она спросила у бабушки: «Лана умеет белить квартиру?» Бабушка: «Да нет, конечно, она же маленькая, ей только 14 лет». Мама: «Она умеет шить?» Бабушка: «Нет». Мама: «А что она умеет?» Бабушка: «Она у нас танцовщица, она прекрасно играет на фортепиано». Мама сказала: «Никаких Домов пионеров. Меня в любой момент могут арестовать, дочь должна все уметь делать». Она была права.

К. М. Сколько времени вы пробыли вместе?

Г.Т.-С. Всего несколько месяцев. Вскоре маму вызывают, говорят: «Галина Иосифовна, вам надо поменять место ссылки, вы поедете в город Джамбул». Там были высланные чеченцы, ингуши, кубанские гречанки, поволжские немцы и вся интеллигенция — кого считали «неблагонадежными». За что, про что — не знаю. Город, полный ссыльных — и полный энкавэдэшников. Мама уехала туда.

К. М. Тоже на поселение?

Г.Т.-С. Да, конечно. Ссыльная же. Она продала дом в Семипалатинске и купила там саманный домик, из глины и кизяка, с соломенной крышей.

Она поехала сначала одна. Идея была такая, чтобы встать на учет, а потом нас перевезти. Потом приехал Иван Иванович, нанял товарный вагон, все туда погрузил, в том числе концертный рояль, остатки библиотеки... И десять суток я ехала с Иваном Ивановичем в этом товарном вагоне, с буржуйкой, с какой-то собачкой, которая к нам прибилась. Когда мы приехали в Джамбул, оказалось, что у меня ноги отморожены. Ну, не до конца, но подморожены. Приехали, а там уже была весна. В одну комнату поселились Таня, Иван Иванович и мама. И была маленькая пристройка, где была печка, сундучок и лежанка из кирпичей. Я спала на лежанке, а бабушка на сундучке.

И тут в 1949 г. приходит штатский. Говорит: «Галина Иосифовна, можно вас на полчаса?» И все. Куда увели? Почему увели? Никаких объяснений не было. Бабушка пошла в НКВД, ее гоняли из кабинета в кабинет, но ничего не говорили. А Иван Иванович работал, его пока не трогали. По Джамбулу идут разговоры: «Арестовали шпионку, у нее сто платьев, у нее вынесли мешок бумаг, она описывала химзавод...» (а она писала произведения в стол). Пустили такой слух специально, видимо.

Что делать? Я только окончила семилетку, мне даже было не 15, а 14 лет. Я пошла поступать в фельдшерско-акушерскую школу. Там была стипендия — 140 рублей. Жить-то на что-то надо.

К. М. А Зоря с Генрихом остались?

Г.Т.-С. Да, они остались в Семипалатинске. Работали преподавателями.

Генрих все еще преподавал немецкий язык, у них уже мальчик родился, Виктор. Бабушка опять села за пианино. Я поступаю в фельдшерскую школу. И вдруг приходит открытка из Семипалатинска: «Приезжайте кто-нибудь. Оба учителя арестованы. Квартира открыта. Ребенок в детском доме». Ему было полтора года. Бабушке 70 с лишним лет. Ивана Ивановича тоже уже арестовали, по той же статье 58, «антисоветская пропаганда». Так вот, я еду в Семипалатинск — а у меня даже паспорта нет, только справка, что я студентка фельдшерской школы. Я еду туда, прихожу в эту квартиру... Не знаю, как я смогла это сделать? — Я продала всю мебель: кровати, шкафы. Получила двести рублей, поехала за мальчиком в «Дом малютки». Главврач говорит мне: «А ты сама кто? Ты ведь сама ребенок, как мы тебе отдадим полуторагодовалого ребенка?» В общем, я все сдала, продала, иду на вокзал.

К. М. Без ребенка?

Г. Т.-С. Да, его не отдали. И я сижу на вокзале, а поездов нет. Ни в сторону Бишкека, ни в сторону Джамбула. Ко мне прибилась какая-то женщина за 40. Ей надо во Фрунзе, мне — в Джамбул. Вдруг бежит солдат: «Кто хочет в район Фрунзе, Джамбул? У нас на запасном пути стоит товарный вагон!» Эта женщина говорит мне: «Побежали, заплатим им и поедем». Прыгнули — и поезд пошел. На какой-то остановке к нам в вагон приходят энкавэдэшники. Говорят солдатам: «Вы по какому праву взяли этих людей? Вы знаете, какой закон? Провоз частных лиц в вагоне — год тюрьмы! Так что мы с вами еще разберемся». А нас послали

к следователю. Приходим мы к следователю в вагон, а я же боюсь сказать, что у меня по 58-й все сидят. Он мне говорит: «Ты кто? Ты, на букву “б”, ты же села к солдатам! Зачем ты к ним села? Открывай вещи!» Я открываю — а там чужие вещи. Следователь: «О, еще и воровка!» Он думает — цыганка, воровка, показывает какую-то липовую бумажку.

Мы подъезжаем к станции — на всю жизнь запомнила, станция Мотай, — и нас выводят. Отдают в следственный отдел при вокзале, ведут под ружье. Заводят нас в кабинет, сидит мужик. Все повторяется: «Развяжи вещи. А ты знаешь, что год тюрьмы за то, что ты к ним села?» И вот мы сидим, и вдруг — то ли это отец с того света помог, то ли мой «компьютер» в голове срабатывает — я говорю: «У вас тут есть кто-нибудь из медицины?» А я знаю, что там сроду нет никакой медицины, потому что это такое захолустье! Я говорю: «У вас есть какой-нибудь врач или медсестра?» — «А зачем?» — «А затем, что я хочу, чтобы меня проверили, что я честная девушка!» Он открыл рот, вот такие глаза... Берет телефон, пододвигает: «Касса? Сейчас к вам придут две женщины, выдайте им билеты, одной до Джамбула, другой до Фрунзе». И мы вышли.

К. М. Совершенно удивительная история!

Г. Т.-С. Потрясающая.

К. М. То есть он не стал ничего пытаться делать, узнавать, кто вы?

Г. Т.-С. Он обалдел от моего тона, от того, что я говорю.

К. М. А помните, вы говорили, что был «первый урок истории». А какие еще были, кроме этого первого?

Г. Т.-С. Да, было еще несколько «уроков истории». Второй был в Джамбуле. Я в арыке мыла посуду. Ко мне подходит чеченец-сосед, из переселенцев, и спрашивает: «Как твоя фамилия?» — «Сокольников». Он: «А ты знаешь, что твой отец на деньгах расписывался? Я в двадцатые годы работал в Нальчике, в банке, и видел — на деньгах было написано — “Народный комиссар Григорий Сокольников”». Это был второй «урок истории».

Потом был третий «урок». В 70 лет умерла бабушка, в 1950 г. Она до последних лет преподавала музыку. Мы остаемся на могиле: я и Таня. Зоря посажена. Ее муж посажен. Мама посажена. Мамин муж посажен. С ребенком Зори неизвестно что. Мы стоим на могиле с сестрой, и ко мне подходит соседка — по науськиванию НКВД. Говорит: «Лана! Уже приходили твой домик смотреть. Домик-то Серебрякова покупала, потом переписали на Красуцкую!» — бабушку. «А ты-то кто? Сокольникова! Домик тебе не принадлежит, его уже горкомхоз [городское коммунальное хозяйство] приглядел». Представляют, остаться на улице, вдвоем с девочкой? «Девочку, конечно, в детдом заберут, а тебя ссыльной сделают».

К. М. Зачем она все это говорила?

Г. Т.-С. Чтоб я вот (*показывает*) — помешалась.

К. М. Такое психологическое давление оказывалось?

Г. Т.-С. Конечно. А я, когда поступала в фельдшерскую школу, со мной поступала девочка. Я маленького роста, а она еще меньше — Ляля Бринь. Я ее тогда спросила: «Ляля, а где ты живешь?» Она говорит: «Мы живем в сарае, у узбеков». Я: «Как же, скоро зима!» Она говорит: «А мы скитаемся по Средней Азии. Нам родственники присылают из Москвы тряпки и продукты. Потому что папа мой, парикмахер, в 1937-м рассказал анекдот. И нас выслали, и мы скитаемся вот уже сколько лет». Когда бабушка умерла и мне на могиле вот это сказали, я пришла к ее матери. Как-никак они были тоже из Москвы и меня немного знали. Говорю: «Что мне делать, у меня дом заберут, девочку — в детдом, меня — ссыльной сделают!» Она отвечает: «Знаешь, что? Давай быстро на Садовую улицу, там живет Игорь Романович Фонштейн, адвокат. Расскажи ему, что с тобой случилось». У меня в кармане три рубля — и все. Бабушкины вещи я раздала, там почти ничего не было. Я прибегаю, там такой домик, калитка. Забегаю в дом, там все в книгах, все! И лозунг: «Не шарь по книгам жадным взглядом: здесь книги не даются на дом». Я говорю: «Вы Игорь Романович Фонштейн, адвокат?» — «Да, а ты кто?» — «Я, — говорю, — Лана Сокольникова».

К. М. Он тоже был в ссылке?

Г. Т.-С. В ссылке. Но, конечно, он какую-то адвокатуру брал — жить-то как-то надо.

К. М. То есть в ссылке люди были предоставлены сами себе и выжидали, кто как мог?

Г. Т.-С. Абсолютно. Наверно, ходили куда-то отмечаться, я не знаю точно. И вот он говорит: «Рассказывай все, что произошло». Я рассказываю. И говорю: «Я знаю, адвокаты берут деньги, а у меня всего три рубля». Он отвечает: «Я все сделаю. Бесплатно. Мы суд сделаем, позове соседей, они подтвердят, что ты действительно дочь Серебряковой, девочку твою отстоим. А вот если в ссылку тебя отправят — я ничего не смогу [сделать]».

В итоге Зорю освободили быстро, ничего не смогли ей приписать. Присобачили: «Хранила карточку врага народа» — т. е. Серебряковой. После этого она мне велела все карточки — все! — порвать. А Генриху дали 25 лет, потом заменили на десять. На него написали донос две учительницы за то, что он сказал, что Мицкевич как поэт лучше Пушкина; что в Польше во время политзанятий никогда бы не потух свет; и что он был сионист. Пять лет он отсидел в Джезказгане, это лагерь жуткий, в основном там были иностранцы.

Короче говоря, когда я стала уходить, Фонштейн мне сказал: «Знаешь, почему я тебе все сделаю? Потому что у тебя глаза твоего отца. Не спрашивай, что это такое». Оказывается, в 1920 г. Фонштейн служил под началом Сокольникова в Туркестане, когда отец там руководил установлением советской власти. Фонштейн был начальником Особого отдела.

К. М. Я знаю, что у вас было еще несколько «уроков истории»...

Г. Т.-С. Да. Однажды меня вызвала завуч и сказала: «Сокольникова! Ты одна — не комсомолка». А почему я не была комсомолкой? Потому что я должна была, чтобы меня приняли, перед всем техникумом выйти и сказать: «Мои родители враги народа». Я отказалась. Завуч сказала: «Ты одна такая на весь техникум, хотя ты отличница. Ты дочь врагов народа, у тебя еще и маленькая сестра. Как ты думаешь учиться в Алма-Ате в институте? Поэтому не старайся даже сдавать госэкзамен на отлично». Я пришла на экзамен и сказала: «Ставьте мне “два”». Преподаватель чуть не упал в обморок: «Сокольникова, ты всегда была отличницей, почему “два”?» Он поставил мне «четверку», а мне это и было нужно.

К. М. В комсомол вы в итоге не стали вступать?

Г. Т.-С. Да, я никогда не была комсомолкой. Меня в 18 лет послали на должность главврача десятикочной больницы. Около двух лет я работала главврачом в совхозе: одна улица, больница и школа под одной крышей, и магазин.

А теперь переходим к самой драматичной странице — это был «урок» на всю жизнь. Когда мне было 14 лет и мы приехали в Джамбул, я увидела около калитки потрясающей красоты узбека. Весь в черном, молодой парень... Я наблюдала за ним, он каждый день ходил в одну и ту же сторону — как оказалось, в Стат[истический] техникум. И вдруг — раз, и он перестает туда ходить. А я была

первой танцовщицей на танцплощадке. И однажды я туда пришла, начала танцевать, и вдруг заходит совершенно пьяный взрослый узбек, берет меня вот так вот за руку (*показывает*), раскручивает, чтобы я упала на пол (а пол там деревянный, дощатый, та еще танцплощадка!). И тут из толпы выскакивает молодой человек, хватая этого узбека за руку, что-то ему говорит, и тот — фьюить! — и убегает. Я смотрю: а это тот парень, за которым я наблюдала. Он говорит: «Так, уходим отсюда». Мы с ним уходим. Это 1951, наверно, год. Он говорит: «Я вас провожу». Не знаю, почему в то время никого не было, я в доме была одна. Заходим домой. Я впервые в жизни накрашила ресницы какой-то жуткой тушью советского разлива, это же 1950-е гг. Он меня подводит к зеркалу, а у меня вот так все (*показывает, что расплылась тушь*). Я же всплакнула, когда тот меня толкнул. И он говорит: «Девушка, вы такая красивая, хорошенькая. Зачем вы накрашили свои глаза?!» Мне стало стыдно,

я все это быстренько ликвидировала. А он стоит, смотрит и говорит: «Боже мой, концертный рояль! Книжный шкаф! Шекспир! Пушкин! Бунин! Блок! Кто ваши родители?» Я: «Мои родители — враги народа». Он: «Какие еще враги?» Он сказал, что из Статтехникума его послали учиться в Москву, почему он и исчез в какой-то момент. И он говорит: «Я поеду в Москву продолжать учебу, я все узнаю. Вы, наверное, что-то путаете, что вы должны отвечать за своих родителей». Потом этот узбек, Зуфаров, попросил меня сыграть на пианино, я сыграла песню из фильма «Кубанские казаки» и спела. И он уехал. Приезжает на следующий год на каникулы. Я его ждала, хотя какие-то кавалеры за мной ходили. И вот он приезжает — и не приходит. Потом вижу: катает другую девушку на велосипеде, не меня. Я подумала: «Ах ты, гад паршивый, ты же испугался!» И тогда я сказала себе: «Я выйду замуж хоть за дворника, только пусть он скажет, что не боится, что я дочь врагов народа».

ABOUT THE FATHER, ABOUT THE LIFE IN EXILE, ABOUT MYSELF: THE LESSONS OF HISTORY.
Interview with G. G. Tartykova-Sokolnikova

Tartikova-Sokolnikova Geliana G. (b. 1934) — daughter of G. Y. Sokolnikov (Brilliant G. Y.) (1888–1939)

Key words: G. Ya. Sokolnikov, Stalinist repressions, the great trials of the 1930s, political exile in the USSR, G. I. Serebryakova, Kazakhstan of the 1930s–1950s.

Abstract. The daughter of a prominent figure in the Bolshevik party, an economist and diplomat Grigory Sokolnikov, who fell victim to Stalin's repressions, tells of her difficult fate.

Полная версия интервью размещена на сайте журнала https://istorex.ru/page/tartikova-sokolnikova_gg_ob_ottse_o_zhizni_v_ssilke_o_sebe_uroki_istorii

Статьей К. Фрумкина «Историческая экспертиза» предполагается открыть серию публикаций к 200-летию со дня рождения Карла Маркса, мыслителя, мало с кем сопоставимого по влиянию его идей не только на гуманитарное (в том числе историческое) знание, но и на исторический процесс.

К. Г. Фрумкин

КАРЛ МАРКС В ИСТОРИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Ключевые слова: Маркс, марксизм, экономика, политическая экономия, маржинализм, институционализм, математизация, немецкая экономическая школа, Анналы, эксплуатация, норма прибыли, трудовая теория стоимости.

Аннотация. Основные экономические идеи, высказанные в «Капитале» Маркса, были ошибочны, и понимание их ошибочности стало общим местом экономической науки уже к началу XX в. Произшедшая в конце XIX в. маржиналистская революция не позволила марксизму сколь-нибудь значительно повлиять на развитие экономической мысли, хотя так называемое противоречие между I и III томом «Капитала» вызвало оживленную дискуссию на протяжении всего XX в., а исследование Марксом проблемы экономического цикла повлияло на саму популярность этой темы среди экономистов. Наибольшее влияние экономические идеи Маркса оказали на сближение проблематики экономики и истории — и тут прямыми последователями Маркса оказались социологи «немецкой исторической школы» Зомбарт и Макс Вебер, основатель американского институционализма Торстейн Веблен и вся французская школа «Анналов». DOI 10.31754/2409-6105-2018-3-138-156

Заголовок этой статьи звучит банально, но и в нем можно увидеть «второе дно»: Карл Маркс не просто находится в истории экономи-

© Фрумкин К. Г., 2018
Фрумкин Константин Григорьевич — кандидат культурологии (Москва); aricel2@mail.ru

ческой мысли, он укоренен в ней и связан с ней неисчислимыми связями. Экономические труды Маркса чрезвычайно контекстуальны — наверное, более, чем у кого-либо из других авторов, оставивших след в истории экономической на-

уки. «Капитал» имеет подзаголовок «Критика политической экономии», и этот подзаголовок — точный и значимый, это действительно критический разбор и переформулировка всего важного, что было сказано об экономике предшественниками и современниками Маркса. Историки науки в один голос выражают свое восхищение познаниями автора «Капитала». «Маркс сделался одним из первых знатоков, может быть, даже первым знатоком старой экономической литературы», — говорит Сергей Булгаков (*Булгаков* 2007: 665). «Как экономист Маркс был прежде всего эрудированным человеком», — восклицает Йозеф Шумпетер (*Шумпетер* 2011: 46). «Маркс был лучшим историком экономической мысли своего времени», — уверен Лайонел Роббинс (*Роббинс* 2013: 320–321). С большинством предшественников Маркс крайне остро полемизирует, но иногда полемика является даже более надежным каналом заимствования идей, чем согласие, а по мнению Шумпетера, иногда степень враждебности Маркса к некоторым экономистам (Сисмонди, Родбертусу, Миллю) была прямо пропорциональна степени их реальной идейной близости (*Шумпетер* 2011: 49). Маркс придавал огромное значение нюансам и акцентам, и поэтому вопрос об оригинальности изложенных в «Капитале» идей предстает крайне сложным. Во всяком случае, известно, что Карл Родбертус настаивал на своем приоритете в разработке теории прибавочной стоимости (и заодно — в разработке идеи измерения трудовой стоимости рабочим временем).

Но, так или иначе, можно указать по крайней мере двух авторов, которые сыграли в формировании марксистской политэкономии решающую роль и на плечах которых Маркс стоит вне всякого сомнения.

Прежде всего, это Давид Рикардо, создатель трудовой теории стоимости.

И второй автор — это основатель школы физиократов Франсуа Кенэ, у которого мы находим три фундаментальных для политэкономии идеи. Во-первых, это идея моделирования всей экономики как циклического процесса воспроизводства — этому посвящен весь второй том «Капитала». Во-вторых, идея о том, что модель экономики есть, прежде всего, система взаимоотношений социальных классов — в экономической науке этот подход, в конце концов, умер, но из него выросла марксистская классовая социология. Наконец, идея о том, что в экономической системе есть одна, привилегированная точка возникновения прибавочного продукта — по Кенэ это земля, а по Марксу это труд рабочих, и это дало М. И. Туган-Барановскому основания заметить, что марксизм напоминает систему физиократов «по произвольности тезисов и остроумию дальнейших выводов» (*Туган-Барановский* 1903: 380).

Идея построения циклической схемы воспроизводства была чрезвычайно плодотворной — и для Маркса, и для экономической мысли вообще. Что же касается остальных базовых заимствований у Кенэ и Рикардо, то они оказались тупиковыми для науки.

СТОИМОСТЬ И ЦЕНА — СУЩНОСТЬ И ЯВЛЕНИЕ

Самые оригинальные концепции Маркса относятся к теории стоимости — разделу экономической науки, которого сегодня не существует в том смысле, какой этому разделу придавали в XIX в.

Сам факт, что в экономической науке примерно вплоть до начала XX в. различались цена и стоимость, может вызвать определенные сомнения: на основании чего мы считаем, что товар столько стоит, если мы не можем продать его за соответствующую цену? Отчасти эта коллизия была вызвана несовершенством самой теории: теоретическая цена всегда не совпадает с эмпирической. Однако постановка проблемы уходит корнями в средневековую схоластику, где был поставлен вопрос о «справедливой цене». Вопрос о справедливости возникал, когда на рынке складывались аномально неблагоприятные условия, дававшие торговцам возможность несправедливо наживаться, и когда возникал вопрос о компенсации ущерба. Фома Аквинский в одном из своих текстов даже пришел к выводу, что одним из требований к справедливой цене должна быть возможность компенсировать труд и расходы на создание товара (см.: *Зунтум* 2017: 52–53). Существует богатая традиция считать Фому Аквинского предшественником трудовой теории стоимости (*Нуреев, Петраков* 2015: 6). Классики политической экономии Адам Смит и Давид Рикардо перешли от понятия «справедливой цены» к понятию «есте-

ственной цены» — и в этом можно увидеть глобальный сдвиг познавательных процессов от этики к науке по образцу естествознания.

Уже у Адама Смита естественная цена противопоставляется рыночной, но у Маркса это противопоставление доведено до предела.

Глядя ретроспективно, можно сказать, что проблема стоимости появилась потому, что или ценовые тренды, которые интуитивно усматривались, или столь же интуитивные представления о «правильной» и «должной» цене были «гипостазированы», «субстанционализированы» и в итоге было выработано представление об особой, устойчивой сущности — «стоимости», в отличие от цены — невидимой, но зато имеющей фундаментальное отношение к самой вещи и условиям ее возникновения (чего нельзя сказать о легко наблюдаемых, но куда менее фундаментальных, менее стабильных и вообще менее важных ценах). В таком подходе к экономическим реалиям сказался характерный для европейской философии стиль мышления, стиль, идущий от Платона и Аристотеля через средневековую схоластику к немецкому идеализму и предполагающий резкое разделение важной, но невидимой сущности и менее важного, но зато видимого явления, или — если пользоваться термином схоластов — разделение «субстанционального» и «акциденциального» (т.е. случайного, несущественного). В теории стоимости — и это было предельно заострено Марксом — стоимость субстанциональна, а цена акциденциальна.

Тот факт, что именно Маркс в предельной степени привнес в экономическую науку этот дуализм сущности и явления (субстанции и акциденции), несомненно объясняется «бэкграундом» Маркса как немецкого философа. Однако и в немецкой классической философии господство этого дуализма было подорвано. Его высшей точкой стала философия Канта, в которой роль «субстанции» играла вещь-в-себе — парадоксальное понятие, означающее истинную реальность, о которой невозможно ничего знать. Как и у Маркса, самая оригинальная и самая известная часть философии Канта была одновременно ее наиболее уязвимым местом, немедленно породившим возражения (например, со стороны Фихте) о том, что такая сущность слишком хорошо сокрыта, чтобы у нас были основания говорить о ее существовании. Дуалистической системе Канта в истории немецкого идеализма наследовали монистические системы Фихте и Гегеля, и далее — система Гуссерля, прямо призывавшего воздержаться от суждений о невидимых сущностях.

Что же касается теории стоимости, то в ней отказ от дуализма начался в 1870-х гг., когда усилиями экономистов Уильяма Джевонса, Леона Вальраса и Карла Менгера началась так называемая «маржиналистская революция». Суть маржинализма сводилась к идее о том, что цена товара зависит не от затраченного на него труда или капитала, а от того, насколько он ценится потребителем и чем последний готов ради него жертвовать. В этот же период начались математизация экономи-

ческой науки, ее отход от «гуманитарного», «полуфилософского» состояния. Математическое моделирование могло справиться с хаосом переменчивых цен как таковых, не пытаясь при этом найти — как это делает философское мышление — по ту сторону поверхностной ряби цен устойчивый остров «сущности», т.е. стоимости. В результате цена из случайного проявления стоимости становится важнейшим объектом изучения экономической науки. Вместо интуитивной сущности появляются кривые цен, чье поведение определяется прорабатываемыми экономистами формулами и моделями. У Маркса игра спроса и предложения могла приводить лишь к временным отклонениям применительно к стоимости. Маржиналисты же положили спрос и предложение в основу экономического мышления, кривые спроса и предложения, на пересечении которых оказывается цена, сегодня открывают любой вводный курс по экономике.

Труды основателей маржинализма вышли всего через несколько лет после издания I тома «Капитала». По словам Пола Самуэльсона, «дерево экономики раздвоилось» на марксизм и маржинализм (Самуэльсон 1992: 397). Однако именно маржинализм оказался перспективной теорией, породившей экономическую науку в ее нынешнем виде. Это означало, что теория стоимости Маркса не просто устарела. Произошло нечто большее: была отменена сама проблема, в точном, куновском смысле слова произошел парадигматический сдвиг. Не ответ изменился, но вопрос был снят.

И именно поэтому позднейшие западные экономисты, хотя и не могут не замечать, что в истории их науки присутствует такая гигантская политическая и философская величина, как Маркс, но порой не совсем понимают, чем же они ему обязаны. Уже в вышедшем в 1915 г. популярном учебнике Шарля Жида и Шарля Риста говорится, что трудовая теория стоимости «оставлена большинством экономистов, которые все более и более приобщаются к теории “предельной полезности”, или теории “экономического равновесия”» (Жид, Рист 1995: 367).

РАБОЧАЯ СИЛА, ПРИБАВОЧНАЯ СТОИМОСТЬ, ЭКСПЛУАТАЦИЯ

Тезис о том, что труд является единственным источником и стоимости, и экономического прироста, как философская идея вполне имеет право на существование — поскольку он отвечает на вопрос, какой из элементов производственного процесса обладает «субъектностью»; можно даже согласиться с тем, что «в основе трудовой теории стоимости — почти теологическая одержимость Маркса идеей человека как творца» (Норт 1994: 185).

Однако для экономической науки значение имеет не только «что», но и «сколько», и тут фатальным становится то обстоятельство, что трудовая теория игнорирует многие факторы, явно влияющие на производство и ценообразование — затраты капитала, использование в производстве природных ресурсов, соотношение спроса и предложения,

качество и субъективная полезность товара. При всем том сама трудовая стоимость является совершенно невидимой и неизмеримой — а неизмеримость ее во многом является следствием концепции, считающей одним из главных теоретических достижений Маркса — пресловутого различия труда и рабочей силы. Это различие чрезвычайно важно, поскольку именно из него логически вытекает «брендовая» марксистская концепция прибавочной стоимости. Согласно традиционной интерпретации, данное различие появилось для того, чтобы решить одну из проблем трудовой теории: если товар продается в соответствии с затратами труда и если, таким образом, затраты труда компенсируются, то откуда берется прибыль? Маркс изобретает гениальное решение, у которого был один недостаток: оно делало всю теорию стоимости экономически бессмысленной, превращая ее в чисто философскую интуицию.

Маркс провозглашает, что хотя товары продаются пропорционально количеству затраченного труда, труд не является товаром, не оплачивается и не компенсируется. На рынке труда продается и оплачивается «рабочая сила», т.е. жизненные потребности рабочих. Разница между стоимостью рабочей силы и стоимостью товара (пропорциональной количеству труда) и составляет прибавочную стоимость, которую недополучает рабочий — в чем и состоит марксова концепция эксплуатации. Таким образом, «количество труда» было оторвано от размеров зарплаты, но не получило никакой иной понятной меры. Стоимость товара

определяется количеством труда, но о последнем мы судить не можем. Цена оказывается единственной формой проявления количества труда для внешнего наблюдателя, а значит, равенство стоимости количеству труда оказывается просто тавтологией. Правда, теоретически количество труда можно измерять рабочим временем, но время должно быть усреднено, а никаких корректных правил его усреднения не существует — в частности, нет никаких рациональных правил редуцирования квалифицированного труда к простому (о необходимости чего теоретически пишет Маркс). Ну а если вспомнить, что цена может отклоняться от стоимости, то утверждение, что «стоимость пропорциональна количеству труда», оказывается приравнением двух неизвестных и неизмеримых величин.

К слову сказать, таким же тавтологическим характером обладает марксово представление о цене рабочей силы: зарплата должна соответствовать неким потребностям, но нет никакого иного способа судить о потребностях, кроме как по зарплате, и именно поэтому, как резонно отмечает Раймон Арон, каков бы ни был уровень зарплат, он не будет выше того минимума, которого требуют коллективное сознание и потребности трудящихся (Арон 2010: 279).

В сущности, такой же тавтологизм был присущ и основателю трудовой теории Давиду Рикардо, в теории которого (как он сам признавал) цены товаров выражает количество труда, но не существует никакого

способа оценить количество труда иначе, как через цену. Труд оказывается поистине «вещью в себе» экономической науки.

Для Рикардо этот парадокс не стал проблемой, поскольку труд вообще не играл большой роли в его системе. Между тем Маркс построил, опираясь на трудовую теорию, целое семейство фундаментальных и оригинальных концепций, в частности, теорию эксплуатации и прибавочной стоимости. Кроме того, из интерпретации труда как единственного источника прибавочной стоимости родилась контринтуитивная и не соответствующая фактам теория о том, что для капиталистической экономики не выгодно увеличение массы неживого капитала (например, машин и оборудования), а прибыльность экономики зависит от доли капитала, идущего на покупку труда, т.е. от фонда заработной платы. Из этого следовал прогноз, что рост массы капитала, идущего не на зарплату, будет приводить к постепенному снижению прибыльности всей экономики, на фоне чего единственным выходом для капиталистов является усиление эксплуатации, а из этого следовал прогноз обнищания рабочего класса. Все это «отягощалось» странным тезисом о том, что норма прибавочной стоимости — т.е. доля неоплаченного труда — является одинаковой во всех отраслях. Тезис этот невозможно доказать хотя бы потому, что количество труда не поддается измерению, но он также контринтуитивен. Как сказал Марк Блауг, «норму прибавочной стоимости невозможно наблюдать и невозможно доказать

ее одинаковость» (Блауг 1994: 215). Или, как заметил Йозеф Шумпетер, невозможно доказать, что рабочие производят одинаковую прибавочную стоимость независимо от оборудования и вида продукции (Там же: 265).

Что касается понятия эксплуатации, то с ним даже на уровне социальной философии имеются определенные проблемы, поскольку большая часть «неоплаченного труда» идет не на роскошь для капиталистов, а на воспроизводство предприятий, на закупку сырья и запчастей, а дальше — на учреждение новых предприятий, и еще дальше — на содержание государства со всеми его военными и социальными расходами. То есть эксплуатация есть, в сущности, «гнет цивилизации». Как пишет современный немецкий экономист Ульрих ван Зунтум, «вся аргументация Маркса в конечном счете сводилась к тому, чтобы отказать прибыли в праве на существование. Так как машины создаются руками рабочих, рабочие, согласно Марксу, должны получать весь производственный доход в полном объеме. Главную теоретическую ошибку той аргументации позднее вскрыл Ойген Бем-Баверк, а до него ее также увидел Тюнен: для производства машин требуется не только труд, но и временный отказ от потребления для накопления необходимого капитала (Зунтум 2017: 89).

Ко всему этому добавлялось обстоятельство, ставшее в конце XIX в. настоящей сенсацией: в III томе «Капитала», изданном по черновикам Маркса через десятилетие после его смерти, все-таки утверждалось,

что цены в среднем в каждой отрасли зависят от общих затрат на производство товара. Так возникла проблема противоречия между первым и третьим томами «Капитала», позже получившая название «проблемы трансформации».

Эта проблема породила гигантскую литературу — дискуссия о ней идет уже более 100 лет. Энгельс объявлял приз за сочинение, согласующее III том с трудовой теорией стоимости, но приз этот так и не нашел победителя. В научный оборот проблема была введена польско-российско-немецким экономистом и статистиком Ладиславом Борткевичем в 1907 г. (Bortkiewicz 1907: 370–385), а ровно через 100 лет появляется книга американского экономиста-марксиста Эндрю Клаймана (Kliman 2007). В этой чисто умозрительной дискуссии на разных этапах принимали участие даже нобелевские лауреаты Василий Леонтьев и Поль Самуэльсон, в 1994 г. Клайманом была создана Международная рабочая группа по трудовой стоимости. Однако данная дискуссия вызывает интерес только в околomarксистских кругах. Леонтьев высказался о ней так: «Современная теория цен ничем не обязана марксистскому варианту трудовой теории стоимости, и ничего, по-моему, не выигрывает от каких-либо попыток примирения или посредничества между двумя подходами» (Леонтьев 1990: 100).

Впрочем, наверное, можно согласиться с О. Ананьиним в том, что вопрос об «опровергнутости» Маркса нельзя считать завершенным (Ананьин 2007: 80–81), поскольку спекулятивные споры могут

продолжаться бесконечно, а прогнозы Маркса бессрочные. Теория трудовой стоимости, как и некогда геоцентрическая система мира, проиграла не потому, что была неистинной, а потому, что ее было невозможно использовать эффективно, не тратя много ресурсов на ее согласование с фактами и другими концепциями.

ОТВЕРГНУТЫЙ МЫСЛИТЕЛЬ

Согласно известному «одесскому» анекдоту, тетя Сара – старший экономист, а Маркс – всего лишь просто экономист, но и в его праве на это скромное звание многие «старшие экономисты» высказывают серьезные сомнения.

Все важнейшие слабые места экономической теории Маркса были уже в конце XIX в. подробно разобраны видным деятелем маржинализма Ойгеном Бем-Баверком (см.: *Бем-Баверк* 2002). В сущности, все важнейшие аргументы против экономического учения Маркса были приведены уже тогда, и в последующие 100 лет противники Маркса разве что по-новому расставляли акценты в старых аргументах. В 1960-х гг. Гэрри Норт написал о критике Бем-Баверка: «Марксисты так и не оправились после этого удара, несмотря на их попытки дать ответ в течение семи десятилетий» (*Норт* 1994: 228).

Уверенность в ошибочности главных экономических концепций Маркса была общим местом экономической литературы уже в начале XX в., и с тех пор мало что изме-

нилось. Тот факт, что, несмотря на это, в основу экономического образования в СССР была положена не просто марксистская или неомарксистская парадигма, но в значительной степени аутентичная марксова политэкономия, надо считать великим и трагическим недоразумением, поставившим советских экономистов вне мирового контекста и роковым образом сказавшимся на качестве советской экономической теории – при том, что классическая теория стоимости, базировавшаяся на затратах, была вполне гармонична для экономики, игнорировавшей спрос, в которой государство административно рассчитывает цены, исходя из издержек.

Можно проследить, как на протяжении последних 100 лет различные авторы, обращаясь к фигуре Маркса, причем даже уважительно и признавая его гениальность, констатировали ошибочность его экономического учения и неостребованность марксовых идей профессиональными экономистами.

Так, уже в 1910-х гг. С.Н. Булгаков говорит в своих лекциях, что в последнюю четверть века развитие экономической науки протекало «вне отношения к марксизму» и «большинство представителей экономической науки в Германии индифферентны к марксизму и мало замечают его» (*Булгаков* 2007: 678).

Через двадцать лет, в 1933 г., Петр Струве коротко замечает о Марксе: «От его экономических учений сейчас мало что осталось» (*Струве* 2000:

332–333). В это же время самый влиятельный из экономистов XX в. Джон Стюарт Кейнс говорил, что учение Маркса было «непоследовательным, устарелым, неверным с научной точки зрения, не имеющим ни значения, ни применения в современном мире» (цит. по: *Вин* 2009: 171).

Еще через 30 лет, в 1960-е гг., в одном из самых фундаментальных и, наверное, самом популярном учебнике по истории экономических учений Марка Блауга говорится, что «Маркс допускал логические ошибки, искажал факты, делал необоснованные выводы», «едва ли не умышленно закрывал глаза на слабые места в своем исследовании» (*Блауг* 1994: 265).

Еще через 20 лет, в начале 1980-х, видный английский экономист Лайонел Роббинс, выражая в своих лекциях по истории экономической науки большое уважение к Марксу, признает вместе с тем, что значительная часть его теории до последнего времени оставалась в тени и не получила должного признания (*Роббинс* 2013: 317).

Наконец, уже в XXI в. О. Ананьин, руководитель кафедры методологии и истории экономики Высшей школы экономики, пишет, что, судя по учебникам, «для современного экономиста знание Маркса — это вопрос эрудиции, но не профессии» (*Ананьин* 2007: 75).

Некоторые авторы признают заслугу Маркса-экономиста в том, что он поставил вопрос о механизме воспроизводства и, в частности, о де-

ловом цикле. Так, Василий Леонтьев, говоря о проблеме делового цикла, утверждает: «Вряд ли было бы преувеличением сказать, что три тома “Капитала” в гораздо большей степени, чем какая-либо другая работа, способствовала выдвиганию данной проблемы на передовые рубежи экономических дебатов» (*Леонтьев* 1990: 102). Шумпетер пишет, что одно лишь признание существования циклического движения было огромным достижением своего времени и «многие экономисты до Маркса имели слабое представление об этом» (*Шумпетер* 2011: 84).

Однако и Леонтьев, и Шумпетер, признавая заслугу Маркса в постановке вопроса, затрудняются оценить его реальные аналитические достижения в теории цикла: Леонтьев ссылается на сложность проблемы, Шумпетер — на то, что замечания Маркса разбросаны по разным произведениям и не являются цельными (Там же: 79).

Джоан Робинсон писала, что теории кризиса у Маркса и Кейнса сходны, однако по поводу их близости можно и ошибиться, поскольку соответствующие разделы «Капитала» «довольно непонятны и их можно интерпретировать многими способами» (цит. по: *Вин* 2009: 172).

В учебниках по истории экономических учений положение Маркса крайне странно. Ему посвящают обширные и иногда довольно уважительные (а иногда и наоборот — крайне критичные) главы, и при этом всегда отмечается его чрезвычайно тесная связь с предшествую-

щими и современными экономистами. Однако эта густая сеть связей обращена исключительно в прошлое. Влияние Маркса на позднейших экономистов почти не прослеживается. Поэтому вполне возможен учебник истории экономических учений, в котором главы о Марксе нет вообще (напр.: Делепляс 2000).

Это, не значит, что ведущие экономисты XX и XXI вв. не писали о Марксе — иногда критически, иногда уважительно. Но оценка личности и теории не означает активного использования концепций. Самым известным случаем обращения видного «мейнстримного» ученого к Марксу стали написанные в 1942 г. «Эссе о марксистской экономике» английского экономиста Джоан Робинсон, в которых отмечалось, что за пределами трудовой теории стоимости у Маркса имеется чрезвычайно много полезных идей о деловом цикле, зарплате и безработице и что теория Маркса близка и дополнительна к теории Кейнса (Robinson 1942). Однако демарш Робинсон больших концептуальных последствий не имел — во всяком случае последствий, ясно прослеживаемых. Сегодня в учебниках можно встретить лишь разрозненные замечания о том, что марксово отношение к процентам напоминает Кейнса (Негущи 1995: 261), а представление Маркса о рыночной стоимости — Альфреда Маршалла (Там же: 270).

Впрочем, отсутствие существенного влияния идей Маркса на развитие мейнстрима не мешает вот уже более чем вековому существованию школы, или секты, экономистов-

марксистов (в частности, О. Ананьев дает краткий обзор авторов, уже в XXI в. работающих над экономической проблематикой в рамках неомарксистской парадигмы (Марксово наследие 2005: 90–91)). Вероятно, самым крупным представителем неомарксистской экономической мысли XX в. был итальянский экономист Пьеро Сраффа (1989–1983), друг Антонио Грамши, снабдивший последнего карандашом и бумагой для написания «Тюремных тетрадей». Сраффа пытался возродить в своих работах интерес к теории стоимости, каким он был в III томе «Капитала» и у Рикардо, подход, основанный на издержках, среди которых особый интерес представляют затраты на заработную плату. Сраффу иногда упоминают среди крупнейших экономистов прошлого столетия, но в целом, как отмечает Арьо Кламер, на экономических факультетах западных университетов марксисты считаются учеными «второго сорта», они никогда не могут занимать такие же позиции, как представители «мейнстрима». Марксистскую школу внутри академической науки Кламер характеризует как «крайне немногочисленную, но вечную» (Кламер 2015: 31).

Сравнительно маргинальное положение марксистов на западных экономфаках связано еще и с тем, что марксизм не в полной мере воспринял математизацию экономической науки, и таким образом сегодня между экономическим «мейнстримом» и марксизмом имеется еще и нестыковка на уровне языка и научного аппарата (Там же: 140). В сущности, марксизм и неоклассическая экономика взаимно

изолировались, примером чего могли служить американские экономисты Роберт и Дэвид Гордоны, родные братья, один из которых был сторонником неоклассических взглядов, а второй — марксистом, в результате чего они читали разную литературу, общались с разными людьми и между собой никогда не обсуждали экономические вопросы (Там же: 33).

Тут, рассуждая о судьбах марксизма, стоит отметить, что он вообще занимает довольно характерную нишу — поскольку для любой науки в той или иной степени встает вопрос о существовании «архаичного» научного дискурса, использующего «гуманитарные», философские, «качественные» высказывания. Такой вопрос встает даже в физике, когда приходится обсуждать фундаментальные последствия теории относительности и квантовых парадоксов, а в социальных науках — таких как социология и политические исследования — он стоит тем более остро именно благодаря экспансии математизированных аналитических методов из экономической науки в другие дисциплины («экономического империализма»). Но если в социологии качественные суждения могут быть сосредоточены в рамках фундаментальной теории, то в экономике они обречены на статус публицистики, популяризации либо маргинальных школ. Это, в частности, приводит к тому, что проект, называемый «марксистской политэкономией», сегодня иногда реализуется в рамках неэкономических научных институций. В частности, иногда можно прочесть, что самым видным деятелем

марксистской политэкономии является Эммануил Валлерстайн — социолог и по образованию, и по занимаемым академическим позициям.

НЕОМАРКСИЗМ И «ДЕЭКОНОМИЗАЦИЯ» МАРКСА

Перед лицом сильнейшей критики экономических идей Маркса в литературе, симпатизирующей марксизму, возникла любопытная традиция — объяснять, что и трудовая теория стоимости, и вообще теория Маркса не являются экономическими, их нельзя понимать буквально — но исключительно метафорически и философски. Так, еще в начале XX в. М.И. Туган-Барановский заявил, что «трудовую стоимость» следует понимать исключительно как порожденное трудом страдание, поэтому стоимость не влияет на цену и невидима для политической экономии, «трудовая стоимость не находит себе объективного выражения в мире товаров», чтобы увидеть ее значение — нужно вернуться от товаров к человеку (*Туган-Барановский* 1903: 373). Марксизм есть попытка «социального изучения экономики» (Там же: 379), и «в неудовлетворительной социальной оболочке этой теории содержится жизнеспособное социальное ядро» (Там же: 380).

Почти повторяя последнюю мысль, в середине 1950-х видный американский марксист Пол Суизи заявил, что целью первого тома «Капитала» был не анализ стоимости и цен, а «экономико-социальный анализ» (*Sweezy* 1957: 990).

Тогда же французский философ Пьер Биго в своей книге «Марксизм и гуманизм» написал, что Маркс не был экономистом, не внес вклада в политическую экономию, когда он размышляет о собственно экономических проблемах, он тесен и противоречив, но его учение о стоимости надо понимать экзистенциально (Bigo 1953: 248).

А уже сравнительно недавно российский философ Вадим Межуев заявляет, что экономическая наука не может ни подтвердить, ни опровергнуть правоты Маркса, поскольку Маркс не был экономистом и не считал себя таковым (Марксово наследие 2005: 90–91).

В свое время, иронизируя над попытками «деэкономизировать» теорию стоимости, Гэрри Норт писал о Марксе: «Как социолог, у которого отсутствовал всякий интерес к теории цен, он исписал уж слишком много страниц, пытаясь связать классическую теорию стоимости с капиталистическим ценообразовательным механизмом» (Норт 1994: 239).

Однако деэкономизация побеждала: ренессанс неомарксизма начиная с 1960-х гг. практически не сопровождался сколько-нибудь значимым интересом видных марксистов к экономике — хотя они демонстративно интересовались «Капиталом». Как выразился Перри Андерсон, в этот период марксисты больше занимались «надстройкой» — причем именно теми разделами надстройки, которые наиболее удалены от базиса (Андерсон 1991: 87–88). И среди француз-

ских левых, и во Франкфуртской школе марксизм тоже стал инструментом критики культуры. По словам Бьюкенена, немецкие радикалы (Адорно, Хоркхаймер, Маркузе, Фромм) превратили марксизм из экономической доктрины в инструмент ниспровержения морали (Бьюкенен 2007: 130–134). Самый верный марксист среди известных французских философов второй половины XX в. Луи Альтюссер выражал уважение к «Капиталу», опирался на него — но почти не брал оттуда сколько-то важных концепций, кроме брендового понятия «прибавочной стоимости». По словам Раймона Арона, Альтюссер почти не интересуется содержанием «Капитала» и не идет в нем дальше «Введения», при этом в изложении Альтюссера «Капитал» перестает быть работой по политэкономии (Арон 2010: 271).

По меткому замечанию Арона, философов интересуют интеллектуальные конструкции «Капитала», отвергнутые экономистами (Там же: 308–309). Кстати, аналогичная история произошла с концепцией «кондратьевских волн» — если экономисты считают, что их достоверность не подтвердилась, то социальные философы и политические активисты часто продолжают считать их важной объяснительной теорией. Но в работах европейских, и прежде всего французских, мыслителей мы видим, как термины и понятия, заимствованные из марксовой политэкономии, совершенно меняют свой смысл, лучшим примером чего может служить книга Жака Бодрийара «К критике политической экономии знака». Название книги явно отсылает

к «Капиталу», в ней в качестве некой метафоры используется устаревшее название экономической науки, в ней есть такие главы, как «Эскалация политической экономики» и «Об осуществлении желания и меновой стоимости», — и все же книга крайне далека от любой политэкономии, это прежде всего усиленная психоанализом критика культуры, хотя и подчиненная марксову импульсу находить за фасадом жизни скрытые и аморальные сущности, порожденные капиталистической системой.

МЕЖДУ ЭКОНОМИКОЙ И ИСТОРИЕЙ

Мы сталкиваемся с очень интересным парадоксом. Если, с одной стороны, главные произведения Маркса посвящены именно экономической теории, то, с другой стороны, **в самой экономической теории влияние Маркса отслеживается слабо.**

Однако вообще во влиятельности Маркса и в частности его главного экономического труда сомневаться не приходится. Это влияние реализуется за пределами экономической науки, но в связи с экономикой. Маркс оказался автором самого влиятельного междисциплинарного прорыва — или междисциплинарного синтеза, — заставившим социальные науки, такие как философия, социология и история, уважать экономику и интересоваться экономическими фактами.

При этом с начала XX в. в литературе повторяется одна и та же мысль:

что самым ценным элементом экономического учения Маркса является его историчность.

Если важнейшие идеи Маркса, связанные с трудовой стоимостью, прибавочной стоимостью, эксплуатацией и т.д., все 100 лет ругают как ошибочные и ненужные науке, то одновременно все говорят, что величайшей заслугой Маркса является соединение политэкономии с историей и в особенности постановка вопроса о формировании и судьбе капитализма как исторического явления.

Так, уже в начале XX в. американский экономист Эдвин Селигмен написал, что хотя экономическое учение Маркса не верно, это не дает оснований отвергать его философию истории (*Seligman 1961: 24*).

В 1915 г. в популярном учебнике Риста и Жида говорилось: самое «солидное» в произведениях Маркса — «историческое изложение развития капиталистического строя» (*Жид, Рист 1995: 368*).

Йозеф Шумпетер торжественно провозглашает, что хотя Маркс — автор многих неверных концепций, но он предложил экономическую теорию будущего (*Шумпетер 2011: 90*), и все ошибки Маркса компенсирует одна идея: «Идея теории, построенной не на некотором числе отдельных индивидуальных форм или на логике развития количественных экономических показателей в целом, но на действительной последовательности этих форм, на развитии экономического про-

цесса как такового, движимого собственной энергией, в условиях исторического времени порождающего в каждый данный момент такое состояние, которое само определяет, что будет следовать за ним» (Там же). Другие экономисты смешивали экономическую теорию и историю механически, а Маркс приготовил их «химическую смесь» (Там же: 90–91).

Наконец, в XXI в. в статье ведущих российских либеральных экономистов Егора Гайдара и Владимира Мау подчеркивается, что наиболее ценным и актуальным в наследии Маркса являются философия истории и теория экономической истории (*Гайдар, Мау 2004а*: 6), причем открытая Марксом зависимость общественных отношений от уровня развития производительных сил сегодня представляется несомненной (*Гайдар, Мау 2004б*: 28–31).

К этому стоит добавить, что сегодня актуальны не столько конкретные взгляды Маркса, сколько его постановка вопросов. Так, по мнению американских социологов Майкла Бурового и Эрика Райта, хотя подтверждения научной ценности марксовских прогнозов о судьбе капитализма нет, но в рамках марксизма все-таки сохраняется задача по раскрытию истинной исторической траектории капитализма — и примером выполнения этой задачи являются труды Джованни Арриги (*Буровой, Райт 2010*: 24–25).

Удивляться таким оценкам не приходится, поскольку Маркс пришел в экономику с немецким философским бэкграундом, а немецкая куль-

тура XIX в., несомненно, обладала приоритетом в деле осмысления истории — она уже знала и «Философию истории» от Шлегеля до Гегеля, и «Идею всеобщей истории» Канта, и теорию эволюции религии Шеллинга и т. д. В связи с этим стоит обратить внимание на еще один теоретический проект, который был одновременно и одним из «неучтенных» Лениным «источников марксизма», и одним из каналов посмертного влияния марксова учения. Речь идет о т. н. немецкой исторической школе — направлении немецкой политэкономии, специализирующемся, прежде всего, на экономической истории и изучении конкретных социально-экономических ситуаций. Маркс хорошо знал принадлежавших к ней авторов, активно полемизировал с такими видными представителями исторической школы, как Вильгельм Рошер и Фридрих Лист, и хотя отношение Маркса к ним было крайне негативным, но, повторимся, полемика иногда является каналом подспудных влияний. Обращает на себя внимание, в частности, тот факт, что авторы исторической школы — Фридрих Лист, Бруно Гильдебранд — разрабатывали теорию стадий экономического развития, и тут их мысль по меньшей мере шла параллельно теории формаций Маркса.

С другой стороны, несомненным фактом является посмертное влияние Маркса на т. н. «юную», или «новейшую», немецкую историческую школу, лидерами которой были Макс Вебер и Вернер Зомбарт — авторы, вошедшие в историю, прежде всего, как великие социологи,

но активно интересовавшиеся историей хозяйства. Зомбарт в молодости был марксистом и изучал «Капитал», Бем-Баверк называл его «горячим и остроумным апологетом» Маркса (*Бем-Баверк* 2002: 116), впоследствии Зомбарт полемизировал с марксизмом, но сохранил интерес к его ключевым темам — в частности, к теме формирования и к исторической судьбе капитализма. Главный, фундаментальный, трехтомный труд Зомбарта называется «Современный капитализм» — в некотором смысле тут можно видеть соревнование с «Капиталом», и до сих пор можно прочесть разные версии — о том, благодаря ли Зомбарту или же благодаря Марксу стал популярен сам термин «капитализм». Параллельно марксовым формациям Зомбарт выдвинул понятие «хозяйственной эпохи».

Связь с Максом Вебером менее очевидна, однако позднейшие авторы обращали внимание на то, что Вебер анализировал взаимное влияние экономики и других сфер социальной жизни, изучая, в частности, экономические условия возникновения религии. По мнению Шумпетера, «вся система Макса Вебера отлично вписывается в систему Маркса» (*Шумпетер* 2011: 28), историк экономических учений Бен Селигмен замечает более осторожно: «Хотя Вебер часто выступал против философии исторического материализма, но многие приемы его исследования свидетельствуют о влиянии марксистского метода» (*Селигмен* 1968: 40).

В определенном смысле историческая школа, из которой в XX в.

выросли и история экономики, и экономическая география, была альтернативным «мейнстриму» взглядом на экономическую науку, и эта «развилка» была озаглавлена знаменитой в свое время дискуссией между представителем исторической школы Густавом Шмоллером и основателем маржинализма Карлом Менгером о том, какие методы для экономики важнее — абстрактное теоретическое моделирование или же собирание исторических фактов. Любопытно, что Густав Шмоллер был, кроме прочего, еще и сторонником государственного социализма.

«Мейнстрим» экономической науки выбрал абстрактные модели, но любопытно, что ведь и «Капитал» Маркса состоит прежде всего из абстрактных теоретических суждений — однако особенно ценной признана его историческая ориентация.

О Марксе вспоминают всякий раз, когда экономика сближается с историей или социологией. В частности, оценки требуют влияние Маркса на формирование французской исторической школы «Анналов».

«Анналы» и Маркс прежде всего совпадают в своем интересе к экономической истории, во Франции основоположником этой дисциплины и предшественником «Анналов» был Анри Пиренн, которого обвиняли в марксистских симпатиях (*Аггифе Рохас* 2009: 371). Один из основателей «Анналов», Марк Блок, признавался, что восхищается трудами Маркса, и занимался, в част-

ности, такой характерно «марксистской» темой, как различие между феодализмом и рабством (Там же: 373). О другом лидере «Анналов», Фернанде Броделе, историк Аггире Рохас пишет так: «По мере того, как Бродель все большее внимание уделял социально-экономическому подходу к истории, он все активнее изучал, анализировал и применял в своих работах работы Маркса» (Там же: 381). Впрочем, «Анналы» — школа уникальная, по мнению Аггире Рохаса, значение экономических фактов для социальных процессов — это как раз тот урок марксизма, который хуже всего выучен историографией XX в. (Аггире Рохас 2008: 77).

Также Маркс вспоминается при разговоре об институционализме — направлении в англо-американской экономической науке, находящемся на стыке с социологией и изучающем экономическое значение институтов, в том числе таких, как религия, мораль и право. Основатель институционализма Торстейн Веблен много и углубленно изучал Маркса, следы этого влияния видны и в активном использовании категории «класс» (в книге «Теория праздного класса»), и в симпатиях к идеям социалистического преобразования общества.

В последней трети XX в. о Марксе стали вспоминать в связи с трудами неинституционалистов, в частности Дугласа Норта и Рондо Камерона. «Несмотря на то, что неинституционалисты подчеркнуту дистанцируются от марковского наследия, их взгляды на экономическое развитие близки к марксистским», — утвер-

ждают Гайдар и Мау (Гайдар, Мау 2004б: 34). Дуглас Норт, получивший Нобелевскую премию «за возрождение исследований в области экономической истории», говорил, что Маркс до недавнего времени был единственным экономистом, кто пытался связать технологические и институциональные изменения (Норт 1997: 168).

Маркс вспоминается всякий раз, когда ставится вопрос о взаимном влиянии экономики и других сфер общественной жизни, например, как в трудах английского социолога Майкла Манна, поставившего в основу своей теории разделение экономики, политики и культуры как трех фундаментальных, автономных сфер с собственными системами власти внутри себя. Тут нет доминирования базиса — но структурное влияние теории базиса и надстройки несомненно. **Маркс все-таки научил потомков придавать экономике особое значение, и в частности верить, что в истории побеждают наиболее эффективные и производительные системы.**

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Аггире Рохас 2009 — Аггире Рохас К. А. «Анналы» и марксизм // Французский ежегодник 2009: Левые во Франции. М.: URSS, 2009.

Аггире Рохас 2008 — Аггире Рохас К. А. Историография в XX веке: История и историки между 1848 и 2025 годами. М.: Кругъ, 2008.

Ананьин 2007 — Ананьин О. Карл Маркс и его «Капитал» // Вопросы экономики. 2007. № 9.

Андерсон 1991 — *Андерсон П.* Размышления о западном марксизме; На путях исторического материализма. М.: Интер-Версо, 1991.

Арон 2010 — *Арон Р.* Воображаемые марксизмы. М.: Книжный дом «Либроком», 2010.

Бем-Баверк 2002 — *Бем-Баверк О.* Критика теории Маркса. Челябинск: Социум, 2002.

Блауг 1994 — *Блауг М.* Экономическая мысль в ретроспективе. М.: Дело Лтд, 1994.

Булгаков 2007 — *Булгаков С.Н.* История экономических и социальных учений. М.: Астрель, 2007.

Буровой, Райт 2010 — *Буровой М., Райт Э.О.* Социологический марксизм // Социс. 2010. № 9.

Бьюкенен 2007 — *Бьюкенен П.* Смерть Запада. М.: АСТ, 2007.

Вин 2009 — *Вин Ф.* Карл Маркс: «Капитал». М.: АСТ, 2009.

Гайдар, Мау 2004а — *Гайдар Е., Мау В.* Марксизм: между научной теорией и «светской религией» // Вопросы экономики. 2004. № 5.

Гайдар, Мау 2004б — *Гайдар Е., Мау В.* Марксизм: между научной теорией и «светской религией» // Вопросы экономики. 2004. № 6.

Делепляс 2000 — *Делепляс Г.* Лекции по истории экономической мысли. Новосибирск: НГУ, 2000.

Жид, Рист 1995 — *Жид Ш., Рист Ш.* История экономических учений. М.: Экономика, 1995.

Зунтум 2017 — *Зунтум У. ван.* Невидимая рука: экономическая мысль вчера и сегодня. М.: Мысль, 2017.

Кламер 2015 — *Кламер А.* Странная наука экономика: приглашение к разговору. М.; СПб.: Изд-во Института Гайдара; Издательство «Международные отношения», Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2015.

Леонтьев 1990 — *Леонтьев В.В.* Экономические эссе: теории, исследования, факты и политика. М.: Политиздат, 1990.

Марксово наследие 2005 — Марксово наследие и современная экономическая наука (круглый стол журнала «Вопросы экономики») // Вопросы экономики. 2005. № 1.

Негиши 1995 — *Негиши Т.* История экономической теории. М.: Аспект пресс. 1995.

Норт 1994 — *Норт Г.* Марксова религия революции. Возрождение через хаос. Екатеринбург: Изд-во «Екатеринбург», 1994.

Норт 1997 — *Норт Д.К.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997.

Нуреев, Петраков 2015 — *Нуреев Р.М., Петраков П.К.* Учение о «справедливой цене» Фомы Аквинского: предпосылки возникновения, закономерности развития и особенности интерпретации // Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований). 2015. Т. 7. № 1.

Роббинс 2013 — *Роббинс Л.* История экономической мысли: лекции в Лондонской школе экономики. М.: Изд-во Института Гайдара, 2013.

Самуэльсон 1992 — *Самуэльсон П.* Экономика. М., 1992. Т. 2.

Селигмен 1968 — *Селигмен Б.* Основные течения современной экономической мысли. М.: Прогресс, 1968.

Струве 2000 — *Струве П.* Карл Маркс и судьба марксизма // Исследования по истории русской мысли: Ежегодник за 2000 год. М.: ОГИ, 2000.

Туган-Барановский 1903 — *Туган-Барановский М.И.* Очерки из новейшей истории политической экономии. СПб.: Издание журнала «Мир божий». Типография И.Н. Скороходова, 1903.

Шумпетер 2011 — *Шумпетер И.* Десять великих экономистов от Маркса до Кейнса. М.: Изд. Института Гайдара, 2011.

Bigo 1953 — *Bigo P.* Marxisme et humanisme — introduction a l'oeuvre economique de Marx. Paris: P.U.F., 1953.

Bortkiewicz 1907 — *Bortkiewicz L. von.* On the Correction of Marx's Fundamental Theoretical Construction in the Third Volume of "Capital" // *Jahrbuch für Nationalökonomie und Statistik.* 1907. Vol. 34. № 3. P. 370–385.

Kliman 2007 — *Kliman A.* Reclaiming Marx's Capital: A Refutation of the Myth

of Inconsistency. Lanham: Lexington Books, 2007.

Robinson 1942 — *Robinson J.* An Essay on Marxian Economics. London: Macmillan, 1942.

Seligman 1961 — *Seligman E.R.A.* The Economic Interpretation of History. N.Y.: Published by Columbia University, 1961.

Sweezy 1957 — *Sweezy P.M.* Professor Cole's History of Socialist Thought // *The American Economic Review.* 1957, Dec. Vol. 47. № 6.

KARL MARX IN THE HISTORY OF ECONOMIC THOUGHT

Frumkin Konstantin G. — candidate of culturology (Moscow)

Key words: Marx, Marxism, economics, political economy, marginalism, institutionalism, mathematics, German economic school, Annales, exploitation, rate of profit, labor theory of value

Abstract. The basic economic ideas expressed in Marx's "Capital" were erroneous, and the understanding of their fallacy became the commonplace of economic science by the beginning of the twentieth century. The marginalist revolution that took place at the end of the 19th century did not allow Marxism to have any significant influence on the development of economic thought, although the so-called Contradiction between Volume I and III of "Capital" drew a lively discussion throughout the twentieth century, and Marx's study of the economic cycle affected the popularity of this topic among economists. Marx's economic ideas had the greatest impact on the rapprochement of the problems of economics and history — and here the direct followers of Marx were the sociologists of the German historical school Sombart and Max Weber, the founder of American institutionalism Thorstein Veblen and the entire French Écoles des Annales.

REFERENCES

Aggire Rokhas K.A. "Annaly' i marksizm. *Frantsuzskii ezhegodnik 2009: Levye vo Frantsii.* Moscow: URSS, 2009.

Aggire Rokhas K.A. *Istoriografiia v KhKh veke: Istoriia i istoriki mezhdu 1848 i 2025 godami.* Moscow: Krug", 2008.

Anan'in O. Karl Marks i ego "Kapital'. *Voprosy ekonomiki,* 2007, no. 9.

Anderson P. *Razmyshleniia o zapadnom marksizme; Na putiakh istoricheskogo materializma.* Moscow: Inter-Verso, 1991.

Aron R. *Vobrazhaemye marksizmy.* Moscow: Knizhnyi dom "Librokom", 2010.

Bem-Baverk O. *Kritika teorii Marksa.* Cheliabinsk: Sotsium, 2002.

Bigo P. *Marxisme et humanisme — introduction a l'oeuvre economique de Marx.* Paris: P.U.F., 1953.

- B'iukenen P. *Smert' Zapada*. Moscow: AST, 2007.
- Blaug M. *Ekonomicheskaja mysl' v retrospektive*. Moscow: Delo Ltd, 1994.
- Bortkiewicz L. von. On the Correction of Marx's Fundamental Theoretical Construction in the Third Volume of "Capital". *Jahrbuch fr Nationalokonomie und Statistik*, 1907, vol. 34, no 3, pp. 370–385.
- Bulgakov S.N. *Istoriia ekonomicheskikh i sotsial'nykh uchenii*. Moscow: Astrel', 2007.
- Burovoi M., Rait E.O. Sotsiologicheskii marksizm. *Sotsis*, 2010, no. 9.
- Deleplias G. *Lektsii po istorii ekonomicheskoi mysli*. Novosibirsk : NGU, 2000.
- Gaidar E., Mau V. Marksizm: mezhdunaruchnoi teorii i "svetskoi religiei". *Voprosy ekonomiki*, 2004, no. 5.
- Gaidar E., Mau V. Marksizm: mezhdunaruchnoi teorii i "svetskoi religiei". *Voprosy ekonomiki*, 2004, no. 6.
- Klamer A. *Strannaia nauka ekonomika: priglasenie k razgovoru*. Moscow; St. Petersburg: Izd-vo Instituta Gaidara; Izdatel'stvo "Mezhdunarodnye otnosheniia", Fakul'tet svobodnykh iskusstv i nauk SPbGU, 2015.
- Kliman A. *Reclaiming Marx's Capital: A Refutation of the Myth of Inconsistency*. Lanham: Lexington Books, 2007.
- Leont'ev V.V. *Ekonomicheskie esse: teorii, issledovaniia, fakty i politika*. Moscow: Politizdat, 1990.
- Marksovo nasledie i sovremennaja ekonomicheskaja nauka (kruglyi stol zhurnala "Voprosy ekonomiki"). *Voprosy ekonomiki*, 2005, no. 1.
- Negishi T. *Istoriia ekonomicheskoi teorii*. Moscow: Aspekt press. 1995.
- Nort D.K. *Instituty, institutsional'nye izmeneniia i funkcionirovanie ekonomiki*. Moscow: Fond ekonomicheskoi knigi "Nachala", 1997.
- Nort G. *Marksova religiiia revoliutsii. Vozrozhdenie cherez khaos*. Ekaterinburg: Izd-vo "Ekaterinburg", 1994.
- Nureev R.M., Petrakov P.K. Uchenie o "spravedlivoi tsene" Fomy Akvinskogo: predposylki vozniknoveniia, zakonomernosti razvitiia i osobennosti interpretatsii. *Journal of Institutional Studies (Zhurnal institutsional'nykh issledovaniia)*, 2015, vol. 7, no. 1.
- Robinson J. *An Essay on Marxian Economics*. London: Macmillan, 1942.
- Robbins L. *Istoriia ekonomicheskoi mysli: lektsii v Londonskoi shkole ekonomiki*. Moscow: Izd-vo Instituta Gaidara, 2013.
- Samuel'son P. *Ekonomika*. Moscow, 1992, vol. 2.
- Seligman E.R.A. *The Economic Interpretation of History*. N.Y.: Published by Columbia University, 1961.
- Seligman B. *Osnovnye techeniia sovremennoi ekonomicheskoi mysli*. Moscow: Progress, 1968.
- Shumpeter I. *Desiat' velikikh ekonomistov ot Marksa do Keinsa*. Moscow: Izd. Instituta Gaidara, 2011.
- Struve P. Karl Marks i sud'ba marksizma. *Issledovaniia po istorii russkoi mysli: Ezhegodnik za 2000 god*. Moscow: OGI, 2000.
- Sweezy P.M. Professor Cole's History of Socialist Thought. *The American Economic Review*, 1957, Dec., vol. 47, no. 6.
- Tugan-Baranovskii M.I. *Ocherki iz noveishei istorii politicheskoi ekonomii*. St. Petersburg: Izdanie zhurnala "Mir bozhii". Tipografiia I.N. Skorokhodova, 1903.
- Vin F. *Karl Marks: "Kapital"*. Moscow: AST, 2009.
- Zhid Sh., Rist Sh. *Istoriia ekonomicheskikh uchenii*. Moscow: Ekonomika, 1995.
- Zuntum U. van. *Nevidimaia ruka: ekonomicheskaja mysl' vchera i segodnia*. Moscow: Mysl', 2017.

КАРЛ МАРКС: ВЗГЛЯД ИСТОРИКА ИЗ XXI ВЕКА

Ключевые слова: Маркс, Прудон, Бакунин, социализм, коммунизм, отчуждение, интернационал.

Аннотация. В статье с современных позиций критически рассматриваются основные концептуальные идеи К. Маркса, которые и сегодня сохраняют значение для исторической науки. Также Маркс предстает в статье как общественный деятель, который внес большой вклад в становление левого движения. Практикующий философ Маркс показан в своей эволюции, в борьбе с современниками, не уступавшими ему по влиянию на формирование социалистического движения, прежде всего с П. Ж. Прудоном и М. А. Бакуниным. Автор анализирует причины успеха школы Маркса после его смерти и указывает на пределы применимости марксизма.
DOI 10.31754/2409-6105-2018-3-157-177

В детстве меня учили, что Маркс — величайший из мудрецов. В юности я критиковал его как основателя учения, которое стало идеологической основой для деспотизма в моей стране. Но коммунистический режим пал, новый во многих отношениях оказался не лучше. В XXI в. наследие и личность Маркса могут рассматриваться куда спокойнее, во всяком случае — без вмешательства личных эмоций.

ФИЛОСОФ, МЕНЯЮЩИЙ МИР

Карл Маркс по праву занимает одно из ведущих мест среди социальных

теоретиков XIX в. Он предложил один из вариантов комплексного объяснения исторического процесса, выстраивал цепочку от экономического «фундамента» эпохи к другим ее элементам. «Ручная мельница дает вам общество с сюзереном во главе, паровая мельница — общество с промышленным капиталистом» (*Маркс, Энгельс*: т. 4, с. 133). В этом экономическом детерминизме проявляется однобокость, но концептуальные предложения Маркса дали пример другим исследователям, которые могут строить свои модели и на других фундаментах.

Экономический детерминизм Маркса создал ему репутацию экономиста. Но собственно экономических исследований в законченных работах Маркса не так много.

© Шубин А. В., 2018

Шубин Александр Владиленович — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва);
historian905@gmail.com

Маркс — профессиональный философ (по современной российской квалификации — кандидат философских наук), его выводы рождаются в логических рассуждениях, а затем автор уже подбирает эмпирический материал для их подтверждения. Но и на этом он не останавливается. В знаменитых тезисах о Фейербахе Маркс писал: «Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его» (Там же: т. 3, с. 4).

То есть научные исследования нужны Марксу не сами по себе, не для удовлетворения любопытства или вклада в копилку знаний человечества, из которых каждый волен брать, что ему надобно. Исследования нужны для построения программы изменения мира к лучшему.

Это сильный, но обоюдоострый тезис. Желая изменить мир, философ может начать подгонять результаты своих размышлений под собственные идеологические представления об оптимальном общественном устройстве. Во всяком случае «Манифест коммунистической партии» телеологичен, история в нем стремится к тому коммунизму, о котором мечтают Маркс и Энгельс.

Программа Маркса формулируется с философским максимализмом. Философ может обходиться без анализа конкретной реальности и в своих выводах свободен от современности. Он может помыслить об обществе максимальной солидарности, о преодолении труда и «отчуждения». Юный Маркс и его друг и интеллектуальный ору-

женосец Фридрих Энгельс пишут смело до абсурдности, заглядывая в такие дали, где наивность граничит с провидчеством. Предложение Маркса и Энгельса, выдвинутое для решения проблемы специализации, характерно только для очень наивных представителей интеллигенции, никогда не занимавшихся физическим трудом, который требует навыков и квалификации: «...в коммунистическом обществе, где никто не ограничен каким-нибудь исключительным кругом деятельности, а каждый может совершенствоваться в любой отрасли, общество регулирует все производство и именно поэтому создает для меня возможность делать сегодня одно, завтра — другое, утром охотиться, после полудня ловить рыбу, вечером заниматься скотоводством, после ужина предаваться критике, — как моей душе угодно, — не делая меня, в силу этого, охотником, рыболовом, пастухом или критиком» (Там же: 32). Общество обеспечит...

Но не будем смеяться над этой идеей, такой абсурдной для XIX в. Интересно, что в этой наивной картинке коммунистического общества разделение труда сохраняется, но оно не закреплено социально. Один и тот же человек, словно по-детски играя, занимается то аристократичной охотой (вряд ли при развитом животноводстве она преследует цель добычи продовольствия), то прозаическим скотоводством и рыболовством, то демократичной критикой. Но в этом детском саду присутствует мудрый воспитатель — общество, которое «регулирует», решает, чего не хватает — скотоводства или критики.

Идеал по «Немецкой идеологии» — это игра (позднее ставший более солидным Маркс предпочтет идеал научного творчества). Немножко того — надоело, немножко другого — наскучило — возьмемся за третье. Игра и труд — это не одно и то же. Маркс это понимает и произносит фразу, шокирующую читателей: «... коммунистическая революция выступает против прежнего характера деятельности, устраняет труд...» (Там же: 70).

В дальнейшем, погружаясь в политическую и публицистическую рутину, Маркс забросил некоторые темы юности. Он больше не критиковал труд и не пытался разобраться в сложностях «отчуждения», сосредоточившись на философско-экономических категориях, среди которых центральной стала «прибавочная стоимость» — скорее философское, чем конкретно-историческое объяснение того, почему рабочие живут хуже, чем капиталисты. Вместо борьбы с «отчуждением» — не до конца проясненной, но фундаментальной причиной человеческих несчастий, Маркс объявляет главной задачей ликвидацию частной собственности, которую сам же иногда трактует как «лишь юридическое выражение» производственных отношений (Там же: т. 13, с. 6–7), т. е. следствие, а не причину проблем капитализма.

Соединение философской диалектики и экономического детерминизма позволило Марксу освободиться от идеалистической школы Гегеля, сделать свое учение более убедительным для сторонников практических, экономических аргу-

ментов. Но Маркс создавал теорию не для «прогрессивной буржуазии», он нашел социальный рычаг для свержения капитализма с помощью его «могильщика» пролетариата. И тогда настанет будущее, которое могло называться гуманизмом (и партия Сталина могла называться впоследствии Гуманистической партией Советского Союза). Слово «коммунизм» уже было занято общественно-политическими сектами, к которым Маркс не испытывал симпатии. В письме к А. Руге (1843) Маркс трактует коммунизм еще как «одностороннее осуществление социалистического принципа», «особое выражение гуманистического принципа» (Там же: т. 1, с. 380). Но после некоторых колебаний Маркс и Энгельс все же решили, что их модель абсолютного альтруизма и целостности общества должна иметь именно такое название — коммунизм, общность. Диалектика плюс экономика — вот формула моделирования общества, которую избрал Маркс. А диалектика требует снятия, преодоления противоречий, в перспективе — целостности, тотальности социума.

Ленин и другие последователи Маркса и Энгельса правы, когда выводят их учение из гегельянства, материализма Фейербаха, либеральных экономических учений («буржуазная политэкономия») и социалистических теорий предыдущего периода, которые, дабы подчеркнуть их допотопность в сравнении с Марксом, называют утопическими. Утопия — место, которого нет, но которое может быть в будущем. В этом отношении Маркс — тоже утопист. Но он

гордится научностью своего проекта (как сугубо научным считал свое учение и «утопист» Шарль Фурье).

МАРКС И ПРУДОН

В списке источников учения Маркса обычно отсутствует Пьер-Жозеф Прудон. Однако его влияние на Маркса заметно. Маркс читал «Что такое собственность» и положительно отзывался об этой книге Прудона. В «Святом семействе», несмотря на некоторые придирки к Прудону, Маркс и Энгельс признали, что Прудон «подробно показал, как движение капитала производит нищету» (Там же: т. 2, с. 38). Но мало ли что мы читаем и хвалим. Правда, Маркс знакомился с мыслями Прудона и затем беседовал с ним лично, когда Прудон уже сформулировал основы своего учения, а Маркс еще находился в поиске. Прудон поставил задачу соединения экономики (в которой считал себя знатоком, и с ним были согласны многие читатели) и диалектики — где знатоком был как раз Маркс. Так что беседы Прудона и Маркса были посвящены решению общей задачи.

Познакомившись в 1844 г., Прудон и Маркс подробно обсуждали философские и экономические проблемы. Оба стремились использовать диалектику для анализа экономических процессов. Их дружеские отношения продолжались до 1846 г. Столь долгий срок знаменателен — Маркса нельзя назвать человеком, терпимым в отношении оппонентов. Характерно такое воспоминание К. Шуца, встречавшегося с Марксом как раз в этот период:

«Все, что говорил Маркс, было, безусловно, основательно, логично и ясно, но я никогда не видел человека, столь высокомерно ранящего окружающих, который был бы столь невыносим. Как только какое-либо мнение расходилось с его мнением, он <...> не удостаивал чести даже рассмотреть его... Я хорошо помню тот тон рвотного отвращения, с которым он изрыгал слово “буржуа”, и именно “буржуа” он называл каждого, кто позволял себе ему противостоять» (Proudhon 1983: vol. 1, p. IX). История конфликтов Маркса с Прудоном, Герценом, Бакуниным и даже собственным многолетним другом Эккариусом подтверждает это мнение. Дело, конечно, не только в неуживчивом личном характере Маркса, но и в неуживчивости его взглядов. Маркс в своей философской последовательности отстаивал тотальную целостность общества и радикальные пути к ней. Отклонение от чистых принципов могло вести к сохранению сферы частного, «буржуазного» в будущем обществе. В целостном коммунистическом обществе могла быть только одна истинная, «научная» точка зрения, все остальное было творением столь отвратительных «буржуа» и служило их самосохранению. Переход от несовершенства к тотальному решению проблем современного общества должен быть быстрым, революционным. Иначе целостное общество просто не может возникнуть — его будут разрушать противоречия.

Но объявить Прудона «буржуа» было нелегко. Он был известен как критик собственности и к тому же был рабочим — в отличие от Маркса.

В то время как Прудон уже давно разрабатывал экономические проблемы, Маркс был профессиональным философом и еще только осваивал начала политической экономии.

В 1846 г., когда Маркс пытался привлечь известного социалиста к своему корреспондентскому комитету, Прудон разъяснил свой взгляд на путь преодоления собственности. В письме к Марксу Прудон подверг критике планы насильственной революции, выдвигаемые коммунистами: «не будем впадать в противоречие Вашего соотечественника Мартина Лютера, который, ниспровергнув католическую теологию, тут же, при помощи отлучений и анафем, принялся создавать протестантскую теологию... Может быть, Вы все еще придерживаетесь мнения, что никакая реформа не даст результата без того, что мы в прошлом называли революцией, которая может быть толчком. Это мнение я понимаю и извиняю, о нем я охотно побеседовал бы, поскольку я его долго сам разделял, но, признаюсь Вам, я полностью отошел от него в ходе моих последних исследований. Я считаю, что для успеха этого не нужно, и, следовательно, мы не должны рассматривать революционное действие как средство социальной реформы, так как это — мнимое средство, которое было бы призывом к применению силы, к произволу... Я предпочитаю сжечь институт собственности на медленном огне, чем придать ему новую силу, устроив варфоломеевскую ночь для собственников» (Proudhon 1983: vol. 3, p. 326–327). Прудон призывал Маркса не считать ни один вопрос окончательно

решенным и исчерпанным, свободно обсуждать любые точки зрения. «Вот, мой дорогой философ, то, что я сейчас думаю, если я только не ошибаюсь; и если это понадобится, я готов получить по рукам в ожидании моего реванша» (Proudhon 1983: vol. 3, p. 327). Прудон «получил по рукам».

И несколько высокомерный тон письма Прудона (на тот момент — более известного теоретика), и обидное для Маркса наименование «философ» (т.е. не специалист в экономике) еще не были основанием для разрыва. Но Маркс не собирався принимать предложенные Прудоном правила дискуссии. Высказав скепсис в отношении революционного переворота, Прудон поставил себя по другую сторону баррикад.

Маркс стал готовить удар по бывшему союзнику. Но, как это часто бывает в таких случаях, сокрушительный удар получил сам Маркс. Он еще не успел обработать свои экономические рукописи в книгу, а Прудон уже выпустил исследование «Система экономических противоречий, или Философия нищеты». Опередив Маркса в изложении ряда идей, роднивших двух теоретиков, Прудон глубоко уязвил самолюбие оппонента. Не подозревая об этом, Прудон направил Марксу свою книгу с дружеским письмом. Ответом стала полная оскорблений работа «Нищета философии».

На протяжении десятилетий Маркс настойчиво доказывал свое интеллектуальное превосходство над Прудоном. Это самоутверждение

выглядит несколько странно, если вспомнить, что работы Маркса высоко оценивались современниками. Марксу было важно доказать, что он был отчасти даже учителем Прудона, хотя ученик этот оказался непутевым: «Я заразил его <...> гегельянством...» (Маркс 1998: 319). Это — преувеличение. С основами гегелевской философии Прудон ознакомился раньше, слушая лекции де Аренса в Коллеж де Франс. Затем работы Гегеля Прудону читал Грюн (Прудон не владел немецким). Постижению диалектики Прудоном способствовал и блестящий знаток Гегеля Бакунин, ставший, в свою очередь, учеником Прудона на ниве анархизма. В лице Маркса Прудон получил лишь собеседника-гегельянца, причем весьма неортодоксального. Но и Прудон был неортодоксальным гегельянцем. Маркс, забывая о своих отклонениях от гегелевской ортодоксии, резко критикует Прудона за неортодоксальную трактовку диалектики.

Во многом два теоретика шли параллельными путями, но Прудон естественным образом опережал Маркса, т. к. начал заниматься политической экономией раньше.

И Прудон, и Маркс стремились вывести свои социальные взгляды из нужд и противоречий современного им общества. Прудон успел сделать это раньше. В работе «Система экономических противоречий, или Философия нищеты» Прудон применил метод диалектики и трудовую теорию стоимости к анализу экономических противоречий капитализма и предложил свой путь их преодоления. По мнению марк-

систа М. Туган-Барановского, «“Экономические противоречия” содержат в себе такую глубокую критику капиталистического строя, что большинству последующих критиков капитализма оставалось только развивать или видоизменять мысли Прудона. Не подлежит сомнению, что, несмотря на крайне пристрастную критику Прудона Марксом, “Капитал” Маркса создан под непосредственным влиянием “Экономических противоречий”. И это не удивительно, т. к. Прудон был первым замечательным экономистом, применившим гегелевский диалектический метод к исследованию системы экономических категорий во всей их совокупности. Тому же методу следовал и Маркс» (Туган-Барановский 1998: 332). Маркс вынужден был в своих философско-экономических штудиях следовать за Прудоном или параллельно ему.

Прочитав «Нищету философии» Маркса, Прудон охарактеризовал ее несколькими словами: «Это сплетение грубости, клеветы, фальсификации, плагиата» (Proudhon 1983: vol. 1, p. XV). Читая Маркса, Прудон и его друзья делали пометки на полях. Они показывают, где, по мнению Прудона и его друзей, Маркс приписывает оппоненту то, что тот не утверждает, где нарушает логические правила. Прудон писал для себя, поэтому нередко он ограничивается краткими надписями: «Пустой треп», «Клевета», «Плагиат» (это — когда Маркс пересказывает Прудона, не указывая, что здесь он с ним согласен). Но ряд замечаний носит содержательный характер. Возможно, Прудон подумывал об ответе, но события революции 1848 г.

отвлекли его, а после революции Маркс имел известность гораздо меньшую, чем Прудон, и, видимо, француз не считал необходимым тратить на Маркса свое время.

ДИАЛЕКТИКА ИСТОРИИ

Прудону и Марксу стало не до взаимной полемики в 1848 г., когда Европу охватила революция. Теперь философам предстояло менять мир. Маркс и Энгельс не могут более вязнуть в исследованиях. Требуются четкие формулировки, кредо. Они выпускают «Манифест коммунистической партии». Здесь соединены две стороны их учения — диалектическая картина истории и социально-политический проект. Причем второе не вполне вытекает из первого. В начале Манифеста представлена картина истории, основанная на классовой борьбе: «История всех до сих пор существовавших обществ была историей борьбы классов. Свободный и раб, патриций и плебей, помещик и крепостной, мастер и подмастерье, короче, угнетающий и угнетаемый находились в вечном антагонизме друг к другу, вели непрерывную, то скрытую, то явную борьбу, всегда кончавшуюся революционным переустройством всего общественного здания или общей гибелью борющихся классов... Вышедшее из недр погибшего феодального общества современное буржуазное общество не уничтожило классовых противоречий... Наша эпоха, эпоха буржуазии, отличается, однако, тем, что она упростила классовые противоречия: общество все более и более раскалывается на два большие вра-

ждебные лагеря, на два большие, стоящие друг против друга класса — буржуазию и пролетариат» (Маркс, Энгельс: т. 4, с. 424–425). Это противоречие должно закончиться «революционным переустройством всего здания» в соответствии с проектом Маркса и Энгельса.

«Манифест» прогнозирует и призывает: «пролетариат использует свое политическое господство, чтобы вырвать у буржуазии шаг за шагом весь капитал, централизовать все орудия труда в руках государства, т.е. пролетариата, организованного как господствующий класс, и возможно более быстро увеличить сумму производительных сил.

Это может, конечно, произойти сначала лишь при помощи деспотического вмешательства в право собственности и в буржуазные производственные отношения», среди которых — экспроприация земельной собственности, высокий прогрессивный налог, отмена права наследования (позднее Маркс и Энгельс будут обличать Бакунина за приверженность этой идее), конфискация имущества эмигрантов и мятежников, банковская монополия государства, расширение государственного сектора и создание промышленных армий (Там же: 446–447). В основном эти идеи лягут в основу практики марксистско-ленинских партий в начале их правления. А критики марксизма, опираясь на программу «Манифеста», предсказывали возникновение нового общества угнетения, бюрократической диктатуры.

Из предложенной в «Манифесте» картины истории, где в каждой

эпохе парами борются классы, а потом сменяются новыми парами в новых «общественных зданиях», не вытекает, что нужно именно централизовать все в руках государства, а не передавать рабочим объединениям, как предлагали Прудон, Бакунин и другие оппоненты Маркса.

Участие коммунистов в революции 1848–1849 гг. было довольно скромным, хотя и позволило Марксу и Энгельсу приобрести полезный публицистический и политический опыт (а Энгельсу даже имидж военного эксперта). Подводя итоги этого опыта, Маркс и Энгельс выдвинули идею непрерывной революции. Возможность для смены социальных систем имеется далеко не всегда. Маркс фокусирует свое внимание на экономике как важнейшем показателе готовности к социальному перевороту. Хотя уровень экономики XIX в. оставлял капитализму еще немалые резервы роста, но в 1848–1850 гг. основоположники марксизма ждут со дня на день революцию, которая в результате непрерывного развития перерастет в мировую коммунистическую: «...наши интересы и наши задачи заключаются в том, чтобы сделать революцию непрерывной (перманентной) до тех пор, пока все более или менее имущие классы не будут устранены от господства, пока пролетариат не завоюет государственной власти, пока ассоциация пролетариев не только в одной стране, но и во всех господствующих странах мира не разовьется настолько, что конкуренция между пролетариями в этих странах прекратится и что, по крайней мере, решающие производительные силы будут скон-

центрированы в руках пролетариев» (Там же: т. 7, с. 261).

Не в экономическом полнокровии капитализма зарыта собака марксистской революции, а в продукте капиталистической экономики — в пролетариате. Это — армия революции и строительный материал нового общества. Готовность этой армии — это и есть предпосылка революции по Марксу.

Маркс надеется, что пролетарии используют свою энергию отрицания капитализма для разрушения этого строя, что автоматически приведет к возникновению нового строя — коммунизма. Но значит ли это, что рабочие сами по себе испытывают стремление именно к коммунизму? Позднее Ленин отметит, что стихийное рабочее движение не вырабатывает социалистической стратегии, идеология социализма привносится в рабочий класс извне, со стороны интеллигенции. Из этого следует, что соответствие социалистической стратегии интересам пролетариата — это теоретическая модель, а не результат эмпирических исследований. К чему же в действительности стремится пролетариат?

Прежде всего — это защита своих социальных прав, рост уровня заработной платы, но не ответственности. Это как раз то, что человеку дает социальное государство. Оно заботится о человеке труда, сохраняя его роль специализированного инструмента индустриальной машины. Сохраняя свой образ жизни, рабочий стремится не к социализму, а к социальному государству. К социализму он

может стремиться только как человек, который хочет перестать быть элементом производственной цепочки, перестать быть фабричным рабочим.

Социальное государство не устранило эксплуатацию, но несколько смягчило ее последствия. Значительная часть рабочих получила защиту социальных прав, отпуск, пособия, некоторую уверенность в завтрашнем дне. А неомарксист Г. Маркузе с разочарованием констатировал социально-психологическую интеграцию рабочего класса в капиталистическое общество.

А по итогам первой революции с активным участием пролетариата Маркс написал работы «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.» и «18 брюмера Луи Бонапарта», в которых использовал метод классового анализа. Это также было нужно не само по себе. Эмоционально раздавая оценки участникам событий и абстрагируясь от некоторых существенных обстоятельств, не важных с точки зрения его схемы, Маркс предлагает внутренне непротиворечивую картину развития революционного процесса от буржуазных задач к грани пролетарской стадии. После поражения пролетариата следует неизбежный откат к буржуазной диктатуре через бесславное (в отличие от пролетарского) поражение промежуточных («мелкобуржуазных») политических сил.

Увязывая разные стороны своей теории в письме к И. Вейдемейеру, Маркс писал: «То, что я сделал нового, состояло в доказательстве

следующего: 1) что существование классов связано лишь с определенными историческими фазами развития производства, 2) что классовая борьба необходимо ведет к диктатуре пролетариата, 3) что эта диктатура сама составляет лишь переход к уничтожению всяких классов и к обществу без классов» (Там же: т. 28, с. 427). Таким образом, Маркс выдвигает концепцию исторического развития, которое детерминировано развитием производства и ведет к бесклассовому обществу через централистичное (судя по «Манифесту») социально-политическое устройство, которое Маркс называет «диктатура пролетариата».

В 50-е – первой половине 60-х гг. Маркс хотя и комментирует текущую политику в публицистике, но смотрит на современность больше со стороны. Время коммунистов еще не пришло. Можно посвятить время теории. «Вызов Прудона» не забыт, и Маркс пишет свою философско-экономическую книгу «Капитал» – более обширную и причисленную, чем «Нищета философии». «Капитал» – это модель (можно спорить – насколько точная) одной общественно-экономической формации. Закладывается краеугольный камень формационной теории, основа которой предложена уже в «Манифесте коммунистической партии». Маркс не является первооткрывателем стадийности общественного развития. Это признавал и Энгельс (Энгельс 1988: 264). Но в работах Маркса впервые появилось понятие формаций – социальных комплексов, сменяющих друг друга. Как экономический детерминист, эти формации Маркс определил как

общественно-экономические, основанные на определенных формах собственности и способе производства. Отталкиваясь от смоделированной им формации капитализма, Маркс пунктирно намечает остальные фазы. До капитализма — феодализм. А до этого? Тут сложнее. Уж больно непохожи античные общества Греции и Рима и азиатские деспотии Месопотамии и Египта. Маркс пытается решить эту проблему с помощью идеи двух параллельных форм собственности и, следовательно, формаций, вырастающих из первобытного коммунизма — азиатской и античной (Маркс, Энгельс: т. 46, ч. 1, с. 462–465). Энгельсу такой подход показался недостаточно стройным, и он упростил схему, настаивая, что до феодализма был рабовладельческий способ производства. Но ни в одной стране древности рабы не составляли большинства населения (применительно даже к «самой рабовладельческой» Греции это признают и сторонники концепции рабовладельческого способа производства¹, а относительно стран Древнего Востока этот факт уже не вызывает никаких сомнений). Кричащие различия между азиатским и европейским вариантами «рабовладельческого» способа производства время от времени порождали в советской историографии дискуссии об азиатском способе производства. Востоковеды доказывали вспомогательную роль рабовладения в Древнем Востоке. Они выдвигали концепции параллельного существования двух способов производства в древно-

сти либо предлагали объединить все многообразие докапиталистических эксплуататорских обществ в единой докапиталистической формации. Сторонники прежней концепции признавали, что названия «рабовладельческий способ производства» и «рабовладельческая формация» во многом условны, и наряду с рабовладением важную роль здесь играет эксплуатация крестьянского населения государственной корпорацией². Идеологические органы каждый раз прекращали такие дискуссии. По ряду причин. Во-первых, утверждение о том, что государственная корпорация может быть эксплуататором сама по себе, а не как проводник воли какого-то иного класса, могло навести на мысль, что в СССР создано эксплуататорское общество с господствующим классом в лице государственной бюрократии. Во-вторых, предложение выделить две формации, существующие параллельно, а не последовательно, опиралось на богатый фактический материал о культурно-географических различиях стран Востока и Запада. Бросалась в глаза недооценка официальной идеологией местных особенностей, которые нивелировались формационной теорией. От теории отдельного «азиатского» способа производства — один шаг к цивилизационной теории, противостоящей стадильному (в частности — формационному) подходу к общественному развитию (и также к обнаружению черт азиатского способа производства в СССР). После распада СССР интерес к формационной теории уменьшился, и на-

¹ См., напр.: (От доклассовых обществ 1987: 58).

² Подробнее см.: (Общее и особенное 1966).

прасно. Историкам полезно иметь систему координат, где цивилизационные «меридианы» дополняются стадиальными «параллелями». «Докапиталистической» формации соответствует традиционное аграрное общество, «капиталистической» в основном — индустриальное городское, а посткапиталистическая перспектива сегодня может обсуждаться в контексте постиндустриального общества.

ПОСЛЕ КАПИТАЛИЗМА: МАРКС И БАКУНИН

С будущим Марксу было все ясно: после капитализма естественно наступит коммунизм. Переходом к нему станет диктатура пролетариата. Но и после того, как диктатура пролетариата выполнит свои задачи, коммунизм сначала будет неполный, ранний. Экономическое описание этих двух фаз коммунизма Маркс даст в 1875 г. в «Критике Готской программы». В марксистско-ленинской литературе первую фазу будет принято называть социализмом. Суть марксистской модели будущего общества — централизованная экономика, работающая по единому плану. Своего рода мировая фабрика с единым правлением, которое выбирается рабочими для общего блага.

Эта модель критиковалась сторонниками самоуправленческой модели посткапиталистического общества (социализма) — анархистами и народниками. Наиболее болезненные теоретические удары марксистской модели были нанесены М. Бакуниным, с которым Маркс сна-

чала сблизился, а затем столкнулся на ниве I Интернационала.

Читая Маркса, Бакунин с поразительной точностью предсказал ряд важнейших, системообразующих черт того строя, который будет создан коммунистическими партиями в XX в. Сколько бы после этого не писали о том, что Ленин и Сталин нарушали указания Маркса и потому учитель не несет ответственность за учеников, критика Бакунина показывает — строители тоталитарной системы взяли у Маркса именно то, о чем предупреждал «Великий бунтарь».

Главная иллюзия марксизма — временный характер диктатуры, которая взялась управлять всем хозяйством страны: «Марксисты <...> утешают мыслью, что эта диктатура будет временная, короткая. Они говорят, что единственной заботой и целью ее будет образовать и поднять народ как экономически, так и политически до такой ступени, что управление скоро сделается ненужным, и государство, утратив политический характер, обратится само собой в совершенно свободную организацию интересов и общин...» (Бакунин 1989: 483). Марксисты при этом забывают опыт истории, который показывает — любая правящая элита защищает свои привилегии.

Бакунин вскрывает коренное противоречие марксистского проекта — между целью и средствами: «Своею полемикою против них мы довели их до осознания, что свобода или анархия, то есть вольная организация рабочих масс снизу вверх, есть окончательная цель общественного

развития... Они говорят, что такое государственное ярмо, диктатура есть необходимое переходное средство для достижения полнейшего народного освобождения... Итак, для освобождения народных масс надо их сперва поработить! <...> Они утверждают, что только диктатура, конечно, их, может создать народную волю, мы отвечаем, что никакая диктатура не может иметь другой цели, кроме увековечивания себя» (Там же: 483–484). Любый функционирующий аппарат стремится к самосохранению, а не самоуничтожению. И – обратная сторона той же медали – «диктатура способна породить в народе лишь рабство», привычку подчиняться приказам центральной власти, что тоже отнюдь не будет способствовать отмиранию государственности (Там же: 484).

Маркс отвечал: «Неужели, например, в профессиональном союзе весь союз образует свой исполнительный комитет? Неужели на фабрике исчезнет всякое разделение труда и различные функции, из него вытекающие? А при бакунинском построении “снизу вверх” разве все будет “вверх”. Тогда ведь не будет никакого “внизу”» (Там же: 615).

Для Маркса непонятно, что переход к социализму действительно связан с преодолением жесткого разделения труда. Впрочем, Бакунин тоже не уделяет внимания этой теме и находит решение проблемы на пути жесткого подчинения «верха» «низу» с помощью императивного мандата. Бакунин выступает за федерализм как антитезу диктатуре, а не любому различ-

нию «верха и низа». В концепции Бакунина «верх» подчинен «низу», и потому пирамида власти перевернута – с этой оговоркой можно даже согласиться с Марксом, что у Бакунина «все будет наверху», ибо делегаты от общин будут «внизу», под общинами. Аналогичную мысль Маркс берет на вооружение, защищаясь от возражения Бакунина: «Немцев считают около сорока миллионов. Неужели все сорок миллионов будут членами правительства?» Маркс отвечает: «Certainly, ибо дело начинается с общинного самоуправления» (Там же: 615–616). Но Маркс – централист, поэтому воля общин – не источник принятия решений в «диктатуре пролетариата», и миллионы рабочих, certainly (разумеется), должны подчиняться другому правительству, гораздо более узкому, расположенному в центре этой системы и не подчиненному «императивному мандату» низов. Но Маркс уверен, что после того, как будут устранены экономические основы существующего общества, выборы утратят политический характер, а распределение функций центром не будет влечь за собой «никакого господства» (Там же: 616). Эта иллюзия будет рассеяна опытом XX в.

Анализируя современные ему общегосударственные избирательные механизмы и предложения Маркса, Бакунин показывал, что демократия при «государственном социализме» будет носить чисто формальный характер: «С какой точки зрения не смотри на этот вопрос, все приходишь к одному печальному результату – управление огромного большинства народных

масс привилегированным меньшинством. Но это меньшинство, говорят марксисты, будет состоять из работников. Да, пожалуй, из бывших работников, но которые, лишь только сделаются представителями или правителями народа, перестанут быть работниками и станут смотреть на весь чернорабочий мир с высоты государственности, будут представлять уже не народ, а себя и свои притязания на управление народом» (Там же: 483).

Бакунин вскрывает недемократичность любого государства, как марксистского, так и нет: «всякое государство <...> даже самое республиканское и демократическое, даже мнимо-народное государство, задуманное господином Марксом, в сущности своей не представляет ничего иного, кроме управления массами сверху вниз посредством интеллигентного и потому самого привилегированного меньшинства, будто бы лучше разумеющего настоящие интересы народа, чем сам народ» (Там же: 314)³. Очевидно, однако, что правящее меньшинство может быть и не интеллигентным. В любом случае — это насильственное господство элиты над обществом со стороны людей, считающих себя обладателями научной истины: «будет не что иное, как весьма деспотическое управление народных масс новой и весьма немногочисленной аристократией действительных

или мнимых ученых. Народ не учен, значит, он целиком будет освобожден от забот управления, целиком будет включен в управляемое стадо. Хорошо освобождение!» (Там же: 483).

За предложенной Марксом моделью общества Бакунин видит сверхмонополистические капиталистические интересы будущей элиты: «Государство является, конечно, наиболее сильным из всех акционерных обществ... Труд, кредитованный государством, таков основной принцип авторитарного коммунизма, государственного социализма. Государство, ставшее единственным собственником <...> будет также единственным банкиром, капиталистом, организатором, управляющим национальным трудом и распределяющим его продукты. Таков идеал, основной принцип новейшего коммунизма» (Бакунин 1919–1926: т. 4, с. 176). Государственный «социализм» оборачивается сверхмонополистическим аналогом капитализма.

На основе марксистского экономического централизма можно провести форсированную индустриализацию, построить социальное государство, мировую сверхдержаву, но не социализм, под которым понимается общество без разделения на господствующие угнетающие и трудящиеся угнетаемые классы.

Сторонники «чистого» марксизма могут утверждать, что Маркс не несет ответственности за практику Ленина, Сталина, Мао и других лидеров, которые выстраивали свои государства под красным флагом

³ Маркс не разделял идеи народного государства, и эта фраза может быть отнесена полностью только к Лассалю. Но в общем контексте она направлена против марксистов не менее, чем против лассальянцев. Тем более что Бакунин ясно выступает и против идей «нового рабочего, народного государства» (т. е. против и Маркса, и Лассалья).

и под лейблом марксизма. Но если из концепции Маркса можно было вывести черты будущей диктатуры марксистов, это значит, что значительную долю ответственности за их практику он все же несет. Однако неверна и обратная крайность, когда из марксистской теории ее противники пытаются вывести все злодеяния коммунистов, включая Большой террор и «рукотворный голод». В коммунистической практике марксистская теория, скорректированная практикой (осуществленная настолько, насколько позволяют условия), накладывается на социально-культурную почву данной страны. И традиции страны, и состояние эпохи могут нести свою долю ответственности за происходящее. Как Христос не может отвечать за все деяния Церкви. Критики марксизма обращают внимание на то, что ни один марксистский режим не обходился без террора. Но, во-первых, это не всегда так. Скажем, президент С. Альенде террора не применял. Широкое использование террора характерно для одного из марксистских течений — марксизма-ленинизма. Во-вторых, даже марксисты-ленинцы использовали террор на протяжении части своего правления. С другой стороны, и их противники использовали террор («белый террор»). Причем белый террор применяли люди, выступавшие, как правило, за либеральные и христианские ценности. Нельзя же из этого делать вывод, что внедрение этих ценностей в политику неизбежно ведет к массовому кровопролитию. Это зависит от условий. Впрочем, Маркс не осуждал террор как таковой, считая применение этого

средства возможным для быстрого сокрушения контрреволюции. Так что в попустительстве террору его обвинить можно, хотя эта черта его взглядов явно является периферийной. Трудно сказать, применял ли бы Маркс террор, если бы сам оказался во главе революционного правительства. Но то, что Маркс был не чужд подавлению инакомыслия, подтвердила история его деятельности в Интернационале.

Участие в Международном товариществе рабочих (МТР, I Интернационале) в 1864–1876 г. стало наиболее значимым политическим деянием Маркса. 28 сентября 1864 г. в Лондоне открылось учредительное собрание МТР. Его учредили представители рабочих (прежде всего Британии и Франции), но присутствовали участники революционных, социалистических и коммунистических течений из разных европейских стран, в том числе Маркс.

Интернационал стал идейной лабораторией, где должен был произойти синтез различных социалистических учений, и в то же время инкубатором классового сознания европейского рабочего класса. Женеvский конгресс 1866 г. провозгласил одной из величайших целей Интернационала добиться того, что «рабочие различных стран не только чувствуют, что все они — братья, но осознают себя объединенными частями одной освободительной армии» (Справочная книга 1906: 277). Вчерашние ремесленники из Франции, крестьяне из Силезии, рудокопы из Шотландии должны были осознать себя частью единого

целого с общими интересами. И с этого момента пролетариат становится фактором мирового развития, сопоставимым по силе, а затем и превосходящим королевские дома, транснациональные корпорации и литературные течения.

С самого начала рабочие лидеры понимали, что успех Интернационала зависит от привлечения в его ряды социалистической интеллигенции, т.е. мыслителей, выступающих за коренное изменение общественного строя, устранение эксплуатации и угнетения рабочих. Интернационал должен был быть достаточно широк в идейном отношении, в нем должны были «поместиться» все важнейшие социалистические течения Западной Европы того времени — прудонисты, марксисты, лассальянцы, бланкисты и др. Маркс написал проект манифеста МТР, в котором учитывал разнообразие взглядов членов этой организации.

Интернационал был создан рабочими лидерами, и с самого начала ему не хватало интеллигентов, способных обеспечить квалифицированную организационную и идеологическую работу. Одним из них стал Маркс, приглашенный на учредительное собрание МТР своим другом И.Г. Эккариусом (через несколько лет он будет объявлен «оппортунистом» за несогласие с действиями по расколу Интернационала). Вопреки более поздней марксистской мифологии Маркс не был основателем Интернационала, но он быстро стал одним из его лидеров, заняв две важные функциональные ниши — написание проектов идеоло-

гических документов и переписка с кадрами в разных странах. Для этого Маркс обладал хорошей квалификацией как публицист и политик. К тому же как раз в середине 60-х гг. улучшилось материальное положение Маркса и Энгельса, что позволило им больше времени уделять общественной работе. До конца 60-х гг. Маркс и Энгельс были для Интернационала незаменимы. А для них на несколько лет он стал сферой практической социально-политической деятельности и каналом продвижения идей.

Маркс принял активное участие в работе Генерального секретариата организации, пытаясь превратить ее в международную рабочую партию. Однако шаг за шагом Маркс и Энгельс укрепляли позиции сторонников рабочего государства против идеологов рабочего самоуправления. Это вызвало острый идеологический конфликт между «авторитарным» (государственным) и «антиавторитарным» (анархистским, федералистским) крыльями Интернационала, а затем и раскол в 1872–1873 гг. При этом Маркс и Энгельс распространяли компромат на своего главного оппонента Бакунина.

Но Интернационал успел сделать главное — рабочие и левые движения Европы осознали силу международной солидарности. В 1870–1873 гг. в Европе произошел новый революционный подъем, в 1871 г. Парижская коммуна показала, каким может быть правительство социалистов. Европейские элиты осознали, что рабочий класс стал силой.

Под влиянием Коммуны и критики анархистов Маркс и Энгельс скорректировали свою политическую программу. Начав после Коммуны решительное нападение на Бакунина, Маркс во многом учел опыт Коммуны, сделав ряд важных уступок федерализму, т. е. сблизил свой конструктивный идеал с прудоновско-бакунинским. В 1871 г. под действием Коммуны и поддержанных ею прудоновских идей Маркс окончательно переходит на позиции политического федерализма. Прежде абстрактные положения о «сломе государственного аппарата» и создании на его месте «диктатуры пролетариата» обрели конкретное наполнение. Диктатура пролетариата — это Коммуна, слом старого государственного аппарата — это переход к федерализму (коммунализму). То есть реализация политической программы конструктивного анархизма — по-прежнему проклинаемого марксистами Прудона.

Ссылаясь на декларацию Коммуны, Маркс в работе «Гражданская война во Франции» писал, что Париж стремится заменить прежнее государство и господствующие классы «политическим объединением самого французского общества при помощи коммунальной организации» (Маркс, Энгельс. т. 18, с. 567). Федерация коммун — идеальное условие для начала социалистических преобразований, «социальная республика», которая «обеспечивает это социальное преобразование коммунальной организацией» (Там же: 559).

«Если бы коммунальный строй установился в Париже и второстепен-

ных центрах, старое централизованное правительство сменилось бы самоуправлением производителей и в провинции» (Там же: 343). Маркс конкретизирует эту программу: «Собрание делегатов, заседающих в главном городе округа, должно было заведовать общими делами всех сельских коммун каждого округа, а эти окружные собрания в свою очередь должны посылать депутатов в национальную делегацию, заседающую в Париже; делегаты должны были точно придерживаться *mandat impératif* (точной инструкции) своих избирателей и могли быть сменяемы во всякое время» (Там же). Это полное воспроизведение системы делегирования, которую проповедовал Прудон, а за ним и Бакунин. Маркс пишет, что в центре сохраняются только немногие, хотя и важные функции. Словно «заразившись» от своих противников, Маркс называет «государство» «паразитическим наростом» (Там же: 345). Но все же ставит государство в кавычки.

В работе «Гражданская война во Франции» Маркс нарисовал несколько идеализированный образ Коммуны, указывая, например, на сменяемость депутатов в любое время, которой на самом деле не было. Для Маркса Коммуна — модель, ожившая программа грядущих революций. «Приукрашивание» Коммуны Марксом в ходе такого формулирования программы будущей «диктатуры пролетариата» идет в пользу федералистских положений.

Но, перейдя на позиции политического федерализма, Маркс остался централистом — но только в соци-

ально-экономической части своей концепции. Планирующий центр должен был оказаться сильнее политической надстройки, которая, по Марксу, должна была приобрести коммунальную, федеративную форму.

Все-таки Маркс был революционером, и романтические отблески революционного пожара могли заставить его признать правильность даже прудоновско-бакунинской системы федерализма. Но только в качестве политической надстройки. Это порождает противоречие между федерализмом и централизмом в программе марксизма, которое в XX в. способствовало распадению этого течения на множество направлений от почти анархических до тоталитарных.

СЕКРЕТ УСПЕХА ШКОЛЫ МАРКСА

На момент кончины Маркса в 1883 г. он мог претендовать на лавры одного из теоретиков политэкономии, т. е. своего рода философии экономики (на основании его главной книги — «Капитала» — нельзя было осуществлять конкретного экономического прогнозирования и планирования экономических преобразований). Социально-политические взгляды Маркса были разбросаны по разным статьям, нескольким брошюрам, неизданным фрагментам и письмам.

Но уже к концу века стало очевидно преобладание марксизма в рабочем движении и его заметное влияние в мировой социальной науке. Одно связано с другим — сильная теория

привлекала кадры социал-демократии.

В этом быстром возрождении организационной структуры марксизма после смерти его основателя есть некоторая загадочность, не осознававшаяся самими марксистами, для которых триумф «единственно верного учения» был предопределен.

Между тем еще в 70-е гг. шансы лассальянства и анархизма могли казаться предпочтительными. Готская программа германской социал-демократии содержала лассальянские положения, за что была раскритикована Марксом в «Критике Готской программы» в 1875 г. Интернационал федералистов, в отличие от распавшегося марксистского, еще продолжал существовать. Во Франции начался ренессанс прудонизма.

Не блестящи были и успехи марксизма на ниве науки. «Капитал» Маркса так и остался незаконченным — его автор за многие годы работы не смог объяснить ряда противоречий своей теории (*Бем-Баверк* 2002). Другие опубликованные работы Маркса носили публицистический или идеологический характер, и его репутация как ученого висела на волоске. После смерти Маркса его учение могло повторить судьбу идей Фурье и Сен-Симона. Но этого не случилось, и значение такого поворота судьбы для развития мировой социальной мысли очень велико.

Впервые со времен Лютера и Кальвина судьба мира зависела не от королей, полководцев и изобретателей, а от идеологической школы

численностью в несколько десятков человек.

Главой этой школы стал друг, спонсор и тень Маркса Фридрих Энгельс. Его научные и публицистические способности вполне сопоставимы с марксовыми, но по части амбиций он был значительно скромнее, уступая Марксу первые роли. Уже в последние годы жизни Маркса Энгельс принялся за обработку идей своего друга, превращение их в стройное учение и создание школы марксизма – сообщества социальных исследователей и общественных деятелей, мыслящих в соответствии с общей методологией. Общность методологии, притягательная сила совместной общественной цели, взаимоподдержка в полемике с внешними силами, «раскрутка» друг друга позволили сделать учение Маркса постоянным и влиятельным участником идейной жизни всего мира. Именно школа превратила марксизм в исторический фактор, превосходящий по мощи целые государства.

В «Антидюринге», «Диалектике природы» и «Происхождении семьи, частной собственности и государства» Энгельс достраивал здание там, где Маркс не продвинулся дальше стройплощадки. Второпях Энгельс заполнял бреши учения фрагментами чужих исследований, что позволило «марксоедам» выдвигать обвинения в плагиате. Но и Энгельсу было не по силам завершить всю систему, аргументированно ответить на множество актуальных вопросов социальной мысли с позиций марксистского метода. Здесь в работу включились Карл Каут-

ский, Франц Меринг, Эдуард Бернштейн, Антонио Лабриола, Жюль Гед и Георгий Плеханов. В каждом из них интерес к марксизму пробудился по-разному, но Энгельс сумел организовать эти интернациональные силы. Именно им и предстояло сформировать ортодоксию марксизма и как интеллектуальной школы, и как политической идеологии. Вторая задача вскоре вышла на первый план, и марксизм пошел по пути упрощения Маркса. «Основное направление их деятельности можно рассматривать фактически как продолжение деятельности самого Энгельса. Они стремились различными путями систематизировать исторический материализм как всеобъемлющее учение <...> способное <...> дать рабочему движению широкое и ясное представление о мире, которое сразу смогли бы усвоить наиболее активные его сторонники» (Андерсон 1991: 16).

Культ Маркса, укреплявшийся его последователями, позволял камуфлировать недостатки теории по крайней мере внутри марксистской субкультуры. Как писал В. Чернов, уважительно относившийся к марксистскому наследию, «его почитатели, с самим Энгельсом во главе, в особенности непосредственно после смерти своего вождя, учителя и друга, настолько были увлечены естественным пиететом к его имени, что, бесспорно, превзошли меру в превознесении его исторических заслуг и тем самым умалили значение всех его предшественников» (Чернов 1997: 4).

Но в этом культе, безусловно, сковавшем свободное научное твор-

чество, была и конструктивная сторона — научная дисциплина, приверженность согласованной терминологии и методологии, слаженное распространение идей во вне. Где свободные ученые провели бы вечность в дискуссиях, марксистская школа действовала как мощная агитационная машина, предвосхищая достижения современного пиара, гипнотизируя неопитов авторитетами, научное сообщество — объемами коллективно переработанного эмпирического материала, стройностью методологии и политической актуальностью. Ни одна другая научная школа не имела такой связи с социальным движением, с общественной практикой. Ни одно социальное движение, социалистическое течение не имело в этот момент такой научной школы. Это стало главным козырем марксистов в борьбе за кадры. Марксизм впервые оправдал свое самоназвание «научный социализм», над которым издевался Бакунин. Марксизм стал социалистическим течением, ядром которого была научная школа, и благодаря этому на некоторое время его теория действительно приблизилась к достижимому на тот момент уровню научной истины. Марксистская социал-демократия стала эмпиричной, сосредоточенной на актуальной реальности и потому более далекой от идеалов, от утопии посткапиталистического общества. Эта оборотная сторона научности не была осознана как опасность, но плоды ее будут зреть очень быстро в ревизионизме, желаящем порвать с утопией.

Марксизм, несмотря на все способности авторов его нового поколе-

ния, так и остался бы сектой, если бы не два обстоятельства: учение сумело хорошо адаптироваться к новым тенденциям времени, в то время как конкуренты либо не выдвинули сильных теоретиков, либо «ушли в отрыв» от реальности конца XIX в. Марксизм занял нишу на правом фланге социалистического учения, постепенно поглощая и этатистские (прежде всего лассальянство и бланкизм), и умеренные (прежде всего социал-либерализм и прудонизм) течения. Субъективные успехи школы удачно «вписались» в тенденцию к складыванию государственно-монополистического индустриального (индустриально-этакратического) общества, которая возобладала в XX в. Марксизм предложил инструментарий, который позволит проложить короткие, хотя и болезненные пути форсированной модернизации.

Смешав в единой системе социалистические ценности и индустриально-технократический проект, Маркс привил социальной политике режимов XX в. ряд социалистических идей, которые должны были стать достоянием протестной, а не правящей среды. Прививка марксизма помешала господству в умах технократической элиты XX в. нацистских и полунацистских идей, наиболее полно выражающих элитаризм индустриальной олигархии. Благодаря идейному синтезу, осуществленному марксизмом, индустриальные государства стали более устойчивыми, элитарная социальная наука и производные от нее официальная мысль и массовое сознание — в гораздо большей степени пропитанными социалистическими

ценностями, чем в случае последовательной реализации технократического проекта олигархической элитой и одновременного столь же последовательного отстаивания принципов бесклассового общества социалистами.

Новиндустриальной модернизации и социальном государстве содержится важный рубеж применимости марксизма. Централизованная социальная машина, предложенная Марксом, оказалась адекватна задачам форсированной модернизации и социального государства, но не более высоким целям создания гуманистического общества, о котором абстрактно рассуждал молодой Маркс. К этим целям человечеству предстоит найти новые пути.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Андерсон* 1991 — *Андерсон П.* Размышления о западном марксизме. На путях исторического материализма. М., 1991.
- Бакунин* 1919–1926 — *Бакунин М.А.* Избранные сочинения. Пг.; М., 1919–1926.

Бакунин 1989 — *Бакунин М.А.* Философия, социология, политика. М., 1989.

Бем-Баверк 2002 — *Бем-Баверк О.* Критика теории Маркса. М., 2002.

Маркс 1998 — *Маркс К.* О Прудоне (письмо И.Б. Швейцеру) // Прудон П.Ж. Что такое собственность? М., 1998.

Маркс, Энгельс — *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения.

Общее и особенное 1966 — Общее и особенное в историческом развитии стран Востока. М., 1966.

От доклассовых обществ 1987 — От доклассовых обществ к раннеклассовым. М., 1987.

Справочная книга 1906 — Справочная книга социалиста Гуго и Штегмана. СПб., 1906.

Туган-Барановский 1998 — *Туган-Барановский М.И.* Прудон // Прудон П.Ж. Что такое собственность? М., 1998.

Чернов 1997 — *Чернов В.М.* Конструктивный социализм. М., 1997.

Энгельс 1988 — *Энгельс Ф.* Анти-Дюринг. М., 1988.

Proudhon 1983 — *Proudhon P.-J.* Systeme des Contradictions economiques ou Philosophie de la Misere // *Marx K.* Misere de la Philosophie. Paris, 1983.

KARL MARX: A HISTORIAN'S VIEW FROM THE XXIST CENTURY

Shubin Aleksandr V. — doctor of historical sciences, chief researcher of the Institute of General history, RAS (Moscow)

Key words: Marx, Prudon, Bakunin, socialism, communism, alienation, International.

Abstract. The article critically examines from the modern point of view the basic conceptual ideas of K. Marx, which still retain their significance for historical science. Marx also appears in the article as a public figure who made a great contribution to the formation of the left movement. Practicing philosopher Marx is shown in his evolution, in the struggle with his contemporaries,

not inferior to him in influence on the formation of the socialist movement, especially with P.J. Prudon and M.A. Bakunin. The author analyzes the reasons for the success of Marx's school after his death and points to the limits of Marxism applicability.

REFERENCES

- Anderson P. *Razmyshleniia o zapadnom marksizme. Na putiakh istoricheskogo materializma*. Moscow, 1991.
- Bakunin M.A. *Filosofiia, sotsiologiia, politika*. Moscow, 1989.
- Bakunin M.A. *Izbrannye sochineniia*. Petrograd; Moscow, 1919–1926.
- Bem-Baverk O. *Kritika teorii Marksa*. Moscow, 2002.
- Chernov V.M. *Konstruktivnyi sotsializm*. Moscow, 1997.
- Engel's F. *Anti-Diuring*. Moscow, 1988.
- Marks K., Engel's F. *Sochineniia*. Marks K. O Prudone (pis'mo I.B. Shveitseru). Prudon P.Zh. *Chto takoe sobstvennost'?* Moscow, 1998.
- Obshchee i osobennoe v istoricheskom razvitii stran Vostoka*. Moscow, 1966.
- Ot doklassovykh obshchestv k ranneklassovym*. Moscow, 1987.
- Proudhon P.-J. *Systeme des Contradictions economiques ou Philosophie de la Misere*. Marx K. *Misere de la Philosophie*. Paris, 1983.
- Spravochnaia kniga sotsialista Gugo i Shtegmana*. St. Petersburg, 1906.
- Tugan-Baranovskii M.I. Prudon. Prudon P.Zh. *Chto takoe sobstvennost'?* Moscow, 1998.

НА ПОРОГЕ ПЕРЕМЕН: КРУГЛЫЙ СТОЛ К 200-ЛЕТИЮ КАРЛА МАРКСА

Ключевые слова: Маркс, Энгельс, Манифест коммунистической партии, европейские революции 1848–1849 гг.

Аннотация. «Историческая экспертиза» публикует краткий обзор международного круглого стола к 200-летию со дня рождения Карла Маркса, организованного Государственной публичной исторической библиотекой.
DOI 10.31754/2409-6105-2018-3-178-180

11 апреля 2018 г. в Центре социально-политической истории (филиале Государственной публичной исторической библиотеки России) состоялся круглый стол «На пороге перемен: Карл Маркс, “Манифест коммунистической партии” и революции 1848 года». Мероприятие было посвящено 200-летию со дня рождения Карла Маркса. Организаторы: Государственная публичная историческая библиотека России и филиал Фонда Розы Люксембург в РФ.

После приветственных слов, произнесенных директором ГПИБ России Михаилом Дмитриевичем Афанасьевым и ученым секретарем Ученого совета Российского государственного социального университета Николаем Васильевичем Старостенковым, началось первое

заседание круглого стола «Актуальны ли “Манифест коммунистической партии” сегодня?». В качестве докладчиков выступили знаменитый немецкий экономист Томас Кучински, Алексей Гусев (доцент исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова) и Илья Дементьев (доцент Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта).

Первое заседание сразу задало высокий уровень докладов конференции. Да, «Манифест» по прошествии времени не потерял своей актуальности — такова была основная идея доклада Томаса Кучинского. Алексей Гусев акцентировал внимание на тех положениях «Манифеста», которые оказались не состоятельными в настоящее время, но тем не менее согласился с Томасом Кучински, что знаменитая работа остается актуальной. И, наконец, Илья Дементьев, основываясь на опыте «медленного чтения» «Манифеста коммунисти-

© Струкова Е. Н., 2018

Струкова Елена Николаевна — кандидат исторических наук, заведующая Центром социально-политической истории ГПИБ России (Москва); stru@rambler.ru

ческой партии», который он проводит со студентами Калининградского федерального университета им. Иммануила Канта, рассказал о знакомом тексте в совершенно неожиданном ракурсе: с точки зрения мотивов средневековых трактатов и произведений эпохи Возрождения, которые имеют место в «Манифесте коммунистической партии».

Здесь закономерно сделать небольшое отступление: формируя коллекцию Института К. Маркса и Ф. Энгельса в 1920-е гг., замечательный марксовед Давид Борисович Рязанов собирал именно те источники, к которым апеллировали классики марксизма. И именно благодаря деятельности Д.Б. Рязанова в Центре социально-политической истории — филиале ГПИИВ России собрана прекрасная коллекция утопической литературы, философских и экономических трактатов. После того как Д.Б. Рязанов был отстранен от должности и репрессирован, а марксизм-ленинизм в СССР стал приобретать хорошо известные догматические формы, об этих источниках забыли на несколько десятилетий.

Но вернемся к работе круглого стола «На пороге перемен». Второе заседание называлось «Карл Маркс и революции». Здесь докладчики представили широкий спектр проблем. Ведущий специалист РГАСПИ Татьяна Гиоева рассказала о деятельности К. Маркса в 1848 г. и о работе международной группы МЕГА по публикации наследия К. Маркса и Ф. Энгельса. Профессор Российского государственного социального университета Геннадий Отюцкий

обратил внимание собравшихся на антисоциалистические революции конца XX в. и судьбы наследия Маркса.

Следующим сюжетом, согласно программе круглого стола, стали революции 1848–1849 гг. Эти судьбоносные события оказали влияние на развитие мировой истории и на формирование марксистской мысли. Молодой Маркс был всецело поглощен революционными идеями: он участвовал в деятельности «Союза коммунистов», редактировал «Новую Рейнскую газету», написал ряд важных работ.

Заседание открыл Александр Стыкалин (Институт славяноведения РАН) и представил доклад о событиях в Венгрии в 1848 г. Основой доклада являлись архивные источники. Прекрасным продолжением темы стало сообщение Алексея Литвина (Горбачев-фонд), который сделал обзор документальных источников по революциям в Европе в российских архивах. События 1848 г. в Италии стали предметом выступления Джовани Савино (РАНХиГС). Докладчик сосредоточился на характеристике степени влияния революционных событий на развитие левой и марксистской мысли.

На секции «Наследие Маркса» выступил Андрей Тесля (Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта). Докладчик рассказал собравшимся о том, почему столь большая часть современных актуальных теорий национализма и нацистроительства связана с марксистской мыслью, и о том,

как марксизм, в котором первоначально не было никакой особой теории национализма, стал самым успешным их генератором.

«“Молодой Маркс” в киноискусстве» — так называлось завершающее заседание круглого стола. Заявив эту тему, мы опасались, что дебаты о Марксе станут очень бурными. Однако то, что произошло на заседании, оправдало наши самые смелые надежды. Сравнительный анализ кинообразов Маркса, который провел Константин Харитонов (ГПИБ России), как и следовало ожидать, вызвал критику и комментарии Татьяны Гюевой, ключевого специалиста в области истории семьи и личной переписки между членами семьи Маркса.

Последним взял слово Борис Беленкин, заведующий библиотекой «Международного Мемориала», и поделился воспоминаниями о своем опыте кинопрочтения жизни Маркса. Захватывающий сюжет о любви и тяжелой жизни политэмигранта

оказался блестящей завершающей точкой круглого стола. Затаив дыхание, присутствующие слушали отрывки из сценария Бориса Беленкина, подготовленного для телепроекта «Больше, чем любовь». К сожалению, этот сценарий остался не востребованным.

Таким образом, в рамках круглого стола обсуждался достаточно широкий круг проблем. Мероприятие показало, что философское наследие Маркса — неисчерпаемая тема, а его личность представляет интерес не только для академических исследований.

Участники круглого стола также посетили экскурсию по выставке «Карл Маркс и “Весна народов”» (1848–1849)», представленной в читальном зале ЦСПИ. Провела экскурсию куратор проекта, Ирина Новиченко (ГПИБ России). Экскурсия по выставке сопровождалась комментариями Татьяны Гюевой и других участников мероприятия.

ON THE THRESHOLD OF CHANGE: ROUND TABLE ON KARL MARX'S BICENTENNIAL ANNIVERSARY

Strukova Elena N. — Ph. D., head of Center of socio-political history of the Center for socio-political history of The State public historical library of Russia (Moscow)

Key words: Marx, Engels, The Manifest of the Communist Party, the European revolutions of 1848–1849.

Abstract. The "Historical expertise" publishes a brief overview of the international roundtable on the 200th anniversary of the birth of Karl Marx, organized by the State Public Historical Library.

КОМУ ОПАСЕН ДЬЕРДЬ ЛУКАЧ?

Ключевые слова: Венгрия, Дьердь Лукач, западный марксизм, Виктор Орбан, историческая политика.

Аннотация. «Историческая экспертиза» реагирует на попытки закрытия в Будапеште архива всемирно известного венгерского философа-марксиста Дьердя Лукача, ставя их в более широкий контекст исторической политики правительства Виктора Орбана.
DOI 10.31754/2409-6105-2018-3-181-193

При обращении к Фейсбуку обратил внимание на запись давно знакомой венгерской коллеги: «*Сегодня [24.05.2018] последнему научному сотруднику Архива Дьердя Лукача Венгерской академии наук было отказано в доступе к Архиву после 28 лет трудовой деятельности. На основании этого решения Академия – при содействии собственной библиотеки и после ликвидации исследований и захвата рукописей – закрыла архив единственного всемирно известного венгерского философа, существовавший с 1972 года. Архив перестал существовать как место, привлекающее международный интерес и исследователей, путем замены замка в дверях. Международный фонд Архива Лукача (www.facebook.com/lukacsarchivum/) продолжает бороться за сохранение наследия философа с минимальным шансом на успех.*».

Любой, кто пребывает, что называется, «в теме», сразу мог поставить эту емкую, но кричащую реплику

© Стыкалин А. С., 2018

Стыкалин Александр Сергеевич – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН (Москва); zhurslav@gmail.com

в длинный событийный ряд. Ведь еще в 1990-е гг. крайне правые разбили мемориальную доску на доме в Будапеште на Белградской набережной Дуная, где всемирно известный философ Д. Лукач жил в 1945–1971 гг. С весны 2016 г. из венгерской столицы приходили вести о предполагаемом закрытии Архива Лукача. Решение было подготовлено на том основании, что архив якобы неэффективно функционирует и у него мало посетителей – всего два человека в месяц. Это не соответствует истине, и автор этих строк, начиная с ноября 1990 г. побывавший не менее полусотни раз в стенах архива, может лично засвидетельствовать, что туда постоянно приходили исследователи из разных стран. Другим аргументом, также, впрочем, опровергаемым многими друзьями Архива Лукача, была якобы плохая сохранность наследия мыслителя в его мемориальной квартире и недостаточная археографическая подготованность сотрудников – философов-лукачеведов во главе с бывшим директором института философии Венгерской академии наук Ласло

Сиклаи, посвятивших десятки лет изучению творческого пути одного из титанов европейской марксистской мысли. Именно в целях (как объяснялось) улучшения сохранности и составления новейших описей немалая часть документально-эпистолярного наследия философа была перенесена в отдел рукописей Библиотеки Венгерской академии наук, возглавляемый не только опытным археографом, но видным венгерским литературным критиком и уважаемым филологом-русистом, членом правления Союза венгерских писателей Анталом Бабушем. Именно отделу рукописей, собственно говоря, и подчиняется мемориальная квартира (Архив Лукача), хотя решения о судьбе архива и — шире — сбережения наследия этого выдающегося деятеля венгерской культуры принимаются на другом уровне. Весной 2016 г. архив удалось отстоять. Сыграли, видимо, роль приходившие в Венгрию из разных стран коллективные письма с выражением недоумения по поводу происходящего. Письмо протеста было организовано и сотрудниками Института философии РАН, в котором Лукач проработал (с перерывами) около 10 лет после эмиграции в 1933 г. из нацистской Германии в СССР.

Через год, в конце зимы 2017 г., разыгрался новый скандал. Памятник великому философу в одном из уютных будапештских скверов решено было снести. Среди аргументов был подчеркнута «гуманистический» — негоже ставить памятник человеку, который летом 1919 г., будучи политкомиссаром Венгерской советской республики на Румынском фронте, позволил себе (надо ска-

зать, вполне в духе того времени) отдать приказ о расстреле нескольких дезертиров. Дело, впрочем, отнюдь не сводилось к моральному осуждению поступка фронтового политкомиссара. На месте снесенного памятника Лукачу предполагалось возвести другой — историку межвоенной эпохи Балинту Хоману, министру культуры крайне правых правительств, еще весной 1945 г. выведенному из Венгерской Академии наук за причастность к введению жесткого антисемитского законодательства, предшествовавшего Холокосту 1944 г. Правда, в конце концов под влиянием общественного мнения восторжествовал компромиссный проект — городское собрание венгерской столицы, отказавшись от слишком скандальной затеи с памятником Хоману, постановило установить на этом месте новый (далеко не первый в стране) памятник королю Иштвану, основателю средневековой венгерской христианской государственности.

Все происходящее заставляет еще раз задуматься над судьбой творческого наследия одного из самых крупных философов-марксистов XX в. и о том, почему его имя оказалось столь неуютным правительству консерватора и евроскептика Виктора Орбана. **Отношение к Архиву Лукача вовсе не кажется случайным в свете стремления нынешнего венгерского премьера осуществить в стране своего рода неоконсервативный ренессанс, если не культурную революцию под знаменем консервативного национализма.** Столь же симптоматичны для исторической политики сегодняшней Венгрии и замалчи-

вание имени Лукача в экспозиции большой постоянной выставки к 1000-летию венгерской государственности, организованной Орбаном еще в годы его первого премьерства (2000 г.), и планы возведения на месте снесенного памятника всемирно известному марксисту-ревизионисту монумента крайне правому по своим убеждениям и почти никому не известному за пределами Венгрии человеку.

Дьердь Лукач (1885–1971), сын богатейшего будапештского банкира, по матери также имевший родственников в среде буржуазной элиты Вены, проделал в своей жизни удивительную, во многом беспрецедентную духовную эволюцию. Автор написанных по-немецки в юношеские годы изысканных эссе, известных рафинированному читателю не только в Австро-Венгрии, но и в Германии (да и в России, где журнал «Логос» опубликовал в 1912 г. одно из них — «Метафизику трагедии»), с началом Первой мировой войны вступает в смертельную схватку с миром «абсолютной греховности». Сначала он ищет спасение в романах Достоевского, написав признанный литературоведческий шедевр «Теория романа», с которым соотносил некоторые свои идеи внимательно читавший его в 1920-е гг. Михаил Бахтин. К тому времени, впрочем, Лукач становится марксистом. Он разочаровывается в этой книге и на какое-то время даже меняет амплуа кабинетного мыслителя на стезю профессионального революционера, вполне достойную пера мастеров авантюрного романа. После падения Габсбургов осенью 1918 г.

Лукач примыкает к компартии, руководит культурной политикой венгерской коммунистической диктатуры 1919 г., которая установилась на 133 дня в центре Европы как продолжение (неудавшееся) российского большевистского эксперимента и первое (по сути единственное) детище начавшейся мировой революции, вскоре остановленной. После падения диктатуры три месяца скрывается от полиции, бежит в Вену, тогда как дома заочно приговаривается правым режимом Хорти к смертной казни. В Вене участвует в работе коминтерновских структур, в конце 1920-х гг. на три месяца нелегально возвращается в Будапешт, где направляет работу подпольной компартии в соответствии с установками московского центра. Работы, в которых содержится этическое обоснование его политического выбора, получили не меньшую известность в кругах философов, чем незаконченная гейдельбергская «Эстетика», академический труд, писавшийся Лукачем по требованию учителя, знаменитого Макса Вебера в одном из лучших немецких университетов, — не дописав, Лукач положил его на хранение в сейф гейдельбергского банка (по символическому совпадению это произошло 7 ноября 1917 г., ознаменовав собой начало новой жизни философа в совершенно новую эпоху). Из этого сейфа, уже после смерти Лукача, работу извлекли в 1970-е гг., опубликовав, его ученики во главе с Агнеш Хеллер.

Особенно знаменита среди лукачевских работ «История и классовое сознание» 1923 г., резко раскритикованная идеологами Коминтерна,

но сильно повлиявшая на западный неомарксизм, Франкфуртскую школу Т. Адорно, Г. Маркузе и Э. Фромма, а в конце 1960-х гг. ставшая своего рода Библией для наиболее интеллектуально продвинутых представителей движения «новых левых». Сам Лукач, не возражая против переиздания этой работы на Западе, в специально написанном для немецкого издания 1968 г. предисловии дистанцировался от своих ранних идей.

В начале 1930-х гг. Лукач, к тому времени едва не исключенный из венгерской компартии «правый уклонист», — влиятельнейший литературный критик веймарской Германии, одна из центральных фигур духовной жизни страны на ее левом фланге. Начатая еще в Берлине, но законченная в Москве и опубликованная в 1948 г. на Западе работа «Молодой Гегель и проблемы капиталистического общества» стала настольной книгой для всех, кто занимается творчеством классика немецкой философии.

После прихода к власти в Германии Гитлера в 1933 г., Лукач переселяется в Москву (где жил некоторое время и раньше, занимаясь изучением рукописей молодого Маркса). Его работы по истории романа и классического реализма оказываются в центре дискуссий, своей неортодоксальной (тем более по меркам сталинской эпохи) трактовкой проблем соотношения идеологии и художественного мастерства они привлекают внимание интеллигенции и вызывают резкий отпор официальной эстетики, доходивший до жестких политических обвинений. Одна

из дискуссий (вокруг книги Лукача «К истории реализма») оказалась не совсем проходной и совсем не типичной для сталинского времени по постановке проблем. Начавшись в месяцы, когда во всем мире (не в последнюю очередь в стране «победившего социализма») отмечалось 150-летие Великой французской революции, она вполне закономерно (хотя и довольно неожиданно) вышла на проблему Термидора — не просто конкретного контрреволюционного переворота 1794 г., а символа перерождения революционной власти. Между тем 23 августа 1939 г. был заключен договор СССР с фашистской Германией, повлекший за собой полный отказ от антифашистской пропаганды и даже преследование тех, кто на ней настаивал. Параллели прочитывались невооруженным взглядом, ведь это событие, как никакое другое, могло навести современников на далеко идущие размышления о глубоком перерождении власти, легитимизированной событиями октября 1917 г., об отступлении ее от неких идеалов большевистской революции. Таким образом, за рассуждениями участников дискуссии о событиях 150-летней давности даже невооруженным глазом легко прочитывались современные аналогии, и в результате напрашивалась постановка вопроса о соотношении преемственности и разрыва между революцией 1917 г. и реалиями сегодняшнего дня. Этот крайне нежелательный поворот в ходе дискуссии не сразу был обнаружен бдительными идеологическими цензорами, что только ужесточило реакцию властей — журнал «Литературный критик», главная три-

буна Лукача в московский период его творчества, был закрыт в начале 1941 г. К этому добавим, что Лукач много пишет в Москве и для немецких эмигрантских изданий, довольно смело противопоставив в одной из статей конца 1930-х гг. тип «народного трибуна», рожденного революцией, типу бюрократа, функционирующего от имени революции, но органически ей чуждого. После всего этого не кажется удивительным, что Лукач не избежал в Москве ареста, проведя в 1941 г. два месяца в застенках Лубянки. Его освобождение было связано прежде всего с усилиями Георгия Димитрова, ходатайствовавшего перед Сталиным¹.

В последние годы жизни Лукача вопрос о двух месяцах, проведенных на Лубянке, не раз затрагивался им в ходе бесед, однако философ не был склонен вдаваться в подробности. Даже в разговорах со своими ближайшими учениками (более откровенных) он не слишком-то охотно делился воспоминаниями о том времени. Когда он все же обращался к первым неделям после нападения Германии на СССР, то говорил прежде всего о своем везении. Молва приписывает Лукачу и такое изречение. В одной из бесед он как бы в шутку заметил: его жилищные условия были довольно скромны, и едва ли кто-то из чинов НКВД мог позариться на его две комнаты в коммунальной квартире у Курского вокзала. А потому его и можно было с легким сердцем отпустить на волю.

Столь сниженно-иронические отзывы Лукача об этом моменте своей биографии не меняют, однако, сути дела: поскольку в основе мировосприятия любого философа лежит его личный жизненный опыт, двухмесячное пребывание на Лубянке не прошло бесследно для осознания сущности левых диктатур. Но, впрочем, оно не поколебало и его приверженности марксистской традиции.

После войны, вернувшись 31 августа 1945 г. в родной Будапешт, Лукач прожил еще четверть века. Он активно участвовал в культурной жизни Венгрии, снова и снова критиковался идеологами компартии за свой «правый уклон», «буржуазно-демократические иллюзии», приверженность ценностям старой культуры². Часто выезжал в Германию, Швейцарию, Италию для участия в международных философских форумах. По справедливому замечанию своего соотечественника, французского политолога венгерского происхождения Ф. Фейте, «непримиримый враг упрощенчества, Лукач мог успешнее, чем кто бы то ни было, представлять марксизм “большого масштаба” — во всем его отличии от вульгарного марксизма — перед “декадентскими философами” Ясперсом, Мерло-Понти и Сартром».

В дни венгерской антитоталитарной революции, осенью 1956 г. Лукач — министр культуры в «ревизионистском» правительстве Имре Надя. С подавлением революции получает убежище в югославском

¹ См. подробно об этом эпизоде в жизни Лукача (Беседы на Лубянке 1999).

² Подробнее см.: (Стыкалин 2001).

посольстве, после выхода оттуда незаконно депортируется советскими спецслужбами в Румынию. Хотя через пять месяцев Лукач получил разрешение вернуться на родину, вопрос о его восстановлении в партии затягивается до 1967 г. В конце 1950-х гг. без дежурной критики венгерского «ревизиониста» Лукача обходился редкий советский университетский учебник по эстетике и литературоведению. Повод дала опубликованная в Германии и Италии брошюра «Против неверно понятого реализма», в которой отстаивался еретический для советской эстетики тезис о социалистическом реализме как о критическом реализме современной эпохи. Несколько позже право писателя на глубоко критическое изображение современной действительности в социалистических странах Лукач отстаивал в двух своих работах о творчестве А. И. Солженицына.

Правда, венгерские коммунистические власти совершенно не препятствовали Лукачу в публикации на Западе его новых работ, в том числе итогового фолианта «Своеобразие эстетического». **В 1960-е гг. скромная 3-комнатная квартира Лукача на Белградской набережной Дуная в Будапеште, напротив горы Геллерт, одного из символов города, становится не только одним из центров интеллектуальной жизни Венгрии, но и местом паломничества левых интеллектуалов со всего мира, хотевших знать его мнение по наиболее насущным проблемам современного общественного развития; интервью с Лукачем публикуются в газетах многих стран. «Белой вороной»**

оказался на этом фоне лишь великий француз Мишель Фуко, при посещении Будапешта демонстративно отказавшийся встретиться с «мастодонтом европейской марксистской ортодоксии». Это была своего рода манифестация, адресованная интеллектуалам мира: марксизм бесповоротно умер и разговаривать с Лукачем больше не о чем.

К середине 1960-х гг. обозначилось расхождение позиций двух партий – КПСС и Венгерской социалистической рабочей партии – в отношении к Лукачу. Если в Венгрии творчество Лукача признается (хотя и с оговорками) частью марксистской парадигмы, то в СССР критика его «ревизионистской» эстетики, затихнув к середине 1960-х гг., сменилась многолетним замалчиванием его работ. Правда, новое поколение советских литераторов («шестидесятники», в то время в большинстве своем еще верные идее «социализма с человеческим лицом») пытается прорвать завесу молчания. Представители журнала «Новый мир» В. Лакшин, И. Виноградов и другие не только пытались установить некоторую преемственность своего направления литературно-критической мысли с определенным образом интерпретированными традициями довоенного журнала «Литературный критик», но и интересовались современным творчеством Лукача. Вполне естественно, что, посетив в середине 1960-х гг. Будапешт, В. Лакшин не упустил возможности познакомиться с крупным венгерским литературоведом и философом, о чем оставил воспоминания, опубликованные в «Иностранной

литературе» в 1988 г. В отделе же культуры ЦК КПСС в том же 1965 г. было принято решение не отмечать в советской прессе 80-летний юбилей Лукача. Более чем скептическая позиция философа, занятая в августе 1968 г. в связи с военным вмешательством СССР и ряда его союзников в Чехословакии, только усилила неприязнь идеологов КПСС к венгерскому философу. Осенью 1968 г. и несколько позже по поручению аппарата ЦК в гуманитарных академических институтах Москвы составлялись длинные записки о том, как в канун 100-летия со дня рождения Ленина надо реагировать на личность Лукача, которого кое-кто на Западе (включая итальянских коммунистов) называет в пику Ленину крупнейшим марксистом XX в. Публикация даже наиболее ортодоксальных марксистских трудов позднего Лукача затянулась до эпохи Горбачева, когда она стала в известном смысле холостым выстрелом — авторитет марксизма в сознании отечественной гуманитарной интеллигенции упал к тому времени почти до нулевой отметки.

Впрочем, самого Лукача возня партийных идеологов вокруг его имени мало занимала. При восстановлении в партии в 1967 г. он заметил, что воспринимает этот акт лишь как восстановление справедливости в отношении своей позиции, занятой в 1956 г., и менее всего хочет себя видеть в амплуа официозного философа.

Со смертью Сталина венгерский философ, сознательно избрав позицию критики реального социа-

лизма изнутри, прилагал огромные усилия для того, чтобы реанимировать марксистскую идею, вдохнуть в нее свежие силы. В последние годы жизни Лукача, особенно после советской интервенции в Чехословакию в августе 1968 г., эта позиция уже все менее находила понимание европейской интеллектуальной элиты. Зная, что леваческое бунтарство чревато тоской по жестким догмам, престарелый венгерский философ отмежевался от своих «духовных детей», устраивавших в мае 1968 г. потасовки на парижских улицах под знаменем идей, близких Лукачу в начале 1920-х гг. Но по иронии судьбы ни одна из его поздних работ не имела такого влияния на умы современников и потомков, как отвергнутая автором «История и классовое сознание», без которой невозможно себе представить ни Франкфуртской школы, ни интеллектуального движения «новых левых». И в этом тоже заключался драматический итог жизненного пути выдающегося философа. Лучшие из учеников Лукача пришли от марксизма к левому либерализму, став яркими представителями леволиберальной мысли конца XX в. Именно Агнеш Хеллер возглавила кафедру, основанную и долгие годы руководимую Ханной Арендт.

Ополчившись прежде всего против либерализма и либерального космополитизма, их сегодняшние венгерские критики справа увидели союзником своих оппонентов великого марксиста-ревизиониста Лукача, с которым левых либералов объединяют открытость ценностям мировой культуры, духовный космополитизм

и презрение к национальным перегородкам в культуре, приверженность идее прогресса и философский рационализм.

Важно при этом иметь в виду, что отношение к Лукачу, от которого как от марксиста в той или иной мере дистанцируются, как правило, и венгерские либералы, представляет собой *довольно частный, хотя и весьма показательный момент* в сегодняшних войнах исторической памяти в орбановской Венгрии. Главные битвы разворачиваются на другом поле — тогда, когда дело касается отношения не к отдельным фигурам, пусть значительным, а к наиболее знаковым событиям венгерской истории новейшего времени. К их числу, несомненно, принадлежит Холокост 1944 г. — 70-летие этого трагического события, широко отмеченное в 2014 г. не только в Венгрии, но и далеко за ее пределами, особенно в еврейском мире, в немалой мере отразило сегодняшнее состояние исторической памяти на разных флангах венгерской общественно-политической жизни. При этом в юбилейном 2014 г. для донесения до широкой публики определенных (и прежде всего, конечно, поддержанных властями) исторических концепций опять-таки использовались художественные средства монументального искусства. Весной 2014 г. отмечалось 70-летие оккупации Венгрии 19 марта 1944 г. нацистской Германией, стремившейся тем самым удержать отбивавшегося от рук союзника (правительство М. Каллаи после Сталинграда все более целенаправленно устанавливало контакты с западны-

ми демократиями, обсуждая через своих эмиссаров с их дипломатами условия сепаратного мира). К этой дате на будапештской площади Сабашаг был установлен памятник, воплотивший в себе в художественной форме некоторые весьма характерные черты официальной концепции исторической памяти. Хортистская Венгрия, вопреки своему активному участию во Второй мировой войне на стороне Третьего рейха, была изображена в ангельском облике в виде невинной жертвы, подвергшейся нападению более сильного хищника. Это явно вступало в противоречие с исторической правдой и не могло не вызвать острой полемики со стороны либеральных и левых историков и политиков как в прессе, так и на многочисленных мероприятиях памяти Холокоста, жертвами которого в Венгрии, по оценкам разных историков, стали 450–550 тыс. человек³. 2014 г. был объявлен с согласия правительства Годом памяти Холокоста, что включало в себя большую программу выставочной, издательской, лекционно-просветительской деятельности, наполнение которой сверху определенным конкретно-историческим и актуально-политическим содержанием показательно для понимания политики исторической памяти в орбановской Венгрии на одном

³ См.: (Стыкалин 2015). Количество евреев в Венгрии в ее границах 1941 г., расширившихся в 1938–1941 гг. вследствие частичного пересмотра итогов Трианонского мирного договора 1920 г. и возвращения ряда территорий, относившихся в межвоенный период к соседним странам (Северной Трансильвании, Южной Словакии, Подкарпатской Руси, Воеводины), составляло 725 тыс. человек из 14 млн всего населения.

из ее существенных направлений. Либеральные историки, выступая в рамках Года памяти (в том числе на альтернативных акциях, инициированных в пику официальным историческим концепциям), указывали на моральную неприемлемость позиции, когда жертвы ставятся на одну доску с их убийцами; остро критиковались попытки снять ответственность за Холокост с тогдашнего венгерского крайне правого правительства Д. Стояи, всецело переложив ее на вермахт и германские спецслужбы. Приходилось напоминать о том, что в акциях по депортации венгерских евреев не только в Аушвиц, но и в пределы большого будапештского гетто, где было сосредоточено около 80 тыс. человек, по большей части спасенных в результате освобождения Будапешта Красной армией зимой 1945 г., непосредственно участвовали десятки тысяч венгерских полицейских, чиновников местных органов власти, военнослужащих. Кроме того, немалая часть общественного мнения, ожидая от передела «еврейской собственности» снижения цен на продукты, а иногда и приобретения материального имущества, взирала весьма бесстрастно на творимые грубейшие беззакония⁴. При этом, как отмечалось в ходе дискуссий, речь идет не просто об искажении историками отдельных фактов (весьма существенных), замалчивании и нарушении пропорций, а о ложном нарративе в целом, создающем

у многих венгров довольно отстраненное представление о Холокосте 1944 г. как о феномене, хотя и привязанном территориально к Венгрии, но относящемся не столько к национальной венгерской, сколько к еврейской истории — и это несмотря на то, что подавляющее большинство евреев было хорошо ассимилировано в венгерскую культуру и внесло в нее немалый вклад⁵. Тем более как эпизод «чужой», невенгерской истории преподносилась трагедия с депортацией хортистами уже летом 1941 г. в угоду Гитлеру десятков тысяч евреев, бежавших в Венгрию из Польши, на территорию Украины, где большинство из них было расстреляно (в г. Каменец-Подольский). Искажение оптики не только проявилось в выступлениях многих СМИ, но и сказалось на школьных учебных пособиях, поддержанных правительством. Идеализация хортистской эпохи и режима проявляется также в замалчивании историками, близкими к власти, подлинного значения той массивированной и направленной сверху антисемитской кампании, которая предшествовала Холокосту и по сути увенчала его, создав предпосылки (в том числе социально-психологические) для столь радикального решения «еврейского вопроса» в 1944 г. (речь идет о целой серии законов конца 1930-х — начала 1940-х гг., все более ограничивавших позиции евреев в экономике и общественной жизни⁶). Трудности, стоящие перед

⁴ Исторические корни бытового антисемитизма в Венгрии анализирует крупный венгерский политический мыслитель И. Бибо в работе, написанной во второй половине 1940-х гг. (*Бибо* 2005).

⁵ См.: (*Стыкалин* 2009: 218–232).

⁶ См. подробно: (*Бибо* 2005: комментарии, 233–236). Из важнейших научных публикаций последних лет в связи с венгерским Холокостом см.: (*A Holokauszt* 2014).

официальной историографией, вполне понятны — трагедия Холокоста слишком плохо вписывается в идеализируемый светлый облик предшествующей более чем 20-летней эпохи...

Возглавив впервые венгерское правительство по итогам выборов 1998 г. и находясь у власти вплоть до реванша социалистов в 2002 г., В. Орбан уже в период первого своего премьерства пытался реализовать в целой серии масштабных проектов определенную концепцию исторической памяти. Наиболее значительными из них были «Дом Террора» с большой музейной экспозицией по истории как нилашистского террора, так и террора времен коммунистического правления Ракоши (конец 1940-х — начало 1950-х гг.)⁷, а также постоянная выставка «Миллениум», открытая в знак символического 1000-летия венгерской государственности: из ее исторической экспозиции были сознательно вычеркнуты (как Лукач) или отодвинуты на второй план люди левых и леволиберальных убеждений независимо от их вклада в венгерскую и мировую культуру. Ко времени возвращения ФИДЕСа к власти в 2010 г. и в последующие годы его концепция исторической политики претерпела изменения, теперь можно говорить уже не о сознательном сведении к общему знаменателю нацистско-нилашистского и сталинско-ракошистского террора, а о принижении роли собственных крайне правых сил в преступлениях, совершавшихся на венгерской террито-

рии во время Второй мировой войны, об объяснении всех негативов той эпохи прежде всего давлением нацистской Германии.

Характеризуя сегодняшнюю венгерскую ситуацию, нельзя, впрочем, забывать о том, что силы, стоящие во главе страны (партия ФИДЕС, руководимая В. Орбаном), испытывают главный вызов для себя не слева, а справа, не со стороны социалистов, резко ослабленных в 2010-е гг., а со стороны крайне правой и обладающей большим парламентским представительством партии Йоббик. В этих условиях они вынуждены позиционировать себя как консервативную правоцентристскую партию и действительно немалой частью общественного мнения воспринимаются как партия центра, подвергающаяся давлению разных крайностей — как либеральных космополитов, чуждых национальным ценностям, так и радикальных националистов. Как бы то ни было, давление справа ощутимо куда сильнее, а крен вправо выглядит куда весомее, что проявляется в явной идеализации эпохи Хорти (такие крупные и не одиозные политики того времени, как премьер-министр в 1921–1931 гг. граф Иштван Бетлен, впоследствии последовательно выступавший против сближения страны с нацистской Германией, а также многолетний министр просвещения и культов, блестящий менеджер в деле строительства институтов элитарной культуры граф Куно Клебельсберг, заняли особенно видное место в официальном пантеоне национальной памяти⁸),

⁷ Количество его посетителей превысило к настоящему времени 1 млн человек.

⁸ Культу Бетлена немало способствовала и его драматическая, почти мученическая кончина, дающая все возможности

замалчивании или умалении крайне правых тенденций, отчетливо проявившихся в венгерской политике начиная с 1932 г., с приходом к власти правительства Д. Гембеша. Вопреки множеству фактов явно преувеличиваются экономические успехи хортистского правления: согласно некоторым официальным версиям, конец успешному развитию страны положила только Вторая мировая война.

Разумеется, войны исторической памяти в сегодняшней Венгрии отнюдь не ограничиваются спорами об эпохе Хорти, они происходят и на других полях. Для официально поддерживаемых консервативных исторических концепций характерна идеализация эпохи дуализма (1867–1918), хотя в то время в Венгерском королевстве (одной из формально равноправных половин двуединой Австро-Венгерской монархии) так и не были разрешены острейшие национальные проблемы, как и не был достигнут консенсус между австрийской и венгерской элитами, что привело в конечном итоге к краху всей дуалистической конструкции в 1918 г. В определенной мере можно говорить даже о культе эпохи дуализма в «орбановской» Венгрии, что нашло выражение среди прочего и в новой топонимике венгерской столицы (известная всем советским и российским туристам, посещав-

представить его как жертву международного коммунизма. Арестованный советскими спецслужбами в апреле 1945 г., 70-летний Бетлен, которого воспринимали в Москве как харизматического лидера прозападных сил в послевоенной Венгрии, умер в октябре 1946 г. в заключении в СССР, в больнице Бутырской тюрьмы.

шим Будапешт начиная с 1960-х гг., площадь Москвы названа теперь в честь Кальмана Селла, далеко не самого выдающегося премьер-министра дуалистической эпохи).

Абсолютному отрицанию подвергается демократическая революция осени 1918 г. как проложившая дорогу последующему коммунистическому эксперименту (Венгерская советская республика 1919 г.), а затем и унижительному для Венгрии Трианонскому мирному договору 1920 г. «Смена вех» в оценке традиций 1918 г. очень рельефно проявилась и на уровне монументальной пропаганды. Поставленный еще при Я. Кадаре, в 1975 г. близ здания венгерского парламента памятник первому премьер-министру, а затем президенту республиканской Венгрии 1918–1919 гг. Михаю Каройи (один из шедевров выдающегося скульптора Имре Варги) был в 2012 г. удален, а на его месте через два года возведен монумент его антиподу и непримиримому политическому противнику графу Иштвану Тисе, крупному венгерскому консервативному политику начала XX в., члену узкого руководства Австро-Венгрии в момент ее вступления в Первую мировую войну, погибшему в день революции 30 октября 1918 г. в перестрелке с революционными солдатами, попытавшимися захватить его будапештский особняк.

Отошло в тень и едва ли не наиболее славное событие всей 1000-летней венгерской истории, оставившее громадный след в национальной культуре, — речь идет о революции 1848–1849 гг., с которой было связано не только решение задач

национальной эмансипации в условиях австрийского правления, но и утверждение в политической практике традиций венгерского либерализма. Консервативной команде В. Орбана чужда распространенная в среде венгерских либералов трактовка 1848 г. как торжества либеральных политических концепций, поставленных на службу национальному идеалу. Если и происходит апелляция к традиции антигабсбургской революции 1848–1849 гг., то это великое событие венгерской истории трактуется исключительно как национально-освободительное движение, при этом явно остаются в тени ее завоевания, связанные с обеспечением демократических свобод, политического равноправия, созданием правовых основ современной венгерской государственности и формированием условий для возникновения в Венгрии гражданского общества⁹.

Вернемся же снова к всемирно известному венгерскому марксисту. Возлагая на представителей венгерской либеральной и особенно леволиберальной и левой традиции (вопреки фактам) всю полноту ответственности за унижительный для нации Трианонский договор 1920 г., разрушение Венгрии в ее тысячелетних исторических границах, Виктор Орбан открыто позиционирует себя духовным наследником этих традиций Великой Венгрии. Однако при этом не до конца, мо-

⁹ В категориях национально-освободительного движения трактуются и события осени 1956 г. Эта тема заслуживает отдельного большого разговора. См. статью крупного современного венгерского историка Яноша Райнера: (*Ráiner* 2016: 7–19).

жет быть, понимает, что для интеллектуалов иного дискурса во всем мире фигура Лукача в большей мере знак вклада венгров в мировую культуру, нежели спорные для всех соседей Венгрии дотрианонские границы страны. И дело не слишком сильно меняется от того, что, будучи ярко выраженным космополитом, философ иной раз — что правда, то правда — проявлял недостаточную чувствительность к некоторым выдающимся ценностям венгерской культуры, давал спорные оценки и т. д.

Что же касается планов сооружения (благодаря давлению общественного мнения, к счастью, несостоявшегося) на этом месте памятника Балинту Хоману (человеку за пределами Венгрии известному разве что самому узкому кругу специалистов по венгерской истории), то это тоже знак. **Знак ограниченности духовных горизонтов современного консервативного евроскептицизма, в том числе в его радикальном венгерско-орбановском варианте.** Ибо масштаб этих двух рядом поставленных фигур несопоставим. Как венгерская либеральная и леволиберальная интеллигенция ответит на все эти вызовы — покажет будущее.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Беседы на Лубянке 1999 – Беседы на Лубянке. Следственное дело Дердя Лукача. Материалы к биографии / ред.-сост. и авторы комментариев В. Середы и А. Стыкалина при участии Р. Мюллера, А. Дмитриева, Я. Рокитянского. М., 1999 (2-е, испр. и доп. изд. – 2001; венг. изд. – 2002).

Бибо 2005 – *Бибо И.* Еврейский вопрос в Венгрии после 1944 года. М., 2005.

Райнер 2016 – *Райнер М.Я.* Память о 1956 годе в сегодняшней Венгрии // *Стыкалин А.С.* Венгерский кризис 1956 года в исторической ретроспективе. М., 2016. С. 7–19.

Стыкалин 2001 – *Стыкалин А.С.* Дьердь Лукач – политик и мыслитель. М., 2001.

Стыкалин 2009 – *Стыкалин А.С.* К вопросу о роли еврейской буржуазии в модернизации Венгрии и эволюции отношения властей и общественного мнения к еврейскому вопросу (1900–

1940-е годы) // *Человек на Балканах. Власть и общество: опыт взаимодействия (конец XIX – начало XX в.)* / отв. ред. Р. П. Гришина. СПб.: Алетейя, 2009. С. 218–232.

Стыкалин 2015 – *Стыкалин А.С.* Долгая дорога к Холокосту. О предпосылках антиеврейской политики в Венгрии // Сайт общества «Мемориал» «Уроки истории. XX век». Февраль 2015.

A Holokauszt 2014 – *A Holokauszt Magyarországon hetven év múltán. Történelem és emlékezet* / Szerk. R. L. Braham és Kovács A. Bp., 2014.

FOR WHOM IS GYÖRGY LUKÁCS DANGEROUS?

Stykalin Aleksandr S. – candidate of historical sciences, coordinating researcher, Institute for Slavonic Studies, RAS (Moscow)

Key words: Hungary, György Lukács, the Western Marxism, Viktor Orbán, the historical policy.

Abstract. The "Historical Expertise" comments the attempts to close in Budapest the archive of the world-famous Hungarian Marxist philosopher György Lukács, placing them in the broader context of the historic policy of the government of Victor Orbán.

REFERENCES

A Holokauszt Magyarországon hetven év múltán. Történelem és emlékezet, Szerk. R. L. Braham és Kovács A. Bp., 2014.

Besedy na Lubianke. Sledstvennoe delo D'erdia Lukacha. Materialy k biografii, red.-sost. i avtory kommentarijev V.Sereda i A. Stykalin pri uchastii R. Miullera, A. Dmitrieva, Ia. Rokitianskogo. Moscow, 1999.

Bibo I. *Evreiskii vopros v Vengrii posle 1944 goda.* Moscow, 2005.

Rainer M. Ia. Pamiat' o 1956 gode v segodniashnei Vengrii. *Stykalin A.S. Vengerskii krizis 1956 goda v istoricheskoi retrospektive.* Moscow, 2016, pp. 7–19.

Stykalin A.S. *D'erd' Lukach – politik i mystitel'.* Moscow, 2001.

Stykalin A.S. Dolgaia doroga k Kholokostu. O predposylkakh antievreiskoi politiki v Vengrii. *Sait obshchestva "Memorial" "Uroki istorii. XX vek'.* Fevral' 2015.

Stykalin A.S. K voprosu o roli evreiskoi burzhuazii v modernizatsii Vengrii i evoliutsii otnosheniia vlastei i obshchestvennogo mneniia k evreiskomu voprosu (1900–1940-e gody). *Chelovek na Balkanakh. Vlast' i obshchestvo: opyt vzaimodeistviia (konets XIX – nachalo XX v.)*, отв. ред. Р. П. Гришина. St. Petersburg: Aleteiia, 2009, pp. 218–232.

А. С. Стыкалин

НАСКОЛЬКО ЭТИЧНО ДЛЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ИСТОРИКА ДЕЛАТЬ ВИД, БУДТО БЫ АРХИВНЫХ ИСТОЧНИКОВ НЕ СУЩЕСТВУЕТ?

Ключевые слова: Вторая мировая война, советско-польские отношения, Катынь.

Аннотация. «Историческая экспертиза» откликнулась на предпринятую в одном из исторических журналов попытку пересмотреть вопреки давно введенным в оборот архивным документам взгляд на истинных виновников Катынского расстрела 1940 г.
DOI 10.31754/2409-6105-2018-3-194-197

В журнале «Историк», позиционирующем себя как «журнал об актуальном прошлом», вышел в свет доступный в Интернете опус историка Олега Назарова «Спор о Катыни». «Если кто-то считает, что в анализе катынской трагедии, происходившей в годы войны, польские русофобы и антисоветчики были более объективны и честны», нежели в вопросе о причинах трагедии с гибелью польского самолета под Смоленском в апреле 2010 г., пишет

автор, «то он сильно заблуждается». Все, кто утверждает, что польские офицеры стали жертвами спецоперации НКВД, лишь повторяют, по Назарову, версии геббельсовской пропаганды, ибо никто иной, как министр пропаганды Третьего рейха Йозеф Геббельс в 1943 г. первым публично возложил ответственность за массовые расправы над польскими офицерами в Катынском лесу на сталинский НКВД. Автор ссылается на материалы работы спецкомиссии во главе с академиком Н. Н. Бурденко, созданной по инициативе Сталина для того, чтобы выработать и обнародовать официальную советскую точку зрения

© Стыкалин А. С., 2018

Стыкалин Александр Сергеевич – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН (Москва); zhurslav@gmail.com

по катынскому вопросу. Вслед за писателем С. Куняевым, судя по всему, в глазах доктора исторических наук О. Назарова наиболее квалифицированным экспертом по затрагиваемому кругу проблем, автор пытается сформулировать ряд вопросов, традиционно неудобных для сторонников, по его определению, «польско-геббельсовской версии» катынской трагедии. Надо сказать, что непростые вопросы, как эти, так и многие другие, неоднократно ставились в обширнейшей литературе по катынскому делу и ранее. А для того чтобы дать на них выверенные, компетентные, обоснованные ответы со ссылками на архивные источники, историками и архивистами была проделана огромная работа, вышел не один том документов на польском, русском и английском языках. Достаточно упомянуть такие фундаментальные документальные издания рубежа 1990–2000-х гг., как «Катынь. Пленники необъявленной войны» и «Катынь. Март 1940 г. – сентябрь 2000 г. Расстрел. Судьбы живых. Эхо Катыни». Выходят и новые издания, вводятся в оборот ранее неизвестные источники. Можно упомянуть, к примеру, вышедший в 2017 г. более чем 700-страничный 4-й том документального собрания «Советско-польские отношения в 1918–1945 гг.», охватывающий период времени с 1939 по 1945 г.

На основе введенных в научный оборот и неоднократно опубликованных документов удалось полностью реконструировать процесс принятия решения о расстреле польских офицеров, интернированных в Козельском, Старобельском, Осташковском лагерях для

военнопленных, а также заключенных тюрем западных областей УССР и БССР. Стало ясно, что Берия, на апологетику которого в декабрьском интервью директора ФСБ А.В. Бортникова «Исторической экспертизе» уже приходилось реагировать аргументированной репликой историка А.Б. Сулова, направил Сталину развернутое предложение о расстреле этих категорий людей 29 февраля 1940 г. (под порядковым номером № 794/Б), т.е. через день после встречи с вождем, состоявшейся 27 февраля. И уже 5 марта было принято решение Политбюро ЦК ВКП(б) под номером 13/144 «Вопрос НКВД СССР», в котором указывалось:

« I. Предложить НКВД СССР:

1) дела о находящихся в лагерях для военнопленных 14 700 человек бывших польских офицеров, чиновников, помещиков, полицейских, разведчиков, жандармов, осадников и тюремщиков;

2) а также дела об арестованных и находящихся в тюрьмах западных областей Украины и Белоруссии в количестве 11 000 человек членов различных к-р (контрреволюционных. — *Редакция*) шпионских и диверсионных организаций, бывших помещиков, фабрикантов, бывших польских офицеров, чиновников и перебежчиков — рассмотреть в особом порядке, с применением к ним высшей меры наказания — расстрела.

II. Рассмотрение дел провести без вызова арестованных и без предъявления обвинения, постановления об окончании следствия

и обвинительного заключения — в следующем порядке:

а) на лиц, находящихся в лагерях военнопленных, — по справкам, представленным Управлением по делам военнопленных НКВД СССР;

б) на лиц арестованных — по справкам из дел, представленных НКВД УССР и НКВД БССР.

III. Рассмотрение дел и вынесение решения возложить на тройку в составе т. Меркулова, Кобулова и Баштакова (начальника 1-го Спецотдела НКВД СССР).

Секретарь ЦК».

А в секретной записке председателя КГБ А. Н. Шелепина Н. С. Хрущеву от 3 марта 1959 г. сообщалось: «В Комитете государственной безопасности при Совете Министров СССР с 1940 г. хранятся учетные дела и другие материалы на расстрелянных в том же году пленных и интернированных офицеров, жандармов, полицейских, помещиков и т. п. лиц бывшей буржуазной Польши. Всего по решению специальной тройки НКВД СССР было расстреляно 21 857 человек, из них в Катынском лесу (Смоленская область) 4 421 человек, в Старобельском лагере близ Харькова 3 820 человек, в Осташковском лагере (Калининская область) 6 311 человек и 7 305 человек были расстреляны в других лагерях и тюрьмах Западной Украины и Западной Белоруссии. Все операции по ликвидации указанных лиц проводились на основании Постановления ЦК КПСС от 5 марта 1940 г. Все они были осуждены к высшей

мере наказания по учетным делам, которые заведены на них как на военнопленных и интернированных в 1939 году...»

По сообщению пресс-службы Совета Федерации России, 20 апреля 2018 г. в торжественной церемонии по случаю открытия реконструированного мемориального комплекса «Катынь» в Смоленской области приняла участие председатель Совета Федерации Валентина Матвиенко. Осмотрев объекты мемориального комплекса, экспозицию «Россия и Польша XX век. Страницы истории», она возложила венки и цветы к монументу «Расстрел» и к алтарной группе польской части мемориала. В присутствии посла Республики Польша в Российской Федерации Влодзимежа Марциняка, губернатора Смоленской области Алексея Островского, а также известных своей верностью исторической истине действующего министра культуры РФ Владимира Мединского и исполнительного директора Российского военно-исторического общества Владислава Кононова глава верхней палаты российского парламента призвала собравшихся чтить Катынь как «место нашей общей скорби» по жертвам политических репрессий, «символ общей трагедии» граждан России и Польши. Величественное по силе эмоционального воздействия сооружение «никого не может оставить равнодушным. В его атмосферу погружаешься с первых шагов и мигнут, как только входишь на территорию». «Какой бы горькой ни была правда о прошлом, мы должны знать и сохранять ее, обязаны извлечь из нее уроки. Это наш гражданский

и нравственный долг перед теми, кто покоится в земле Катыни». Фальсификаторы истории, включая и тех, кто сносит памятники освободителям мира ценой своих жизней от нацистской нечисти, «должны помнить, что правда всегда пробьет себе дорогу, найдет свое место. Мы должны всегда хранить память о невинно погибших, сделать все, что в наших силах, чтобы подобное никогда и нигде больше не повторилось», — заключила глава РФ.

Историческая правда о расстреле сталинским режимом более 4 000 польских офицеров в 1940 г. в Катыни не перестает оставаться истиной, даже если признать другую сторону той же правды: для граждан СССР вся история конца 1930-х гг. явилась сплошной Катынью. И весьма показательно, что на той же самой смоленской земле рядом с расстрелянными польскими офицерами покоятся свыше восьми тысяч советских граждан, преданных смерти тем же тоталитарным режимом.

Даже следуя известной формуле М. Н. Покровского об истории как политике, опрокинутой в прошлое, негоже профессиональным историкам делать вид, что не существует фактов, подтвержденных документами, давно введенными в научный оборот. В данном случае это скорее вопрос не научной компетенции, а профессиональной этики. Не претендуя на открытие Америк, журнал «Историческая экспертиза» в то же время, в соответствии со своей уже сложившейся традицией реконструировать, «как это было на самом деле» (так называется одна из наших постоянных рубрик), считает в нашем конкретном случае уместным и целесообразным отослать читателя, интересующегося правдой о Катыни, к статье ведущего специалиста по катынской проблеме Н. С. Лебедевой, впервые опубликованной в 2010 г. в рамках российско-польского проекта «Белые пятна — черные пятна: сложные вопросы в российско-польских отношениях».

HOW ETHICAL IS IT FOR A PROFESSIONAL HISTORIAN TO PRETEND THAT ARCHIVAL SOURCES DO NOT EXIST?

Stykalin Aleksandr S. — candidate of historical sciences, coordinating researcher, Institute for Slavonic Studies, RAS (Moscow)

Key words: World War II, the Soviet-Polish relations, Katyń.

Abstract. The "Historical Expertise" responded to an attempt of one of the historical magazines to reassess, contrary to long ago published documents from the archives, a view on the true initiators of the Katyń massacre of 1940.

«СТРАННАЯ ПОЛУЧАЕТСЯ ЛОГИКА...»

Отклик на статью А. Э. Гурьянова «О попытке российских ведомств оправдать Катынь» («Историческая экспертиза». 2017. №3).

Ключевые слова: Красная армия, советско-польская война, военнопленные, Катынь, российско-польские отношения.

Аннотация. Предметом дискуссии стали данные о масштабах человеческих жертв в польских лагерях для военнопленных, относящихся к временам советско-польской войны 1919–1921 гг.
DOI 10.31754/2409-6105-2018-3-198-203

Не отношу себя к любителям писать рецензии, а уж тем более на журнальные статьи. Но в данном случае пришлось сделать исключение, поскольку статья затрагивала сферу моих недавних интересов и непосредственно меня. Творчеством А. Э. Гурьянова я никогда не интересовался, а из Интернета узнал, что дипломную и кандидатскую работы он защищал по физике, а в 1990-е гг., в период невероятного всплеска интереса к истории, решил переквалифицироваться в историка и занялся историей жертв репрессий в СССР из числа поляков. Благо польский язык он знает как родной. Ну что ж, каждый волен выбирать в жизни поле, которое он будет пахать и засеивать.

Со статьей я познакомился случайно, через третьих лиц, сказавших,

© Матвеев Г. Ф., 2018

Матвеев Геннадий Филиппович – доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой МГУ имени М. В. Ломоносова (Москва); gfmatee@yandex.ru

что она выставляет меня не в лучшем свете. Начало статьи самое невинное: в мемориальном комплексе в Катыни, где возводится большой музейный центр, посвященный российско-польским отношениям в 1918–1945 гг., посетители получили возможность познакомиться с двумя стендами, на которых были размещены материалы выставки «Советско-польская война 1919–1921 гг. Судьба красноармейцев в польском плену», подготовленной Российским военно-историческим обществом (РВИО) и Мемориальным комплексом (МК) «Катынь» в качестве анонса одного из отделов нового музейного центра, строящегося на территории комплекса. Казалось бы, обычная новостная информация и не более.

Но оказалось, что не все так просто. Далее сообщалось, что стенды возмутили польское Министерство иностранных дел и Институт национальной памяти (ИПН), и они не преминули выразить ими свое

недовольство, «возражая против помещения на стендах недостоверных сведений о намеренно жестоким обращении с красноармейцами в польском плену как причине их смертности, а также против завышения числа умерших, называя это фальсификацией истории...». Именно с этого «залпа» и начинается опровержение всего сделанного мною в 2000-е гг. в области изучения судьбы красноармейцев в польском плену. Это несколько статей, составление сборника «Красноармейцы в польском плену в 1919–1922 гг. Документы и материалы» (М., 2004), а в 2011 г. издание вместе с В.С. Матвеевой монографии «Польский плен. Военнослужащие Красной армии в плену у поляков в 1919–1921 годах», в 2013 г. переведенной и изданной на польском языке в Москве. Признаюсь, этот вердикт МИД и ИПН оставил меня равнодушным, поскольку в этих ведомствах нет специалистов, хорошо знающих тему судьбы пленных красноармейцев в 1919–1921 гг., что вынужден признать и сам Гурьянов. Они просто пользуются данными З. Карпуса, которого я уличил в преднамеренном манипулировании сведениями о численности пленных (Матвеев, Матвеева 2011: 30–36). Но Гурьянов воспринимает позицию МИД и ИПН Польши как серьезную, научно обоснованную точку зрения, чтобы замаскировать ее сугубо политический характер, как, впрочем, и своей статьи.

Зачем это ему надо, понятно уже при обращении к следующему сюжету. Оказывается, на двух стендах ничего не сказано о ходе войны и заключении Рижского мира.

Не говоря уже о том, что речь идет всего лишь о двух стендах, заметим, что если следовать последующим рассуждениям автора, такой информации место скорее всего в Музее Вооруженных сил РФ, а не в мемориале памяти жертв репрессий.

Возвращаясь к отражению судьбы пленных красноармейцев на стендах, Гурьянов признает, что приведенные фотографии и документы отражают основные бытовые причины высокой смертности среди них. Мне лично жаль, что там не нашлось места для документов, показывающих, как у пленных на фронте отбирали одежду и обувь, обрекая их на верную смерть от холода (поэтому на фотографиях они и выглядят как оборванцы), как администрация лагерей разворовывала их скудные пайки, как садисты из числа администрации расстреливали своих подопечных без всякой на то причины. Таких документов немало в упомянутом сборнике документов.

Кошунственно выглядит утверждение Гурьянова (его любят использовать мои польские оппоненты), что польская сторона, хотя, конечно же, несет ответственность за эти условия и высокую смертность, но «нет никаких указаний на то, что произвол и жестокость лагерных администраций, голод, холод и болезни в лагерях были специально устроены по решению польских властей с целью массового умерщвления пленных». Странная получается логика: если пленных уничтожали по приказу сверху — это плохо, а если делали это по волею души — то это нормально. Кстати, такие приказы были, например

приказы В. Сикорского о расстреле 200 пленных, и др. (Там же: 51–57).

Почему-то Гурьянова удивляет, что я менял свою точку зрения на количество умерших в плену в сторону возрастания. Меня не интересуют мотивы его подозрений, может быть, они самые чистые. О смертности я писал многократно, по мере того, как все глубже погружался в тему. Не держался за единожды полученный результат, а постоянно расширял источниковую базу и методику подсчета, о чем подробно написано в монографии (Там же: 101–107). И З. Карпус в последнее время также увеличил цифру захваченных в плен красноармейцев, никак не комментируя причину этого. Кстати, наши с ним долевы показатели смертности различаются не принципиально, примерно в 2%. Поэтому пожелание Гурьянова организаторам выставки упомянуть польскую точку зрения по сути ничего бы не изменило.

Завершение сюжета с пленными красноармейцами привело меня в полное недоумение. Гурьянов считает, что «все же фальсификация истории устроителями выставки совершена» и «заключается она не в огрехах изложения, а в факте установки стендов не на Поклонной горе в Москве, или в Центральном музее Вооруженных сил РФ, а именно в Катинском лесу». Мне же кажется, что Катинский мемориал — это то самое место, на котором следует говорить правду о непростых советско-польских отношениях в 1918–1945 гг. Конечно, было бы уместно разместить стенд о судьбе пленных красноармейцев и в Музее ВС РФ,

т.к. там существенно больше посетителей, чем в Катыни. Да и художественный кинофильм не мешало бы снять и показать его в широком прокате в России и Польше. Может, тогда польские власти под надуманным предлогом не запретили бы установку памятника на Раковицком кладбище в Кракове, где захоронены красноармейцы из лагеря в Домбе, и возить туда туристические группы из России.

И последнее мое возражение. Утверждение А.Э. Гурьянова, что МИД и Минкульт России «проявляют чисто инструментальное отношение и полное равнодушие к памяти <...> красноармейцев, умерших в польском плену в 1919–1921 гг.», не соответствует действительности. Сборник документов и материалов о судьбе красноармейцев в польском плену, объемом в 900 с., был издан на правительственный грант, его делал Росархив, а не Главная дирекция польских архивов. Впрочем, и первый серьезный сборник о судьбе польских военнопленных в советском плену в те же годы был подготовлен и издан в России профессором И.И. Костюшко (1919–2018) на российские, а не польские средства. Польские же издатели так его извратили, что И.И. Костюшко отказался участвовать в его презентации в Польше и принимать присужденную сборнику премию.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Матвеев, Матвеева 2011 — *Матвеев Г. Ф., Матвеева В. С.* Польский плен. Военнослужащие Красной армии в плену у поляков в 1919–1921 годах. М., 2011.

IT IS A STRANGE KIND OF LOGIC...

Response to the article of A. E. Guryanov "About the attempt of Russian authorities to justify Katyn» ("Historical expertise", 2017. No. 3)

Matveev Gennady F. — doctor of historical sciences, professor, Head of the Department of Lomonosov Moscow State University (Moscow)

Key words: The Red Army, the Soviet-Polish war, prisoners of war, Katy , Russian-Polish relations.

Abstract. The data on the scale of human casualties in the Polish camps for prisoners of war, dating back to the times of the Soviet-Polish war of 1919-1921, became the subject of the discussion.

REFERENCES

Matveev G. F., Matveeva V. S. *Pol'skii plen. Voennosluzhashchie Krasnoi armii v plenu u poliakov v 1919–1921 godakh.* Moscow, 2011.

КОММЕНТАРИЙ ОТВ. РЕДАКТОРА ИЭ

Претендуя на право выступать в качестве трибуны для любых аргументированных мнений, журнал «Историческая экспертиза» предоставил слово для отклика на статью А. Э. Гурьянова и профессору Геннадию Филипповичу Матвееву, не только признанному мэтру отечественной исторической полонистики, автору биографии Юзефа Пилсудского, вызвавшей немалый резонанс и в польском академическом сообществе, но и блестящему педагогу, воспитавшему не один десяток квалифицированных ученых-славистов разных генераций. Вместе с тем, во избежание реально существующей угрозы вырвать из контекста какую-либо не совсем удачно сформулированную фразу и тем самым сместить расставленные автором статьи акценты, приведем полностью соответствующий пассаж статьи А. Э. Гурьянова:

«Скажем сразу, что нет оснований сомневаться в достоверности документов, подтверждающих трагические условия содержания пленных красноармейцев в польских лагерях. Несомненно, ответственность за эти условия и высокую смертность пленных несут тогдашние польские власти – не только лагерная администрация, но и министерство военных дел и военное командование, которым подчинялись лагеря. Вместе с тем нет никаких указаний на то, что произвол и жестокость лагерных администраций, голод, холод и болезни в лагерях были специально устроены по решению польских властей с целью массового умерщвления пленных, как это на протяжении многих лет пытаются представить в некоторых российских СМИ. К счастью, такого утверждения – об умышленном массовом уничтожении пленных красноармейцев путем создания невыносимых условий содержания – нет и на стендах, установленных в Катынском лесу».

Сразу скажем со своей стороны, что мы не узрели в построениях А. Э. Гурьянова логики, которую увидел в них Г. Ф. Матвеев.

Из рассуждений А.Э. Гурьянова, с которыми можно во всем соглашаться или же в чем-то их корректировать, на наш взгляд, не вытекает, что он считает **нормальным** уничтожение военнопленных «по велению души». Гурьянов признает как достоверность документов, подтверждающих нечеловеческие условия содержания пленных красноармейцев в польских лагерях, так и ответственность не только лагерной администрации, но и более высокого начальства за огромные человеческие жертвы. Был ли определенный умысел в создании невыносимых для людей условий? Нам очевидно, что при отсутствии такого умысла на высоком уровне были бы все же приняты меры, позволившие избежать столь массовых показателей смертности.

Упрекая организаторов выставки в однобокости представления сведений о советско-польской войне в этой части экспозиции и определенной недобросовестности, но отнюдь не в намеренной фальсификации, А.Э. Гурьянов вместе с тем не углубляется в сколько-нибудь детальный анализ расхождений в данных, представленных в работах российских и польских историков, и тем полезнее сделанные Г.Ф. Матвеевым дополнения, в общем снимающие упреки в однобокости именно этой части экспозиции. Ведь долевые показатели смертности захваченных в плен красноармейцев в работах Г.Ф. Матвеева и польских публикациях последних лет, по признанию самого Г.Ф. Матвеева, не различаются принципиально.

Нам не показалось, что А.Э. Гурьянов выставляет Г.Ф. Матвеева

«не в лучшем свете» как автора, приводившего различные цифровые данные в разных своих работах, и опровергает все сделанное им в 2000-е гг. в области изучения судьбы красноармейцев в польском плену. Гурьянов только констатирует различия в цифрах, представленных в литературе, не подвергая при этом сомнению достоверность приводимых документов. В данном случае совершенно очевидно, что наука не стоит на месте, вводятся в оборот новые источники, позволяющие корректировать и приводимые в прежних работах цифровые показатели. Только так, очевидно, и пролегает дорога к истине. Можно в то же время предполагать, что стремление к выявлению истины не очень присуще авторам некоторых публикаций в СМИ и разного рода историко-пропагандистской литературы, завышающим показатели, бытующие в научной литературе, не на 10–20 %, а в 3–4 раза, на это тоже указывает А.Э. Гурьянов. И здесь не обойти стороной вопроса о политическом заказе тех или иных публикаций.

Упрекам в однобокости экспозиции противопоставляются упреки в сугубой политизированности статьи А.Э. Гурьянова, замаскированной ее «невинным началом». Можно, конечно, понимать под сугубо политическим характером той или иной научной статьи стремление ее автора вопреки истине подладиться под официальную и зачастую конъюнктурную точку зрения политического руководства определенной страны. Но, с другой стороны, и упомянутое Г.Ф. Матвеевым предоставление российского

правительственного гранта на публикацию сборника документов о тяжелейших условиях пребывания красноармейцев в польском плену тоже можно при большом на то желании, следуя той же схеме, трактовать как политический акт при крайне непростых сегодняшних российско-польских отношениях, как своего рода «наш ответ Чемберлену» в условиях постоянно муссируемой польскими (особенно правыми) политиками теме Катыни. Только надо ли все это делать в интересах все той же научной истины? Да и могут ли вообще историки при всем желании отключиться начисто от текущего политического контекста при обращении к болевым точкам советско-польских и российско-польских отношений в новейшее время? Внимание политиков на самом высоком уровне к открытию реконструированного катынского мемориала — наилучшее подтверждение того, что сделать это едва ли возможно.

Без оговорок согласились бы с утверждением Г.Ф. Матвеева о том, что «Катынский мемориал — это то самое место, на котором следует говорить правду о непростых советско-польских отношениях в 1918–1945 гг.». Эта установка, если уж признать как очевидное вечную политизированность исторической науки, на наш взгляд, не находится в сильном противоречии (во всяком

случае, в конкретном вопросе о Катыни) и с сегодняшним российским «политическим заказом» на правду и искренность в разговоре с поляками об общем прошлом в наших сложных отношениях.

Вопреки, очевидно, тоже не лишенным своей политической сверхзадачи попыткам некоторых авторов (здесь достаточно сослаться на недавнюю статью О. Назарова «Спор о Катыни» в журнале «Историк») возвести к геббельсовской пропаганде «миф» о расстреле польских офицеров в Катыни органами НКВД, председатель Совета Федерации РФ В.И. Матвиенко на открытии в Катыни новой мемориальной экспозиции 20 апреля в присутствии посла Польши В. Марчиняка совсем не склонна была хоть сколько-нибудь ставить под сомнение «польско-геббельсовскую», по очень тонкому определению Назарова, версию катынского дела. Она призвала собравшихся чтить Катынь как «место нашей общей скорби» по жертвам политических репрессий, «символ общей трагедии» граждан России и Польши. «Какой бы горькой ни была правда о прошлом, мы должны знать и сохранять ее, обязаны извлечь из нее уроки. Это наш гражданский и нравственный долг перед теми, кто покоится в земле Катыни».

А. С. Стыкалин

КРАТКИЕ ЗАМЕТКИ К ДИСКУССИИ О «НЕОЕВРАЗИЙСТВЕ» АЛЕКСАНДРА ДУГИНА И О «КЛАССИЧЕСКОМ» ЕВРАЗИЙСТВЕ НА САЙТЕ GEFTER.RU

Ключевые слова: Евразийство, геополитика, Элементы, Александр Дугин, консервативная революция, национал-большевизм, национал-социализм, либерализм.

Аннотация. Созданное в 1921 г. в русской эмиграции движение евразийцев в конце 1930-х гг. покинуло, как тогда казалось, окончательно политическую сцену. Но в мире идей царят законы, которые всегда готовы преподнести сюрприз. Евразийским идеям, вроде бы канувшим в Лету в конце 1930-х гг., суждено было пятьюдесятью годами позже пережить совершенно неожиданный ренессанс. Многие группировки и публицистические органы в сегодняшней России исповедуют евразийскую программу. С особой настойчивостью делал это созданный Александром Дугиным в 1992 г. журнал «Элементы». Справедливы ли такие притязания? Этот вопрос стоит в центре данной работы.
DOI 10.31754/2409-6105-2018-3-204-208

Можно ли назвать Александра Дугина духовным преемником возникшего в 1921 г. в русской эмиграции евразийского движения? Этому вопросу был посвящен недавний диспут между Андреасом Умландом и Михаилом Немцевым в интернет-журнале «Гефтер» (Умланд 2018; Немцев 2018). Эта тема интересует меня уже давно. Особенно в связи с созданным А. Дугиным в 1992 г. журналом «Элементы», который с особенной

настойчивостью подчеркивал свой евразийский характер. До какой степени были обоснованы эти претензии? Этой теме была посвящена моя статья, которая появилась в 2000 г. в «Вопросах философии». Затронутые здесь вопросы явно не потеряли своей актуальности. **Актуализированная версия этой статьи прилагается к этим заметкам.**

Я согласен с Андреасом Умландом в том, что дугинское «неовразийство» радикальным образом отличается от его якобы предшественников, не в последнюю очередь потому,

© Люкс Л., 2018

Люкс Леонид — профессор НИУ ВШЭ, католического университета г. Эйштетт (Эйхштетт, Германия — Москва); Leonid.Luks@ku.de

что в разработке евразийской программы участвовали ведущие ученые своего времени (лингвисты, богословы, историки, правоведы, географы философы и т. д.). В этом смысле евразийство принципиально отличалось от большинства идеологий, возникших в Европе в эпоху между двумя мировыми войнами. Над ним трудились не самодеятельные историки и политические дилетанты, а люди научного склада мысли, владеющие искусством пронизательного анализа и ясной аргументации. Вот почему не так просто было опровергнуть их теоретические построения, хотя они и вызывали негодование многих эмигрантов. Академический же вес «неоевразийства», как подчеркивает Умланд, «намного скромнее». Умланд обращает также внимание на еще одно различие между обеими идеологиями. Дугинская программа чрезвычайно эклектична. Она во многом копирует и парафразирует разные антилиберальные и мистические идейные течения, распространенные прежде всего на Западе: «Поэтому для читателей со знанием истории западного интеллектуального антилиберализма основные идеи Дугина покажутся знакомыми», — подчеркивает Умланд.

В «классическом» же евразийстве почти ничего узнаваемого найти нельзя. Оно было одним из самых оригинальных течений русской эмиграции. Поэтому так сложно найти идейных предшественников евразийства.

Восходили ли идеи евразийцев к идеям славянофилов и панславистов, как полагали некоторые из их критиков, например Бердяев, ви-

девший в евразийстве лишь нечто эпигонское и малооригинальное (Бердяев 1925: 134–139)? Надо отметить, что эти критики проглядели непреодолимую, по сути, пропасть между евразийцами и их якобы предшественниками. Потому что в противовес славянофильским и панславистским течениям XIX в. в случае евразийцев речь идет не о консервативном или консервативно-либеральном, а о революционном движении. Оно приветствовало важнейшие результаты русской революции, которые, на взгляд евразийцев, состояли в том, что была устранена пропасть между европеизированным образованным сословием и народными слоями, которые все еще жили идеями допетровской России. То, что устранение этой пропасти последовало как результат уничтожения или изгнания большей части представителей высшего сословия и что в России, по словам Владимира Вейдле, произошло своего рода «изгнание варягов» (Вейдле 1956: 81), евразийцев не смущало. Хотя евразийцы сами, как представители образованного сословия, были затронуты этим «изгнанием варягов», они считали этот процесс неизбежным. По их мнению, тем самым был положен конец своего рода двойному отчуждению, в котором Россия жила со времени петровских преобразований: отчуждению народных слоев от их собственного государства и отчуждению образованного сословия от собственной традиции.

Своих мнимых предтеч-славянофилов Николай Трубецкой, Петр Сувчинский и другие евразийцы упрекают в пренебрежении тем фактом, что Россия находится не только

в Европе, но и в Азии (Исход 1921: VII; Евразийство 1926: 30 и далее).

Некоторые связи существовали между евразийской концепцией и панславистской программой Николая Данилевского, который в своей книге «Россия и Европа» (1869) с крайней остротой оспаривал тезис об универсальном значении европейской культуры и подчеркивал собственную ценность отдельных культур, прежде всего славянской. Евразийцы также были страстными противниками универсалистской культурной модели и поборниками культурного партикуляризма. Вместе с тем евразийцы отвергали панславизм как таковой, считая его подражанием западным «пандвижениям». В духовном и культурном отношении русские, по мнению евразийцев, имели не много общего с живущими за пределами России славянами.

Среди всех, упомянутых и самими евразийцами, духовных предтеч движения их позиция была, возможно, ближе всего к позиции Константина Леонтьева. Уже Василий Зеньковский ссылался в своей книге «Русские мыслители и Европа» на то, что Леонтьев с его скептической установкой по отношению к славянству весьма близок позициям евразийцев. Кроме того, Леонтьев хотел, подобно евразийцам, отгородить Россию от Запада непроницаемой стеной, чтобы охранить своеобразие российской культуры от западных влияний. Уже Леонтьев указывал на крайне важный для евразийцев азиатский, «туранский» элемент в русском национальном характере: «Только из более восточной, из наиболее, так сказать, азиатской — *Туранской* нации

в среде славянских наций, может выйти нечто от Европы *духовно* независимое» (Леонтьев 1885–1886: 285).

Но, с другой стороны, были также принципиальные различия между евразийцами и Леонтьевым. Потому что в противовес евразийцам Леонтьев отрицал не западную культуру как таковую, но в первую очередь ее обуржуазивание и демократизацию — следствие Французской революции. Старая феодально-аристократическая Европа оценивалась Леонтьевым вполне положительно. Когда Андреас Умланд говорит, что классическое евразийство, как и «неоевразийство», были частично построены на таких антизападных идеях, как идеи славянофилов, Николая Данилевского или Константина Леонтьева, он, по-моему, преувеличивает степень влияния этих мыслителей на евразийское движение 1920-х и 1930-х гг.

Итак, поиски прямых предшественников евразийцев в русской истории идей остаются, в сущности, безрезультатными.

Теперь перехожу к статье Михаила Немцева. Так же как и Андреас Умланд, Немцев подчеркивает, что «классических» евразийцев отличал от неоевразийцев «академический склад ума». Характерные для Дугина «замысловатость и вычурность стиля» не имели ничего общего со стилем его якобы евразийских предшественников, которые стремились «к выработке четкой непротиворечивой доктрины».

С этими выводами автора можно только согласиться.

Недостатком аргументации Немцева является, однако, ее некий русоцентризм. Тот факт, что идеология евразийцев, несмотря на ее радикально антизападный характер, являлась частью общеевропейского дискурса эпохи между двумя мировыми войнами, ускользает от внимания автора. Особенно поразительные параллели можно проследить между евразийцами и так называемой «консервативной революцией», возникшей в Веймарской Германии. И это несмотря на то, что оба эти течения развивались совершенно независимо друг от друга и прямых контактов между ними почти не было. Однако параллелизм в мышлении евразийцев и «консервативных революционеров» бросается в глаза. Оба течения носили подчеркнуто элитарный характер, оба основывались на вере во всемогущество идей. Общим было у них отталкивание от Запада и поиск альтернативы западной либеральной модели. Кроме того, обе группировки отвергали непосредственное прошлое своих стран (петербургскую Россию или же вильгельмовскую Германию) и идеализировали глубокую древность — в случае евразийцев это была Святая Русь, а у консервативных революционеров средневековый германский Рейх.

Конечно, между евразийством и консервативной революцией существовали немалые различия. Но это уже тема для другой статьи.

И еще одно замечание. Несмотря на то, что евразийцы предпринимали отчаянные усилия, чтобы повлиять на развитие Советской России, весь их духовный настрой куда

больше роднил их с Западной Европой, чем с их соотечественниками в СССР. Мечты о Святой Руси и об утраченных корнях были абсолютно чужды тогдашней советской интеллигенции. В Советской России 1920-х гг. царили вера в прогресс и культ будущего. Россия переживает эпоху наивного Просвещения, писал в 1930 г. эмигрантский историк Георгий Федотов. Материализм приобретает статус нового вероучения (Федотов 1930: 297).

И последнее: Михаил Немцев видит в «неоевразийстве» Дугина в первую очередь «духовный продукт позднесоветской и постсоветской Москвы» и считает, что «для его понимания полезнее не читать Карла Шмитта», а познакомиться с антидемократическими дискурсами тех времен или же «смотреть фильм — “Два капитана 2” Сергея Дебижева».

Но это не совсем так. Понять идеологию Дугина 1990-х гг. без Карла Шмитта и других представителей немецкой консервативной революции, в сущности, невозможно. Более подробно я пишу об этом в моей уже упомянутой статье, которая посвящена анализу идеологических установок журнала «Элементы»¹.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Бердяев 1925 — *Бердяев Н.* Евразийцы // Путь. 1925. № 1.

Вейдле 1956 — *Вейдле В.* Задача России. New York, 1956.

¹ См. приложение. URL: istorex.ru/page/lyuks_1_kratkie_zametki_k_diskussii_o_neoevraziystve_aleksandra_dugina_i_o_klassicheskom_evraziystve_na_sayte_gefterru.

Евразийство 1926 — Евразийство. Опыт систематического изложения. Париж, 1926.

Исход 1921 — Исход к востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев. София, 1921.

Леонтьев 1885–1886 — Леонтьев К. Восток, Россия и славянство. СПб., 1885–1886. Т. 1.

Немцев 2018 — Немцев М. «Неоевразийство» Александра Дугина и евразийство // Гефтер. 28.05.2018.

Умланд 2018 — Умланд А. Почему «неоевразийство» Александра Дугина не является евразийским // Гефтер. 23.05.2018.

Федотов 1930 — Федотов Г. Новая Россия // Современные записки. 1930. № 41.

BRIEF NOTES TO THE DISCUSSION ABOUT "NEO-EURASIANISM" BY ALEXANDER DUGIN AND "CLASSICAL" EURASIANISM ON THE WEBSITE GEFTER.RU

Luks Leonid — professor, HSE, the Catholic University of Eichstätt (Eichstätt, Germany — Moscow)

Key words: The Evraziistvo movement, geopolitics, Elementy, Alexander Dugin, conservative revolution, national bolshevism, national socialism, liberalism.

Abstract. Articulated in the twenties, the doctrines of the exiled Russian “Evraziistvo” movement are undergoing a renaissance in Russia today. As the “Evraziistvo” movement counted among the most original ideological currents of the Russian diaspora, association with its doctrines could well add to the reputation of the given group or groups. This is the case with the journal “Elementy” which was created in 1992 by Alexander Dugin. “Elementy” considers itself as the inheritor of “classical Evraziistvo”. Is this claim justified? The article is addressed to this question.

REFERENCES

Berdiaev N. *Evraziitsy. Put'*, 1925, no. 1.

Veidle V. *Zadacha Rossii*. New York, 1956.

Evraziistvo. *Opyt sistematicheskogo izlozheniia*. Parizh, 1926.

Iskhod k vostoku. Predchuvstviia i sversheniia. Utverzhenie evraziitsev. Sofiia, 1921.

Leont'ev K. *Vostok, Rossiia i slavianstvo*. St. Petersburg, 1885–1886, vol. 1.

Nemtsev M. "Neoevraziistvo" Aleksandra Dugina i evraziistvo. *Gefter*, 28.05.2018.

Umland A. Pochemu "neoevraziistvo" Aleksandra Dugina ne iavliaetsia evraziiskim. *Gefter*, 23.05.2018.

Fedotov G. Novaia Rossiia. *Sovremennye zapiski*, 1930, no. 41.

Публикуя отклик известного российского и германского историка идей профессора Леонида Люкса на диспут, развернувшийся на сайте «Гефтер» по проблемам неоевразийства, ИЭ приглашает присоединиться к дискуссии и других специалистов по истории общественной мысли новейшего времени.

О нападении на картину И. Е. Репина

Ключевые слова: Иван Грозный, историческая политика в современной России, Илья Репин, историческая живопись, Государственная Третьяковская галерея.

Аннотация. «Историческая экспертиза» комментирует в контексте современного исторического сознания в России инцидент, связанный с попыткой уничтожения посетителем Государственной Третьяковской галереи картины Ильи Репина об Иване Грозном, убивающем своего сына.

С. Ю. Шокарев

О НОВОМ НАПАДЕНИИ НА КАРТИНУ И. Е. РЕПИНА «ИВАН ГРОЗНЫЙ И ЕГО СЫН ИВАН 16 НОЯБРЯ 1581 ГОДА»

DOI 10.31754/2409-6105-2018-3-209-211

По сообщению ТАСС, 26 мая в Третьяковской галерее произошло нападение на картину Ильи Репина «Иван Грозный и его сын Иван 16 ноября 1581 года», более известную как «Иван Грозный убивает своего сына». Агентство сообщает, что нападение совершил 37-летний приезжий из Воронежа, который металлическим столбиком ограждения разбил стек-

ло картины и повредил полотно. Картина повреждена в трех местах в центральной части работы на фигуре царевича. От падения стекла сильно пострадала авторская художественная рама. Нападавший был задержан сотрудниками полиции и заявил, что «повредил картину из-за недоверности изображенных на полотне исторических фактов»¹.

© Шокарев С. Ю., 2018
Шокарев Сергей Юрьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры региональной истории и краеведения Историко-архивного института РГГУ (Москва); shokarevs@yandex.ru

Сообщая эту новость, новостные агентства вспомнили, что в 1913 г. на картину И.Е. Репина совершил

¹ URL: tass.ru/proisshestiya/5238382.

нападение старообрядец-иконописец, сын предпринимателя Абрам Абрамович Балашов. Нанося ножом удары картине, он восклицал: «Довольно крови!» Балашов путано объяснял свой поступок и был отправлен в больницу для душевнобольных, а затем отдан на поруки отцу. От поступка Балашова не только пострадала картина, но и погиб человек — покончил с собой из-за переживаний художник, многолетний хранитель Третьяковской галереи Георгий Моисеевич Хруслов (1861–1913).

Нападение Балашова на художественное полотно вызвало возмущение, но были и те, кто поддержал вандала. Поэт Максимилиан Волошин яростно защищал Балашова, говоря, что виноват не он, а картина.

«Не Репин — жертва Балашова, а Балашов — жертва репинской картины! — восклицал поэт. — За 30 лет картина Репина принесла много вреда. И надо закончить дело, начатое Балашовым (не в смысле физического уничтожения картины, конечно). Ей не место в национальной картинной галерее! Третьяковская галерея поступила бы благородно, если бы пожертвовала ее в большой паноптикум!.. В отдельную комнату с надписью: “Вход только для взрослых!..”»

Как можно видеть, претензии столетней давности к этой картине были эстетическими, а не идеологическими. Хотя мотивы Балашова остаются до конца непонятными.

В случае с вчерашним актом вандализма непонятно психическое

состояние нападавшего, но, судя по первым сообщениям СМИ, понятны мотивы. Новый Балашов возмущен «исторической неправдой». Хотя метод, который он избрал для борьбы за «правду», может свидетельствовать о его психическом состоянии.

Борьба с картиной Репина в XXI в. ведется «ревнителями» и «защитниками» памяти Ивана Грозного с легкой руки митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна (Снычева) (1927–1995), считавшего сыноубийство «мифом», вымышленным папским легатом Антонио Поссевино. Идеи митрополита Иоанна, изложенные в работе «Самодержавие духа», развивают в своих книгах В. Г. Манягин и С. В. Фомин. Последний уделит сюжету с репинской картиной более половины книги «Правда о первом русском царе: Кто и почему искажает образ Государя Иоанна Васильевича (Грозного)» (М., 2010). В числе причин, по которым Репин создал «лживое художественное полотно», Фомин указывает также и на еврейское происхождение художника (с. 75–77). Утверждения о «лживости» картины и вреде, который она наносит, формируя неверные представления о царе Иване IV Грозном, стали общим местом в публикациях интернет-ресурсов «патриотической» направленности.

2 октября 2013 г. появилось обращение к министру культуры РФ В. Р. Мединскому и директору Государственной Третьяковской галереи И. В. Лебедевой убрать картину Репина в запасники, поскольку она «оказывает на зрителя глубокое пси-

хологическое, эмоциональное воздействие, создавая эффект ложной «психологической достоверности», буквально запечатлевая в памяти тысяч и тысяч посетителей Третьяковской галереи, среди которых значительная часть — дети, не имеющие критического взгляда на мир, клевету на Россию и ее историю». В обращении также говорится, что полотно оскорбляет патриотические чувства русских людей. Подписали это обращение председатель оргкомитета Народного движения «Святая Русь» В. В. Бойко-Великий, профессор Санкт-Петербургского университета И. Я. Фроянов, директор Русского культурно-просветительного фонда имени Святого Василия Великого А. В. Бойко-Великая, писатель Л. Е. Болотин и другие².

Полагаю, что большинство противников картины и «защитников» памяти Ивана Грозного выступают за его канонизацию и исповедуют учение о царе-искупителе (или близкие к нему идеи), иначе называемое ересью царебожия. Под влиянием этой идеологии и был совершен акт

вандализма 25 мая. Реакция общества и государства на это событие станет одновременно и реакцией на идеи царебожия, монархические симпатии, активизировавшиеся в последнее время, и стремление «защитить» Россию и ее историю от «клеветы».

ДОПОЛНЕНИЕ

После написания этого текста появилось видео с признанием вандаля, который теперь мотивирует поступок по-другому: «Приехал посмотреть на нее. В восемь вечера зашел, уже хотел было уходить, в буфете выпил сто грамм водки и чего-то... Водку не пью, вот и накрыло»³. Создается впечатление, что имеет место попытка уйти от ответственности, предпринятая злоумышленником либо самостоятельно, либо по чьему-то совету. При новом повороте событий возникают два вопроса: 1) действительно ли в буфете Третьяковской галереи наливают водку; 2) почему все же вандал заинтересовался именно картиной Репина?

ABOUT THE NEW ATTACK ON THE PAINTING OF I. E. REPIN "IVAN THE TERRIBLE AND HIS SON IVAN ON 16TH NOVEMBER 1581"

Shokarev Sergey Yu. — candidate of historical sciences, associate professor of the Department of regional history and local history of Russian state university for the humanities (Moscow)

² URL: ruskline.ru/news_rl/2013/10/02/eta_kartina_oskorblyaet_patrioticheskie_chuvstva_russkih_lyudej.

³ URL: ria.ru/incidents/20180526/1521440460.html.

ДЕЛО О КАРТИНЕ РЕПИНА

DOI 10.31754/2409-6105-2018-3-212-213

Следствие определит, что именно и по каким причинам случилось с картиной Репина в Третьяковской галерее 25 мая 2018 г. Не вижу повода для рассуждений в духе рецептивной эстетики, хотя с произведениями искусства у каждого выстраиваются свои отношения. Запретительные меры по отношению к этой картине в духе Максимилиана Волошина на 1913 г. («не Балашов виноват перед Репиным, а Репин перед Балашовым») или Игоря Фроянова, Александра Боханова и других деятелей наук и искусств сто лет спустя («Эта картина оскорбляет патриотические чувства русских людей») абсурдны.

Режимы доступа к художественным произведениям неприемлемы. Суждения о том, как влияет картина на зрителей, голословны. В том же духе мне приходилось читать «ужас-ти» о том, что Иван Грозный был последней ролюю Федора Шляпина или Евгения Евстигнеева. Шляпин не умер, но решил не играть в кино. Евстигнеев умер, но играл в кино. Есть и третий выход, он же выход из эзотерической болтовни — Петр

Мамонов не умер и после своего «Царя» снялся в «Пепле» и еще много где. Но если когда-нибудь нескоро умрет, мы будем точно знать, кто в этом виноват. В нападении одержимого чем-то человека — а одержимость несомненна, даже если договорятся до версии «напился» — рецептивная эстетика позволяет в равной мере обвинить как С. Ю. Шокарева или меня, или таких специалистов по истории царственного рода, как В. А. Кучкин или В. Д. Назаров, так и далеких от научной истории XVI в. и творчества Ильи Репина фантазеров, как И. Я. Фроянов или А. Н. Боханов. О людях, бросающихся на картины с музейными стойками в руках, мне сказать нечего, а вот за удивительную, с моей колокольни, любовь издателей к мусору Боханова или Фроянова я бы взял ответственность на себя.

Иван Грозный для своих почитателей — это подлинный герой и шизофреническая греза о России с побежденными внутренними и внешними врагами — изменниками и врагами единой России, немцами и шведами, ляхами и литвинами, татарами и язычниками, жидовствующими и евреями, еретиками и католиками. Иван вызывает у названных авторов большие симпатии, чем царь и император Петр Алексеевич, побеждавший одних врагов, но на

© Ерусалимский К. Ю., 2018

Ерусалимский Константин Юрьевич — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра научного проектирования РГГУ, профессор кафедры истории и теории культуры РГГУ (Москва); kjerusalimski@gmail.com

будущее плодивший в стране других. Смерть царевича Ивана в ряду свершений времени правления Ивана IV очень удобна для конструирования вымыслов, весьма впечатляющих для неокрепшего исторического воображения. Потому что если сделать вид, что доказана невиновность царя, то устраняется одно из его наиболее позорных — особенно в монархическом сознании — злодеяний, а заодно обретается один из наиболее «черных» мифов, созданных о «русском царе» врагами России. Поскольку источников у Фроянова и Боханова меньше, чем у противников их версии, — что и показал недавно В. Д. Назаров, — им ничего не остается, как не замечать покаянных плачей и церемоний Ивана Грозного в связи с гибелью царевича, а «наговоры» московских пленных в стане короля и Антонио Поссевино представлять в свете «теории» заговора против России. Не очень понятно было с самого начала, зачем Поссевино был заговор, если он стремился и перед заключением Ямзапольского мира, и в ходе перегово-

воров о его выполнении примирить воюющих и был заинтересован как раз не лгать без повода на царя и его окружение. Более того, Поссевино выполнял, и очень старательно, просто-таки обратное поручение Григория XIII — он должен был устранить взаимные разногласия между польским королем и московским царем. Это не повод доверять его сообщениям, но если их нечем опровергнуть, то можно опровергнуть разве что красивой теорией заговора, которая пригодна на все времена от князя Олега до Владимира Путина.

Увы, дискутировать Боханову или Фроянову не только нечем — их взгляд тоже в своем роде эзотерика, но эзотерика, конечно, очень в своем роде, — но и не с кем. На то, чтобы писать пословный разбор их бредней, у профессионалов нет времени, а у издающих их издательств — своего ума или научных рецензентов. А вот на то, чтобы их, эти бредни, читать — у населения вполне зрелая эзотерическая готовность.

THE CASE OF THE PAINTING BY REPIN

Erusalimsky Konstantin Yu. — doctor of historical sciences, leading researcher of the Center for scientific design, professor of the Department of history and theory of culture, Russian State University for Humanities (Moscow)

ABOUT THE ATTACK ON THE PAINTING OF I. E. REPIN

Key words: Ivan the Terrible, historical politics in modern Russia, Ilya Repin, historical painting, the State Tretyakov Gallery.

Abstract. The "Historical expertise" comments in the context of the contemporary historical consciousness in Russia the attempt of a visitor of the State Tretyakov Gallery to destroy Ilya Repin's picture of Ivan the Terrible killing his son.

А. А. Рыбалка**«МЫ, РАМЕНСКИЕ»: ТАКОЙ ДОБРЫЙ
ХОРОШИЙ МИФ**

Ключевые слова: мистификация, генеалогия, церковнослужители, Мологино, духовные, учитель, прикованный к постели.

Аннотация. В статье обсуждаются подробности происхождения и биографии Антонина Раменского (1913–1985), автора масштабной мистификации «учительская династия Раменских», имевшей большой резонанс в советской прессе 60–80-х гг. Несмотря на разоблачение основных направлений мистификации Раменского в конце 80-х — 90-е гг., она все еще остается актуальной в педагогической и краеведческой прессе. Автор взял на себя смелость исследовать происхождение предков мистификатора, имеющих ключевое значение в его фантазиях, и кратко представляет читателям полученный результат.

DOI 10.31754/2409-6105-2018-3-214-231

«Литературная газета» готовит в скором времени опровержение фальшивок Раменского, опубликованных в «Новом мире» (1985, №8 и 9). Хорошо бы поддержать газету в этом полезном деле, а то найдутся умники, которые станут ссылаться на «вновь открытые письма» Радищева, Пушкина, Болотова... Сам фальсификатор умер 1 сент[ября] 1985 г. и не успел пока прославиться как новый Сулакадзев, но ему удалось ввести в заблуждение Цявловскую, которая на-

печатала в «Пушкинском временнике» в 1976 г. статью о новонайденном автографе Пушкина (подделке на томике русского перевода «Айвенго»)

М.И. Перпер — А.В. Чичерину.
20 января 1986. Москва

Мира Иосифовна Перпер, написавшая эти строки, на наш взгляд, ошибалась — по Москве и по Тверской области Антонин Аркадьевич Раменский при жизни успел прославиться так, как не снилось, пожалуй, ни одному его российскому «коллеге», паче того Александру Ивановичу Сулакадзеву, коего при жизни почти никто и не знал. Кро-

© Рыбалка А. А., 2018

Рыбалка Андрей Александрович — начальник управления внедрения систем и средств обеспечения информационной безопасности, Научно-производственная фирма «Кристалл» (Пенза); anrike@yandex.ru

ме того, заметим, нет примеров того, чтобы Сулакадзев пытался *легализовать* свои «древностелюбивые проказы», о существовании большей их части и узнали-то уже после его смерти, в то время как Раменский четверть века открыто паразитировал на невежестве, легковерии и глупости советских коммунистов, журналистов и педагогов.

По существу, обзор проблемы содержится в двадцатилетней давности статье В.П. Козлова (Козлов 2001), где приводится необходимая и весьма подробная библиография темы. Там в том числе можно почерпнуть сведения о статьях и очерках разных авторов, рассматривающих критически различные случаи перманентного культуртрегерства рода Раменских. Нас же сейчас будут интересовать две проблемы, которым не придавалось особого значения предыдущими исследователями, — реальная генеалогия семьи «мологинских народных учителей» и история болезни Антонина Раменского.

В старой, 1811 г. издания, книге «Всеобщий секретарь, или Новый и полный письмовник...», называемой Антонином Раменским «нашей трудовой книжкой», есть несколько рукописных плохо читаемых записей, и первая из них гласит: «Лета 1763 прииде въ село Мологино *некий* учитель Алексей Раменский нареченный из Москвы-града и, да помнять, почаль онъ творити дела и школу для народа создаша, и жизни около пятидесяти лет сему делу положивши...»¹.

¹ Приводим текст по книге М.С. Маковеева (Маковеев 1963). «Яти» и прочие особенности написания даны as is, точно ли автор скопировал оригинальные записи, остается

Из «некоего» следует, что Антонин Аркадьевич в те времена еще не претендовал на бесконечные глубины родовой памяти, будучи готовым ограничить свои претензии сельскими памятными торжествами в честь двухсотлетия династии в год своего пятидесятилетнего юбилея (1963). Раменские, судя по «трудо-вой книжке», активно должны были мафусаилить, и полагаем, что Алексей (именованный, видимо, в честь самого известного представителя семьи Алексея Пахомовича Раменского) первоначально планировался один и должен был непосредственно примыкать к своему заведомо известному прадеду Пахому, но хронологически это оказалось слишком сложно, почему и появился Алексей-младший, коему досталось педагогической стези всего в 17 лет. Заметим, что запись Алексея-младшего в читаемом виде приводится на заботливо приложенном вставном листке, а исходный рукописный текст «сильно размыт и выветрен», по словам публикатора Маковеева². Вероятно, артефакты

неясным. Цявловская (Цявловская 1963) заведомо не учитывает старую орфографию. Из других известных надписей следует, что Раменский пытался воспроизводить дореформенную орфографию. Впервые записи из «Письмовника» опубликованы М.С. Маковеевым в статье «200 лет они сеяли вечное» («Красная звезда». 1961. 9 декабря. № 287). (Цявловская 1963: 20) «Эта дарственная надпись сделана на внутренней стороне верхней крышки переплета. Бумага потемнела, испачкалась, запись расплылась. **На вклеенном рядом листке сделана копия текста**».

² Ср. (Цявловская 1963: 20): «Текст этот, сильно вылинявший, но читаемый несколько лучше предыдущего, написан на пустой странице между первой и второй частями «Письмовника». **Рядом вклеен листок с копией его**». Характерно, что Алексей-младший пишет: «... по соизволению начальствующих меня, переведен

с именами Карамзина и Пушкина изначально были адресованы Алексею Раменскому, равно как артефакты Радищева и пятак Екатерины, почему переименовать сына первого учителя не было возможности.

Столь уверенные рассуждения о фиктивности двух Алексеев³ основываются на том простом факте, что Антонин Раменский не имел на тот момент представления об отчестве и возрасте своего прадеда Пахома или Пахомия, что и следует из приписанной тому записи⁴:

«По кончине батюшки моего учителя села Мологино Алексея Раменского определен я, сынъ его, Пахомий, на тую же должность и состоялъ в онойъ должности учи-

был в школу с. Мологино, что Старицкого уезда, в ту же должность отца моего, учителя Алексея Раменского, оставившего должность в день Святой Троицы». То, что из записи не следует смерть старого учителя, не столь важно, гораздо любопытнее слова про «начальствующих» и «должность», из коих следует, что Раменский — служащий чиновник, а школа — казенная, вопреки сопутствующим сведениям из «глубин родовой памяти». Между тем подобных школ в 1817 г. ни в Мологино, ни окрест не было. Первая церковно-приходская школа появилась в Мологино в 1846 г.

³ Ср. (Цявловская 1963: 17): «Для разыскания данных об Алексее Алексеевиче Раменском просмотрены картотеки Б.Л. Модзалевского, Л.Б. Модзалевского, В.П. Сантова, С.А. Венгерова. Просмотрены также рукописные каталоги отделов рукописей Пушкинского Дома, Гос. библиотеки СССР им. В.И. Ленина, Центрального государственного архива литературы и искусства. Обнаружено множество данных о нескольких Раменских, учителях, литераторах, но об Алексее Алексеевиче нигде сведений не найдено».

⁴ (Цявловская 1963: 20): «Эта запись сделана на обороте титула первой части "Письмовника". Рядом **вклеен листок с переписанным текстом**».

телем села Мологино въ церковно-приходской школе с лета 1834 по 1869 год мая 17 дня. И оставил оную должность по слабости телесной. 1869 г. въ селе Мологино Старицкого уезда Тверской губернии учитель Пахомий Раменский».

Пахом Раменский был *Федоров сын*, что следует из метрической записи о его смерти «от простуды» (ГАТО: Оп. 15. Д. 326. Л. 143 об.), был 68 лет от роду в том, 1892 г., следовательно, «слабость телесная» его охватила в 45 лет, при том, что, «по родовым преданиям», он был буйным чудо-богатырем и развлекался тем, что в духовном училище устраивал чемпионаты по кулачным боям, а в окрестностях Мологина целыми днями гонялся с рогатиной за медведями, коих и вывел начисто по всей волости, манкируя при этом своими основными трудовыми обязанностями приходского дьячка. Именно дьячка, ведь его правнук знал уже тогда, что прадед умер «заштатным дьячком» и приписывал это тому, что Пахома выгнали из дьячков «за медведей». Скорее всего, знал он это из упомянутой метрической записи, которую, из лучших побуждений, отыскивали тверские почитатели восходящей звезды «народных учителей Раменских», о чем свидетельствует отметка при записи о составленной в мае 1966 г. выписке, из которой очевидно следовало, что Антонин Аркадьевич привел неверные сведения о прадеде, тем более что тот был не только Федоровичем, но и, на момент смерти, *дьяконом*, а вовсе не дьячком. Таким образом, Пахомий Раменский умер не отставным учителем, а заштатным священнослужителем.

Ввести вновь обретенного Федора в родовую память Раменский решил далеко не сразу, в полной мере это произошло только в фактически посмертной публикации в «Новом мире» (Маковеев 1985). В опубликованной параллельно книге Соловейчика «Час ученичества» Федор игнорируется. Отсутствие Федора в «трудовой книжке» Раменский объясняет позднее тем, что при жизни отца тот служил «учителем во Ржеве и уезде, в частности у Игнатьевых», а уже 10 февраля 1837 г. отслужил в мологиинской церкви при большом стечении сочувствующего народа тайную панихиду по Пушкину, за что места учителя и лишился. Впрочем, жить он продолжил в Мологино и четверть века спустя был корреспондентом Матвея Муравьева-Апостола и Ольги Чернышевской. Тут же рассказывается трогательная история о том, как Федор, служа у Игнатьевых в Чертолине, полюбил крепостную девушку Машу Соколову, которую родственники и выкупили у помещиков за собрание сочинений Карамзина с автографом автора.

Между тем внимательный читатель должен был бы задаться вопросом, в каком, собственно, качестве Федор мог отслужить панихиду в местном храме? И что следует из того, что Пахом был дьячком? Следует то же, что и из самой фамилии «Раменский» — довольно частой «лесной» фамилии русского духовенства (Шереметевский 1908) — «мологиинские учителя» были по происхождению священно-церковнослужителями Тверской епархии, что для народных учителей поздней Империи

вполне ожидаемо⁵. Полагаем, Антонин Раменский отдавал себе в этом отчет, но, по очевидным причинам, старался не акцентировать на этом внимание, упирая на неизменный атеизм, большевизм и прочий революционизм своих предков⁶. Раменский явил миру свой проект в год начала очередного витка «борьбы с религией», интенсификации антирелигиозной пропаганды, закрытия храмов и т. п. «Поповское» происхождение предков (а ниже мы покажем, что Раменский был поповичем и по линии матери) было не тем, что требовалось для успеха проекта.

Когда Раменский во 2-й половине 50-х гг. затевал свой проект, он был одиноким инвалидом-пенсионером, замкнутым в стенах своей старой квартиры рядом с Трубной площадью и рассчитывавшим на свою память да на оставшиеся старые книги дедовой библиотеки, вероятно, переданные отцом из Лялино. Однако после того, как легализация первого артефакта — программы РСДРП с пометками Ленина — в 1961 г. имела полный успех, имя Раменского зазвучало в определенных кругах, им заинтересовались, интерес ментально перекинулся в памятные Раменским места Тверской (в то время Калининской) области,

⁵ Вероятность того, что родившийся в 1824 г. церковнослужитель происходил из инословной семьи, предельно мала.

⁶ Но нет ничего невозможного, ныне пишут иначе: «В каменной сторожке при церкви размещалась земская школа. В ней зарождалась династия *православных глубоковерующих* учителей Раменских». В музее Ржева проводятся краеведческие часы о «династии духовных просветителей Раменских». Добрый хороший миф гибок.

и, разумеется, у Антонина Аркадьевича появилась возможность получать информацию непосредственно с мест, в частности, из Тверского архива, чтобы прояснить и уточнить параметры своего проекта. Полагаем, поиски там были проведены как по просьбе Раменского, так и просто уверовавшими энтузиастами. Отсюда появились сведения о прадеде Пахоме, которые не во всем оказались удобны, однако дальше дело не пошло. Причина была проста – Пахом был первым «Раменским» и первым представителем семьи, жившим в Мологино.

В те времена задача оказалась неразрешимой, в отсутствие глобальных сетей общего пользования и поточной электронизации документов не нашлось человека, способного или желающего перерыть горы метрик, клировых, исповедальных ведомостей и т. п., чтобы подтвердить или опровергнуть аутентичность различных родословных сведений Антонина Раменского.

Ныне мы имеем иную ситуацию, возможно, ничего об Антонине Раменском и не ведающий исследователь Андрей Викторович Матисон проводит колоссальную и новаторскую для России работу по систематизации и обнародованию генеалогических сведений по духовенству Тверской епархии⁷, благодаря чему степень прозрачности родо-

⁷ Работа Матисона пример того, что надо делать с разваливающимися горами метрических книг и других документов в областных архивах, пока превратности разного рода стихий, помноженные на усердие не по разуму чиновных лиц, не утилизировали эти ценнейшие источники о родовом прошлом простых людей России.

словных многих семей тамошних священно-церковнослужителей значительно повысилась. Немало, на сегодняшний день, и иных исследователей, посвятивших тверскому духовенству обстоятельные работы. Одна такая работа, содержащая публикацию клировых ведомостей епархии по Старицкому уезду за 1828 г. (Духовенство и приходы 2009), позволила проверить наличие представителей семьи Раменских среди мологинских клириков. Таковых в Мологино не оказалось, более того, среди детей старицких клириков не оказалось ни одного Пахомия.

Предварим дальнейшие рассуждения тремя тезисами из цитат одной статьи Матисона (*Матисон* 2014), иллюстрирующих, на наш взгляд, проблему: (1) «определить, носили ли соответствующие прозвища предки лиц, которым были присвоены фамилии <...> или выбор фамильного прозвания произошел искусственно, во время учебы в духовном учебном заведении, и не связан с историей этого священно-церковнослужительского рода, как правило, не представляется возможным»; (2) «Часть фамильных прозваний оказалась очень популярна в среде духовенства, и их носили многие лица, не являвшиеся родственниками»; (3) «В некоторых случаях представители одного и того же священно-церковнослужительского рода имели <...> сразу несколько разных фамилий».

Таким образом, были все основания предполагать, что отцом Пахома Раменского мог быть человек, носивший другую фамилию, но слу-

живший в одном из сел Раменье Тверской губернии, поскольку перевод служителей такого низкого статуса между губерниями все-таки маловероятен. Исходя из этих предположений был проведен поиск по материалам ГАТО — метрические книги (МК), исповедальные ведомости (ИВ), ревизские сказки (РС), клировые ведомости (КВ), который и увенчался успехом — отцом Пахома Раменского оказался дьякон села Раменье Кашинского уезда Федор Иванович Бухарев.

Родоначальником всех тверских Бухаревых был, судя по документам, пономарь села Болдеево Бежецкого уезда Алексей Бухарев, живший во времена Петра I. От первой жены Матрены Аггеевны, из рода церковнослужителей села Теребонь того же уезда, он имел сына Ивана, священника села Болдеева, потомки коего были весьма многочисленны, и к ним, в частности, принадлежал известный духовный писатель Александр Матвеевич Бухарев, он же архимандрит Феодор (1822–1871). От второй жены, Пелагеи Никитичны, пономарь Алексей имел сына Андрея, дьячка Михайлово-Архангельской церкви села Суходол Кашинского уезда, внуком которого и был Федор Иванович Бухарев. В 1810 г. он показан дьячком церкви Введения Пресвятой Богородицы во храм села Раменье Мещерского стана Кашинского уезда, а в 1830 г. дьяконом того же прихода. Возможно, он получил место в селе Раменье в результате брака, что было среди священнослужителей довольно распространенным явлением. В 30-е гг. у дьякона Федора и его жены Пелагеи Ивановны по РС показана боль-

шая семья — три дочери и пять сыновей. В 1850 г. Федор Бухарев, 57 лет, вдов и с ним остаются только младший сын Иона, 22 лет, и дочь Александра, 16 лет (Матисон 2015: 291).

Судьба старшего сына Василия неясна — он еще в юности ушел из духовного училища служителем в Тверскую духовную семинарию, и дальнейших сведений о нем нет, второй сын — Иван — стал лекарским учеником в Осташкове и умер в 1848 г. во время эпидемии холеры, а средние сыновья служат в других селах — Егор Федоров Раменский, 28 лет, пономарь церкви Казанской Пресвятой Богородицы в селе Горки того же уезда (Там же), а Пахом Федоров Раменский, 26 лет, пономарь Преображенской церкви в селе Мологино Старицкого уезда (Там же: 413). Молодые люди получили свои места в результате браков, в частности, Пахом занял место своего умершего тестя, мOLOGинского пономаря Ивана Васильева Синева, известного и по клировым ведомостям 1828 г. С Егором живет престарелая незамужняя тетка, он занял место деда жены. Новые фамилии братьям, полагаем, были даны в духовном училище, что было общепринятой практикой.

Пахомий, согласно МК Раменья, родился 22 мая 1824 г. Судя по РС 8-й ревизии, в 1833 г. он, как и все его братья, учился в Краснохолмском духовном училище. Из КС Мологино за 1843 г. (ГАТО: Оп. 1. Д. 32721. Л. 185 об. — 186) следует, что «дьяконский сын» Пахомий Федоров Раменский определен архиереем в пономари Преображенской церкви

7 апреля 1842 г. из учеников низшего отделения Тверской духовной семинарии. Поскольку тесть его, Иван Синева, умер 1 марта, а с дочерью его Ольгой Пахомий венчался 18 мая, брак его был типичным браком с «закрепленной невестой», и он оставил учебу в семинарии⁸, чтобы получить место, которое, таким образом, фактически сохранялось за семьей его покойного тестя. У пономаря Пахома и его жены Ольги в 1850 г. было четверо детей: Алексей, 5 лет, Анна, 7 лет, Мария, 4 лет и Александра, 4 месяцев. Всем этим детям была суждена долгая жизнь. В 1856 г. родился младший сын Николай, в 1863 г. — младшая дочь Евдокия. В служебном отношении Пахом Раменский продвинулся только на одну ступень — в 1878 г. дьячок Пахом Раменский «исполнял должность псаломщика» в том же Преображенском храме, а в декабре 1884 г. был посвящен в дьяконы. Умер он 27 марта 1892 г., 68 лет, с начала 1888 г. находясь за штатом по причине тяжелой болезни, передав место зятю, Егору Синеву. Ольга Ивановна пережила мужа на три года. Брат Пахома Егор служил до 1896 г., после чего вышел за штат. Он вышел за штат на 60-м году служения, имея золотую медаль на аннинской ленте за полувекую беспорочную службу, и послужил прототипом «Пафнутия Раменского», по словам Антонина Аркадьевича, «шестьдесят лет прослужившего учителем». Младший из братьев,

⁸ КС дают некоторые сведения о довольно посредственной подготовке юного пономаря: *Читает и пишет не худо. Катихизм знает отчасти. Поведения честного.* Вероятно, молодой человек особых перспектив дальнейшего обучения своего не видел.

Иона Раменский, долго жил на содержании отца, но, в конце концов, получил место пономаря в селе Болдееве, откуда и происходили предки Бухаревых. Но Антонин Аркадьевич о нем, кажется, ничего не знал.

Пахомий появился в Мологине за четыре года до открытия приходского училища. Трудно сказать, преподавал ли он что-то в нем, поскольку мологинских клириков было в избытке — два священника, два дьякона, два дьячка, два пономаря. Обычно обучение возлагали именно на дьяконов, и, возможно, неслучайно первым народным учителем в Мологино стал именно брат местного дьякона Якова Воинова Александр, прошедший курс в Тверской духовной семинарии. В 1886 г. учителем числился некий Михаил Соколов, и лишь после него школу принял младший сын Пахома Николай, глава большой семьи, как и отец, вырастивший со своей супругой Евдокией Федоровной двух сыновей и четырех дочерей.

Запись в «Письмовнике», сделанная от имени Николая, гласит, что учителем он стал в 1869 г., а летом 1916 г. «вышел на пенсию», прослужив сорок семь лет. Впрочем, в «Новом мире» в 1985 г. приводились иные сведения — из дарственной надписи на книге известного статистика В.И. Покровского, сделанной в 1900 г. в соседней Итомле, следовало, что книга подносится в честь 25-летия педагогической деятельности одаряемого. Эти сведения вызывают больше доверия — в 1875 г. Николаю исполнилось 19 лет, и, вероятно, именно тогда он окончил уездное духовное училище. В спис-

Николай Раменский с семьей. За левым плечом отца стоит старший сын Аркадий. Ок. 1910 г.

ках тверских семинаристов за 1877–1879 гг. его нет, посему полагаем, что в семинарии, в отличие от старшего брата Алексея, он не учился. В 1878 г. 22-летний Николай Раменский показан в МК Мологино учителем сельского училища деревни Патраково, в соседней с мологинской волости, затем он был учителем начальной земской школы в деревне Крестово того же прихода и лишь в 1890 г. впервые показан как учитель школы в Мологино.

Антонин Раменский узнал о предшественниках своего деда в мологинской школе, вероятно, от тех же тверских энтузиастов и в последней публикации не решился игнорировать то очевидное обстоятельство, что первым учителем в мологинском сельском начальном училище был вовсе не представитель семьи

Раменских, однако попытался присокупить упомянутого Воинова к своей семье, объявив его двоюродным братом Пахома. Но имена родителей Пахома Раменского и Александра Воинова известны, и слова Антонина Аркадьевича доверия не вызывают.

Вновь отметив известный дефицит у Раменского сведений о прошлом своей семьи, обратим внимание на сестер Николая и внучатых теток Антонина. Все они, по словам их внучатого племянника, успешно вышли замуж и самореализовались на ниве народного образования, что по тем временам и неудивительно, однако Раменский приводит фамилию по мужу только одной из дочерей Пахома — Анны Разумихиной, потомки которой проживали во Ржеве. Объясняется это просто,

у Анны были сыновья, у них тоже сыновья, современники Антонина Аркадьевича. Александра, жившая в Старице, оставила двух дочерей, о детях Марии, жившей в замужестве за крестьянином Павлом Федоровым в селе Денежном, и рано умершей от чахотки Евдокии Раменский либо не знал, либо потомства они не оставили. О браке Евдокии известно из метрической книги, осенью 1886 г. она вышла замуж в Мологино за местного клирика Егора Ивановича Синева. Разумихины также известная тверская «поповская» фамилия, так что можно констатировать, что размножались Раменские в своей среде.

У Антонина Аркадьевича были не вполне ясные представления и о годах жизни своего внучатого дяди, единственного действительно известного представителя их семьи, Алексея Пахомовича Раменского. Внучатому племяннику представлялось, что дядя умер весной 1922 г. от «испанки», а родился в 1847, причем был вторым сыном. Между тем годы жизни А.П. Раменского — 1845–1928, и он, конечно, старший сын дядька Пахома. Однако пределом дезинформации является запись в «трудовой книжке», сделанная от имени дяди якобы 1 января 1917 г. в Перми:

«Продолжая нашу семейную хронику, сообщая, что служить начал 186<...> учителем в Симбирской гимназии. С 187<...> состоять инспектором Симбирского уезда, а после кончины моего друга и наставника д.с.с. Ильи Николаевича Ульянова сменил его на посту директора народных училищ Сим-

бирской губернии. С 1891 года и по 31 декабря 1916 года состоять Директором народных училищ Пермской губернии, выйдя в отставку по выслуге летъ...»

Эта запись имеет особое значение, поскольку была использована в качестве основного аргумента при легализации первого артефакта Раменского — экземпляра «Программы и устава РСДРП», принятого II Съездом в 1903 г., с пометками *Ленина*, который Антонин Аркадьевич представил в ИМЛ при ЦК КПСС в октябре 1961 г. в ознаменование очередного партийного съезда.

При этом запись — воплощенная ложь. Алексей Пахомович во 2-й половине 60-х учился в Тверской семинарии (до 1869) и попал в Симбирск только в 1873 г., уже после С.-Петербургской духовной академии, поначалу преподавателем местной духовной семинарии. Он никогда не служил в дирекции народных училищ Симбирской губернии, он уехал из Симбирска в Оренбург в апреле 1882 г., инспектором Орского округа. Наконец, пермскую дирекцию Раменский возглавлял с января 1890 по май 1917 г. Все это выяснилось моментально, поскольку заинтригованные именем Ульянова активисты бросились в ульяновские и пермские архивы, где без особых проблем обнаружили документы о службе Раменского. Более того, автографы самого Раменского, из которых стало ясно, что запись сделана не его рукой.

И что же? А ничего, повторимся, добрый хороший миф гибок... Маковеев, стеснительно признав,

Протоиерей Николай Синицын с семьей. Девушка слева, видимо, его дочь Анна, мать Тони Раменского. Ок. 1910 г.

что запись «таит в себе какую-то ошибку», констатирует, что надо «доверять памяти нескольких поколений», и проявляет чудеса изворотливости, обосновывая, что все это ничего не значит⁹. Тут же Антонин Аркадьевич являет машинописные воспоминания какого-то ульяновского учителя, переданные ему с оказией в 1936 г., из коих следует, что (1) Алексея Пахомовича в 1916 г. разбил паралич (и сам он тогда писать не мог), (2) быть-то он директором в Симбирске был, но его не утвердили из-за несоответствия чина. Ища новых доводов, Маковеев с Раменским привлекают к делу известную фотографию ди-

ректора Ульянова в окружении его инспекторов, намекая, что-де справа от Ильи Николаевича стоит-то молодой Раменский. Этот абсурд был несколько раз тиражирован, хотя по правую руку от Ульянова стоял и по сей день стоит А. А. Красев, будущий директор Вятских училищ, а по происхождению смоленский попович, по левую же (справа от зрителя) К. М. Аммосов, будущий директор Астраханских училищ. Но ведь более того, за Ульяновым стоит В. И. Фармаковский, ставший в январе 1882 г. директором Оренбургских училищ и, видимо, сманивший туда Раменского. Следовательно, фотография сделана до 1882 г. и Раменскому, преподававшему тогда в гимназии у Ф. М. Керенского греческий язык и гражданскую историю, места на этом фото нет.

⁹ Находятся и ныне люди, продолжающие цитировать эту запись, но цитатность их гибка — «служить начал учителем в Симбирской гимназии»...

Разумеется, за почти девять лет службы в Симбирске Раменский имел случай лично познакомиться с местным директором народных училищ, довольно важным чиновником, но о степени их близости из этого невозможно сделать никаких выводов, факт, что Раменский не служил в учебных заведениях, связанных с инспекцией народных училищ¹⁰.

Маковеев сотрудничал с Антонином Раменским на протяжении всего проекта, от начала и до конца. Честно говоря, трудно не признать его соавтором, поверить, что писатель не понимал, что происходит и в чем он участвует. Так в чем он участвовал? Кем был человек, «спокойный, уверенный рассказ» которого, *поудобнее устроившегося среди подушек*, «гипнотизировал собеседников, помогавших потом ему творить мифы»?

Антонин Раменский родился 7 (20) апреля 1913 г. в селе Березки Подольской волости Вышневолоцкого уезда Тверской губернии в семье учителя двухклассного министерского начального училища Аркадия Раменского, старшего сына молодого учителя Николая Пахомовича, и его жены Анны Николаевны, старшей дочери священника местной церкви Иконы Владимирской Божией Матери Николая Ан-

дреевича Синецины¹¹, в большом двухэтажном учительском доме, стоявшем через площадь от школы. Отец Антонина служил в училище к моменту его рождения уже три года¹², после успешного окончания полного курса Пермской духовной семинарии в 1910 г. Юность Аркадия Николаевича прошла в «революционной борьбе», но знаем мы об этом исключительно со слов его сына. Равно как и о том, что Раменский был «педагогом-новатором». Карьера его, впрочем, развивалась не броско, но успешно, революции он был рад, исполнял какое-то время функции подольского волостного комиссара просвещения, а в 1922 г. перебрался в Бологое заведующим школы № 5. По месту старой службы, в смежной деревне Лялино, у Раменских остался, од-

¹¹ Так пишет академик, знаменитый геолог и палеонтолог Б.С. Соколов (1914–2013), друг детства Антонина, звавший его Тоней. См. (Соколов 2007. С. 65). Из публикации Маковеева 1985 г. следует, что мать Антонина звали Анной Бирчанской, она была родственницей Левитана, сиротой, и воспитывалась у родственников ее будущего мужа. Сложно оценить такое, мягко говоря, странное отношение к памяти матери иначе, чем попытку скрыть свое родство с протоиереем Николаем Синециным, авторитетным священнослужителем, краеведом, прослужившим в Березкинском храме более 35 лет и, видимо, не особо сочувствовавшим изменениям, происходившим вокруг него после 1917 г.

¹² Училище в Березках было новым, открыто в 1908 г., в бывшей усадьбе помещиков Вындомских. Березки в ту пору, как следует и из названия станции — Академическая, — были сезонным творческим и интеллектуальным центром региона — летом там снимала дачи значительная часть профессуры Академии художеств — Нестеров, Бродский, Рерих и т.п. Рядом были усадьбы знаменитого кинолога и охотоведа князя А.А. Ширинского-Шихматова, генералов Манзеев-Волковых, академика Таганцева...

¹⁰ В одном из своих рассказов Антонин Аркадьевич поведал, что И.Н. Ульянов поручал А.П. Раменскому «инспектировать гимназии», демонстрируя тем самым, что он вообще не понимал характер службы Ульянова. Позднее А.П. Раменский заговорит в полную силу машинописными воспоминаниями, «записанными с его слов в Ульяновске».

нако, перешедший в то время в их собственность старый помещичий дом, который впоследствии тоже стал частью проекта, поскольку фамилия его бывших владельцев была Кутузовы...¹³

Мать Антонина, судя по доступной части его воспоминаний, работавшая учительницей в школе села Березки, осталась в Лялино и с мужем в Бологое не поехала, а 9-летний Антонин с отцом жили в Бологом в какое-то время в учительской той самой семилетней школы № 5, коей старший Раменский заведовал и в которой его сын учился. Периодически они ездили на станцию Академическая, смежную с Березками и Лялино, домой. Осенью 1929 г., когда старший Раменский тяжело заболел и его отправили в крымский санаторий, — 16-летний Антонин остался один, мать жила в Лялино.

К этому времени окончивший семилетку Антонин был студентом последнего курса педтехникума, автором нескольких стихотворений и пьес на революционную тематику, более-менее востребованных местной молодежной тусовкой, членом райкома комсомола, сотрудником местной же комсомольской печати. В октябре Антонина направили в 1-ю Фабрично-заводскую семилетку (ФЗС), работавшую под патро-

Аркадий Раменский. 1911 г.

нажем Веерного депо, преподавать в вечерней группе, одновременно он стал членом агитбригады Веерного депо, отправившейся по району агитировать местных мужиков за колхозы. Во время этой экспедиции в середине ноября 1929 г. между селом Красное Раменье и станцией Кафтино произошло событие, возможно, принципиально повлиявшее на дальнейшую судьбу Антонина — он был «зверски избит пьяными кулацкими сынками»¹⁴. Два месяца, до января 1930 г., он отлеживался в Лялино у матери, потом вернулся к учебе в техникуме, который в июне 1930 г. успешно окончил.

В сентябре 1930 г. Антонина избрали секретарем комитета ВЛКСМ 1-й ФЗС, параллельно он «вел занятия в 6 и 7 классах», что именно, непонятно, его подробный рассказ о годе

¹³ В послереволюционные годы эта старинная усадьба определенно имела некоторое мемориальное значение — ее владелицами были сестры Кутузовы, тесно связанные с народническим и вообще революционным движением в 60–70-е гг. XIX в. Пять членов семьи указаны в издаваемом в те годы словаре «Деятели революционного движения в России».

¹⁴ Подробности расправы над юным активистом разнятся от рассказа к рассказу и требуют отдельного исследования.

Антонин Раменский. 1941 г.

работы в школе посвящен исключительно общественной работе и техническому переоснащению учебного процесса. В июне 1931 г. школа была признана лучшей «по Октябрьской железной дороге», а Антонин получил новое назначение — его избрали председателем райсовета профсоюза работников просвещения, а в следующем году еще и членом Ленинградского облсовета того же профсоюза. Антонин объясняет развитие карьеры ухудшением здоровья из-за полученной у станции Кафтино травмы. Профсоюзная деятельность, однако, здоровья его не поправила, и в июле 1932 г. младший Раменский отправился лечиться в Москву, где не замедлил стать секретарем комитета ВЛКСМ молочного завода «Спартак», расположенного в самом центре столицы. Это назначение вывело его карьеру на новый уровень, на семинарах активистов в ЦК ВЛКСМ и прочих подобных мероприятиях

он перезнакомился со множеством юных столичных журналистов, литераторов и т.д., что пригодилось ему много лет спустя, когда он затеял свой проект. В 1934 г. Раменский получил грамоту ЦК, в 1936 г. участвовал в X съезде ВЛКСМ¹⁵, отметившись активной подготовкой к съезду на вверенном ему участке и попав в какую-то кинохронику... Он дважды пытался начать учебу в МГУ, но оба раза бросал «по медицинским показаниям». В 1939 г. Антонина приняли в партию, и он сменил работу, стал заведующим сектором кадров Советского райисполкома Москвы. Что тут сказать? Совершенно очевидно, что Раменский довольно успешно делал карьеру номенклатурного работника на фоне известных событий, и нюансы его перевода в Москву, надо сказать, остаются не вполне ясными.

В 1941 г. Раменский «с первых дней войны как представитель Советского райисполкома участвует в строительстве оборонительных сооружений под Москвой». В январе 1942 г. он был призван в армию, окончил курсы политсостава, получил звание политрука и летом начал службу в политуправлении МВО. С неясными по его рассказам функциями он выезжал периодически в районы боевых действий, и уже осенью с ним случилось событие, сделавшее его инвалидом. Практически во всех своих рассказах Раменский ссылается на «контузию», «фашистскую бомбу» и т.п. Известным нам

¹⁵ По словам Раменского, в те дни он посетил как-то вечером Николая Островского. Это любопытно с точки зрения того, как позднее Антонин Аркадьевич презентовал собственное тяжелое расстройство здоровья.

исключением является публикация в советско-болгарском альманахе «Дружба» (Волков 1976). В ней Раменский никак не педалирует длительное развитие своей болезни и пишущий от его лица автор говорит, что «потеря зрения наступила внезапно <...> госпиталь, слепота, жуткие боли, страх...». Поскольку уже 9 октября 1942 г. специальные воинские звания политсостава были отменены, следует предположить, что несчастье случилось с Антонином Аркадьевичем в самом начале осени. Что это было? О поражении опорно-двигательного аппарата Раменский ничего не пишет, его поразила слепота, только через полгода восстановилось зрение на один глаз.

По выходе из госпиталя Раменский, разумеется, был комиссован и получил инвалидность. Только в 1944 г. он, после значительных усилий, добился от парторганов Советского района направления на работу — его назначили главным инженером Горхудожпромсоюза¹⁶. По тем временам это было традиционное место трудоустройства инвалидов, однако Раменский, не имевший необходимых профессиональных навыков, мог стать там только начальником, визирующим проекты игрушек и прочих художественных работ. В союзе артелей Раменский проработал десять лет, пока в декабре 1954 г. не упал внезапно без сознания на Трубной площади, неподалеку от своего дома. По оценке врачей, это был инфаркт миокарда. Вновь последовало длительное пребывание в больнице, после ко-

торого Антонин Аркадьевич, полуслепой, с серьезно нарушенной сердечной деятельностью, оказался в окружении кучи склянок и периодической медсестры со шприцем, «прикован к постели». Эта характеристика остается не полностью ясной, поскольку нигде не пишется, например, о параличе конечностей¹⁷, и очевидно, что руками Раменский продолжал владеть. Он писал, «придерживая у левого глаза лупу», как сообщает Маковеев, рисуя лежащего на кровати в небольшой комнатке старинного московского дома «еще далеко не старого мужчину, с живыми темно-синими глазами и энергичными крупными чертами бледного лица». «Поверх одеяла — исписанные нетвердым почерком листы. Антонину Аркадьевичу очень хочется писать, писать много, не жалея бумаги, карандаша» <...> «нетерпеливые чувства и мысли переносятся на бумагу. Они хотят быть услышанными, пережитыми кем-то еще».

Эти, полагаем, вполне искренние слова очерчивают один из основных мотивов проекта Раменского — он был графоманом. На протяжении всей своей активной жизни Антонин Аркадьевич пытался самореализоваться как литератор.

¹⁷ Инфаркт миокарда, насколько известно, и не сопровождается расстройством опорно-двигательного аппарата. Тем не менее Аметистов и Булатов в 1966 г. излагали весьма драматический вариант развития болезни: «Вот уже двенадцать лет, как Антонин Аркадьевич прикован к постели, из них первые семь лет он был парализован <...> Теперь к нему вернулось зрение, он может говорить, писать, читать» (Аметистов, Булатов 1966: 9). Из текста следует, что Раменский обрел способность общаться с миром как раз накануне обнародования своего первого артефакта.

¹⁶ Городской кооперативный союз артелей художественных промыслов, игрушки и сального производства.

Антонин Раменский. 1956 г.

Первое стихотворение написано на день смерти Ленина, далее стихи на все случаи жизни, пьеса о «зверски убитой кулаками девушке, захотевшей стать комсомолкой», агитки, гимн 1-й школы ФЗС, актуальный поныне, все «революционное», литературная группа при местной комсомольской газете «Ударник», сборник статей о современном воспитании в школе, «одобренный Ленинградским обкомом комсомола, но утерянный»¹⁸ (1932), «книга о бологовских комсомольцах» (1935), с которой ЦК ВЛКСМ послал Антонина к Горькому, а тот, похвалив, в «Молодую гвардию» и к Островскому...¹⁹

¹⁸ Параллель: история с рукописью Ник. Островского о бойцах Котовского.

¹⁹ Писатель рекомендовал Островского Антонину так: **Он слеп, недвижим, а вот нашел в себе великую силу написать книгу о комсомоле**

Но все это не принесло Антонину литературной славы. Стихи его, идеологически выдержанные, с художественной точки зрения кажутся вымученными, и последнее обстоятельство не искупалось их идейностью, видимо, и в те годы. Не увидели света и публицистические работы Антонина, сами темы которых указывают, что и в те времена Раменский был склонен писать про себя. Но контекст, в котором он пытался это делать, был не его жанром, он не преуспел в этом. Парадоксально, но трагические события, перечеркнувшие нормальную жизнь Антонина Аркадьевича, помогли ему этот жанр обрести.

«*Всеобщее внимание, уважение и почет* — вещи, не самые последние для человека вообще и тем более — *пораженного недугом*», — пишет В. П. Козлов. Воистину так. Борис Булатов, приятель юности Антонина, бологовский журналист, как и Маковеев, приложивший значительные усилия для успеха его проекта, говоря об отъезде Антонина (в 1932) и Аркадия (в 1938) Раменских из Бологоро, констатирует, что «с тех пор бологовцы не слышали о судьбе этой замечательной семьи, о судьбе Антонина...». Он вспомнил о Раменском, когда тот прислал в ноябре 1961 г. заказное письмо в его газету. То же пишет и Н.А. Дилигенская: «Незнакомый голос сообщил по телефону, что меня ищет Антонин Аркадьевич Раменский. Мне *напомнили*, что это — мой давний знакомый, которого я знала более двадцати лет назад» (Дилигенская 1962:

(Николай Островский 2002: 157-158). Тоже характерная, на наш взгляд, параллель.

45). Голос, полагаем, принадлежал самому Раменскому. Он был не только болен, но и одинок. Своей семьи у него в то время, кажется, не было²⁰. Он давно не жил с родителями. Его мать, Анна Николаевна, не пережила войну. Отец, Аркадий Николаевич, завершивший свою карьеру в школе поселка Заречье при станции Академическая в 1952 г., жил пенсионером в Лялино. Тетки и кузены/кузины Антонина в те времена, скорее всего, занимались своими делами и московского родственника не вспоминали, не ведая о грядущей славе...

Апофеозом проекта Антонина Аркадьевича стал 1963 г., когда Раменского почтили множеством публикаций о его несгибаемости и мужественности, ему самому дали печатную трибуну, охотно публикуя его стихи и воспоминания, в умирающей школе Мологино было открыто место почитания династии Раменских и сама школа получила их имя... Наконец, Цявловская... Но не будем о грустном...

Разумеется, Антонин Раменский продолжил работу в удавшемся ему литературном жанре, далее решив уже ни в чем не сдерживать свою фантазию. Антонин Аркадьевич не оглядывался на несообразности и противоречия, он попросту шел вперед, как «настоящий несгибаемый коммунист». Из оков своей

постели он нырнул в такие глубины родовой памяти, что разве простые честные советские учительницы могли поверить в реальность открытых им генеалогических звеньев своей семьи. Чего там Мологино-1763, даешь Москву-1479 и всесоюзный юбилей в 1979 г.! Но на это уже не купились. Никто официально почтенного пенсионера-инвалида не одернул, почитатели продолжали почитать и множиться, однако сопоставимого с 1-й половиной 60-х резонанса его «открытия» уже не вызывали, ведь, при всей нетребовательности среднестатистической советской пропаганды, запертый в своей маленькой квартире человек слишком уж вольно начал обходиться с пространством и временем.

Смерть Антонина Аркадьевича была символична — он умер в день знаний, 1 сентября 1985 г., между выходами двух номеров «Нового мира», в котором Михаил Маковеев публиковал очередную, дополненную версию славной судьбы рода Раменских. Несколько месяцев спустя на площади перед школой в селе Итомля, соседним с Мологино, местным скульптором был воздвигнут памятник, изображающий «народного учителя» в облике человека «времен Ломоносова», указывающего прильнувшему к нему «крестьянскому мальчику» истинный путь. И по сию пору каждый год, 1 сентября, в день памяти Антонина Раменского, школьники торжественно возлагают цветы к памятнику виртуальному персонажу его неумемной фантазии. Нет ничего сильнее слепой веры, доводы разума всегда падают перед нею...

²⁰ На момент смерти Раменский был женат на некоей Клавдии Ивановне, родственники которой по сей день живут в его бывшей квартире в Грохольском переулке (устное сообщение журналистки «Вечерней Москвы» М.А. Раевской). Время и обстоятельства этого брака неясны.

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

ГАТО — ГАТО. Ф. 160.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Аметистов, Булатов 1966 — *Аметистов А., Булатов Б.* Пахари нивы народной // Сельская новь. 1966. № 8. С. 9–10.

Волков 1976 — *Владимр Волков.* Династия судьбы необыкновенной // Дружба: Советско-болгарский литературно-художественный и общественно-политический альманах. М.; София: Молодая гвардия: Народна младеж. 1976. № 7. С. 232–238.

Диллигенская 1962 — *Диллигенская Н.* Судьба одной книги // В мире книг. М.: Книга, 1962. С. 45–46.

Духовенство и приходы 2009 — Духовенство и приходы города Старицы и Старицкого уезда. 1828 год: Клировые ведомости / Тверской государственный университет, НИИЦ ЦИ и ПК им. В.В. Болотова. Ред. кол.: Т.Г. Леонтьева (отв. ред. и др.). Тверь: Твер. гос. ун-т, 2009.

Козлов 2001 — *Козлов В. П.* «Бесценное собрание рукописей и книг» в последнем «акте» драматической судьбы Раменских // Обманутая, но торжествующая Клио: подлоги письменных источников по российской истории в XX веке. М.: Росспэн, 2001. С. 137–171; 219–221.

Маковеев 1963 — *Маковеев М.* Династия учителей Раменских. М.: Советская Россия, 1963.

Маковеев 1985 — Обратить в пользу для потомков... / Публ. М. Маковеева // Новый мир. 1985. № 8. С. 195–212; № 9. С. 218–236.

Матисон 2014 — *Матисон А. В.* Имена и фамилии православных священно-церковнослужителей и членов их семей в XVIII в. (на примере духовенства Ржева и Осташкова) // Вопросы ономастики. 2014. № 1 (16). С. 50–62.

Матисон 2015 — *Матисон А. В.* Городское и сельское духовенство Тверской епархии в середине XIX века: Справочник. М., 2015.

Николай Островский 2002 — «Николай Островский — человек и писатель — в воспоминаниях современников (1904–1936)». М.: Изд. «Дружба народов», 2002. С. 157–158 (первое издание 1974)

Соколов 2007 — *Соколов Б. С.* Записки с берегов Имоложья. Вышний Волочек: Ирида-прос, 2007.

Шереметевский 1908 — *Шереметевский В. В.* Семейные прозвища великорусского духовенства в XVII и XIX столетиях // Русский архив. М., 1908. Кн. 1–2 (Вып. 1, 2, 6).

Цявловская 1963 — *Цявловская Т. Г.* Новые автографы Пушкина на русском издании «Айвенго» Вальтера Скотта // Временник Пушкинской комиссии. 1963. С. 5–30.

"WE ARE RAMENSKIE": SUCH A GOOD MYTH

Rybalka Andrey A. — head of Department of implementation of systems and means of information security, Scientific and production company «Kristall» (Penza)

Key words: mystification, genealogy, clergymen, Mologino, spiritual, teacher, bedridden.

Abstract. The article discusses the details of the origin and biography of An-

tonin Ramensky (1913–1985), the author of a large-scale hoax "Ramensky's Teacher's Dynasty", which had a great resonance in the Soviet press of the 60s–80s. Despite the exposure of the main areas of mystification of Ramensky in the late 80s–90s., it still remains relevant in the pedagogical and local lore press. The author took the liberty to investigate the origin of the ancestors of the mystifier, which are key in his fantasies and briefly presents his result to readers.

REFERENCES

- Ametistov A., Bulatov B. Pakhari nivny narodnoi. *Sel'skaia nov'*, 1966, no. 8, pp. 9–10.
- Diligenskaia N. Sud'ba odnoi knigi. *V mire knig*. Moscow: Kniga, 1962, pp. 45–46.
- Dukhovenstvo i prikhody goroda Staritsy i Staritskogo uезда. 1828 god: Klirovye vedomosti*, Tverskoi gosudarstvennyi universitet, NIITs TsI i PK im. V. V. Bolotova. Red. kol.: T. G. Leont'eva (otv. red. i dr.). Tver': Tver. gos. un-t, 2009.
- Kozlov V. P. "Bestsennoe sobranie rukopisei i knig' v poslednem "akte' dramaticheskoi sud'by Ramenskikh. *Obmanutaia, no torzhestvuiushchaia Klio: podlogi pis'mennykh istochnikov po rossiiskoi istorii v XX veke*. Moscow: Rosspen, 2001, pp. 137–171; 219–221.
- Makoveev M. *Dinastiia uchitelei Ramenskikh*. Moscow: Sovetskaia Rossiia, 1963.
- Matison A. V. Imena i familii pravoslavnykh sviashchenno-tserkovnosluzhitelei i chlenov ikh semei v XVIII v. (na primere dukhovenstva Rzheva i Ostashkova). *Voprosy onomastiki*, 2014, no. 1 (16), pp. 50–62.
- Matison A. V. *Gorodskoe i sel'skoe dukhovenstvo Tverskoi eparkhii v seredine XIX veka: Spravochnik*. Moscow, 2015.
- "Nikolai Ostrovskii – chelovek i pisatel' – v vospominaniakh sovremennikov (1904–1936)". Moscow: Izd. "Druzhba narodov", 2002, pp. 157–158 (pervoe izdanie 1974)
- Obratit' v pol'zu dlia potomkov... Publ. M. Makoveeva. *Novyi mir*, 1985, no. 8, p. 195–212; no. 9, pp. 218–236.
- Sheremetevskii V. V. Famil'nye prozvishcha velikorusskogo dukhovenstva v XVII i XIX stoletiiakh. *Russkii arkhiv*. Moscow, 1908. Kn. 1–2 (Vyp. 1, 2, 6).
- Sokolov B. S. *Zapiski s beregov Imolozh'ia*. Vyshnii Volochek: Irida-pros, 2007.
- Tsiavlovskaiia T. G. Novye avtografy Pushkina na russkom izdании "Aivengo' Val'tera Skotta. *Vremennik Pushkinskoi komissii*. 1963, pp. 5–30.
- Vladimir Volkov. *Dinastiia sud'by neobyknovЕННОi. Druzhba: Sovetsko-bolgarskii literaturno-khudozhestvennyi i obshchestvenno-politicheskii al'manakh*. Moscow; Sofiia: Molodaia gvardiia: Narodna mladezh, 1976, no. 7, pp. 232–238.

«ПАТРИОТИЗМ-1914»: ОТ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИХ ПРОТИВОРЕЧИЙ К ПОИСКУ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ

Ключевые слова: канун Первой мировой войны, Российская империя, патриотический миф, отношения народа и власти в России.

Аннотация. В статье разбирается феномен «патриотических настроений» лета 1914 г., получивший неоднозначную оценку в историографии и по-разному представленный в различных группах источников. Автор обращает внимание на попытку официальных властей уже летом-осенью 1914 г. сформировать «патриотический миф» о единении власти и народа, тогда как настроения широких слоев населения были менее определенными. На основе изучения высказываний представителей различных социальных групп делается вывод о противоречивом и парадоксальном характере «патриотизма», который мог включать в себя революционные настроения.
DOI 10.31754/2409-6105-2018-3-232-252

Оставшиеся позади две столетние годовщины — Великой войны и Великой революции (кажется, что эти определения были присвоены им в качестве юбилейных почетных званий) — ознаменовались выходом множества публикаций, однако говорить о каком-то значимом прорыве в исследовании этого смутного времени не приходится. Одним из дискуссионных вопросов остается вопрос о распространенности патриотических настроений летом

1914 г. Условно исследователей этой проблемы можно разделить на «патриотов» и «скептиков». Первые выстраивают простую линейную схему динамики массовых настроений от верноподданнической эйфории лета 1914 г. до революционного протеста февраля 1917 г. Вторые обращают внимание на то, что патриотизм 1914 г. сильно преувеличен, а в его основе лежали слишком отличающиеся друг от друга концепции. Изучение данной темы представляется крайне важным в связи с тем, что позволяет понять природу российской революции 1917 г.: была ли она порождением исключительно Первой мировой войны

© Аксенов В. Б., 2018

Аксенов Владислав Бэнович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва); vlaks@mail.ru

(объективных обстоятельств военного времени или злонамеренной деятельности определенных групп и лиц), или же «патриотизм 1914» если и имел место, то лишь в качестве легкого налета на развивающихся формах революционно-политического протеста весны – лета 1914 г. Кроме того, следует окончательно отказаться от распространенного заблуждения (доставшегося современной историографии в наследство от консервативных деятелей прошлого) по противопоставлению патриотизма и оппозиционности. В 1914 г. существовал так называемый «революционный патриотизм», да и революция февраля 1917 г. произошла под патриотическими лозунгами. Однако, забегаая вперед, отметим, что подобрать оппозицию патриотизму в идейном пространстве 1914 г. не так-то просто, слишком много обнаруживается его взаимоисключающих оттенков.

В 1926 г. М.Г. Флеер сформулировал концепцию «отложенной революции», справедливо сопоставив масштаб рабочего протеста в январе 1905 и июле 1914 гг. и указав, что начавшаяся война отсрочила «удар, занесенный над самодержавием» (Флеер 1926: 6). При этом автор считал, что после объявления войны большинство рабочих сохраняли антивоенный настрой (концепция «молчаливого протеста»). Ради выстраивания своей теории Флеер слегка подправил факты: «удар» был отсрочен не начавшейся 18 июля мобилизацией и не объявлением 19 июля Германией войны России, а еще 12 июля, когда фабриканты отказались от локаута и боль-

шинство рабочих вернулись в свои цеха. Вероятность массовых расчетов пугала представителей пролетариата¹.

Также советской историографии было свойственно преувеличивать политическую сознательность рабочих. Вместе с тем Ю.И. Кирьянов еще в 1970 г. писал (за что был подвергнут разгромной критике), что российские рабочие плохо себе представляли социалистическое учение, а в 1990-е гг. он прямо обвинил советскую историографию в искусственной политизации рабочего протеста и «подтягивании» экономических забастовок до политических (Кирьянов 1970; 1998: 432–433). Однако Флеер прав в том, что было бы наивно считать, что двести тысяч рабочих, удерживавших баррикады в Выборгском районе Петрограда и оказывавших вооруженное сопротивление полиции и казакам, вне зависимости от степени их политической сознательности, в один миг могли превратиться в патриотов. Действительно, манифестации в Петербурге и других городах начались с появления 17 июля на улицах объявлений о мобилизации, но состав этих «патриотических» толп был весьма пестрым. Петербургский студент в письме, описывая «патриотическую» манифестацию 19 июля, по поводу мобилизации упомянул, что на улице пели «Рабочую Марсельезу» и «Варшавянку» (ГА РФ 1: Д. 976. Л. 23).

Некоторые современные историки не рассматривают волну пьяных

¹ Более подробно о концепции «отложенной революции» см.: (Аксенов 2015: 109–122).

погромов в качестве свидетельства оппозиционных настроений новобранцев ввиду того, что они не несли в своей массе пораженческих и антивоенных настроений (Белова 2007: 231). Американский исследователь Д. Санборн, напротив, указывает, что пьяные бунты новобранцев выходили за рамки простого поиска алкоголя, а, помимо прочего, означали антивоенный протест (Санборн 1999: 208–209). Вероятно, Санборн ближе к истине, т.к. пьяные погромы призывников сопровождалась агрессивными действиями в отношении чинов полиции, кроме того, к ним нередко присоединялись крестьяне, рабочие. Н.А. Забуга обращает внимание, что во время беспорядков, начавшихся 20 июля 1914 г. в г. Лысьва Пермской губернии, рабочие вместе с новобранцами поджигали здания и убивали полицейских. В отношении «врагов» отмечалась особенная жестокость: в раны искалеченных вставляли папиросы (Забуга 2010: 136). Власти понимали истинную подоплеку беспорядков, поэтому в некоторых городах приказом удаляли полицию с улиц на период мобилизации, чтобы не провоцировать население. В частной переписке обыватели удивлялись, как различались картины «патриотизма», описанные прессой, с тем, что можно было наблюдать на улицах (ГА РФ 1: Д. 976. Л. 48). Совершались и явно политические акты: во время разгрома правительственных зданий осквернялись портреты императора. Следует иметь в виду, что в массовом аффективном действии бессмысленно искать рациональную составляющую (осознанные экономиче-

ские, политические и прочие мотивы), т.к. в его основе лежат плохо контролируемые эмоции. В конце концов поводом к событиям 23 февраля 1917 г. оказались стихийные слухи о надвигающемся голоде, а не преобразовавшееся вдруг в действие желание свержения самодержавия². Впрочем, состоявшиеся на основе патриотической идеи манифестации также демонстрировали свою не сознательную, а архаично-бунтарскую природу: патриотическое шествие 22 июля в Петербурге вылилось в массовый погром иностранных магазинов (впоследствии во время немецких погромов нередко доставалось датским, английским и французским фирмам) и немецкого посольства, в котором был убит принятый за шпиона переводчик. Для успокоения «патриотов» властям пришлось поливать их из пожарных шлангов (Толстой 1997: 526). В этом отношении любая революция в первую очередь, пользуясь терминологией М. Вебера, пример аффективного социального действия и лишь потом целерационального.

Сложность выявления степени патриотичности масс летом 1914 г. связана не только с присутствием вышеперечисленных примеров протестных настроений, но и с трудностью

² Более подробно о слухах кануна и первого этапа революции см. (Аксенов 2017а: 17–32). Следует заметить, что в последнее время в историографии реанимируется вульгарный экономический детерминизм, отрицающий социально-психологическую составляющую революции. Одним из его адептов является С.А. Нефедов, утверждающий, что в январе-феврале 1917 г. в Петрограде был голод, сопоставимый с голодом блокадного Ленинграда.

определения самого понятия. В широком смысле под патриотизмом понимается любовь к Отечеству. В.П. Булдаков предпочитает начинать разговор о патриотизме 1914 г. (который он помещает в кавычки) не с социально-групповых или идеологических отличий, а с индивидуально-психологических, обращая внимание, что в одном человеке может уместиться несколько уровней патриотизма: так называемого «природного» и противоестественного, возникающего при определенных внешних факторах (Булдаков 2014б: 18). Тем не менее, изучая «патриотизм-1914», не следует навязывать людям прошлого собственные представления о данном феномене, необходимо изучить саму психологическую структуру патриотического сознания эпохи. Нужно отметить, что в условиях распространенного патернализма понятия Царь и Отечество в сознании определенной части российских подданных сливались, в результате чего патриотизм становился синонимом личной преданности Николаю II. При этом в кругах русских монархистов к личности царя было достаточно скептическое отношение: например, Б.В. Никольский на страницах своего дневника называл Николая не иначе, как «полковник», а то и вовсе ругал «неврастеником с глухо-немою душой» (Никольский 2015: 245). При этом считал себя монархистом и патриотом.

С.В. Тютюкин настаивает на том, что к началу войны в значительной части российского общества понятия «власть» и «отечество» были уже отделены друг от друга (Тютюкин 1998: 240). Можно согласиться,

что в массовом сознании это происходило в процессе усиленной Первой мировой войной десакрализации царской власти, что убедительно показал Б.И. Колоницкий (см.: Колоницкий 1999: 72–86; 2010). С.В. Леонов рассматривает патриотические настроения 1914 г. в условиях, когда «традиционный патриотизм» переживал кризис, а новый «гражданский патриотизм» только формировался (Леонов 2002: 61–73). При этом автор хоть и считает имеющиеся в источниках (прежде всего материалах перлюстрации) свидетельства в пользу отсутствия в российском обществе патриотизма авторскими преувеличениями, отмечает, во-первых, вслед за Тютюкиным прагматический характер крестьянского патриотизма («Ежели немец прет, то как же не защищаться?»), а во-вторых, его изначальную обреченность на затухание вследствие разрушения лежащих в его основе традиционных ценностей (монархизма, православности и пр.) (Там же: 67).

«Скептическая» историографическая традиция также опирается на воспоминания современников, отмечавших неразвитость национального самосознания российского крестьянства, что автоматически вычеркивало его из рядов патриотов. П.Н. Милюков обращал внимание, что патриотизм крестьян ограничивался рамками губернии: «В войне 1914 г. “вековая тишина” получила распространенную формулу в выражении: “Мы — калуцкие”, то есть до Калуги Вильгельм не дойдет» (Милюков 1991: 157–162). О том же самом писали генералы А.И. Деникин, А.А. Брусилов (Брусилов 2001: 70).

В годы Первой мировой войны появился даже анекдот, по мотивам которого была нарисована карикатура, как после чтения газетной статьи, рассказывавшей о странах – участниках мирового конфликта, одна крестьянка спросила: «Ну, а пскопские-то за нас?» (Новый Сатирикон 1915: 8)³.

Представители так называемого «патриотического» фланга историографии, например О. С. Поршнева, Е. С. Сениявская, не подвергая сомнению истинность высказываний Брусилова, Деникина и Милокова, предпочитают снимать противоречие за счет обтекаемых формулировок о гетерогенности патриотического сознания. В. П. Булдаков за это критикует авторов, пытающихся «спрятаться от реальных сложностей истории за “глубокомысленным” наукообразием» (Булдаков 2014б: 11). При этом в публикациях Поршневой наблюдается некая эволюция в сторону преувеличения степени патриотизма. Если в 2004 г. она писала, что «в звуках патриотического энтузиазма первого месяца войны голоса крестьянства слышно почти не было», то в 2010 г. уже утверждала, что вступление России в войну «вызвало мощный подъем патриотических настроений, охвативший все общественные слои (выделено мной. – В. А.) и регионы страны» (Поршнева 2004: 88; 2010: 185).

³ Один из вариантов этого анекдота был воспроизведен в повести Л. В. Успенского «Скобаль»: «А что, сынок, англицане-то за нас?» – «За нас, бабушка!» – «Слава богу. А француз, сынок, и он за нас?» – «Тоже за нас, бабушка!» – «Вот хорошо! Ну, а что я тебя спрошу: скопские-то за нас?» – «И скопские за нас, бабушка!» – «Ну, тогда дело будет!»

Е. С. Сениявская также полагает, что в самом начале войны российскому правительству «удалось обеспечить общий патриотический подъем», который затем иссяк по причине ошибок пропаганды (Сениявская 1999: 171–172). Вслед за А. А. Брусиловым Сениявская пишет о малограмотности и политической неподкованности крестьян как главной причине отсутствия патриотизма (Сениявская 2006: 66). Автор справедливо обращает внимание на то, что абстрактность и высокопарность официальной пропагандистской риторики не находили сочувствия в сердцах простых людей, однако при этом упускает из виду, что в низах война изначально вызывала скептическое отношение. Вместе с тем вряд ли стоит переоценивать значение пропаганды в поддержании патриотических настроений. Имея эмоциональную природу, они рано или поздно иссякают под воздействием отягчающих факторов военного времени. Тем не менее обильная пропаганда прошлого влияла не только на определенные круги современников Первой мировой, но и на современных историков, попадающих под «обаяние» документа. При этом исследование средств психологического воздействия является важной и перспективной темой. Авторы отмечают, что война привела к росту интереса крестьян к политическим вопросам и к увеличению числа подписчиков газет, что повысило политическую грамотность народа, и к осознанию необходимости защитить страну от врага (Александров 2014: 142–144). Однако, учитывая роль печати в распространении патриотизма, данные настроения можно

считать «привнесенными» в массовое сознание части российских крестьян, у которых отношение к войне формировалось под воздействием разных факторов: особенностей проводившейся властями мобилизации, вспомоществования семей солдат, призванных на войну, реквизиций скота и лошадей. Пришедшийся на разгар сельхоз работ призыв был как минимум с раздражением встречен сельскими жителями. Также нельзя не учитывать ментальные особенности крестьян, на отношение к войне которых оказывали влияние религиозно-мистические представления.

Изучение психологии людей прошлого требует расширения источниковой базы, использования массовых документов, разработки соответствующей методологии. Однако привлечение новых документов нередко совпадает с недостаточным критическим к ним отношением. Н.М. Александров, исследовавший настроения населения Костромской губернии, обратился к анкетам Костромского научного общества по изучению края, с помощью которых составители пытались «подметить то русло, по которому в связи с войной начинает течь жизнь народа». Историк в итоге пришел к выводу, что «в общественном сознании российской деревни в этот период отсутствовали элементы, указывающие на ее нелояльность власти» (Там же: 146). Однако, во-первых, этот вывод противоречит массовым источникам, как, например, протоколам, составленным по обвинению крестьян в оскорблении императора, демонстрирующим присутствие

даже коллаборационистских настроений в народной среде, материалам перлюстрации, а во-вторых, автор сам признается, что ответы дали лишь 8% респондентов. В некоторых случаях и вовсе печатная пропаганда выдается за подлинные настроения. Так, Д.Г. Гужва патристическо-пропагандистские публикации центральной прессы считает следствием роста патристических настроений в обществе, не проводя при этом различий между публикациями известных общественных деятелей, политиков и настроениями рядовых подданных (Гужва 2014: 574).

При использовании «социологических источников» важно учитывать психологию респондентов. В 1915 г. Ф. Сологуб, сохранявший оптимизм насчет роста народного энтузиазма и перспектив войны, тем не менее опубликовал статью, в которой весьма точно подметил психологию мужика, не позволяющую верить всевозможным опросам и анкетам: в разговоре с интервьюером крестьянин пытается угадать то, что от него хотят услышать, а потому легко меняет свою точку зрения (Биржевые ведомости 1915).

Другим историческим источником, способным при не критическом подходе ввести исследователя в заблуждение, являются донесения чинов жандармского управления. Так, В.В. Крайкин использует рапорты жандармских чинов о прошедших в Орловской губернии патристических манифестациях 17–21 июля и делает вывод о том, что большая часть населения восприняла начало войны с энтузиазмом (Крайкин

2009: 52). При этом автор отмечает, что в последующие недели и месяцы подобных манифестаций не повторялось. В этой связи было бы уместно задуматься об организованности патриотических мероприятий членами правых партий, тем более что упоминаются косвенные признаки — хорошая обеспеченность манифестантов средствами визуального воздействия (царские портреты, хоругви); обращает на себя внимание деятельность представителей церкви, организовывавших молебны перед началом или по окончании подобных патриотических актов. Однако Крайкин игнорирует подобные вопросы. Вместе с тем об организованном характере патриотических манифестаций писали многие современники. Правда и здесь не обходилось без крайностей: А. Г. Шляпников считал, что их организовывали правые партии при поддержке полиции, а основная масса манифестантов состояла из дворников, а И. А. Меницкий дополнял, что еще «из шпииков, проституток и воров» (*Меницкий* 1925: 63).

Изучая настроения низших слоев общества, в первую очередь крестьян, необходимо обратить внимание на любопытный источниковедческий парадокс: если одни массовые источники позволяют говорить о процессах десаκραлизации монархии и даже фиксируют коллаборационистские настроения, то материалы перлюстрации солдатским писем (тех же крестьян) по военному ведомству рисуют в первые месяцы войны патриотическую атмосферу. А. Б. Асташов обращает внимание, что цензурные отчеты о настроениях в русской армии

опровергают тезис советской историографии о том, что новобранцы якобы изначально не хотели воевать (*Асташов* 2014: 114). Впрочем, автор отмечает, что военные цензоры даже в январе 1917 г. описывали настроения солдат как бодрое, и ставит под сомнение репрезентативность этого источника (Там же: 124–125). Тем не менее в солдатских письмах не содержится критики верховной власти, которая присутствует в материалах перлюстрации по гражданскому ведомству, отражается в заведенных на крестьян уголовных делах за оскорбление членов императорской фамилии. При этом солдаты, возвращавшиеся в свои деревни в отпусках, часто принимались ругать власть и правительство, чего не позволяли себе в окопах. Вероятно, для объяснения этой особенности необходимо иметь в виду два фактора: во-первых, солдатские письма чаще всего для отправки по почте подавались офицерам в незапечатанном виде, было хорошо известно, что их выборочно будет просматривать военный цензор; во-вторых, оказавшийся на фронте вчерашний крестьянин приобретал новую психологию комбатанта, которая предполагала адаптацию к чрезвычайным условиям военной повседневности. Для выживания в этих условиях необходимо было стать частью армейского коллектива, переняв соответствующую коллективную психологию, основанную на позитивных категориях. Солдаты обращали внимание на то, что заранее можно было предсказать, кто будет убит: потерявшие веру, отчаявшиеся солдаты на фронте не выживали. При этом Асташов обращает вни-

мание на пессимистический, или страдательный, патриотизм солдат (Там же: 134). Также исследователь усматривает разные оттенки крестьянского фатализма, в том числе «жизнерадостного», выражающегося в готовности к самопожертвованию, в осознании коллективных обязательств (Там же: 128).

Представитель «скептической» историографии Д. Санборн не считает возможным вести речь о «всеобщем патриотическом подъеме» и, в частности, критикует Е. С. Сениявскую и Хубертуса Яна за то, что они используют слишком узкую источниковую базу и не включают события, как, например, пьяные беспорядки, в более широкий контекст. Санборн пытается структурировать отношение российского общества к войне и выделяет три типа реакций: 1) частные реакции на угрозу войны и трудности, которые она влекла за собой; 2) гласная общественная поддержка; 3) активное общественное неприятие (Санборн 1999: 206). При этом сам автор явно переоценивает степень сознательности крестьянства в неприятии войны, оспаривая распространенный тезис о том, что сельским жителям не хватало национального самосознания.

Исследователи при разговоре о патриотизме часто анализ массового сознания подменяют описанием так называемой патриотической деятельности — мобилизации, благотворительности. О. С. Поршнева идеализирует общественное сознание лета 1914 г., приписывая современникам характерные патриотические стереотипы: «Религиозный

подъем, жертвенность, преодоление эгоизма во имя общих интересов были одними из проявлений духовной атмосферы начала войны... В полной мере эти настроения проявлялись и в России, имея такие поведенческие измерения, как участие в мобилизации, добровольческом, благотворительном движении» (Поршнева 2014: 136). Однако благотворительность не является безусловным доказательством патриотических настроений. В ряде случаев авторы считают самодостаточным факт участия в помощи фронту, игнорируя выяснение мотивов. Известно, что некоторые частные фирмы, особенно принадлежавшие российским подданным с немецкими фамилиями, вынуждены были «откупаться» от властей активными пожертвованиями. Например, в условиях усиливавшейся критики кинопредприятий, обвинявшихся в разлагающем влиянии на население (некоторые губернаторы и архиереи призывали к запрету кинематографа), ряд электротеатров был вынужден устраивать в своих помещениях благотворительные вечера, жертвовать часть своих доходов соответствующим организациям под угрозой закрытия. А. Ковалова прямо указала, что владельцев кинотеатров в годы Первой мировой войны власти заставляли жертвовать деньги (Ковалова 2014: 56). Т. Г. Леонтьева, не отрицая общественного патриотического подъема, обратила внимание на корыстные интересы ряда патриотов-энтузиастов, например на то, как санитары расхищали продукты, предназначавшиеся раненым, а также спирт, резко поднявшийся в цене после введения

«сухого закона» (Леонтьева 2014: 30). Успехи мобилизации были подпорчены усилившимся с началом мировой войны дезертирством из армии, что убедительно показал А. Б. Астахов (Астахов 2011: 44). В. П. Булдаков отметил, что добровольческое движение частично объяснялось желанием вольноопределяющихся самостоятельно выбирать род войск (Булдаков, Леонтьева 2015: 320). К сожалению, подобная «оборотная сторона» российского патриотизма в целом не получила должного освещения в исследованиях и пока еще уступает «патриотической историографии».

Способом сглаживания противоречий в оценках общественного сознания является его разделение по классовому принципу. Так, С. В. Тютюкин обозначил социально-групповые различия в отношении к войне: «Угрюмое молчание народа красноречиво контрастировало с патриотической эйфорией, охватившей господствующие классы, часть интеллигенции, студенчества, городского мещанства, казачества. Основная же масса крестьян и рабочих восприняли войну как страшное стихийное бедствие» (Тютюкин 1998: 240). Большинство современных авторов, в том числе западные исследователи, соглашались с данной формулой. Л. Хаймсон считает, что патриотизм был характерен в первую очередь для цензового общества, а рабочие если и попадали под его воздействие, то в результате наступившей психологической растерянности и дезориентации (Хаймсон 1999: 27). Даже те историки, кто считает возможным говорить о патриотизме как харак-

терной составляющей массовых настроений лета 1914 г., признают отличия психологии различных социальных групп.

В широком смысле дискуссия о патриотизме лета 1914 г. сводится к вопросу об отношении к войне. Но с этой точки зрения необходимо описать весь спектр эмоций, царивших в российском обществе и отдельных его группах. Кроме того, настроения 1914 г. необходимо исследовать в более широком контексте дискурса о войне предшествующего периода. С. В. Тютюкин, считая, что война вызвала бурный подъем патриотизма, задается вопросом, почему патриотизм не смог «сцементировать российское общество» (Тютюкин 1998: 236). Историк обращает внимание на важный момент: накануне войны представители либеральных и консервативных кругов опасались, что война может вызвать в России революцию. Тем самым в настроениях 1914 г. заранее было отведено место страху. Но страх 1914 г. был связан не только с опасениями перед революцией или иными глобальными катаклизмами: обывателей мучила тревога за свое ближайшее будущее и судьбу своих близких, в первую очередь тех, кому предстояло идти на войну. Британский историк Н. Фергюсон обращает внимание на религиозный пласт патриотических настроений и в качестве их характеристики называет эсхатологический страх и тревогу (Ferguson 1998). В. П. Булдаков соглашается с данной позицией, отмечая, что часто людьми во время массовых акций руководил «не столько патриотический энтузиазм, сколько потребность за-

глушить испуг» (Булдаков, Леонтьева 2015: 33). При этом исследователь дополняет тему эсхатологических настроений, когда пишет о присутствии в определенных кругах интеллигенции ощущения «оптимистического апокалипсиса», связанного с надеждами на то, что война приведет эпоху Просвещения к своему логическому итогу — наступлению века Разума, Прогресса, Счастья (Булдаков 2014а: 12).

Другой распространенной эмоцией лета 1914 г. следует признать любопытство (интерес). Именно оно гнало на улицу часть подданных во время проходивших манифестаций. Не случайно современники отмечали большое количество детей и подростков на улицах городов в дни демонстраций. Д. Санборн, пытаясь понять психологические мотивы участия людей в массовых патриотических акциях, приходит к выводу, что жители небольших провинциальных городов просто не могли проигнорировать организованные шествия, которые стали частью новой городской повседневности, приметой нового времени, пришедшей на смену рутинным заботам прошлого (Санборн 1999: 206). Студент Московского университета Д. Фурманов так отозвался о прошедшей 17 июля 1914 г. патриотической манифестации в Москве по поводу объявленной мобилизации: «Был я в этой грандиозной манифестации... Скверное у меня осталось впечатление. Подъем духа у некоторых, может, и очень большой, чувство, может, искреннее, глубокое и неудержимое — но в большинстве что-то тут фальшивое, деланное. Видно, что многие идут из любви

к шуму и толкотне» (Фурманов 1961: 47). Со студентом был согласен и генерал: «Патриотические манифестации и взрывы энтузиазма являлись, по-видимому, лишь дешевым фасадом, за которым скрывалась невзрачная действительность» (Данилов 1924: 112). «Шум и толкотня» приходили на смену довоенной тишине, царившей в тех городах, которые не были охвачены рабочим движением. При этом нельзя утверждать, что такие же стремления отсутствовали у пролетариев больших промышленных центров, т.к. объявление войны, безусловно, взволновало всех подданных. М. Стейнберг, рассмотрев доминировавшие социальные эмоции в российском обществе начала XX в., пришел к выводу о господстве накануне Первой мировой войны меланхолии, которая была мрачнее меланхолии в России XIX в. и мрачнее современных ей западноевропейских настроений (Стейнберг 2010: 202–226). О затянувшемся после Первой революции психологическом кризисе упоминает С. В. Леонов (Леонов 2002: 62). С этой стороны настроения лета 1914 г. можно рассмотреть в русле перехода от затянувшейся меланхолии к возбуждению, гипертимии: определенные круги общества (в первую очередь горожане, т.к. именно город был рассадником меланхолии) проснулись от спячки и воодушевились открывавшимися перспективами.

Тем самым в патриотических настроениях лета 1914 г. обнаруживается эмоциональная основа, состоящая из негативных и позитивных эмоций. Вероятно, первоначально мы можно считать интерес и страх,

причем первый приводил к восходу (воодушевлению, эйфории), а второй к ненависти (проявлявшейся в германофобии). Эта дуалистическо-амбивалентная природа патриотизма определяла многообразие оттенков мышления и патриотических концептов. Не случайно один из современников назвал это время «днями великого гнева, торжественного настроения» (*Коралльник* 1914: 42) — сочетание противоположностей затрудняло выработку единого патриотического концепта.

Многие современники если до конца и не осознавали, то чувствовали, что в условиях всеобщего «гнева и торжества» эмоции захлестывали обывателей, подменяя рациональное мышление восторженно-чувственным восприятием действительности. А затянувшиеся или чересчур сильные эмоции в конце концов достигают так называемого «токсического уровня», который сужает восприятие до тоннельного, ведет к потере ориентировки и способности к тестированию реальности, подмене реальности на представления и фантазии о ней. Следствием становится стресс, развивающийся до состояния невроза или психоза. Нужно заметить, что психиатрическая терминология не случайно использовалась современниками при описании общей атмосферы кануна и первых месяцев войны. «Обрушившаяся на Европу война замечательна тем, что в самом характере ее начальных действий чувствовались элементы политической неврастности или даже психопатии», — писал в августе 1914 г. Б. Эйхенбаум (*Эйхенбаум*

1914: 117). Токсический уровень патриотизма оборачивался психическими отклонениями. Начало Первой мировой войны ознаменовалось увеличением числа сумасшедших как в городских больницах в тылу, так и на фронте (*Фридендер* 1999: 315–325; *Плампер* 2007: 453–460; *Асташов* 2014; *Аксенов* 2017: 465–474; *Merridale* 2000: 39–55). Одной из форм массового психоза стала шпиномания, выливавшаяся у отдельных подданных в слуховые и зрительные галлюцинации. Даже сотрудники Департамента полиции обращали внимание, что в среде ярых патриотов особенно много сумасшедших (ГА РФ 2). В этой связи уместно говорить о психопатологической форме патриотизма. «Этот современный взрыв патриотических чувств я не могу назвать иначе, как психозом всеобщим, массовым», — писал обыватель из Иркутска в Одессу в августе 1914 г. (ГА РФ 1: Д. 977. Л. 28).

Помимо разной эмоционально-психической природы патриотических настроений исследователи отмечают идейные различия патриотизма. Философы, публицисты безуспешно пытались превратить патриотизм в идеологию, но он каждый раз оказывался лишь функцией того или иного идеологического подхода. Еще В. С. Дякин, анализируя патриотические настроения российской буржуазии, указал на идеологические различия в интерпретациях патриотизма (*Дякин* 1967). 2 августа 1914 г. кн. Е. Н. Трубецкой в статье «Патриотизм против национализма» противопоставил эти понятия, приписав второе врагу. Он подчеркивал, что патриотиче-

ское единение России происходит не на национальной, а на «сверхнациональной» основе (Русские ведомости 1914). Однако не у всех современников эта концепция встречала понимание. П. Б. Струве писал в декабре 1914 г. о задаче внешнего расширения Российской империи, поставленной войной (Струве 1914). При этом Трубецкой, наоборот, предупреждал об опасности территориальных претензий России, которые могут принести только вред (Трубецкой 1914: 89).

Вместе с тем историками разрабатывались и обосновывались геополитические стратегии. А. А. Кизеветтер, П. Н. Милюков доказывали историческую неизбежность столкновения России с Германией и Турцией. Н. И. Кареев, наоборот, рассматривал историю международных отношений как динамическую систему, в которой появление новых элементов, интересов перестраивает ранее сложившиеся блоки и союзы (Вафустина 1999: 89). На близкие позиции встал Р. Ю. Виппер, которого начавшаяся война заставила пересмотреть теорию прогресса и склониться к циклическому характеру истории (Виппер 1921). При этом, как отмечают исследователи, в значительной части либеральной интеллигенции, в том числе среди ученых, университетской профессуры, проступали «рецидивы имперского мышления», что особенно активно проповедовали лидеры кадетов, выступая за присоединение к России Галиции, Угорской Руси, всей Польши, Армении, не говоря уже о проливах (Вафустина 1999: 93). Особенность «настроений 1914» заключалась в том, что зара-

жала великодержавно-шовинистическим психозом представителей разных политических взглядов. Однако при этом оттенки шовинистического патриотизма были разные.

Председатель московского религиозно-философского общества памяти В. Соловьева Г. Рачинский связывал начало войны с германским милитаризмом как сущностью немецкой культуры (что довел до абсурда В. Эрн в докладе «От Канта к Крупну»), считая, что начавшаяся война «не война государств и их правительств, а война национальностей и культур» (Рачинский 1914: 84). Начало войны актуализировало вопрос о судьбе культурно-нравственных ценностей европейской и христианской цивилизаций. Некоторые представители духовенства доказывали, что русского нужно любить сильнее, чем немца, и убийство врага, а также казнь солдата-дезертира не противоречат христианским заповедям (Московские церковные ведомости 1914: 882; Арамилев 2015: 62–63).

В этой связи некоторые современники воспринимали ее в первую очередь как проверку духа, нравственного стержня народов (Нольде 1914). Н. А. Бердяев умудрялся великодержавно-шовинистические построения из международно-политической сферы перевести в сферу духовной жизни, предрекая начало в будущем культурной экспансии России (Бердяев 1915: 5).

Российская интеллигенция, увлеченная размышлениями о судьбах России и цивилизации, вместе с тем не забывала и о

насуточно-прагматических вопросах. Некоторые деятели акцентировали внимание на том, что патриотизм должно понимать как консолидацию общества и государства на платформе развития общественных органов самоуправления, системы образования, заботы о наиболее уязвимых категориях граждан, в частности о детях, еще более тем самым расширяя и размывая содержание понятия (Обухов 1914: 88–93).

Вместе с тем в консервативной печати в годы войны резко возросла антилиберальная и антибуржуазная риторика. Согласно проведенному М. В. Лыковым контент-анализу правой периодики, уже в июле 1914 г. появляются публикации (5%), в которых главным внутренним врагом называется буржуазия. Впоследствии этот процент растет: в июле-августе 1915 г. — 18%, а с сентября 1915 по февраль 1917 г. — 35,6% (Лыков 2011: 19). Часть националистической общественности летом 1914 г. была готова принять некоторые реформы, но при условии, что они пойдут сверху, а не снизу, при этом опасаясь возможной «эмансипации еврейства» (ГА РФ 1: Д. 993. Л. 1209). Юдофобия, как и германофобия, была составным психическим элементом патриотизма консервативных кругов общественности, оценивавшей оппозиционность как следствие то еврейской, то немецкой пропаганды.

Особенное впечатление война произвела на студенчество — как вследствие возрастных психологических особенностей, так и по причине высокой политической грамотности в сравнении с маргинальными слоя-

ми общества. Некий московский студент Владимир был воодушевлен тем, что война, по его мнению, должна привести к государственному перевороту и свержению самодержавного строя: «Последний день войны будет первым днем русской революции... На днях открываем свой “студенческий лазарет”» (ГА РФ 1: Д. 977. Л. 94). Примечательно здесь упоминание лазарета — революционные планы отнюдь не мешали молодым людям вносить свою лепту в дело благотворительности и тем самым косвенно поддерживать войну и политику власти в этом направлении. Некая Варя рассуждала в письме из Москвы о том, идти или нет в сестры милосердия при пацифистских настроениях: «Я ненавижу войну, но не думаю, как Леля, что идти в сестры на войну значит признавать ее» (ГА РФ 1: Д. 976. Л. 14). В данном случае мы сталкиваемся с очередным парадоксом патриотического сознания: антивоенные настроения при готовности послужить обществу (раненым воинам).

Другой петроградский студент в письме товарищу описывал прошедшую студенческую манифестацию и делал очень важные уточнения о природе студенческого патриотизма: готовность погибнуть во имя родины соседствовала с презрением к особе государя (ГА РФ 1: Д. 978. Л. 16). Даже террорист Б. В. Савинков проникался патриотическими идеями и писал, что готов отдать свою жизнь за Россию, но для него в первую очередь война это шанс «в борьбе обрести свободу свою» (ГА РФ 1: Д. 979. Л. 24). К возрастным психологическим

особенностям, составившим основу патриотизма в среде молодежи, также можно отнести любопытство и жажду новых впечатлений.

Таким образом, мы видим, что историки, изучающие феномен патриотических настроений 1914 г., указывают на их неоднородную, гетерогенную структуру. Необходимо добавить, что гетерогенность массовых настроений подразумевала присутствие бинарных оппозиций (поддержка войны при поддержке или неприятии царской власти), строилась на совершенно разных идейных основах. Однако политико-идеологический подход к исследованию патриотических настроений не позволит понять данный феномен в полной мере ввиду того, что в основе универсальных характеристик «патриотизма 1914» лежали не идеи, а чувства, эмоции, причем как позитивной (любовь), так и негативной (ненависть) направленности. Патриотизм 1914 г. не стал идеологией, он оказался химерой, обреченной на вымирание по причине внутренних противоречий, а также сложной социокультурной структуры российского общества, переживавшего духовный и психологический кризис.

Для выявления структуры патриотических настроений 1914 г. необходимо на базе вышеприведенного материала выделить несколько пластов. В основе будут лежать четыре парные эмоции (интерес – восторг; страх – ненависть), которые определяли положительную или отрицательную коннотацию того или иного концепта (как, например, отмечавшийся оптимистический или

пессимистический патриотизм). Помимо эмоций, отношение человека к действительности (в нашем случае к войне, что является ядром патриотических настроений) определяется тем типом мышления, которое больше всего ему соответствует в определенный момент времени: религиозное патриотическое мышление, научно-теоретическое (политическое в данном случае) и обыденное. Следует заметить, что все три уровня присутствуют в сознании большинства людей, однако в силу культурных, образовательных, психологических отличий имеют разные степени выражения. Мышление задает определенный вектор развития идеи, которая оформляется в ту или иную форму, концепт. В рамках обыденного мышления, доминировавшего у людей, активно не вовлеченных в политику, формировались следующие патриотические формы: фаталистический патриотизм (он мог быть оптимистического или пессимистического характера), патерналистический (который часто путают с монархизмом), прагматический (имевший как альтруистические, так и эгоистические степени выражения), психопатологический (в случаях, когда основанный на страхе и ненависти патриотизм разрушал психику субъекта). В рамках политического мышления: революционный (война ради свержения в ее процессе самодержавия), либеральный (от общественно-демократического до великодержавно-шовинистического оттенка), националистический. В рамках религиозного мышления: православно-миссионерский патриотизм (концепция священной войны

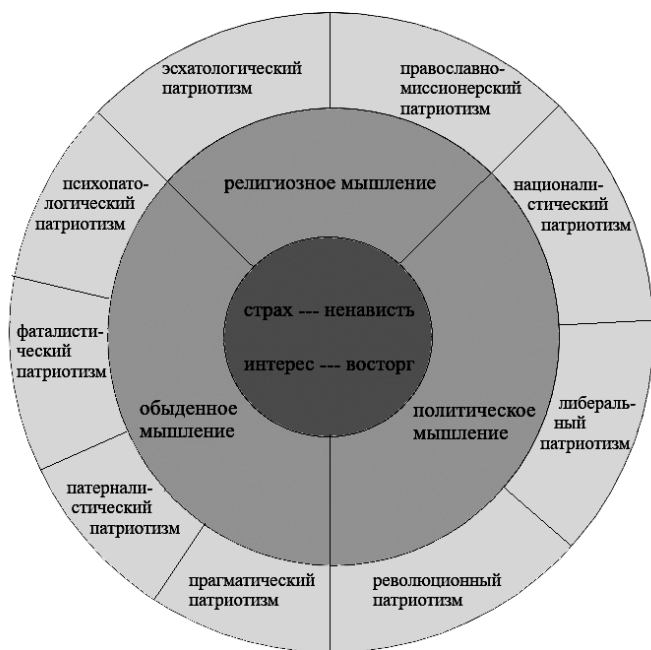

Рис. 1. Структура патриотического сознания в 1914 г.

Святой Руси с германизмом), эсхатологический (пессимистической и оптимистической степени) (рис. 1). Конечно, описанная палитра патриотических форм не содержит все возможные его оттенки. Можно предложить и другую классификацию патриотизма по отношению к объекту поклонения: верноподданнический, этатистский, имперский, общественный, народный, культурный и т. д. Тем не менее предложенная схема позволяет увидеть, что патриотические настроения 1914 г. не являлись целостным мировоззрением, на эмоциональном и идейном уровнях они распались на широкий спектр взаимоисключающих элементов. По большому счету патриотические настроения 1914 г. — это всего лишь дискурс о войне — совокупность высказываний по теме, объединенная общим отношением. Тем самым, учитывая крайнюю степень неопре-

деленности «патриотического» дискурса, мы не можем положительно решить вопрос о наличии патриотизма как общей, целостной идеи или чувства летом 1914 г. в широких слоях общества. Общим было лишь эмоциональное возбуждение, всегда сопутствующее началу войн.

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

- ГА РФ 1 — ГА РФ Ф. 102. Оп. 265.
- ГА РФ 2 — ГА РФ. Ф. 102. ДП-ОО. Оп. 245. Д. 33. Т. 4. Л. 318 об.
- Биржевые ведомости 1915 — Биржевые ведомости. Утренний выпуск. 1915. 22 июня.
- Московские церковные ведомости 1914 — Московские церковные ведомости. 1914. № 44. 1 ноября.
- Новый Сатирикон 1915 — Новый Сатирикон. 1915. № 47. 19 ноября.
- Русские ведомости 1914 — Русские ведомости. 1914. 2 августа.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Аксенов 2015 — Аксенов В.Б. Рабочие выступления весны-лета 1914 г в контексте теории революционной ситуации // Вопросы истории. 2015. № 7. С. 109–122.

Аксенов 2017а — Аксенов В.Б. Революция и насилие в воображении современников: слухи и эмоции «медового месяца» 1917 г. // Российская история. 2017. № 2. С. 17–32

Аксенов 2017б — Аксенов В.Б. «Революционный психоз»: массовая эйфория и нервно-психические расстройства в 1917 году // Материалы Международной научной конференции. М., 2017. С. 465–474.

Александров 2014 — Александров Н.М. Общественное сознание сельского населения в начальный период Первой мировой войны (по материалам Костромской губернии) // Россия в годы Первой мировой войны, 1914–1918 гг.: Материалы Международной научной конференции. М., 2014.

Арамилев 2015 — Арамилев В.В. В дыму войны. Записки вольноопределяющегося. 1914–1917. М., 2015.

Асташов 2011 — Асташов А.Б. Дезертирство и борьба с ним в царской армии в годы Первой мировой войны // Российская история. 2011. № 4.

Асташов 2014 — Асташов А.Б. Русский фронт в 1914 — начале 1917 г.: военный опыт и современность. М., 2014.

Белова 2007 — Белова И.Б. Первая мировая война и российская провинция: 1914 — февраль 1917 г. По материалам Калужской и Орловской губерний: дис. ... канд. ист. наук. Калуга, 2007.

Бердяев 1915 — Бердяев Н.А. Душа России. М., 1915.

Брусиллов 2001 — Брусиллов А.А. Мои воспоминания. М., 2001.

Булдаков 2014а — Булдаков В.П. Россия, 1914–1918 гг.: война, эмоции, револю-

ция // Россия в годы Первой мировой войны, 1914–1918: материалы Международной науч. конф. М., 2014.

Булдаков 2014б — Булдаков В.П. Август 1914-го: природа «патриотических» настроений // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2014. № 4.

Булдаков, Леонтьева 2015 — Булдаков В. П., Леонтьева Т.Г. Война, породившая революцию. М., 2015.

Варустина 1999 — Варустина Е.Л. Доктрины либерально-кадетской интеллигенции о войне // Историк и революция. СПб., 1999.

Вишпер 1921 — Вишпер Р.Ю. Теория прогресса и всемирная война 1914 г. // Вишпер Р.Ю. Кризис исторической науки. Казань, 1921.

Гужва 2014 — Гужва Д.Г. Военная печать как основное средство укрепления морального духа военнослужащих русской армии в годы Великой войны // Россия в годы Первой мировой войны, 1914–1918: материалы Международной науч. конф. М., 2014.

Данилов 1924 — Данилов Ю.Н. Россия в мировой войне 1914–1915 гг. Берлин, 1924.

Дякин 1967 — Дякин В. С. Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны (1914–1917). Л., 1967.

Забуга 2010 — Забуга Н.А. Протестные выступления рабочих Лысьвенского завода в 1914 г. // Исторические исследования в Сибири: проблемы и перспективы. Сборник материалов четвертой региональной молодежной научной конференции. Новосибирск, 2010.

Кириянов 1970 — Кириянов Ю.И. Российский пролетариат: облик, борьба, гегемония. М., 1970.

Кириянов 1998 — Кириянов Ю.И. Рабочие России и война: новые подходы к анализу проблемы // Первая мировая война. Пролог XX века. М., 1998.

Ковалова 2014 — Ковалова А. Российские кинотеатры в годы Первой мировой войны // Первая мировая война в зеркале кинематографа. Материалы международной научно-практической конференции. М., 2014.

Колоницкий 1999 — Колоницкий Б. И. К изучению механизмов десакрализации монархии (слухи и «политическая порнография» в годы Первой мировой войны) // Историк и революция. СПб., 1999.

Колоницкий 2010 — Колоницкий Б. И. «Трагическая эротика»: Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М., 2010.

Коральник 1914 — Коральник А. Германская идея // Русская мысль. 1914. № 12.

Крайкин 2009 — Крайкин В. В. Начальный период Первой мировой войны в сознании провинциальных жителей (на материале Орловской губернии) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2009. № 96.

Леонов 2002 — Леонов С. В. Эволюция массового сознания в России в Первую мировую войну // Россия в мировых войнах XX века. Материалы научной конференции. М.; Курск, 2002. С. 61–73.

Леонтьева 2014 — Леонтьева Т. Г. «Победа зависит не от количества штыков и снарядов»: Настроения Тверской провинции в 1914–1917 гг // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2014. № 1.

Лыкосов 2011 — Лыкосов М. В. Антибуржуазная кампания в русской консервативной печати периода Первой мировой войны (июль 1914 — февраль 1917) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2011. Т. 10. Вып. 6: Журналистика.

Меницкий 1925 — Меницкий Ив. Революционное движение военных годов (1914–1917). Т. 1. Первый год войны (Москва). М., 1925.

Милюков 1991 — Милюков П. Н. Как принята была война в России? // Воспоминания. М., 1991.

Никольский 2015 — Никольский Б. В. Дневник. 1896–1918. Т. 2: 1904–1918. СПб., 2015.

Нольде 1914 — Нольде Б. Э. Начало войны // Русская мысль. 1914. № 10.

Обухов 1914 — Обухов А. Война и дети // Русская мысль. 1914. № 10.

Плампер 2007 — Плампер Я. Страх в русской армии в 1878–1917 гг.: К истории медиализации одной эмоции // Опыт мировых войн в истории России: сб. ст. Челябинск, 2007.

Поршнев 2004 — Поршнев О. С. Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. М., 2004.

Поршнев 2010 — Поршнев О. С. «Настроение 1914 года» в России как феномен истории и историографии // Российская история. 2010. № 2.

Поршнев 2014 — Поршнев О. С. Эволюция общественных настроений в России в годы Первой мировой войны (1914 — начало 1917 г.) // Россия в годы Первой мировой войны, 1914–1918: материалы Международной науч. конф. М., 2014.

Рачинский 1914 — Рачинский Г. Братство и свобода // Русская мысль. 1914. № 12.

Розанов 1914 — Розанов В. В. Война 1914 года и русское возрождение. Пг., 1914.

Санборн 1999 — Санборн Д. Беспорядки среди призывников в 1914 г. и вопрос о русской нации: новый взгляд на проблему // Россия и Первая мировая война (материалы международного научно-коллаквиума). СПб., 1999.

Сенявская 1999 — Сенявская Е. С. Психология войны в XX веке. М., 1999.

Сенявская 2006 — Сенявская Е. С. Противники России в войнах XX века. Эволю-

ция «образа врага» в сознании армии и общества. М., 2006.

Стейнберг 2010 — *Стейнберг М.* Меланхолия Нового времени: дискурс о социальных эмоциях между двумя революциями // Российская империя чувств: Подходы к культурной истории эмоций. Сб. статей / под ред. Яна Плампера, Шаммы Шахадат и Марка Эли. М., 2010. С. 202–226.

Струве 1914 — *Струве П. Б.* Великая Россия и Святая Русь // Русская мысль. 1914. № 12.

Толстой 1997 — *Толстой И. И.* Дневник. 1906–1916. СПб., 1997.

Трубецкой 1914 — *Трубецкой Е. Н.* Война и мировая задача России // Русская мысль. 1914. № 12.

Тютюкин 1998 — *Тютюкин С. В.* Первая мировая война и революционный процесс в России (Роль национально-патриотического фактора) // Первая мировая война. Пролог XX века. М., 1998.

Флеер 1926 — *Флеер М. Г.* Рабочее движение в России в годы империалистической войны. Л., 1926.

Фридлиндер 1999 — *Фридлиндер К.* Несколько аспектов шелл-шока в России, 1914–1916 // Россия и Первая мировая война: Материалы международного научного colloquium. СПб., 1999. С. 315–325.

Фурманов 1961 — *Фурманов Д.* Дневники (1910–1921). Собр. соч. Т. 4. М., 1961.

Хаймсон 1999 — *Хаймсон Л.* Развитие политического и социального кризиса в России в период от кануна Первой мировой войны до февральской революции // Россия и Первая мировая война (материалы международного научного colloquium). СПб., 1999.

Эйхенбаум 1914 — *Эйхенбаум Б.* Проблема вечного мира // Русская мысль. 1914. № 8.

Ferguson 1998 — *Ferguson N.* The Pity of War. London, 1998.

Merridale 2000 — *Merridale C.* The Collective Mind: Trauma and Shell-Shock in Twentieth-Century Russia // Journal of Contemporary History. 35. Heft 1. January 2000. P. 39–55.

"PATRIOTISM-1914": FROM THE HISTORIOGRAPHICAL CONTROVERSY TO THE SEARCH FOR A PSYCHOLOGICAL STRUCTURE

Aksenov Vladislav B. — candidate of historical sciences, senior researcher, Institute of Russian history, RAS (Moscow)

Key words: the sources of the World War I, the Russian Empire, the patriotic myth, the relations of power and population in Russia.

Abstract. In the article the phenomenon of "patriotic sentiments" of summer of 1914 is analyzed which has received ambiguous assessment in a historiography and differently presented in various groups of sources. The author pays attention to attempt of authorities in the summer-fall of 1914 to create "the patriotic myth" about a unification of the power and the people, though moods of a general population were less certain. On the basis of studying of statements of representatives of various social groups the conclusion is made about the contradictory and paradoxical nature of "patriotism" which could include revolutionary moods.

REFERENCES

Aksenov V. B. Rabochie vystupleniia vesny-leta 1914 g v kontekste teorii revoliutsionnoi situatsii. *Voprosy istorii*, 2015, no. 7, pp. 109–122.

Aksenov V. B. Revoliutsiia i nasilie v obrazhenii sovremennikov: slukhi i emotsii "medovogo mesiatsa" 1917 g.. *Rossiiskaia istoriia*, 2017, no. 2, pp. 17–32

Aksenov V. B. "Revoliutsionnyi psikhoz": massovaia eiforiia i nervno-psikhicheskie rasstroistva v 1917 godu. *Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*. Moscow, 2017, pp. 465–474.

Aleksandrov N. M. Obshchestvennoe soznanie sel'skogo naseleniia v nachal'nyi period Pervoi mirovoi voiny (po materialam Kostromskoi gubernii). *Rossiiia v gody Pervoi mirovoi voiny, 1914–1918 gg.: Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*. Moscow, 2014.

Aramilev V. V. *V dymu voiny. Zapiski vol'no-opredeliiaushchegosia. 1914–1917*. Moscow, 2015.

Astashov A. B. Dezertirstvo i bor'ba s nim v tsarskoi armii v gody Pervoi mirovoi voiny. *Rossiiskaia istoriia*, 2011, no. 4.

Astashov A. B. *Russkii front v 1914 – nachale 1917 g.: voennyi opyt i sovremennost'*. Moscow, 2014.

Belova I. B. *Pervaia mirovaia voina i rossiiskaia provintsii: 1914 – fevral' 1917 g. Po materialam Kaluzhskoi i Orlovskoi gubernii*: dis. ... kand. ist. nauk. Kaluga, 2007.

Berdiaev N. A. *Dusha Rossii*. Moscow, 1915.

Brusilov A. A. *Moi vospominaniia*. Moscow, 2001.

Buldafov V. P. Avgust 1914-go: priroda "patrioticheskikh" nastroyenii. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta*. Serii: Istoriia. 2014, no. 4.

Buldafov V. P., Leont'eva T. G. *Voina, porodiushaia revoliutsiiu*. Moscow, 2015.

Buldafov V. P. Rossiia, 1914–1918 gg.: voina, emotsii, revoliutsiia. *Rossiiia v gody Per-*

voi mirovoi voiny, 1914–1918: materialy Mezhdunarodnoi nauch. konf. Moscow, 2014.

Danilov Iu. N. *Rossiiia v mirovoi voine 1914–1915 gg.* Berlin, 1924.

Diakin V. S. *Rusaskaia burzhuaziia i tsarizm v gody Pervoi mirovoi voiny (1914–1917)*. Leningrad, 1967.

Eikhenbaum B. Problema vechnogo mira. *Rusaskaia mysl'*, 1914, no. 8.

Ferguson N. *The Pity of War*. London, 1998.

Fleer M. G. *Rabochee dvizhenie v Rossii v gody imperialisticheskoi voiny*. Leningrad, 1926.

Fridlender K. Neskol'ko aspektov shell-shoka v Rossii, 1914–1916. *Rossiiia i Pervaia mirovaia voina*: Materialy mezhdunarodnogo nauchnogo kollokviuma. St. Petersburg, 1999, pp. 315–325.

Furmanov D. *Dnevnik (1910–1921)*. Sobr. soch. T. 4. Moscow, 1961.

Guzhva D. G. Voennaia pechat' kak osnovnoe sredstvo ukrepleniia moral'nogo dukha voennoslužhashchikh russkoi armii v gody Velikoi voiny. *Rossiiia v gody Pervoi mirovoi voiny, 1914–1918*: materialy Mezhdunarodnoi nauch. konf. Moscow, 2014.

Khaimson L. Razvitie politicheskogo i sotsial'nogo krizisa v Rossii v period ot kanuna Pervoi mirovoi voiny do fevral'skoi revoliutsii. *Rossiiia i Pervaia mirovaia voina* (materialy mezhdunarodnogo nauchnogo kollokviuma). St. Petersburg, 1999.

Kir'ianov Iu. I. Rabochie Rossii i voina: novye podkhody k analizu problemy. *Pervaia mirovaia voina. Prolog XX veka*. Moscow, 1998.

Kir'ianov Iu. I. *Rossiiskii proletariat: oblik, bor'ba, gegemoniia*. Moscow, 1970.

Kolonitskii B. I. K izucheniiu mekhanizmov desakralizatsii monarkhii (slukhi i "politicheskaiia pornografiia" v gody Pervoi mirovoi voiny). *Istoriik i revoliutsiia*. St. Petersburg, 1999.

Kolonitskii B. I. *"Tragicheskaiia erotika": Obrazy imperatorskoi sem'i v gody Pervoi mirovoi voiny*. Moscow, 2010.

Koral'nik A. Germanskaia idea. *Russkaia mysl'*, 1914, no. 12.

Kovalova A. Rossiiskie kinoteatry v gody Pervoi mirovoi voiny. *Pervaia mirovaia voina v zerkale kinematografa*. Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Moscow, 2014.

Kraikin V.V. Nachal'nyi period Pervoi mirovoi voiny v soznanii provintsial'nykh zhitel'ei (na materiale Orlovskoi gubernii). *Izvestiia Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena*, 2009, no. 96.

Leonov S.V. Evoliutsiia massovogo soznaniia v Rossii v Pervuiu mirovuiu voinu. *Rossiiia v mirovykh voynakh XX veka*. Materialy nauchnoi konferentsii. Moscow; Kursk, 2002, pp. 61–73.

Leont'eva T.G. "Pobeda zavisit ne ot kolichestva shtykov i snariadov": Nastroeniia Tverskoi provintsii v 1914–1917 gg. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta*. Seriia: Istoriiia. 2014, no. 1.

Lykosov M.V. Antiburzhuaznaia kampaniia v russkoi konservativnoi pechati perioda Pervoi mirovoi voiny (iiul' 1914 – fevral' 1917). *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta*. Seriia: Istoriiia, filologiiia. 2011. T. 10. Vyp. 6: Zhurnalistika.

Menitskii Iv. *Revoliutsionnoe dvizhenie voennykh godov (1914–1917)*. Vol. 1. Pervyi god voiny (Moskva). Moscow, 1925.

Merridale C. The Collective Mind: Trauma and Shell-Shock in Twentieth-Century Russia. *Journal of Contemporary History*. 35. Heft 1. January 2000, pp. 39–55.

Miliukov P.N. Kak priniata byla voina v Rossii?. *Vospominaniia*. Moscow, 1991.

Nikol'skii B.V. *Dnevnik. 1896–1918*. Vol. 2: 1904–1918. St. Petersburg, 2015.

Nol'de B.E. Nachalo voiny. *Russkaia mysl'*. 1914, no. 10.

Obukhov A. Voina i deti. *Russkaia mysl'*. 1914, no. 10.

Plamper Ia. Strakh v russkoi armii v 1878–1917 gg.: K istorii medializatsii odnoi

emotsii. *Opyt mirovykh voyn v istorii Rossii*. sb. st. Cheliabinsk, 2007.

Porshneva O.S. Evoliutsiia obshchestvennykh nastroenii v Rossii v gody Pervoi mirovoi voiny (1914 – nachalo 1917 g.). *Rossiiia v gody Pervoi mirovoi voiny, 1914–1918*: materialy Mezhdunarodnoi nauch. konf. Moscow, 2014.

Porshneva O.S. *Krest'iane, rabochie i soldaty Rossii nakanune i v gody Pervoi mirovoi voiny*. Moscow, 2004.

Porshneva O.S. "Nastroenie 1914 goda" v Rossii kak fenomen istorii i istoriografii. *Rossiiskaia istoriia*, 2010, no. 2.

Rachinskii G. Bratstvo i svoboda. *Russkaia mysl'*, 1914, no. 12.

Rozanov V.V. *Voina 1914 goda i russkoe vrozozhdenie*. Petrograd., 1914.

Sanborn D. Besporiadki sredi prizyvnikov v 1914 g. i vopros o russkoi natsii: novyi vzgliad na problemu. *Rossiiia i Pervaia mirovaia voina* (materialy mezhdunarodnogo nauchnogo kollokviuma). St. Petersburg, 1999.

Seniavskaia E.S. *Protivniki Rossii v voynakh XX veka. Evoliutsiia "obraza vraga" v soznanii armii i obshchestva*. Moscow, 2006.

Seniavskaia E.S. *Psikhologiiia voiny v XX veke*. Moscow, 1999.

Steinberg M. Melankholiia Novogo vremeni: diskurs o sotsial'nykh emotsiiax mezhdru dvumia revoliutsiiami. *Rossiiskaia imperiia chuvstv: Podkhody k kul'turnoi istorii emotsii*. Sb. statei / pod red. Iana Plampera, Shammy Shakhadat i Marka Eli. Moscow, 2010, pp. 202–226.

Struve P.B. Velikaia Rossiia i Sviataia Rus'. *Russkaia mysl'*, 1914, no. 12.

Tiutiukin S.V. Pervaia mirovaia voina i revoliutsionnyi protsess v Rossii (Rol' natsional'no-patrioticheskogo faktora). *Pervaia mirovaia voina*. Prolog XX veka. Moscow, 1998.

Tolstoi I.I. *Dnevnik. 1906–1916*. St. Petersburg, 1997.

Trubetskoi E. N. Voina i mirovaia zadacha Rossii. *Russkaia mysl'*, 1914, no. 12.

Varustina E. L. Doktriny liberal'no-kadet-skoj intelligentsii o voine. *Istoriik i revoliutsiia*. St. Petersburg, 1999.

Vipper R. Iu. Teoriia progressa i vseмирnaia voina 1914 g.. Vipper R. Iu. *Krizis istoricheskoi nauki*. Kazan', 1921.

Zabuga N. A. Protestnye vystupleniia rabochikh Lys'venskogo zavoda v 1914 g. *Istoricheskie issledovaniia v Sibiri: problemy i perspektivy*. Sbornik materialov chetvertoi regional'noi molodezhnoi nauchnoi konferentsii. Novosibirsk, 2010.

В. А. Китаев

ОДИССЕЯ ГЕОРГИЯ ВЕРНАДСКОГО

Рец.: *Дворниченко А. Ю.* Русский историк Георгий Вернадский. Путешествия в мире людей, идей и событий. СПб.: Евразия, 2017. 724 с.

Ключевые слова: русская эмиграция, евразийство, история России, историография.

Аннотация. Рецензируемое исследование посвящено жизни и творчеству крупнейшего историка русского зарубежья Г. В. Вернадского.

DOI 10.31754/2409-6105-2018-3-253-261

В изучении жизни и научного наследия Г. В. Вернадского произошел заметный сдвиг. Появилось первое исследование, претендующее на исчерпывающий охват темы как в ее биографическом, так и историографическом измерениях. Это — впечатляющая уже своим объемом книга известного петербургского историка А. Ю. Дворниченко. Метафора «путешествия», использованная в ее подзаголовке, призвана органично соединить «житейское» и «научное» в предложенном повествовании.

Автор констатирует «пробуксовку» в познании «феномена Г. В. Вер-

надского» и называет ее причины: дробление темы, связанное, как правило, с фрагментарностью в освоении источников, конъюнктурные спекуляции на евразийстве историка. В преодолении этих изъянов предшествующей литературы о Вернадском он видит свой «патриотический, научный и человеческий долг» (с. 16).

Реализация такого масштабного замысла была возможна только при условии пополнения материалов, хранящихся в российских архивах и в значительной мере введенных уже в научный оборот, за счет богатейшей коллекции документов Г. В. Вернадского, которая находится в Бахметевском архиве в составе библиотеки редких книг и рукописей Колумбийского университета (Нью-Йорк). О содержимом этого фонда впервые рассказал

© Китаев В. А., 2018

Китаев Владимир Анатольевич — доктор исторических наук, профессор кафедры информационных технологий в гуманитарных исследованиях, Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского (Нижний Новгород); vlakit2@mail.ru

В. Н. Козляков еще в 1998 г. (*Козляков* 1998), но только сейчас оно реально вводится в научный оборот.

А. Ю. Дворниченко успешно справился с задачей исследовательского «вскрытия» этой коллекции, что не могло не придать особой весомости его книге. Научный уровень новой биографии русского историка поднимает и еще одна ее особенность. Критически оценивая качество перевода основных трудов Вернадского на русский язык, автор предпочитает работать с англоязычными текстами.

Сам Вернадский говорил, что «прожил три жизни»: первую — в России, вторую — «как экспатриант в Европе», третья прошла «в усыновившей меня стране» — США. Эта смена «пластов жизни» определила и «трехглавое» построение биографической части книги. Здесь, на основе в первую очередь источников личного происхождения представлен во всей полноте и всех драматических поворотах «мучительный» и одновременно «счастливый» жизненный путь историка. Биографический очерк, занявший половину объема книги, — несомненная творческая удача Дворниченко. И сомневаться в ней не дает даже та особенность повествовательной манеры автора, о которой он в извинительном тоне предупреждает своего читателя уже на первой странице.

«В такого рода книгах автор, наверное, должен постараться сделать свое присутствие малозаметным, спрятаться или, как говорят философы, — элиминироваться, — пишет

Дворниченко. — Но я не могу: возраст и темперамент не позволяют. Поэтому заранее прошу извинения за свои ремарки, впечатления и рассуждения, с которыми иной раз пролезаю между истинными героями этой книги: Георгием Вернадским, его женой, эмиграцией и историей России. Ведь это и мое путешествие во времени и пространстве!» (с. 5). Кажется, биограф Вернадского осознает неуместность разного рода излишеств по части собственного, внеисследовательского присутствия на территории, принадлежащей его герою, и тем не менее не отказывает себе в многочисленных, как выясняется по ходу чтения книги, «селфи» рядом с ним. Авторских «врезок» автобиографического и публицистического характера особенно много в жизнеописании русского историка.

Хотелось бы ошибиться — но раскованная, открытая для «лирических отступлений» манера повествования, которая избрана автором, воспринимается как способ решения по крайней мере двух задач: во-первых, встать вровень с героем, чтобы укрупнить собственную фигуру, добавить красок в параллельный автопортрет и, во-вторых, оживить, как признается сам Дворниченко, историографическую «скуку».

Но была ли необходимость «подтягиваться» к герою у историка с уже обретенным именем? За плечами у автора — научная школа В. В. Мавродина и И. Я. Фроянова, весомый вклад в изучение русского средневековья, ряд учебников по отечественной истории, яркие опыты в области исторической публици-

стики и бесспорное признание в профессиональном историческом сообществе. Что же до необходимости как-то адаптировать для профанной публики «книгу по историографии», то случайный, неподготовленный читатель в руки ее вряд ли возьмет, а для посвященного не требуется пресловутого «оживляжа». Опрощение языка, к которому нередко прибегает автор, дабы свести к минимуму академическую сухость в своем нарративе, временами выглядит излишним – впрочем, это впечатление может быть и чисто вкусовым.

Как структурируется историографическая часть книги, занимающая чуть больше половины ее объема? Дворниченко берет здесь на вооружение хронологически-тематический принцип организации материала, предполагающий пространное реферирование и комментирование работ историка по периодам. Основание фундамента этой части образует содержание пяти томов (шесть книг) «Истории России» Вернадского. Напомню, что у каждого из них – собственное название. Они дополняются большим числом других работ историка, как синхронных по тематике томам «Истории» (т.е. до конца XVII в.), так и выходящих далеко за его пределы. Дворниченко удалось мобилизовать практически все, что было написано Вернадским по XVIII–XX вв. Столь широкая панорама его научного творчества предложена впервые. При этом Дворниченко не ограничивается передачей содержания трудов историка – читатель тут же знакомится с откликами на них в американской

по преимуществу периодике. Стоит ли говорить о ценности такой информации, особенно для специалистов в области отечественной историографии! Ну и, конечно же, автор не упускает случая подчеркнуть момент противостояния Вернадского мейнстриму «идеологически зашоренной» советской историографии.

Особенно интересно погружаться вместе с автором в проблематику средневековой Руси у Вернадского, памятуя о том, что оба – прежде всего медиевисты. Автор находится в постоянном диалоге с героем, причем нередко критическом. Вот здесь присутствие авторского «я» вполне органично. «Путешествие» во времени – пространстве Древней и Киевской Руси, конечно же, предполагает остановки в таких проблемных точках, как славяно-русский этногенез, византийское влияние, норманнский вопрос, особенность киевской государственности, характер социально-экономического строя Киевской Руси. Созданный Вернадским образ Киевской Руси, которая не знала ни феодализма, ни крепостничества, была наполнена духом индивидуальной, политической и экономической свободы, принимается в общем и целом, не вызывает отторжения у Дворниченко. С особым чувством он отмечает факт совпадения («буквально в деталях») концепций Вернадского и научной школы И. Я. Фроянова.

Том «Монголы и Русь» (третий по счету в «Истории России») удостаивается чрезвычайно высокой оценки. Автор согласен с определением «монументальный труд»

в данном случае и полагает, что ни один специалист-историк не может обойтись без обращения к нему (с. 472). Дворниченко не удалось обнаружить здесь следов отступления от концепции этого периода, которая была сформулирована в работах Вернадского 20-х гг., уже несших на себе печать евразийства. Более того, она «только обогатилась» при одновременном смягчении авторской «риторики». При всем том автору хорошо виден и существенный содержательный пробел. Вернадский, замечает Дворниченко, «предлагает читателю не просто историю России в монгольский период, а исследование взаимосвязи монголов и России в это время. Естественно, что недостатком такого плана является отсутствие в данном томе пространства для сбалансированной картины русской социальной, экономической и культурной жизни при монголах. Особенно это касается Западной Руси и Новгорода» (с. 434).

Руси послемонгольской Вернадский посвятил три тома своей «Истории». По мнению А. Ю. Дворниченко, название первого из них — «Россия в средние века» — было бы точнее перевести как «Россия на заре нового времени». Здесь он находит «один из лучших портретов» Ивана III, который «не теряется на фоне более поздних работ А. А. Зимина и Ю. Г. Алексеева» (с. 475–476). В анализе Судебника 1497 г., отмечает автор, Вернадскому удалось «избежать характерных для советской исторической науки, но и захватывающих кое-кого и на Западе, вульгарно-социологических выводов» (с. 482).

В двухтомном «Московском царстве» Дворниченко открыл для себя «прекрасный исследовательский нарратив» (с. 547). Проводя читателя по этой части «Истории России», он обращает его внимание на вопрос о природе российско-турецких исторических параллелей, открывшихся Вернадскому, в том числе и в институте опричнины, указывает на «запоминающуюся характеристику» правления Бориса Годунова. А подойдя к эпохе Смуты, подчеркивает «ярко выраженный творческий характер» разработки этой темы: здесь Вернадскому удалось не повторить одного из своих учителей С. Ф. Платонова и одновременно далеко опередить советскую историографию. Не проходит автор мимо таких проблем в освещении Вернадского, как Россия и Украина, казачество, достижение «Московской империей» подлинно евразийского масштаба. Ну а завершается обзор «Московского царства» представлением характеристики «ритмов» российской истории, заимствованной Вернадским у П. Н. Савицкого.

Со своей капитальной монографией о масонах эпохи Екатерины II Вернадский вошел в русскую историческую науку «через XVIII век», но в его наследии не оказалось такого труда по истории этого столетия, который мог бы встать в один ряд с томами «Истории России». Видение историком эпохи в целом можно было воссоздать, только мобилизуя все написанное о ней на разных этапах его творчества. Отправная точка здесь — характеристика личности Петра I и его реформ в «Начертании русской истории»

(1927 г.). Завершается обзор XVIII в. по Вернадскому пересказом содержания «Масонства в царствование Екатерины II» (1917 г.). Неизбежная здесь (да и применительно к XIX в. тоже) техника коллажа уже не дает возможности проследить то, как менялись со временем взгляды историка на те или иные проблемы века.

Санализа одной из самых известных работ Вернадского — «Государственная Уставная грамота Российской империи. 1820. Историко-юридический очерк» (1925 г.) — начинается в книге характеристика вклада историка в изучение проблематики XIX в. Как выясняется, Вернадский, помимо раннего правительственного конституционализма, оставил свой след в разработке таких тем, как история военных поселений, идейные влияния Франции и США, декабристы, политические взгляды А. С. Пушкина. И в каждом случае, справедливо подчеркивает автор, он сумел заявить о себе как глубокий и оригинальный исследователь, многие идеи которого не устарели по сей день.

Вторая половина XIX в., полагает автор, «гораздо меньше привлекала внимание Историка». Данное обстоятельство освободило его от «подробного анализа» взглядов Вернадского на этот период. Дворниченко ограничивается лишь констатацией того, что его герой «положительно и даже высоко оценивал развитие России в пореформенное время», понимая все-таки ограниченность реформ 1860-х гг. и, более того, видя «ущербность российской власти, государственного строя в целом» (с. 586–587).

Жаль, конечно, что дело свелось здесь к такому минимуму. А между тем более или менее полноценная реконструкция XIX — начала XX в. в истории России по Вернадскому позволила бы сопоставить его концепцию с той, что нашла выражение в «Имперской России (1801–1917 гг.)» М. М. Карповича, его друга и предполагавшегося соавтора по 10-томной «Истории России», которой не суждено было состояться. Это сравнение показало бы, в чем и насколько далеко разошлись между собой евразиец и либерал.

На подходе к XX в., каким он виделся русскому историку, автор, понятно, не мог не задаться вопросом о понимании им причин революции 1917 г. Однако добиться ясности в его раскрытии, как мне показалось, Дворниченко все-таки не удастся. Причиной тому могла стать поведенная им особенность личного отношения к понятию «революция». Он считает, что в России вообще не было революций, и предпочитает работать с понятием Смута (с. 587). А ведь имелась возможность, не предпринимая попыток собственного вторжения в проблему, просто передать основные идеи «Вступления» к книге «Ленин — красный диктатор» (1931 г.)

Нельзя не согласиться с двумя главными тезисами той части последней главы книги, которая посвящена восприятию Вернадским послереволюционной России. Бесспорно, в понимании им судьбы России в советский период большую роль сыграли евразийские взгляды. Очевидным фактом стало и смещение

«вектора восприятия» Советской России в «позитивную сторону».

Завершает книгу большое «Заключение» (с. 626–643), призванное представить Вернадского-историографа и определить место его научного наследия в целом в российской и американской исторической науке.

Автор не скупится на похвалы Вернадскому как историку русской исторической науки, ставя его в один ряд со своими кумирами в этой области — Н. Л. Рубинштейном и А. Л. Шапиро. Не допускает он и мысли о том, что «Русская историография» может быть уязвима для критики. Между тем в отзывах американских рецензентов, реагировавших на английский перевод книги (он появился уже после смерти автора, в 1978 г.), прозвучали определенно критические нотки: отмечались ее «разрозненность» и «фрагментарность». По мнению Дворниченко, эти замечания следует воспринимать всего лишь как свидетельство «недооценки» труда Вернадского американскими русистами.

Но абсолютного, безоговорочного принятия «Русской историографии» не наблюдалось и в России. Так, В. П. Корзун, оценивая ее как «значительный прорыв историко-научной мысли», в то же время совершенно справедливо указывала на признаки утраты здесь самого предмета историографии: «историк потерял канву и цвет, из его поля зрения выпала концепция — сердце историографического исследования, без чего история на-

уки становится “жизнью замечательных людей”» (Корзун 1996: 58). Дворниченко знает эту статью российской исследовательницы, но никак не реагирует на ее принципиально важное замечание. Видимо, в его планы не входило погружение в серьезный, беспристрастный анализ последнего труда Вернадского.

Вопрос о концепции как ядре предметной области в истории исторической науки, который был обойден молчанием в характеристике историографического наследия Вернадского, все-таки встал перед автором в тот момент, когда он подошел к общей оценке научного вклада историка. И здесь выясняется, что Дворниченко весьма скептичен в отношении методологической стороны исторического ремесла. На его взгляд, «гораздо важнее для развития нашей любимой исторической науки — созидание исторических концепций» (с. 631). Таким образом, именно концепция русской истории (прежде всего и только), предложенная Вернадским, определяет его место в исторической науке.

Ждешь, естественно, что вот сейчас-то и будут прояснены контуры концепции Вернадского. Но ожидаемая определенность так и не наступает. Сначала идет перечисление (и опять-таки комментирование) принятых историком «основных факторов исторического процесса». Затем следует утверждение, что «его история — широчайшее полотно российской истории с древнейших времен, основанное на подходе к России, как к Евразии» (с. 636). Вслед за этим воспроизво-

дятся главные положения, сформулированные в томах «Истории России». Но вот вопрос: можно ли считать все это концепцией Вернадского? Может быть, правильное было бы говорить о концепциях отдельных периодов в истории России — Киевской, Московской Руси? Вот здесь, на мой взгляд, на пользу дела пошло бы вхождение Дворниченко в плотный, предметный диалог с Н.Е. Соничевой — автором специального исследования, посвященного реконструкции исторической концепции Вернадского (Соничева 1994). В ходе его хорошо было бы уточнить содержание самого понятия «концепция истории России» и попытаться еще раз реконструировать систему представлений Вернадского.

А что, если все-таки прав (хотя бы и отчасти) американский биограф Вернадского Ч. Гальперин, считавший, что историк был скорее «аккумулятором фактов и нарративных данных, нежели создателем концепций»?

Если бы сам Дворниченко был уверен в том, что в случае с Вернадским мы имеем полноценную, завершенную концепцию истории России, вряд ли он пошел бы на весьма рискованный шаг. Автор — ни больше, ни меньше — попытался усилить концепцию своего героя аналогичным продуктом собственного производства, причем без признания в своем авторстве. Как это сделано?

Уже во «Введении» Дворниченко начинает оперировать понятием «российский государственно-крепостнический строй». Оно не раз

затем возникнет в тексте, но только в «Заключении» будет наполняться содержательно в тот момент, когда автор книги решится объявить о своем расхождении с Вернадским, склонным, как ему кажется, к идеализации государственного начала в истории России. «Это, собственно, и не государство, — пишет он, — а всеобъемлющий государственно-крепостнический строй, который как сформировался к середине XVII в., так и правит бал в нашей истории. А стадии его “развития” — это только видимость» (с. 639). С этих слов и начинается введение читателя в суть важнейшей характеристики российского исторического процесса вплоть до начала XXI в. Она, хочет или не хочет этого автор, становится смысловой кульминацией финальной части повествования.

Только мало-мальски посвященный в творчество самого А.Ю. Дворниченко сразу же сообразит, что имеет дело уже не с построениями Вернадского, а с концептом самого автора, обоснованию и объяснению сути которого посвящена его предпоследняя книга (Дворниченко 2015). Именно таким образом он — теперь уже под занавес — подтверждает еще раз заявленное в самом начале намерение «путешествовать во времени и пространстве» рядом с «русским историком Георгием Вернадским».

Завершает книгу поистине монументальный «Список использованных архивных материалов и литературы» (960 позиций). Он лишний раз свидетельствует о масштабности проделанной Дворниченко работы.

Теперь о проблемах и темах, которые просились на страницы книги, но так и не нашли в ней должного места.

Автор верно подметил родство Вернадского с государственной школой в русской историографии (с. 639). Думаю, что здесь можно было сделать и следующий шаг — задаться такими вопросами: состоялся ли синтез идей государственной школы и евразийства и, если это действительно произошло, насколько продуктивен оказался он для российской исторической науки?

Как уже отмечалось, научная позиция Вернадского рассматривается в связи с американской и на фоне советской историографии. Но ведь существовал еще один, безусловно, органичный для историка контекст — историческая наука (и еще шире — историческая мысль) русской эмиграции. К сожалению, он оказался вне поля зрения автора. Не привлек его внимания в должной мере вопрос о месте Вернадского внутри евразийства. Наконец, далеко не исчерпанным остался мировоззренческий, научный и политический диалог историка с отцом, В. И. Вернадским. Понятно, что махину этих и других проблем вряд ли можно одолеть в один при-

сест. Поэтому остается благодарить А. Ю. Дворниченко за то, что им уже сделано.

При всей противоречивости впечатлений, которые рождает книга, ее все-таки не отнесешь к числу рядовых явлений современной историографической мысли. Она, вне всяких сомнений, будет стимулировать интерес к личности и научному наследию выдающегося русского историка.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Дворниченко 2015 — *Дворниченко А. Ю.* Россия. Загадка истории. М.: Весь мир, 2015. 240 с.

Козляков 1998 — *Козляков В. Н.* «Это только персонификация не нашего понимания исторического процесса...» (Георгий Владимирович Вернадский (1883–1973) и его «Очерки по русской историографии») // Вернадский Г. В. Русская историография. М.: Аграф, 1998. С. 5–26.

Корзун 1996 — *Корзун В. П. Г. В.* Вернадский — историк русской исторической науки (продолжающая традиция или новый взгляд?) // Вестник Омского университета. 1996. Вып. 1. С. 54–58.

Сонищева 1994 — *Сонищева Н. Е.* Становление и развитие исторической концепции Г. В. Вернадского. Канд. дис. М., 1994. 250 с.

THE ODYSSEY OF GEORGE VERNADSKY.

Rev.: Dvornichenko A. Yu. Russkii istorik Georgii Vernadskii. Puteshestviya v mire lyudei, idei i sobytii. St. Petersburg: Evraziya, 2017. 724 p.

Kitaev Vladimir A. — doctor of historical sciences, professor of the Department of Information Technologies in the Humanities, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod (Nizhny Novgorod)

Key words: Russian emigration, Eurasianism, history of Russia, historiography.

Abstract. The reviewed study focuses on the life and work of the greatest historian of the Russian diaspora Georgy V. Vernadsky.

REFERENCES

Dvornichenko A.Iu. *Rossia. Zagadka istorii*. Moscow: Ves' mir, 2015. 240 p.

Korzun V.P. G. V. Vernadskii — istorik russkoi istoricheskoi nauki (prodolzhaushchaia traditsiia ili novyi vzgliad?). *Vestnik Omskogo universiteta*. 1996, vyp. 1, p. 54–58.

Kozliakov V.N. "Eto tol'ko personifikatsiia ne nashogo ponimaniia istoricheskogo

protssesa...' (Georgii Vladimirovich Vernadskii (1883–1973) i ego "Ocherki po russkoi istoriografii"). Vernadskii G.V. *Russkaia istoriografiia*. Moscow: Agraf, 1998, p. 5–26.

Sonicheva N.E. *Stanovlenie i razvitie istoricheskoi kontseptsii G. V. Vernadskogo*. Kand. dis. Moscow, 1994. 250 p.

(НЕ)СОВМЕСТИМЫЕ ГЕНОЦИДЫ?

Рец.: Аурон Я. Государство Израиль и память о геноциде армян: от равнодушного отрицания — к запоздалому признанию / под ред. А. Д. Эпштейна. М.: ИД «Долуханов», 2017. 312 с.

Ключевые слова: геноцид, Холокост, глобальная память, этика ответственности.

Аннотация. В статье рецензируется книга Я. Аурана о восприятии геноцида армян в Израиле. Основной акцент рецензент делает на том, что рассмотреть исследование с точки зрения дискуссии о глобальной памяти. DOI 10.31754/2409-6105-2018-3-262-271

В современном мире память о Холокосте имеет особое значение, прежде всего благодаря тем культурным и социальным процессам, которые протекали в странах Северной Америки и Европы в 1980–1990-е гг. Из частной трагедии, имеющей особое значение прежде всего для Израиля и Германии, она постепенно превратилась в символ мирового зла и — одновременно — в основание формирующейся общеевропейской культуры памяти (Александр 2013: 95–254; Ассман 2017; Levy, Sznajder 2002; Kucia 2016). Обращение к этим страницам истории направлено на обоснование этики ответственности, которая, по замыслу ее сторонников, должна прийти на смену национальной лояльности. Речь идет об осознании

ответственности всех, кто в той или иной степени был замешан в преступлениях (от прямого участия до молчаливого одобрения). Холокост превращается в иконическое событие, память о котором призвана стать на пути предотвращения подобных трагедий и способствовать утверждению универсальных прав человека.

Несомненно, такой взгляд коррелирует с политической ситуацией 1990–2000-х гг., а именно активизацией евроинтеграционных процессов, глобальным доминированием США и ускорением глобализации. Некоторые исследователи начали поспешно говорить о формировании космополитичной, или глобальной, памяти (Levy, Sznajder 2002; Misztal 2010; Stepinsky 2005). С задержкой эти идеи пришли и в Россию (Эрлих 2016). Однако через 15 лет после начала дискуссий стало очевидно, что национально-ориен-

© Пахалюк К. А., 2018
Пахалюк Константин Александрович — преподаватель кафедры лингвистики и перевода Одинцовского филиала МГИМО (У) МИД России; konstantin.pahalyuk@rvio.org

тированные нарративы сохраняют влияние, а проект глобальной памяти остается уделом отдельных интеллектуалов. Непросто обстояли дела и в Европе, поскольку во многих странах Восточной Европы предпочитают не говорить о своей ответственности за гибель евреев, а подчеркивать свои страдания от «советской оккупации» (Миллер 2016).

В контексте дискуссий об этике ответственности и транснационализации исторической памяти о массовых преступлениях мы собираемся рассмотреть книгу профессора Открытого университета Израиля Яира Аурана, переведенную в 2017 г. на русский язык. Она посвящена восприятию геноцида армян в Израиле, что позволяет автору затронуть более фундаментальные вопросы: почему память об одном геноциде сложно совместить с памятью о другом? Почему Израиль, который постоянно увязывает память о Катастрофе с императивом предотвращения будущих геноцидов, отказывается официально признать армянскую трагедию геноцидом?

Я. Ауран значительную часть жизни посвятил борьбе за признание в Израиле геноцида армян, активно продвигал соответствующую образовательную программу в высших учебных заведениях, а потому исследование местами автобиографично, в нем весьма открыто явлена ценностная, гражданская позиция. Обратим внимание: память — это всегда ценностное обращение к прошлому (именно этот прагматический аспект отличает ее от ака-

демической исторической науки). Как объясняет сам Я. Ауран: «Геноциды никогда не уйдут в прошлое, если память о них останется лишь “внутренним” делом пострадавших от них народов» (с. 24). Историческая память, согласно этой логике, является заклинанием, направленным на предотвращение массовых убийств в будущем. Она служит привитию того морального кодекса, который сделал бы «невозможным соучастие в подобного рода преступлениях» (с. 26). По нашему мнению, эта связка между памятью и ценностями является принципиальной для понимания функционирования всего поля *public history*.

В предыдущей монографии Я. Ауран подробно рассматривал, как евреи, жившие на территории Палестины в годы Первой мировой, реагировали на развернувшийся геноцид армян. Ответ неутешителен: за рядом исключений «никак» (с. 42). Это объяснялось разнородностью самой общины и тем, что евреи сами испытывали притеснения. Как мы знаем из работ Х. Арендт, не нужно быть моральным уродом, чтобы совершать преступления против человечности. Я. Ауран продолжает: не надо быть «ни демоном, ни извергом», чтобы равнодушно взирать на чужие страдания, однако результат такого дистанцирования — нравственный кризис. Необходимо формирование универсальной этики, направленной на предотвращение геноцидов, а потому память о них не может замыкаться в этнических или национальных рамках: «когда единственными, кто хранит память о Холокосте, оказываются евреи, а об армянском геноциде —

армяне, подобные трагедии могут — и с высокой степенью вероятности будут — повторяться вновь и вновь» (с. 48). Сохранение памяти — нравственный императив, то единственное, что можно сделать для убитых, а «последовательное отрицание самого этого геноцида свидетельствует о том, что он фактически продолжается, пусть и на символическом уровне» (с. 67). Восстановление справедливости и избавление от коллективной травмы не могут осуществиться без признания статуса жертвы со стороны других. Те, кто индифферентны к чужим страданиям, по мнению Я. Аурана, сами занимают сторону преступника (с. 69).

Однако в Израиле на официальном уровне геноцид армян не признан. Это удивительно для страны, которая в основание идентичности положила память о Холокосте и использует ее в качестве морального призыва к другим нациям. Почему так произошло? В чем причина подобной моральной глухоты? Тем более что несомненна, как указывает Я. Ауран, определенная связь между двумя геноцидами — армян и евреев. И вопрос здесь не просто в сходстве механизмов уничтожения: власти кайзеровской Германии поощряли действия турок (с. 63), считая их легитимной формой насилия в военное время. Гитлер довел эту логику до предела. Примечательно, что отрицатели и Холокоста, и геноцида армян используют одинаковые риторические стратегии: отрицание, рационализация (жертвы сами виноваты), тривиализация (эти события не были чем-то особенным в мировой истории) и релятива-

ция (эти события ужасны, но ими изобилует весь XX в.) (с. 101). Любопытно и историческое происхождение термина «геноцид». Впервые он был предложен в 1944 г. юристом Р. Лемкиным. В 1921 г. армянский студент убил одного из организаторов армянского геноцида Талаат-пашу. Р. Лемкин, будучи тогда студентом Львовского университета, заинтересовался этим. Он считал убийство оправданным, хотя и сожалел, что нет международного права, согласно которому можно было бы наказать виновных в массовом истреблении. Так начался долгий исследовательский путь: в 1930-е гг. Р. Лемкин впервые озвучил идеи по формированию основ международного права в этой области. В годы Второй мировой он сумел бежать в США (часть семьи погибла во время Холокоста), а в 1944 г. опубликовал книгу «Принципы правления в оккупированной Европе», где и ввел понятие геноцида. Исследование было посвящено уничтожению евреев, однако в качестве примера приводился и геноцид армян.

Так что вопрос о причинах непризнания вовсе не тривиальный, хотя Я. Ауран дает на него убедительные ответы. В процессе чтения книги мы не могли отделаться от параллелей с работами Х. Арндт и З. Баумана, в которых вскрыты социальные причины, побудившие миллионы немцев отказаться от права на самостоятельное моральное суждение и стать сопричастными абсолютно злу (Арндт 2013; Бауман 2013). Структурные параллели между механикой геноцида и механикой забвения настолько бросаются в гла-

за, что мы не можем не обратить на них внимание, хотя сам Я. Аурон этого не делает. Мы ни в коем случае не пытаемся усилить критику в адрес официального Израиля, скорее предлагаем поставить вопрос об универсальных практиках, которые рвут социальную ткань и делают невозможным сочувствие к жертвам как во время их истребления, так и во временной ретроспективе.

Успешность политики нацистов во многом объясняется за счет механизмов дистанцирования: т.е. отделения «мы» от «них», кого можно уничтожить со спокойной совестью. Тут стоит говорить и о пропаганде, лишившей евреев человеческого облика, и о социальном исключении, и даже о газовых камерах, которые придумали, дабы те, кто убивает, не видели тех, кого убивают. Точно так же отказ в признании основан на дистанцировании от армянской трагедии на институциональном уровне в современном Израиле. Серьезные усилия предпринимаются для сохранения памяти о Катастрофе, однако о других геноцидах среднестатистические израильтяне не знают практически ничего (с. 47). Наиболее полно этот аспект раскрывается в третьей главе, где Аурон останавливается на опыте преподавания в Израиле истории массовых убийств. Здесь доминирует точка зрения об исключительности Холокоста, что делает нежелательным, по мнению многих ученых, политиков и педагогов, сравнение Катастрофы с другими геноцидами. Однако социологические исследования свидетельствуют, что сам факт преподавания ге-

ноцида армян не воспринимается большинством респондентов как угроза представлению об уникальности Холокоста (с. 118).

Немецкие преступления легализовались через соответствующее законодательство, противоречивость которого лишь играла на руку нацистам. И точно так же противоречивость юридического определения геноцида способствует тем, кто пытается его отрицать. Наиболее полно эта сторона раскрыта во второй главе. Отсутствие четкого определения вовсе не случайно ввиду сильного, эмоционально насыщенного негативного значения. Те, кто пережил трагедию, будут стремиться определить ее как геноцид, что ведет к размыванию понятия (с. 71). Ключевой пример — Конвенция ООН о предупреждении преступления геноцида и наказании за него, принятая ГА ООН в 1948 г. Как указывает Я. Аурон, она содержит ряд проблемных моментов. Так, геноцидом признается истребление только религиозных, национальных, этнических или расовых групп, поскольку под воздействием СССР из перечня исключили социальные группы, выделенные по политическим и социальным признакам (с. 76). Более того, Конвенция не прописывает ответственность тех, кто осуществляет массовые убийства, и никак не регулирует поведение международного сообщества. Она породила и иные споры: где проходят границы групп, подвергающихся уничтожению? Что следует из неясности относительно того, что геноцидом признается и полное, и частичное уничтожение? Какова роль центральных органов власти? Каким

образом можно на практике доказать спланированность преступления? (с. 79–80).

Именно последний вопрос имеет принципиальное значение: официально турецкие власти не отрицают сам факт гибели армян, однако указывают, что ввиду отсутствия планов уничтожения нельзя использовать понятие геноцида. Да и в принципе: современная Турция, не признавая себя наследницей Османской империи, не должна нести ответственность. Эта позиция активно пропагандируется официальными органами, связанными с ними изданиями и учеными, что оказывает влияние на восприятие проблемы в других странах. В настоящее время геноцид армян признали более 30 стран. Первым стал Уругвай в 1965 г., в 1985 г. Подкомиссия ООН по предотвращению дискриминации и защите меньшинств упомянула его в официальном отчете (с. 82). Ирония заключается в том, что отказ турок отмежеваться от геноцида, их активная позиция по его отрицанию, скорее, привязывают эту позорную страницу собственной истории к их внешнеполитическому имиджу.

И здесь мы переходим к третьей параллели. Холокост был бы невозможен без сплоченных социальных групп, готовых выполнять соответствующие приказы. Мы оставляем в стороне причины подчинения последним, лишь указывая на необходимость активного субъекта данной политики. Точно так же, если довериться Я. Ауруну, обстоят дела с политикой памяти (главы 3 и 4). Основную вину за отрицание геноцида армян он возлагает именно на Тур-

цию. Официальные власти не только поддерживают отрицателей, они уничтожают документы, а также апеллируют к истории Холокоста: на протяжении веков турки проявляли толерантность к евреям, а поэтому попытки последних признать геноцид армян представляются как неблагодарность (с. 103). В самой Турции эта тема фактически находится под запретом (например, в 1976 г. историк Т. Ачкам был приговорен к 10 годам тюрьмы). Ведь признание может привести к тому, что другие народы бывшей Османской империи, в разное время подвергавшиеся насилию, выступят с аналогичными требованиями. В исламском мире есть только две страны, которые признали геноцид армян: Ливан в 2000 г. и Сирия в 2015 г. Сделали они это прежде всего по политическим причинам.

В научном мире политика Турции заключается в создании и финансировании при известных университетах специальных тюркологических центров. Привлекаемые ими ученые становятся агентами влияния. Показательна судьба Центра турецких исследований Джорджтаунского университета, созданного в 1981 г. В 2006 г. посол Турции в США потребовал уволить его директора Д. Кватаэрта за то, что он охарактеризовал гибель армян как геноцид. Под угрозой прекращения финансирования ему пришлось покинуть свой пост, сам же Институт был лишен турецкой поддержки в 2015 г. (с. 85–86).

Четвертая параллель: Холокост был бы невозможен без такого явления, как «банальность зла», т. е. без

тысяч немцев, которые напрямую не участвовали в убийствах, однако либо словом, либо делом, либо бездействием оказывали содействие. Кто-то по карьерным мотивам, кто-то исходя из духа конформизма считал возможным — пусть даже молчаливое — соучастие в выполнении преступных приказов. Если мы стремимся объяснить непризнание армянского геноцида Израилем, то вслед за Я. Ауроном должны указать на сеть очень прагматичных политических и экономических причин, сопровождаемых страхом спровоцировать Турцию на жесткую реакцию. Этому посвящена пятая глава рецензируемой книги. Объяснение очень простое: Турция на протяжении десятилетий была единственным союзником во враждебном исламском мире (Израиль она признала уже в 1949 г.!). Совместная борьба против исламского радикализма, экономическое сотрудничество делают нежелательным для Израиля подобного рода выпады. В 1990-е гг. началось укрепление отношений Израиля с Азербайджаном, который после получения независимости начал расширять связи с Турцией. Политической основой стало противостояние Ирану, при этом израильтяне продают азербайджанцам оружие, а сами закупают нефть. Более того, на территории Азербайджана и Турции проживают достаточно крупные еврейские общины. Все это заставляет официальные власти Израиля обходить стороной столь проблемный вопрос, как признание геноцида армян.

Несомненно, проблема «банальности зла» неразрывно связана с различными сделками совести.

Примером (шестая и седьмая главы) может послужить скандал, сопровождавший проведение в 1982 г. в Иерусалиме крупной конференции, посвященной Катастрофе и другим геноцидам. Ее инициатором выступал профессор И. Чарни, подготовительная работа началась в 1979 г. Планировалось более сотни докладов, из которых шесть были бы посвящены геноциду армян (с. 164). Однако за несколько месяцев до начала конференции о ней узнали турецкие власти, которые оказали серьезное дипломатическое давление, воздействовавшее на МИД Израиля: «Израильские дипломаты обращались не только к общественным организациям, но и к отдельным наиболее известным лицам, как, в частности, к Эли Визелю и видному американскому юристу и общественному деятелю Алану Дершовицу. Вследствие этого давления Эли Визель направил организаторам телеграмму, в которой не только сообщил об отказе от участия в конференции, но и выразил опасение, что само ее проведение поставит под угрозу безопасность и благополучие евреев Турции» (с. 168). Не менее «осторожную» позицию занял Яд ва-Шем. В итоге из 600 участников приехала только половина, конференция лишилась поддержки, однако доклады о трагедии армян прозвучали, а сам скандал сыграл важную роль в формировании соответствующего общественного мнения.

Не менее показательны (не)обсуждение темы армянского геноцида на радио и телевидении, которые до 1990-х гг. находились в Израиле в руках государства. Речь идет

о прямой цензуре, вымарывании упоминаний или неформальных запретах. Последнее произошло в 1990 г. с фильмом Т. Богосяна «An Armenian Journey» (с. 187), который уже несколько лет показывался в других странах. Несмотря на протесты в независимой печати (журналисты стали активно использовать понятие «Холокост» по отношению к армянам), власти мотивировали отказ возможными «проблемами» для еврейской общины в Турции (с. 193, 195). Впрочем, скандал привел к тому, что о фильме узнали больше людей, нежели бы его посмотрели по изначальному расписанию.

На телевидении впервые эту тему затронули в рамках одного ток-шоу в 1994 г. (участником стал автор книги Я. Аурон, подготовивший соответствующую учебную программу): политические связи журналиста позволили передаче выйти в эфир, причем приглашенный на нее посол Турции отрицал геноцид. Три года спустя один выпуск «Международной телепанорамы» был также посвящен трагедии армян, но официальной реакции Турции уже не последовало: «вопреки многократно звучавшим опасениям, никакой катастрофы вследствие этого не произошло ни для израильско-турецких отношений, ни для евреев Турции» (с. 263).

В 1997 г. Турция отказалась в выдаче агремана профессору Э. Толидано, назначенного послом от Израиля. Причина: его выступление 1981 г., где он называл массовую гибель армян именно геноцидом. Можно согласиться с Я. Ауроном, что, скорее

всего, имел место донос от «ревнивых» коллег, однако характерна позиция самого профессора, который все отрицал и из карьерных соображений фактически солидаризовался с турками по данному вопросу (с. 212). Наиболее печальная история случилась в мае 2003 г. во время празднования 55-летия независимости Израиля (глава 10). Согласно традиционной церемонии, 12 человек («тщательно отобранных за их исключительный труд на благо государства и общества») должны были зажечь факелы в Иерусалиме, которые одновременно служат и как символы памяти погибших, и как огни в честь независимости страны. Участницей стала врач Н. Налбалдян, которая во время торжественной речи хотела затронуть историю своей семьи. Сама она являлась представителем третьего поколения армян, переживших геноцид 1915 г. Однако из-за давления Турции в ее речь внесли изменения, запретив упоминать геноцид (с. 255). Понятно, что подобное вмешательство во внутренние дела государства вызвало общественный резонанс.

Как мы видим, за всеми этими нелицеприятными фактами стоят политическая конъюнктура и узколичный карьеризм, усиленные страхом перед бурной реакцией турок. Армянская община Израиля не столь многочисленна и не имеет своего представительства, чтобы государство проявляло особое попечение о памяти событий 1915 г. Примечательно, что борьба за признание являлась делом именно отдельных историков, журналистов, интеллектуалов, со временем образовавших транснациональную сеть.

В политическом плане дела обстояли сложнее (глава 8). Так, впервые в Кнессете — и то на заседании комиссии по иностранным делам и обороне — этот вопрос был поднят в 1989 г. в связи с обсуждением в Конгрессе США признания армянского геноцида. В 1994 г., вскоре после упомянутой выше передачи с участием Я. Аурана, на пленарном заседании Кнессета замминистра иностранный дел Й. Бейлин был вынужден фактически признать массовое убийство армян (на иврите он использовал словосочетание «убийство народа», синонимичное геноциду). Однако это было отдельным исключением, как и участие министра образования Й. Сариды (представитель левой партии Мерец) в церемонии памяти жертв геноцида в Армянском квартале Иерусалима 24 апреля 2000 г. Параллельно и Яд ва-Шем — видимо, следуя логике административного конформизма — выступил с заявлением о том, что якобы никогда не возражал против преподавания темы геноцида армян. Однако вскоре коалиционное правительство распалось, партия Мерец вышла из него, что позволило представителю МИД фактически дезавуировать слова бывшего министра образования (с. 221).

Изменение отношения к теме на официальном уровне стало возможным с ухудшением израильско-турецких отношений (глава 10). Так, в 2009 г. Кнессет провел специальную сессию по геноциду армян. В дальнейшем открыто об этом говорил президент Р. Ривлин, в том числе в 2015 г. на площадке ГА ООН. В этом же году Открытый универси-

тет Израиля провел тематическую конференцию. А 1 августа 2016 г. Комиссия Кнессета по образованию, культуре и спорту предложила официально признать геноцид армянского народа. На этой позитивной ноте и заканчивается исследование Я. Аурана. В приложении даны две статьи: А. Марутяна, излагающая основные вехи сохранения памяти о геноциде в Армении, и С. Маркедонова, проясняющая ряд особенностей внешнеполитического положения Израиля.

В контексте проблемы глобальной культуры памяти, обозначенной в начале рецензии, работа Я. Аурана интересна, поскольку высвечивает фундаментальное противоречие между универсальным и партикулярным. Несомненно, для Израиля (как государства) память о Холокосте имеет особое значение, а универсальный моральный призыв активно используется для выстраивания внешнеполитического имиджа. Если бы не централизованные государственные усилия, разве память о Катастрофе была бы укоренена так сильно? Однако сама идея универсальности — будучи логически развитой — требует признания и других геноцидов, что выходит за рамки национальных интересов, а может и противоречить им. Я. Ауран намекает, что это противоречие, безусловно, мнимое, ни интересы государства, ни еврейские общины за рубежом не пострадали от того, что государственные СМИ или политики стали говорить про геноцид армян. Неудивительно, что именно представители гражданского общества выступают за взаимное признание и торжество

глобальной этики ответственности. Возможность формирования ими транснациональных сетей усиливает призыв, однако еще не делает глобальную память и универсальную этику ответственности реальностью.

К сожалению, Я. Аурон подробно не останавливается на том, как негосударственные СМИ, интеллектуалы и вообще представители общественности обсуждали тему геноцида армян (пожалуй, это главный недостаток книги), однако, судя по отрывочно приведенным данным, большинство вовсе не солидаризовалось с турками. Корни противоречий между официальной позицией и общественным мнением требуют, на наш взгляд, отдельного исследования. Однако когда они только обозначились, представители израильского государства оказались перед необходимостью совершить политическое действие (т.е. занять однозначную позицию «за» или «против»). Отказ от него привел к началу циничной игры в формулировки с использованием цензурного аппарата, что подрывало моральные позиции политиков. Каждая попытка лавировать вела к общественным скандалам, которые еще сильнее обличали официальное лицемерие. Как можно проявлять озабоченность по поводу отрицания Холокоста в других странах мира и при этом самим фактически поддерживать тех, кто отрицает геноцид армян? Я. Аурон неоднократно задает этот риторический вопрос, правомерный, на наш взгляд. Если вы используете одни страницы истории в политических — пусть и максимально

благородных! — целях, то вполне логичными становятся призывы сделать и другие аспекты прошлого достоянием «официальной позиции». У любой подобной символической игры существуют пределы, обусловленные внутренней логикой и прежде всего ценностной системой, ведь публичное обращение к прошлому — это всегда именно ценностное действие. Именно в прояснении взаимосвязи памяти, ценностей и политики на конкретном примере мы видим основное значение монографии Я. Аурана.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Александр 2013 — **Александр Дж.** Смыслы социальной жизни: культурсоциология. М.: Праксис, 2013.

Арендт 2013 — *Арендт Х.* Ответственность и суждение. М.: Институт Гайдара, 2013. 352 с.

Ассман 2017 — *Ассман А.* Распалась связь времен? Взлет и падение темпорального режима Модерна. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 272 с.

Бауман 2013 — *Бауман З.* Актуальность холокоста. М.: Европа, 2013. 316 с.

Миллер 2016 — *Миллер А.И.* Политика памяти в посткоммунистической Европе и ее воздействие на европейскую культуру памяти // *Полития*. 2016. № 1. С. 111–121.

Эрлих 2016 — *Эрлих С.Е.* Глобальная память информационного общества: этика, идентичность, нарратив // *Историческая экспертиза*. 2016. № 3. С. 11–32

Kucia 2016 — *Kucia M.* The Europeanization of Holocaust Memory and Eastern Europe // *East European Politics and Societies and Cultures*. 2016. Vol. 30. No. 1. P. 97–119.

Levy, Sznajder 2002 — *Levy D., Sznajder N.* The Holocaust and the Formation of Cos-

mopolitan Memory // European Journal of Social Theory. 2002. Vol. 5. No. 1. P. 87–106.

Misztal 2010 – Misztal B. Collective Memory in a Global Age. Learning How and

What to Remember // Current Sociology. 2010. Vol. 58 (1). P. 24–44.

Stepinsky 2005 – Stepinsky J. Global Memory and the Rhythm of Life // American Behavioral Scientist. 2005. Vol. 48. No. 10. P. 1383–1402.

(IN)COMPATIBLE GENOCIDES?

Rev.: Auron Ya. Gosudarstvo Izrail' i pamyat' o genocide arman: ot ravnodushnogo otricaniya k zapozdalomu priznaniyu / pod red. A. D. Epshteina. Moscow: ID «Doluhanov», 2017. 312 p.

Pakhalyuk Konstantin A. – lecturer, Department of linguistics and translation studies, MGIMO (University) of the The Ministry of Foreign Affairs of Russia (Moscow), Odintsovo branch

Key words: genocide, Holocaust, global memory, the ethics of responsibility.

Abstract. This is a review of the Y. Auron book devoted to the perception of the Armenian genocide in Israel. The main task was to put the research in the context of discussion about global memory.

REFERENCES

Aleksander Dzh. *Smysly social'noj zhizni: kul'tursociologiya*. Moscow: Praksis, 2013.

Arendt Kh. *Otvetstvennost' i suzhdenie*. Moscow: Institut Gaidara, 2013. 352 p.

Assman A. *Raspalas' svyaz' vremen? Vzlet i padenie temporal'nogo rezhima Moderna*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2017. 272 p.

Baumant Z. *Aktual'nost' kholokosta*. Moscow: Evropa, 2013. 316 p.

Erlih S.E. Global'naya pamyat' informacionnogo obshchestva: ehtika, identichnost', narrativ. *Istoricheskaya ehkspertiza*, 2016, no. 3, pp. 11–32.

Kucia M. The Europeanization of Holocaust Memory and Eastern Europe. *East*

European Politics and Societies and Cultures, 2016, vol. 30, no. 1, pp. 97–119.

Levy D., Sznajder N. The Holocaust and the Formation of Cosmopolitan Memory. *European Journal of Social Theory*, 2002, vol. 5, no 1, pp. 87–106.

Miller A.I. Politika pamyati v postkommunisticheskoy Evrope i ee vozdejstvie na evropejskuyu kul'turu pamyati. *Politiya*, 2016, no. 1, pp. 111–121.

Misztal B. Collective Memory in a Global Age. Learning How and What to Remember. *Current Sociology*, 2010, vol. 58 (1), pp. 24–44.

Stepinsky J. Global Memory and the Rhythm of Life. *American Behavioral Scientist*, 2005, vol. 48, no. 10, pp. 1383–1402.

М. Ботнарь

Рец.: De-Stalinising Eastern Europe. The Rehabilitation of Stalin's Victims after 1953, Editors: McDermott, Kevin; Stibbe, Matthew. London: Palgrave Macmillan, 2015.

Ключевые слова: Центральная Европа, Восточная Европа, сталинизм, репрессии, десталинизация, реабилитация.

Аннотация. Рецензируется коллективный труд, в котором на материале ряда стран Центральной, Восточной, Юго-Восточной Европы, в том числе постсоветского пространства, рассматриваются процессы десталинизации и реабилитации жертв репрессий после 1953 г., выявляется специфика этого процесса в отдельных странах.

DOI 10.31754/2409-6105-2018-3-272-282

Сборник исследований «Десталинизация Восточной Европы. Реабилитация сталинских жертв после 1953 г.» подготовлен по итогам работы международного семинара, организованного университетом Шеффилд Холлем в Британии. В центре внимания авторов – процесс реабилитации жертв сталинского террора в пяти советских республиках – РСФСР, Украинской ССР, Белорусской ССР, Молдавской ССР, Латвийской ССР, а также в шести странах советской сферы влияния – в Венгрии, Польше, Восточной Германии, Чехословакии, Румынии, Болгарии.

Обращаясь к теме, авторы задаются целым рядом ключевых вопросов. Что послужило толчком для начавшихся реабилитаций жертв сталинизма (в том числе диктатур сталинистского типа в странах Восточной Европы)? Когда и при каких конкретных обстоятельствах проходили процессы реабилитации,

в какой связи находились они с внутривосточной борьбой в отдельных странах? Каковы были основные требования и ожидания реабилитированных лиц, а также членов их семей, в какой мере и каким образом эти требования были удовлетворены? Какие факторы (внешние и внутренние) ускоряли, а какие замедляли процессы реабилитации? Почему некоторые из советских и восточноевропейских сталинистов, организаторов репрессий, оставались так или иначе у власти в своих странах и после разоблачительного доклада Н. С. Хрущева на XX съезде КПСС, тогда как другие были отстранены и отодвинуты от руля управления своими государствами? И наконец, каким образом инициаторам серьезных преступлений удавалось избегать правосудия, прикрывать виновных, долгое время утаивать подлинные масштабы репрессий, совершенных коммунистическими режимами?

Не менее существенными, впрочем, нам представляются и другие вопросы: отличалось ли после 1953 г. отно-

© Ботнарь М., 2018

Ботнарь Михаэла – аспирантка Университета Александру Иоана Кузы (Яссы, Румыния) mihaelabotnari@gmail.com

шение коммунистических властей к жертвам режима из числа коммунистов и к тем, кто не имел отношения к коммунистическому движению? Насколько влиял центр этого движения (Москва) на реабилитационную политику и в какой мере инициатива исходила от национальных и местных лидеров? Насколько сказывалось на реабилитационном процессе западное общественное мнение, выражаемое в СМИ, по дипломатическим каналам и через общественные (в том числе эмигрантские) организации, учитывая, что среди жертв репрессий были люди, известные в мире? Как реагировали на начало реабилитационных процессов граждане Восточной Европы, коммунисты и некоммунисты, и имели ли некоторые из категорий населения определенные рычаги воздействия на эти процессы?

В основе документальных, эмпирических исследований лежит и определенный теоретический подход. Авторы, в частности, не порывая с конкретно-историческим контекстом, пытаются провести типологизацию реабилитаций: речь может идти о реабилитации правовой, политической, социально-экономической, о моральной реабилитации жертв режимов, об амнистии (коллективном либо индивидуальном прощении), наконец, о реабилитации в общественном мнении.

Марк Эли (Marc Elie), автор первого включенного в сборник исследования, «Реабилитация в Советском Союзе в 1953–1964 гг.: недостигнутая политика» (*Rehabilitation in the Post-Stalin Soviet Union in 1953-1964: Politic Unreached*), исходит из той

посылки, что причастность членов послесталинского «коллективного руководства» КПСС к политике государственного террора на предшествующем историческом этапе стала после марта 1953 г. главной проблемой в борьбе за власть, никто из участников этой борьбы не мог полностью абстрагироваться от выражения своего отношения как к политическим методам Сталина, так и к созданной диктатором системе с точки зрения ее эффективности. Переоценка сопровождавшегося жестокими репрессиями прошлого началась уже в первые годы оттепели. В результате дела 960 тыс. человек (весьма внушительная цифра!) были пересмотрены, эти лица были признаны невинными и реабилитированы, зачастую посмертно. По оценкам того времени, речь шла примерно об одной трети жертв политических репрессий. М. Эли стремится проанализировать, в какой мере «приливы и отливы» в реабилитационной политике находились в зависимости от конкретных перипетий внутривластного противоборства в СССР в первое послесталинское десятилетие. Ведь реабилитация становилась инструментом внутривластной борьбы прежде всего в силу того, что давала членам руководства основания обвинять своих соратников и соперников в совершенных преступлениях. Масштабы репрессий были при этом недооценены (в их недооценке по сути были заинтересованы все наследники Сталина, сделавшие при нем карьеру). Сам этот факт породил новые и новые волны общественного подъема с требованием новых реабилитаций. Это касалось и обращений отдельных граждан

и групп населения с ходатайствами во власть, и появления в советской художественной культуре целого пласта произведений (в том числе выдающихся), пронизанных идеей разрыва со сталинским политическим и идейным наследием. Для самого Хрущева подконтрольный властям процесс реабилитации был неотъемлемым элементом политики эмансипации коммунистического режима от того наследия, которое тормозило движение вперед, к коммунизму.

При этом автор обращает внимание на то, что само понятие «реабилитация» к 1953 г. вообще не существовало в советском законодательстве, на языке советского права речь могла заходить только об амнистии или пересмотре уголовных дел. Термин «реабилитация» впервые появился на страницах «Правды» в связи с прекращением «дела врачей» и освобождением арестованных по нему. До этого советская общественность была знакома только с амнистией. Между тем не надо быть юристом, чтобы видеть кардинальное отличие этих двух юридических процедур. В случае амнистии приостанавливается судебное преследование, устраняются юридические последствия приговоров: заключенные освобождаются и им «прощается» наказание. Реабилитация же означает признание невиновности осужденного, что должно означать не только юридическую отмену приговора, но и устранение его социальных (а не только юридических) последствий. Это предполагало предоставление компенсации за неправомерно вынесенное решение, меры по интеграции

освобожденных людей в общество с учетом их прежнего социального статуса, восстановление репутации. Таким образом, реабилитация (даже неполная и ограниченная, распространяемая лишь на часть невинно осужденных) является не только юридической процедурой, но означает изменение всей политической оптики, включающее и признание государством определенной вины за собой за судьбу реабилитируемых людей. Отметив иницилирующую роль Хрущева в деле реабилитации, автор признал, что характер ее осуществления оставил нерешенными множество проблем, волновавших общественное мнение. Само включение в политическую риторику режима понятия «реабилитация», конечно же, не означало, что были приняты все необходимые меры по восстановлению в своих прежних правах и статусе освобожденных и реабилитируемых политзаключенных. И если вначале вступила в действие ускоренная процедура реабилитации, то летом 1957 г. правовая реформа, направленная на дальнейшее упрощение процедуры реабилитации, была приостановлена, процесс восстановления освобожденных людей в правах хотя и продолжался, но уже медленнее.

С другой стороны, вынос тела Сталина из мавзолея в 1961 г. и появление ряда художественных произведений, остро поднимавших на основе пережитого опыта тему репрессий и вины за них, усилили общественное внимание к проблеме реабилитации, поставили вопрос о связанной с ней символике. С точки зрения социальных послед-

ствий реабилитации, однако, мало что изменилось, поскольку при отсутствии юридической реформы не создавалась правовая основа для упрощения необходимых процедур. Более того, разговоры о полной реабилитации были зачастую не более чем риторическим приемом властей, ведь подавляющее большинство реабилитированных не получили материальных компенсаций, долгие годы продолжали бороться за восстановление прав на жилье и собственность, утраченные при аресте. Если и можно говорить об исключениях из этого правила, то они касались ряда переживших репрессии лиц, относившихся ранее к сталинской элите, что лишь подчеркивает селективность хрущевской реабилитации. О каком-либо верховенстве закона в процессе ее осуществления говорить не приходится.

В статье венгерской исследовательницы А. Петё (Andrea Pető) процесс десталинизации в Венгрии рассмотрен не только в хронологическом плане (автор задается вопросом и пытается объяснить, почему в Венгрии он начался раньше, чем в других странах Восточной Европы), но и в ее гендерных аспектах. Автор концентрирует внимание на конкретной персоналии – Юлии Райк (1914–1981). Ее муж Ласло Райк (1909–1949), видный деятель венгерской компартии, был арестован по инициативе лидера венгерской компартии М. Ракоши и предстал перед судом на показательном судебном процессе в Будапеште в сентябре 1949 г., вызвавшем резонанс во всем мире. Прозвучавшие на суде сфальсифицированные об-

винения в антигосударственной деятельности и шпионаже в пользу империалистических государств и титовской Югославии дали новой толчок антиюгославской кампании, организованной Сталиным в 1948 г. Казненный в октябре 1949 г. Л. Райк был с неизбежностью реабилитирован в 1955 г. в условиях начавшегося советско-югославского сближения, когда советской стороне пришлось отказаться от прозвучавших на процессе Райка обвинений в адрес Югославии. Вдова Л. Райка, сама ветеран венгерского коммунистического движения и жертва сталинских репрессий (приговоренная в 1949 г. к 5 годам лишения свободы), вела неустанную борьбу за полную реабилитацию и достойное, со всеми почестями, перезахоронение мужа, используя для этого общественные форумы, возникшие весной-летом 1956 г. на волне XX съезда КПСС. Церемония перезахоронения Райка 6 октября 1956 г. собрала массовую демонстрацию под протестными лозунгами, в определенной мере явившуюся прелюдией к мощнейшему народному восстанию, вспыхнувшему 23 октября. Что же касается реабилитации других жертв сталинизма в Венгрии, то процесс этот, начавшись довольно рано, летом 1953 г., с провозглашением премьер-министром И. Надем «нового курса», был, как и в СССР, непрозрачным, отличался выборочностью, подача жалоб с требованием реабилитации растянулась на десятилетия.

Об освобождении и реабилитации жертв сталинского террора в Польше пишет П. Клодочный (Piotr Kłodoczny) из Варшавского

университета. Он акцентировал внимание на том, что установление в Польше системы сталинского типа возымело трагические последствия как в целом для страны, так и отдельно для каждой общественной прослойки. Оно ударило по судьбам многих тысяч людей, полностью так и не реабилитированных вплоть до 1989 г. либо не получивших должной материальной компенсации (это касается и насильственно депортированных лиц).

Смерть Сталина не оказала немедленного влияния на ситуацию в Польше. Напротив, репрессии в этой стране достигли своего пика именно в 1953 г., а первые признаки оттепели проявились лишь во второй половине 1954 г. Именно к этому времени и относятся первые меры по частичной реабилитации жертв сталинского террора. Началу планомерной десталинизации способствовал внешний фактор – принятое в сентябре 1954 г. решение радиостанции «Свободная Европа» организовать серию передач о незаконных методах, использовавшихся органами госбезопасности (р. 68).

На основе привлеченного обширного архивного материала автор доказывает, что реабилитация и компенсация за причиненные страдания могли иметь необходимый эффект лишь в том случае, если бы пользовались реальным признанием со стороны населения, в том числе наследников репрессированных. Важным условием этого должны были стать открытость процесса реабилитации, его соответствие определенному набору принципов, которые принимаются как властями,

так и обществом. В условиях коммунистической Польши, считает П. Клодочный, этого не было. Реабилитация была лишь элементом политической игры, сопутствовавшей перестановкам в верхних эшелонах власти.

Специфика Восточной Германии состояла в необходимости решения вопроса о реабилитации тех немецких антифашистов, которые покинули Германию после прихода к власти Гитлера в 1933 г. и стали в СССР жертвами сталинских репрессий. Эта тема была раскрыта в статье Мэттью Стибба (Matthew Stibbe) «Пределы реабилитации: сталинский террор 1930-х годов и его наследие в Восточной Германии после 1953 г.» (The Limits of Rehabilitation: The 1930-s Stalinist Terror and its Legacy in Post-1953 East Germany). Судьбы выживших в СССР политэмигрантов складывались по-разному. Некоторые были реабилитированы усилиями советских правовых органов, другие вернулись в Германию в конце 1940-х гг. в результате прямого вмешательства первого президента ГДР Вильгельма Пика, однако подавляющее большинство (более 150 человек) было реабилитировано позже, начиная с 1954 г. Автор затрагивает и другую проблему – о существовавших в ГДР установленных властями жестких ограничениях на распространение информации о сталинских преступлениях в СССР. Возвращавшимся из советских лагерей было запрещено рассказывать (тем более перед широкой публикой) о перенесенных в ГУЛАГе страданиях, и те, кто принял это условие, были вознаграждены за сокрытие

информации и проявление лояльности — получили места в партийном аппарате, научных учреждениях, в СМИ. В более полном объеме правда о репрессиях (в том числе ранее усиленно скрывавшиеся от восточногерманской публики откровения Хрущева на XX съезде КПСС) была официально раскрыта только в 1988 г., по случаю 70-й годовщины КПГ и всего за год до краха коммунистического правления в Восточной Германии.

В Чехословакии освобождение жертв режима и их реабилитация стали долгим и многоэтапным процессом, который начался в середине 1950-х гг. и завершился только с крахом коммунизма — этой теме посвящена статья Кевина Мак-Дермотта (Kevin McDermott) и Клары Пинеровой (Klára Pinerová). Привлекая большое количество архивных документов (в том числе из архивов госбезопасности), авторы раскрывают конкретные механизмы контроля властей над процессами десталинизации и реабилитации жертв всеохватного террора первых лет коммунистической диктатуры, показывают реакцию общества и влияние общественного мнения на восстановление справедливости. Затрагивается вопрос и о последствиях реабилитации для чешско-словацких отношений в контексте естественных требований словаков относительно повышения статуса Словакии в рамках общего государства. По мнению авторов, освобождение политических заключенных, привлекавшихся по громким делам «словацких националистов», вело к ослаблению партийной дисциплины, что создавало более бла-

гоприятную почву для активизации словацкого национального движения.

Первый этап реабилитации, отнесшийся к середине 1950-х гг., не привел к освобождению многих политзаключенных и пересмотру их судебных дел. Более масштабные последствия в этом плане возымел второй этап (начало 1960-х гг.), в определенной мере связанный и со второй волной официальной хрущевской десталинизации. Немалое значение имела в этом контексте амнистия 1960 г. — в связи с ней авторы рассматривают и анализируют распространившиеся в общественном мнении стереотипы, существовавшие о противоречиях в обществе, в том числе о многообразии отношений граждан (как чехов, так и словаков) к существующему государству. Некоторые воспользовались амнистией в целях жесткой критики общественных порядков, другие, даже не разделяя официальной идеологии, продолжали сохранять лояльность власти. Многообразие реакций в обществе на процессы реабилитации связывается авторами с приверженностью тех или иных групп политически активных граждан принципам либерализма, авторитаризма, неосталинизма и т.д. При этом господство сохраняла коммунистическая идеология, которая в соответствии с присущим ей классовым подходом создавала питательную почву для враждебности не только к классовым врагам, но и к «начальникам», бюрократам, третирующим трудовые слои населения (р. 127). Именно в этом, не совсем привычном идейном контексте авторы рассматривают истоки

Пражской весны 1968 г. Вообще противоборству в партаппарате реформаторов и «консерваторов», придерживавшихся жесткой линии (hardliners), авторы не склонны придавать решающего значения. Куда важнее было, по их мнению, давление на партийный аппарат снизу, в нем проявились различные устремления, причем одним из решающих импульсов стало требование полного восстановления справедливости в отношении жертв репрессий, последовательного проведения реабилитации, наказания виновных. В статье не обойден стороной и вопрос о том, как сказались на отношении к реабилитированным жертвам репрессий начала 1950-х гг. процесс гусаковской «нормализации» после 1968 г., когда многие тысячи людей были подвергнуты новым гонениям.

Процесс реабилитации в Румынии рассмотрен прежде всего на примере одного конкретного случая. Речь идет о восстановлении справедливости в отношении одного из основателей румынской компартии и министра юстиции в 1944–1948 гг. Лукрециу Патрашкану, который был казнен уже после смерти Сталина, в 1954 г., в результате фальсифицированного судебного процесса, по обвинению в предательстве. Автор исследования Кэлин Гойна (Călin Goina) отмечает, что реабилитация, особенно в случае с Патрашкану, была немислима без публичного признания в высших эшелонах партии неправоты проводившейся политики. Вынужденные пойти на это, власти вместе с тем сделали весь процесс реабилитации непрозрачным и избирательным, о подлинном восстановлении вер-

ховенства закона речи идти не могло. Некоторые жертвы прежних репрессий в этих условиях оказывались более «полезными», чем другие, их реабилитация была более целесообразна с точки зрения интересов правящей верхушки. Предпринятая в 1968–1969 гг. реабилитация Патрашкану и других наиболее видных жертв режима (из числа коммунистов) была использована Н. Чаушеску в качестве средства для создания своего политического имиджа, репутации независимого коммуниста, не склонного поддаваться давлению Кремля, а кроме того, для утверждения в глазах общества своих позиций как бесспорного и непогрешимого лидера.

Йордан Баев в статье о десталинизации и политической реабилитации в Болгарии разделил болгар, ставших жертвами сталинизма, на три категории. Прежде всего это болгарские политэмигранты-антифашисты, которые были арестованы в СССР во время Большого террора 1936–1938 гг. Выжившие вернулись домой в 1944–1963 гг., многие были восстановлены в партии. Другая группа репрессированных была представлена бывшими деятелями антикоммунистических партий, чиновниками монархического режима, парламентариями и представителями непарламентской оппозиции первых послевоенных лет, выступавшими против установления коммунистической диктатуры. Из этой категории лиц лишь немногие были реабилитированы в первое постсталинское десятилетие, а некоторые — только частично, причем условием реабилитации было согласие сотрудничать с правя-

щей компартией. Большинство же из этих людей было реабилитировано только после 1989 г., в основном посмертно. Реабилитация 1990-х гг. распространилась и на деятелей болгарской антикоммунистической эмиграции, к которой относились люди разных убеждений. К третьей категории репрессированных принадлежали функционеры компартии, которые в 1940–1950-е гг. в ходе ряда судебных процессов были обвинены в шпионаже в пользу Тито, американцев или англичан. Многие из них были реабилитированы специальными комиссиями, которые заседали при закрытых дверях. Реабилитация была заведомо неполной и ограниченной, поскольку, как и в некоторых других странах, кампанию по разоблачению «культы личности» и реформированию сталинской политической модели осуществляли все те же функционеры, которые были ответственны за массовые репрессии. И после XX съезда КПСС проведение реабилитации в Болгарии сопровождалось немалыми колебаниями руководства БКП.

На материале советской Украины проблемы реабилитации жертв сталинских репрессий рассмотрел Олег Бажан. Хотя большинство заключенных и было освобождено, процедура полной реабилитации происходила выборочно, предпочтение отдавалось партийно-государственным работникам и членам их семей, на пути интеграции в общество людей, прошедших через репрессии, создавались социальные, правовые, бюрократические барьеры.

Путь к полной реабилитации несправедливо осужденных был дол-

гим и трудным и в соседней с Украиной советской Молдавии. В статье Игоря Кашу (Igor Cașu) в первую очередь рассматриваются вопросы реабилитации жертв, занимавших важные партийно-государственные должности. Вместе с тем в ней находят отражение и судьбы разного рода лиц, депортированных из Молдавии как в 1940–1941 гг., после ввода Красной Армии в Бессарабию, так и в конце 1940-х гг., и вернувшихся в родные края после 1953 г. Это были люди разных возрастов, различные по своему социальному положению и политическому прошлому (среди депортированных было особенно много крепких хозяев-крестьян, а также представителей интеллигенции). Анализируя архивные данные, И. Кашу пытается установить, какой процент депортированных из Молдавии был амнистирован и в какие сроки. Он приходит к выводу о том, что «поколение оттепели» явилось продуктом той общественной ситуации, которую определили процессы реабилитации и массовое освобождение заключенных из ГУЛАГа. Позже оно в значительной своей части оставалось приверженным традиционным национальным культурным ценностям и идеям духовного сопротивления любого рода политическому давлению именно с позиций защиты национальной культуры.

Латвия — другая советская республика, где подлинная гармония между коммунистическим режимом и местным национальным сообществом так никогда и не была достигнута. В республике, население которой составляло около 2 млн человек,

примерно 180–190 тыс. человек было подвергнуто разного рода репрессиям – арестам, направлениям на работу в систему ГУЛАГа, депортациям в другие регионы Советского Союза. Пережитому выходцами из Латвии опыту посвящено исследование Ирены Салениеце (Irena Saleniece), особое внимание в нем уделено обстоятельствам их освобождения из специальных поселений после 1953 г. и последующей судьбе.

Массовые депортации из Латвийской ССР первоначально были нацелены на уничтожение местных элит, объявленных националистами и врагами народа. К числу «опасных элементов» в массовом порядке были отнесены также кулаки и члены их семей. Некоторые из них получили возможность выйти на свободу уже в условиях послесталинской оттепели, начиная с первого указа об амнистии политзаключенных от 27 марта 1953 г. Основываясь на воспоминаниях жертв репрессий, автор пишет не только об их судьбе в заключении, но и о жизни после освобождения из советских лагерей. И. Салениеце подчеркивает, что после освобождения многие оказались перед непростым выбором: вернуться домой, где их лишили собственности, переехать в другие регионы или поселиться вблизи того места, где они находились в депортации. Тем, кто вернулся домой, пришлось увидеть своими глазами последствия коллективизации, гнетущие условия колхозной жизни. Пережитый травматический опыт нашел отражение в мемуарах, проанализированных автором. Следует иметь в виду, что и по возвращении домой бывшие депортированные

находились под неустанным наблюдением органов КГБ. Правда, некоторые из них сумели сделать и в этих условиях определенную карьеру.

И. Салениеце обращает внимание не только на многообразие, но и на тяжелые последствия травматического опыта, приобретенного людьми разных поколений, включая тех, кто был депортирован с семьями в раннем возрасте или родился уже в лагерях. Речь идет о травмах физических (ухудшение здоровья), психологических (постоянное чувство страха, угроз, несправедливости, боль в связи с трагической потерей членов семей), социальных (вызванных утратой социального статуса и соответствующих прав), культурных, в том числе неспособности теми, кто покинул родину в раннем детстве или родился уже в лагере, естественно адаптироваться после возвращения к другой культурной среде.

В 1950-е – первой половине 1980-х гг. проблемы депортации и реабилитации не выносились на публичное обсуждение. Только с началом горбачевской перестройки и эпохи гласности стало возможным открыто говорить о репрессиях. Осенью 1988 г. Совет министров Латвийской ССР признал депортации незаконными, а годы, проведенные в лагере, были зачтены в рабочем стаже. Согласно латвийскому законодательству, существуют разные типы возмещения репрессированным понесенных утрат, в том числе реституция имущества. Необходимость примирения общества на основе признания трагедии

1940–1950-х гг. осознается многими политиками, хотя и сегодня, по наблюдению автора, проявляют себя (впрочем, отнюдь не только в Латвии) наследники советского тоталитаризма, не склонные к извлечению уроков из прошлого.

В соседней с Латвией Беларуси после прихода к власти А. Лукашенко в официальном дискурсе также активно присутствуют выступления, проникнутые ностальгией по советской эпохе, тягой к советским методам и ценностям. Обратившаяся к проблемам десталинизации и сопутствовавшей ей реабилитации на белорусском материале Ирина Романова столкнулась с трудностями при получении доступа к архивным документам. Тем не менее исследовательница, опираясь на все доступные, в том числе опубликованные в начале 1990-х гг. архивные материалы, а также наработки устной истории и источники личного происхождения, приводит в своей статье данные о судьбах людей, прошедших через аресты и депортации, а позже реабилитированных и на протяжении многих лет добивавшихся разного рода компенсаций. Культивирование исторической памяти о репрессиях советского периода, по наблюдению исследовательницы, не пользуется в Белоруссии государственной поддержкой, является скорее делом одиноких энтузиастов.

В заключительной статье Мириам Добсон (Miriam Dobson) о сталинской реабилитации в панъевропейской перспективе отмечается, что мемуарный бум последних десятилетий обогатил историографию о по-

слевоенных обществах. Согласно П. Лагру (Pieter Lagrou), поиски путей единения, сплочения сообществ после 1945 г. велись вокруг некоторых символов, заключивших в себе многообразный опыт всевропейской войны. Эти символы включали в себя как героев, так и мучеников. Наряду с борцами Сопротивления, героизированными вскоре после 1945 г., почетное место в героическом пантеоне антифашистов заняли выжившие в концлагерях. К категории мучеников новейшей эпохи относятся и жертвы депортаций.

Общим явлением, характерным для большинства восточноевропейских государств, стало использование новыми коммунистическими правительствами зачастую фальсифицированных судебных процессов и арестов, предпринятых в целях устранения не только явных врагов, но и политических конкурентов. После Сталина самым распространенным инструментом массового освобождения заключенных стала амнистия, были созданы также реабилитационные комиссии, начался пересмотр судебных дел. При этом процессы реабилитации прошли в разных странах через этапы ускорения и замедления и везде носили элементы выборочности и субъективизма. Это сказывалось и на реинтеграции в общество освобожденных, вернувшихся домой.

Тема страданий, пережитых репрессированными, как и связанная с ней проблема ответственности, сохраняют актуальность в общественном дискурсе, осмысление пережитого опыта сопровождается дебатами, иногда перерастающими в войны

исторической памяти, охватывающими все пространство Восточной Европы. Однако подлинные прорывы в историческом знании невозможны без плодотворного диалога между историками разных стран, школ и политических ориен-

таций, как и без снятия грифов секретности с еще недавно закрытых архивных фондов, осуществления серьезных проектов по публикации и введению в научный оборот новых источников.

Rev.: De-Stalinising Eastern Europe. The Rehabilitation of Stalin's Victims after 1953, Editors: McDermott, Kevin; Stibbe, Matthew. London, Palgrave Macmillan, 2015.

Botnari Mihaela – postgraduate student, Alexandru Ioan Cuza University (Iasi, Romania)

Key words: Central Europe, Eastern Europe, Stalinism, repression, de-Stalinization, rehabilitation.

Abstract. The synthetic work is reviewed in which the processes of de-Stalinization and rehabilitation of victims of repressions after 1953 are researched on the database of a number of countries of Central, Eastern and South-Eastern Europe, including the post-Soviet space, and the specifics of this process are revealed in individual countries.

Г. Н. Ульянова

Рец.: *Благотворительность в Санкт-Петербурге. 1703–1918. Историческая энциклопедия / науч. ред. и сост.: А. П. Керзум, О. Л. Лейкинд, Д. Я. Северюхин. СПб.: Лики России, 2016. 752 с.: ил.*

Ключевые слова: благотворительность, общественное призрение, история России XVIII и XIX вв., имперская Россия, пожертвования, филантропия, Санкт-Петербург, Фонд Д. С. Лихачева.

Аннотация. В рецензии представлено одно из лучших современных научно-справочных изданий, посвященных истории благотворительности и общественного призрения, — вышедшая в 2016 г. историческая энциклопедия «Благотворительность в Санкт-Петербурге. 1703–1918». Книга включает исторический очерк благотворительности в Петербурге за два столетия, хронику филантропии, 456 статей о благотворительных обществах и заведениях.

DOI 10.31754/2409-6105-2018-3-283-291

В последние двадцать пять лет история благотворительности и общественного призрения в России приобрела статус самостоятельного научного направления. По этой проблематике защищено около десяти докторских и ста кандидатских диссертаций, написано несколько десятков монографий. На нынешнем этапе развития историографии фокус интереса в значительной степени переместился на региональные исследования.

Одним из самых заметных изданий за последние четверть века стала историческая энциклопедия «Благо-

творительность в Санкт-Петербурге. 1703–1918». Ее возникновение не было неожиданным. Еще в начале 2000-х гг. под эгидой Фонда имени Д. С. Лихачева была проведена серия научно-практических конференций «Благотворительность в России», собиравших для плодотворных дискуссий историков, философов, социологов, практиков возрождавшейся в нашей стране с 1990-х гг. филантропии, а доклады конференций были изданы в пяти объемистых научных сборниках (Благотворительность в России 2001; 2003; 2004; 2005; 2007).

Предшественником бумажной публикации является интернет-сайт «Энциклопедия благотворительности: Санкт-Петербург». Этот сетевой ресурс (аффилированный с сай-

© Ульянова Г. Н., 2018

Ульянова Галина Николаевна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ИРИ РАН (Москва); galina.ulianova@gmail.com

том Фонда имени Д. С. Лихачева) общедоступен, легок в обращении, активно используется учеными, студентами, журналистами, вообще широкой публикой. Для сайта был разработан удобный интерфейс, система перекрестных ссылок. Работа над текстами для сайта — которые затем в доработанном виде перешли в бумажную энциклопедию — была поддержана грантом РГНФ (2011–2012). Статьи, написанные для проекта, отличает серьезный уровень. Был введен в оборот большой объем фактографического материала.

Коллектив, делавший сайт, а затем и энциклопедию о благотворительности, известен своими предшествующими удачными книжными и интернет-проектами (в частности, энциклопедией «Санкт-Петербург»). Научная редакция сайта и энциклопедии, изданной в бумажном виде, включила трех человек. Это Андрей Паульевич Керзум (РНБ), Олег Леонидович Лейкинд и Дмитрий Яковлевич Северюхин (оба представляют Международный благотворительный фонд имени Д. С. Лихачева). Они же являются авторами ряда статей.

Статьи для энциклопедии писали также А. Н. Андреева, В. В. Антонов, Т. Г. Егорова, Е. И. Жерихина, В. Э. Зайцева, А. В. Кобак, Т. И. Мнева, Т. М. Смирнова. Указатели готовила Г. Б. Богуславская. Среди выше-названных авторов — такие известные знатоки истории Петербурга, как А. В. Кобак (известный читателям по книгам «Святыни Санкт-Петербурга: энциклопедия христианских храмов» и «Исторические кладбища Санкт-Петербурга»),

Е. И. Жерихина — автор краеведческих книг и путеводителей, Т. Г. Егорова — искусствовед, В. Э. Зайцева — библиограф РНБ.

Публикация книги объемом 47 п.л. была поддержана издательским грантом РГНФ, а также грантом Международного благотворительного фонда «Константиновский». Вопрос о финансировании столь объемного и сложного издания представляется важным для упоминания в рецензии. На наш взгляд, даже при наличии сайта бумажное издание, вносящее огромный вклад в петербурговедение, без сомнения, будет востребовано читателями, особенно в общественных библиотеках.

Ценность этого тематического справочника высока по ряду причин. В имперский период российской истории (который представлен в энциклопедии) Петербург был столицей и самым крупным городом страны. Он лидировал по количеству населения среди городов: 1 264 920 чел. в 1897 г., 1 439 603 чел. в 1904 г., 1 620 000 чел. в 1911 г. согласно сведениям из «Статистического ежегодника на 1913 год», изданного Советом съездов представителей промышленности и торговли. Как любой капиталистический город Европы, Петербург имел среди населения незащищенные социальные группы (выражаясь современным языком): профессиональных нищих, вдов, сирот, инвалидов, малообеспеченные семьи рабочих, ремесленников, чиновников и др. В значительной степени это было связано с большим притоком мигрантов, чей жизненный уровень был ниже уровня жизни «старых»

горожан. Все это порождало многочисленные социальные и бытовые проблемы, которые власти и обществу следовало решать или хотя бы сглаживать.

Разворачивавшаяся, особенно в пореформенный период, система помощи и взаимопомощи оформлялась в различные общества и заведения, действовавшие на основе зарегистрированных уставов (которые составлялись по типовым шаблонам, утвержденным законодателями). В Петербурге были апробированы многие новаторские технологии в филантропии, особенно по части устройства благотворительных заведений и сбора пожертвований.

Петербург, по данным на 1899 г., обладал наибольшим количеством институций благотворительности и общественного призрения среди крупнейших российских городов. В Северной столице насчитывалось 355 обществ и 606 заведений, а всего их было 961. Сравним с Москвой, находившейся на втором месте, – 259 обществ и 595 заведений, а также с Ригой, находившейся на третьем месте, – 163 и 78 соответственно. Подсчеты сделаны мною по изданию: (Благотворительные учреждения 1900: Раздел II).

Книга состоит из нескольких разделов – вступительной части, обзорного исторического очерка, хроники событий, основного раздела, включившего более 400 статей, фотогалереи, библиографического списка, трех указателей – именно го, адресного и благотворительных заведений. В предисловии писате-

ля Даниила Гранина, председателя правления фонда имени Д.С. Лихачева, говорится, что «свершение “малых дел” милосердия было когда-то частью жизненного уклада, объединявшей все российское общество», а сама книга, «посвященная прошлому Санкт-Петербурга, обращена к современникам».

После лаконичного предисловия Д. Гранина следует вступление от составителей, где сказано об основных идеях этой энциклопедии, в которую включено 456 очерков о благотворительных обществах и заведениях, различных других учреждениях, оказывавших помощь бедным и неимущим. Тут у читателя может возникнуть вопрос о репрезентативности материала, содержащегося в книге. Ведь, как было установлено по данным, приводимым мною в монографии «Благотворительность в Российской империи» (2005), в Петербурге уже в 1899 г. было более 900 благотворительных институций, не считая церковно-приходских попечительств (последних было в Петербурге в 1902 г., по данным из справочника «Благотворительность в России», изданного в 1907 г., 218 на 285 православных приходов).

В предисловии оговаривается, что не все организации представлены в энциклопедии (есть статьи примерно о половине заведений). По нашему мнению, авторы пошли по правильному пути, стремясь обозначить главные направления благотворительности в мегаполисе и в сжатой форме показать читателю все разнообразие благотворительной помощи бедным согражданам

через характерные и крупные или наиболее активные филантропические институции.

В предисловии сказано и об источниках для написания статей — уставах, юбилейных и годовых отчетах, справочных изданиях, периодической печати, современных исследованиях. Меньше использованы некоторые архивные источники (что объяснимо, учитывая размах проекта и малочисленность авторского коллектива).

Книга открывается обширным историческим очерком (с. 5–59), повествующим об основных вехах законодательства и общем ходе развития системы благотворительных заведений Петербурга. Верно отмечено, что «сфера благотворительности и общественного призрения в Санкт-Петербурге на протяжении всего XVIII века находилась в основном в русле общеимперского законодательства, и лишь в отдельных случаях законодательные акты принимались специально для новой столицы».

Исторический очерк написан в научно-популярном ключе и в доступной форме доносит до читателя основные сведения не только о законодательстве (эта тема в предшествующие 25 лет была весьма подробно разработана в трудах профессиональных историков), но также об институциональном оформлении благотворительности, об источниках благотворительных средств. Среди источников доходов благотворительных институций Петербурга названы: членские взносы, единовременные целевые по-

жертвования (в том числе по завещаниям, в виде капиталов, ценных бумаг и недвижимости), проценты с капитала и ценных бумаг, целевые денежные сборы (кружечный, церковный, по подписным листам; все указанные формы сбора средств регулировались законодательством), благотворительные лотереи и др.

Следует сказать, что в историческом очерке широко использованы выводы и фактография из имеющейся историографии, но при этом он насыщен новым петербургским материалом, и это стало удачным исследовательским и просветительским приемом.

В историческом очерке хорош раздел «Направления и формы благотворительной деятельности в Санкт-Петербурге», в котором фактически объяснена последующая структура энциклопедии. В книге выделены такие формы и направления, как: попечение о престарелых, попечение о военных инвалидах и жертвах войны, попечение об увечных (калеках) из числа гражданских лиц, попечение о народном здравии, общины сестер милосердия, попечение о детях, образовательные и просветительские учреждения, попечение о тюрьмах, церковноприходские, а также инославные и национальные благотворительные учреждения. Отдельный раздел посвящен почетным званиям, знакам отличия и наградам за благотворительность. Таким образом, справочник удовлетворяет самым высоким научным требованиям, соответствуя выработанным исторической наукой концептам в отношении изучения

филантропии. В качестве источников при написании очерка были использованы как дореволюционные источники, так и выводы некоторых работ ведущих современных российских историков. Этот очерк может быть успешно использован преподавателями вузов для подготовки лекций по истории России и истории социальной работы.

Привлекательно выглядит также весьма содержательный раздел под названием «Хроника событий петербургской благотворительности» (с. 60–94). Крайние даты хроники – январь 1712 г., когда вышли первые петровские указы «об учреждении по губерниям гошпиталей, о признании незаконнорожденных» и «неспособных к труду», и 20 января 1918 г., когда Совнаркомом был опубликован декрет «О свободе совести, церкви и религиозных обществах» (об отделении церкви от государства и школы от церкви), положивший конец церковно-приходской благотворительности в России. В хронике, охватывающей два столетия, привлекает синтез общероссийских вех в развитии благотворительности со значимыми городскими датами, когда открывались общества, заведения, принимались указы Петербургской городской думы, поддерживавшие филантропию и общественное призрение. Составление такой хроники весьма трудоемко и требует сплошного просмотра общеимперского законодательства и предписаний местного управления, но результат оправдал затраты составителей.

К сожалению, в обзорной части не всегда указаны источники инфор-

мации. Если авторы не хотели утяжелять текст сносками, то стоило хотя бы внутри текста давать отсылки к источникам. Проиллюстрируем это на одном примере. На с. 14 сказано, что во время Первой мировой войны «в Петрограде только по личной инициативе горожан в частных домах и заведениях различного профиля было организовано около 700 лазаретов для раненых». Возможно, лазаретов было действительно 700, и это только организованных по частной инициативе (значит, сюда не входят лазареты Военного министерства, Всероссийского союза городов и др. крупных ведомств и благотворительных организаций). Но источник не указан, а общий изданный «Список лечебных заведений для раненых и больных воинов в Петрограде (на 1 сентября 1916)» включает 274 лазарета, что расходится с цифрой в энциклопедии. Указание на источник прояснило бы этот вопрос. Это мое замечание не призвано снизить впечатление от прекрасной книги, но при переиздании этого справочника и внесении поправок на сайте, возможно, стоит указать источник, а также использовать показатель количества коек как более выразительный, поскольку в лазарете или госпитале могло быть как пять, так и пятьсот коек.

Наконец, как уже было сказано выше, основной раздел книги составляют 456 статей (с. 95–624), они занимают более 70 % объема издания. Статьи читаются с огромным интересом, раскрывают перед читателем широкую панораму помощи бедным в Петербурге. Показано, что жертвователи происходили

из всех слоев общества — от членов императорской фамилии до крестьян. Широко в социальном смысле был и круг страждущих, которым была оказана помощь: тут и обедневшие дворяне, чиновники, представители городских низших сословий — мещане, ремесленники.

Несомненно, любое издание всегда можно дополнить и уточнить, так что мои замечания это не столько критика, сколько пожелание на будущее. На сегодняшний день ведущими фигурами в изучении петербургской благотворительности из числа профессиональных историков являются Т. Г. Фруменкова, Л. Г. Рогушина (обе преподают в Российском государственном педагогическом университете имени А. И. Герцена) и Л. А. Булгакова (Санкт-Петербургский Институт истории РАН). Конечно, необходимо, чтобы их работы максимально присутствовали в постатейных списках литературы. Для статей о Воспитательном доме и Опекунском совете это сделано — дано пять сносок на работы Фруменковой (Фруменкова 2003а; 2003б; 2005), как и в статье об Императорском Человечколюбивом обществе есть указание на статью Рогушиной (Рогушина 2003). Также в подробнейшей статье «Всероссийский союз учреждений, обществ и деятелей по общественному и частному призрению» дана ссылка на статью Л. С. Булгаковой (Булгакова 2001). Но в других случаях есть досадные лакуны. Например, в статье А. П. Керзума о журнале «Призрение и благотворительность в России», где великолепно показана эволюция структуры и содержания журнала, явно не хватает

библиографического завершения, включающего хорошо известную историкам статью Л. С. Булгаковой «Из истории русской периодической печати: Журнал «Призрение и благотворительность в России» [1912]–1917 гг.» (Булгакова 1999). Вероятно, следует дополнить библиографию статьи «Императорское женское патриотическое общество» добротной работой Л. Г. Рогушиной «Попечение о девочках-сиротах в царствование Александра I» (Рогушина 2009). Сейчас это вполне возможно сделать на сайте.

Хотелось бы похвалить замечательный видеоряд (около 160 фото). Книга содержит вставку с иллюстрациями (с. 625–688), которые дополняют текстовую информацию визуальной. Богатые иллюстрации в основном происходят из фонда фотоателье знаменитого Карла Буллы (Центральный государственный архив кинофотофонодокументов Санкт-Петербурга). Большая их часть публикуется впервые, а малая часть уже была представлена в фотоальбоме «Благотворительность и милосердие в Петербурге. Рубеж XIX–XX веков» (авторы-составители: В. Н. Занозина, Е. А. Адаменко. СПб., 2000). Но, на наш взгляд, это не снижает ценности повторной публикации фото столь высокого качества, на которых люди показаны в интерьерах благотворительных заведений (где мы видим, например, использование электричества и водопровода, которые только входили в быт, да и то преимущественно в домах, где жили зажиточные горожане), иногда в униформе, которая выдавалась призываемым, — все это дает пред-

ставление и о бытовой культуре Петербурга того времени.

Фотографии грамотно сгруппированы по разделам. Например, в первом разделе «Попечение о бедных» представлен весь спектр заведений, включая дома трудолюбия, бесплатные столовые и попечительства о народной трезвости. Визуальный ряд отражает попечение о престарелых, попечение о детях, попечение об увечных (слепых, глухонемых, идиотах и эпилептиках), о военных инвалидах и жертвах войны, деятельность общин сестер милосердия и просветительно-образовательных заведений (включая народные дома, которыми славился Петербург), попечение о заключенных, национальные общества и заведения — читатель видит, как выглядели помещения заведений, а также спальни, столовые, кухни в них, групповые фото пациентов и благотворителей. Ценно, что большинство фото снабжено нынешними адресами благотворительных заведений (а кто из историков занимался подобной атрибуцией, тот понимает, насколько непросто бывает определить спустя сто-двести лет современные адреса).

Историки и коллекционеры знают, как сложно атрибутировать старые фотографии, так что начальная атрибуция может быть неточной. В этом смысле работа авторов энциклопедии с фотографиями заслуживает всяческих похвал — лишь одна из представленных фотографий вызвала у меня сомнение — снимок, обозначенный как «Дети в благотворительной столовой для голодающих во время голода 1891–

92 гг.», несколько выпадает из общего ряда, а возможно, и не относится к Петербургу.

В целом же можно поздравить руководителей и авторов проекта с достойным результатом их многолетней работы, который будет радовать всех читателей, особенно петербуржцев. Издание энциклопедии «Благотворительность в Санкт-Петербурге. 1703–1918» является собою прекрасный пример удачного научного проекта, имеющего гражданское звучание.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Благотворительность в России 2001 — Благотворительность в России. 2001: Социальные и исторические исследования. СПб., 2001.

Благотворительность в России 2003 — Благотворительность в России. 2002: Исторические и социально-экономические исследования. СПб., 2003.

Благотворительность в России 2004 — Благотворительность в России. 2003/2004: Исторические и социально-экономические исследования. СПб., 2004.

Благотворительность в России 2005 — Благотворительность в России. 2004/2005: Исторические и социально-экономические исследования. СПб., 2005.

Благотворительность в России 2007 — Благотворительность в России. 2006/2007: Исторические и социально-экономические исследования. СПб., 2007.

Благотворительные учреждения 1900 — Благотворительные учреждения Российской Империи. Т. 1. СПб., 1900.

Булгакова 1999 — Булгакова Л. А. Из истории русской периодической печати: Журнал «Призрение и благотворительность в России» [1912]–1917 гг. // Проблемы социально-экономической

истории России XIX–XX веков. СПб., 1999. С. 409–434.

Булгакова 2001 – Булгакова Л.А. Проблемы интеграции в сфере социальной помощи в дореволюционной России // Благотворительность в России. Социальные и исторические исследования. СПб., 2001. С. 313–323.

Розушина 2003 – Розушина Л.Г. Императорское Человеколюбивое общество // Благотворительность в России. 2002. СПб., 2003. С. 290–302.

Розушина 2009 – Розушина Л.Г. Попечение о девочках-сиротах в царствование Александра I // История Петербурга. 2009. № 3. С. 47–51.

Фруменкова 2003а – Фруменкова Т.Г. Воспитательные дома в России в царства-

ние Екатерины II: черты государственного учреждения и благотворительной организации // Гуманитарные науки и гуманитарное образование. СПб., 2003. С. 83–90.

Фруменкова 2003б – Фруменкова Т.Г. Воспитательные дома и начало светской благотворительности и общественного призрения в России в царствование Екатерины II // Благотворительность в России. 2002. СПб., 2003. С. 272–278.

Фруменкова 2005 – Фруменкова Т.Г. Формирование механизма руководства благотворительным учреждением на примере Петербургского воспитательного дома в царствование Екатерины II // Благотворительность в России. 2004/2005. СПб., 2005. С. 67–79.

Rev.: *Blagotvoritel'nost' v Sankt-Peterburge. 1703–1918. Istoricheskaja entsiklopedija.* St. Petersburg: Liki Rossii, 2016. 752 p.

Ulianova Galina N. – doctor of historical sciences, Senior Research Fellow, Institute of Russian History, RAS (Moscow)

Key words: charity, poor relief, philanthropy, 18th and 19th Centuries Russian History, Imperial Russia, donations, St Petersburg, Likhachev Foundation.

Abstract. The review presents one of the best recent books on the history of charity and philanthropy in Russia, such as ‘Philanthropy in St. Petersburg, from 1703 to 1918. Historic encyclopedia’, published in 2016. The work includes the general historic overview of St. Petersburg charity for two centuries, the chronicle of main dates in philanthropy, and 456 articles about the local philanthropic institutions.

REFERENCES

Blagotvoritel'nost' v Rossii. 2001: Sotsial'nye i istoricheskie issledovaniya. St. Petersburg, 2001.

Blagotvoritel'nost' v Rossii. 2002: Istoricheskie i sotsial'no-ekonomicheskie issledovaniya. St. Petersburg, 2003.

Blagotvoritel'nost' v Rossii. 2003/2004: Istoricheskie i sotsial'no-ekonomicheskie issledovaniya. St. Petersburg, 2004.

Blagotvoritel'nost' v Rossii. 2004/2005: Istoricheskie i sotsial'no-ekonomicheskie issledovaniya. St. Petersburg, 2005.

Blagotvoritel'nost' v Rossii. 2006/2007: Istoricheskie i sotsial'no-ekonomicheskie issledovaniya. St. Petersburg, 2007.

Blagotvoritel'nye uchrezhdeniia Rossiiskoi Imperii. Vol. 1. St. Petersburg, 1900.

Bulgakova L.A. Iz istorii russkoi periodicheskoi pechati: Zhurnal «Prizrenie i blagotvoritel'nost' v Rossii» [1912]–1917 gg. *Problemy sotsial'no-ekonomicheskoi istorii Rossii XIX – XX vekov*. St. Petersburg, 1999, p. 409–434.

Bulgakova L.A. Problemy integratsii v sfere sotsial'noj pomoshchi v dorevolucionionnoj Rossii // *Blagotvoritel'nost' v Rossii. Sotsial'nye i istoricheskie issledovaniya*. St. Petersburg, 2001, p. 313–323.

Frumenkova T.G. Vospitatel'nye doma v Rossii v tsarstvovanie Ekateriny II: cherty gosudarstvennogo uchrezhdeniya i blagotvoritel'noj organizatsii. *Gumanitarnye nauki i gumanitarnoe obrazovanie*. St. Petersburg, 2003, p. 83–90.

Frumenkova T.G. Vospitatel'nye doma i nachalo svetskoi blagotvoritel'nosti i obshchestvennogo prizreniya v Rossii v tsarstvovanie Ekateriny II. *Blagotvoritel'nost' v Rossii*. 2002. St. Petersburg, 2003, p. 272–278.

Frumenkova T.G. Formirovanie mekhanizma rukovodstva blagotvoritel'nym uchrezhdeniem na primere Peterburgskogo vospitatel'nogo doma v tsarstvovanie Ekateriny II. *Blagotvoritel'nost' v Rossii*. 2004/2005. St. Petersburg, 2005, p. 67–79.

Rogushina L.G. Imperatorskoe Chelovekolyubivoe obshchestvo. *Blagotvoritel'nost' v Rossii*. 2002. St. Petersburg, 2003, p. 290–302.

Rogushina L.G. Popechenie o devochkakh-sirotakh v tsarstvovanie Aleksandra I. *Istoriya Peterburga*, 2009, no. 3, p. 47–51.

М. В. Медоваров

МЕЖДУ ПОЭЗИЕЙ И БЮРОКРАТИЕЙ: НОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ОБ ИВАНЕ АКСАКОВЕ

Рец.: *Мотин С. В.* Российский славянофил на правоохранительной службе. И. С. Аксаков — сотрудник министерства юстиции и министерства внутренних дел Российской империи. Уфа: Уфимский ЮИ МВД России, 2017. 169 с.

Ключевые слова: славянофильство, историография, библиография, либерализм, консерватизм, Иван Аксаков.

Аннотация. Рецензия посвящена монографии Сергея Мотина о годах государственной службы Ивана Аксакова. Она рассматривается в контексте подготовленных и изданных тем же автором многотомных «Материалов для летописи жизни и творчества» Аксакова. Анализируются причины повышенного интереса к наследию Ивана Аксакова в современной исторической науке. Монография Мотина рассматривается в сравнении с другими работами последних лет по данной теме. Индивидуальная судьба Аксакова с его ранней отставкой из министерской службы интерпретируется как пример начавшейся в середине XIX в. трансформации ценностей и жизненных приоритетов в русском обществе эпохи Великих реформ. Прослеживается связь самых ранних сочинений Аксакова 1840-х гг. с его позднейшим славянофильством.
DOI 10.31754/2409-6105-2018-3-292-299

За уфимским историком С. В. Мотиным давно и прочно закрепилась репутация одного из ведущих исследователей жизни и творчества И. С. Аксакова, а в некоторой степени и всего семейства Аксаковых, столь тесно связанных с террито-

рией бывшей Уфимской губернии. На протяжении шести лет стараниями С. В. Мотина вышли в свет шесть выпусков в двенадцати частях «Материалов для летописи жизни и творчества» его героя (Аксаков 2010–2015) — уникальный библиографический, источниковедческий и историографический справочник. Некоторые выпуски вышли уже вторым изданием, с учетом накопившихся исправлений. Снабженные указателями имен, писем, исследований, они не имеют преце-

© Медоваров М. В., 2018

Медоваров Максим Викторович — кандидат исторических наук, доцент кафедры информационных технологий в гуманитарных исследованиях Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского (Нижегород); mmedovarov@yandex.ru

дента в новейшей российской исторической науке. В советское время предпринимались попытки составить летописи жизни и творчества, расписав день за днем всю жизнь нескольких ключевых фигур: В. И. Ленина, А. С. Пушкина, Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, М. Горького. Аналогичный труд применительно к Ивану Аксакову появляется впервые, хотя, разумеется, данный формат был бы крайне востребован и для других русских мыслителей, публицистов, литераторов. Следует подчеркнуть, что если первые выпуски мотинской «Летописи...» опирались в основном на хорошо известный корпус источников по аксаковскому семейству 20–50-х гг. XIX в. (хотя и не только на них), то, как отмечал рецензент, «дальнейшая работа С. В. Мотина все в большей степени приобретает характер самостоятельного исследования» (*Тесля* 2013: 400). Фактически С. В. Мотин стал для Аксакова тем, кем Дж. Босуэлл был для С. Джонсона или Н. П. Барсуков — для М. П. Погодина.

Разумеется, ни один библиографический или источниковедческий справочник в мире не является исчерпывающе полным. «Летопись...» С. В. Мотина и не преследовала цель, к примеру, выявить абсолютно все единицы хранения в архивах России, где есть хоть какие-то упоминания об И. С. Аксакове. Этим объясняются и некоторые пропуски в библиографической характеристике С. Т. Аксакова, в частности, недавняя характеристика его роли в становлении рыболовства в России (*Сидорчук* 2016: 43–48). В то же время поразительна скромность самого автора-составителя С. В. Мотина: в алфавитном указа-

теле к томам «Летописи...» мы почти не найдем статей о нем самом, за исключением лишь неполного перечня его работ об Аксакове (с. 282–290 последнего выпуска).

Между тем роль С. В. Мотина в той отрасли, которую он сам называет «иванаксаковедением», выходит далеко за рамки «Летописи...». В частности, с 1997 г. он вносит вклад в подготовку изданий пятнадцати выпусков «Аксаковских чтений» (Аксаковские чтения 2015), семи выпусков «Аксаковского сборника» (Аксаковский сборник 2013; Аксаковский сборник 2016). В 2017 г. в Уфе увидел свет библиографический указатель литературы о семействе Аксаковых, охватывающий период с 1940 г. (*Литература* 2017). Вдохновленные уфимским примером, ульяновские краеведы также предприняли аналогичное начинание и стали периодически проводить у себя «Аксаковские чтения» (Аксаковской тропой 2016). Привлекли к себе внимание и некоторые отдельные статьи С. В. Мотина (*Мотин* 2014).

Своеобразным увенчанием данной деятельности С. В. Мотина стала его рецензируемая монография 2017 г., посвященная периоду служебной деятельности Ивана Аксакова. Все, кто интересовался публицистической деятельностью этого славянофила в 60–80-е гг. XIX в., знают, сколь острой и горячей была его неприязнь к чиновничеству и бюрократизму. Причины такого отношения коренятся в периоде молодости Аксакова, и новая монография позволяет в весьма лаконичной форме еще раз обратиться к ним.

Во введении к книге сразу же дается развернутый энциклопедический очерк всей жизни И.С. Аксакова от рождения до смерти (с. 4–18), дополненный очерком историографии о нем (с. 19–22). В последнем упомянуты все диссертации и монографии об Иване Сергеевиче, вплоть до самых новых и уже вызвавших оживленную дискуссию книг А.А. Тесли и Д.А. Бадаляна (Тесля 2015; Бадалян 2016).

Первая глава посвящена детству и отрочеству И.С. Аксакова. Сжатое хронологическое описание первых пятнадцати лет его жизни (с. 23–30) сменяется подробной характеристикой Училища правоведения как одного из ведущих образовательных учреждений России, особенностей его истории и функционирования (с. 31–38). О самом процессе обучения Аксакова в Училище правоведения, к сожалению, сказано лишь несколько слов, зато обстоятельного анализа удостоилось его выпускное сочинение 1842 г. «О характере уголовного процесса» (с. 41–51). На наш взгляд, публикация С.В. Мотиным данного источника, хранящегося в Отделе рукописей РГБ, является крайне важной для истории русской общественной мысли, а вовсе не истории правоведения, как можно было бы предположить. Хотя 19-летний Аксаков писал эту работу в то время, когда славянофильство еще находилось в процессе формирования, а сам себя славянофилом он еще не считал, некоторые догмы будущего аксаковского мировоззрения уже бросаются в глаза. Таково утверждение о согласовании «внешнего» права с «внутренней» моралью (с. 43);

таковы приводимые Аксаковым аргументы в пользу публичного судопроизводства (с. 50–51). Отметим, однако, что при этом автор выступал против введения адвокатуры в России. Таким образом, выясняется, что вся позднейшая (после 1864 г.) позиция Аксакова, который будет резко критиковать пореформенный суд с присяжными и адвокатами, но останется категорическим противником возвращения к старому дореформенному суду, уже содержалась в зародыше в его юношеском выпускном сочинении!

Вторая глава монографии (с. 52–83) охватывает годы службы И.С. Аксакова в Министерстве юстиции. Помимо его послужного списка, основное внимание уделено обстоятельствам написания социально-критической поэмы «Зимняя дорога» и других стихотворений, путь которых через цензурные препятствия занял полтора года. В эти годы, как известно, Аксаков служил в Калуге, где у него сложились далеко не лучшие отношения с губернаторшей А.О. Смирновой-Россет — прежде всего, из-за их различного отношения к новому курсу Н.В. Гоголя. Лишь в 1847 г., после публикации «Выбранных мест из переписки с друзьями», Иван Аксаков найдет в себе силы, вопреки мнению всего своего семейства, одобрить Гоголя (Медоваров 2007). Однако о Калуге у него навсегда останутся не лучшие воспоминания. Именно там неприятие «старого суда» у Аксакова окончательно закрепилось (с. 75). Именно на основе своих калужских впечатлений о судопроизводстве в 1853 г. Аксаков создаст свои «Судебные сцены», спустя пять лет

опубликованные в герценовской «Полярной звезде» (с. 76–80).

В монографии С. В. Мотина не вполне ясно очерчены обстоятельства недолгой службы Аксакова при Сенате в 1847–1848 гг., завершившейся его переходом в Министерство внутренних дел. Периоду выполнения особых поручений по линии МВД посвящена третья глава рецензируемого труда. Как известно, это период сложных и увлекательных секретных командировок Аксакова в Бессарабскую (1848–1849 гг.) и Ярославскую (1849–1851 гг.) губернии, в основном связанных с изучением старообрядцев, в промежутке между которыми он успел подвергнуться краткосрочному аресту наряду с другими славянофилами. Хотя протокол допроса Аксакова и его ответов на вопросы III Отделения с комментариями Николая I хорошо известен, однако С. В. Мотину удалось органично включить его в свою книгу и показать место данной пятнадцатидневной «передраги» в жизни своего героя (с. 90–100). Еще одним важнейшим источником данного периода «мрачного семилетия» является записка Ивана Аксакова «О служебной деятельности», пронизанная пессимизмом по отношению и к бюрократии, и к народу, и более оптимистический, хотя и более наивный, ответ старшего брата Константина на нее (с. 101–109). Вместе с тем бросается в глаза, что обоих братьев, как и все их семейство, роднила склонность к моральному ригоризму в частной и общественной жизни, которая станет отличительной чертой именно «аксаковского» крыла в славянофильстве (Медоваров 2016).

Третья глава монографии завершается рассмотрением трагических событий весны 1851 г. (с. 115–121), когда министр внутренних дел Л. А. Перовский, хотя и убедился в том, что поэма Аксакова «Бродяга» не содержит в себе ничего предосудительного и даже одобрена III Отделением, тем не менее предписал ее автору прекратить любые литературные труды. Вспыльчивый Аксаков ответил отказом и добровольно вышел в отставку. Первая фраза из его письма к министру поражала современников своей «дерзостью»: «Не только правом, но и обязанностью своею считаю объяснить Вашему сиятельству, что не служба терпит от моих литературных занятий, а литературные занятия, нравственное и умственное образование мое принесены в жертву службе» (с. 116). Современники сходились в том, что если бы не резкий ответ Аксакова, Перовский не стал бы реально препятствовать дальнейшему сочинительству своего сотрудника. Однако Аксаков пошел «на принцип» и в возрасте 27 лет оставил государственную службу, причем «увольнительную» ему выдали безупречную, дававшую право на возобновление «беспорочной» государственной службы в любой момент. Но данным правом Аксаков уже никогда не воспользуется, хотя и будет еще служить государству на общественных и добровольных постах, но не на ведомственных. Своеобразной эпитафией своей служебной молодости стало его стихотворение под названием «Моим друзьям, немногим честным людям, состоящим в государственной службе» (с. 138–139).

Столкновение Аксакова с Перовским выходит за рамки частного случая и знаменует собой определенные изменения в общественной атмосфере середины XIX в. Ближайшая эпоха Великих реформ увидит множество подобных идеологически мотивированных отставок. Иван Аксаков был одной из первых ласточек новых веяний, и данная тема является актуальной всегда и везде, где бюрократическое нормирование препятствует естественным процессам общественного развития.

В качестве приложений в монографию С.В. Мотина включены тексты автобиографии Аксакова 1862 г., его самое первое юношеское сочинение о русской литературе 1841 г., уже полное чисто славянофильских утверждений, и некоторые другие документы. Отдельно следует подчеркнуть биографический и историографический очерк С.В. Мотина о Константине Аксакове (с. 140–148), приуроченный к 200-летию мыслителя и содержащий прекрасный обзор исследований о нем — которых, к сожалению, до сих пор меньше, чем о его младшем брате Иване.

В самом деле, в последние годы в отечественной исторической науке происходит уже второй «бум» интереса к Ивану Аксакову, чего нельзя сказать о Константине. Первый пик интереса к лидеру второго поколения славянофилов пришелся на середину 70-х — середину 80-х гг. XX в. и ознаменовался, в частности, плодотворной дискуссией Н.И. Цимбаева и В.А. Китаева, в ходе которой было прояснено положение И.С. Аксакова между кон-

сервативной и либеральной идеологией (Цимбаев 1978; 1986; Китаев 1974; 1980; 1984; 2016: 158–163).

Вторая волна внимания к И.С. Аксакову захлестнула Россию в последние годы. Бурную дискуссию спровоцировала сначала книга А.А. Тесли (Тесля 2015; Китаев 2015; Медоваров 2016), а затем монография Д.А. Бадаляна (Бадалян 2016; Тесля 2017). В 2015 г. усилиями сотрудников Института русской литературы РАН было начато издание академического собрания сочинений И.С. Аксакова (Аксаков 2015); чуть ранее увидел свет интересный сборник воспоминаний и некрологов современников, посвященных великому публицисту (Аксаков 2014). Издания С.В. Мотина укладываются в эту же тенденцию и своей библиографической и источниковедческой фундированностью стимулируют дальнейшие исследования наследия Ивана Аксакова. Общественно-политические причины такого всплеска интереса к, казалось бы, не самому крупному русскому общественному деятелю XIX в. не вполне ясны и заслуживают отдельного обсуждения. С уверенностью можно сказать, что в ближайшем будущем эта тенденция сохранится.

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

Аксаков 2010–2015 – Аксаков Иван Сергеевич. Материалы для летописи жизни и творчества. В 6 вып., в 12 ч. Уфа: УОИ МВД России, 2010–2015. Вып. 6. Ч. 2. С. 282–290.

Аксаков 2014 – Иван Аксаков в воспоминаниях современников. М.: Институт русской цивилизации, 2014.

Аксаков 2015 – Аксаков И. А. Собрание сочинений. В 12 т. Т. 1. Кн. 1, 2. СПб.: Росток, 2015.

Аксаковские чтения 2015 – XV Аксаковские чтения. Уфа: Издательство БГПУ, 2015.

Аксаковский сборник 2013 – Аксаковский сборник. Вып. VI. Уфа: Словохотов А. А., 2013.

Аксаковский сборник 2016 – Аксаковский сборник. Уфа: Издательство БГПУ, 2016.

Аксаковской тропею 2016 – Аксаковской тропею...: сборник материалов по итогам межрегиональной научно-практической конференции «IV Аксаковские чтения», посвященной 225-летию со дня рождения С. Т. Аксакова. Ульяновск: Ульяновская областная библиотека для детей и юношества имени С. Т. Аксакова, 2016.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Бадалян 2016 – Бадалян Д. А. «Колокол призывный»: Иван Аксаков в русской журналистике конца 1870-х – первой половины 1870-х годов. СПб.: ООО «Издательство Росток», 2016.

Китаев 1974 – Китаев В. А. Из истории идейной борьбы в России в период первой революционной ситуации (И. С. Аксаков в общественном движении начала 60-х гг. XIX в.): учебное пособие. Горький: Горьковский государственный университет, 1974.

Китаев 1980 – Китаев В. А. Рец.: Цимбаев Н. И. И. С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. М., 1978 // Вопросы истории. 1980. № 7. С. 135–138.

Китаев 1984 – Китаев В. А. Славянофилы после отмены крепостного права: учебное пособие. Волгоград: Волгоградский государственный университет, 1984.

Китаев 2015 – Китаев В. А. Рец.: Тесля А. А. «Последний из “отцов”»: биография Ивана Аксакова. СПб.: Владимир

Даль, 2015. 799 с. // Историческая экспертиза. 2015. № 2. С. 142–151.

Китаев 2016 – Китаев В. А. Общественная мысль и историческая наука в России XVIII–XX вв.: проблемы историографии. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2016.

Литература 2017 – Литература о семье Аксаковых (библиографический указатель за 1940–2017 годы) / сост. Е. В. Корионова, П. И. Федоров; отв. ред. В. В. Борисова. Уфа: Словохотов А. А., 2017.

Медоваров 2007 – Медоваров М. В. К вопросу о единомышленниках Н. В. Тоголя в 40-е годы XIX века // Наш «Анабасис». Сборник статей студентов, магистрантов и аспирантов. Вып. 4–5. Н. Новгород: ННГУ, 2007. С. 158–163.

Медоваров 2016 – Медоваров М. В. Иван Аксаков как психологический и религиозный тип // Российская история. 2016. № 1. С. 155–159.

Мотин 2014 – Мотин С. В. «...Вероятно, у меня найдется для Вас что-нибудь менее спорное, чем Великий спор» (к истории взаимоотношений И. С. Аксакова и В. С. Соловьева) // Соловьевские исследования. 2014. № 2 (42).

Мотин 2017 – Мотин С. В. Российский славянофил на правоохранительной службе. И. С. Аксаков – сотрудник министерства юстиции и министерства внутренних дел Российской империи. Уфа: Уфимский ЮИ МВД России, 2017.

Сидорчук 2016 – Сидорчук И. В. История любительского рыболовства в России. СПб.: РГНФ, 2016.

Тесля 2013 – Тесля А. А. «Не возлюбивши покоя». Рец. на кн.: Аксаков Иван Сергеевич. Материалы для летописи жизни и творчества. Вып. 3. В 2 ч. 1851–1860. Уфа: УЮИ МВД России, 2011 // София: альманах. Вып. 3: Евразийство и А. Ф. Лосев: миф и эйдос в русской мысли. Уфа: Словохотов А. А., 2013. С. 400–405.

Тесля 2015 – Тесля А.А. «Последний из “отцов”»: биография Ивана Аксакова. СПб.: Владимир Даль, 2015.

Тесля 2017 – Тесля А.А. Иван Аксаков как издатель «Руси». Рец.: Бадалян Д.А. «Колокол призывный»: Иван Аксаков в русской журналистике конца 1870-х – первой половины 1870-х годов. СПб.: ООО «Издательство Росток», 2016. 360 с. //

Историческая экспертиза. 2017. №3. С. 162–168.

Цимбаев 1978 – Цимбаев Н.И. И.С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978.

Цимбаев 1986 – Цимбаев Н.И. Славянофильство. Из истории русской общественно-политической мысли XIX века. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1986.

BETWEEN POETRY AND BUREAUCRACY: A NEW STUDY ON IVAN AKSAKOV.

Rev: Motin S.V. Rossiiskii slavyanofil na pravoohranitel'noi sluzhbe. I. S. Aksakov — sotrudnik ministerstva justicii i ministerstva vnutrennih del Rossiiskoi imperii. Ufa: Ufimskii Yul MVD Rossii, 2017. 169 p.

Medovarov Maxim V. — candidate of historical sciences, associate professor, Department of information technologies in the H humanity research, N izhny Novgorod State N. I. Lobachevsky University (Nizhny Novgorod)

Key words: Slavophilism, historiography, bibliography, liberalism, conservatism, Ivan Aksakov.

Abstract. The review is devoted to Sergey Motin's monograph on the years of state service of Ivan Aksakov. It is considered in the context of the multi-volume "Ivan Aksakov. Materials for the Chronicle of Life and Creativity" prepared and published by Motin himself. The reasons for the increasing interest in Ivan Aksakov's heritage in contemporary historical science are analyzed. Motin's monograph is considered in comparison with other works of recent years on this topic. The individual fate of Aksakov with his early resignation from the ministerial service is interpreted as an example of the transformation of values and life priorities that began in the middle of the nineteenth century in the Russian society of the Great Reform era. There is traced the connection between the earliest works of Aksakov in the 1840s with his later Slavophilism.

REFERENCES

Badalian D.A. "Kolokol prizyvnyi": Ivan Aksakov v russkoi zhurnalistike kontsa 1870-kh – pervoi poloviny 1870-kh godov. St. Petersburg: ООО «Izdatel'stvo Rostok», 2016.

Kitaev V.A. *Iz istorii ideinoi bor'by v Rossii v period pervoi revoliutsionnoi situatsii (I. S. Aksakov v obshchestvennom dvizhenii nachala 60-kh*

gg. XIX v.): uchebnoe posobie. Gor'ki: Gor'kovskii gosudarstvennyi universitet, 1974.

Kitaev V.A. *Obshchestvennaia mysl' i istoricheskaia nauka v Rossii XVIII–XIX vv.: problemy istoriografii.* Nizhny Novgorod: Izdatel'stvo NNGU, 2016.

Kitaev V.A. Review: Teslia A.A. «Poslednii iz „otcov“»: biografiia Ivana Aksakova.

St. Petersburg: Vladimir Dal', 2015. 799 p. *Istoricheskaia ekspertiza*, 2015, no. 2, pp. 142–151.

Kitaev V. A. Review: Tsimbaev N. I. I. S. Aksakov v obshchestvennoi zhizni poreformennoi Rossii. Moscow, 1978. *Voprosy istorii*, 1980, no. 7, pp. 135–138.

Kitaev V. A. *Slavianofily posle otmeny krepostnogo prava: uchebnoe posobie*. Volgograd: Volgogradskii gosudarstvennyi universitet, 1984.

Literatura o sem'e Aksakovykh (bibliograficheskii ukazatel' za 1940–2017 gody), sost. E. V. Korionova, P. I. Fedorov; otv. red. V. V. Borisova. Ufa: Slovkhotov A. A., 2017.

Medovarov M. V. K voprosu o iedinomyshlennikakh N. V. Gogolia v 40-e gody XIX veka. *Nash „Anabasis“*. *Sbornik statei studentov, magistrantov i aspirantov*. Iss. 4–5. Nizhny Novgorod: NNGU, 2007, pp. 158–163.

Medovarov M. V. Ivan Aksakov kak psikhologicheskii i religiozniy tip. *Rossiiskaia istoriia*, 2016, no. 1, pp. 155–159.

Motin S. V. *Rossiiskii slavianofil na pravookhranitel'noi sluzhbe. I. S. Aksakov – sotrudnik ministerstva iustitsii i ministerstva vnutrennikh del Rossiiskoi imperii*. Ufa: Ufimskii IuI MVD Rossii, 2017.

Motin S. V. “...Veroiatno, u menia naidetsia dlia Vas chto-nibud' mence spornoe,

chem Velikii spor” (k istorii vzaimootnoshenii I. S. Aksakova i V. S. Solov'ova). *Solov'ovskie issledovaniia*, 2014, no. 2 (42).

Sidorchuk I. V. *Istoriia liubitel'skogo rybolovstva v Rossii*. St. Petersburg: RGNF, 2016.

Teslia A. A. “Ne vozliubivshi pokoia”. Rets. na kn.: Aksakov Ivan Sergeevich. *Materialy dlia letopisi zhizni i tvorchestva*. Iss. 3. In 2 parts. 1851–1860. Ufa: UIuI MVD Rossii, 2011. *Sofiia: al'manakh*. Iss. 3: *Evraziistvo i A. F. Losev: mifi e dos v russkoi mysli*. Ufa: Slovkhotov A. A., 2013, pp. 400–405.

Teslia A. A. Ivan Aksakov kak izdatel' “Russii”. Review: Badalian D. A. “Kolokol prizyvnyi”: Ivan Aksakov v russkoi zhurnalistike kontsa 1870-kh – pervoi poloviny 1870-kh godov. St. Petersburg: OOO “Izdatel'stvo Rostok”, 2016. 360 p. *Istoricheskaia ekspertiza*, 2017, no. 3, pp. 162–168.

Teslia A. A. “*Poslednii iz otcov*”: *biografiia Ivana Aksakova*. St. Petersburg: Vladimir Dal', 2015.

Tsimbaev N. I. I. S. *Aksakov v obshchestvennoi zhizni poreformennoi Rossii*. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1978.

Tsimbaev N. I. *Slavianofil'stvo. Iz istorii russkoi obshchestvenno-politicheskoi mysli XIX veka*. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1986.

М. В. Батшев

«РУССКИЙ ПАТРИОТ С МЫШЛЕНИЕМ ЗАПАДНОГО СКЕПТИКА» (ОПЫТ СОВРЕМЕННОЙ АПОЛОГЕТИКИ)

Рец.: Портной Л. М. Граф Ростопчин. История незаурядного генерал-губернатора Москвы. М.: Бослен, 2017. 452 с.

Ключевые слова: история XIX века, Отечественная война 1812 года, биография.

Аннотация. Читателю впервые предлагается полная и обстоятельная биография одного из ключевых деятелей царствования императора Александра I Федора Васильевича Ростопчина.
DOI 10.31754/2409-6105-2018-3-300-304

Так, несколько парадоксально называет героя данной книги Ф. В. Ростопчина автор предисловия к книге Л. М. Портного «Граф Ростопчин. История незаурядного генерал-губернатора Москвы» Е. М. Ямбург. Автор предисловия далее продолжает: «Вывозя раненых и ценное имущество из Москвы, генерал-губернатор не позаботился о вывозе своих архивов, которые попали к врагу, были разобраны французской разведкой и частично опубликованы в западной прессе, что было выгодно Бонапарту для изобличения варварства и дикости русских» (с. 21–22).

Сложно понять, что имеет в виду уважаемый автор предисловия, употребляя термин «архивы» во множественном числе. Идет ли речь о личных документах Ростопчина или же об архиве канцелярии московского генерал-губернатора? Имеет он в виду документы межевого архива или Московского архива коллегии иностранных дел? Да и с вывозом раненых дело обстояло не так гладко, как ему кажется, если мы вспомним про огромное количество русских раненых, оставленных в Московском воспитательном доме, и про их не самую счастливую судьбу.

© Батшев М. В., 2018

Батшев Максим Владимирович – научный сотрудник Отдела документации наследия и информационных технологий Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева (Москва); bmv@list.ru

Весьма своеобразно автору предисловия представляется картина участия Ростопчина в восстановлении Москвы после оставления ее французами. «Привлекая кредиты и эффективно используя скудный город-

ской бюджет, он медленно, но верно восстанавливал разрушенный город» (с. 21). Как же, интересно, ему удалось восстановить разрушенный город, если в 1814 г. он был отправлен в отставку и заменен генералом Тормасовым, которому по праву и принадлежит роль восстановителя Москвы? Но мы слишком увлеклись предисловием, пора перейти к самой книге, которая, судя по всему, обещает быть не менее интересной.

Как и полагается в любой биографии, вначале автор приводит историю рождения своего героя. В случае с Ростопчиным это различные версии его происхождения, указанные в разных источниках, автор разбирает их. Он аргументированно отвергает версию происхождения будущего московского главнокомандующего, предложенную в мемуарах Ф.Ф. Вигеля, что отец Ростопчина выкупился из крепостного состояния. Портной останавливается на версии происхождения его героя из старинного рода, уходящего корнями в допетровскую Русь. «Возможно, Филипп Филиппович Вигель что-то перепутал или оказался в плену какого-то розыгрыша, а может, дал волю собственному воображению» (с. 40).

Основательным образованием Ростопчин похвастаться не мог. Приобретая у домашних учителей небольшой объем первоначальных знаний, Ростопчин, в соответствии с обычаями того времени, записался в гвардейский полк, получил в полку продолжительный отпуск, который планировал потратить на заграничное путешествие с целью продолжения своего образования.

В ходе своего заграничного путешествия он посетил Пруссию, Францию, Англию. В Англии познакомился и близко подружился с российским послом С.Р. Воронцовым. Дружеские отношения с ним посредством писем он поддерживал на протяжении всей жизни. В ходе этого путешествия он делает первые литературные опыты. Одним из таких опытов были путевые заметки «Путешествие в Пруссию». Портной первым из биографов Ростопчина обращает внимание, что тот писал не только прозаические произведения, но и пробовал свои силы в сочинении стихов.

Автор прослеживает служебную деятельность своего героя во времена императрицы Екатерины II, показывает, как Ростопчин лавировал между различными придворными кланами. В частности, его неприязнь к Потемкину объясняется его принадлежностью к клану Воронцовых-Румянцевых. Автор фиксирует и эволюцию его отношения к А.В. Суворову от первого скептического отзыва о нем в письме к Воронцову до посещения Ростопчиным, единственным из сановников императора Павла I, умирающего военачальника.

Автор не проследил происхождение знаменитой фразы про своего героя, приписываемой в литературе императрице Екатерине: «сумасшедший Федька». Он предлагает свое видение того, при каких обстоятельствах эта фраза могла быть произнесена (с. 68–79), но совершенно упускает из виду, кто из мемуаристов первым зафиксировал это высказывание, а без этого говорить о достоверности или вымышленности

данного высказывания мне представляется не совсем правильным.

В тексте книги ощущается авторская симпатия ко всем знаменитым историческим личностям, которые благоволили Ф.В. Ростопчину. Особой симпатии Портного удостоивается император Павел I. Об истории отношений своего героя с данным императором говорится подробно и обстоятельно. Здесь упоминается и история с солдатиками, которых Ростопчин подарил Павлу, когда тот был еще великим князем. Этот подарок, как считают историки, и определил хорошее отношение Павла Петровича к Федору Васильевичу. Автор рассказывает и про службу Ростопчина при дворе великого князя в последние годы правления Екатерины II, которая сделала Ростопчина правой рукой императора Павла.

Л. Портной рисует портрет Ростопчина как тонкого психолога, сумевшего понять и использовать особенности невротического характера императора Павла I. Благодаря этому пониманию, он и сумел выстроить систему управления в подчиненных ему в недолгий период царствования органах государственной власти.

Образу императора Павла в книге справедливо уделено много внимания. Автор считает, что переменчивый характер императора способствовал тому, что масштаб репрессий при нем был сильно преувеличен, и «сосланные в Сибирь возвращались из ссылки, не успев выйти из дома, а разжалованные в солдаты на другой день становились генералами» (с. 176). Описывая деятельность Ростопчина в качестве

одного из руководителей Коллегии иностранных дел, автор дает волю своему литературному таланту: «Сегодня Австрия и Англия хотят, чтобы русские войска били французов. Назавтра глядишь, хотят, чтобы французы били русских» (с. 176).

Автор книги уделяет большое внимание истории взаимоотношений Ф.В. Ростопчина и С.Р. Воронцова. Рассказывая о прекращении переписки между ними в начале царствования императора Александра I, он связывает это с обидой Ростопчина на «графа Семена», который не замолвил за него слово перед императором, чтобы тот вернул его на службу. На первый взгляд, такое объяснение кажется слишком простым, но если вспомнить историю их отношений в предыдущее царствование, когда Ростопчин, пользуясь своим положением доверенного лица императора Павла, всячески опекал и поддерживал Воронцова в его непростых отношениях с императором, подобное объяснение поступка Ростопчина вполне возможно.

Однако интерпретация автором сближения Ростопчина с сестрой Воронцова Е.Р. Дашковой как сделанного с целью воспользоваться ее связями и влиянием представляется довольно странной. Какие могли быть связи и влияние у Дашковой, которая давно не занимала никаких постов и была далека от хитросплетений придворной жизни?

Рассказывая об отношениях Ростопчина со знаковым для Москвы началом XIX в. персонажем — Настасьей Дмитриевной Офросимовой, автор дает волю своей фантазии, которая

не основывается ни на каких документах. Он пишет, что Офросимова явилась причиной ссоры между Ф. В. Ростопчиным и С. Н. Глинкой, которая привела к тому, что последний прекратил печатать Федора Васильевича в своем журнале «Русский вестник»: «Не выдержав давления со стороны властей и со стороны законодательницы светского общества, издатель “Русского вестника” отказал нашему герою в очередной публикации» (с. 262).

Деятельность Ростопчина на самом важном и ответственном его посту — московского градоначальника в 1812 г. — протекала очень насыщенно. Она, в отличие от предшествующих этапов его жизни и служебной деятельности, довольно хорошо зафиксирована в различных источниках. Лев Портной предлагает свою версию этих событий, стремясь представить в выгодном свете все действия своего героя, в том числе и организованную Ростопчиным в 1812 г. расправу с купеческим сыном Верещагиным. Здесь мы не встретим какого-то нового прочтения источников, вместо этого автор предпочитает рассказать длинную историю взаимоотношений Ростопчина с московскими масонами и особенно с директором Московского почтамта Ключаревым, который под бойким пером Портного превращается из руководителя Московского почтамта в главу почтового ведомства (с. 327). При этом делается сенсационное историческое открытие о том, что, оказывается, в 1812 г. в Москву поступала «Северная пчела» (с. 326).

Предлагая читателю свою версию участия Ростопчина в событиях

1812 г., автор основывается на гипотезе о том, что у императора Александра I якобы существовал не зафиксированный нигде «скифский план» войны с Наполеоном, который предусматривал отступление русской армии от границы вглубь страны и сдачу Москвы врагу. Во все подробности этого плана, согласно гипотезе Портного, были посвящены только главнокомандующие: Барклай-де-Толли и Кутузов. Эту идею автор проводит на протяжении всего произведения: «Александр I выступает как полководец, а граф Ростопчин как солдат. Задача полководца — довести солдата в блестящем состоянии до поля брани и бросить на свершение ратного подвига. Что будет с солдатом потом — уже неважно. Потом о солдате можно забыть. Но в последнюю минуту перед сражением произносится речь, призванная убедить солдата в его исключительной важности» (с. 350). Такой «речью» для Ростопчина явилось письмо Александра I от 5 сентября 1812 г., в котором император выражает полную поддержку действий московского градоначальника. Немного остановимся на анализе этого письма, который содержится в книге¹. Особое внимание автора привлекает фраза из письма императора о том, что Наполеона тот считает губителем, опустошившим Европу. «Европу, а не Россию. Даже в дни поражений российский император стоял на позиции, что столкновение с Наполеоном — это война за европейское влияние, а не только за суверенитет России» (с. 351). Уважаемому автору, вероятно, неизвестно, что

¹ Само письмо невелико, и его полный текст приводится в книге.

все русские монархи и значительная часть образованного общества в России после Петра I считали Россию частью Европы и не представляли своей политики вне связи с европейскими делами. При этом суверенитет монарха на территории Российской империи они считали само собой разумеющимся, но не мыслили его вне своей роли в «общевропейском концерте». И вот именно поэтому император Александр и писал Ростопчину: «С настойчивостью и с Божьей помощью мы одолеем это чудовище, опустошающее Европу» (с. 350).

Рассказ о деятельности Ростопчина в Москве в 1812 г. оказался в книге довольно противоречивым. Упоминая о знаменитых афишах, издававшихся в тот год в Москве, автор отмечает, что они сыграли положительную роль в поддержании благоприятного морально-психологического климата среди низших слоев московского общества, которые с большим доверием и симпатией относились

к графу Ростопчину. Но на с. 355 Л. Портной приводит цитату из мемуаров жителя Ростова Маракцева о ненависти черни в его родном городе к деятельности московского генерал-губернатора. В связи с этим возникает любопытный вопрос — почему за московскими заставами деятельность Ростопчина не находила такой же поддержки у его целевой аудитории, как в Москве? Но, к сожалению, автор книги не дает ответа на этот вопрос. Он даже его не ставит.

Автору очень хотелось изменить отношение к Ростопчину у читателя. На мой взгляд, он с этой задачей не справился. Приведу еще один пример. Он сокрушается, что в Портретной галерее героев 1812 г. нет портрета Ростопчина. А почему он там, собственно, должен был появиться? Галерея задумывалась как собрание портретов генералов, командовавших войсками, принимавших непосредственное участие в боевых действиях с Наполеоном. Как мог туда попасть Федор Васильевич?

"RUSSIAN PATRIOT WITH THE THINKING OF A WESTERN SKEPTIC" (EXPERIENCE OF MODERN APOLOGETICS)

Rev.: Portnoi L. M. Graf Rostopchin. Istoriya nezauryadnogo general-gubernatora Moskvy. Moscow, Boslen 2017. 452 p.

Batshev Maxim V. — researcher of the Department of documentation of heritage and information technologies of the D.S. Likhachev Russian research Institute for cultural and natural heritage (Moscow)

Key words: history of the XIX century, the Patriotic war of 1812, biography.

Abstract. For the first time the reader is offered a complete and detailed biography of one of the key figures of the reign of Emperor Alexander I Fyodor Rostopchin.

Н. П. Таньшина

В ВИХРЕ ГРАЖДАНСКИХ ВОЙН: РАЗМЫШЛЕНИЯ О КНИГЕ А. В. ГАНИНА

Рец.: Ганин А. В. Повседневная жизнь генштабистов при Ленине и Троцком. М.: Кучково поле, 2016. 680 с.: ил.; 2-е изд., исп.: М.: Кучково поле, 2017. 680 с.: ил.*

Ключевые слова: Гражданская война в России, историческая память, историография, история повседневности, В. И. Ленин, Л. Д. Троцкий, исторические мифы и стереотипы.

Аннотация. Рецензия посвящена монографии доктора исторических наук, ведущего научного сотрудника Института славяноведения Российской академии наук А. В. Ганина «Повседневная жизнь генштабистов при Ленине и Троцком». В рецензии проведен сравнительный анализ Гражданской войны в России и гражданских войн Нового времени в странах Европы и Америки (Гражданская война в США между Севером и Югом 1861–1865 гг., Гугенотские (гражданские) войны во Франции, события Реформации в Германии, карлистские войны 1830–1840-х гг. в Испании), сделаны выводы об их общих чертах и отличиях, а также выявлены основные закономерности развития отечественной и зарубежной историографии гражданских войн. Рецензируемая монография наводит на размышления об устойчивости стереотипов и мифологических представлений как в исторической памяти, так и в историографической традиции. DOI 10.31754/2409-6105-2018-3-305-319

Гражданская война является драматической страницей в истории лю-

© Таньшина Н. П., 2018

Таньшина Наталья Петровна — доктор исторических наук, профессор кафедры Всеобщей истории Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; ведущий научный сотрудник Лаборатории западноевропейских и средиземноморских исторических исследований исторического факультета Государственного академического университета гуманитарных наук, профессор кафедры новой и новейшей истории Московского педагогического государственного университета (Москва); nata.tanshina@mail.ru

бого государства. Для нашей страны Гражданская война (1917–1922 гг.) стала тяжелейшим испытанием, сопряженным с событиями Первой мировой войны и двух революций, отправной точкой формирования нового советского государства, вписалась в канву исторической па-

* Исследование осуществлено по гранту Правительства Российской Федерации в рамках подпрограммы «Институциональное развитие научно-исследовательского сектора» государственной программы Российской Федерации «Развитие науки и технологий» на 2013–2020 гг. Договор № 14.Z50.31.0045.

мяти, превратившись в социокультурный феномен. Многие наши любимые фильмы от «Офицеров» до «Белого солнца пустыни», а список можно продолжать и продолжать, — они про Гражданскую войну. Вопрос же о том, за кого ты, за красных или белых (а были еще и зеленые, и сторонники новых национальных государств), стал философским, экзистенциальным. Герои Гражданской войны превратились в персонажей анекдотов: Чапаев, Петька, Анка-пулеметчица. Для кого-то Гражданская война — это глубочайшая трагедия и братоубийственная мясорубка, отраженная в произведениях М. А. Булгакова, Б. Л. Пастернака, И. А. Бунина, А. Платонова. Для других — это героика, «Щорс идет под знаменем» и «По долинам и по взгорьям»¹. У каждого из нас, будь то профессиональный историк или простой обыватель, своя Гражданская война и свои образы той войны. При этом раскол в обществе до сих пор не преодолен, нам все так же свойственна дихотомия, только с конца прошлого века произошла кардинальная инверсия, «свои» стали «чужими» и наоборот².

¹ При том, что на мотив этого марша во время Гражданской войны было написано несколько вариантов текста. Это не только всем известный «Марш дальневосточных партизан», но и «Марш Дроздовского полка».

² Об этом свидетельствуют результаты исследований, проведенных недавно Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) по теме отношения россиян к периоду Гражданской войны, приуроченного к выставке «Три цвета правды», проходившей в Музее современной истории России до 9 сентября 2018 г. См.: URL: [URL: wciom.ru/index.php?id=236&uid=9180](http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9180) (дата обращения: 28.06.2018).

Поэтому монография доктора исторических наук А. В. Ганина является весомым вкладом не только в развитие исторической науки, но и событием, значимым для общественно-политической жизни страны. Это попытка собрать воедино и соединить дом, распавшийся на две части, как когда-то говорил А. Линкольн о начавшейся гражданской войне в его стране, только у нас этих частей было гораздо больше.

Рецензия не претендует на всесторонний анализ комплекса проблем, поднятых в монографии. Во-первых, в силу того, что автор этих строк не является специалистом по отечественной истории и по истории Гражданской войны. Во-вторых, монография А. В. Ганина вызвала серьезный научный интерес и дискуссию (в том числе и околонаучную, добавим в скобках), о чем свидетельствует целый ряд разноплановых рецензий, написанных как признанными специалистами в области советской военной истории (*Безугольный* 2017: 301–311), так и журналистами (*Громов* 2016), и даже юными магистрантами (*Яковенко* 2017: 268–274). Меня же книга навела на размышления о феномене Гражданской войны как таковой в сравнении с аналогичными конфликтами в странах Европы и Америки Нового времени.

Гражданская война, как любое эпохальное событие, со временем обрастает легендами и мифами. Трагедия забывается, прошлое романтизируется, и в результате остается миф, образ. Мифотворческие традиции глубоки в каждой стране, поскольку мифы конструируют нацио-

нальную память и во многом формируют национальную идентичность. Во Франции это миф о «добром короле Анри», окончившем кровопролитные гражданские, или гугенотские, войны (1559–1598) и обеспечившем каждую семью супом с курицей по воскресеньям. Для США это обожествление героев Гражданской войны 1861–1865 гг., прежде всего генерала Р. Ли, многочисленные национальные парки на Юге, мемориалы в местах крупнейших сражений, прежде всего в Вирджинии (о памятниках мы еще поговорим). Все эти мифы прочно укоренились не только в массовом, но и в историческом сознании.

Книга Андрея Ганина разрушает устоявшиеся стереотипные представления о Гражданской войне и ее участниках. Как воспринимали Гражданскую войну в советской России? Вот что пишет автор в предисловии: «“Лапотная” Красная армия, которой предводительствовали талантливые полководцы из народа, одержала впечатляющую победу над белыми, до зубов вооруженными Антантой и руководимыми опытными царскими генералами» (с. 9). Соглашусь, что такой стереотип восприятия Гражданской войны не вполне изжит и сегодня.

При этом А. В. Ганину удается оставаться «над схваткой», сохранять объективность в подходах и суждениях, ведь историк не может любить своих героев; как говорил крупный французский исследователь Ж. Тюлар, тогда это не историк. Ганин предельно честен и искренен; при этом детальный анализ источников позволяет ему добиться высокой

степени объективности (хотя историческая наука неизбежно субъективна). Цель написания книги автором обозначена предельно ясно: «Восстановить полустертую память о плеяде выпускников Николаевской академии, на долю которых выпал драматичный и переломный период Первой мировой войны, Революции и Гражданской войны» (с. 14). Почему произошел раскол? Так ли сильны и антагонистичны были различия между «своими» и «чужими», и настолько ли «белые» были белые и «красные» красные — все эти вопросы находятся в центре внимания автора.

Делать новаторские выводы А. В. Ганину позволяет обширная источниковая база, основу которой составляют материалы многочисленных отечественных и зарубежных архивов, в том числе рассекреченные, ранее закрытые фонды. Многие из этих документов автор впервые вводит в научный оборот. Список архивов впечатляет: это центральные и региональные российские архивы, прежде всего Российский государственный военный архив, Государственный архив Российской Федерации, Российский государственный военно-исторический архив, Российский государственный архив социально-политической истории. Помимо них Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (Санкт-Петербург), Архив регионального управления ФСБ России по Архангельской области, Государственный архив Архангельской области и другие; это зарубежные архивы, такие как Архив Гуверовского института (Стэнфордский

университет, США), Бахметевский архив русской и восточноевропейской истории и культуры (Колумбийский университет, Нью-Йорк), Библиотека современной международной документации (Нантер, Франция), архивы Армении, Латвии, Украины, Эстонии, семейные архивы потомков офицеров.

Привлечение широкого комплекса неизвестных ранее источников позволило А. В. Ганину выйти на новый уровень осмысления вопроса о причинах и характере Гражданской войны. Традиционно в нашей стране эта проблематика изучалась, исходя из приоритетности внутриполитической борьбы. Автор же анализирует Гражданскую войну, прежде всего, как внутрикорпоративное противостояние дореволюционной военной элиты (с. 25).

Сходные процессы происходят в американской исторической науке. В первой половине XX в. в американской историографии доминировала концепция экономического детерминизма супругов Бирдов и в целом позитивистский подход, рассматривавший войну между Севером и Югом как непримиримый конфликт двух цивилизаций, двух путей экономического развития, двух идеологий. Современные американские исследователи существенно меняют этот устоявшийся взгляд³. В рамках «школы консенсуса» и «школы исторической политологии» (корнями уходящих к концепции лидеров конфедератов А. Стеффенса и Дж. Дэвиса) подчер-

кивается отсутствие цивилизационных противоречий, и более того, акцент делается на общности Севера и Юга, а суть конфронтации сводится, прежде всего, к конфликту элит: у политических лидеров США не хватило политической мудрости, чтобы прийти к консенсусу и не довести дело до войны⁴.

Через анализ элит А. В. Ганин выходит на ключевые вопросы о причинах Гражданской войны и о том, что же предопределило затяжной характер конфликта. Идеологические разногласия между противоборствующими сторонами в советской историографии, по вполне понятным причинам, выводились на первый план. Гражданская война трактовалась как классовый конфликт, соответственно, противоречия могли быть только антагонистичными (красный белому не товарищ). А. В. Ганин относительно оказавшейся по разные стороны баррикад дореволюционной военной элиты приходит к совершенно иным выводам. Во-первых, глубоких идейных противоречий между офицерами Генерального штаба, оказавшимися в разных лагерях, он не обнаруживает, да и откуда им было взяться, если эти люди являлись представителями одной культуры, корпорации и школы. А. В. Ганин делает важный вывод о том, что во взглядах красных и белых офицеров было много общего. Например, лидер белых генерал А. И. Деникин и выдающийся военный специалист Красной армии, будущий Маршал Советского Союза Б. М. Шапошни-

³ О дискуссиях и подходах относительно системы плантационного рабства см.: (Супоницкая 1998: 10–40, 74–92).

⁴ О направлениях в американской историографии см.: (Согрин 2010: 198–203).

ков являлись, прежде всего, патриотами и государственниками (с. 24). В то же время, отмечает автор, идейный выбор Шапошникова был ситуативным. Фактор случайности, стечения обстоятельств только добавлял драматизма ситуации, когда, говоря словами журналиста Г. В. Немировича-Данченко, офицеры «служили одинаково неискренно и тем, и другим» (с. 20). В целом же изучение архивных документов позволило автору сделать вывод о широком участии дореволюционной военной элиты в создании Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА). Отметим, что всего бывших офицеров (не только генштабистов) на стороне красных оказалось не менее 75 000, хотя считается, что у белых их было больше (с. 9)⁵.

А. В. Ганин выделяет целый комплекс причин добровольного поступления специалистов Генштаба в РККА. Конечно, патриотизм генштабистов, стремившихся оборонять родину от немцев, имел место, но присутствовали и факторы более прагматичные: привязанность к военной службе и стремление к самореализации на профессиональном поприще, материальный интерес, стремление сохранить в своих руках военно-административный аппарат, вера в твердую власть, карьерные устремления и др. В наименьшей степени, по словам автора, можно говорить о приверженности бывших офицеров большевистской идеологии (с. 48, 565). При этом большинство бывших офицеров

поступило в РККА по мобилизации (с. 70).

Изучение опыта Гражданской войны в США выводит на интересные параллели. Как в историографии Гражданской войны в России доминировало мнение, будто непрофессиональная Красная армия сражалась против «золотопогонников»-белых, так и в отечественной историографии Гражданской войны в США было распространено убеждение, что с началом войны армия Севера оказалась обескровлена, поскольку большинство южан, из которых в основном и комплектовался офицерский состав армии, с началом войны перешли на сторону Конфедерации⁶. В России, как убедительно доказал А. В. Ганин, проанализировав места службы офицеров, кадры Генштаба разделились между противоборствующими сторонами практически поровну с незначительным перевесом в пользу белых (39,8% в РККА против 46,4% у белых) (с. 565). С началом Гражданской войны в США большинство офицеров армии не изменили своей присяге, и лишь 286 из них предложили свои услуги Конфедерации. Выпускники военной академии Вест-Пойнт, кузницы офицерских кадров, в основной массе также не поддержали южные штаты. Только 99 бывших офицеров, окончивших Вест-Пойнт, присягнули на верность Конфедерации, в то время как на федеральную службу вернулись 114 человек (*Маль* 2000: 29). В целом же высшее командное руководство в обеих противоборствующих армиях осуще-

⁵ Новейшие данные о статистике раскола офицерства вошли в еще одну монографию рецензируемого автора: (*Ганин* 2018: 13–20).

⁶ См., например: (*Иванов* 2002: 219).

ствляли выпускники Вест-Пойнта (Hsieh 2009: 2, 198).

Это умозаключение, в свою очередь, выводит на размышления о причинах затяжного характера противостояния. Андрей Ганин на страницах своей книги приходит к выводу о том, что победа Красной армии была достигнута не только железной волей и революционным энтузиазмом партии большевиков, не только массовыми мобилизациями и беспощадным карательным аппаратом, но и опытом, знаниями бывших офицеров, пошедших в новую армию в качестве военных специалистов. Как справедливо отмечает автор, «без вольного или невольного содействия примерно полутора тысяч высококвалифицированных генштабистов создать регулярную армию и победить многочисленных врагов большевики бы не смогли» (с. 10).

В Америке каждая из сторон надеялась на быстрый и скорый успех своего дела, однако этого не произошло. Юг был обманут в своих ожиданиях на то, что вся военная элита, выпускники военной академии Вест-Пойнт, окажется на их стороне. Офицеры Конфедерации, однако, оказались лучше подготовленными к исполнению своих обязанностей; генералитет армии составляли профессиональные военные, среди них было много ветеранов войны с Мексикой (Маль 2000: 30). На Севере же сложилась целая прослойка «генералов-политиканов», которые до войны были профессиональными политиками, а не военными. Эти факторы, наряду с целым рядом других, обуслови-

ли длительный характер противостояния.

Если мы обратимся к истории Франции и Германии эпохи Реформации и, соответственно, гражданских войн (события в Германии времен деятельности Мартина Лютера, связанные с крестьянской войной, восстаниями рыцарей, а потом и происходившей на ее землях Тридцатилетней войной 1618–1648 гг., вполне можно интерпретировать как войну гражданскую), то увидим, что в этих странах раскол имел четко выраженные формы и проходил по линии протестанты — католики. Если принять во внимание, что религия в те времена выполняла функции, в современном обществе принадлежащие идеологии, то раскол во Франции и немецких землях имел глубоко идейный характер⁷.

В то же время, если мы говорим о Франции, то глубокие разногласия между лидерами католиков и протестантов порой только на первый взгляд были таковыми. Зачастую религиозными лозунгами прикрывалась традиционная борьба за власть и привилегии. Неслучайно в то время существовала категория так называемых «политических гугенотов», т.е. людей, менявших свою веру в зависимости от политической конъюнктуры. Самый яркий пример — Генрих Наваррский, неоднократно переходивший из протестантизма в католичество и обратно. Став французским королем и основателем новой династии Бурбонов, он вновь вернулся в ло-

⁷ О французской историографии социальных причин религиозных войн во Франции см.: (Уваров 2004: 3-38).

но католической церкви, понимая, что французы-католики никогда не будут воспринимать легитимной власть короля-гугенота (хотя слов «Париж стоит мессы» он никогда не произносил; их в его уста заботливо вложил А. Дюма)⁸.

Характерно, что и в России происходили массовые добровольные переходы генштабистов, оказавшихся на стороне красных, к белым, а в обратную сторону преобладали вынужденные сдачи в плен (с. 287). Эти перемещения на протяжении всей Гражданской войны происходили постоянно и служат еще одним подтверждением примерно равного качественного уровня военной элиты сторон (с. 75).

Общее место во всех гражданских конфликтах — это глубочайший раскол, проходивший не только по социальным группам, но по семьям, по близким и родным людям. Гражданская война в России только подтверждает это трагическое правило: в результате раскола общества по разные стороны баррикад оказались отцы и дети, родные братья и однокашники по военным училищам и академиям.

Аналогичный раскол произошел и в Америке, где война длилась четыре года, став самым протяженным конфликтом в истории страны. В армиях Севера и Юга, наверное, не было офицера-профессионала, не имевшего бы друзей за линией фронта (*Маль* 2000: 14). Более того, раскол произошел по самым верхам обще-

ства: три брата жены президента А. Линкольна погибли за южан, родственники лидера Конфедерации Дж. Дэвиса воевали на стороне северян.

Во Франции в годы религиозных войн раскол был не менее глубоким⁹. Племянники герцога Анн де Монморанси, одного из лидеров католической группировки и члена так называемого «триумvirата» (вместе с герцогом Франсуа Гизом и маршалом Сент-Андре), сражались на стороне протестантов, среди них и знаменитый адмирал Гаспар де Колиньи, военный и политический руководитель гугенотов. В то же время в ходе Гражданских войн была сделана попытка примирить страну посредством брака между представителями противоборствующих конфессий: Екатерина Медичи, королева-мать, решила выдать свою дочь, католичку Маргариту Валуа, замуж за лидера гугенотов Генриха Наваррского. Свадьбу сыграли, но к чему это привело, печально известно: Варфоломеевская ночь и погромы конца августа — начала сентября 1572 г., прокатившиеся по стране, стали примером невиданной жестокости и массового убийства своих религиозных противников¹⁰.

⁹ О том, что гугенотские войны в современной историографии трактуются именно как гражданское противостояние, свидетельствует и название одной из недавних работ О. Карпи: «Религиозные войны (1559–1598): Франко-французский конфликт» (*Carpi* 2012).

¹⁰ Основные позиции во французской историографии относительно интерпретации событий Варфоломеевской ночи представлены в работах Ж.-Л. Буржона, Д. Крузе и Т. Ванегфелена. См., например: (*Bourgeon* 1992: 69–71, *Crouzet* 1994; *Wanegffelen* 2005).

⁸ Из последних французских работ о религиозных войнах см.: (*Crouzet* 2005; 2008, *Le Roux* 2014).

Анализируя события Гражданской войны в контексте противоборства элит как во враждующих лагерях, так и внутри каждого из них, А. В. Ганин выходит на важнейшую проблему смены элит (с. 12). Уже рубеж XIX–XX вв. автор рассматривает как время упадка прежней аристократической элиты и замены ее в процессе развития военной науки и военного дела, усложнения вопросов организации армии специфической бюрократическо-технократической элитой из профессионалов военного дела (с. 12). Поэтому генштабисты, владевшие, по выражению А. В. Ганина, «ремеслом создания и управления вооруженными силами», оказались наделены серьезными военно-административными полномочиями даже при большевиках.

Разумеется, справедливо отмечает историк, большевики не давали технократам-генштабистам, еще недавно служившим опорой ненавистного царского режима, каких-либо полномочий за пределами их профессиональной компетенции. Однако несмотря на то, что все политические решения принадлежали партийному руководству, генштабисты уже в годы Гражданской войны представляли собой элиту Красной армии, а впоследствии некоторая их часть вошла в состав государственной элиты СССР, объединившей как представителей партийной номенклатуры, так и специалистов-технократов (с. 12).

В то же время А. В. Ганин делает обоснованный вывод о том, что исторический опыт развития России в XIX–XX вв. свидетельствует

о крайней политической слабости отечественной военной элиты, ее неготовности и неспособности не только к самостоятельной выработке модели развития страны, но даже к тому, чтобы взять власть и удержать ее (с. 198).

В других странах, конечно, со своей спецификой, тоже шли процессы трансформации элит. В США после Гражданской войны происходит перераспределение власти между элитами; теперь северяне и южане поменялись местами, а герой войны генерал У. Грант в 1869 г. стал президентом. Более того, когда на президентских выборах 1876 г. победу одержал демократ С. Тилден, итоги выборов были пересмотрены: президентом стал проигравший кандидат-республиканец Р. Хейс, но взамен с Юга были отозваны федеральные войска, и процесс Реконструкции Юга на этом завершился. Кроме того, уже накануне войны в США происходит очередная перегруппировка политических сил и формируются современные партии республиканцев и демократов.

Во Франции после окончания религиозных войн устанавливается новая династия Бурбонов во главе с королем Генрихом IV (1589–1610). В ходе гугенотских войн формируются новые подходы к пониманию государства и власти, Ж. Боден формулирует концепцию «государственного суверенитета». В германских землях М. Лютер выступает с ярко выраженными этатистскими идеями (государство — «меч и бич Божий»), а религиозный конфликт сначала по условиям Аугсбургского религиозного мира 1555 г., а потом

и Вестфальского мира 1648 г. разрешается на основе принципа «чья власть, того и вера». То есть вопрос об элитах, власти и государстве во всех названных странах выкристаллизовывался в ходе драматичных гражданских потрясений.

Книга А. В. Ганина выводит на размышления о роли фактора иностранного вмешательства в события Гражданской войны. История Испании как XIX, так и XX в. является наглядным примером того, как интервенция иностранных держав может привести к пролонгации конфликта. Именно так произошло в Испании в 1830-е гг., когда после смерти короля Фердинанда VII страну захлестнула череда гражданских, или карлистских, войн, разделивших Испанию на сторонников королевы-регентши Марии-Кристины и брата короля дона Карлоса. Вмешательство в конфликт (на уровне дипломатического влияния и продвижения своих ставленников на пост главы правительства) Великобритании и Франции только подливало масла в огонь, а конфликт приобретал затяжной характер. Гражданская война в Испании XX в. является, может быть, самым ярким примером интернационализации военных действий. И если в массовом сознании советских (и постсоветских людей) мы помогли Испании и спасали ее, то в исторической памяти испанцев акценты сместились: как историки, так и простые граждане полагают, что вмешательство в конфликт СССР дестабилизировало внутреннюю ситуацию в стране и способствовало затягиванию Гражданской войны (Русский сборник 2016).

Применительно к Соединенным Штатам открытого вооруженного иностранного вмешательства в конфликт между Севером и Югом не произошло, хотя ведущие европейские державы оказывали Конфедерации самую активную военную, политическую и дипломатическую помощь. Но в целом надежды южан на упования в духе Остапа Бендера о том, что «заграница нам поможет», не оправдались. С другой стороны, девятимесячное пребывание в США в 1863–1864 гг. двух военно-морских эскадр России явилось реальной военной демонстрацией в поддержку федерального правительства (Иванов 2002: 220).

А. В. Ганин не останавливается на вопросе об иностранной интервенции, поскольку это выходит за рамки поставленных исследовательских задач, но отмечает среди причин перехода генштабистов на сторону красных побуждения патриотического характера, а именно стремление защитить свою родину от внешнего врага.

Один из главных вопросов: итоги войн, их результаты. Они крайне неоднозначны. В США Гражданская война между Севером и Югом, несмотря на колоссальное разорение южных штатов и самые большие в истории этой страны потери (убитых — около 600 тысяч, раненых — порядка 1 млн), привела к превращению США в целом в либерально-капиталистическое государство и его ускоренному экономическому росту, превратив Америку уже к концу XIX в. в одного из лидеров западного мира. С точки зрения решения

негритянской проблемы — «гора породила мышь»: несмотря на принятые 13, 14 и 15-ю Поправки к Конституции США, бывшие рабы ни политических, ни имущественных прав реально не получили. Гражданская война отличалась особой жестокостью, о чем американцы, в том числе и историки, предпочитают не распространяться. Между тем действия генерала Шермана на Юге до сих пор вспоминаются с содроганием: он воевал так, будто шел не по территории родной страны, а по чужой земле, которую хотел уничтожить, отсюда и тактика выжженной земли, реквизиций, разрушение зданий, предприятий, железных дорог, телеграфных линий. В результате Юг был разорен; дело дошло до возрождения натурального хозяйства. А последовавший после окончания войны террор на Юге, действия разветвленной сети Ку-Клукс-Клана на долгие годы дестабилизировали ситуацию на территории южных штатов.

Не менее разрушительными последствия гражданских войн были в Европе, где они происходили, прежде всего, по религиозным причинам. Германия времен Реформации и Тридцатилетней войны раскололась на протестантскую и католическую, и следы этого раскола ощущаются и сегодня. В послевоенной Западной Германии партии, занявшие ведущие позиции на политической арене, ХДС и ХСС, изначально формировались по конфессиональному принципу, а в современном ХДС разногласия между католиками и протестантами периодически проявляются (Сняжкова 2014: 180–183).

Во Франции гражданские, или религиозные, войны, продолжавшиеся на протяжении почти сорока лет (1559–1598), в итоге привели к осознанию того факта, что единоверие невозможно навязать силой, правительственными указами или пышными торжествами. И в этом их значение, сравнимое с мировоззренческой революцией. Однако и после подписания Нантского эдикта 1598 г., по которому гугеноты получали целый ряд прав и вольностей, в том числе военные крепости, напряженность сохранялась, и в итоге сначала в 1629 г. последовала отмена военных статей Нантского эдикта, а потом в 1685 г. он был и вовсе упразднен по эдикту Фонтенбло, а 200 тыс. гугенотов были вынуждены эмигрировать из страны. А «драгонады» Людовика XIV, т. е. принудительный постой войск в домах гугенотов с целью принуждения протестантов к переходу в католичество, общеизвестны. В 1787 г. гугеноты были восстановлены в правах, но с началом революции братоубийственная мясорубка заработала на полную мощь, спровоцировав и самую настоящую гражданскую войну в Вандее, когда «адские колонны» генерала Тюрро учинили геноцид против собственного народа¹¹ (Генифе 2003: 228–240). В результате Вандея обезлюдела, население сократилось на треть, местами и на половину, а последствия этих ужасающих людских потерь ощущались вплоть до середины XIX в. Более того, в 1815¹² и в 1830-е гг. в этом же регионе произошло «второе»

¹¹ Число погибших, по данным П. Генифе, составило 900 тыс. человек (Генифе 2003: 15).

¹² О событиях в Вандее в 1815 г. см.: (Летчфорд 2003).

и «третье издание» Вандеи. Ожесточенные споры вокруг проблемы Вандеи во французской науке происходят до сих пор¹³.

На конкретных примерах судеб офицеров Генерального штаба А. В. Ганин предметно показал братоубийственный характер Гражданской войны, разведшей по разные стороны баррикад родных братьев, отцов и детей. Не менее трагичным был раскол между людьми, которые вместе росли, дружили, сидели за одним академическим столом, вместе служили и сражались. Этот раскол прошел через судьбу каждого офицера, вовлеченного в водоворот Гражданской войны (с. 567).

Монография А. В. Ганина важна еще и тем, что выводит на вопрос о разрыве и преемственности: новая, советская Россия ковалась на полях сражений и в тиши кабинетов с самым широким привлечением военспецов старой школы. Большевики, в условиях недостатка высокопрофессиональных кадров для многомиллионной армии, постарались использовать все категории выпускников Николаевской академии, даже тех, кто ее окончил неудачно или недоучился (с. 76). На первый план выдвинулась и блестяще зарекомендовала себя целая плеяда «академиков»: главнокомандующие И. И. Вацетис и С. С. Каменев; один из основоположников РККА М. Д. Бонч-Бруевич; начальники Полевого штаба Реввоенсовета рес-

публики Ф. В. Костяев и П. П. Лебедев и многие другие (с. 566)

Книга А. Ганина — не только об офицерах Генштаба в годы Гражданской войны, но и о послевоенном времени. Проследив судьбы своих героев, автор приходит к выводу, что практически сразу после Гражданской войны партийные триумфаторы забыли о тех, кому были обязаны победой. Для большевиков генштабисты являлись не более чем инструментом достижения победы в войне (с. 367). Вычеркнутым из советской истории оказался и Л. Д. Троцкий — идеолог политики привлечения бывших офицеров на службу революционной армии. В рамках дела «Весна» 1930–1931 гг. и «Большого террора» второй половины 1930-х гг. многие генштабисты старой школы были репрессированы, и лишь несколько десятков человек дожили до середины XX в. (с. 572).

В заглавие книги А. В. Ганина вынесена история повседневности. Такие труды популярны и востребованы. И это очень важно, «почувствовать историю на вкус». Ведь, как говорил в свое время один из основателей «школы Анналов» Марк Блок, для понимания событий необходимо попытаться «проникнуть в головы их участников». Рецензируемая монография — это настоящее психологическое погружение в эпоху Гражданской войны, в результате которого оживают люди, участники и заложники той трагедии. Ведь в классических текстах историков-позитивистов люди не едят, не пьют, не болеют; на войне нет вшей и протухшей селедки.

¹³ О французской историографии Вандеи см.: *Блуменгау* 1992: 223–237). Из последних работ о Вандее см.: *(Martin 2014, Сеуе 2016: 36–54)*.

Если это военные деятели, то они только героически сражаются, строят военные планы, трагически погибают, но не сдаются, высокоморальны или, если это враги, полностью аморальны. Но в «Повседневной жизни генштабистов...» перед нами — живые люди, и они разные, причем по обе линии фронта. Порой бывает, что мода на историю повседневности заслоняет историю как таковую. В книге А. В. Ганина история повседневности — это способ донести до читателей сложную и многообразную обыденную реальность «бывших» в советских условиях, рассказать о сущности Гражданской войны для этих людей «по жизни, правде, кровотечению», говоря словами братьев Гонкуров, именем которых названа известная литературная премия.

Автору блестяще удалось воссоздать коллективный портрет представителей корпуса офицеров Генерального штаба, оказавшихся на службе Красной армии, и на основе анализа их судеб в миниатюре продемонстрировать трагическое размежевание всего русского офицерства и общества первой четверти XX в. Рецензируемая работа — это глубокое междисциплинарное исследование с применением просопографической методологии, истории повседневности, микроистории, психологической антропологии, при этом основанное на добротной и серьезной классической академической традиции.

И в завершение — о памятниках. Войны памяти не прекращаются. Можно вспомнить украинский «ленинопад» и хулиганские акции, свя-

занные с мемориальной доской Колчаку в Санкт-Петербурге, а также совсем недавнюю попытку добиться сноса памятника Колчаку в Иркутске (для ультраправых антигерой — Ленин, для левых — Колчак, достижения обоих не в счет). В Америке на наших глазах происходит целая истерия с памятниками Конфедерации и ее лидерам. Это все говорит о том, что раны так и не зарубцевались, остаются болезненными; даже если историки договорятся, консенсус в обществе вряд ли будет скоро достигнут. В России и США уже давно нет ветеранов гражданских войн (хотя я помню надписи: места для участников Гражданской и Великой Отечественной войн; ветераны Гражданской войны обслуживаются вне очереди), а раскол остался. Во Франции и Германии Реформация происходила пятьсот лет назад, а раскол, по крайней мере на социокультурном уровне, существует и поныне.

Поэтому книга А. В. Ганина о том, что нельзя как по линейке делить наших предков на красных и белых, очень нужна. О востребованности книги свидетельствует ее второе издание, поскольку первое разошлось мгновенно (хотя это серьезная и объемная научная работа, в основе которой — докторская диссертация автора). Это текст глубоко научный, с привлечением огромного количества документов, но написанный человеческим, а не «птичьим» языком, с чувством стиля, интересным и специалисту, и любителю истории, пытающемуся понять трагическое прошлое нашей страны.

И все-таки автор, будучи предельно серьезным и объективным ис-

ториком, по-офицерски точным и внимательным к деталям, на мой взгляд, остается романтиком. Книга начинается стихами Бориса Слуцкого; название каждой главы — стихотворная цитата. Правда, это военная романтика, поэтому цитаты — жесткие, хлесткие. В те времена было в моде словотворчество, новояз В. Хлебникова и А. Крученых. Сознательно или интуитивно, но Андрей Ганин уловил это, вынеся в названия заголовков рычание-шипение звуки, которые, буквально на уровне физиологии, как скрежет железа по стеклу, передают атмосферу Гражданской войны...

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Безугольный 2017 — *Безугольный А. Ю.* Генштабисты на военной службе у Ленина и Троцкого // Вестник архивиста. 2017. № 3. Июль — сентябрь. С. 301–311.

Блуменау 1992 — *Блуменау С. Ф.* Современная французская историография Вандеи и Шуанерии // Новая и новейшая история. 1992. № 1. С. 223–237.

Ганин 2018 — *Ганин А. В.* Семь «почему» российской Гражданской войны. М., 2018.

Генифе 2003 — *Генифе П.* Политика революционного террора, 1789–1794. М., 2003.

Громов 2016 — *Громов А.* Из деникинцев в красноармейцы // Независимая газета. Exlibris. URL: www.ng.ru/ng_exlibris/2016-11-24/7_866_gromov.html.

Иванов 2002 — *Иванов Р. Ф.* Конфедеративные Штаты Америки (1861–1865 гг.). Ч. 2. М., 2002.

Летчфорд 2003 — *Летчфорд С. Е.* Вандея в 1815 году // Французский ежегодник 2003. М., 2003.

Маль 2000 — *Маль К. М.* Гражданская война в США (1861–1865): развитие во-

енного искусства и военной техники. Минск, 2000.

Русский сборник 2016 — Русский сборник. Т. XX: СССР и Гражданская война в Испании 1936–1939. М., 2016.

Сеше 2016 — *Сеше Р.* Вандея: от геноцида к «меморициду» / пер. с фр. Ю. В. Минеевой // Французский ежегодник 2016: Протестные движения в эпоху Французской революции и Первой империи. М., 2016. С. 36–54.

Синякова 2014 — *Синякова Н. С.* Христианско-демократический союз Германии перед вызовами современных реалий: трансформация идеологии // Среднерусский вестник общественных наук. 2014. № 2. С. 180–183.

Согрин 2010 — *Согрин В. В.* Исторический опыт США. М., 2010.

Супоницкая 1998 — *Супоницкая И. М.* Антиномия американского Юга: свобода и рабство. М., 1998.

Уваров 2004 — *Уваров П. Ю.* Что стояло за Религиозными войнами XVI в.? От социальной истории религии к «le vécus religieux» и обратно // Французский ежегодник 2004: Формы религиозности в XV — начале XIX вв. М., 2004. С. 3–38.

Яковенко 2017 — *Яковенко В. А.* Рецензия на работу: Ганин А. В. Повседневная жизнь генштабистов при Ленине и Троцком. М.: Кучково поле, 2017. 680 с. // Новое прошлое. 2018. № 1. С. 268–274.

Bourgeon 1992 — *Bourgeon J.-L.* Qui est responsable de la Saint-Barthélemy? // L'Histoire. № 154, avril 1992. P. 69–71.

Carpi 2012 — *Carpi O.* Les guerres de religion (1559–1598): Un conflit franco-français. P., 2012.

Crouzet 1994 — *Crouzet D.* La nuit de la Saint-Barthélemy: un rêve perdu de la Renaissance. P., 1994.

Crouzet 2005 — *Crouzet D.* Les guerriers de Dieu: la violence au temps des troubles de religion, vers 1525-vers 1610. Seyssel, 2005.

Crouzet 2008 — *Crouzet D.* Dieu en ses royaumes : une histoire des guerres de Religion. Seyssel, 2008.

Hsieh 2009 — *Hsieh W. W.-s.* West Pointers and the Civil War: the old army in war and peace. The University of North Carolina Press, 2009.

Le Rou 2014 — *Le Rou N.* Les Guerres de Religion 1559–1629. P., 2014.

Martin 2014 — *Martin J.-C.* La guerre de Vendée. 1793–1800. Paris, 2014.

Wanegffelen 2005 — *Wanegffelen T.* Catherine de Médicis: le pouvoir au féminin. P., 2005.

IN THE WHIRLWIND OF THE CIVIL WARS: MEDITATIONS ON THE BOOK BY A. V. GANIN.

Rev.: Ganin A. V. "Povsednevnyaya zhizn' genshtabistov pri Lenine i Trotskom". Moscow: Kuchkovo pole, 2016. 680 p.: il.; 2-e izd., isp.: Moscow: Kuchkovo pole, 2017. 680 p.: il.

Tanshina Nataliya P. — Dr Hab. (History) professor of the General History Department, the Institute of Social Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Leading Researcher of the Laboratory of Western European and Mediterranean Historical Studies at the Faculty of History, State academic university for the humanities; professor of Modern History Chair, the Moscow Pedagogical State University (Moscow)

Key words: Civil war in Russia, historical memory, historiography, the history of everyday life, V. I. Lenin, L. D. Trotsky, historical myths and stereotypes.

Abstract. The review is devoted to the monograph of the doctor of historical sciences, the leading researcher of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, A. V. Ganin "The everyday life of the General Staff members under Lenin and Trotsky." The book of A. V. Ganin allows to understand the phenomenon of civil war and to make a comparative analysis of the Civil War in Russia and the civil wars of modern history in Europe and the United States (the Civil War in the United States, the Huguenot (civil) wars in France, the Epoque of Reformation in Germany, the Carlist wars of the 1830–1840s in Spain), make conclusions about their common features and differences, and identify the main patterns in the development of domestic and foreign historiography of civil wars. The monograph of A. V. Ganin suggests the reflection on the force of stereotypes and myths in historical memory and historiographical tradition.

REFERENCES

Bezugolnyiy A. Yu. *Genshtabisty na voennoy sluzhbe u Lenina i Trotskogo* // Vestnik arhivista, 2017, № 3, iyul — sentyabr, p. 301–311.

Blumenau S. F. *Sovremennaya frantsuzskaya istoriografiya Vandei i Shuanerii* // Novaya i noveyshaya istoriya. 1992. № 1, p. 223–237.

Bourgeon J.-L. *Qui est responsable de la Saint-Barthélemy?* // L'Histoire, № 154, avril 1992, p. 69–71.

Carpi O. *Les guerres de religion (1559–1598): Un conflit franco-français*. Paris, 2012.

Crouzet D. *La nuit de la Saint-Barthélemy: un rêve perdu de la Renaissance*. Paris, 1994.

- Crouzet D. *Dieu en ses royaumes: une histoire des guerres de Religion*. Seyssel, 2008.
- Crouzet D. *Les guerriers de Dieu: la violence au temps des troubles de religion, vers 1525-vers 1610*. Seyssel, 2005.
- Ganin A. V. *Sem «pochemu» rossiyskoy Grazhdanskoy voynyi*. Moscow, 2018.
- Genife P. *Politika revolyutsionnogo terrora, 1789–1794*. Moscow, 2003.
- Gromov A. *Iz denikintsev v krasnoarmeytsyi* // Nezavisimaya gazeta. Exlibris. URL: http://www.ng.ru/ng_exlibris/2016-11-24/7_866_gromov.html.
- Hsieh W. W.-s. *West Pointers and the Civil War: the old army in war and peace*. The University of North Carolina Press, 2009.
- Ivanov R. F. *Konfederativnyie Shtaty Ameriki (1861–1865 gg.)*. Ch. 2. Moscow, 2002.
- Le Rou N. *Les Guerres de Religion 1559–1629*. Paris, 2014.
- Letchford S. E. *Vandeya v 1815 godu* // Frantsuzskiy ezhegodnik, 2003. Moscow, 2003.
- Mal K. M. *Grazhdanskaya voyna v SShA (1861–1865): razvitie voennogo iskusstva i voennoy tehniky*. Minsk, 2000.
- Martin J.-C. *La guerre de Vendüe. 1793–1800*. Paris, 2014.
- Russkiy sbornik. T. XX: *SSSR i Grazhdanskaya voyna v Ispanii 1936–1939*. Moscow, 2016.
- Seshe R. *Vandeya: ot genotsida k «memoritsidu»*. Per. s fr. Yu. V. Mineevoy // Frantsuzskiy ezhegodnik 2016: Protestnyie dvizheniya v epohu Frantsuzskoy revolyutsii i Pervoy imperii. Moscow, 2016, p. 36–54.
- Sinyakova N. S. *Hristiansko-demokraticeskii soyuz Germanii pered vyizovami sovremennyih realiy: transformatsiya ideologii* // Srednerusskiy vestnik obshchestvennyih nauk. 2014, № 2, p. 180–183.
- Sogrin V. V. *Istoricheskiy opyt SShA*. Moscow, 2010.
- Suponitskaya I. M. *Antinomiya amerikanskogo Yuga: svoboda i rabstvo*. Moscow, 1998.
- Uvarov P. Yu. *Chto stoyalo za Religioznyimi voyunami XVI v? Ot sotsialnoy istorii religii k «le vécu religieux» i obratno* // Frantsuzskiy ezhegodnik 2004: *Formy religioznosti v XV–nachale XIX vv*. Moscow, 2004, p. 3–38.
- Wanegffelen T. *Catherine de Müdicis: le pouvoir au féminin*. Paris, 2005.
- Yakovenko V. A. *Retsenziya na rabotu: Ganin A. V. Povednevnyaya zhizn genshtabistov pri Lenine i Trotskom*. M.: Kuchkovo pole, 2017. 680 s. // *Novoe proshloe*, 2018, № 1, p. 268–274.

ПАМЯТЬ О РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЕ 1877–1878 гг.

Рец.: Русско-турецкая война: русский и болгарский взгляд. 1877–1878. Сборник воспоминаний. М.: Яуза-пресс, 2017. 512 с. (Военно-исторические книги издательства «Яуза»).

Ключевые слова: Восточный кризис 1875–1878 гг., русско-турецкая война 1877–1878 гг., Российская империя, Османская империя, Болгария, Балканы, мемуаристика.

Аннотация. Рецензируется сборник воспоминаний, отражающий русский и болгарский взгляды на русско-турецкую войну 1877–1878 гг.
DOI 10.31754/2409-6105-2018-3-320-324

Одной из знаменательных дат 2018 г. является 140-летие освобождения Болгарии от османских захватчиков. Мечта болгарского народа осуществилась в результате русско-турецкой войны 1877–1878 гг., вошедшей в историю как совместная борьба русских (фактически и многих других народов России) и болгар за освобождение от османского господства. С той поры Болгария ежегодно отмечает 3 марта как День освобождения. В слове «братушки», широко вошедшем в обиход в ходе кровопролитных сражений той войны, заключена квинтэссенция чувств болгар к России. Благодарные болгары установили около 450 памятников русским освободителям, в память о них названы улицы в городах и населенных пунктах.

© Муртузалиев С. И., 2018
Муртузалиев Сергей Ибрагимович — доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник ИВИ РАН (Москва);
msihistory2000@yandex.ru

Не секрет, что в разное время между Россией и Болгарией были политические столкновения и противоречия, которые в 1877 г. предсказал Ф. М. Достоевский, однако позитивное отношение болгарского народа к нашей стране живо до сих пор, что очень важно и ценно. Это подтвердила и встреча премьер-министра Дмитрия Медведева с благоволящим России президентом Болгарии Руменом Радевым, состоявшаяся 21 мая 2018 г., в ходе которой Румен Радев особо отметил, что мы сейчас «вместе отмечаем светлый для всех болгар и славян День славянской письменности и культуры и еще одну годовщину — 140 лет освобождения Болгарии от османского ига и восстановление Болгарии на карте Европы благодаря русско-турецкой освободительной войне. Это дало дополнительный импульс нашим связям» (Встреча 2018).

В память о войне и героизме, проявленном русской армией в борьбе за свободу болгарских братьев, Российское военно-историческое общество подготовило ряд торжественных мероприятий в Москве. В частности, в рамках большого «Книжного фестиваля “Красная площадь”» 31 мая был представлен сборник «Русско-турецкая война 1877–1878: русский и болгарский взгляд» (Русско-турецкая война 2017), речь о котором пойдет ниже.

Предваряя характеристику сборника, считаю нужным кратко остановиться на некоторых аспектах, связанных с указанной войной, которая предоставляет новую возможность взглянуть на динамичную картину развития болгаро-русских отношений, требующих углубленного анализа политических событий в рамках такого явления, как Восточный кризис 1875–1878 гг., не имеющий аналогов в предшествовавшей истории Балкан по масштабам национальных движений и историческим последствиям. Он был и остается предметом пристального внимания историков российских, болгарских и целого ряда других стран, а также политологов, политиков и представителей власти, влияющих на политизацию исторической науки, что неизбежно ведет к искажению картин минувшего.

Актуальность рассматриваемой проблемы определяется также тем, что на рубеже 80–90-х гг. XX в. во всех постсоциалистических странах, как и в самой Болгарии (с 1989 г.), начался период справедливой масштабной критики марксист-

ско-ленинской методологии с ее принципами партийности и классового подхода. Однако сменой методологических основ перестройка в исторической науке не ограничилась. Как отмечал в свое время директор Института славяноведения РАН В.К. Волков, больше всего в глаза бросалось изменение исследовательских приоритетов и характера освещения поднимаемых проблем (Славянский мир 2006: 111, 116–117). К сожалению, искаженных толкований и разного рода фальсификаций довольно много не только в мировой паутине (Интернете), но и в трудах некоторых болгарских исследователей, что с горечью констатируют сами болгарские ученые. Речь идет о получившей распространение в исторической литературе трактовке войны 1877–1878 гг. как «самоосвобождения», при котором роль русской помощи крайне минимизируется.

В этой связи особого внимания заслуживает рецензируемый совместный труд (Русско-турецкая война 2017), созданный в результате тесного сотрудничества российских и болгарских историков, инициированный и организованный Российским военно-историческим обществом (РВИО). Идея сборника родилась еще в 2016 г., когда коллеги из Софийского университета выступили с инициативой организовать совместные мероприятия, посвященные 140-летию со дня начала войны. Была создана российско-болгарская исследовательская группа, в которую вошли представители Софийского университета, Института славяноведения РАН,

Московского университета международных отношений, Национального движения «Болгарское наследие» и ряд военных историков. Научную редакцию сборника осуществляли Румяна Михнева, Руслан Гагкуев, составителями были Валери Колев, Пламен Митев, Константин Пахалюк и др.

Сборник открывается обращением к читателю (с. 5–8), в котором известные историки России (д.и.н. Е.М. Кожокин) и Болгарии говорят: «Взаимный интерес и дружеские чувства россиян и болгар основываются на эмоциональной памяти о совместной борьбе. И очень важно, чтобы эта память не подвергалась эрозии» (с. 6). Академик Константин Косев отмечает: «Долг историка — найти подход к общественному сознанию и помогать прошлому, хоть и заново осмысленному, не превратиться в политическое оружие. <...> Таким событием является Освободительная русско-турецкая война» (с. 7), значение которой лет двадцать назад в Болгарии стали принижать, а иногда и отрицать. Более подробно сложившуюся ситуацию обрисовал член-корреспондент БАН, профессор Иван Илчев, отметивший, что, по мнению одних, война «была лишь проявлением агрессивной российской внешней политики. Другие снисходительно рассуждали, дескать, освобождение Болгарии произошло слишком рано, болгарам требовалось еще несколько десятилетий развития в рамках Османской империи, а после бы они встали из нее сразу же в полный рост подобно Афине, вышедшей из головы Зевса.

Для третьих освобождение стало удобным пугалом, которым можно пользоваться в современных политических спорах. Так и пришли к такому парадоксу, что при праздновании освобождения Болгарии вклад русских воинов в нее не вспоминается» (с. 8).

Стремясь переломить сложившуюся ситуацию, составители сборника впервые собрали под одной обложкой два взгляда на войну — болгарский и русский, что позволяет читателю лучше понять события того времени. Основная цель состояла в том, чтобы участники войны говорили сами за себя, чтобы звучали голоса и русских, и болгар (воспоминания последних впервые публикуются на русском языке!). В книгу включены мемуары солдат, офицеров, генералов, сестер милосердия и др., показывающие разные стороны жизни армии и тыла. Составителям важно было донести до читателя (и это им удалось сделать) так называемую «окопную правду», в определенной степени представляющую взгляд «по обе стороны «фронта», правда, не врагов, а тех, для кого противостояние османам стало общим делом», что, впрочем, не определяет единство позиций: если для России война 1877–1878 гг. была одной из очередных страниц героического прошлого, то для Болгарии — неотъемлемой частью национального самосознания, кульминационным моментом национального Возрождения (с. 10).

Воспоминания публикуются двумя блоками: болгарским и русским, которые предваряют Предисловие

(с. 6–11) и большой раздел «Болгарское возрождение, русско-турецкая война 1877–1878 гг. и освобождение болгарского народа» (с. 12–72), охватывающий период истории с середины XV в. по 1879 г. В задачу данной рецензии не входит подробный анализ этого раздела. Отметим лишь, что основное внимание уделено последним двум столетиям пятивекового османского владычества в болгарских землях — именно с этими столетиями в болгарской историографии связывают понятие «Болгарское возрождение» (с. 17).

Оба главных блока озаглавлены составителями сборника следующим образом: «Болгары об “освободительной” русско-турецкой войне 1877–1878 гг.» (с. 73–310) и «Русские о русско-турецкой войне 1877–1878 гг.» (с. 311–483). Русские воспоминания приведены в соответствии с правилами современной орфографии и пунктуации. Замечательно, что каждую публикацию предваряет краткая биографическая справка об авторе. Все издаваемые воспоминания сопровождаются сквозными комментариями, что значительно облегчает работу читателя. Структурное построение сборника завершается «Именным указателем» (с. 484–492) и «Приложением» с 20 иллюстрациями (с. 493–508).

Книга издана тиражом в 1 500 экземпляров, и это, к сожалению, минимальный тираж, способный на сегодняшний день обеспечить специалистов и какую-то незначи-

тельную часть читателей, интересующихся данной проблематикой. О положительной рентабельности книги вряд ли можно говорить. Утешением может служить возможность скачать сборник в fb2, txt, epub, pdf или читать онлайн.

Резюмируя, еще раз напомним, что книга, являющаяся итогом тесного сотрудничества российских и болгарских историков, прекрасно знающих историю своих стран и русско-турецкой войны, убедительно показывает необходимость и перспективность дальнейшего проведения комплексных, разновекторных совместных исследований по истории русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и конкретно российско-болгарских отношений. Сборник представит большой интерес для историков, политологов и всех интересующихся проблемами международных отношений и, прежде всего, болгаро-российскими взаимоотношениями.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Встреча 2018 — Встреча Дмитрия Медведева с Президентом Болгарии Руменом Радевым. URL: government.ru/news/32612/ (дата обращения: 21.05.2018).

Славянский мир 2006. — Славянский мир: проблемы истории и современность (Памяти Владимира Константиновича Волкова). М., 2006.

Русско-турецкая война 2017 — Русско-турецкая война: русский и болгарский взгляд. 1877–1878. Сборник воспоминаний. М.: Яуза-пресс, 2017. 512 с. (Военно-исторические книги издательства «Яуза»).

MEMORY OF THE RUSSIAN-TURKISH WAR OF 1877–1878.

Rev.: Russko-tureckaya vojna: russkij i bolgarskij vzglyad. 1877–1878. Sbornik vospominanij. Moscow: YAuz-a-press, 2017. 512 p. (Voenno-istoricheskie knigi izdatel'stva «YAuz-a»).

Murtuzaliev Sergei I. – doctor of historical sciences, professor, leading research fellow, World History Russian Academy of Sciences (Moscow)

Key words: Eastern Crisis of 1875–1878, Russian-Turkish War of 1877–1878, Russian Empire, Ottoman Empire, Bulgaria, Balkans, memoirs.

Abstract. The collection of memoirs, reflecting the Russian and Bulgarian views on the Russian-Turkish war of 1877–1878, is being reviewed.

REFERENCES

Russko-tureckaya vojna: russkij i bolgarskij vzglyad. 1877–1878. Sbornik vospominanij. Moscow: YAuz-a-press, 2017. 512 p.

Slavyanskij mir: problemy istorii i sovremennost' (Pamyati Vladimira Konstantinovicha Volkova). Moscow, 2006.

Vstrecha Dmitriya Medvedeva s Prezidentom Bolgarii Rumenom Radevym. URL: <http://government.ru/news/32612/> (accessed: 21.05.2018).

СТРАННАЯ АКТУАЛЬНОСТЬ*

Рец.: *Кобрин К. Р.* Разговор в комнатах. Карамзин, Чаадаев, Герцен и начало современной России. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 224 с.

Ключевые слова: русская общественная мысль, Карамзин, Чаадаев, Герцен, историческая эссеистика.

Аннотация. Рецензируется сборник эссе о трех ключевых фигурах в истории русской интеллектуальной жизни, при этом наводится на резкую проблема актуальности их духовного опыта и универсальности их языка в свете современных вызовов.

DOI 10.31754/2409-6105-2018-3-325-328

Кирилл Кобрин, думается, — лучший российский эссеист нашего времени. Впрочем, в России эссеистика — отнюдь не самый признанный жанр, вечно сбивающийся на нечто пусть и близкое, но иное — уходя то в фельетон, то в публицистическую статью, тяготея то к «литературщине», то к общеобязательному высказыванию по текущему поводу. Эссеистика же предполагает именно «субъективность» в смысле отчетливой «перспективы» говорения — это «опыт», не претендующий на полноту, это то, как видится — из этой перспективы, и то, что видится — если сейчас бросить

взор на эти предметы. Эссеистика «необязательна» в том смысле, что никто не обязан разделять взгляд говорящего, опыт последнего является по определению ограниченным. Читателя может в первую очередь заинтересовать то, что можно увидеть из перспективы его собеседника-эссеиста, из данного ему опыта. При этом по определению предполагается, что другому человеку дан иной опыт. Речь идет здесь не о «несводимости», хотя может идти и о ней — но о том, что всякое «свед ние» к общезначимому предполагает наличие «сводимого» и (здесь мы уже вплотную приближаемся к теме книги) что говорение о публичном, совместное обсуждение дел общественных — предполагает разные голоса и общность языка.

Цель книги обозначается следующим образом: «на примере нескольких выбранных текстов (а порой даже фрагментов), написанных

© Тесля А. А., 2018

Тесля Андрей Александрович — кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета (БФУ) им. Иммануила Канта (Калининград); mestr81@gmail.com

* Данное исследование было поддержано из средств субсидии, выделенной на реализацию Программы повышения конкурентоспособности БФУ им. И. Канта.

героями книги, продемонстрировать, как их усилиями складывался язык общественной дискуссии и формировалась общественная повестка в России» (с. 20).

Отсюда — три персонажа: Карамзин, Чаадаев, Герцен — выбор имен не обязателен, как отмечает Кобрин, можно было бы взять и других — например, Полевого или Белинского, но и не случаен — перед нами цепочка разговора, переключек — и эстетический выбор, ведь все трое писали письма и их публиковали — от «Писем русского путешественника» до «Писем из Avenue Marigny», все трое были склонны облекать свои тексты в «изящную форму», в зависимости от «духа времени» находя «изящным» различное, но неизменно почитая форму и полагая, что перед публикой нельзя представлять в литературном дезабилье.

Текст удивительно гармоничен своему предмету — «разговор в комнатах» продолжается разговором с читателем, авторская интонация остается неизменно отсылающей к изящно выраженному собственному мнению, говорению от своего лица, а не от некоего абстрактного «мы». Это салонная беседа, одобренная любопытными подробностями — не слишком обстоятельными, дабы не утруждать внимание собеседников и не выставить себя педантом. С расставленными в нужных местах — не слишком часто, дабы не создать мельтешения, но и не слишком редко, чтобы читатель не скучал — отточенными формулировками и парадоксами, готовыми превратиться если не в афоризмы, то в цитаты для эпитафий.

Стилистические особенности текста, его литературная природа определяют и возможности критики — нет смысла обсуждать конкретные неточности или ошибки, которых немало в тексте — ведь это именно свободный разговор, говорение «по памяти», без обращения за многочисленными справками и подробностями к монографиям и академическим изданиям; конкретная подробность, почерпнутая из последних — функционирует самостоятельно, она превращается в повод для развития мысли, собеседник сближает внешне разнородное или отдаленное во времени — в свободном разговоре.

Три персонажа, три главы, три этапа формирования общественной повестки в России — так, используя подручные простые схематизации, ведет повествование автор, но основной интерес — именно в отвлечениях, подробностях — населяющих те самые «комнаты», с которых начинается разговор.

Карамзину отводится законная роль родоначальника — который сделал возможным самый разговор, создав язык, на котором он ведется, приучив читать: русскую повесть, русскую историю, русский журнал. «Русский путешественник» Карамзина находится в сложных отношениях с фигурой своего автора — и Кобрин постоянно подчеркивает разницу во времени, осознававшуюся и автором, и читателем «Писем...»: то, что в тексте предстает «мгновенным снимком», повседневностью — обретает иное значение для читающего, ведь он знает последующее. «Русский путешественник»

странствует по Европе, живущей своей повседневностью — а читатель 1801 г., когда выйдет первое книжное издание, уже знает, что этой повседневности больше нет.

О Чаадаеве Кобрин отчеканивает — тот «стал важнейшей фигурой русской истории» благодаря недоразумению (с. 157). Читатели «Философического письма...» прочитали совсем не то, что в нем было написано, власти реагировали на одно, публика реагировала на реакцию власти — при этом Чаадаев оказывается и жертвой, и виновником недоразумения, и тем, кто в дальнейшем его обыгрывает, не разъясняя.

Герцен делает следующий шаг — становясь не «русским европейцем», а уже «европейским русским»: он первый полноправный участник европейского разговора, не ученик и не тот, кто пересказывает «своим» разговоры, ведущиеся в большом мире:

«Герцен действительно выводит русскую общественную мысль на передовой край, делает ее действительно интернациональной, “конвертируемой”, да простит меня читатель за финансовый термин, делает так, что ее воспринимают без поправок на особость русского общества, без гандикапа. И все потому, что Герцен толкует о вещах, характерных для всего западного мира, об универсальной несправедливости в отношении пролетария, о несправедливости, характерной для современного, модерного общества в целом. В каком-то смысле в отношении русской общественно-политической культуры Герцен сделал то же самое,

что Толстой, Достоевский и Чехов сделали для русской литературы, — вывел ее из национальной комнаты на интернациональный простор» (с. 179).

И вновь возвращаясь к Чаадаеву — его значение в истории русской мысли — плод недоразумения, но ведь сам наш словарь, наш способ говорить — тоже своего рода «плод недоразумения», постоянно сдвигающихся смыслов. Проблема, если угодно, именно в том, что Чаадаев или Герцен остаются «неизменно актуальны»: это не значит, что ничего не изменилось, это значит, что их тексты звучат так, что могут быть прочитаны в непосредственном соотношении с современностью. Прочитаны, разумеется, ошибочно — Герцен рассуждает о мире, которого уже давно нет, даже если предполагать, что его суждения в тот момент были верны; Чаадаев живет чаянием универсального христианства и России в качестве новой истинной империи, носительницы этого универсального начала. Что может быть дальше от наших сегодняшних споров, чем вопросы о мещанстве французского пролетария (где ныне найти последнего?) или о будущем, чаемом союзе русского императора и римского папы?

Карамзин, Чаадаев, Герцен и их современники создали общественный язык — позволивший не только говорить между собой, но и в конце концов стать участниками общеевропейского разговора. Проблема не в них, проблема в нас — в том, что мы до сих пор пользуемся тем же языком так, как если бы он был универсальным — вновь и вновь

переопределяя, наделяя новыми значениями старые разграничения и пытаюсь говорить теми же словами — не замечая, что те слова уже значат совершенно другое, оказываясь в странной «вечной актуальности» разговоров, которые велись в свое время и в своем месте — собеседниками, стремившимися нечто сказать и прояснить для себя и для других.

На первых страницах книги Кобрин пишет: «<...> до октября 1905 года <...> людям с незаурядным общественным темпераментом было только два пути — в подпольщики и в литераторы; эти две области также нередко совпадали. <...> Только появление легальных политических партий, бесцензурной партийной прессы и избираемого парламента вернуло русской словесности возможность думать о себе как о деятельности возвышенной и не зависящей от злобы дня. Без

Манифеста 17 октября 1905 года, к примеру, акмеизм как литературное движение был бы невозможен» (с. 20). Этот момент оказался кратким — затем все обернулось так, что и того простого выбора, который был до 1905 года, не стало — а прошлое стало местом еще более прямых проекций для говорящих о современности. Осуждать это положение вещей — напрасный труд, это некая данность — а вот растождествление прошлого с современностью, напоминание о том, что у прошлого — свой смысл, отличный от настоящего — и есть способ обрести собственную речь, завязать осмысленный разговор о современности, в том числе и через отсылки к прошлому, теперь уже не удваивающему наличное, а способному сделать явным отличие, обрести точность высказывания — и, следовательно, шанс быть услышанным и понятым другим, начать новый разговор.

STRANGE CURRENT RELEVANCE

Rev.: Kobrin K. R. *Razgovor v komnatakh. Karamzin, Chaadaev, Gertsen i nachalo sovremennoi Rossii*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2018. 224 p.

Teslya Andrei A. — candidate of philosophical sciences, senior researcher of Institute for the Humanities of Immanuel Kant Baltic Federal University (IKFBU) (Kaliningrad)

Key words: Russian public and political thought, Karamzin, Chaadaev, Herzen, historical essays.

Abstract. A collection of essays on three key figures in the history of Russian intellectual life is reviewed, and the problem of the relevance of their spiritual experience and the universality of their language in the light of today's challenges is pointed at its sharpness.

В. В. Тихонов

ПОСТТОТАЛИТАРНЫЕ ИСТОРИОГРАФИИ В ПОИСКАХ СЕБЯ

Рец.: Каппес О. «Воинственная» наука: Проработка прошлого диктатур в германской и российской историографиях второй половины XX века. М.: АИРО-XXI, 2015. 352 с.

Ключевые слова: советская историография, «воинственная» наука, тоталитаризм.

Аннотация. В рецензии разбирается монография О. Каппеса ««Воинственная» наука: Проработка прошлого диктатур в германской и российской историографиях второй половины XX века». Делается вывод, что эта новаторская компаративистская работа позволяет по-новому взглянуть на советскую историческую науку.
DOI 10.31754/2409-6105-2018-3-329-335

Исследований, посвященных советскому периоду развития отечественной исторической науки, в последнее время появилось немало. Но книга О. Каппеса не похожа ни на одно из них. Эта непохожесть обусловлена как компаративистским ракурсом исследования (сравниваются феномены германской нацистской и советской историографий), так и анализом не только самого явления, но и его «самоописания» представителями разных поколе-

ний историков. Работа построена вокруг двух основных проблем: взаимоотношения корпорации историков в нацистской Германии и СССР с властью и «самопрезентации» исторической науки в постнацистских и постсоветских историографических исследованиях и мемуарах. Уже сама постановка проблемы делает книгу О. Каппеса новаторской.

Сложность объекта исследования потребовала у автора внимательно проработать методологию анализа и сопоставления, выработать «единый язык описания». Для этого вводятся несколько универсальных для обоих изучаемых общественных

© Тихонов В. В., 2018

Тихонов Виталий Витальевич — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва); tihonovvitaliy@list.ru

режимов понятий: «воинственная наука», «нормальная» историография и «ступенчатый компромисс» (с. 9). Под «воинственной наукой» подразумевается «привязанность историографии к определенному типу идеологии в диктатуре, а также <...> характерных способов поведения ученых в данной научной культуре» (с. 81, ссылка 82). Кроме того, автор подчеркивает, что «воинственная наука» — явление, свойственное однопартийным властным системам (с. 55). О. Каппес называет следующие черты «воинственной науки»: «позитивное самомнение» (уверенность в своем превосходстве перед альтернативными теориями); положительная идентификация с правящим режимом; стремление разорвать связи со «старой» научной традицией; иерархическая структура, во главе которой находится лидер.

«Воинственная наука» выполняла широкий спектр функций: от контроля и идеологической зачистки до подготовки и обоснования идеологических поворотов. Этос «воинственной» науки проецировался не только на исторические исследования, но и формировал характерные способы поведения ученых в данной культуре (с. 81, прим. 82). Такая система способствовала процветанию ученых с низкой научной квалификацией, зато внешне преданных режиму.

Для объяснения степени вовлеченности исторической науки в партийно-государственную систему О. Каппес использует понятие ««ступенчатого» компромисса», заключающегося в серии уступок власти, совершенных к взаимной выгоде.

По мнению исследователя, ступени компромисса оказались следующими: 1) избегание открытого противостояния с властью; 2) постепенное, часто ритуальное, включение идеологических основ в научные труды; 3) совпадение интересов власти и историков, позволяющее найти точки соприкосновения для добровольного сотрудничества. В случае с советской исторической наукой таким совпадением интересов стал «поворот 1934 г.», когда частично были возвращены дореволюционные нормы исследования и статусы историков (с. 243–257). Таков идеальный тип «воинственной науки», обрисованный О. Каппесом.

Несмотря на внешнюю логичность предложенной модели, все же возникает ряд вопросов. Является ли она целиком или различные ее компоненты чертой науки только в условиях диктатур, или можно говорить о схожих чертах и в многопартийных режимах? Если да, то в какой степени? Между тем О. Каппес, со ссылкой на Г. Иггерса, указывает, что классическая историография, построенная на национальных ценностях и государственном патриотизме, потенциально склонна идти на компромисс, в том числе и с диктатурой, в том случае, если режим ставит перед собой патриотические, националистические или великодержавные цели. В заключении автор вынужден констатировать: «Опыт XX века показал также со всей наглядностью, что внутренний потенциал историографии к противостоянию соблазну служения государственным идеологиям, независимо от их содержания, является довольно скромным» (с. 322).

В этой связи хотелось бы, чтобы исследование было дополнено сравнением советской исторической науки сталинской эпохи не только с немецкой времен национал-социализма, но и с наукой в условиях демократических режимов Франции, Великобритании и США. Это позволит выявить больше специфических и типичных черт функционирования поля науки в различных условиях.

Но, пожалуй, главной и самой интересной частью книги О. Каппеса является анализ и деконструкция самоописания постнацистской германской и постсоветской историографий. Для анализа этих явлений автор выбрал модель «проработки прошлого», проведенной в германской исторической науке второй половины XX в. и направленной на осмысление и отказ от нацистского прошлого. Впрочем, автор признается, что такой признанный авторитет по этой теме, как А.И. Борозняк, в частном письме автору выразил сомнение в возможности сравнения двух национальных случаев из-за серьезных различий в русской и немецкой политической и правовой культурах (с. 277, ссылка 400). Тем не менее, с моей точки зрения, исследовательская модель «проработки прошлого» показала себе вполне эффективной в изучении постсоветских историографических практик.

Схематично этапы «проработки» О. Каппес показывает следующим образом. На первом этапе доминирует стремление к сохранению позитивного самоописания истории дисциплины, неудобные моменты деликатно обходятся стороной,

упор делается на образ историков как «рыцарей науки». В противовес этому образу оформляется критическое направление, стремящееся к радикальной переоценке достижений историографии тоталитарного периода. В России такую роль сыграли Ю.Н. Афанасьев и его единомышленники. По мнению О. Каппеса, критическое направление получило институциональный центр в рамках РГГУ и предложило свою реконструкцию положительного континуитета отечественной историографической традиции, где легитимирующей фигурой стал А.А. Зимин. Последнее позволило данному направлению показать свою включенность в историю отечественной исторической науки (чтобы не оказаться в позиции критиков извне) и способность к эмпатии в отношении ее представителей. Сразу бы хотелось заметить, что это сильно упрощенная версия сложного историографического процесса. РГГУ, скорее всего, в 1990-е гг. действительно выступал в качестве центра критического переосмысления советской историографии, не случайно под его эгидой в 1996 г. вышел известный сборник «Советская историография» под редакцией Ю.Н. Афанасьева. Но вот роль образа А.А. Зимина в этом вызывает вопросы. В его «канонизации» приняли участие как сторонники критического направления, так и вполне умеренные историки. Зимин (а также ряд других историков-классиков) выступал как своеобразная индульгенция сообществу советских историков, как пример их способности выйти за идеологические рамки и сохранить этос настоящей науки.

По мнению О. Каппеса, реакцией на деятельность критического направления стала публикация серии биографий ученых. «Очевидным смыслом этой реакции было желание найти “золотой фонд” советской науки и защитить его от нападков радикальных “очернителей” для светлой памяти будущих поколений ученых», — считает автор (с. 98). Вновь приходится признать, что перед нами несколько упрощенная трактовка. Среди многочисленных биографических серий доминировали публикации о дореволюционных историках. В то время как если бы речь шла о «спасении» чести советской историографии, преобладали бы биографии советской историографической элиты. Это не случайность. С моей точки зрения, логичнее расцвет биографического жанра связать с желанием восстановить историографический континуитет с дореволюционной наукой, а также поиском (отчасти изобретением) постсоветскими историками этических традиций и методологической опоры на фоне разрушения «советского историографического колосса». Кроме того, образы советской исторической науки у сторонников критического направления и их противников, при внимательном рассмотрении, были схожи. И те и другие делали акцент на изучении «белях пятен», репрессивной политики советского государства и т.д. Впрочем, было и серьезное отличие (его особенно акцентирует О. Каппес). Если оппоненты (часто условные) критического направления подчеркивали, что, несмотря на идеологическое давление, лучшие представители советской историографии продол-

жали оставаться профессионалами высокого уровня, оставившими ценное наследие, то критическое направление акцентировало внимание на деструктивных, фактически катастрофических последствиях советского периода для развития исторической науки как объективного знания.

На фоне противостояния двух тенденций (с моей точки зрения, уместнее говорить именно о тенденциях, а не полноценных направлениях) в описании советского прошлого происходит «проблематизация воинственной науки». Усилия критического направления были нацелены на дальнейшую дискредитацию «воинственной науки». В рецензируемой книге блестяще анализируются механизмы и методы проработки сторонниками критического направления ключевых компонентов концепции «воинственной науки». Большой интерес представляет реконструкция практики персонализации негативного образа советской исторической науки. В центре внимания ожидаемо оказывается М. Н. Покровский и его имидж главного злодея советской исторической науки. Показывается, как в критическом историографическом дискурсе Покровский стал символом непримиримого отношения между представителями «воинственной науки» и т.н. историков «старой школы».

В постсоветских исследованиях противовесом «воинственной» выступает «нормальная» наука. В книге автор не останавливается на этом понятии специально, но можно сделать вывод, что в основе его пони-

мания «нормальной науки» лежит этос науки, описанный Р. Мертоном (*Мертон* 2006: 770–781). В противовес «воинственной», «ненормальной» науке, как показано в книге, был создан образ, в котором произошел отказ от черно-белого образа советской исторической науки и переход к «синтетической перспективе». В этой концепции советская историческая наука представляла явление, «в котором “истиннонаучная” традиция достигала известного компромисса с официальной идеологией и требованиями властей к науке в период диктатуры» (с. 226).

Для «нормализации» советской историографии был выработан ряд концептов. Интересно отметить, что, по сравнению со своими немецкими коллегами, которые в рамках «позитивного самоописания» представляли нацистский период как 12 лет «неудобств», отечественные историки были вынуждены выработать более сложную систему аргументов, позволяющих сохранить честь людей науки. Основными, по мнению О. Каппеса, были следующие. Во-первых, сотрудничество с властью из-за искренних убеждений. Во-вторых, представление об умении ученых разделять «хорошие» и «плохие» цели государства и, как следствие, участие в первых и дистанцирование от вторых. В-третьих, уверенность в стремлении лучших представителей советских историков сохранить этос «настоящей» науки в непростых условиях, пусть и при помощи компромиссов. Такой подход позволил представить советскую историографию в интересе сложных взаимо-

действий между властью и наукой, не ограниченных однозначными оценками.

Немалую роль в нормализации советской историографии сыграла «теория частичной лояльности», под которой автор подразумевает формальную лояльность ученых по отношению к режиму, выражающуюся в ритуальном следовании требованиям власти и являющуюся защитным инструментом для историков. Еще одним важным компонентом «нормальной науки» стала «оазисная» концепция, утверждающая, что в СССР существовали настоящие оазисы чистой науки (например, Институт истории АН СССР). Также функцию «оазисов» выполняли целые направления, в которых роль идеологии сводилась к минимуму (например, древняя и средневековая история). О. Каппес фиксирует довольно широкое распространение «оазисной концепции» не только в среде медиевистов, но даже среди бывших историков партии.

Наконец, уже упомянутый «ступенчатый компромисс» как исследовательская модель позволил историкам науки представить «движение историков по ступеням компромисса с властью как сложный процесс индивидуальных решений, сопровождавшихся поиском внутреннего баланса с традиционным нормативным кодексом российской интеллигенции» (с. 261).

Если критическое направление персонализировало «воинственную науку» в демонизированном образе М.Н. Покровского, то

синтетическая версия истории науки также нашла своего противоречивого героя — А. Л. Сидорова. По наблюдениям О. Каппеса, эта фигура вписывалась в феномен «воинственной науки» и одновременно, как фигура отца-основателя «нового направления», служила нормализации советской историографии.

Подводя итог своим исследованиям, О. Каппес подчеркивает, что немецкая и советская историографии являются яркими примерами возможности существования синтетических форм научного самосознания, «в которых элементы серьезного исторического исследования органически переплетались с задачами идеологического служения» (с. 325). В его понимании, концепция «нормальной науки» — неизбежный и необходимый этап в изучении советской историографии.

Любопытна мысль автора, опирающегося на опыт немецкой проработки прошлого, что зафиксированный в книге итог споров о советской исторической науке — отнюдь не финиш. На смену поколениям, эмоционально связанным с изучаемым временем и порожденным им феноменом (в данном случае — исторической наукой) придет поколение «научных внуков», которое будет опираться в своих исследованиях на архивы. Они будут более критичными и свободными в выводах и создадут новые модели объяснения истории советской исторической науки, которые придут на смену концепции «нормальной науки».

Итак, книга О. Каппеса представляет собой редкое явление в исто-

риографии. В ее основе — анализ не только советской исторической науки, но и размышления над этим феноменом нескольких поколений историков. Фактически рассматриваемая книга — исследование не столько самого явления, сколько рефлексии над ним, своеобразная пострефлексия. Сам факт появления такого исследования — знак того, что изучение советской исторической (и не только исторической) науки переходит на новый уровень.

В монографии на высоком концептуальном уровне (при этом со многими выводами автора отнюдь не обязательно соглашаться) дается описание советской исторической науки в ее сравнении с германской нацистского периода. Предлагаемые термины и концепты описания «воинственной науки», безусловно, заслуживают самого пристального внимания и дальнейшей апробации. Тем более что перенос понятий и концептов в изучении нацистской историографии на советскую (в силу представления об их единой «тоталитарной» сущности) можно поставить под сомнение. Все же последние сравнительные исследования показывают, что у обоих режимов больше различий, чем сходства (За рамками тоталитаризма 2011).

В заключение рискну написать, что предсказываемая автором новая критическая проработка советской историографии уже происходит. Вот только будет ли это отрицанием концепции «нормальной науки» — вопрос. На фоне общемировой историографической тенденции, заключающейся в нормализации советского проекта, вполне может

статья, что мы получим качественно новую, но по сути ту же концепцию «нормальной науки». Наверное, с уверенностью об этом можно будет говорить только после сравнительного изучения положения науки не только в СССР и Германии, но и в других общественных и политических режимах. Как бы то ни было, монография О. Каппеса заслуживает самого пристального внимания со стороны российских историков. Она вызывает немало вопросов, позволяющих под новым ракурсом посмотреть на уже из-

вестные проблемы. Потенциально книга способна в значительной степени изменить существующий конвенциональный язык описания истории советской историографии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

За рамками тоталитаризма 2011 — За рамками тоталитаризма: Сравнительные исследования сталинизма и нацизма / под ред. М. Гейера, Ш. Фицпатрик. М., 2011.

Мертон 2006 — Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М., 2006.

POST-TOTALITARIAN HISTORIOGRAPHIES IN SEARCH OF THEMSELVES

Rev.: Kappes O. "Voinstvennaya" nauka: Prarabotka proshlogo diktatur v germanskoj i rossijskoj istoriografijah vtoroi poloviny XX veka. Moscow: AIRO-XXI, 2015. 352 p.

Tikhonov Vitaly V. — candidat of historical sciences, leading research fellow, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences (Moscow)

Key words: Soviet historiography, «militant» science, totalitarianism.

Abstract. the review deals with the monograph of O. Kappes "Militant" science: Study of the past dictatorships in the German and Russian historiographies of the second half of the XX century. It is concluded that this innovative comparative work allows us to take a fresh look at the Soviet historical science.

REFERENCES

Merton R. *Social'naja teorija i social'naja struktura*. Moscow, 2006.

Za ramkami totalitarizma: Sravnitel'nye issledovanija stalinizma i nacizma, pod red. M. Gejera, Sh. Ficpatrik. Moscow, 2011.

Н. С. Гусев

ПО КОМ ЖУЖЖИТ ШРЕДЕР: СОВРЕМЕННЫЕ НАУЧНЫЕ (ПСЕВДО) ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ БОЛГАРИИ И СЕРБИИ КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX В.

Ключевые слова: Болгария, Сербия, наука, наукометрические показатели.

Аннотация. В статье рассматривается ряд показательных статей по истории Болгарии и Сербии конца XIX — начала XX в., опубликованных в изданиях из перечня ВАК и/или включенных в РИНЦ. Автор обращает внимание на их неисследовательский характер и выделяет три типичные особенности: громкое название, отсутствие источниковой базы, игнорирование существующей историографической традиции.
DOI 10.31754/2409-6105-2018-3-336-348

В последние годы отечественная историческая наука начала процесс определенного самоочищения и связанного с этим «самокопания», стартовала массовая «охота» на диссертации, прежде всего чиновного

© Гусев Н. С., 2018

Гусев Никита Сергеевич — кандидат исторических наук, научный сотрудник Отдела истории славянских народов периода мировых войн Института славяноведения РАН (Москва); gusevns@gmail.com

* Статья написана при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 18-59-18002

люда, с большой долей некорректных заимствований. Однако набирает популярность новый «жанр» исторических произведений, порожденный идущим реформированием научной сферы, во главу угла ставящим формальные наукометрические показатели.

Каждому научному сотруднику знакомы заклинания «РИНЦ», «издания из перечня ВАК», к которым нынче добавилась импортная магия Scopus и Web of Science. При

том известно, что далеко не все издания, на которые распространено это наукометрическое волшебство, имеют научную значимость. Обо всем этом многое уже было сказано, в рамках данной статьи хотелось бы продемонстрировать ситуацию с работами, касающимися истории Балкан конца XIX – начала XX в. Заранее подчеркнем, что речь не пойдет о статьях в юбилейных или подготовленных по итогам конференций сборниках, а только о трудах в изданиях из перечня ВАК и входящих в РИНЦ, т. е. направленных в официально рецензируемые издания. **Также оговоримся, что обрисованная ниже картина не является отражением состояния современной славистики, а приводимые случаи являются отклонениями, которые, к сожалению, могут стать нормой, а потому на их примере важно продемонстрировать основные проблемы.**

Принципиальных претензий к интересующим нас работам можно выделить три. Первая – заявки на раскрытие широких и сложных тем в рамках крайне ограниченного объема статей. Вторая – источниковая база, содержащая в себе либо многократно изданные источники, либо отсутствующая вовсе. И третья – полное незнание имеющейся историографии.

Начнем с сербистики как наиболее популярной сегодня сферы балканских исследований. В 2010-е гг. она переживает расцвет, ей стали заниматься многие. К примеру, сотрудник Кемеровского госуниверситета Р. С. Селезнев в 2012 г. в «Вестнике Новосибирского университета»

опубликовал статью «Нет, ты Сербин, ты этого сам не знаешь...» – сербская национальная идентичность накануне и после освобождения (вторая половина XIX века)». В ходе трехстраничного (!) письменного выступления он пришел к выводу, что сербский народ к началу XX в. не сложился, у его представителей на разных территориях не было ничего общего между собой. «Впрочем, это не мешало сербской нации существовать, осознавая свое единство. Просто каждый по-разному представлял в себе серба» (Селезнев 2012: 58). Столь серьезное заключение не может не основываться на обширной базе источников и исследований. Однако в списке литературы мы видим не так уж много: лишь несколько статей и переводную «Историю сербов», а из источников – только работу А. Ф. Гильфердинга, путешествовавшего по региону в XIX в., и первый том подготовленной А. Л. Шемякиным антологии «Русские о Сербии и сербах». Это был первый, по крайней мере который удалось найти, опус Р. С. Селезнева по сербистике; диссертацию в 2006 г. он защищал по теме «Ментальная история классического средневековья в отечественной историографии». В 2013 г. вышла уже более фундированная статья этого автора, в которой на 6 страницах (!) рассматривается эволюция сербской общины (задруги) в условиях вестернизации Сербии. Совсем не прибегая к сербскоязычной научной литературе, а положив в основу все тот же том антологии А. Л. Шемякина (11 из 20 пунктов списка литературы), кемеровский историк в этот раз не был столь сенсационен в своих выводах (Селезнев

2013а). В том же году Р. С. Селезнев отметил статью о положении сербской женщины в начале XX в. в сборнике неясного происхождения (*Селезнев 2013б*), а в 2014 г. уже выпустил электронное учебное пособие «История славян в Новое время». Дальше автор, однако, переключился на более современные темы¹, а в 2016 г., по некоторым данным, был освобожден с поста замдекана вследствие шумного скандала на факультете, впрочем, не имевшего совершенно никакого отношения к качеству научных работ Р. С. Селезнева².

Перспективным научным кадром является, видимо, бывший аспирант кафедры культурологии Саратовского государственного технического университета Ю. В. Ромашов. В 2012 г. в «Известиях Саратовского университета» вышла его четырехстраничная (!) работа «Балканы в восприятии русских во второй половине XIX века: славянское единство и отчуждение», где основное внимание он сосредоточил на восприятии русскими очевидцами сербов во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и пришел к выводу «о преувеличении идеи близости славянских народов, ставшей основой панславизма», сформировав-

шейся в связи либо с идеализацией русско-балканской взаимности, либо с прикрытием политических планов как России, имевшей свои интересы на Балканах, так и «элиты балканских славян, искавшей защиты и поддержки у России» (*Ромашов 2012а: 50*). В списке литературы имеются две монографии (книги Л. И. Нарочницкой и В. И. Виноградова 1979 и 1978 гг. соответственно), но 14 из 23 его пунктов приходится все на тот же первый том «Русских о Сербии и сербах», т. е. на тексты, в нем помещенные. При этом у Ю. В. Ромашова, что показательно, никаких упоминаний о других работах составителя антологии А. Л. Шемякина нет, хотя тот первым стал активно разрабатывать тематику восприятия и описания Сербии русскими очевидцами в конце XIX – начале XX в. и являлся общепризнанным авторитетом в этой сфере (*Шемякин 2004; 2009; 2010; 2011; 2012; 2013; 2017*).

В том же году в «Вестнике Саратовского государственного технического университета», где, оказывается, существовал раздел «Философия, социология и культурология», вышла пятистраничная (!) статья Ю. В. Ромашова «Геополитика России на Балканах и идея славянского единства». В ней уже вовсе без опоры на исследования, лишь на основе работ В. И. Ламанского, И. С. Аксакова и Н. Я. Данилевского делается вывод, согласно которому интересы «балканских славян ставились в подчинение российским, хотя, безусловно, учитывались» (*Ромашов 2012б: 262*). Само заключение не ново и не сенсационно, но вопросы вызывает другое. Во-первых, взя-

¹ В 2017 г., однако, вышла двухстраничная публикация магистрантки Р. С. Селезнева, где речь шла о Сербии рубежа веков и которой были присущи все свойства первой статьи ее научного руководителя (*Ковтунова 2017*). Но по понятным причинам анализ студенческих работ выходит за рамки темы настоящей статьи.

² Декана истфака Кемеровского госуниверситета уволили из-за гоных первокурсников // URL: lenta.ru/news/2016/09/07/kgu/ (дата обращения: 15.08.2018).

тые для рассмотрения мыслители, безусловно, являются яркими фигурами, но круг общественных деятелей, обращавшихся к славянской идее, ими далеко не ограничивался. Во-вторых, каждой из указанных личностей посвящена обширная литература, в которой подробно проанализированы их взгляды³. Мало чем отличается статья того же автора, вышедшая в 2013 г. в журнале «Власть», где, правда, несколько расширился список источников и появились две ссылки на исследования: автореферат диссертации о князе Э.Э. Ухтомском и публикацию на весьма патриотичном сайте «Око планеты» (Ромашов 2013а). В конечном счете, приобретя благодаря указанным статьям необходимые три «ваковские» публикации и разместив еще две работы в сомнительных сборниках, индексируемых в РИНЦ (Ромашов 2013б; 2013в), Ю.В. Ромашов защитил диссертацию по специальности «Теория и история культуры» на тему «Образ южных славян и идея славянского единства в панславистских концепциях России второй половины XIX — начала XX в.». На деле работа ограничивается временем русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Автор проследил формирование образов «своих» и «чужих» в сознании русского общества. Однако сомнительной кажется заявленная новизна следующего утверждения: «Впервые выявлено, что взаимовосприятие русских и южных славян отличалось глубокой стереотипизированностью, что

было обусловлено незнакомством русских с культурой и бытом балканских славян и той ролью, которую сыграли русские войска в освобождении Балкан от турецкого гнета» (Ромашов 2013г: 7). Новизну второй свежести можно списать на требования ВАК, а в последующем этот автор в статьях по истории Балкан замечен не был, что, впрочем, вряд ли стало для науки катастрофической потерей. Примечательно, что в том же Саратове в то же время вышли основанные на широчайшем круге источников книги, а затем и была защищена диссертация С.А. Кочукова об отношении и восприятии русским обществом Балкан и русско-турецкой войны 1877–1878 гг. (Кочуков 2011, 2012а, 2012б). В своих статьях Ю.В. Ромашов их не использует, хотя упоминает в автореферате диссертации.

В перечисленных работах совсем не встречается указаний на литературу на сербском языке, что, видимо, обусловлено кажущейся сложностью этого языка. Болгарский же язык из южнославянских является самым близким к русскому, имеет ту же графику, и вот уже специалисты из смежных сфер готовы блеснуть на ниве болгаристики. Так, В.В. Михайлов из Санкт-Петербурга опубликовал статью о начале «болгарского лета» — напряженных переговорах по перетягиванию Болгарии на одну из сторон Первой мировой войны в 1915 г. (Михайлов 2016). С источниками ситуация, по сравнению с предыдущими авторами, разительно отличается в лучшую сторону: использованы даже документы из Научного архива Института истории Болгарской

³ Например, см. обширную литературу о В.И. Ламанском, наименее известном более широкому кругу читателей из этих троих, в (Лантвева 2014).

АН, хотя тема предполагала бы скорее обращение к фонду 176К Центрального государственного архива Болгарии (фонд МИД). Но в то же время В. В. Михайлов счел допустимым проигнорировать существующую болгарскую историографию проблемы (можно упомянуть относительно недавние работы академиков И. Илчева и Г. Маркова) и даже российскую: работы ведущего российского специалиста по Болгарии в Первой мировой войне — Г. Д. Шкундина, в том числе и его монографию (*Шкундин* 2007), а также коллективный труд сотрудников Института славяноведения РАН, посвященный Балканам в той войне (*За балканскими фронтами* 2002). Однако этот пример, при всех его недостатках, в отличие от нижеприведенных образцов, также по необъяснимой причине касающихся Первой мировой войны, все же являет собой научную работу.

Краснодарская исследовательница болгарской церкви XIX в. В. В. Бондарева тоже обратилась к этой проблематике, разразившись в журнале с названием в духе «Любой каприз за ваши деньги в РИНЦ» статьей с безграничным по своей широте заглавием: «Болгария в Первой мировой войне 1914–1918 гг. Падение режима Фердинанда», в которой, ссылаясь лишь на российского дипломата Г. Н. Трубецкого, называет причиной отречения болгарского царя в 1918 г. лишь то, что монарх и его народ друг друга взаимно не любили. А «основной тенденцией внешнеполитического развития» Болгарии начала XX в. автор считает русофобию, которая «определяла внутривнутриполитическую

направленность в историческом развитии болгарского государства». Однако «русофобы» своими действиями приносили родине лишь беды, «позабыв о том, что именно европейские державы расчленили Великую Сан-Стефанскую Болгарию, рожденную в результате победоносной русско-турецкой войны». И, как констатирует В. В. Бондарева, болгары не сумели извлечь уроки из своей истории начала прошлого столетия и, «повторив ошибки во Второй мировой войне, выступили на стороне Германии, вновь противопоставив себя своей освободительнице России» (*Бондарева* 2015а: 52–53). Столь громкие и звучные выводы автор делает, опираясь в том числе на «Советскую историческую энциклопедию» и учебник «История южных и западных славян». В списке литературы мы не найдем современной историографии вопроса (хотя сам перечень производит приятное впечатление), но обнаружим, что 5 из 23 пунктов — статьи и книга В. В. Бондаревой, причем все они касаются болгарского духовенства в XIX в. В самоцитировании, естественно, нет ничего зазорного. Нередко автор вынужден делать отсылки на свои работы, уточняющие и расширяющие представление о проблеме, а часто его труды составляют неотъемлемую часть историографии вопроса. Но в данном случае налицо влияние наукометрических причуд, идущих из министерства — таким нехитрым способом за одну статью в не самом серьезном издании пресловутые цитирования в РИНЦ выросли на 5 пунктов. В том же году в схожем издании вышла статья В. В. Бон-

даревой о югославянских народах в Первой мировой войне. Необоснованного самоцитирования в ней нет, но незнание сербо-хорватского языка фактически сводит работу к пересказу опубликованных русскоязычных трудов, что делает ее не исследовательской, а реферативной (Бондарева 2015б). Всего же В. В. Бондарева в своей краткой автобиографии указывает более 50 сочинений, почти все из которых вышли в различных изданиях Кубанского государственного университета либо журналах «Синергетика науки» и «Альманах современной науки и образования». В последние годы, судя по всему, она стала активно изучать культурную революцию в Китае и советский кинематограф 30-х гг.⁴ Такое разнообразие ее интересов объяснимо, ведь она известный ученый. По крайней мере, имеет сертификат о том, что она включена в интернет-энциклопедию РАЕ «Известные ученые России»⁵. Стоимость получения этого сертификата, как пишут на сайте, 4290 рублей⁶.

Теперь же хотелось бы упомянуть еще не известного ученого — аспиранта Воронежского государственного университета А. А. Фоменко. В 2017 г. он в двух разных изданиях опубликовал фактически одну и ту же статью, в которой в рамках всего четверти авторского листа попытался продемонстрировать модернизацию болгарской армии

в начале XX в. и оценить ее готовность к Первой мировой войне (Фоменко 2017а, 2017б). Естественно, такая попытка вряд ли могла увенчаться успехом, к тому же автор был не знаком со специальными исследованиями⁷ и даже использование 4 книг на болгарском языке не создает впечатления глубокого знакомства с вопросом. Оставляя сомнения в новизне и значимости этих работ, перейдем к более интересным трудам А. А. Фоменко, ярчайшим образом демонстрирующим все три вышеназванные недостатка подобных «исследований»⁸. Например, напоминающая своим стилем скорее конспект лекции, а не связный текст, статья «Проблематика понятия “нация” в контексте болгарской идентичности». Приведя всего полторы страницы эмпирического материала из одного сборника статей, автор на этой основе посчитал возможным констатировать: «У болгар доминирует идея богоизбранности народа. Соседние народы изображаются отрицательно, как виновники происходящих в Болгарии бед» (Фоменко 2016б⁹). Вершиной творчества А. А. Фоменко на сегодняшний день, пожалуй, стоит считать его статью «Историографический аспект в изучении болгаристики», в которой говорится, впрочем,

⁷ Например, из последнего: (Българската армия 2015).

⁸ Также здесь мы не рассматриваем его статьи о понятии «нация» в современной конструктивистской историографии, т. к. это выходит за рамки нашей темы.

⁹ Указать страницу, на которой можно прочесть этот вывод, не получится. Как это ни странно, но редакция данного серийного издания, видимо, не утруждает себя не только редакторской работой с авторами, но и установкой номеров страниц.

⁴ URL: nsportal.ru/viktoriya-viktorovna-bondareva (дата обращения: 15.08.2018).

⁵ URL: famous-scientists.ru/14994 (дата обращения: 15.08.2018).

⁶ URL: famous-scientists.ru/about/order.html (дата обращения: 15.08.2018).

лишь об исторической болгаристике. Работа касается дореволюционного изучения Болгарии (начиная со второй трети XIX в.), влияния на историографию социалистического переворота в стране в 1944 г. и даже состояния названной науки в СССР (Фоменко 2016а). Все это автор сумел удивительным образом поместить на 5 страницах текста, правда, вся болгаристика советского времени ужата лишь до рассказа о Л. Б. Валева, который при всем его несомненном вкладе в науку являлся далеко не единственным в СССР специалистом по истории Болгарии, и с его смертью в 1981 г. изучение этой страны не закончилось. Парадоксально при этом, что автор ссылается лишь на две работы – сборник трудов Б. Н. Билунова и статью Т. В. Волокитиной и Е. Л. Валевой, которых почему-то не упомянул в своем произведении, возможно, даже не потрудившись узнать, что это ведущие российские болгаристы. Вдобавок в одной из статей тот же аспирант ссылается на книгу Р. П. Гришиной, но этого известного исследователя он также почему-то в своей названной статье 2016 г. не счел необходимым отнести к миру болгаристики. Впрочем, когда мы имеем дело с аспирантским творчеством, можно сделать, конечно, скидки на исследовательскую незрелость и предъявить претензии скорее к научному руководителю, санкционировавшему публикацию незрелой статьи.

Третьим большим тематическим блоком являются международные отношения на Балканах. Здесь крупнейшим по размаху специалистом стоит признать А. А. Бол-

таевского, аффилиация которого не совсем ясна¹⁰. Если странности работ А. А. Фоменко можно опять-таки списать на недостаточное научное руководство аспирантом, то в данном случае речь идет об отлаженной системе работы с наукометрическими показателями. Список работ А. А. Болтаевского примечателен. Тут есть статьи с заголовками: «Формирование советской политической элиты: от смерти Ленина до триумфа Сталина», «Городские водоемы: роль гидрообъектов в формировании биосферносовместимого (?!) городского пространства», «Проституция как современная форма торговли людьми», «Российская деревня: трудный путь к возрождению». Немало у него работ, посвященных Балканам и их судьбам, правда эти, судя по названиям, скорее историософские, нежели исторические произведения невелики по объему. Так, уроки Первой мировой войны уместились всего в 20 тысячах знаков (Болтаевский 2014), судьбы всего славянского мира в XX в. вместе со списком литературы в освещении А. А. Болтаевского и его регулярного соавтора И. П. Прядко заняли полтора авторских листа, эссе о Балканах в начале XX в. – потребовало 12 тысяч знаков, а размышление под заголовком «Балканы на перекрестках миров: славянский “узел истории” (конец XIX – начало XX вв.)» – 32 тысячи (Болтаевский, Прядко 2015б, 2015а, 2017). Перечисленные ста-

¹⁰ Согласно portalу elibrary.ru, он работал в Московском государственном строительном университете, Международном славянском институте, а ныне трудится в Московском университете пищевых производств и Российском университете кооперации.

ть опубликованы в различных журналах одного и того же издательства, всего же в нем за последние три года у А. А. Болтаевского вышло 30 работ только по интересующей нас проблематике. Попытка же описать все творческое наследие этого необычайно плодовитого автора — достойная задача не просто для отдельной статьи, но, наверно, и для докторской диссертации. Согласно базе портала elibrary.ru, в РИНЦ у этого мыслителя 186 публикаций (из них 156 за 2013–2017 гг.) при 817 цитированиях (правда, огромное их количество — в сборниках работ студентов тех вузов, где А. А. Болтаевский преподавал). Под стать такой активности и пресловутый индекс Хирша, составляющий 21. Для сравнения, у такой бесспорно огромной научной величины, как недавно скончавшийся академик А. А. Зализняк, этот показатель равнялся 22. Труды А. А. Болтаевского сложно укоротить в незнании российской историографии — списки литературы велики и обильны, но порядка в них нет: не встречаются указания на разработки балканских ученых, ссылки на первоисточники отсутствуют вовсе. К тому же не ставятся новые вопросы, не применяются передовые методы исторических исследований, и в итоге статьи носят сугубо реферативный характер, что лишает их научной значимости. Однако и в нишу научно-популярных или учебных материалов невозможно их поместить в силу избранной автором установки уместить ответы на огромные исторические вопросы в сжатых рамках небольших статей. Примечательно, что идеей публикации работ о Балканах А. А. Болтаевский, видимо,

заразил и своего коллегу по работе В. И. Бакланова, выпустившего статью «Балканы как “захолустье” Европы (вторая половина XIX века)», которая представляет собой все тот же реферат из чужих статей, при том не очень внимательный: так, известный сербский историк Латинка Перович из ученой дамы превратилась в ученого мужа по имени Латинкой (Бакланов 2015: 11)...

Приведенные примеры иллюстрируют перечисленные выше недостатки такого типа трудов. Эти работы не являются антинаучными — выводы не противоречат принятым точкам зрения, факты не извращаются и не подтасовываются, в них, как правило, нет некорректных заимствований, и потому, казалось бы, они не наносят вреда науке. **Но названные образчики исторических произведений не являются исследованиями — они не отвечают главной цели науки — приращению знания.** Переливая из пустого в порожнее, пользуясь известными и легкодоступными источниками¹¹, авторы добиваются своих целей. Для кого-то это обретение заветной корочки кандидата наук (а возможно, прежде всего — военного билета, право на который дает эта корочка). В таком случае выбираются вестники региональных вузов, редакции которых либо недостаточно

¹¹ Не заключается ли причина популярности первого тома «Русских о Сербии и сербах» в том, что книга давно размещена в Интернете и нет необходимости ходить за ней в библиотеку? Недавно в Сети появился второй том антологии, завершается работа над подготовкой к изданию третьего тома, которую А. Л. Шемякин при жизни успел довести практически до конца. Время покажет, будут ли они столь же популярны.

компетентны в славистике, чтобы оценить значимость работы, либо не желают идти на конфликт с научным руководителем соискателя, который в свою очередь стремится не попасться на глаза действительным специалистам в данной области¹². **Диссертация тихо и спокойно, без скандалов защищается в уютном междусобойчике. При таком положении дел происходит скрытая девальвация самих ученых степеней.**

Второй вариант появления статей, чья эвристическая функция стремится к нулю, вытекает из современной логики управления наукой. **Выходят такие опусы в изданиях, приглашения в которые полна папка «Спам» электронной почты любого научного сотрудника. Но публикация в них позволяет рапортовать о высоких показателях. Чиновное начальство редколезет выяснять, что стоит за числом в отчете — академические журналы или частные «альманахи чего-то там». В итоге научный сотрудник, потративший время на поиски, чтение и анализ источников, подготовивший прорывную работу по узкому вопросу, оказывается в заведомо проигранном положении перед автором, в год компилирующим из трудов других исследователей по 20 или 30 статей с громогласными названиями.**

¹² В этом плане А. А. Фоменко — счастливое исключение, поскольку он обратился в Институт славяноведения РАН по вопросу поиска оппонента диссертации, что в свою очередь свидетельствует о благих помыслах, что вкупе со сказанным о его работах говорит о недостаточном понимании им на сегодняшний день принципов научной деятельности.

Возможно, перечисленные персонажи — хорошие люди, прекрасные преподаватели и добрые семьянины, загнанные начальством в такое положение. Но как бы то ни было, достигнутые подобным образом показатели оказывают влияние на финансирование работ, учитываются при предоставлении грантов и в конкурсах. В итоге, вполне возможно, что через некоторое время реальная исследовательская наука будет вынуждена стать маргинальной, а главными принципами станут — «много» и «красиво звучит».

Понятно, что приведенные примеры — это пока отклонения от нормы, не создающие картину отечественной балканистики. И в Москве, и в регионах есть настоящие ученые, кто-то из них уже создал себе имя, кто-то — только в начале своего научного пути, и пока их большинство. Тем не менее бороться с псевдоисследованиями нужно. Однако что можно сделать, кроме как вслух попричитать? Формальным критериям научных работ такие произведения отвечают. Единственная возможность — отслеживать появление таких статей и диссертаций и писать на них гневные отзывы и отклики, благо, желая попасть в РИНЦ, авторы вместе со своими опусами оказываются на просторах Интернета. И в то же время это будет лишь им на руку. Ведь упоминая в своих статьях такие произведения в любом контексте, мы ссылаемся на них, отчего пресловутые цитирования в РИНЦ заодно с индексом Хирша у псевдоисследователей растут. В чем заключается главный грех и этой статьи.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Бакланов 2015 – *Бакланов В.И.* Балканы как «заходустье» Европы (вторая половина XIX века) // Современная научная мысль. 2015. № 1.

Болтаевский 2014 – *Болтаевский А.А.* Сараевский кризис: уроки Первой мировой войны // Genesis: исторические исследования. 2014. № 3.

Болтаевский, Прядко 2015а – *Болтаевский А.А., Прядко И.П.* Полуостров конфликтов: Балканы в начале XX века // Genesis: исторические исследования. 2015. № 5.

Болтаевский, Прядко 2015б – *Болтаевский А.А., Прядко И.П.* Судьбы славянского мира в XX веке // Социодинамика. 2015. № 3.

Болтаевский, Прядко 2017 – *Болтаевский А.А., Прядко И.П.* Балканы на перекрестках миров: славянский «узел истории» (конец XIX – начало XX вв.) // Genesis: исторические исследования. 2017. № 3.

Бондарева 2015а – *Бондарева В.В.* Болгария в Первой мировой войне 1914–1918 гг. Падение режима Фердинанда // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 8 (58): в 3 ч. Ч. II.

Бондарева 2015б – *Бондарева В.В.* Югославянские народы в период Первой мировой войны. Идея югославизма и рождение «первой Югославии» // Альманах современной науки и образования. 2015. № 7 (97).

Българската армия 2015 – *Българската армия в Първата световна война 1915–1918 г.* София, 2015.

За балканскими фронтами 2002 – *За балканскими фронтами Первой мировой войны* / отв. ред. В.Н. Виноградов. М., 2002.

Ковтунова 2017 – *Ковтунова Ю.В.* Женское образование в Сербии в последней

трети XIX – начале XX века в описаниях русских путешественников // Вестник магистратуры. 2017. № 1–1 (64).

Кочуков 2011 – *Кочуков С.А.* Русско-турецкая война 1877–1878 гг. в освещении периодической печати России. Саратов, 2011.

Кочуков 2012а – *Кочуков С.А.* «За братьев-славян»: Русско-турецкая война 1877–1878 гг. в восприятии общества, власти и армии Российской империи. Саратов, 2012.

Кочуков 2012б – *Кочуков С.А.* Общество, правящая элита, армия Российской империи и Русско-турецкая война 1877–1878 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. Саратов, 2012.

Лаптева 2014 – *Лаптева Л.П.* Владимир Иванович Ламанский (1833–1914) (К столетней кончине знаменитого слависта) // Славянский мир в третьем тысячелетии: Человек, общество, народ в истории, языке и культуре. М., 2014.

Михайлов 2016 – *Михайлов В.В.* Начало «болгарского лета»: дипломатическая коллизия 23 мая – 14 июня 1915 г. // Клио. 2016. № 10 (110).

Ромашов 2012а – *Ромашов Ю.В.* Балканы в восприятии русских во второй половине XIX века: славянское единство и отчуждение // Известия Саратовского университета. 2012. Т. 12. Сер. История. Международные отношения. Вып. 3.

Ромашов 2012б – *Ромашов Ю.В.* Геополитика России на Балканах и идея славянского единства // Вестник СГТУ. 2012. № 4 (68).

Ромашов 2013а – *Ромашов Ю.* Кризис идеи славянского единства в конце XIX – начале XX в. в российском обществе // Власть. 2013. № 2.

Ромашов 2013б – *Ромашов Ю.В.* Впечатления русских путешественников от Сербии и ее городской жизни // Альманах современной науки и образования. 2013. № 10 (77).

Ромашов 2013в — Ромашов Ю. В. Сербы в восприятии русских в последней четверти XIX в. // Приволжский научный вестник. 2013. № 8–1 (24).

Ромашов 2013г — Ромашов Ю. В. Образ южных славян и идея славянского единства в панславистских концепциях России второй половины XIX — начала XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2013.

Селезнев 2012 — Селезнев Р. С. «Нет, ты Сербин, ты этого сам не знаешь...» — сербская национальная идентичность накануне и после освобождения (вторая половина XIX века) // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. 2012. Т. 11. Вып. 8: История.

Селезнев 2013а — Селезнев Р. С. Задруга и вестернизация: сербская община в условиях догоняющей модернизации (вторая половина XIX — начало XX вв.) // Вестник КемГУ. 2013. № 2 (54). Т. 1.

Селезнев 2013б — Селезнев Р. С. Положение сербской женщины в условиях догоняющей модернизации (вестернизации) глазами русских наблюдателей (вторая половина XIX в.) // Сербские научные исследования 2012. М., 2013.

Фоменко 2016а — Фоменко А. А. Историко-графический аспект в изучении болгаристики // Современные проблемы гуманитарных и общественных наук. 2016. № 2 (10).

Фоменко 2016б — Фоменко А. А. Проблематика понятия «нация» в контексте болгарской идентичности // Современные проблемы гуманитарных и общественных наук. 2016. Т. 9. № 1.

Фоменко 2017а — Фоменко А. А. Модернизация болгарской армии и степень ее подготовленности к ведению боевых действий в годы Первой мировой войны. Причины поражения // Современные проблемы гуманитарных и общественных наук. 2017. Т. 15. № 2.

Фоменко 2017б — Фоменко А. А. Проблемы модернизации болгарской армии в 1903–1918 годах // Вестник Воронеж-

ского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2017. № 3.

Шемякин 2004 — Шемякин А. Л. Традиционное общество и вызовы модернизации. Сербия последней трети XIX — начала XX в. глазами русских // Человек на Балканах и процессы модернизации. Синдром отягощенной наследственности (последняя треть XIX — первая половина XX в.). СПб., 2004.

Шемякин 2009 — Шемякин А. Л. В плену у традиции: русские путешественники о Сербии и сербах (вторая половина XIX — начало XX в.) // Политическая культура и международные отношения в новое и новейшее время. Нижний Новгород, 2009.

Шемякин 2010 — Шемякин А. Л. Особенности политического процесса в Сербии глазами русских (последняя треть XIX — начало XX века) // Славяноведение. 2010. № 5.

Шемякин 2011 — Шемякин А. Л. Русские очевидцы о специфике политического процесса в независимой Сербии (1878–1914) // Человек на Балканах глазами русских. СПб., 2011.

Шемякин 2012 — Шемякин А. Л. Сербия и сербы накануне Балканских войн глазами русских (к дискуссии о «современном» государстве) // Модернизация vs. война. Человек на Балканах накануне и во время Балканских войн (1912–1913). М., 2012.

Шемякин 2013 — Шемякин А. Л. Московский профессор о независимой Сербии. Платон Андреевич Кулаковский в Белграде (1878–1882) // Родина. 2013. № 12.

Шемякин 2017 — Шемякин А. Л. Сербские сочинения П. А. Ровинского (первичное осмысление и перспективы исследования) // Славяноведение. 2017. № 3.

Шкунди́н 2007 — Шкунди́н Г. Д. Разделяй и властвуй! Вопрос о сепаратном мире с Болгарией в политике держав Антанты (октябрь 1915 — март 1916 г.). София, 2007.

FOR WHOM THE SHREDDER BUZZES: CONTEMPORARY SCIENTIFIC (PSEUDO)RESEARCH ON THE HISTORY OF BULGARIA AND SERBIA LATE XIX — EARLY XX CENTURIES

Gusev Nikita S. — candidate of historical sciences, researcher of the Department of history of Slavic peoples of the period of the World Wars, Institute for Slavonic Studies, RAS (Moscow)

Key words: Bulgaria, Serbia, science, scientometric indicators.

Abstract. For Whom the Shredder Buzzes: contemporary scientific (pseudo) research on the history of Bulgaria and Serbia late XIX — early XX centuries. In this paper we consider a number of illustrative articles on the history of Bulgaria and Serbia late XIX — early XX centuries, published in periodical from the list of HAC and included in the RSCI. The author draws attention to their noresearch character and identifies three typical features: a loud name, lack of sources, ignorance of historiography.

REFERENCES

- Baklanov V.I. Balkany kak «zakholust'e» Evropy (vtoraia polovina XIX veka). *Sovremennaia nauchnaia mysl'*, 2015, no. 1.
- Boltaevskii A.A. Saraevskii krizis: uroki Pervoi mirovoi voyny. *Genesis: istoricheskie issledovaniia*, 2014, no. 3.
- Boltaevskii A.A., Priadko I.P. Poluostrov konfliktov: Balkany v nachale XX veka. *Genesis: istoricheskie issledovaniia*, 2015, no. 5.
- Boltaevskii A.A., Priadko I.P. Sud'by slavianskogo mira v XX veke. *Sotsiodinamika*, 2015, no. 3.
- Boltaevskii A.A., Priadko I.P. Balkany na perekrestkakh mirov: slavianskii «uzel istorii» (konets XIX — nachalo XX vv.). *Genesis: istoricheskie issledovaniia*, 2017, no. 3.
- Bondareva V.V. Bolgariia v Pervoi mirovoi voine 1914–1918 gg. Padenie rezhima Ferdinanda. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i iuridicheskie nauki, kul'turologi i iskusstvovedenie. Voprosy Teorii i praktiki*, 2015, no. 8 (58): Ch. II.
- Bondareva V.V. Iugoslavijskie narody v period Pervoi mirovoi voyny. Ideia iugoslavizma i rozhdenie «pervoi Iugoslavii». *Al'manakh sovremennoi nauki i obrazovaniia*, 2015, no. 7 (97).
- Balgarskata armia v Parvata svetovna voina 1915–1918 g.* Sofia, 2015.
- Za balkanskimi frontami Pervoi mirovoi voyny.* Moscow, 2002.
- Kovtunova Iu.V. Zhenskoe obrazovanie v Serbii v poslednei treti XIX — nachale XX veka v opisaniiah russkikh puteshestvennikov. *Vestnik magistratury*, 2017, no. 1–1 (64).
- Kochukov S.A. *Russko-turetskaia voina 1877–1878 gg. v osveshchenii periodicheskoi pechati Rossii.* Saratov, 2011.
- Kochukov S.A. «*Za brat'ev-slavian*»: *Russko-turetskaia voina 1877–1878 gg. v vospriatii obshchestva, vlasti i armii Rossiiskoi imperii.* Saratov, 2012.
- Kochukov S.A. *Obshchestvo, praviashchaia elita, armia Rossiiskoi imperii i Russko-turetskaia voina 1877–1878 gg.*: diss. ... dokt. ist. nauk. Saratov, 2012.
- Lapteva L.P. Vladimir Ivanovich Laman-skii (1833–1914) (K stoletnei konchine znamenitogo slavista). *Slavianskii mir v tret'em tysacheletii: Chelovek, obshchestvo, narod v istorii, iazyke i kul'ture.* Moskva, 2014.
- Mikhailov V.V. Nachalo «bolgarskogo leta»: diplomaticheskaja kollizii 23 maia — 14 iunija 1915 g. *Klio*, 2016, no. 10 (110).
- Romashov Iu.V. Balkany v vospriatii russkikh vo vtoroi polovine XIX veka: slavianskoe edinstvo i otchuzhdenie. *Izvestiia Saratovskogo universiteta*, 2012, vol. 12, Ser.

Istoriia. Mezhdunarodnye otnosheniia, vyp. 3.

Romashov Iu.V. Geopolitika Rossii na Balkanakh i ideia slavianskogo edinstva. *Vestnik SGTU*, 2012, no. 4 (68).

Romashov Iu. Krizis idei slavianskogo edinstva v kontse XIX — nachale XX v. v rossiiskom obshchestve. *Vlast'*, 2013, no. 2.

Romashov Iu.V. Vpechatleniia russkikh puteshestvennikov ot Serbii i ee gorodskoi zhizni. *Al'manakh sovremennoi nauki i obrazovaniia*, 2013, no. 10 (77).

Romashov Iu.V. Serby v vospriatii russkikh v poslednei chetverti XIX v. *Privolzhskii nauchnyi vestnik*, 2013, no. 8–1 (24).

Romashov Iu.V. *Obraz iuzhnykh slavian i ideia slavianskogo edinstva v panslavistskikh kontseptsiiakh Rossii vtoroi poloviny XIX — nachala XX vv.*: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Saratov, 2013.

Seleznev R. S. «Net, ty Serbin, ty etogo sam ne znaesh'...» — serbskaia natsional'naiia identichnost' nakanune i posle osvobodzheniia (vtoraia polovina XIX veka). *Vestnik NGU. Ser.: Istoriia, filologiya*, 2012, vol. 11, vyp. 8: Istoriia.

Seleznev R. S. Zadruga i vesternizatsiia: serbskaia obshchina v usloviakh dogoniaiushchei modernizatsii (vtoraia polovina XIX — nachalo XX vv.). *Vestnik KemGU*, 2013, no. 2 (54), vol. 1.

Seleznev R. S. Polozhenie serbskoi zhen-shchiny v usloviakh dogoniaiushchei modernizatsii (vesternizatsii) glazami russkikh nabludatelei (vtoraia polovina XIX v.). *Serbskie nauchnye issledovaniia 2012*, Moscow, 2013.

Fomenko A. A. Istoriograficheski aspekt v izuchenii bolgaristiki. *Sovremennye problemy gumanitarnykh i obshchestvennykh nauk*, 2016, no. 2 (10).

Fomenko A. A. Problematika poniatii «natsiia» v kontekste bolgarskoi identichnosti. *Sovremennye problemy gumanitarnykh i obshchestvennykh nauk*, 2016, vol. 9, no. 1.

Fomenko A. A. Modernizatsiia bolgarskoi armii i stepen' ee podgotovlennosti k vede-

niu boevykh deistvii v gody Pervoi mirovoi voyny. Prichiny porazheniia. *Sovremennye problemy gumanitarnykh i obshchestvennykh nauk*, 2017, vol. 15, no. 2.

Fomenko A. A. Problemy modernizatsii bolgarskoi armii v 1903–1918 godakh. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Istoriia. Politologiya. Sotsiologiya*, 2017, no. 3.

Shemiakin A. L. Traditsionnoe obshchestvo i vyzovy modernizatsii. Serbiia poslednei treti XIX — nachala XX v. glazami russkikh. *Chelovek na Balkanakh i protsessy modernizatsii. Sindrom otiagoshchennoi nasledstvennosti (posledniaia tret' XIX — pervaiia polovina XX v.)*. Saint-Petersburg, 2004.

Shemiakin A. L. V plenu u traditsii: russkie puteshestvenniki o Serbii i serbakh (vtoraia polovina XIX — nachalo XX v.). *Politicheskaia kul'tura i mezhdunarodnye otnosheniia v novoe i noveishee vremia*. Nizhnii Novgorod, 2009.

Shemiakin A. L. Osobennosti politicheskogo protsessa v Serbii glazami russkikh (posledniaia tret' XIX — nachalo XX veka). *Slavianovedenie*, 2010, no. 5.

Shemiakin A. L. Russkie ochevidtsy o spetsifike politicheskogo protsessa v nezavisimoi Serbii (1878–1914). *Chelovek na Balkanakh glazami russkikh*. Saint-Petersburg, 2011.

Shemiakin A. L. Serbiia i serby nakanune Balkanskikh voyn glazami russkikh (k diskussii o «sovremennom» gosudarstve). *Modernizatsiia vs. voina. Chelovek na Balkanakh nakanune i vo vremia Balkanskikh voyn (1912–1913)*. Moscow, 2012.

Shemiakin A. L. Moskovskii professor o nezavisimoi Serbii. Platon Andreevich Kulakovskii v Belgrade (1878–1882). *Rodina*, 2013, no. 12.

Shemiakin A. L. Serbskie sochineniia P. A. Rovinskogo (pervichnoe osmyslenie i perspektivy issledovaniia). *Slavianovedenie*, 2017, no. 3.

Shkundin G. D. *Razdeliai i vlastvui! Vopros o separatnom mire s Bolgariie v politike derzhav Antanty (oktiabr' 1915 – mart 1916 g.)*. Sofia, 2007.

«МНЕ ОЧЕНЬ ВАЖНО ВИДЕТЬ ОТВЕТНУЮ РЕАКЦИЮ СТУДЕНТОВ».

Интервью с Н. П. Таньшиной

Ключевые слова: история XIX века, Российская империя, Франция.

Аннотация. Читателю предлагается интервью с доктором исторических наук Наталией Петровной Таньшиной, видным в России специалистом по истории Франции XIX века.

DOI 10.31754/2409-6105-2018-3-349-356

Беседовал М. В. Батшев

Перу автора принадлежат книги: «Политическая борьба во Франции по вопросам внешней политики в годы Июльской монархии» (М., 2005); «Княгиня Д. Х. Ливен. Любовь, политика, дипломатия» (М., 2009); «Талейран. Гений дипломатии» (М., 2014); «Франсуа Гизо: политическая биография» (М., 2016); «Самодержавие

и либерализм: эпоха Николая I и Луи-Филиппа Орлеанского» (М., 2018)

М. Б. Кого вы считаете своим учителем в науке?

Н. Т. Наверное, я могу назвать несколько значимых Учителей в моей научной жизни, да и не только в научной. Сначала — это Маргарита Анатольевна Толстая, мой преподаватель новой и новейшей истории в Коломенском педагогическом институте, где я училась (я родилась в подмосковной Коломне). Именно благодаря Маргарите Анатольевне я оказалась на кафедре новой и новейшей истории Московского педагогического государственного университета. Почему благодаря ей? Потому что к концу пятого курса

© Историческая Экспертиза, 2018

Таньшина Наталия Петровна — доктор исторических наук, профессор кафедры Всеобщей истории Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; ведущий научный сотрудник Лаборатории западноевропейских и средиземноморских исторических исследований исторического факультета Государственного академического университета гуманитарных наук, профессор кафедры новой и новейшей истории Московского педагогического государственного университета (Москва); nata.tanshina@mail.ru

я для себя еще четко не решила, чем хочу заниматься, — мне предложили на выбор: поступать в аспирантуру в МПГУ и заниматься историей Франции или же поступать в аспирантуру в Коломне на кафедру политологии. В то время мы писали две выпускные работы, т. е., по сути, два диплома: один у меня был по истории (причем вовсе не по французской истории: «Октябрь 1917-го: взгляд с Запада»); второй же — по политологии (у моей работы было очень замысловатое название: «Толпа как феномен политики: опыт компаративного анализа бихевиористской, неофрейдистской и марксистской парадигм»). Я оказалась на распутье, но в итоге новая история победила! Так я оказалась в Московском педагогическом государственном университете на кафедре новой и новейшей истории под руководством профессора А. М. Родригеса. Маргарита Анатольевна буквально передала меня из рук в руки профессору Ирине Аркадьевне Никитиной.

Я прекрасно помню эту первую встречу, состоявшуюся в июне 1996 г. Тогда я еще не знала, что Ирина Аркадьевна уже почти не видела, и в первые минуты разговора глупо кивала головой в знак согласия, пока Маргарита Анатольевна не поправила меня... И при этом Ирина Аркадьевна полностью себя обслуживала, готовила обед, угощала своей фирменной курицей с рисом, просила приготовить бутерброд «а-ля Дмитрий Александрович» с маслом и яйцом и всегда интересовалась, все ли я съела (авторство бутерброда принадлежало, по ее словам, Дмитрию Александровичу Ростиславлеву, ее любимому учени-

ку). При этом я никогда не забуду историю про «кожаные подметки», как их называла Ирина Аркадьевна, которыми кормили в столовой во время Великой Отечественной войны; и ее рассказы о родственниках из осажденного Ленинграда, когда вся семья, в том числе и ее глава, директор хлебозавода, погибла от голода... Порой, спеша на занятия в университет, я вспоминала рассказы Ирины Аркадьевны о том, как она выходила из дома за два часа до начала рабочего дня, с тем расчетом, чтобы успеть на службу, если не будет ходить транспорт... И проделывала этот путь ни с кем иным, как с «Мишей» Баргом и «Фимой» Черняком! Для меня, вчерашней студентки, обучавшейся по работам Михаила Абрамовича Барга и Ефима Борисовича Черняка, это было чем-то невероятным, сравнимым разве что с обедом у английской королевы! Равно как и то, что Ирина Аркадьевна училась у самого Евгения Викторовича Тарле, с которым они, студенты, буквально по дням (!) изучали события Французской революции, составляя хронологические таблицы на уже ушедших в историю огромных ватманских листах!

Еще вспоминаю ее рассказы о детских годах, о том, что она помнит некоторые моменты своего младенчества, совсем как Лев Толстой! Ее рассказы о гувернантках, обучавших ее в детстве языкам; о том, что она первую половину дня могла думать на английском, а вторую — на французском языке, и при этом проигрывать в голове, по памяти, сложнейшие музыкальные произведения! И легендарного дедушку Ирины Аркадьевны, который, бу-

дучи ребенком, сидя на высоком дереве, слушал императорский указ об отмене крепостного права!

Уверена, что для каждого из нас, учеников Ирины Аркадьевны Никитиной, она была не просто научным руководителем или научным консультантом, а Учителем. И не просто мудрым наставником в постижении наук, а Учителем жизни. Просветителем, гуманистом, интеллектуалом, последним из могокан. Все эти эпитеты употребляются, как правило, по отношению к представителям сильного пола, и тем более поразительно, что все они применимы к этой яркой, талантливой, тонкой, необыкновенно заботливой и предельно внимательной женщине с удивительно красивыми руками и огромным сердцем, в котором хватало места и душевного тепла для всех ее учеников. Конечно, мы, ученики Ирины Аркадьевны Никитиной, не всегда были лично знакомы друг с другом, но она так искренне переживала за всех нас, так старалась всем помочь, рассказывала о сложностях, возникших у кого-то из нас, что создавалось полное впечатление, что мы прекрасно знаем друг друга, что мы составляем нечто целое, единое, и объединяет нас, конечно, наш Учитель. И это единство — не просто научная школа профессора Никитиной, а нечто большее, и я безгранично благодарна судьбе, что мне довелось быть ученицей Ирины Аркадьевны.

Именно Ирина Аркадьевна настояла на том, чтобы я сразу же поступила в докторантуру. Я, наверное, отношусь к типу людей, которым учитель, наставник нужен постоян-

но. Или к типу исполнителей, которым надо четко поставить цель. Да не обидятся на меня кандидаты наук, но Ирина Аркадьевна всегда говорила: «Наташа, кандидатов — как нерезанных собак, надо писать докторскую!» В докторантуру меня, правда, взяли через год после окончания аспирантуры, порекомендовав год подождать и написать побольше статей. Я так и сделала.

Тема докторской диссертации «Политическая борьба во Франции по вопросам внешней политики в годы Июльской монархии» выросла из кандидатской (а кандидатская была посвящена изучению общественно-политических взглядов Франсуа Гизо, известного французского историка, мыслителя и политика). Как это часто бывает в научной работе, у меня осталось много материала, не вошедшего в текст кандидатской. И этот материал лег в основу докторского исследования.

Но в феврале следующего года Ирины Аркадьевны не стало. Ей было 88 лет, ей было очень тяжело, но с нами, учениками, она работала до последнего дня... Я до сих пор помню ту последнюю встречу. Она, как всегда, сидела в своем кресле, я — напротив... Ей было трудно говорить, но она спешила сказать, передать опыт... И буквально на следующий день ее не стало. Мне назначили научного консультанта — им стал д.и.н., профессор Роберт Григорьевич Ланда. Потрясающий знаток арабского и испанского мира, глубочайший эрудит, необыкновенно внимательный человек. А как Роберт Григорьевич читал мои

тексты! Сам он это называл «ловлей блох». На полях он делал правку, как правило, это были его наблюдения и дополнения, начинавшиеся порой так: «Когда мой отец обучался в Сорбонне...». Для меня было не просто очень полезно и важно, но безумно интересно читать эти замечания, и я всегда говорила Роберту Григорьевичу, что из этих замечаний можно составить отдельную книгу и что его наблюдения и советы — это и есть самое ценное в моей работе!

Сейчас у нас как-то сложно с научными школами, но мне хотелось бы себя считать продолжателем дела наших известных франковедов, таких как П. П. Черкасов и А. В. Чудинов. У Петра Петровича я всегда училась добросовестному отношению к делу, научной честности, стилю письма. Как говорил А. П. Чехов, многие «хочут свою образованность показать и всегда говорят о непонятном». А П. П. Черкасов пишет всегда предельно понятно, при этом глубоко научно, ярко, образно, увлекательно. Александр Викторович Чудинов для меня тоже пример работы со словом и текстом. Казалось бы, историография — не самая увлекательная тема. Но работы А. В. Чудинова написаны так, будто это увлекательнейший роман, с коллизиями, драматическими завязками, интригами. И при этом — высоконаучная работа.

М. Б. Что повлияло на вашу научную специализацию по истории Франции?

Н. Т. Я уже говорила, что вроде бы шла к истории Франции не целена-

правленно, как некоторые исследователи, которые чуть ли не с детства знали, чем будут заниматься. В детстве, так сложилось, я читала западную классику XIX в.: приходила в библиотеку и брала с полок Гюго, Бальзака, Стендаля, Диккенса... Дюма, конечно, увлекал, как и всех, наверное, но в душу не запал, это было больше развлечением. И уже потом я поняла, что, видимо, не случайно мне выпал французский XIX в., а мои любимые писатели превратились в ценнейшие исторические источники, в живые свидетельства изучаемой эпохи. Эта связь истории и литературы для меня всегда была важна, я ведь и перед самым поступлением в институт не знала, какой факультет выбрать, исторический или филологический (и опять-таки случай: мой учитель истории, Татьяна Александровна Ярова, узнав о моих сомнениях, буквально закрыла меня в классе и строго внушила, чтобы я не делала глупостей и шла на истфак).

М. Б. Вы работали в разных высших учебных заведениях. Чем различалось преподавание в них?

Н. Т. Да, мне посчастливилось работать в крупнейших вузах. Со второго курса аспирантуры я преподавала в МПГУ, который стал моей второй альма-матер, причем мне сразу достались пятикурсники, и я им очень благодарна. Я ведь была старше их всего на два года. Десять лет в качестве совместителя я работала на кафедре Всеобщей истории РГУ под руководством профессора Н. И. Басовской. Еще был педагогический университет им. Шолохова (который в свое время отпочковался еще от МПИ как заочный институт,

а потом вновь воссоединился, когда нас всех дружно «оптимизировали»), и Институт повышения квалификации работников образования. И последние годы мое основное место работы — это РАНХиГС при Президенте РФ. Конечно, каждый университет имеет свою специфику, и студенты несколько отличаются, но в целом ситуация в вузах — это отражение ситуации в стране, в системе образования и науки. Вузы оказались затронуты оптимизацией, модернизацией, реорганизацией. Проблемы везде примерно одинаковые — везде нужны отчеты, показатели, рейтинги, все эти Scopus, WoS. Научой заниматься безумно интересно, но если в советское время были жесткие идеологические рамки, то сейчас нас ставят в зависимость от всех этих научных баз, индексов цитирования, статей в нужных изданиях, когда в результате от научной статьи не остается ровным счетом ничего. Я уже не говорю о системе «Антиплагиат». Идея вроде бы разумная, но в результате получается, что достичь нужного процента возможно только при условии, если ты никого и ничего не цитируешь, иначе система тебя не пропустит! Получается, приходится писать так: «Пушкин говорил примерно следующее...» Иначе — плагиат, и не важно, что это добросовестное цитирование, ведь общая оценка по «Антиплагиату» должна быть не ниже определенной цифры. И когда я вижу работы, в которых 99 % подлинности, мне кажется, что автор не прочел ни одной книги и не привел ни одной цитаты! То же самое статьи в «нужных изданиях», входящих в «нужные базы»: ссылки только на авторов из этих самых «баз» и не позднее

2013 г.! А как же тогда источники, архивы? Если я занимаюсь XIX в., логично, что мои источники чуть старше 2013 г. И что же тогда остается от научной работы? Профанация? Но опять-таки это проблемы нашей науки в целом. Вузы вынуждены играть по этим правилам. И мне очень нравится, что в РАНХиГС существует возможность заниматься наукой в рамках научных проектов, финансируемых государством.

А студенты — они, конечно, разные в разных вузах. Но с ними интересно! Хотя, конечно, мне очень важно видеть ответную реакцию, видеть их глаза, мне важно понимать, что им это надо и интересно. Некоторые преподаватели умеют как-то от этого абстрагироваться и читать лекцию «в потолок». Я так не научилась. Но, слава Богу, такое встречается редко, когда ты не видишь эту отдачу, обратную энергию.

М.Б. После единого учебника по истории России пошли разговоры про единый учебник по Всеобщей истории. Как вы вообще относитесь к идее единого учебника? Нужен ли он в школе?

Н.Т. Нужен, на мой взгляд, единый стандарт, нужны базовые принципы, перечень тем, проблем, которые необходимо отразить в учебнике. Но вот нужен ли единый учебник? Учебников может быть если не много, то несколько, главное, они должны быть качественными, соответствовать требованиям. И я убеждена, что учебник истории — это не просто набор фактов. Учебник истории должен не просто учить, но и воспитывать, и не важно, учебник

это по истории России или по Всеобщей истории. История должна воспитывать, и при этом историки должны стремиться к объективности в изложении фактов. Возьмем недавнюю историю с мальчиком из Уренгоя. Журналисты стали говорить о том, что в учебнике истории Великой Отечественной войне уделено очень мало параграфов, а Сталинградской битве — всего несколько страниц. Но ведь учебник — не резиновый, в одном учебнике для старших классов должна уместиться вся история России! На мой взгляд, дело вовсе не в объеме, а в подходах и оценках. Вот этот оценочный компонент, воспитательный, на мой взгляд, в учебнике истории должен присутствовать.

М. Б. Чем вас привлекла Д. Х. Ливен, что вы написали ее биографию?

Н. Т. Меня в истории всегда привлекали люди, для меня история — это, прежде всего, история людей. И, изучая одного персонажа, ты знакомишься с его окружением, коллегами, друзьями и врагами. Все как в жизни. И так через Гизо я познакомилась с Дарьей (или Доротеей) Христофоровной Ливен, урожденной Бенкендорф: дело в том, что княгиня Ливен на протяжении двадцати лет была постоянной спутницей жизни Гизо, так и не ставшей его официальной супругой. Как-то, читая свой текст Ирине Аркадьевне, я упомянула совсем не известное мне тогда имя княгини Ливен. Оказалось, что у Ирины Аркадьевны дома хранится икона из московского дома Ливенов. Обменяли на что-то в годы войны...

Поскольку, как любой исследователь, я была увлечена своим персонажем, мне стало интересно узнать, чем же так привлекала Гизо русская княгиня? Если сейчас ее имя известно только специалистам, то в первой половине XIX в. она была одной из влиятельных фигур европейской дипломатии. Дарья Христофоровна была замужем за князем Х. А. Ливеном, в 1812–1834 гг. послом России в Лондоне, а по сути, сама являлась российской посланницей и далеко превосходила супруга по политическим талантам и дипломатическим способностям. В Дарью Христофоровну влюблялись ведущие европейские политики и дипломаты, не исключая августейших особ, как, например, король Англии Георг IV. Конечно, ее именовали и шпионкой, и интриганкой. Она действительно вела секретную переписку с братом, шефом жандармов Александром Бенкендорфом, писала ему «симпатическими чернилами», проявляющимися при нагревании. Причем писала даже тогда, когда находилась в опале, оставшись без императорского разрешения во Франции. А Николай I прямо заявил ее мужу, что если его жена не вернется, он сотрет ее в порошок. И только в 1843 г. Ливен удалось получить разрешение остаться в Париже. Это письмо княгини императору и ответ Николая Павловича мне удалось обнаружить в Архиве внешней политики Российской империи, причем уже после того, как я написала книгу о Ливен. «Не сердитесь на меня и на Россию, ибо я не могу не быть русской», — так она писала своему другу Чарльзу Грею, знаменитому английскому министру. Хотя жить могла только на Западе.

М. Б. Кто еще из знаменитых женщин XIX в. вам интересен?

Н. Т. Через своих «исторических друзей» я вышла на еще одну неординарную женщину, тоже Доротею — Доротею Дино, герцогиню Курляндскую. Судьба этой дамы на протяжении двадцати с лишним лет была связана с именем одного из самых известных французских дипломатов — князем Ш.-М. Талейраном, она была его неизменной спутницей, политическим помощником, советником и личным секретарем. Внучка Эрнста Иоганна Бирона, всевластного фаворита российской императрицы Анны Иоанновны, Доротея была одной из выдающихся женщин своей эпохи. Круг светских и политических знакомств Доротеи был необычайно разнообразен; его составляла политическая и интеллектуальная европейская элита XIX в. Обо всем этом Доротея писала в своей «Хронике». И опять-таки как переплетаются судьбы: имение Межотне, что недалеко от г. Бауска, в Латвии, где захоронены Ливены, в том числе и Дарья Христофоровна, до 1795 г. принадлежало герцогине Курляндской, матери Доротеи, а потом было передано Шарлотте Карловне Ливен, матери Христофора Андреевича, являвшейся воспитательницей детей императора Павла I. Несколько лет назад известный британский историк Доминик Ливен (он принадлежит к другой ветви рода; дети княгини Ливен наследников не оставили) проводил в Межотне научную конференцию, и всей большой компанией по живописным холмам и лесным тропам мы совершили подъем к захоронениям.

От них мало что осталось; могила княгини Ливен не сохранилась.

М. Б. Как бы вы оценили современное состояние в изучении истории Франции XIX в. в отечественной историографии?

Н. Т. На мой взгляд, ситуация очень неплохая с изучением Французской революции. И здесь можно говорить о целой школе под руководством доктора исторических наук А. В. Чудинова. Его ученики занимаются, конечно, прежде всего революционной проблематикой и наполеоновскими войнами. А с учетом того, что хронологические рамки революции в современной академической науке снова расширяются и доводятся до 1815 г., все это тоже XIX в. И здесь можно назвать учеников А. В. Чудинова: Е. А. Прусскую, А. А. Митрофанова, Н. В. Промыслова. Конечно, это коллега и соратник А. В. Чудинова Д. Ю. Бовыкин, защитивший докторскую диссертацию по графу Прованскому, будущему королю Людовику XVIII. Периоду, которым занимаюсь я, т. е. 1830–1840-м гг., долго не везло как в отечественной, так и во французской науке. Ведь XIX в. так насыщен революциями, войнами, империями, республиками.

Знаете, когда я своим французским коллегам говорю, что занимаюсь Гизо, они говорят примерно так: «Фи, это же скучно! Это же аскет, протестант!» И показывают на меня пальцем: «Знаете, коллега занимается Гизо!» И история повторяется: «Фи, это же скучно, это аскет, пуританин!» А для меня нет ничего интереснее! Этим же периодом занимается мой коллега Игорь

Игнатченко — он изучает постоянно-го оппонента Гизо Адольфа Тьера. И, знаете, как-то на одной из конференций я подседа к И. Игнатченко, тогда еще не зная, что он — это он! Видимо, какая-то энергетика наших героев подействовала! А потом в ходе выступлений мы, как и наши персонажи, начали спорить, защищая их позиции! Известный саратовский исследователь А. В. Гладышев плодотворно занимается изучением взглядов А. Сен-Симона. Еще Вера Аркадьевна Мильчина, известный переводчик, филолог и историк, специализирующийся на русско-французских отношениях этого времени. И, конечно, один из наших главных франковедов — П. П. Черкасов. Петр Петрович, как известно, создал целую галерею двойных портретов российских и французских государей. Последняя его работа из этой серии — двойной портрет Наполеона III и Александра II.

М. Б. Есть ли, на ваш взгляд, какие-то проблемы в истории XIX в., которые не решены в историографии?

Н. Т. На мой взгляд, история обречена на переписывание, причем без всякой негативной коннотации. Каждый раз новое поколение ищет и ставит новые вопросы, дает новые ответы, обращается к вроде бы уже изученным темам, но находит в них для себя нечто новое и важное, что прежде ускользало из поля зрения. Например, Вторая империя — тема, которая привлекает внимание, но в которой еще предстоит покопаться. Наполеон III — не такая простая и однозначная фигура. История российско-французских отношений — также весьма важная тема. Обычно изучаются конец и начало века, как период максимальных связей и сотрудничества. Но и весь XIX в. — не менее важен.

"IT IS VERY IMPORTANT FOR ME TO SEE THE RESPONSE REACTION OF STUDENTS".

Interview with N. P. Tanshina

Tanshina Nataliya P. — Dr Hab. (History) professor of the General History Department, the Institute of Social Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Leading Researcher of the Laboratory of Western European and Mediterranean Historical Studies at the Faculty of History, State academic university for the humanities; professor of Modern History Chair, the Moscow Pedagogical State University (Moscow)

Key words: history of XIX century, Russian Empire, France.

Abstract. The interview with the doctor of historical Sciences Natalya Petrovna Tanshina about the studies in Russia of French history of the nineteenth century is published.

«ЧЕРЕЗ ЧАСТНУЮ ИСТОРИЮ ПРОЩЕ УВИДЕТЬ РАЗНООБРАЗИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЖИЗНИ».

Интервью с Д. Б. Споровым

Ключевые слова: устная история, Виктор Дувакин, частная история, РГГУ, библиотека МГУ.

Аннотация. Основатель фонда «Устная история» рассказывает о своем приходе в историческую науку, о том, как функционирует фонд «Устная история», и о том, как меняется личная память.

DOI 10.31754/2409-6105-2018-3-357-365

Беседовал К. Ю. Морев

К. М. В чем вы видите цель Фонда «Устная история»?

Д. С. Мне кажется важным сохранить частную память о том интересном и существенном, что развивалось в последние сто лет — это примерный горизонт, который может быть охвачен человеческой памятью и семейными преданиями. То есть сохранить ту память, которая бы не была историей «официальной»,

«государственной», но была бы историей жителей. Это, наверное, самое важное. А поскольку наука и культура — это, в моем понимании, самое ценное, что человечество после себя оставляет, то поэтому мы этим и занимаемся. Кроме того, есть некоторая наследственность — первоначально существовало дувакинское собрание [Виктор Дмитриевич Дувакин — создатель огромного архива интервью с деятелями науки и культуры, которые обрабатываются и обнародуются Фондом «Устная история». — К. М.], и у него была ровно такая тема — история науки и культуры первой трети XX в. Ну, а сейчас у нас уже весь век. То есть мы здесь

© Историческая Экспертиза, 2018

Споров Дмитрий Борисович — историк, учредитель и президент Фонда «Устная история», заведующий отделом устной истории Научной библиотеки МГУ (Москва); spogunet@gmail.com

ничего не изобретали и не придумывали — все идет так, как идет.

Фонд — это форма жизни и развития собрания документов, записей. Для того чтобы иметь возможность развития и плодотворной работы в Библиотеке МГУ, мы решили сделать Фонд. Было это в другую эпоху, в 2010 г. У меня были примеры того, как люди собирали какие-то фонды и старались что-то делать. Фонд в нашем случае — самая простая организационная структура. Вот мы его и сделали.

Мы считаем, что материал должен быть открыт, что он должен быть в свободном использовании. В этом смысле мы солидарны с «Википедией» и считаем ее задачей правильной и жизнеспособной в будущем. Поэтому когда возник вопрос, как нам распространять наши данные, то мы подружился с «Википедией», мы дублируем там наши беседы, на вики-складе.

К. М. Расскажите немного о собрании Дувакина, точнее, о том, что было после его смерти, какова преемственность, как удалось сохранить собрание текстов?

Д. С. На самом деле деятельность Дувакина — это была такая случайная складка мироздания, которая позволяла существовать какому-то совсем иному миру и которая счастливым образом получила развитие. Могло произойти все, что угодно, причем самое вероятное — просто утеря. Кто-то мог взять да и выкинуть эти кассеты. Но, во-первых, Дувакин жил этим и вкладывал в это свою душу, а во-вторых, ему помогали его соав-

торы-ученицы, которые после смерти Дувакина не позволили развалиться собранию. Собрание хранилось у него дома, в шкафах, и после его смерти эти шкафы перевезли в МГУ, в комнату, которая принадлежала кафедре научной информации. Потом они кочевали из комнаты в комнату, т.к. кафедра научной информации прекратила свое существование. Встал вопрос: куда ж нам плыть? Тогда Анна Федоровна Панца, ученица Дувакина, которая была (и остается!) заместителем директора Библиотеки МГУ, сделала под это собрание отдел — отдел фонодокументов.

К. М. А как вы сами пришли в этот отдел? Какой был путь к гуманитарным наукам?

Д. С. Он такой простой, что даже говорить скучно. Я — внук Дувакина. Когда возник вопрос о работе, то я вспомнил, что тетуски в отделе фонодокументов мне много раз говорили: «Митя, приходи к нам». У них была ситуация, действительно, паршивая — никого не было, отдел в подвешенном состоянии... Не знаю, насколько это предложение было формой вежливости или действительным желанием — но я взял и пришел. Вообще, интерес к собственному семейному архиву очень повлиял на все это. Это та вещь, которой просто заинтересовать. Я в пятнадцать-шестнадцать лет разобрал семейный архив, и через это появился общий интерес к истории.

К. М. А где вы учились? Кто на вас повлиял во время учебы?

Д. С. Я учился в историко-архивном. Очень дружил с Сигурдом Шмид-

том, он был моим научным руководителем все эти годы. Мы познакомились в 1999 г., мне как раз нужно было поступать. Он сказал: «Обязательно приходите к нам!» Потом я жалел: мне там не было хорошо, уровень был очень слабым, ничего интересного... Но со Шмидтом я продолжал дружить, я у него очень часто бывал, помогал ему во многих бытовых и научных делах, и он мне очень помогал, подталкивал к научным штудиям. Вообще, когда я учился, я был только научный работник, у меня была масса публикаций. Потом мне это стало скучно, я переключился на другое, а сейчас снова интересно и я стараюсь вернуться в эту сферу. Но в своей сегодняшней работе я организатор, а не ученый.

К. М. Михаил Мельниченко, автор проекта «Прожито», говорил, что он «офицер инженерных войск», вы тоже на такой позиции?

Д. С. Ну, у нас положение сходное. Я скорее не офицер инженерных войск, а культуртрегер, и форма моей работы мне нравится, она мне кажется удачной. Но исследовательская работа мне тоже интересна, я ей занимаюсь, мне бы хотелось дать результаты и в ней.

К. М. Но диссертацию вы не защищали?

Д. С. Да, не защищал. У меня была готова диссертация со Шмидтом, как раз по дувакинскому собранию, но мне она стала скучна, я как-то переел этой «дувакинистики» и на время ушел из устной истории. Одновременно с организацией Фонда я стал заниматься и вопросами, ме-

ня интересующими. Теперь, видимо, защищусь.

К. М. Как финансируется фонд? Я читал, что вам удалось привлечь финансирование через «Фонд Прохорова» и Фонд AVC Charity...

Д. С. Да, мы очень благодарны нашим спонсорам, которые поддерживают проводимую работу уже столько лет. Никаких других спонсорских денег у нас нет, кроме этих. Наверное, это моя нерасторопность.

К. М. То есть вы с ними кооперировались еще до появления вашего фонда, или уже после?

Д. С. Нет, сначала возник фонд. И мы стали думать, куда нам обратиться за поддержкой предлагаемых инициатив. Обращались, например, в Сколково. Тогда Сколково появилось, но с этим ничего не получилось. Может, мы как-то неправильно действовали, может, было много каких-то понтов и глупости вокруг всего этого.

К. М. Сколково ведь, как я понимаю, больше на технические проекты было направлено?

Д. С. Да, но мы считали правильным (я и сейчас так считаю), что надо задействовать гуманитарные проекты, что они были бы вполне уместны. Совсем необязательно производить высокотехнологичные материалы и при этом обращать внимания на быт ученых и научные школы, например.

К. М. Но волонтеров к работе вы не привлекаете?

Д.С. Мне не очень понятно, что у меня может делать волонтер. Конечно, если кто-то что-то делает, я буду рад и всячески помогу. Но как систематически организовать волонтеров на определенный объем работы — мне непонятно. Я стараюсь профессионализировать работу. Механической — очень немного.

К.М. Вопрос по поводу отбора информации. Дувакин, как я знаю, занимался сначала Маяковским, и на его собрание интервью это повлияло — т.е. либо это были люди, которые знали Маяковского, либо те, кто был найден по их рекомендациям. Это создало некую специфику собрания. А сейчас по какому принципу вы ищете тех, у кого берете интервью для «Устной истории»?

Д.С. Это как раз сложный и болезненный вопрос. Он не имеет ответа. Какой может быть принцип? Когда мы создали фонд, то планировали, что у нас будет более-менее жесткая система сбора информации, например, по наукам. История химии, история физики — и так далее. Но эти задумки получились не полностью — каждое направление требует разработки и кураторства. У нас получились только история химия и история философии. У нас сложилось очень хорошее сотрудничество с историком химии, которая преподает на химфаке, и она провела массу бесед, 50 или больше. Это то, как мы планировали работать. С историей философии это получилось, потому что мы работали с Институтом философии, у нас был совместный проект. А, например, с физиками не получилось ор-

ганизовать эту работу, каждый раз были свои какие-то нюансы.

К.М. В чем особенности интервью, которые вы берете, того, как они строятся, и того, кто их должен брать? Например, у вас на сайте написано, что человек, который берет интервью, не должен быть журналистом.

Д.С. Да, это не журналистские интервью, журналистика — это работа другого типа. Для журналиста важно сделать интересный материал. В нашей ситуации важно сохранить человека, его рассказ, его мир. Какие могут быть логические состыковки в памяти? Это портрет, он должен быть подробным, он может состоять из десяти бесед. Совершенно неважно, правда в них или ложь. Участие интервьюера не должно мешать. Он может направлять, но он активный слушатель. В активном слушании и есть специфика и особенность нашей работы. Что подразумевает активное слушание? Ты должен быть в контакте с говорящим, ты должен быть восприимчивым и восприимчивым, должен знать контекст. Когда слушаешь и чужие, и свои интервью, то особенно очевидно, что тому, кто берет интервью, очень сложно не быть дураком. Человек, который говорит, все равно оказывается в положении жреца, «вещающего мэтра», он рассказывает о том, что знает и часто не будет рассказывать тебе сложные ситуации. Ты можешь его на них вывести, но ему эти сложные ситуации не нужны, это понятно. А ты-то первый раз сталкиваешься с материалом. Ну, естественно, чем больше ты знаешь, тем лучше.

Но часто это специфическая информация, не просто история культуры или история науки. Есть масса какой-то бытовой информации или информации, которая часто встречается в воспоминаниях по этой эпохе. Если ты их знаешь и в них ориентируешься, это знание очень приятно собеседнику. Оно позволяет его спросить тебя: «Да, вы тоже помните деревья на Садовом кольце?», хотя их даже твой папа не мог бы вспомнить. Это такой эффект партнерского диалога.

К. М. Когда я читал о вашем фонде, то задумался, есть ли что-то подобное вашему проекту в России, что-то, связанное с устной историей? Был, например, фильм «Подстрочник» о Лилианне Лунгиной, был недавно фильм про дочь философа Шпета. Как вам кажется, это что-то близкое к тому, чем вы занимаетесь, или все-таки другое?

Д. С. Безусловно, это похоже, это устная история в практическом применении. Но, конечно, это режиссерски выстроенный материал. Надо понимать, что Лилианна Лунгина, да и дочь философа Шпета — это уникальные случаи. Далеко не все могут структурировать свой опыт в такие повествования. Лилианна Лунгина потому и получила такой бешеный успех — у нее есть талант рассказчика, талант мемуариста.

К. М. А кроме бесед фонд чем-то занимается?

Д. С. Беседы и их публикация в разной форме — это ключевое, но мы стараемся сделать еще какие-то интересные цифровые штуки, кото-

рые могли бы объединить схожие проекты и сделать некоторую большую базу по частной памяти.

К. М. Вы стремитесь как-то популяризировать то, что вы делаете, или это, скорее, проект для специалистов? Есть в планах внести какую-то научно-популярную составляющую?

Д. С. Мы хотим ввести такую новую сущность с использованием короткой формы. Осенью собираемся запустить. Понятно, конечно, что материал тяжелый и нуждается в адаптации.

К. М. Но основная цель — сохранить частную историю как источник для дальнейших исследований?

Д. С. Да, и как информацию, и как форму, как речь. Мы буквально только что организовали передачу всех текстов и звука публикуемых бесед в Корпус русского языка, они там специальным образом размечаются.

К. М. Как, на ваш взгляд, работает механизм исторической памяти? Например, есть такое мнение, что Невская битва была рядовой и не очень серьезной, но в каждом учебнике она упомянута как одна из основных. Что способствует тому, что одни события остаются в веках, а другие — нет?

Д. С. Думаю, это комплекс взаимосвязанных факторов, и как раз наша задача — задача историков частной памяти — в том, чтобы расшатать привычные схемы, предложить новые

варианты. Мы не можем и считаем неправильным концентрироваться на некотором наборе исторических сюжетов, ороговевших «мест национальной памяти», которые были бы скрепляющими и очевидными для всех. В нашем случае все ровно наоборот: каждый представляет свой набор фактов, набор мнений. Эти наборы мнений соприкасаются друг с другом, соотносятся, и постепенно выстраивается дополняемая система представлений, живая история. Вот в чем наш пафос. И тут уже могут возникнуть новые факты, новые оценки.

К.М. Но то, что некоторые события сохраняются или всплывают через какое-то время — на ваш взгляд, это сила самих событий или их интерпретаций, конструирования, которое идет как раз из памяти?

Д.С. Я думаю, что это случайность. Пример той же Невской битвы в том, что важно было не ее значение, а желание подчеркнуть борьбу с латинским Западом, что, вот, была одержана некая победа. В других примерах могут быть другие факторы. Но как раз в нашем случае мы пытаемся записать свидетельства личные, то, что человек может подтвердить сам. С другой стороны, есть семейные предания, легенды — и это совершенно особенная штука. Тут так очевидны изменения и деформации человеческой памяти! Если это был учитель, то это был лучший учитель. Если он приехал в Москву, то обязательно с одним рублем. То есть это такие клише, которые при недостатке информации сами собой возникают.

К.М. Ну да, вы ведь говорили в свое время, что за историей каждой семьи стоит какое-то чудо...

Д.С. Да, тут я повторял слова своего коллеги Николая Формозова, который после какого-то интервью пришел с таким ощущением. У нас настолько сложная история последнего столетия, что физическое выживание, наследственность, преемственность воспринимаются как чудо. Если ты не уехал, не умер, то это уже просто парадокс. Ну и вполне сознательно конструировался новый человек с чистой памятью.

К.М. Вот еще вопрос, связанный с памятью. У нас есть понятие классической культуры, допустим, литература XVIII–XIX вв. Но интересно, останется ли это понятие, или память меняется и самого понятия «классики» не будет? Например, если раньше новая песня, появляясь на радио, могла ротироваться годами, то теперь новые песни быстро появляются и также быстро исчезают. А убыстрение ритма жизни, с которым мы сталкиваемся, как-то влияет на память?

Д.С. Классика — это очень условное понятие, знак качества, строго говоря. Я по-другому воспринимаю эти события. Ритм — условность, это фактор больше географический. Интернет полностью объединил мир, дал новые механизмы, возможности. Но в смысле скорости история 1920–1930-х гг. — это такой яростный темп! Люди работали сутками, они строили новую жизнь! Мне кажется, так работают разве что активисты Навального. Пафос

строительства в 1920-е гг. был гигантский. А распространение информации — это параллельное явление. Раньше, например, появлялась масса романов, тогда романы были как сейчас песня. Хорошо сделанных романов, как и хорошо сделанных песен, — очень мало. То, что они быстро пропадают — это нормально. Кроме того, этот вопрос связан с отношением к труду. Например, есть советские радиопостановки, которые сделаны совершенно великолепно, на высочайшем техническом, профессиональном, художественном уровне. Для того, чтобы сделать такую постановку сейчас, нужны миллионы. Никто не будет их тратить. А тогда этот вопрос не возникал — каждому актеру театра шли понятные отчисления, государство за все платило, поэтому продукт был очень хороший. Он был хороший, потому что не было необходимости его окупать. Это другая система. Мне кажется, темп — та вещь, значение которой мы преувеличиваем.

К. М. И память тоже не сильно изменится?

Д. С. Абсолютно. Но совершенно справедливо сказать и обратное, просто это обобщения в разных плоскостях. Я смотрю какие-то документы двухсотлетней давности, да и более древние — человек примерно такой же.

К. М. Но если взять русскую литературу, то многие помнят что-то, но очень поверхностно. Даже с Пушкиным — кто-то вспомнит «Капитанскую дочку» или несколько стихов, но мало кто смо-

жет так уж подробно что-то процитировать...

Д. С. Да, или Гончаров — кто читал что-нибудь, кроме «Обломова»?

К. М. Вот нет ли в этом такого момента непреднамеренного «забывания»? Мы считаем, что что-то помним, но это не совсем так.

Д. С. То, что одна память замещает другую — это часть развития, часть живой жизни человека. Память должна меняться, она актуализируется, подстраивается под действительность. Например, гигантская память о Второй мировой войне — отчасти это сознательно сконструированный миф, а частично — непреднамеренно. Память проявляется как актуализация каких-то практик, схем, примеров, она обращает нас в прошлое, и что-то возникает снова, происходит второе, третье, десятое рождение. Это происходит каждый день. С другой стороны, по моему глубокому убеждению, современная литература значительно важнее и полезнее школьникам, чем Гончаров или Гоголь. Они крутые, конечно, но для того, чтобы их читать, тебе нужно иметь темник, чтобы понимать, что они пишут. Тебе нужен вкус к такой литературе, где все другое — отношения, быт. Ты понимаешь только поверхностную канву. Да, каждый говорящий на русском языке, наверное, должен знать «Евгения Онегина», «Капитанскую дочку» или «Вия», но было бы лучше, если бы человек сначала полюбил литературу на примере современных авторов, которые пишут о сегодняшнем дне, сегодняшним языком.

Господи, никто не читает то, что читают в школе. И это как раз к разговору про память, которая очень живая.

К. М. А как же тогда найти баланс между объединяющими моментами и отсутствием навязывания?

Д. С. Вот как раз частная память дает массу примеров, очень прочный фундамент и очевидную общность — знакомство с частной историей позволяет понять, что, в общем-то, все вариативно, мобильно, лабильно. От того, чтобы быть убийцей, до того, чтобы быть убитым — один шаг, полшага. Наша частная память и семейная история в России — она про это. Обязательно в долгой череде твоих предков есть злодей. И есть такие предки, которых сводишь только ты, твоя наследственность — они не могли бы существовать вместе, они поубивали бы друг друга, если бы стояли в одной комнате. Что это дает? Это дает большую толерантность, стремление к пониманию и принятию. Очень просто повесить клише: «он белый», «он красный», государственная история обязательно такие клише производит. Если ты начинаешь разбираться в семейных историях, ты видишь, как все на самом деле сложнее, ты видишь, что самодостаточна, самоценна человеческая жизнь, а не эти штампы.

К. М. Но все равно государству эти штампы и клише нужны и оно будет их выстраивать. Получается, это две разные истории?

Д. С. Да, это два самостоятельных пересекающихся пласта в разгово-

ре о прошлом — частная история и государственная. Профессиональный историк видит разнообразие в государственной истории, но для обыденного сознания через частную историю увидеть это разнообразие значительно проще.

К. М. Про литературу вы сказали, а какие изменения могли бы быть в преподавании истории, с точки зрения внедрения частной истории?

Д. С. Если бы наше государство и общество действительно хотели актуализировать внимание к истории и объединять нацию (но не в понимании XIX в.), то занятия устной историей и частной памятью были бы в каждой школе. Например, конкурс, который проводит «Мемориал» — это пример того, что можно делать. Но такие инициативы необязательно должны быть связаны с репрессиями, значительно проще и даже правильной актуализировать историю на материале семейной истории и семейной памяти вообще. Или школьные музеи — когда слышишь «школьный музей», хочется даже не зевнуть, а плюнуть куда-то. Но в действительности это может быть актуальным и живым. Неважно, как это будет структурировано, важны интерес и память, которая возникает по отношению к собственному прошлому. Если бы она где-то аккумуляровалась, даже в школьных расказиках, это была бы поразительная работа по нацбилдингу.

К. М. Собственно, ведь у вас так и произошло, думаю, это вполне логично. Спасибо большое и успехов в вашем деле!

"IT IS EASIER TO SEE THE DIVERSITY OF THE HUMAN LIFE THROUGH PRIVATE HISTORY".

Interview with D. B. Sporov

Sporov Dmitry B. – historian, founder and President of the Oral history Foundation, head of the oral history Department of the MSU Scientific library (Moscow)

Key words: oral history, Victor Duvakin, private history, Russian State University of Humanities, Moscow State University library.

Abstract. The founder of the Oral History Foundation tells the story how he came to historical science, and how the Oral History Foundation functions, and how personal memory is changing.

«ОБЩЕСТВЕННАЯ ЗНАЧИМОСТЬ ТОГО, ЧЕМ МЫ ЗАНИМАЕМСЯ, ДЛЯ МЕНЯ ДАЖЕ ВАЖНЕЕ, ЧЕМ НАУЧНАЯ».

Интервью с М. Д. Мельниченко

Ключевые слова: анекдот, дневник, память, личная память, волонтеры.

Аннотация. В этом интервью историк Михаил Мельниченко рассказывает о том, как появился проект «Прожито», электронный архив личных дневников. Также Михаил Мельниченко рассказывает о своей работе над составлением книги «Советский анекдот (указатель сюжетов)».
DOI 10.31754/2409-6105-2018-3-366-375

Беседовал К. Ю. Морев

К. М. Почему вы решили стать историком, кто были ваши учителя, где вы учились?¹

М. М. Все было довольно просто. На меня произвел неизгладимое впечатление школьный учитель истории, который преподавал в старших классах. Молодой добродушный бородач, который хочет работать не по классической школьной программе, а увлекать ребят, — я подумал, что хорошо было бы быть таким же. Я не то что бы хотел быть историком, скорее, я пошел на исторический факультет оттого, что самый достойный из попавшихся мне людей был историком.

К. М. Это был, получается, какой факультет, какой вуз?

© Историческая Экспертиза, 2018
Мельниченко Михаил Анатольевич — историк, руководитель проекта «Прожито» (Москва)

М. М. Исторический факультет ГАУГН, Государственного академического университета гуманитарных наук. Я прожил там «без цели, без трудов» до пятого курса. Мне довольно легко давалась учеба, я просто проводил как-то время. Еще с десятого класса меня записали в Историческую библиотеку, где мне показалось довольно уютно — можно было пересидеть жизнь, потоками текущую по улицам.

К. М. Но в целом, получается, за пять лет не было каких-то людей, которые оказали влияние? Все было довольно формально?

М. М. Я пошел в ГАУГН, потому что его в то время продвигали как академический университет при Академии наук. Для меня показалось довольно важным там оказаться, но я мало на кого в те годы ориентировался. К нам приходили яркие преподаватели, увлеченные своими

сюжетами, это действовало очень воодушевляюще, но ни в какой конкретный круг общения я тогда не попал.

В конце третьего курса, отчасти от скуки и от желания как-то взбодрить немножко монотонную жизнь, я решил, что буду заниматься тем, что меня смешит. И я начал заниматься советским анекдотом, начал заниматься им как «историк», в кавычках, и делал это довольно нелепо — т.е. я находил какие-то произвольные подборки анекдотов и довольно прямолинейно их трактовал. Вскоре после того, как я начал заниматься этой темой, был какой-то острый момент, когда я проснулся ночью оттого, что понял, что от этой темы я теперь не уйду, что я у нее есть и она есть у меня. В то время я познакомился со своим будущим соавтором Александрой Архиповой и попал на семинар в центр типологии и семиотики фольклора РГГУ к Сергею Юрьевичу Неклюдову.

К.М. Источниковедение — это был осознанный выбор?

М.М. Вообще, меня все время тянуло к материалу, мне казалось, что материал должен диктовать правила. Мне гораздо проще выращивать что-то из материала, чем искать материал под конкретную исследовательскую задачу. Во многом это из-за того, что я с детства имел некоторую склонность к систематизации, собиранию, я постоянно что-то коллекционировал. В конечном счете я сумел свою коллекционерскую жадность канализировать во вполне приемлемое русло. Я стал

собирателем, систематизатором данных. Эта жадность стала вполне социально одобряемой во многом с помощью Сергея Юрьевича Неклюдова. Вот это человек, который оказал на меня, действительно, очень серьезное влияние. Сергей Юрьевич — это человек, после общения с которым ты очень воодушевляешься, подрастаешь на полголовы, у тебя надолго хватает запала и воли двигаться по научным делам дальше.

Много узнав о материале, написав диплом и сделав какую-то заявку на написание диссертации по довоенному анекдоту, я понял, что мой исследовательский текст не очень принципиален, было бы правильной порезать его на комментарий к конкретным сюжетам и издать корпус анекдотов, именно это станет самым важным моим вкладом в историографию. То есть меньше амбиций, но больше пользы для общего дела. Вообще, идея общего дела, научного, меня держит и сейчас, мне благодаря ей проще заниматься тем, что я сам определяю как «инженерную поддержку» науки.

Я очень жалел, что мне необходимо защищать квалификационную работу, потому что требования к защите диссертационной работы не очень правильны конкретно для моего материала. Было бы правильно сделать хороший указатель сюжетов, но я не мог защитить указатель сюжетов как диссертационную работу. Поэтому мне пришлось сначала довести до ума диссертацию по довоенному анекдоту, а потом уже, благодаря помощи моих друзей, я смог ее перепилить в книжку. Я выделил

около шести тысяч сюжетов анекдотов, значительная часть из которых датирована по времени записи. Этим я закрыл для себя историю с анекдотами.

Собственно, в тот момент я так и увлекся дневниками, потому что там были самые годные записи анекдотов. Они датированы с точностью до дня, поэтому есть верхняя граница появления сюжета. Мы не можем датировать нижнюю границу: есть, например, анекдоты о смерти Сталина, сюжет которых фиксируется уже в шестом веке до нашей эры, т.е. это бродячие сюжеты про тирана, которые могут актуализоваться в тот момент, когда они становятся психологически достоверными. Но верхнюю границу мы можем определить по времени записи. Мне кажется, мой вклад в изучение советских политических анекдотов в том, что я просто не пожалел времени на то, чтобы плотно заняться датировкой сюжетов.

К. М. Сначала дневники были как инструмент, они не были самоцелью?

М. М. Конечно. Фиксируемость сюжета в дневниках — некоторый показатель его популярности. Но даже при том, что я посвятил этой теме десять лет, мне кажется, что мои представления об анекдотах довольно фрагментарны. В случае, если будут введены в оборот другие источники с фиксацией анекдотов, картина может очень сильно измениться. Десять тысяч записей — это много, но недостаточно много. В общем, интерес к дневникам родился как раз из анекдотов, потому

что это для меня был самый ценный источник. Конечно, гораздо интереснее записи анекдотов в сводках о настроениях населения. Но я не имел возможности работать с непубликованными сводками, у меня всего несколько десятков записей. А из хорошо датированных и условно неподцензурных текстов дневники сыграли самую большую роль, где-то 550 анекдотов я оттуда выписал, это огромное количество.

Когда я «назначил книгу написанной», то впал в какое-то изнеможение на год или на полтора. Абсолютно потерялись координаты, не было понятно, куда себя деть. Я стал в свободное время, чтобы заниматься чем-то продуктивным, ходить в отдел рукописей Ленинки и набирать там дневник, который я прорабатывал на предмет анекдотов, из которого выписал в свое время сорок анекдотов, — дневник Николая Мендельсона. Я решил, что буду просто готовить его дневник к публикации, это будет моей попыткой вырвать автора из лап небытия. Я год по дню, по два дня в неделю ходил и набирал этот текст, один конкретный дневник. Мне вообще казалось, что если вот так жизнь провести, вытаскивать по одному ребят из забвения — то больше ничего особенного и не надо.

К. М. А как возникла идея перейти к созданию сайта «Прожито»? Он ведь тоже, как я понимаю, возник скорее как некий инструмент?

М. М. Да, я мечтал о поисковом инструменте, удобном для историков, в котором все тексты были бы синхронизированы по хронологии,

чтобы можно было брать конкретные хронологические границы создания текста, смотреть ключевые слова по датированным текстам. Я понял, что проще всего сделать это по дневникам, потому что они хорошо датированы.

Была идея, что мы возьмем какой-то бесплатный движок для блогов, поместим в него советские дневники и у нас будет восхитительный научный инструмент. Потом выяснилось, что так сделать нельзя, что нужно все делать с нуля. Ко мне присоединился мой большой друг, программист Ваня Драпкин, потом пришел Илья Венявкин из Фонда Гайдара, специалист по истории культуры сталинского времени. Еще до того, как мы открыли наш сайт, стали появляться первые волонтеры, о нас начали писать некоторые паблики в социальных сетях.

К. М. Какие там сейчас параметры поиска? По ключевым словам и по датам?

М. М. Больше. Можно делать подборки авторов по нужным вам формальным признакам — возрасту и полу. Можно выставить любое количество лет от одного до ста, например с 18 до 27, и тогда в списке авторов останутся только авторы, у которых есть хотя бы одна запись, сделанная в этом возрасте. То есть если вы работаете с подростками, вы сначала выставляете границы того, что вы считаете подростковым возрастом, потом выбираете пол, например только девичий дневник. Или можно забить слово «гимназист», тогда останутся только гимназисты. Есть возможность искать по ключевым

словам, которые есть в описании автора, потому что о каждом авторе есть маленькие биографические аннотации. Есть тематические теги дневников: дневники блокады, фронта, заграничные путешествия, дневник наблюдения за ребенком, дневник чтения, театральный, всякие жанровые и тематические вещи.

После того, как вы определяетесь с кругом авторов, вы по их записям можете искать, задавая хронологические границы и вводя место записи. Место, правда, не всегда работает, мы указали его для 60–70 % записей. Там, где можно было отметить дневник одним-двумя-тремя местами, мы это делали, а там, где человек постоянно в разъездах, надо проставлять теги для каждой записи в отдельности, на это сейчас не хватает сил.

К. М. А есть какое-то представление о том, сколько всего дневников находится в архивах, какую часть из них удалось обработать? Какую цель вы ставите — выделить что-то конкретное или собрать общую базу?

М. М. Мы сразу собрали библиографию опубликованного — это около 2 000 единиц. Еще несколько сотен рукописей мы знаем по архивам, но, я думаю, речь идет все же о тысячах. Одна из наших задач — это создание библиографического инструмента. Идея в том, чтобы сделать единый указатель текстов личного происхождения, которые есть на свете. У нас в разработке есть страница, где будет просто плитка логотипов архивов, русских и зарубежных,

может быть, даже антикварных коллекций дневников — нажимая на логотип архива, вы будете получать аннотированный список дневников, который в этой институции содержится. Мы хотим сейчас это попробовать реализовать с Архивом Центра исследований Восточной Европы при Бременском университете, потому что западные архивы в этих вопросах несколько контактнее, чем русские.

Мы хотим собрать то, что можно описать (чем подробней, чем лучше). Мы предлагаем архивам не публикацию дневников, а аннотирование авторов и публикацию небольшого фрагмента дневника, чтобы было понятно, что он собой представляет по языку и по консистенции. Это задача-минимум. А задача-максимум — конечно, все опубликовать и выложить у нас полностью.

К. М. При чем это касается не только русских дневников?

М. М. Да! Понятно, что нам ближе всего русскоязычный материал, но в целом эта площадка мультиязычная. Уже сейчас у нас есть украинский раздел. Мы страстно хотим открыть латышский раздел, потому что у нас есть уникальная латышская рукопись, к которой нам наша коллега Инета Липша открыла доступ.

К. М. А волонтеры проекта — кто они? Почему они, на ваш взгляд, этим занимаются, что они ищут для себя?

М. М. Есть ребята, которые приходят по своим собственным научным интересам. Они профессиональны, но есть особенность: профессиональный человек чаще всего горит своей темой — конечно, он готов вкладываться в общее дело, но его уводит от наших целей его собственная работа. Получается, что часто самые значительные результаты показывают люди, далекие и от исследовательской деятельности, и от истории вообще. У нас возраст волонтеров от 14 до 85, география от Ханоя до Вашингтона и все очень разных специальностей. В постоянной команде человек десять, а волонтеров — сотни.

К. М. Они сами узнают о проекте, или вы его продвигаете?

М. М. Продвижение началось через социальные сети. В начале проекта подспорьем были совместные публикации с «Медузой». После них народ валом повалил к нам в сообщество, а оттуда — в волонтеры. Один перепост паблика книжного магазина «Фаланстер» дает нам хотя бы одного волонтера (у них 30 тысяч человек в сообществе). Мы довольно много проводим публичных мероприятий, сейчас много волонтеров стало приходиться через наши ежемесячные Лаборатории в Москве, в Музее истории ГУЛАГа, но стремимся проводить их не только в Москве, вот, сейчас в Пермь съездили. Там мы это делали в Университете, на базе Центра сравнительных исторических и политических исследований. Было приятно, что туда пришли наши пермские волонтеры, которые, ни разу нас в лицо не видя, нам тем не менее по-

могали. Всего волонтеров было уже больше четырехсот.

К. М. Их работа — расшифровка, приведение в электронный вид?

М. М. Для нас сейчас самый важный вид работы — разметка уже опубликованного текста. У нас есть верстки книг, тексты из Интернета, которые нужно по нашим правилам отредактировать. Этим занималась большая часть волонтеров. Сейчас наблюдается некий крен в сторону рукописей. С рукописями работать очень важно, это трудоемко, но это несколько проще, чем вычитывать уже существующий текст и размечать его по нашим правилам. Там принципиально иная сложность, там нужно воспринимать почерк. Люди видят «Прожито» в основном как публикаторскую площадку и пишут, что хотят заниматься рукописями, и из-за этого группа волонтеров, которая готовит книги, сканирует книги, уменьшилась. Нам очень нужны люди, у которых есть возможность заказывать книги или брать книги у меня в Москве и заниматься их сканированием. Это не очень благодарная, механическая работа — и это узкое место нашего проекта. Люди заинтересованные — работают с текстами, люди святые — сканируют книги (*смеется*).

Волонтеры сами выбирают себе работу. Они видят список дневников, которым нужно участие, и выбирают то, что им интересно. Поэтому у дневников, которые выглядят как неинтересные, судьба нерасколотых фисташек на дне миски — они довольно долго висят в этом списке и его утяжеляют.

К. М. Да, я как раз хотел спросить, как происходит отбор того, что появляется быстрее, и того, что вообще появляется на сайте...

М. М. Раньше мы сами распределяли дневники, т. е. человек со мной списывался, я ему высылал более-менее ультимативно одну или другую вещь. Из-за этого у нас «перегорело» огромное количество участников, которые просто не хотели заниматься тем, что им неинтересно, они просто выключались и переставали отвечать на письма. Сейчас мы сделали нормальную «предложку» — список из дневников, которым нужен редактор или наборщик, и люди сами определяют, кто им интересен, чаще всего по фотографии. Фотографии людей «с человеческими лицами», т. е. их дневники, двигаются быстрее, это обидно, поскольку внешность не всегда совпадает с содержанием.

К. М. Как я понимаю, проект «Прожито» работает в режиме самоорганизации, без какой-то помощи государства, без какого-то внешнего финансирования. Что движет вами, заставляет делать этот проект?

М. М. Конечно, вопрос, связанный с финансированием, — довольно сложный. Пока все, действительно, делается на энтузиазме. Есть возможность перевести деньги нам на счет, счета указаны на нашем сайте, но того, что нам за пару лет было переведено, едва хватает даже на оплату серверов. Поэтому в значительной мере мы мотивированы собственным интересом и ощущением важности того, чем

мы занимаемся. Прямо сейчас мы находимся в поиске инвестора для нашего проекта, мы зарегистрировали юридическое лицо, написали несколько заявок на финансирование, обходим наиболее близкие нам по духу фонды.

Самой важной мотивацией персонально для меня стала отдача от разных категорий людей около «Прожито». Помимо того, что нам благодарны наши читатели, теплая волна идет от волонтеров и от наследников авторов. Волонтеры — это люди, которые готовы тратить свое время и силы на достижение какой-то общей цели. Сам факт того, что они на это силы и время тратят — это показатель того, что они к этой цели неравнодушны, и, значит, мы поставили действительно важную задачу.

Прочитав о нас где-нибудь в Интернете или узнав от знакомых, появляются люди, которые знают, что у них в семье есть рукопись, но в целом ей никогда не интересовались. Мы снимаем копию с рукописи, начинаем работу с ней. Человек читает готовые материалы, втягивается, начинает общаться с родственниками. Мы объясняем ему, например, как послать запрос на репрессированного родственника, который упоминается в этом дневнике. Он посылает запрос в ФСБ, получает от них справку, идет дальше в архив ФСБ, начинает работать с этим делом — и постепенно раскручивает эту историю до понятной для себя картины. Это изменяющий душу опыт. Вот эта общественная значимость того, чем мы сейчас занимаемся, стала для меня даже важнее, чем научная. От этого очень силь-

ная эмоциональная отдача, все обростает смыслами.

К. М. А в целом, на ваш взгляд, для кого этот проект?

М. М. Мы пытались спрашивать в социальных сетях: «Кто вы такие, пользователи “Прожито”»? Но есть просто читатели, а есть люди, которые с сайтом работают — это лингвисты, историки, филологи, психологи. Есть разные виды театральной терапии, которые подразумевают работу с такими текстами. Нас используют педагоги, школьные учителя, по нам дают задание старшеклассникам. Школьник может получить задание: найти по определенной теме дневник своего сверстника и специальным образом дневник обработать, например, перенести в текстовый редактор и разметить его разными цветами: что есть утверждение, что есть оценка, что есть вывод. Так он получает навык критического осмысления исторического источника. С нами работают сценаристы. Мне еще очень нравится, мне очень лестно, что мы превратились в своего рода ловушку для увлекающихся умов. Я довольно часто слышу от друзей жалобы на то, что они вечером зашли на «Прожито» и обнаружили себя у экрана в середине ночи. Раньше так в себя уводила «Википедия», но у нас еще живее материал.

К. М. Последний вопрос по дневникам — насчет этической проблемы выпуска дневников как личных документов, что можно выпустить, что нет — каковы здесь для вас критерии?

М. М. Проблема есть, она огромная. Мы сейчас с коллегами много обсуждаем эту тему. Все мы воспитаны по-разному, и каждый по-своему воспринимает наши материалы. Наша изначальная цель — химически точная передача текста, мы все издаем в авторской орфографии и пунктуации, не исправляем даже очевидные описки. Родственники вправе сокращать дневники — это та уступка, на которую мы вынуждены идти. Мы призываем людей к участию в общем деле, и это участие должно быть максимально для них комфортным. Если есть наследники или сам автор (у нас публикуют дневники и ныне живущие люди, даже дневники девяностых годов) — расшифрованный текст мы высылаем им и сокращаем то, что они считают правильным сократить. Мы, конечно, боремся за то, чтобы все оставить, но в конечном счете сокращаем, как нам говорят.

А если никого, ответственного за рукопись, нет, то начинаются некоторые сложности. Что касается дневников, условно «старых», тут нет проблем, мы публикуем все как есть. Если речь идет о дневниках, в которых упоминаются ныне живущие люди или есть то, что может травмировать третьи лица, приходится принимать сложные решения. Тематика сложных текстов — то, что связано с супружескими изменами, вообще интимной сферой и еще с подозрением кого-то в стукачестве. Хорошо, что пока все тексты, в которых эти сюжеты затрагиваются, относятся к текстам, о которых есть, кому позаботиться — или жив автор, или наследники.

К. М. Но в целом дневники — это же личный жанр, т. е. может быть, человек совершенно не рассчитывал, что это кто-то опубликует. Вы все равно действуете с холодной головой, или есть какая-то самоцензура?

М. М. Есть. Я закрыл по собственным вкусам один из дневников, очень эмоциональный, очень сложный. Нам его набрали, прислали, родственники были не против, но мне оказалось с этим текстом тяжело. Этот текст сейчас находится у нас в полузакрытом режиме — он есть на сайте, он участвует в поиске, но получить к нему полнотекстовый доступ нельзя. Мы называем это «корпусный режим». Это для нас, во-первых, способ решения вопросов, связанных с авторским правом, во-вторых, способ работы с текстами с высоким уровнем интимности и, в-третьих, самый комфортный способ взаимодействия с публикаторами. В этом режиме мы закрываем текст и никто не может получить к нему доступ, скопировать или прочитать. При этом текст участвует в поиске, и если в тексте есть, например, слово «шкаф», то читателю будут показываться только те записи, в которых оно встречается. Это очень комфортно для публикаторов: часто у них есть ограничения, договоры с издательствами, но на такое корпусное выкладывание они идут. Издательства даже отдают суперновинки, например первый том дневника Ольги Берггольц, вышедший пару месяцев назад. Таким же образом мы выложили тот «проблемный дневник». Скорее всего, мы будем идти по пути сокращения имен и увеличения уровня аноним-

ности для сложных текстов. Например, мы должны сделать режим, в котором тексты будут выдаваться по поисковому слову, будет страница автора, на которой указаны все его данные, но выдача в поисковой форме не будет никак с этой страницей соотноситься — вместо имени автора будут указаны просто его пол и возраст. Например, «1 сентября 1939 года, мужчина, 35 лет».

К. М. Я хочу задать тогда еще один вопрос, уже не касающийся дневников. Как вам кажется, чего сейчас не хватает исторической науке в России, каких исследований вы сами ждете?

М. М. Ух! Вы знаете, мне трудно судить за науку. На самом деле я очень с краю, я «офицер инженерных войск». Было бы большой амбицией судить о стратегии и тактике. Но в том поле, в котором я работаю, мне хочется большей открытости и изменений каких-то мозолящих мне глаза традиций. Я с большой симпатией наблюдаю работу борцов за архивный доступ — за право фотографирования в читальных залах, за доступ к делам людей, пострадавших от репрессий в годы советской власти. Я мечтаю о принципиальных изменениях в этой сфере, повышении уровня доступности материала, развитии архивных электронных справочных материалов.

В области исследовательской меня огорчает отсутствие представления о науке как об общем деле. В академической среде в меньшей степени развито стремление к коллаборации, чем мне бы хотелось. Люди, начинающая заниматься наукой, часто ста-

раются «держать собственную территорию». Человек садится на тему, достигает в ее изучении каких-то успехов и начинает придерживать коллег, которые занимаются чем-то схожим.

Задачей публикатора часто становится не введение в оборот источника, а удовлетворение собственных авторских амбиций в комментариях к этому источнику. Я удивлен тем, что до сих пор продолжается традиция «закомментирования» текста.

К. М. Людям важнее свою какую-то интерпретацию дать?

М. М. Да, в определенной мере это способ удовлетворения собственных амбиций. Мне хочется, чтобы информация была легкодоступна, мне кажется, в этом залог движения вперед. Мне хочется цифровать, выкладывать, делать доступ к информации максимально удобным. Того же я жду от коллег, в 95 % случаев я встречаю если не энтузиазм, то понимание и одобрение. Но те случаи, в которых я этого не нахожу, бывают довольно болезненными. Иногда человек запрещает нам выкладывать книгу, опубликованную лет десять назад региональным издательством, которая в Москве доступна лишь в одном экземпляре в Ленинской библиотеке... Он не хочет, чтобы дело его жизни было доступно в Интернете, потому что, по его мнению, это обесценит его работу. Но это очень хорошая публикация. Сталкиваясь с таким, я каждый раз немного унываю. Но мы придумываем максимально удобные и гибкие формы взаимодействия с исследова-

телями и публикаторами, при которых их заслуги, приоритет, договоренности с издательствами не подвергаются риску. Я стараюсь гасить в себе амбиции – мол, первопубли-

кация, сенсационный материал... Мы пришли надолго и лучше будем делать дело с меньшей для себя выгодой, но зато мы соберем рано или поздно все.

"THE PUBLIC IMPORTANCE OF WHAT WE DO IS EVEN MORE IMPORTANT TO ME THAN THE SCIENTIFIC ONE".

Interview with M. A. Melnichenko

Melnichenko Mikhail A. – historian, head of the project "Prozhito" (Moscow)

Key words: anecdote, diary, memory, personal memory, volunteers.

Abstract. In the interview, the historian Mikhail Melnichenko tells the story how the project "It was lived" appeared, an electronic archive of personal diaries. Mikhail Melnichenko also talks about his work on the compilation of the book "Soviet anecdote (index of plots)".

«МЫ ПОПРОБОВАЛИ ВЗЯТЬ ПРОШЛОЕ И ПЕРЕТАЩИТЬ ЕГО В НАСТОЯЩЕЕ».

Интервью с А. В. Борзенко

Ключевые слова: игра, революция, социальная сеть, «история будущего», «проект 1917», «карта истории», научная журналистика.

Аннотация. Журналист Андрей Борзенко рассказывает о просветительских проектах студии «История будущего». Первый посвящен столетней годовщине февральской и октябрьской революций («Проект 1917»). Второй – «Карта истории» – гипертекстовая игра.
DOI 10.31754/2409-6105-2018-3-376-384

Беседовал К. Ю. Морев

К. М. Как появилась идея «Проекта 1917»? Вы были в нем с самого начала или подключились, когда он уже существовал?

А. Б. Я последние пятнадцать лет работал журналистом в разных изданиях. Предыдущим моим местом работы был журнал «Коммерсант Weekend». Там я сделал два больших проекта, связанных с датами, с памятью и вообще с историей. Одним из них был проект «Частная память», который рассказывал о главных событиях советской истории за 60 лет – рассказывал, что называется, глазами участников. Вторым был «Календарь литературных преследований», который тоже строился по такому принципу – подбирались по календарю даты разных событий истории русской литературы

и ее отношений с российским и советским государством. То есть это был тип работы, который мне уже был знаком и интересен. А потом, в 2016 г., мой друг Миша Зыгарь рассказал, что есть идея проекта, связанного с историей, с public history. Мне это очень понравилось. У меня была своя работа, и я подключился к «1917» уже на стадии, близкой к запуску. Я не участвовал в подготовке всего контента с самого начала, но потом уже подключился и к придумыванию, и к подготовке контента как шеф-редактор.

К. М. Вы направляли работу всего проекта?

А. Б. Нет, это общая работа. Миша – главный редактор, вдохновитель и основатель. В том, что касается контента, я был своего рода его замом.

К. М. Когда вы начинали его делать, была ли конкретная цель, анализ целевой аудитории?

© Историческая Экспертиза, 2018

Борзенко Андрей Владимирович – журналист, шеф-редактор «Проекта 1917», «Карта истории» студии «История будущего» (Москва); andrey.borzenko@gmail.com

А. Б. Идея была в том, что это будет не академический проект, а исторический просветительский проект, который при этом делают работники медиа. При этом мы никаким образом не говорили, что мы занимаемся наукой. Хотелось сделать проект, который будет интересен многим, поэтому с самого начала была установка на то, что — с точки зрения продукта, дизайна, общей идеи — это должно быть понятно, условно, школьнику. Со временем я понял для себя, что, с одной стороны, этот проект — ключ к узнаванию истории для интересующихся, для новичков, а с другой — инструмент для посвященных, тех, кто так или иначе уже занимается историей, кому это может быть полезно по роду занятий.

Контента становилось все больше и больше. Изначально предполагалось, что будет примерно 250 героев, а в итоге их больше тысячи. Это огромная база информации. Какие-то источники опубликованы впервые. Еще часть до этого не была опубликована в Интернете, что тоже важно. Какие-то источники были переведены. Наконец, есть те, которые просто впервые расположены таким образом, что начинают просматриваться те или иные сюжеты. Для человека, который занимается проблематикой 1917 г., это достаточно удобно: можно вбить в поиск на нашем сайте какие-то слова, выставить даты и, возможно, найти много источников, которые в противном случае приходилось бы искать, просматривая тома литературы в библиотеке или в Интернете. Так что дополнительная научная составляющая стала нарастать сама собой.

К. М. Примерно так было с «Прожито», кстати...

А. Б. Безусловно, «Прожито» для нас было важной базой. В то же время понятно, что мы от них отличаемся, они изначально ставили целью собрать все, в этом плане они намного полнее. А для нас было очень важно, что у нас не только дневниковые записи, но и газеты, фотографии, письма, кинохроника, воспоминания, иногда даже стихи, связанные с этим временем.

Главный принцип был в том, чтобы создать картину каждого дня. А как для нас сегодня выглядит картина дня? Мы заходим в ленту соцсети и видим — с одной стороны коттики, с другой — новостное сообщение о некой трагедии, с третьей — нам пишут какие-то друзья о вещах, которые понятны только узкому кругу. Так вот, мы пытались за каждый день 1917 г. сформировать такую ображаемую ленту «Фейсбука» или «ВКонтакте».

К. М. Это была реконструкция реальности или, скорее, реконструкция памяти?

А. Б. Знаете, есть, как мне кажется, два способа работать с прошедшей реальностью. Есть то, что называется реконструкцией — мы надеваем на себя максимально правдоподобные костюмы — например, рыцарей или солдат Великой Отечественной войны. Мы пытаемся себя как-то погрузить в эти условия, приблизить, пережить то, что они переживали. Это симпатичный ход, но мне он не очень близок. Мне он кажется немного эскапистским: мы из наше-

го настоящего пытаемся уйти в прошлое. А с «1917» мы попробовали сделать обратную вещь: взять прошлое и перетащить его в настоящее. Мы взяли современные медиаформаты и использовали их, чтобы показать, что это прошлое не сокрыто от нас за какими-то непреодолимыми преградами, что можно попробовать увидеть его в привычных нам форматах, тем самым сделав так, чтобы оно стало для нас немного ближе. В этом смысле мне кажется очень важным, что человек, который играет в предложенный нами формат, может не только подумать: «Вот, я представил себе, что у каких-то исторических персонажей был “Фейсбук”», но и представить себе, что он сам, у которого сейчас есть «Фейсбук», — исторический персонаж, что он тоже активно принимает участие в истории, которая происходит сейчас. Для нас было любопытным и важным эффектом то, что люди начинали бесконечно переписываться с нашими персонажами. Я не могу даже сказать, сколько у нас было сообщений Григорию Распутину, которые предостерегали его, чтобы он не шел на ужин к Феликсу Юсупову. Понятно, что это шутка, но для нас это было хорошим показателем вовлеченности.

Проект был построен как социальная сеть, но, по сути, мы не были только социальной сетью, мы были медиа! Мы представляли себе: вот происходит какое-то событие. Как бы мы сейчас его освещали? Исходя из этого придумывались те или иные форматы. Например, Милюков произносит свою знаменитую речь «Глупость или измена»

в ноябре 1916 г. Мы представляли, что в этот момент кто-то там сидит и ведет прямую трансляцию, например, в «Твиттере», и самые яркие цитаты из этой речи в нее попадают. А потом происходит Февральская революция — и мы делаем уже полноценную онлайн-трансляцию. Когда случилась Октябрьская революция, трансляция стала еще более подробной. Если зайти на наш сайт, посмотреть, что было 6–8 ноября, то в эти дни сайт становится похож на какой-нибудь сайт CNN — бегущие строки, breaking news, специально записанные ролики, где ведущие сообщают последние новости. Причем это могли быть новости из студии, а могли быть с места событий.

Важно было понять — что нужно не упустить? С Февральской революцией мы делали так: была карта (причем просто современная Яндекс-карта, чтобы было понятно, что это происходит здесь и сейчас), и каждое событие мы помечали специальным пином на карте и строчкой, цитатой в ленте новостей. Мы понимали, что это, скорее всего, очень полезно для образовательных целей. Но в виде прямой трансляции это, может быть, работало хуже, чем мы хотели бы. Поэтому когда мы готовили спецпроект по Октябрьской революции, мы поняли, что там должны быть пульсирующие новости, что все должно выглядеть как суперинтенсивный новостной сайт, который целиком будет подчинен этой логике — и по дизайну, и по форматным решениям.

Знаете, когда мы сейчас смотрим какую-нибудь интернет-трансляцию,

например, на «Медузе»... Пока идет трансляция, появляются какие-то обновления. В таком же духе сделали мы. И мы получили очень много отзывов: люди сидели и следили за этими обновлениями, нажимали, подсаживались на эту привычную для нас модель. Ведь мы все время обновляем свои страницы в соцсетях, это то, к чему мы привыкли. Оказалось, что это работает, даже если обновления относятся к событиям, которые происходили сто лет назад.

Я упомянул «Медузу» — как раз наша онлайн-трансляция революции была целиком ретранслирована на «Медузе» в их привычном формате — и собрала огромный трафик. Это была аудитория «Медузы», т. е. люди, которые привыкли читать сегодняшние новости, не какая-то специально нами собранная аудитория — и она оказалась полностью готова это воспринимать, она была заинтересована. Мы остались довольны результатом. В итоге мы сделали полноценные подробные хроники этих дней, которые, конечно, мы выверяли по многочисленным источникам.

Здесь был интересный сплав работы исторической, научной и медийной. Как редактор я обязан проверить каждый факт и желательно сверить его как минимум по двум источникам. Это то, чем мы занимались, выверяя разные источники, которые рассказывают об этих событиях. Источников было много — понятно, что мы пытались не брать какой-то условный «Краткий курс истории ВКП(б)». Использовались источники дневниковые, вышед-

шие по горячим следам хроники, мемуарные источники, которые оставили наши герои.

К. М. Как существовал проект, как привлекались средства, была ли волонтерская работа?

А. Б. Мои коллеги привлекли некоторое количество денег на проект. Было сотрудничество с «Издательством Яндекса», в какой-то момент — со «Сбербанком». Было сотрудничество с «ВКонтакте». И главный для нас человек, без которого бы все это не состоялось — это Дмитрий Борисович Зимин. Сложно рассказывать, как эти деньги привлекались, это было до моего появления и без моего особого участия.

А по поводу существования самого проекта — у нас была постоянная редакция, порядка двадцати человек. Плюс у нас была развернута сеть внештатников. Волонтерской работы было довольно мало: наверно, если бы мы не были скованы с точки зрения времени, денег, форматов, мы бы попробовали развернуть эту историю как волонтерскую, но здесь всегда сложно рассчитывать, что все пойдет в рамках каких-то сроков. Еще мы прибегали к помощи исторических консультантов, ученых. Они помогали, подсказывали, кого важно не забыть, они же просматривали контент на предмет его адекватности. В этом плане очень помогли многие ученые: Кирилл Соловьев, Николай Богомолов, Роман Тименчик и еще некоторые важные для нас люди.

К. М. А «Яндекс» сразу был причастен к этому? Когда проект

запустился, «Яндекс» сразу его стал популяризировать?

А. Б. Да, мы, кажется, были первым проектом, с которого началась деятельность «Издательства Яндекса».

К. М. Но сам проект не задумывался как коммерческий?

А. Б. Нет, такой цели не было. «Проект 1917» стал первым проектом студии «История будущего», которая, собственно, сейчас существует уже как студия, как такое бюро по сборке просветительских исторических научно-популярных проектов. Если обобщать, они занимаются тем, что так или иначе рассказывают историю на языке новых медиа. Причем это могут быть новые медиа от веб-дока до сериала. Сейчас уже вышел проект «Музей рождения демократии», совсем скоро выйдет проект «1968», который посвящен 1968 г. и который совсем не такой, как «1917». Мне сложнее о нем рассказывать, т. к. я в нем мало занят, но это такой сериал для мобильных телефонов, он тоже целиком основан на подлинном историческом контенте и при этом упакован в формат нашего привычного смартфона. Идея в том, что вдруг в какой-то момент ваш смартфон начинают захватывать какие-то лица, кадры, события, сообщения из 1968 г. Это тоже должно быть очень интересно. Еще один крупный проект — «Карта истории»...

К. М. Да, я хотел о нем еще отдельно поговорить. А вообще в этих проектах участвуют одни и те же люди, или привлекаются новые?

А. Б. Скажем так, кто-то переходит в один проект, кто-то в другой. Одни перешли в «Карта истории», другие в «1968». Появляются новые люди. А студия «История будущего» объединяет все эти проекты. Это студия, которую придумал Миша Зыгарь вместе с Кареном Шаиняном, нашим генеральным директором.

К. М. «Проект 1917» был первым проектом этой студии?

А. Б. Да, он был первым.

К. М. Но сами вы не историк по образованию?

А. Б. Ну, я закончил историко-филологический факультет РГГУ по специальности «филология», т. е. историком я себя назвать не могу. Скорее, я историк литературы. Но мне кажется, что тут нет границы — навык работы с текстом или с визуальными источниками, навык факт-чека или навык придумывания — это то, что в равной степени нужно редактору журнала, общественно-политического сайта и человеку, который занимается public history.

К. М. У «Проекта 1917» был подзаголовок «Свободная история». Что он символизирует? Свободная от трактовок?

А. Б. Честно говоря, даже не знаю. «Свободная от трактовок» — это было достаточно важно. Но главная идея была — история, свободная от строгих канонов. Хотя когда я так говорю, это звучит так, как будто мы не следили за достовер-

ностью источников. Нет, скорее, свободная в смысле формата: речь о том, что нам ничто не мешало придумывать способы «упаковки» истории. При этом с занудством, достойным лучшего применения и требующим больших временных затрат, мы следили, чтобы ничего не перевернуть, не передернуть, не допустить предвзятого изложения истории. В то же время очевидно, что когда мы отбираем материал — даже если мы руководствуемся не идеологией, а соображениями читабельности, интересности, краткости, — понятно, что все-таки все равно отбор материала — это так или иначе некоторая предвзятость.

Это то, о чем говорил, например, Борис Иванович Колоницкий, который обращал внимание на то, что наши герои, как правило, представители привилегированных классов. Понятно, почему это так — просто потому, что именно они писали дневники, именно они в основном оставляли воспоминания. Были и другие герои. Например, у нас был такой крестьянин Замараев из Вологодской губернии, который вел дневник. Но он такой практически один. Наверное, можно было бы еще кого-то найти, но перед нами всегда возникал вопрос соотношения узнаваемости, медийности персонажа и его «новизны». Какого бы мы ни нашли неизвестного крестьянина, рабочего, студента, врача, все равно мы заинтересованы в том, чтобы нас читали как можно больше. Все эти чудесные люди, которые часто вызывают у нас самих намного больший интерес, не имеют никаких шансов конкурировать

в популярности с Николаем II, Григорием Распутиным, Мариной Цветаевой и Владимиром Лениным. Перед нами всегда стоял вопрос баланса — не забыть никого: не забыть дать популярных персонажей, но также найти персонажей малоизвестных. Например, в какой-то момент у нас появился такой доктор Василий Кравков, дневники которого опубликовало издательство «Вече» [речь идет об издании: Кравков В. П. Великая война без ретуши. Записки корпусного врача. М.: Вече, 2016.— *Прим. ред.*]. Это фантастический документ. Он военный врач, и он во время Первой мировой войны описывал все происходящее в подробных язвительных текстах, которые, как мало что, помогают понять то, что происходило в русской армии. Или, например, американский дипломат Оттелинг, или Хаттелинг (даже не знаю толком, как его правильно произносить), — мы перевели небольшие куски его дневника, которые он вел во время Февральской революции. Будучи какой-то мелкой сошкой на дипломатической службе, он однажды пришел с коллегами в Государственную думу поглазеть, и представители Временного правительства решили, что это американская делегация пришла признать Временное правительство. Их торжественно провели к начальству, он увидел какое-то знакомое лицо и бросился к нему: «Мистер Родзянко!» А тот: «Я не Родзянко, я Гучков». То есть про эти анекдотические ситуации, скорее всего, никто бы не узнал, если бы мы не могли — благодаря популярности других персонажей — использовать записи персонажей малоизвестных.

К. М. Расскажите, пожалуйста, немного о новом проекте «Карта истории».

А. Б. «Карта истории» — это такой игровой документальный сериал. Это попытка рассказать через биографии нескольких десятков людей историю России XX в. — начиная с Гражданской войны и заканчивая перестройкой. Мы решили попробовать что-то совсем новое. Мы исходим из того, что каждый человек в своей жизни совершает некоторое количество выборов, встает перед какими-то развилками. Мы решили организовать это как некий суперквест: мы частично рассказываем биографию тех или иных людей в виде кратких карточек с фото-, видео-, аудиоматериалом. В конце каждой карточки человек [играющий в игру] встает перед выбором, от которого зависят два ресурса. Один направлен на адаптацию к внешнему миру (самосохранение, карьера, влияние в партии), а другой — на внутренний мир человека, на какую-то внутреннюю целостность. Это то, что приближает нашу историческую игру к каким-то философским, этическим экспериментам.

Каждый из нас действительно постоянно делает выбор между тем, что комфортно и органично для него самого, и тем, что кажется правильным с точки зрения общественной рецепции. Нам было важно показать, что, с нашей точки зрения, нет никакой исторической предопределенности, исторической вынужденности. Не было такого, что в конкретный момент 1930-х гг. появилась историческая необ-

ходимость уничтожить несколько миллионов человек. Это не было неизбежностью. И наш проект — такая попытка предложить человеку представить себя на месте другого, на месте какого-то исторического деятеля. Это способ погрузиться в чужую биографию — то, что часто использует театр, кинематограф, компьютерные игры. Мы же сделали из этого текстовую игру.

Сейчас у нас идет второй сезон этой игры. Первый сезон был посвящен Гражданской войне, там персонажами были Горький, Коллонтай, графиня Панина. Во втором есть Николай Бухарин, Роберт Робинсон, Генрих Ягода. Все это мы сопроводили разнообразной инфографикой, которая, как мы надеемся, помогает понять контекст.

Время покажет, насколько это будет востребовано. Это совсем новый, непривычный формат, поэтому может быть какое-то сопротивление. Но когда это сложится и будет готово в полном объеме... Думаю, учись я в школе или в институте, я бы с радостью использовал в качестве дополнительного материала к занятиям по истории такую длинную и подробную игру, где собрано множество документов, свидетельств. И всегда, когда мы рассказываем какую-то историю, мы стараемся дать подробный контекст — не важно, история ли это безвестного солдата, который прошел немецкий плен и советский лагерь, или история уже знаменитого кинорежиссера Сергея Эйзенштейна, или история на тот момент никому не известно солдата Иннокентия Смоктуно-

вича, который позже станет Иннокентием Смоктуновским. Все эти грани довольно сложно вместить в такой краткий формат, но какие-то важные вещи, которые необходимо понимать про время, в котором наш герой оказался, мы пытаемся проговаривать.

Конечно, «Карта истории» — это вещь, которая от пользователя требует какого-то времени. Это не обычный тест в Интернете, который ты проходишь за пять минут, вывешиваешь свой результат и идешь дальше, забыв и об этом тесте, и о результате, и о том, что ты там прочитал. Это, с одной стороны, попытка заинтересовать через игру, а с другой — рассказать что-то неожиданное (что является, на мой взгляд, нормальной задачей для любого журналиста и популяризатора науки). И в то же время важно, чтобы возникало чувство сопричастности — причем не только прошлому, но и настоящему.

К. М. То есть это такое погружение через выбор, а игра — тот формат, который помогает это сделать? Нечто вроде интерактивного сериала??

А. Б. Да, именно интерактивным сериалом мы это и называем. Это не очень похоже на какие-то привычные формы, но мы экспериментируем, и это всегда интересно. Мне кажется, это намного интересней, чем монументальная патерналистская модель, которая в значительной степени присутствует в образовании, в учебниках. Вообще, есть вопрос, нужен ли не просто единый учебник истории, а ну-

жен ли вообще учебник истории. Это совершенно неочевидно: не в любой системе школьного образования вообще предусмотрены учебники. Думаю, вряд ли мы собой сейчас учебники заменим, но за все время нашей работы не было более важных для нас отзывов, чем отзывы преподавателей или школьников: «Наконец-то я стал понимать, о чем это!»

К. М. В этом и есть для вас показатель успеха проекта? Я просто как раз хотел спросить, есть ли для «Проекта 1917» или «Карты истории» понятие успешности или какой-то миссии? То есть можно ли сказать, что «миссия проекта выполнена, если...»?

А. Б. Ну, всегда есть показатели просто статистические. Мы видим, сколько народу нас читает, интересуются проектами, сколько возвращается. Есть какая-то обратная связь, есть отзывы, по которым мы можем судить, насколько получилось то, что мы делаем. И есть собственные ощущения — потому что если ты сам не получаешь удовольствия от того, что ты делаешь, то это явно не свидетельствует об успехе проекта. Конечно, в конечном счете для нас было бы успехом, если бы мы знали, что приложение «Карта истории» установило для себя, условно, сто тысяч человек. Но мы не стремимся заменить собой школьное образование или другие просветительские проекты, мы стремимся занять свою нишу и найти своего пользователя и делать какую-то работу, которая нам нравится.

К. М. Спасибо вам за интервью!

"WE TRIED TO TAKE THE PAST AND DRAG IT INTO THE PRESENT".

Interview with A. V. Borzenko

Borzenko Andrey V. – journalist, chief-editor of "Project 1917", "History Map" (Moscow)

Key words: game, revolution, social network, "history of the future", "project 1917", "map of history", scientific journalism.

Abstract. Journalist Andrei Borzenko talks about the educational projects of the "Story of the Future" studio. The first among them is dedicated to the centenary anniversary of the February and October revolutions ("Project 1917"). The second is the "Map of History" – a hypertext game.

«ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА — ПРЕЖДЕ ВСЕГО ЭКСПЕРТИЗА САМИХ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ И ПОНЯТИЙ».

ИНТЕРВЬЮ С В. Л. КАГАНСКИМ

Ключевые слова: географическая экспертиза, пространственные представления, места памяти, культурные ландшафты, культурные границы, цена модернизации.

Аннотация. Ученый-географ рассуждает о географических аспектах исторической и национальной памяти, о влиянии масштабных исторических процессов на географию страны, изменения природного и культурного ландшафта.

DOI 10.31754/2409-6105-2018-3-385-396

Владимир Леопольдович Каганский — географ, культуролог, путешественник; канд. географ. наук, старший научный сотрудник Института географии РАН, автор 350 ста-

тей и книг: «Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство» (М.: НЛЮ, 2001); «Как устроена Россия? Культурный ландшафт» (М.: Институт Стрелка, 2013) и др.

Беседовал С. Е. Эрлих

С. Э. Как вы стали географом?

© Историческая Экспертиза, 2018
Каганский Владимир Леопольдович — кандидат географических наук, старший научный сотрудник Института географии РАН (Москва); kaganskyw@mail.ru

В. К. В семье не было таких научных интересов. А слова «наука» и «география» я узнал от старого знакомого семьи Дмитрия Ивановича Яковлева, питерского геолога. Он принес мне большую кипу атласов, частью еще дореволюционных,

издательства «Маркс». В разговоре я спросил про карты, как же их читать, на что он ответил — карты читать не надо. Он посоветовал внимательно смотреть на карту, потом откладывать ее и думать о ней. Это было так же, как отец читал чертежи — глазами он не водил. Потом у меня была всякая научно-популярная литература в изобилии. Родители на это денег не жалели, покупали различные журналы — «Знание — сила» было семейным чтением, сотни брошюр общества «Знание». Геологические и географические олимпиады — побеждал. В 8-м классе в 1968 г. поступил в Школу юных географов географического факультета МГУ. Читал университетские учебники.

У меня был момент сомнений — не поступить ли на философский. Но замечательный учитель истории — Аида Давыдовна Виницкая (школа № 262) — отсоветовала поступать на философский, сказав, что с моей склонностью постоянно думать и задавать вопросы я там не продержусь. Я выбрал географический факультет МГУ. Писал у Б.Б. Родомана курсовую о географических (ландшафтных) границах — и продолжаю осмысливать проблему, достаточно общую¹.

Со временем возникла тема ландшафта. Мне заказали большую работу. И когда я начал думать о том,

¹ Когда-то открыл своей статьей первый в мире сборник: Географические границы. М.: Изд-во МГУ, 1982; недавно сделал тоже первый тематический номер: Границы и пограничность в культуре (URL: www.culturalresearch.ru/ru/archives/103-4-21-2015).

что такое ландшафт, то понял, что нужно разбираться заново, потому что наличные представления меня не удовлетворили. Это были 1980-е гг., отчетливо трещал Советский Союз. Съезд народных депутатов, телетрансляция, был момент — обсуждался вопрос о Конституционном суде. Вопрос стоял так: «Может ли Конституционный суд СССР отменить решение парламента союзной республики?»² И в этот момент показали картинку — мрачная вереница депутатов выходит из ложи. Голос диктора дрогнул, он оговорился: «Литовская “депутация” покидает зал». В этот момент я окончательно понял, что больше нет никакого Советского Союза — осень 1989 г. Литовская делегация была единственной, где коммунисты были в меньшинстве. Мне стало безумно интересно, я же представлял, как долго распадалась Римская империя. Никто тогда распад СССР научно не изучал. 31 декабря 1991 г. я опубликовал в «Независимой газете» статью «Анатомия советского пространства. Война и революция регионов». Я увлекся этим и на пересечении темы ландшафта и распада СССР вырастил представление о советском ландшафте.

Еще в 1989 г. месяц путешествовали с женой (германисткой, учившейся в Берлине) по ГДР. Там я осознал «чтение» культуры по ландшафту как прием. Было очень важно понять, увижу ли я то, что знаю из карт. Пойму ли, что мы покидаем Пруссию и это уже Саксония. А в 1990-х гг. я получил возможность охватить путешествиями Россию, правда, без Кавказа, поэтому, точнее — Северную Евразию. Я объез-

дил все природные зоны, изучил основные типы культурных ландшафтов, кроме высокогорий и островов Арктики. Сейчас я обозначаю свое возделываемое предметное поле вкратце так: «Теоретическая география и теория классификации. Ландшафт и культура России».

В последние годы я стал всерьез осмысливать свое отношение к истории. Полезны были контакты с археологами.

С.Э. Потому что они всегда работают с картами и мыслят категориями культур.

В.К. В свое время питерский археолог Г.С. Лебедев, раскопавший Старую Ладугу, и Л.С. Клейн говорили мне, что в состоянии сделать полную визуальную реконструкцию исторического ландшафта и представлять, в том числе и зрительно, как это менялось. У археологов, работающих на местах, острое чувство современности. В конце концов, география занимается тем же самым — мы по кускам и фрагментам реконструируем целое. Географию и археологию роднит телесность; мы много работаем с мусором в широком смысле; сейчас я обрабатываю дневник байкальского путешествия — там в ландшафте на чуде природы завалы антропогенного мусора, прежде всего застройки. Историки же часто зашоренные, ангажированные.

С.Э. Вы подняли очень важную проблему. А идея исторической и географической экспертизы может им помочь эти шоры снять? Что даст историку знакомство

с темами, которыми вы занимаетесь, — границы, культурные ландшафты и путешествия?

В.К. Вспоминается книга К.П. Космачева «Географическая экспертиза. Методологические аспекты», вышедшая в Новосибирске в 1981 г. Она несет отпечаток времени, когда история Сибири была историей ее русского освоения. Космачев долго занимался исторической географией сельского хозяйства Восточной Сибири. У историков и географов было одинаковое представление, что в суровых условиях природные ограничения регламентируют хозяйственную деятельность. В Сибири в это время уже была собственная ландшафтная школа. Если упростить, Космачев брал карту природных ландшафтов и смотрел: совпадает ли география старого сельского хозяйства с ландшафтной основой, приурочено ли сельское хозяйство к лучшим в природном отношении землям. Оказалось, не совпадает! Никто не оспаривает зависимости от природных условий, но представление о том, что сельское хозяйство просто копирует, воспроизводит природную дифференциацию, в данном случае не проходит.

Еще пример. О. Трапезникова, ландшафтовед-полевик, занимается исторической географией сельского хозяйства на материале европейской России. Она знает, что должны осваиваться лучшие земли, особенно на Севере. Однако эта стандартная модель не проходит. Чрезвычайно важен транспортный фактор. Осваивались не лучшие земли, но при прочих

равных — земли, ближайшие к селениям, и они становились лучшими. Раз они близко, то можно было вывозить навоз. И старое сельское хозяйство за счет большой дисперсности расселения — на Севере маленькие деревни — было успешно. Так был разрешен важный историко-географический парадокс. Почему на Севере была выше урожайность? За счет того, что поля были настолько близко, а деревни имели столько скота, сколько могли, и уровень внесения навоза был намного выше, чем на Юге. Кстати, на территории СССР до поры до времени самые высокие урожаи были в Калининградской области — за счет мелиорации, системы подземного дренажа, сложившейся за несколько столетий еще при немцах. Выше, чем на Кубани, хотя кубометр кубанского чернозема до сих пор в Париже — эталон природного плодородия. Правда, потом все это рухнуло. Это такие локальные сюжеты аграрной истории. В некотором смысле история России и есть история сельского хозяйства. А Север был богат. Я еще застал в 1970-е стариков из Карелии, Мурманска, и они говорили: «Раньше нам зимой из Швеции на оленях коньяк возили, табак, кофе и ножи». Тогда же на Русском Севере была торговая мера жемчуга — короб — 1 пуд (16 кг). Короб был из бересты, потому что специально обработанная береста очень долго держит его влажность. Эти технологии сейчас возрождаются. И оказывается, что ни в чем лучше, чем в бересте, до сих пор жемчуг хранить нельзя.

Есть старый тезис о том, что история всегда сплетена с географией.

Правда, географические и исторические понятия разные, основаны на разных интуициях и способах работы. Но понятия меняются. Географические навыки радикально иные... Историк работает с текстами, и для него проблема — координация, соотнесение, контаминация, генерализация многих текстов. А географы работают с пространством, обладают пространственной интуицией, которую они каким-то образом выражают, занимаясь составлением/чтением карт. География — это картографическая герменевтика ландшафта.

Что будет завтра — не знаю, потому что радикально изменились географические карты. Работа картографа напоминала работу хирурга, который не обсуждал критерии, по которым он ведет ножом, — просто резал. Соответственно, картограф просто вел линию рукой буквально. А сейчас нажимает на кнопки — геоинформационная система предлагает варианты, и остается только выбор. Задействованы разные отделы мозга. Поэтому смена поколений проходит резко. Увеличивается формальная точность, но в этих картах чего-то нет. Старая карта была представлением знаний. Сейчас же эта конфигурация точек — представление данных. Это совершенно другая ситуация. «Ручная» картография, когда линию укладываешь, согласуя с формой ландшафта, — уходящая субкультура...

Что вообще дает категория ландшафта, если работать с ней? Она дает нетривиальную оптику. В чем она состоит? Во-первых, это оптика сплошности. В любом месте есть

ландшафт, он дает информацию о том, как там происходили исторические события, он дает оптику связности пространств и представление о закономерности.

Историко-географ Рассказов делал нечто, что очевидно для крупного географа, а историка пугает. Мы говорим, что Пугачевское восстание проходило в Поволжье, считая, что в той реальности была некая осмысленная целостность «Поволжье». А была ли она? Наше современное представление о России предельно схематизированное. Кто-то когда-то выделил Восточную Сибирь и Западную Сибирь, в том числе по бассейнам рек, но историческая и культурная целостность этих гигантских массивов не выяснялась. П. П. Семенов-Тянь-Шанский «сделал» их экономическими районами. «Придумал» Поволжье. Это было понятно — по Волге пошли пароходы, росло товарное земледелие. Но это скорее штамп. Никаких вечных районов нет. Большую часть известной истории никаких больших реальных интегрированных районов вообще не было. Сибирь названа извне — это понятно, но вот была ли она регионом «для себя»? Это общее место истории и географии совершенно не проработано.

Возвращаясь к теме границ. Меня еще в школе удивляла карта в учебнике — «Русские княжества времен татаро-монгольского ига». Что мы видим? Закрашенные одним цветом княжества, между которыми есть слабые границы. А на юго-востоке — жирная линия, обозначенная в легенде (расшифровка условных зна-

ков) как граница русских княжеств. Когда я занимался границами, я посмотрел — здесь все непонятно. Границы княжеств между собой понятны. Хотя мы должны взять в расчет, что на местности ничего подобного не было, и все представление о государстве — четко обрубленные кусочки, четкие линейные границы — это только с XVIII в. Европы, да и то не везде, на севере Скандинавии этого не было. С кем граничили русские княжества? С Золотой ордой. Но они же были ее частью. Значит, границы быть не может. Это тот случай, когда географическая карта, имеющая статус документа, создает некую конструкцию. Была Золотая орда, русские платили дань (и не только русские), но была какая-то граница. По правилам картографии надо было рисовать империю Чингисхана, используя разные границы. Границы на западе были совершенно четкие. А где кончались границы на севере и были ли они?

С. Э. Другой пример. Когда на картах изображают Османскую империю, в нее включают Молдавию и Мунтению (Валахию), хотя они формально были независимыми государствами. У них были свои господа, получавшие, условно говоря, «ярлык» в Константинополе. Такая же схема была и в отношении русских князей. Видимо, включению русских княжеств на исторических картах в границы Золотой орды мешает национальная гордость.

В. К. Это так. А кроме того, вопрос о культурном статусе карты вообще не разработан. Я занимался этим

в работе о евразийстве². Евразийство оказалось созерцанием России на плохой грубой карте. Хотя среди евразийцев первой волны был Н.С. Трубецкой — глубокий основатель фонологии. Но как только дело доходило до семантики карт — мифология чистой воды. Я не могу сказать, что это была сознательная махинация, в отличие от современных евразийцев. Нет, это была просто неразличенность.

С.Э. Меняли под свою идеологию.

В.К. Во всяком случае, это не было сознательным обманом. Тут мы переходим к еще одному развороту. Последовательное рассмотрение таких конструкций, как евразийская, может выявить их статус. Речь не о разоблачении. Мы знаем, что эпоха мифологии никогда не кончалась. Энциклопедисты мечтали, что они ее отменяют, но сами породили новую «рациональную» мифологию. Масса мыслит мифологически — соответственно, запрос и спрос на мифотворцев. Но необходимо понимать статус мифов и отличать их от иных представлений. Для западного либерального дискурса сама проблематика евразийства казалась и остается бессмысленной. Хотя для России вопрос о единстве разнородных частей крайне существен. Для меня это вопрос о том, состоялся ли, виден ли сейчас в ландшафте синтез? Смесь? Конфликт? Понятно, что отчетливо византийское культурное влияние, северорусское, скандинавское, татаро-монгольское, китайское

² Евразийская мнимость // Россия как цивилизация: Устойчивое и изменчивое. М.: Наука, 2007. С. 531–590.

(через административную культуру татаро-монголов), европейское. Этот вопрос существен. А границы «Европы и Азии» — что это и какой статус они имеют? Это реальные границы? Этот сюжет проваливается, и в результате происходит еще большая методологическая поляризация, чем политическая, и соответственно — реальная проблематика ускользает.

Хочу вернуться к идее Космачева о том, что географическая экспертиза — это прежде всего экспертиза понятий. Был марксист, которому поручили заведовать экономической географией — Н.Н. Баранский. У него есть фраза: география занимается всем от геологии до идеологии. Я бы сказал, что коль скоро ландшафт есть все от геологии до мифологии и есть несколько способов представить это в виде разноцветных картинок на плоскости — то в этом и продуктивность. Любые ландшафты генерируют мифологию, а мифологии в свою очередь генерируют ландшафты.

С.Э. Это уже наработанная стратегия, создание брендов.

В.К. Да. Там есть уже конкуренция. Для меня было неожиданностью то, с какой скоростью эта мифология появляется, распространяется и перестает ощущаться как мифология, воспринимаясь как история. Не нужно объяснять, что такое «Золотое кольцо» — созданный для иностранцев советский туристический маршрут. Но сейчас большинство жителей этих мест — в основном моложе меня — уверены в том, что семантика такова — в России был

Золотой век: до Петра в украшении храмов использовалось много золота, технологии раскатки золота были ручные и край был очень богат, поэтому его называли Золотым кольцом. Название появилось на моих глазах! И оно уже в учебниках. Теперь также откроют Великий Устюг с Дедом Морозом. На моих глазах появилась сказка о маленьком озере Светлояр в Нижегородском Заволжье — примыслили град Китеж.

С.Э. То, что вы сейчас сказали, мы можем соотнести с понятием «места памяти», которое выработали во Франции. Есть подобный интересный пример с Иваном Сусаниным. О нем известно только из какой-то грамоты Алексея Михайловича, согласно которой его потомкам дали какие-то привилегии. Но в этом районе — это Костромская область — уже есть и изба, где он жил, и место, где его убили поляки, и т.д. Это создание бренда для развития туристического бизнеса. В этом смысле география с историей тоже соединяются.

В.К. Соединяются, причем довольно прискорбно. Сейчас ведется застройка Новой Москвы и есть целое подразделение, которое сочиняет такого рода байки, хорошо оплачиваемые инвесторами, для создания этим местам какой-то истории и географии. Это просто мошенничество.

С.Э. С этим бороться невозможно. Это неотъемлемая часть культуры.

В.К. Да, но мы должны отчетливо понимать, что существует массовое

мифологическое сознание, и оно все время хочет «переварить» эти научные представления — а они не должны перевариваться в принципе. Они должны сохранять независимое содержание и независимый статус в культуре.

Жалею, что в России не было такой рецепции Аристотеля, как на христианском Западе. Я когда-то написал небольшую работу о византийском наследстве в ландшафте, и мне кажется, что я усмотрел предельный реализм в философском смысле, а именно высшую реальность общих категорий и выражающих их мест при полном пренебрежении повседневным, обыденным пространством. Именно то, что мы и наблюдаем на всех уровнях нашего пространства. Мой старший коллега Л. Смирнягин говорил, что за порогом квартиры начинался Советский Союз, т.е. в другом смысле — за порогом храма начинается помойка. Очень невыраженная зона повседневности. Можно сказать, что нет никакого среднего между раем и адом в ландшафте. Это, конечно, сильная спекуляция. Я мог предположить это теоретически, но когда ты видишь, что нет переходных зон: в убогой пятиэтажке сделан евроремонт и очень дорогие бутики, люди и автомобили, но в метре за углом играет шпана, валяются человеческие и собачьи фекалии — и нет ничего среднего. У нас есть какие-то централизованные очень маленькие локусы «цивилизованной жизни» — вот как здесь, в этом вольготном городском пространстве в Замоскворечье. Но в таком состоянии находится самое большее одна сотысячная территории РФ. Это тоже исторический

и географический подход. Я читаю ландшафт по культуре, иногда использую и карты. Пока господствующее представление о культуре у нас историческое, но на моих глазах проходит весь этот пространственный поворот.

С.Э. Историки много занимаются путешествиями. Расскажите, что они должны учитывать, на что обращать внимание в своих исследованиях этой темы?

В.К. В 2000 г. мы проводили в Петербурге конференцию «Мир путешествий». Существует много способов осмысленного перемещения по земной поверхности. Есть паломничество, разное в разных культурах, оно лично необратимо. Есть научная экспедиция по сбору данных как метод исследования. Туризм стремится туда, где приятнее, хотя это приятное варьирует. Мотивом путешествия является жажда познания — постижение. В этом смысле для путешествия годится любая территория. В том числе крайне опасная, а еще и дискомфортная. При этом поток знаний и связанных с ними постижений не вполне контролируется жестко нормативной рефлексией — человек не может полностью понять, что именно он видит. Путешествие — это движение в трех пространствах: в пространстве некоего знания, в разнообразии ландшафта (и ландшафт переживается как разнообразие) и в пространстве собственных личных и эмоциональных состояний, оно приводит к личностным изменениям. Научная экспедиция предполагает закрытое меню вопросов и ответов, закрытый, даже если

большой, набор интерпретаций. А в путешествии он открыт. Хотя и туризмом, и паломничеством можно воспользоваться, чтобы совершить путешествие.

Можем ли мы что-то узнать о существующей культуре, идеологии и ценностях без письменных источников? Если ты стал на тропу и по ней правильно идешь, ты рано или поздно попадешь в Москву. Это моноцентричное пространство с доминирующим направлением «центр — периферия». И это можно наблюдать разными способами. Есть территории, где что-то подерживается наперекор законам природы. Например, голубые ели в центре Москвы, которые не растут, а заменяются каждый год. Бывая в Прибалтике, я погружался в иное пространство, например в Эстонию в полицентричное — Тарту и Таллин. Бывает ощущение невероятной стереотипности — уже не типичности, а одинаковости разных мест. В разных городах от вокзала идет главная улица Ленина или Советская, там будет памятник, горком, а рядом главная гостиница. Метафора для советского пространства — для него хватает одной-единственной карты, настолько все стереотипно. А с другой стороны, встречается экзотика, вызывающие культурный шок досоветские культурные различия. Это интересно, потому что Россию — о чем и мечтал К. Победоносцев — почти на век заморозили, правда, большевики. Но вот вынули из холодильника — стало таять и восстанавливаться до революционного. Хотя как это можно измерить путем экспедиционно-го исследования, я не знаю.

Путешествие — это еще и взаимодействие с представителями других социальных слоев. Это эффект совершенного остранения. Когда встаешь в 4 утра, взаимодействуешь с другими людьми, ведешь ролевую игру, потому что нельзя сказать: «Знаете, я тут приехал из Москвы и буду вас исследовать». Помню в 1990-е гг. в Смоленской области общался с населением, к которому перед этим приезжали молодые люди из Москвы, говорили на непонятном языке и спрашивали: «Когда вы в последний раз покупали микроволновую печь?» А у жителей в деревне денег наличных нет, они вообще не знали, как выглядят тогдашние деньги. Между ролевой игрой и ложью тонкая, но четкая грань. При этом еще огромный массив представлений, которые не ложатся на ландшафт, но если человек с тобой хочет поговорить, то он хочет поговорить еще и о том, что важно ему. Это тоже дает очень много интересного и реальное впечатление, особенно если тщательно настраивать себя, как музыкальный инструмент.

С.Э. Как отразились последние 100 лет нашей истории на географии нашей страны?

В.К. Недавно я нашел цитату В. Белинского: «Великороссия, Малороссия, Белоруссия, Новороссия, Финляндия, остзейские губернии, Крым, Кавказ, Сибирь — все это целые миры, оригинальные и по климату, и по природе, и по языкам и наречиям, и по нравам и обычаям...» (Вступление к «Физиологии Петербурга»). Характерный перечень, в ряду с Великороссией еще

много чего... До революции культурное сознание довольно четко различало Российскую империю и Россию, было немало литературы типа «Россия и Кавказ», «Россия и Сибирь». Понятно, что Кавказ и сейчас особенно специфичен.

После 1917 г. очень активно действовала власть, при этом закономерности ландшафта оказывались неподвластны государству. На протяжении советских десятилетий ставилось две задачи: остановить рост столиц и сдвинуть «производительные силы» на Восток. Не удалось. Начальников стреляли, но все равно не удалось. И не потому, что мало стреляли, а потому что есть определенные закономерности. При этом сдвиг производительных сил удалось осуществить символически, путем сооружения крупных значимых объектов вроде Братской ГЭС. Но если заниматься размещением реального производства, то рост военно-машиностроительных заводов и модернизация производства в общем перевешивает «сдвиг на Восток». Мы не можем опираться на советскую статистику, она была недостоверной, ибо имела совсем другие цели. Но определенные закономерности видны, например несоответствие роста больших городов — прежде всего столиц: Москвы и Ленинграда. А при изучении закономерностей развития транспортных систем не обнаруживалось никакой советской специфики, вопреки доктринам — никакой планомерности. Проекты, которые противоречили логике ландшафта, не удавались. И как только власть перестала тереть пространство, имеющее свои закономерности

независимо от власти, — теребить сменой административного деления и систем управления, террором — начался вполне закономерный процесс, приведший к развалу СССР. Почему газон не зарастает деревьями? Потому что его все время стригут. Когда поля перестают обрабатывать, они зарастают лесом. Это тоже о взаимодействии географии и истории.

Многие процессы сильной трансформации дореволюционного пространства были прерваны. Некоторые из них возобновились, некоторые нет. Например, Россия пережила железнодорожное строительство, стоимость перевозок настолько упала, что натуральное сельское хозяйство стало обесмысливаться. И территории к северу от Оки — то, что называли нечерноземной зоной, — стали утрачивать свое сельское население (и до революции там сельское хозяйство сохранялось лишь за счет дополнения промыслами и отходничества, оно, кстати, опять пошло). В советское время было велено всюду насаждать сельское хозяйство, хотя экономически это было бессмысленно. В нечерноземной зоне оно насаждалось искусственно и не выдерживало конкуренции в силу климатических причин. Специалисты это понимали. Тренд упадка поддерживали мелиорацией. Но поддержка прекратилась — рухнула инфраструктура, рухнуло расселение. К северу от Оки пахотные территории сократились вчетверо. Огромная территория зарастает молодым лесом. Она уже возвращается не к дореволюционному состоянию, а к состоянию тысячелетней дав-

ности. И трудно понять, какие там будут леса, потому что на севере идет потепление. Это и культурная утрата. Ведь и в советское время там была освоенная территория, инфраструктура — и был довольно разнообразный пейзаж. След в ландшафте. Сейчас это монотонные молодые, в основном лиственные леса «мусорного» облика. Недалеко от суперагломерации — чудовищный контраст. Уже идет новый процесс — начинают забрасываться поля в лесостепи на черноземах — Саратов, Ульяновск, Воронеж. Как только снизился уровень насилия над людьми и землями, возобновились эти процессы. И начался эффект плотины — прорвало. Забрасывание периферии. Зоны запустения в самом сердце страны. Уже нет и дорог. Население бежит, жилье нельзя продать, его просто бросают. То же происходит на Дальнем Востоке, в Сибири. Переместили население, поддержали, а как только это закончилось, не удержали. Рухнуло сельское хозяйство там, где оно было искусственным, — рухнули и академгородки, существовавшие за счет накачки ресурсов, создания привилегий, они ветшают, когда это происходит против природы как сущности.

И наконец, дороги. Природные зоны и реки создавали рисунок ландшафта Старой России. Природный ландшафт трансформировался в культурный. На Севере это было выборочным освоением, было очень много дерева и земли, поэтому создавалось особое хозяйство. И освоенные территории соответствовали природным условиям. Основная цепочка русских городов,

помимо столиц, была на Волге. Население страны было гораздо более равномерным. В городах жило 15 % населения. На Юге — почти сплошное освоение, зерновое хозяйство. Сейчас судьба этой территории зависит от цены на нефть и газ. Главное, что влияет на постсоветский ландшафт, — не региональная политика, не инвестиции, а цены на экспортные ресурсы. И еще зависимость от степени закрытости границ — если представить себе полную автаркию, то будет некоторое вторичное освоение территории. Возделывать участки, сажать картошку.

В досоветское время пространство на всех уровнях было более полицентричным. Роль крупных монастырей в формировании ландшафта. Ярмарки — сколько сделок заключалось на Нижегородской, это было место принятия хозяйственных решений. Крупные помещичьи усадьбы — это были и учебные, и хозяйственные центры. Реальная полицентричность территории в соответствии с более равномерным расселением давала более насыщенную смыслом ткань ландшафта. К 1913 г. — сильные горизонтальные связи в сельском ландшафте, бурное развитие кооперации. В советское время связи стали более вертикальные, статусные и властные. Это сохраняется и сейчас. Центр вертикали — Москва, огромный финансовый пузырь. Никогда еще в России, даже и в советское время, властный статус не генерировал такого преобразования ландшафта в одном месте. В первом приближении страна делится на две части — на Москву и то, что мои студенты в Высшей

школе экономики называли термином «заМКАДье». Когда в Москве сильный ливень и трудно подойти через лужи к банкам — это сказывается на банковских операциях по всей России. Такой поляризации до революции не было. Да, где-нибудь в Польше между крупными городами мы видим тоже ушедшее сельское хозяйство. Но не руины, потому что у местности растет экологическая функция, культурная, туризм и т.д. У нас же уход производства привел к тотальному разрушению ландшафта.

С.Э. Французы могут сказать о революции и Робеспьере, якобинском терроре: все-таки итогом был Кодекс Наполеона. У нас сторонники «красного проекта», не только сталинисты, согласны, что все было чрезвычайно жестоко. Но это была, утверждают они, цена ускоренной модернизации и культурной революции. Согласно картине, нарисованной вами, оказывается, что все эти жертвы были напрасны.

В.К. Пусть французы сами разбираются с ситуацией, когда четверть взрослых мужчин погибла в войнах и революциях с 1789 по 1815 г. Дело в том, что концепция модернизации вообще не проходит, потому что она исходит из идеи одностороннего «прогресса». В условиях, когда большевиками была введена почти кастовая структура, пространство стало закрытым, ученые, все до единого выученные либо старой русской профессурой, либо иностранцами, создавали очень небольшое число военно-технических изделий, подпитываясь самой

эффективной разведкой в мире, — считать это модернизацией я не могу. *Но если рассуждать не количественно, а говорить о ценности человеческой жизни, ландшафта, культуры, науки — то, безусловно, столетие было хуже и страшнее, чем просто потерянное.* В старой России при всей бедности и всех проблемах был сектор, способный к развитию в довольно

свободном полицентричном динамичном пространстве, культурном ландшафте на подъеме. И там, где ему дали развиваться или создали искусственные стимулы, он развился. Я не вижу ничего того, что могло бы оправдать не то что такие жертвы и страдания, а даже в тысячу раз меньшие.

"GEOGRAPHICAL EXPERTISE IS, FIRST OF ALL, AN EXAMINATION OF SPATIAL REPRESENTATIONS AND CONCEPTS AS SUCH".

Interview with V. L. Kagansky

Kagansky Vladimir L. — candidate of geographical sciences, senior research fellow, Institute of geography, RAS (Moscow)

Key words: geographical expertise, spatial representations, places of memory, cultural landscapes, cultural boundaries, the price of modernization.

Abstract. The expert in geography argues on the geographical aspects of historical and national memory, on the impact of large-scale historical processes on a country's geography, changes in the natural and cultural landscape.

Полная версия интервью размещена на сайте журнала https://istorex.ru/page/kaganskiy_vl_geograficheskaya_ekspertiza__prezhde_vsego_ekspertiza_samikh_prostranstvennikh_predstavleniy_i_ponyatiy

«Я РУССКИЙ ЧЕЛОВЕК, НО НЕ РУССКИЙ НАЦИОНАЛИСТ».

Интервью с С. С. Беляковым

Ключевые слова: национализм, национальная идентичность, этническая история, национальное самосознание, конструирование нации, история Украины.

Аннотация. Историк и писатель из Екатеринбурга высказывает свою точку зрения по ряду ключевых проблем формирования национальной идентичности.

DOI 10.31754/2409-6105-2018-3-397-402

Сергей Станиславович Беляков, кандидат исторических наук, автор книг: «Усташи: между фашизмом и этническим национализмом» (Издательство Екатеринбургского

университета, 2009), «Гумилев сын Гумилева» (Астрель, 2012) и «Тень Мазепы: Украинская нация в эпоху Гоголя» (АСТ, 2016)

Беседовал С. Е. Эрлих

С.Э. Расскажите о своей научной карьере. Почему вы решили стать историком? Кто были ваши учителя?

С.Б. Интерес к истории у меня с детства, полагаю, что от природы. Еще в младших классах школы любимым чтением у меня стала «Ис-

тория государства Российского» Николая Михайловича Карамзина. А лет в пятнадцать я впервые увидел записанные на пленку лекции Льва Николаевича Гумилева, после чего стал покупать все его книги.

Были у меня интересные учителя и в Уральском госуниверситете, где я получил диплом историка и защитил кандидатскую диссертацию. Благодаря лекциям Нелли Федоровны Шилок, преподававшей

© Историческая Экспертиза, 2018

Беляков Сергей Станиславович – кандидат исторических наук, зам. главного редактора журнала «Урал» (Екатеринбург); sbejakov@mail.ru

историю Древнего Востока, я не только стал лучше понимать особенности развития шумерских общин-государств, но и со временем оценил взгляды Игоря Яковлевича Фроянова на общественный строй домонгольской Руси. У Юрия Сергеевича Кирьякова я занимался балканистикой, Владимир Алексеевич Бабинцев, переводивший Ле Гоффа, Шоню, Ле Руа Ладюри, привил интерес к работам выдающихся историков школы «Анналов».

С. Э. Вы — профессиональный историк, работаете заместителем главного редактора литературного журнала «Урал». Ваши книги снабжены научным аппаратом. В то же время они написаны несвойственным большинству историков замечательным литературным слогом. Более того, ваше биографическое исследование о Льве Гумилеве можно одновременно считать и художественным произведением. Как вам удается сочетать несочетаемое: перерабатывать впечатляющий массив источников в захватывающее, как принято говорить, чтиво?

С. Б. Клио, как известно, была музой, так что ничего удивительного здесь нет. Такова уж специфика гуманитарного знания. История находится на границе изящной словесности и науки. Многие историки, к сожалению, не хотят этого замечать, а потому пишут скучно. Когда я работаю над книгой или статьей и вижу, что у меня не получается писать увлекательно, то понимаю: работа не удалась. Даже если оригинальна постановка вопроса и безупречна аргументация.

С. Э. Ваша диссертация и все три ваши книги посвящены этнической проблематике. Чем вызван интерес к этой теме? Считаете ли вы себя русским националистом?

С. Б. А почему физику интересны протоны и позитроны, биологу — ДНК и РНК? Для меня этническая проблематика не только актуальна, она очень увлекательна, как увлекательна сама историческая наука. Я русский человек, но не русский националист, хотя иногда печатаюсь в очень интересном журнале «Вопросы национализма». Среди моих знакомых националисты есть. В последнее время их стало даже очень много, потому что, как это часто бывает во время войны или военно-политического кризиса, у многих обострились национальные чувства. Смотришь на людей и диву даешься, как даже кандидаты и доктора наук (исторических и филологических) начинают или нести ахинею, или говорить вещи чудовищные, которых от них и не ожидал прежде.

На мой взгляд, националист — это человек, который сделал нацию высшей ценностью в жизни. Некоторые с таким мировоззрением живут всю жизнь, у большинства национализм (но не национальная идентичность!) ситуативен.

Был такой югославский политический деятель Влатко Мачек, он руководил Хорватской крестьянской партией, националистической, но умеренной. Когда немцы вошли в Загреб в апреле 1941-го, то ему предложили возглавить правительство Хорватии. Он отказался. Позд-

нее Мачека отправили в созданный усташами (радикальными хорватскими националистами) концлагерь Ясеновац. Это был страшный лагерь, почти такой же страшный, как Треблинка. Однажды Мачек обратил внимание на охранника-усташа, который каждый вечер усердно молился. Мачек спросил усташа, неужели тот думает, что Господь простит ему все чудовищные злодеяния? Усташ ответил (воспроизвожу ответ по памяти, так как книги под рукой нет): «Конечно, я знаю, что за свои преступления буду гореть в аду, но, по крайней мере, я буду гореть за Хорватию!» Наверное, этот усташ был эталоном националиста.

С.Э. В СССР термин «национальность» выступал синонимом «этничности». Различаете ли вы эти понятия? Если да, то в чем усматриваете разницу?

С.Б. Эти понятия могут быть синонимами, они и остаются синонимами в обыденном сознании. На мой взгляд, спорить нужно не о словах, но о явлениях. Есть форма идентичности, которую можно назвать этнической, можно назвать национальной. Именно эта форма идентичности мне более всего интересна, вне зависимости от того, каким словом ее обозначить. А есть совершенно другое явление, имеющее другую природу, — гражданская нация (совокупность граждан одного государства, или, что точнее, бессословное общество, ставшее в Новое время источником легитимной власти). Гражданская нация соотносится с нацией этнической, как длина с массой. Это понятия разных систем отсчета. Фундаментальна,

конечно, этническая (этнонациональная) идентичность.

С.Э. Вы критикуете «конструктивистов», которые считают, что синтез политики и этничности в форме «государства-нации» был осуществлен преимущественно в XIX в., прежде всего, усилиями «интеллигенции». Причем у «конструкторов» наций из разъединенных (немцы, итальянцы) и лишенных политического суверенитета (поляки, чехи, украинцы) этносов одержимость «этнической чистотой» была гипертрофирована. В книге «Тень Мазепы» вы приводите множество примеров, что по меньшей мере с XVII в. жители сегодняшней Украины часто называли себя «руськими», но отличали себя от «москалей». Это бесспорно. Полтавский крестьянин действительно видел чужака в «москале», «жиде» и «ляхе». Но из этого вовсе не следует, что он считал «своим», скажем, крестьянина галицийского. И как он мог произвести это отождествление, если до начала XX в. у предков нынешних украинцев не было единого этнического обозначения? По отношению к западным соседям они выступали «русинами», а в контактах со «старшим братом» отзывались на множество имен: «черкасы», «малороссы», «хохлы» и т.д. Среди славянских этнонимов «украинец» — один из самых «свежих». Возможно, круг «своих» у тогдашних крестьян был более «локальным», чем мы можем представить сегодня? Не модернизируем ли мы прошлое, проецируя туда единое этническое самосознание современных украинцев?

С.Б. В самом деле, осовременить прошлое — большая ошибка, соблазн, которому человек вольно или невольно поддается. Поэтому надо стараться следовать за источником, внимательно читать документы, мемуары, стараясь на их основе воссоздать картину. Пожалуй, распространенная ошибка интеллектуала — это приписать миллионам простых людей абстрактные обобщения, которыми они не оперировали. Можно быть русским (украинцем, японцем и т. д.), но не обязательно осознавать свою связь с миллионами соотечественников. Еще Отто Бауэр писал: «Разве в самом деле все члены нации сознают свою взаимную связь? Разве только тот является немцем, который понял свою принадлежность к немецкой нации? <...> Немец, знающий только немцев, слышавший только о немцах, не может сознавать своего отличия от других национальностей, стало быть, и своего сходства со своими товарищами по нации <...> он лишен национального сознания. Но <...> именно он может быть немцем с ног до головы».

Зачем полтавчанину «вообразать» (привет Бенедикту Андерсону!) свое сходство, скажем, с жителем украинского Полесья или с тем же галичанином? Ему некогда задумываться над такими абстрактными вещами. Важно узнать другое: при встрече признает ли полтавчанин своего в полещуке или галичанине? Поможет ли при борьбе с врагом, как своему? В 1768 г. русский генерал-губернатор с беспокойством писал, что малороссияне, жители Левобережья, рвутся на помощь гайдамакам, поднявшим восстание

на правом (в то время — польском) берегу Днепра. Значит, признали в гайдамаках своих и шли воевать на их стороне. Запорожцы, которые жили у себя в довольстве и наслаждались свободой, отправились помогать своим братьям на польскую Украину.

Кстати, и сами образованные украинцы, и русские путешественники (Долгорукий, Погодин, Иван Аксаков, Левшин), бесспорно, считали украинцев/малороссиян из разных областей Украины одним народом, хотя и замечали региональные различия. Но эти различия не мешали этническому единству. Великороссы из разных губерний тоже отличались друг от друга. Именно с Галицией сложнее. Эта земля долго была оторвана от Надднепрянской Украины, что не могло не сказаться на стереотипе поведения народа. С одной стороны, этнограф Платон Лукашевич писал, что в Галиции крестьяне стараются быть даже большими украинцами, чем жители большой (российской тогда) Украины. Если парень хочет понравиться девушке, то называет себя козаком. Стихи Шевченко сразу стали в Галиции очень популярны. В Галицию ехали украинские интеллектуалы, чтобы печататься на родном языке. С другой стороны, трения, возможно, не на этническом, но на субэтническом уровне, были. Как-то Леся Украинка (ее мать полтавчанка, отец с Черниговщины, а выросла Леся на Волини) спросила одного волинского мужика, нравятся ли тому галичане. Мужик сказал, что нет, не нравятся. Поэтесса очень огорчилась и стала доказывать, что они с галичанами один народ и должны дружить.

С.Э. Ваша концепция этнического размежевания русских и украинцев имеет оттенок фатализма. Русские, попавшие под власть Литвы и затем Речи Посполитой, настолько изменились по сравнению с соотечественниками, попавшими под власть Орды, что их этническая реинтеграция даже в рамках одного государства была невозможна. Но есть еще одна часть бывшей Литовской Руси, которая попала в состав Российской империи на век позже Украины — это Белоруссия. Даже после распада СССР Белоруссия интегрирована с Россией в так называемое «союзное государство». Этот факт можно считать политической флуктуацией. А вот практически полное исчезновение белорусского языка, в том числе обучения на этом языке — это уже «тренд». Получается, что перевод различий с этнического уровня на субэтнический возможен. Еще более показателен пример Франции. Даже в XIX в. значительная часть ее жителей говорила на бретонском, гасконском, провансальском и других языках. Сегодня же провансаль — это преимущественно сорт майонеза. Может, следует допустить, что Украина радикально отмежевалась от России во многом благодаря субъективным факторам? В том числе благодаря гению Гоголя, который создал Украину для русских, и Шевченко, который создал ее для украинцев?

С.Б. Да, я с вами согласен. Переход этноса на субэтнический уровень возможен, такое не раз случалось в истории. Кстати, сам термин

«субэтнос» ввел в научный оборот Л.Н. Гумилев. Лев Николаевич называл такой процесс «упрощением этнической структуры». Различия становятся все меньше, и один этнос превращается в региональный вариант другого этноса. Пример с бретонцами и провансальцами очень удачен. Впрочем, возможен и обратный процесс, когда субэтнос развивается в отдельный этнос, как это случилось некогда с донскими казаками. Еще в XVII в. это был только субэтнос русского этноса. Сами казаки, если вспомнить хотя бы «Повесть об Азовском осажденном сидении», считали себя одним народом с русскими из царства Московского. Но в XIX в. положение дел изменилось. Донцы героически сражались в 1812 г., но даже их выговор уже настолько отличался от великорусского, что русские мужики, случалось, нападали на них, приняв за отряд разноплеменной армии Наполеона. И от русских казаки себя уже отделяли, по крайней мере до своего поражения в Гражданской войне.

Могли ли украинцы стать субэтносом русского этноса? Вероятно, но этому мешали многие обстоятельства. И их многочисленность, и наличие хорошо развитой народной культуры и, что самое главное, особой исторической памяти, которая поддерживалась из поколения в поколение рассказами стариков, песнями кобзарей о славном прошлом — устной народной традицией, значение которой нельзя недооценивать. Создал ли Шевченко Украину для украинцев? Нет, это слишком сказано, хотя влияние его стихов на судьбу народа в самом деле

огромное. Но надо понять и причину успеха его «Кобзаря». От чего зависит успех книги? Я все-таки много лет был литературным критиком. Подлинный успех приходит к тому, кто сказал другим еще не сказанное, но желаемое. Первый произнес то, о чем другие только думают или догадываются. И когда многие только мечтали, чтобы украинский стал языком высокой поэзии, пришел поэт и подарил народу книгу гениальных стихов, доказав, что украинец ни в чем не уступает другим народам, что на мове можно не только народные песни петь.

С.Э. Угрозы современного мира, прежде всего ядерная и экологическая, не могут быть устранены в рамках государств-наций эпохи модерна. Этнический эгоизм — одно из главных субъективных препятствий для согласованных действий человечества по преодолению этих угроз. Считаете ли вы, что этничность из перво-степенной сегодня формы идентичности может быть переведена на уровень милой биографической подробности? Если полагае-

те, что это возможно, то каковы должны быть наши действия?

С.Б. Посмотрите, что делается вокруг! На мой взгляд, как раз все наоборот! Этничность побеждает, она торжествует, порой разрывая границы. Плохо это или хорошо, другой вопрос, но такова реальность, с которой мы должны считаться. Посмотрите, сколько за последние четверть века появилось в Европе новых государств. Все чаще говорят о распаде Евросоюза, который еще недавно казался многим государством будущего.

Этническая идентичность — одна из важнейших, фундаментальных идентичностей, присущих человеку, и я не могу представить время, когда она исчезнет. Возможно, этнический эгоизм в самом деле препятствует развитию и даже безопасности человечества, но от него все равно не избавиться, такова жизнь... Другое дело, что и национальные государства могут кооперироваться, договариваться друг с другом. Но это уже область международной политики, а я политикой не занимаюсь.

"I AM A RUSSIAN, BUT NOT A RUSSIAN NATIONALIST".

Interview with S. S. Belyakov

Belyakov Serey S. — candidate of historical sciences, deputy editor of the journal "Ural" (Ekaterinburg)

Key words: nationalism, national identity, ethnic history, national identity, the construction of the nation, the history of Ukraine.

Abstract. The historian and writer from Yekaterinburg expresses his point of view on a number of key problems in the formation of national identity.

«НУЖНО ПИСАТЬ СЕРЬЕЗНУЮ ИСТОРИЮ 90-Х».

Интервью с Г. А. Сатаровым

Ключевые слова: Ельцин, эпоха Ельцина, современная история, политическая экспертиза, общественное мнение, методы точных наук в гуманитарном знании.

Аннотация. Известный политолог, социолог и публицист, обладающий непосредственным опытом работы в государственных структурах в 1990-е гг., вспоминает эпоху Ельцина и рассказывает о проекте по написанию ее истории.

DOI 10.31754/2409-6105-2018-3-403-411

Беседовал С. Е. Эрлих

С. Э. Почему вы выбрали гуманитарную сферу? Где вы учились, кто были ваши учителя?

Г. С. После 7-го класса я учился в Театрально-художественном техническом училище. Это такая была смесь гуманитарного и негуманитарного образования, моя специальность называлась «художник по свету для театра и киностудий». У нас была довольно приличная гуманитарная компонента, очень хорошие учителя. И была замечательная учительница истории. Я увлекался в то время математикой и физикой, но и история меня тоже очень затянула. В общем, на всю жизнь.

Я очень много читал. Как-то пришел в Историческую библиотеку,

хотел записаться. Я не был студентом вуза и не учился по исторической специальности. Мне говорят: «Мы таких не записываем». Я был упорен. В конце концов, в порядке исключения меня записали, и я ходил в библиотеку, брал книжки. Тогда появилась любовь к истории и некие зачатки гуманитарного мышления, которые потом снова прорезались, но уже существенно позже.

Когда я оставил свою работу в Кремле и вернулся к нормальной гражданской жизни, я начал пополнять свое гуманитарное образование. Я чувствовал, что мне очень не хватает гуманитарной культуры, много читал — книги по философии, антропологии и т. д. В общем, по душевному влечению, мое базовое математическое образование в результате собственных усилий дополнилось гуманитарным образованием. Самообразованием, очень не систематичным, но тем не менее.

© Историческая Экспертиза, 2018

Сатаров Георгий Александрович — кандидат технических наук, политический и общественный деятель, аналитик, публицист, социолог, президент Фонда «ИНДЕМ» («Информатика для демократии») (Москва); moskars@mail.ru

С.Э. Вы закончили в МГПИ математический факультет. А потом вы там же преподавали на математическом факультете?

Г.С. Да. Я работал в научно-исследовательской лаборатории МГПИ, но параллельно немножко преподавал высшую математику.

С.Э. А когда вы перешли к социологическим исследованиям? Уже в 1980-х гг. у вас даже была работа «Математические методы и ЭВМ в историко-типологических исследованиях».

Г.С. Была такая, да. Применение математики у меня происходило по самым разным направлениям: социология, психология, история и чего только не было. Политология, естественно.

С.Э. И во время перестройки у вас прорезался общественный темперамент. Вы перешли в политику. Что вас двигало? Как это произошло?

Г.С. Это было совершенно случайно. Главным своим делом я считал фонд прикладных политических исследований ИНДЕМ, который мы вместе с Сергеем Станкевичем создали в 1989 г. Это неслучайно называлось «Информатика для демократии», потому что речь шла как раз о применении математических, компьютерных методов в этой вновь образовавшейся в России сфере под названием «политика». Мы занимались этим с самых разных сторон. А дальше все было абсолютно случайно, поскольку деятельность ИНДЕМа стала приобретать

публичный характер, и в результате появились многочисленные публикации. Меня сначала завлекли на телевидение в качестве «говорящей головы». Потом, в 1993 г., когда формировался новый состав президентского совета, те, кто этим занимался в Кремле, естественно, смотрели на «говорящие головы», предполагая, что, вот, раз они так бойко о чем-то говорят, то, видимо, в этом разбираются. Таким образом я попал в президентский совет и из него в службу помощников президента.

С.Э. Мы все «политологи», все обсуждаем политику. У вас была редкая для ученого возможность смотреть на политику изнутри. Расскажите, какое новое понимание у вас появилось, после того как вы поработали в администрации Ельцина.

Г.С. На самом деле это был действительно очень полезный опыт. Главное понимание заключалось в том, что все гораздо сложнее, чем кажется снаружи. И первая максима, которую я для себя вывел, глядя изнутри уже на все, что там происходит, звучала примерно так: чем выше человек забирается по лестнице власти, тем у него больше ограничений и меньше возможностей. Казалось бы, все должно быть наоборот. Увы, это не так, с ростом ответственности принятия решений естественным образом уменьшается и степень свободы.

Кроме того, все это происходило во время бурного транзита, в чрезвычайно тяжелых условиях. Доля планомерных усилий, когда что-то

задумали, потом план осуществили и т.д., — она была фантастически мала, а гораздо больше была доля реакций на фантастически бурный поток событий, непреднамеренных последствий того, что было сделано раньше. И очень смешно было, конечно, читать и слушать то, что снаружи писали или говорили о том, что происходило внутри. Это был бешеный контраст между реальностью и стандартными публичными интерпретациями происходящего.

И наконец — я это понял, уходя из Кремля, это то, что я был фантастически неподготовлен для этой работы. Не с точки зрения выполнения сугубо штабных обязанностей — тут нас довольно быстро ошкурили и психологически помогли, — а с интеллектуальной точки зрения, с точки зрения понимания происходящего. Правда, такое непонимание было всеобщим. Это осознание глубины интеллектуальной неподготовленности и привело после ухода к тому, что я до сих пор занимаюсь ликвидацией безграмотности.

С.Э. Какие ваши советы и предложения Ельцин принял к действию, а от каких отказался?

Г.С. Было и то, и другое. Отказывался реже, потому что мы очень аккуратно готовили и фильтровали то, что мы предлагали президенту. Ельцин умел доверять, а это значит, что ответственность перекладывалась на тебя. С одной стороны, это комфортно, когда тебе доверяют, а с другой — тяжело из-за ответственности. Из отвергнутого: мы в 1995 г. предлагали Ельцину подумать о не-

которых изменениях в Конституции. Были наработки в службе помощников. Ельцин это отверг начисто, сказал, что не нужно этого трогать, надо сначала освоить то, что есть. Но чаще было согласие. А предложений было довольно много.

С.Э. А из тех предложений, которые Ельцин принял, какие вы сегодня, глядя на их последствия, считаете ошибочными?

Г.С. Крупные ошибки были скорее из непредложенного. Или из того, что было предложено с большим опозданием. Например, реформа бюрократии, которую мы предложили Ельцину в конце 1996-го. Работали замечательные эксперты, подготовили довольно серьезную разработку по реформе правительства. Но план реформы попал в руки к Ельцину уже более слабому — и физически, и политически. Если бы это попало ему в руки, скажем, в 1993 или в начале 1994 г., это было бы актуальнее. А так все завязло. Не хватило сил продавить.

С.Э. А в чем состояла реформа?

Г.С. Начиная с чисто символических вещей: отказаться от понятия «государственная служба» (должна быть «гражданская служба» — бюрократ служит не государству, а гражданам, которые и есть, собственно, государство), — до ряда интересных процедурных вещей и структуры правительства, где предполагался один-единственный вице-премьер. Собственно, идея состояла в том, что должны быть ответственные министерства, а над

министрами не должны висеть еще и вице-премьеры. Ситуация была очень простая: у вице-премьеров был символический властный ресурс, но не было никаких механизмов, включая деньги. А у министров были деньги и механизмы, но не было властного ресурса. И это рождало фантастическую неэффективность. Но даже в 1997 г., когда в правительстве сидели молодые реформаторы, через него не могло пройти предложение, согласно которому в правительстве остается один-единственный вице-премьер.

С.Э. Понятно, сами себя они не могли ликвидировать.

Г.С. И не собирались. Не скрывали этого.

С.Э. Вы тогда уже не состояли в администрации Ельцина, а почему, по-вашему, он остановил свой выбор на Путине?

Г.С. Ну, это чисто случайная вещь, в жизни много подобных. Он ведь после дефолта поменял образ «преемника». Если до дефолта это был молодой, энергичный человек, понимающий в экономике (так сказать, второй Гайдар, реинкарнация Гайдара), то после дефолта была уже другая идея — нужен охранитель, сохраняющий достигнутое. Ельцин начал перебирать людей служивых. И последним в этой цепочке оказался Путин.

С.Э. Сама идея «преемника» соответствует скорее монархическому режиму, чем демократии. Ведь никто такого «монархизма» даже не стеснялся. Это постоянно озву-

чивалось официально и экспертами. Как люди, именовавшие себя «демократами», могли использовать такую терминологию?

Г.С. Ну да. Тут в разных демократических странах различная практика. Есть пример первого президента Соединенных Штатов, который сначала отказался от предложения пожизненной власти и отказался назвать преемника, сказав, что это сделают избиратели. С другой стороны, в тех же США есть практика, когда уходящий президент публично объявляет, что он рекомендует своего вице-президента от своей партии. Но там все-таки выдвигает уже партия. Ельцин (хотя были такие предложения) отказался от идеи создания партии как бы *под себя*. Но важно то, что идея «преемника» — конечно, прежде всего от политической неустойчивости, — обрела персональный характер: действующий президент называет кого-то другого.

С.Э. Судя по вашим публикациям, с 2000 г. вы находитесь в оппозиции к нынешней власти. Расскажите, пожалуйста, о вашей деятельности в период после 2000 г.

Г.С. Наверно, это началось все-таки с Беслана. До Беслана я старался держать позицию такого беспристрастного наблюдателя, ближе к «башне из слоновой кости». Хотя беспристрастность часто может восприниматься как оппозиционность. Это зависит от восприятия, а не от сказанных слов. Я считаю, что после Беслана у человека думающего, у патриота России другого выбора не было.

С.Э. Расскажите о деятельности ИНДЕМа, какие проекты вы там осуществили.

Г.С. Конечно, ИНДЕМ — это дитя революции. Еще умеренной фазы революции, времен Горбачева. Когда-то, примерно с середины 1970-х, в СССР появилась мода на применение математики в совершенно разных сферах. Мне было это очень интересно, и я туда ринулся. В 1973 г. я начал работать на Колмогоровском семинаре по прикладной статистике, где обсуждались, изучались, предъявлялись разные интересные методы анализа того, что вокруг нас происходит в разнообразных сферах. И в том числе формировался опыт применения математических компьютерных методов в сфере политики. Но он прилагался не к Советскому Союзу, потому что у нас политики не было, как известно, а были специалисты по Америке, по Германии и т.д. Вот мы с Сережей Станкевичем изучали американский Сенат, анализировали поименные голосования всякими хитрыми математическими методами, изучали расстановку сил и т.д. И когда в Советском Союзе появилась политика — а это, конечно, 1989 г., Первый съезд народных депутатов, когда начали голосовать по-разному, и на выборах, и в законодательном органе, а это, собственно, и есть главный признак появления политики, — нам в голову пришла идея, что вот тот опыт, который накоплен не только нами, но в рамках этого нашего сообщества, его было бы полезно применить уже для своей страны. Плюс появились законодательные возможности существования незави-

симых исследовательских центров, не под эгидой государства, а просто потому, что так хочется людям, которые это решили делать. Это был один из первых таких опытов, ИНДЕМ на данный момент — самое старое независимое исследовательское образование. Начали работать уже в 1990 г. Пока шел процесс нашей регистрации, мы по предложению Егора Яковлева работали в составе «Московских новостей» как аналитическое подразделение. Применили к нашему Съезду народных депутатов методы, которые мы со Станкевичем разрабатывали для анализа расстановки сил в американском Сенате. Это все было красиво визуализировано, с картинками, изображением политической карты съезда. Это было непривычно, неожиданно, поражало. Потом появился Съезд народных депутатов РСФСР, и мы начали довольно тесно сотрудничать с Верховным советом РСФСР.

После августовского путча предстояли выборы председателя Верховного совета. Ельцин уже стал президентом. До этого не удалось избрать нового председателя, и осенью 1991 г. должно было пройти продолжение съезда. К нам пришли несколько депутатов с вопросом: «А вы могли бы прогнозировать результаты голосования на съезде вот, например, по такой теме?» Мы сделали красивую модель, программку компьютерную. За две недели сделали. И уже в кулуарах съезда прогнозировали голосование по кандидатурам, демонстрируя ее работу. Эта модель еще учитывала такие эффекты, как кандидаты, близкие по своей позиции, отбирают голоса

друг у друга и проигрывают другим, и т. д. И мы показывали заказчикам, что нужно и не нужно делать для того, чтобы прошла их кандидатура или предложение. Был очень интересный эпизод, когда во время очередного закрытого голосования кто-то уже проголосовал, потом подходит несколько депутатов, а у нас прямо в фойе сидит один из наших сотрудников перед компьютером, у него все эти наши красоты и в том числе эта программка, а депутаты уже прослышали, что мы заранее прогнозируем результаты голосования. Подходит группа и один говорит: «Вот, я знаю, как проголосовали 10 человек. А как они у вас проголосовали? Давайте посмотрим по вашему прогнозу». Мы поименно прогнозируем, нет проблем. Он называет фамилии. И что? Депутат говорит: «Вы угадали в девяти случаях из десяти. Десятый — это я. Меня вы не угадали, но я голосовал по таким соображениям, какие ни одна ваша модель учесть не в состоянии».

Потом была моя командировка в Кремль. ИНДЕМ продолжала работать. После моего возвращения несколько обновилась тематика, в том числе мы начали заниматься проблемой коррупции, сделан учебник под названием «Антикоррупционная политика» и т. д.

Сейчас возник довольно неожиданный проект. Эта идея принадлежит Сергею Станкевичу. Она с момента ее зарождения сильно модифицировалась, но общая идея заключалась в том, что нужно писать серьезную историю 1990-х. В итоге это превратилось в довольно масштабный проект, результатом которого должны

стать не только тексты, но и некая исследовательская инфраструктура, исходя из того предположения, что мы не собираемся «закрывать тему». Мы скорее открываем какие-то дополнительные возможности для исторического творчества в этой сфере и создаем информационно-аналитическую инфраструктуру для тех, кто захочет дальше это копать. Потому что даже серьезный коллектив в большом числе томов не исчерпает эту тему.

С. Э. Как идет работа? Что за коллектив?

Г. С. Занимаемся подбором авторов. В редсовете проекта Л. И. Бородин, А. В. Оболонский, Э. А. Паин, Э. Л. Панеях, Ю. С. Пивоваров, Р. Г. Пихоя, А. В. Рубцов, Е. М. Шульман и др. Это, на мой взгляд, все очень интересные и профессиональные люди.

С. Э. То есть к написанию этой работы будут привлечены академические историки?

Г. С. Конечно, и не только историки. Я надеюсь, что о СМИ у нас будут писать Батурин и Федотов, авторы двух знаменитых законов о СМИ. Они не профессиональные историки, но люди, продемонстрировавшие, что могут генерировать нетривиальные интересные тексты.

Речь идет об истории современности — это не Средние века, это даже не история наполеоновских войн и уж тем более не история палеолита. Это то, что происходило и происходит сейчас. Поэтому здесь

нужны не только историки, но и социологи, и антропологи, и культурологи, и экономисты.

С.Э. Есть уже хотя бы примерная структура? Сколько томов, какие разделы?

Г.С. Будет 8 томов, сравнительно небольшого формата. Вот у нас с Ю.М. Батуриным есть образец формата — это Фейнмановские лекции по физике. Мы оба по основному образованию не гуманитарии, поэтому у нас специфические образцы. Сравнительно небольшой формат, который комфортно держать в руках. Первые четыре тома — это достаточно привычная сфера описания: с одной стороны, это то, как происходило, что получилось, что не получалось и почему не получалось в той трансформации, которую люди ждали и которую власть пыталась делать. Это условно можно назвать «историей реформ», но понятно, что слово «реформа» не очень точно описывает происходившее в 1990-е, все гораздо сложнее.

Следующие два тома о том, что происходило с людьми, с обществом, с культурой и т.д., — то, на что обычно в такого рода трудах обращают существенно меньше внимания. И дальше еще два тома. Один из них — подведение итогов по предыдущим томам и попытка объяснения этого времени — мифология времени и прочее. Последний том — приложения.

С.Э. А начинается с какого года?

Г.С. Мы спорили об этом. Если говорить о достаточно подробном из-

ложении, то, конечно, с Горбачева. А если говорить о такой небольшой исторической подкладке, то мы начинаем со смерти Сталина. Заканчиваем примерно 2003 г. По нашему убеждению, та инерция, которая была задана эпохой Ельцина, закончилась примерно в 2003 г.

С.Э. Были знаковые события?

Г.С. Ключевое — дело ЮКОСа, а *выдыхаться* начало еще раньше. Работа планируется на 2018 и 2019 гг. Хотим выпустить все сразу.

С.Э. А какие документы будут использоваться в качестве источников?

Г.С. Ну, во-первых, конечно, статистика. И это очень нетривиально. Не случайно существует выражение: «есть ложь, большая ложь и статистика». Тут виновата не статистика сама по себе, а ее вульгарное применение. Или недобросовестное. Мы хотим сделать банк статистических данных, который своим устройством и своим содержанием постарается минимизировать такой ущерб. Второе — это очень большой банк социологических данных о том времени. Третье — объемная библиография — у нас сейчас больше 10 000 наименований — где все будет тематически структурировано. Уже сейчас примерно к половине из этих текстов существует доступ онлайн.

С.Э. Все это оцифровано и выложено у вас на сайте?

Г.С. Нет, пока это то, что уже оцифровано помимо нас. Мы хотим

сделать хронологию ресурсом, а не просто упорядоченным по времени списком событий. У нас будут воспоминания граждан. Мы начали этот проект, потому что очень хочется постепенно избавляться от истории страны как истории царей. Это история жизни людей. Особенно когда речь идет об истории современности и есть живые свидетели. Пусть живые свидетели и поучаствуют.

Будет большой корпус политических текстов, тех, которые появлялись в это время. Это все должно стать публичными, открытыми ресурсами. Заказчик всего этого — Президентский центр Ельцина.

С.Э. Давайте поговорим о мемуарах, это тема памяти. У вас на сайте доступны более 50 текстов. Вы их специально заказывали или где-то находили уже написанные тексты? Каким образом будет формироваться эта база в дальнейшем?

Г.С. Мы ничего не заказывали, а просто предлагали писать и присылать. 50 — это фантастически мало, нам нужно тысяч пять как минимум. Информация о проекте с предложением писать пока распространяется через Интернет, без разрешения авторов ничего не размещаем. У некоторых были тексты, написанные заранее. Кто-то пишет дневники, кто-то для потомков и т. д. Это все можно сделать источником серьезного анализа. Ничего не может служить причиной отказа в приемке текста, кроме того, что является нарушением закона.

С.Э. Но тут вопрос: ваш Фонд и Центр Ельцина имеют выра-

женную идеологическую окраску, по крайней мере в восприятии публики. Не получится ли, что будут присылать вам воспоминания люди, которые 1990-е гг. оценивают в положительном контексте? Не получится ли тенденциозная подборка? Даже без особого отбора.

Г.С. Есть такой опыт. Знаю от коллег из МГУ, что наша давняя книга «Эпоха Ельцина» была рекомендована студентам и аспирантам как объективная. Для нас, бывших ельцинских помощников, это было лучшим подарком. При известном академическом навыке можно постараться избежать политической ангажированности.

С.Э. Сейчас многих тревожит, что апология Сталина не столько идет сверху, но и у простых людей нарастают просталинские настроения. У меня создается впечатление, что этот «народный сталинизм» на самом деле не порожден одобрением сталинских репрессий. Когда проводят опросы, большинство — за Сталина, но когда спрашивают: «А вы бы хотели жить в то время?» — большинство отвечают отрицательно. То есть это трудно назвать «сталинизмом» в прямом смысле. Развал Советского Союза, проблемы, которые возникли в связи с этим, гонения русскоязычного населения в бывших советских республиках, экономические проблемы на территории самой России — это была серьезная травма. Она, конечно, не сопоставима со сталинскими репрессиями, но она прошла по тем людям, которые живы

сейчас. Нельзя ли объяснить «народный сталинизм» этой травмой, которая не осмысливается, т.е. о ней почти ничего не говорится? Люди не имеют своего языка для разговора на эту травматическую тему и прибегают к «замещению»?

Г.С. Всегда, в любой исторический отрезок времени есть люди, которые не довольны тем, что происходит в данный момент, и очень часто — если не всегда — ищут примеры в прошлом. Даже в самые романтические периоды, вроде времен Великой французской революции, искали примеры в прошлом. Это естественно.

С.Э. Может быть, ваш проект мемуаров поможет людям как-то выговорить эту травму, чтобы они нашли язык для ее проговаривания? И это поможет снять проблемы, существующие сегодня в нашем обществе?

Г.С. Трудно сказать. Станет ясно, когда корпус текстов будет побольше, они будут репрезентативны и можно будет начать делать ка-

кие-то выводы. С другой стороны, должна быть какая-то обратная связь от этого корпуса текстов к читателям. Но это уже наша функция: обнаружить явление, если оно действительно есть, и донести его до общества. Вы знаете, что после Второй мировой войны Т. Адорно в Штатах реализовывал проект под названием «Авторитарное сознание». Я напому, что по прямому смыслу Венской школы, откуда пошло это название «авторитарный режим», «авторитарное сознание» — это фашистское сознание. И он искал признаки, факторы на американских гражданах, в стране-победителе, и нашел их, естественно. Проект, который мы задумали очень давно — уже 20 лет этой задумке, еще не реализованной, — называется «Соблазны авторитаризма». То есть как зараза попадает в мозги. Мы хотим авторитаризм изучать не с точки зрения его преступлений и мерзостей, а наоборот — с точки зрения привлекательности, как он овладевает сознанием. И я надеюсь, что в ближайшие годы удастся этот проект тоже реализовать.

"THERE IS A NEED TO WRITE A SERIOUS HISTORY OF THE 90'S".

Interview with G. A. Satarov

Satarov Georgy A. — candidate of technical sciences, analyst, publicist, sociologist, President of the INDEM Foundation (Informatics for democracy) (Moscow)

Key words: Yeltsin, Yeltsin era, modern history, political expertise, public opinion, methods of exact sciences in the humanities.

Abstract. A well-known political scientist, sociologist and publicist who has direct experience of working in the state structures in the 1990s, recalls the Yeltsin era and talks about a project on writing its history.

ТРЕБОВАНИЯ К ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ

Принимаются к рассмотрению оригинальные, ранее не публиковавшиеся тексты на русском и английском языках, объемом не более 1 а. л. Объем публикуемых рецензий не должен превышать 0,5 а. л. Тексты представляются в электронном виде (шрифт текста Times New Roman, 12 кеглем, сноски – 10 кеглем).

Обязательным является указание фамилии, имени и отчества (на русском и английском языках), места работы или учебы в аспирантуре/докторантуре, ученого звания и степени, адреса электронной почты и номера контактного телефона.

Тексты статей должны быть снабжены аннотацией на русском и английском языках (не менее 150–200 слов), перечнем ключевых слов (10–15), указанием индекса УДК (универсальной десятичной класси-

фикации), который приводится над фамилией автора слева.

Сноски к тексту – постраничные, нумерация сквозная по всему тексту. Текст не должен быть форматирован, нельзя использовать автоматические переносы слов.

Библиографический аппарат разделяется на три списка:

- 1) Источники и материалы
- 2) Научная литература
- 3) References

Ссылки на литературу в тексте даются посредством указания фамилии автора и года работы в скобках, при этом номер страницы отделяется двоеточием, а фамилия автора выделяется курсивом (*Петров* 1998: 25). Подробно о правилах оформления библиографии и внутритекстовых ссылок см.: <http://istorex.ru/rules.html>